

Über dieses Buch

Dies ist ein digitales Exemplar eines Buches, das seit Generationen in den Regalen der Bibliotheken aufbewahrt wurde, bevor es von Google im Rahmen eines Projekts, mit dem die Bücher dieser Welt online verfügbar gemacht werden sollen, sorgfältig gescannt wurde.

Das Buch hat das Urheberrecht überdauert und kann nun öffentlich zugänglich gemacht werden. Ein öffentlich zugängliches Buch ist ein Buch, das niemals Urheberrechten unterlag oder bei dem die Schutzfrist des Urheberrechts abgelaufen ist. Ob ein Buch öffentlich zugänglich ist, kann von Land zu Land unterschiedlich sein. Öffentlich zugängliche Bücher sind unser Tor zur Vergangenheit und stellen ein geschichtliches, kulturelles und wissenschaftliches Vermögen dar, das häufig nur schwierig zu entdecken ist.

Gebrauchsspuren, Anmerkungen und andere Randbemerkungen, die im Originalband enthalten sind, finden sich auch in dieser Datei – eine Erinnerung an die lange Reise, die das Buch vom Verleger zu einer Bibliothek und weiter zu Ihnen hinter sich gebracht hat.

Nutzungsrichtlinien

Google ist stolz, mit Bibliotheken in partnerschaftlicher Zusammenarbeit öffentlich zugängliches Material zu digitalisieren und einer breiten Masse zugänglich zu machen. Öffentlich zugängliche Bücher gehören der Öffentlichkeit, und wir sind nur ihre Hüter. Nichtsdestotrotz ist diese Arbeit kostspielig. Um diese Ressource weiterhin zur Verfügung stellen zu können, haben wir Schritte unternommen, um den Missbrauch durch kommerzielle Parteien zu verhindern. Dazu gehören technische Einschränkungen für automatisierte Abfragen.

Wir bitten Sie um Einhaltung folgender Richtlinien:

- + *Nutzung der Dateien zu nichtkommerziellen Zwecken* Wir haben Google Buchsuche für Endanwender konzipiert und möchten, dass Sie diese Dateien nur für persönliche, nichtkommerzielle Zwecke verwenden.
- + *Keine automatisierten Abfragen* Senden Sie keine automatisierten Abfragen irgendwelcher Art an das Google-System. Wenn Sie Recherchen über maschinelle Übersetzung, optische Zeichenerkennung oder andere Bereiche durchführen, in denen der Zugang zu Text in großen Mengen nützlich ist, wenden Sie sich bitte an uns. Wir fördern die Nutzung des öffentlich zugänglichen Materials für diese Zwecke und können Ihnen unter Umständen helfen.
- + *Beibehaltung von Google-Markenelementen* Das "Wasserzeichen" von Google, das Sie in jeder Datei finden, ist wichtig zur Information über dieses Projekt und hilft den Anwendern weiteres Material über Google Buchsuche zu finden. Bitte entfernen Sie das Wasserzeichen nicht.
- + *Bewegen Sie sich innerhalb der Legalität* Unabhängig von Ihrem Verwendungszweck müssen Sie sich Ihrer Verantwortung bewusst sein, sicherzustellen, dass Ihre Nutzung legal ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass ein Buch, das nach unserem Dafürhalten für Nutzer in den USA öffentlich zugänglich ist, auch für Nutzer in anderen Ländern öffentlich zugänglich ist. Ob ein Buch noch dem Urheberrecht unterliegt, ist von Land zu Land verschieden. Wir können keine Beratung leisten, ob eine bestimmte Nutzung eines bestimmten Buches gesetzlich zulässig ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass das Erscheinen eines Buchs in Google Buchsuche bedeutet, dass es in jeder Form und überall auf der Welt verwendet werden kann. Eine Urheberrechtsverletzung kann schwerwiegende Folgen haben.

Über Google Buchsuche

Das Ziel von Google besteht darin, die weltweiten Informationen zu organisieren und allgemein nutzbar und zugänglich zu machen. Google Buchsuche hilft Lesern dabei, die Bücher dieser Welt zu entdecken, und unterstützt Autoren und Verleger dabei, neue Zielgruppen zu erreichen. Den gesamten Buchtext können Sie im Internet unter <http://books.google.com> durchsuchen.

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

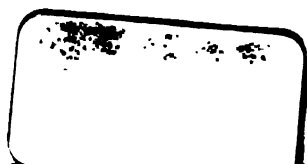
We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Per. 278975 d. 80

ОТЪЧЕСТВЕННЫЯ
ЗАПИСКИ,

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

АНДРЕЕМЪ КРАЕВСКИМЪ.

Beatae plane aures, quae non
vocem foris sonantem, sed intus
auscultant veritatem docentem.
Gersonius.

ТОМЪ XXXVI.

САМЫЙ ПЕРВЫЙ ЧИСТОЙ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ И. ГЛАЗУНОВА И К°.

1844.

Печатать по-зволется. С. Петербургъ, 30 августа 1844.
Ценсоры А. Никитинъ и С. Кутора.

ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ МАРТИНА ЧОДЗЛЬВИТА.

Романъ Чарльса Диккенса.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ГЛАВА I.

Нѣчто о родословной фамилии Чодзльвитовъ.

Такъ-какъ ни одинъ джентльменъ и ни одна дама, имѣющая какое-нибудь притязаніе на утонченное воспитаніе, не могутъ питать сочувствія къ фамилии Чодзльвитовъ, не убѣдившись напередъ въ необычайной древности этого почтеннаго рода — мы на первый случай постараемся успокоить публику извѣстіемъ, что Чодзльвиты несомнѣнно происходятъ по прямой линіи отъ Адама и Евы, и что, съ самыхъ отдаленныхъ временъ, земледѣльческіе вопросы имѣли для нихъ большую занимательность. Еслибъ нашлись люди злонамѣренные и завистливые, которые стали бы увѣрять, что нѣкоторые изъ членовъ этой фамилии, въ разные періоды ея исторіи, были слишкомъ заражены аристократическою гордостью, мы, конечно, тому не удивимся: слабость этого рода, основанная на преимуществѣ древности происхожденія Чодзльвитовъ предъ остальнымъ человечествомъ, кажется намъ не только недостаткомъ порицанія, но и весьма-извинительною.

Лѣтописи всѣхъ древнѣйшихъ известныхъ намъ семействъ непремѣнно заключаютъ въ себя сказанія о появлявшихся въ нихъ въ разные эпохи разбойникахъ и смертоубійцахъ, и чѣмъ древнѣе родъ, тѣмъ болѣе бывало въ исторіи его случаевъ насилія и злодѣяства; а въ древнія времена, два эти развлечения, заключающія въ себя полезныя для здоровья возбуждательныя средства и удобство поправлять разстроенное состояніе, были въ большомъ обыкновеніи у сильныхъ нашего отечества. Съ невыразимымъ удовольствіемъ сообщаемъ нашимъ читателямъ увѣренность, что и Чодзльвиты не хуже другихъ, въ разные періоды исторіи Англіи, двѣ-

тельно занимались кровопролитными заговорами и кровавыми драками.

Не подвержено ни малѣйшему сомнѣнію, что по-крайней-мѣрѣ одинъ Чодзльвитъ перешелъ въ Англію съ Вильгельмомъ-Завоевателемъ. Известно также и то, что ни одинъ изъ членовъ этой фамиліи не отличался обладаніемъ большихъ помѣстій, хотя щедрый Норманъ и не скупился въ раздачу земель своимъ сподвижникамъ и любимцамъ—добродѣтель, весьма-обыкновенная у великихъ людей, когда они ищють случай дарить то, что принадлежитъ другимъ.

Въ этомъ мѣстѣ, исторія нашего отечества можетъ приостановиться, чтобъ поздравить себя съ огромнымъ количествомъ храбрости, мудрости, краснорѣчія, добродѣтелей, знатности и истиннаго благородства, доставшихся Англіи отъ вторженія Нормановъ: обо всѣхъ этихъ вещахъ генеалогіи каждой древней фамиліи разсуждаютъ такъ умно и справедливо, что длинные ряды блестящихъ и рыцарскихъ потомковъ имѣють полное право гордиться своимъ происхожденіемъ, хотя бы даже Вильгельмъ-Завоеватель и былъ Вильгельмомъ-Завоеваннымъ: обстоятельство это, какъ достоверно известно, не сдѣлало бы тутъ большой разницы.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Чодзльвиты были замѣшаны въ знаменитомъ пороховомъ-заговорѣ, да едва-ли и самъ архи-измѣнникъ Гюй Фаукесъ не былъ отпрыскомъ этого замѣчательнаго древа. Такая догадка отчасти подтверждается насльдственными вкусами членовъ этой фамиліи: многіе Чодзльвиты, потерпѣвъ неудачи въ другихъ предпріятіяхъ и не имѣя ни малѣйшей надежды разбогатѣть, привыкаль торговать углемъ безъ всякой видимой причины; многіе изъ нихъ, цѣлые мѣсяцы сряду, мрачно сидѣли надъ небольшимъ запасомъ угля, не торгуясь ни съ однимъ покупщикомъ.

Но приведемъ другое доказательство, которое должно убѣдить самаго невѣрующаго скептика въ соотношеніяхъ фамиліи Чодзльвитовъ съ однимъ изъ достопамятѣйшихъ событій англійской исторіи.

Нѣсколько лѣтъ назадъ, одинъ изъ самыхъ почтенныхъ и безукоризненныхъ членовъ этой древней фамиліи имѣль у себя темный фонарь самой несомнѣнной древности, фонарь еще-болѣе замѣчательный тѣмъ, что видомъ и строеніемъ своимъ онъ весьма походилъ на фонари, употребляемые въ нынѣшнія времена. Достойный джентльменъ, въ-послѣдствіи умершій, готовъ былъ во всякое время присягнуть, что онъ часто слыхаль, какъ его бабушка, разсматривая съ почтеніемъ эту фамильную рѣдкость, говорила: «Да, да! этотъ фонарь былъ у моего четвертаго сына пятаго ноября, когда онъ былъ Гюйемъ Фаукесомъ!» Такое замѣчательное изреченіе, какъ и должно было ожидать, глубоко запечатлѣлось въ памяти почтеннаго джентльмена, и онъ имѣль привычку повторять его весьма-часто. Истинное истолкованіе этихъ словъ и заключеніе, къ которому они ведутъ, должны восторуже-

ствовать надъ всякимъ сомнѣніемъ. Почтенная старушка, нѣкогда весьма-умная, была между-тѣмъ очень-слаба и видимо угасала, а потому часто сбивалась въ рѣчахъ и идеяхъ, къ чему обыкновенно приводитъ дряхлость, хотя свѣтлому уму, съ маленькими комментаріями и исправленіями, и нетрудно попасть на настоящую стезю. «Да, да» говаривала она, и въ этихъ двухъ изреченіяхъ нѣтъ никакой замѣтной несообразности: «да, да! фонарь этотъ носилъ мой прадедъ» — тутъ уже не четвертый сынъ, что было бы гораздо-послѣ, а прадедъ, — «пятого ноября, а онъ былъ Гий Фаукесъ.» Приведенный здѣсь анекдотъ выводитъ насъ изъ всякаго недоразумѣнія; онъ такъ сообразенъ съ обстоятельствами, что его даже не стоило бы приводить въ оригиналъ, еслибъ онъ не доказывалъ, до чего можетъ дойти, при маленькомъ усиліи, приложенномъ не только къ исторической прозѣ, но даже къ выдумкамъ воображенія, замысловатость порядочнаго комментатора.

Многіе говорили, что въ новѣйшія времена незамѣтно, чтобъ кто-нибудь изъ Чодальвиттовъ былъ въ хорошихъ сношеніяхъ съ людьми сильными и важными. Но это только злая выдумка праздныхъ и завистливыхъ умовъ, потому-что и теперь у разныхъ членовъ этой фамиліи хранятся письма, изъ которыхъ ясно видно, что нѣкто Диггори Чодальвитъ имѣлъ обыкновеніе обѣдать ежедневно у герцога Гомфри. Онъ былъ такимъ постояннымъ гостемъ за столомъ этого вельможи, что гостепримство и сообщество его милости были ему даже нѣсколько въ тягость; въ письмахъ къ друзьямъ, онъ часто пишетъ, что если они не сдѣлаютъ черезъ сего подателя того-то или того-то, то ему ничего больше не останется, какъ снова обѣдать у герцога Гомфри: выраженія его всегда отличались изысканностью и разборчивостью, что ясно обнаруживаетъ привычку жить въ знатныхъ и утонченныхъ обществахъ.

Носились также слухи, и не нужно доказывать, что они имѣютъ начало въ томъ же низкомъ источникѣ, будто одинъ мужескаго пола Чодальвитъ, котораго рожденіе покрыто нѣкоторымъ мракомъ неизвѣстности, былъ человекъ весьма-низкаго происхожденія. Но чѣмъ это доказать? Когда сынъ того, кому предполагалась извѣстная тайна рожденія его отца, лежалъ на смертномъ одрѣ, ему предложили формально, ясно и торжественно слѣдующій вопросъ: «Тоби Чодальвитъ, кто былъ твой дѣдъ?» Онъ, при последнемъ издыханіи, не менѣе торжественно, ясно и отчетливо отвѣчалъ: «лордъ Но-Зу». Можно сказать, и даже было сказано (потому-что человѣческая злость не имѣетъ предѣловъ), что такихъ лордовъ не существуетъ, и что между титулами угасшихъ фамилій нѣтъ ни одного не только подобнаго, но даже похожаго на него... Но что же изъ этого слѣдуетъ? Отбрасывая теорію нѣкоторыхъ благонамѣренныхъ людей, которые, судя по имени, выводятъ, что дѣдомъ Тоби былъ мандаринъ, — развѣ трудно понять, что мастеръ Тоби Чодальвитъ или получилъ свое имя отъ отца искаженнымъ, или забылъ его, или не такъ его выговорилъ? и что даже

въ новѣйшія времена Чодальвиты имѣли геральдическое сношеніе (съ лѣвой стороны) съ какимъ-нибудь неизвѣстнымъ знатнымъ домомъ.

Изъ хранящихся въ фамиліи документовъ ясно, что въ болѣе близкую къ намъ эпоху Диггори Чодальвита, о которомъ мы говорили выше, одинъ изъ членовъ ея достигъ большого богатства и вліянія. Перышились къ избѣжавшихъ губительнаго дѣйствія моли отрывкахъ его корреспонденціи, находимъ, что онъ постоянно упоминаетъ о дядѣ, отъ котораго онъ ожидалъ весьма-многого, потому-что старался снискать его благосклонность приношеніями серебра, посуды, драгоценныхъ вещей, книгъ, чаею и тому подобнаго. Такимъ образомъ, онъ пишетъ однажды къ своему брату, относительно ерусной ложки, принадлежавшей этому брату, и которую онъ, Диггори, у него заваялъ или приобрылъ другими средствами: «Не сердись, что я разстался съ нею—она у дяди». Въ другомъ случаѣ онъ выражается въ томъ же родѣ о какой-то серебряной вещи, которую ему поручили отдать въ починку. Потомъ опять: «Я уже отдалъ дядюшкѣ все, что у меня было». О томъ, что онъ имѣлъ привычку дѣлать весьма-постоянные и продолжительныя посвященія къ своему дядѣ, явствуетъ изъ слѣдующихъ строкъ: «За исключеніемъ той пары платья, которая теперь на мнѣ, весь мой гардеробъ у дяди». Въ доказательство того, что онъ былъ особою важною, племянникъ упоминаетъ: «Съ нимъ на бездѣлкахъ не сладишь! Какъ онъ интересуется! Это ужасно! да какъ онъ горды!» И не смотря на то, незаметно, чтобъ почтенный джентльменъ доставилъ своему племяннику какое-нибудь доходное мѣсто при дворѣ или по службѣ.

Кажется, нечего больше приводить случаевъ, изъ которыхъ бы можно было заключить о важности и положеніи въ свѣтѣ Чодальвитовъ, въ разные періоды ихъ исторіи. Еслибъ это было нужно, то можно нагромождать цѣлыя горы такихъ доказательствъ, которыя раздавили бы всякаго невѣрующаго. Присовокупимъ въ заключеніе, что многіе члены этой фамиліи, какъ мудскаго, такъ и жельскаго пола, упоминаютъ въ дружеской перепискѣ между собою о прекрасныхъ дѣбахъ, посахъ и подбородкахъ, которыми украшались лица многихъ изъ нихъ. А ничего нѣтъ достовернаго, что эти феномены, въ-особенности безукоризненно-правильные носы, суть необходимая принадлежность людей знатной породы.

Исторія, къ полному ея удовольствію, а слѣдственно и къ удовлетворенію читателей, уже доказала, что Чодальвиты имѣли происхожденіе, достаточно-важное для того, чтобъ жалать болѣе близкаго съ ними знакомства, и что они достаточно-дѣятельно участвовали въ распространеніи и размноженіи рода человеческого. Теперь исторія довольствуется двумя общими замѣчаніями: во-первыхъ, не признавая даже теоріи Монбоддо, будто-бы человѣческій родъ происходитъ отъ обезьянъ, можно доставить себѣ удовольствіе, что люди

склонны къ странному прозяканью; а во-вторыхъ, не забывая въ теорію Блуменбаха, доказывающаго, что потомки Адама имѣютъ много качествъ особенно свойственныхъ свиньямъ, предпочтительно передъ всѣми другими животными. — Читатели увидятъ, что некоторые люди отличаются особенною заботливостью о самихъ-себѣ.

ГЛАВА II,

въ которой читателю представляются некоторые особы, съ которыми, если угодно, онъ можетъ короче ознакомиться.

Была уже глубокая осень, когда заходящее солнце, пробиваясь сквозь туманъ, господствовавшій въ-продолженіе всего дня, проглянуло на маленькую Уилтширскую деревню, находящуюся въ небольшомъ разстояніи отъ добраго стараго города Сэлisbury.

Подобно внезапному проблеску памяти въ умѣ старика, оно разлило свѣтъ на окрестную страну, которая снова зазеленѣла молодостью и свѣжестью. Мокрая трава заблестала; скудные остатки зелени, разбросанные мѣстами и храбро противившіеся самовластному вліянію вѣтриковъ и раннихъ морозовъ, оживились; ручеекъ, пасмурный въ-продолженіе цѣлаго дня, развеселился улыбкою, и птицы защелкали на обнаженныхъ сучьяхъ, какъ-будто воображая, что зима уже прошла и снова настала весна. Флюгеръ шпильца старой церкви заблесталъ сочувствіемъ ко всеобщей радости, и отътенныя ивами окна отразили такіе отблески свѣта, какъ-будто въ старомъ строеніи заперто теплоты и свѣта на двѣдцать жаркихъ дѣтъ.

Даже въ признаки послѣдняго времени года, которые наиболѣе напоминали о приближающейся зимѣ, украшали ландшафтъ и не затмивали его живыхъ чертъ своимъ скучнымъ вліяніемъ. Павшіе листья, которыми земля была устлана, издавали пріятный запахъ и слышались отдаленный шумъ колесъ и конскаго топота. На неподвижныхъ вѣтвяхъ некоторыхъ деревьевъ висѣли остатки осеннихъ плодовъ и ягодъ; другія, украшенные небольшими клочками покраснѣвшихъ и увядшихъ листьевъ, спокойно ожидали ихъ отпаденія; около иныхъ лежали груды спесенныхъ вѣтромъ и свалившихся яблоковъ, тогда-какъ другія, вѣчно-зеленыя, стояли сурово и пасмурно, какъ-будто напоминая, что природа даритъ долготрѣвностью не веселыхъ и чувственныхъ своихъ любимцевъ, а созданія болѣе суровыя и могучія. А между-тѣмъ, красныя лучи уходящаго солнца пробивались свѣтлыми путями сквозь мрачныя ихъ вѣтви, какъ-будто не желая лишити и ихъ своихъ прощальныхъ отблесковъ.

Черезъ минуту все померкло; солнце закатилось за длинныя темныя полосы облаковъ, скопившихся на западномъ горизонтѣ; свѣтъ

исчезъ: старая церковь сдѣлалась по-прежнему мрачною и холодною; ручеекъ пересталъ улыбаться, птицы замолкли, в пасмурность наступающей зимы надъ всѣмъ воцарилась.

Задулъ вечерній вѣтеръ, и легкіе высохшіе сучья затрещали подъ его скучные напѣвы; увядшіе листья посыпались съ деревьевъ, спасаясь отъ холоднаго преслѣдованія; земледѣлецъ выпрягъ лошадей пѣз плуга и, повѣсивъ голову, отправился съ ними домой; огоньки заблестали въ окнахъ деревни.

Тогда-то явилась во всемъ сіяніи деревенская кузница: веселые мѣха дули на огонь во всѣ щели; раскаленное желѣзо разсыпало вокругъ себя искры; сильный кузнецъ со своими дюжими помощниками отпускалъ своей работѣ такіе удары, что самой темной ночи было бы любо смотреть, а дюжина дѣвокъ, собравшихся у входа, гляѣла съ такимъ наслажденіемъ, какъ-будто природа создала ихъ собственно для того, чтобъ онѣ торчали вокругъ пылающаго горна какъ столбы.

Наконецъ, сердито заревѣлъ вѣтеръ. Ворвавшись въ кузницу, онъ закрутилъ искры въ горнѣ и привялся раздувать пламя, какъ-будто соперничествуя съ мѣхами; съ воемъ вынесъ онъ изъ трубы миллионы искръ, и такъ качнулъ старую вывѣску, красовавшуюся надъ дверьми сосѣдняго кабачка, что нарисованный на ней синій драконъ присмирѣлъ больше обыкновеннаго. Увядшіе листья вмѣстѣ съ опилками и стружками изъ ближняго пильнаго сарая закружились въ воздухъ и дико понеслись между домами, вторгаясь на пути въ открытыя окна и стѣны. Но злѣе всего вѣтеръ подшутилъ надъ мастеромъ Пекснифомъ, когда онъ отворялъ дверь, чтобъ войти въ домъ свой: лишь-только мастеръ Пекснифъ успѣлъ пріотворить дверь, вѣтеръ дунулъ въ нее съ такою силою, что она ударила почтеннаго джентльмена въ лобъ, и онъ въ одно мгновеніе ока растянулся у крыльца; въ то же самое время, найдя заднюю дверь отворенною, сквозной порывъ погасилъ свѣчу, бывшую въ рукахъ миссъ Пекснифъ, и потомъ, какъ-будто радуясь своей продѣлкѣ, закрутился далѣе, черезъ стѣны и луга, по холмамъ и полямъ.

Въ то же время мастеръ Пекснифъ, ударившись головою объ уголъ ступени своего крыльца, лежалъ недвижно на улицѣ, вытаращивъ глаза на свою дверь; полученный имъ ударъ былъ изъ тѣхъ, которые зажигаютъ цѣлую аллюминацію искръ въ глазахъ несчастливцевъ, которымъ они достаются, вѣроятно для ихъ развлечения. Должно быть, что дверь дома имѣла наружность болѣепоучительную, нежели обыкновенныя двери, потому-что онъ лежалъ передъ нею и созерцалъ ее необычайно-долго, не думая справиться, ушибся онъ, или нѣтъ. Онъ не откланялся даже на рѣзкій окликъ миссъ Пекснифъ, прозвительно закричавшей въ замочную скважину: «кто тамъ?», ни даже, когда миссъ Пекснифъ, пріотворивъ дверь и заслоня свѣчу отъ вѣтра рукою, оглядыва-

лась на всѣ стороны, онъ не сдѣлалъ никакого замѣчанія и даже не показалъ ни малѣйшаго признака желанія быть поднятымъ.

— Это ты! кричала миссъ Пексниффъ мнимому шалуноу, котораго она подозрѣвала въ преднамѣренномъ ударѣ въ дверь: — ужь тебѣ за это достанется!

Но мастеръ Пексниффъ, можетъ-быть потому, что ему уже значительно «досталось», не отвѣчалъ ничего.

Сказавъ нѣсколько словъ о констаблѣ и висельницѣ, миссъ Пексниффъ хотѣла уже снова затворить дверь, какъ отецъ ея, приподнявшись на одинъ локоть, охнулъ.

— Его голось! вскричала миссъ: — батюшка!

При этомъ восклицаніи, другая миссъ Пексниффъ выскочила изъ комнаты, и обѣ, общими усиліями, поставили несчастнаго джентльмена на ноги.

— Па! кричали онъ въ голось. — Па! говорите же, па! да не смотрите такъ дико, милый па! (*)

Но такъ-какъ, въ положеніи мастера Пексниффа, ни одинъ джентльменъ не въ состояніи владѣть выраженіемъ своей физиономіи, то и онъ продолжалъ столтъ съ разинутымъ ртомъ и вытаращенными глазами; шляпа съ него свалилась, лицо было блѣдно, волосы стояли дыбомъ, платье въ грязи — словомъ, вся наружность его была такъ жалка, что обѣ дочери невольно вскрикнули.

— Ну! простоналъ онъ: — теперь мнѣ лучше!

— Онъ приходитъ въ себя! вскричала младшая миссъ.

— Онъ заговорилъ! воскликнула старшая.

Съ этими радостными словами, обѣ принялись цаловать щеки мастера Пексниффа и втащили его въ домъ. Послѣ этого, младшая дочь выбѣжала на улицу, подобрала растерянные отцомъ ея во время паденія шляпу, узелокъ, зонтикъ, перчатки, и проч., и наконецъ, затворивъ дверь, обѣ дочери принялись разсматривать раны и ушибы своего отца. И то и другое не было опасно: почтенный джентльменъ ссадилъ себѣ локти и колѣни и получилъ около затылка новый органъ, неизвѣстный черепословамъ. Помогши этимъ ушибамъ наружными средствами и успокоивъ мастера Пексниффа стаканомъ крутаго грока, старшая дочь начала разливать чай, а младшая принесла изъ кухни дымящееся блюдо съ бараниной и яйцами, а потомъ усѣлась на низкомъ стулѣ подлѣ отца, такъ-что глаза ея были наравнѣ съ столомъ.

Изъ этого скромнаго положенія не должно еще выводить, чтобъ младшая миссъ Пексниффъ была такъ молода, чтобъ ей ужь и нельзя было сидѣть на обыкновенномъ стулѣ по короткости ногъ: она сѣла на маленькій стулъ потому, что ея простодушіе и невинность необычайны; она сдѣлала это такъ, изъ игривости, изъ дѣт-

(*) *Pa*, сокращенное *papa* и *pata*, вмѣсто *tata*, въ общемъ употребленіи въ англійскихъ семействахъ. *Примѣч. переводчика*,

ской шаловливости, изъ милой рѣзвости. Трудно вообразить себѣ существо болѣе-наивное и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе-плутоватое; она была такъ свѣжа и такъ безыскусственна, что никогда не носила гребенокъ, ни завивала, ни расчесывала, ни расплетала своихъ волосъ: она просто носила ихъ въ сѣткѣ, изъ-подъ которой они вырывались своенравными локонами. Станъ ея былъ немножко-полноватъ и достигъ уже совершеннаго развитія, а между-тѣмъ иногда — и какъ же это было мило! — она нашивала фартучекъ. О! младшая миссъ Пексниффъ была дѣйствительно «чудесная штучка», какъ ее назвалъ одинъ молодой провинціальный поэтъ въ стихахъ своихъ.

Самъ мастеръ Пексниффъ былъ человекъ весьма-нравственный, человекъ серьезный, съ высокими чувствами и рѣчами: онъ назвалъ свою младшую дочь Мёрси, т. е. Жалость, и ужь конечно для такого чистосердечнаго существа трудно бы было придумать имя болѣе къ-лицу. Имя сестры ея было Чёрити, т. е. Милосердіе, и также шло къ ней очень-хорошо: ея проникательный, здравый разумокъ, кроткая, но не сердитая важность, составляли самую очаровательную противоположность съ живостью и рѣзвостью младшей сестры. И эти противоположности сходились довольно-часто, невольно, почти безъ вѣдома обѣихъ сестеръ.

Было уже замѣчено, что мастеръ Пексниффъ былъ человекъ необычайно-нравственный, особенно на словахъ и въ перепискѣ. Въ этомъ примѣрномъ человекѣ, было больше добродѣтельныхъ правилъ, нежели въ прописяхъ любого учителя чистописанія. Нѣкоторые, правда, сравнивали его съ придорожнымъ столбомъ, который только указываетъ дорогу, а самъ по ней не ходитъ; но чего не выдумаютъ зависть и вражда! Онъ всегда носилъ низенькій бѣлый галстухъ, котораго узла не видалъ ни одинъ смертный, потому-что онъ завязывался сзади, и выпускалъ длинные, туго-накрахмаленные рубашечные воротнички. Волосы съ просьбью онъ зачесывалъ кверху, былъ полонъ, но не толстъ, сладокъ и масленъ въ приѣмахъ и обращеніи. Словомъ, вся его наружность, не выключая чернаго фрака, вдовства и болтавшася на ленточкѣ двойнаго лорнета — все невольно вызывало восклицаніе: «что за нравственный человекъ мастеръ Пексниффъ!»

Мѣдная дощечка на дверяхъ объявляла проходящимъ, что здѣсь живетъ «Пексниффъ, архитекторъ»; на карточкахъ своихъ онъ прибавлялъ «и землемѣръ». Правда, никто не могъ припомнить, чтобъ мастеръ Пексниффъ что-нибудь выстроилъ или вымѣрилъ, но познанія его въ этихъ предметахъ не приводили никого въ сомнѣніе.

Главныя, если не исключительныя занятія мастера Пексниффа состояли въ томъ, что онъ бралъ къ себѣ на воспитаніе юношество; онъ имѣлъ особенный талантъ отыскивать доверчивыхъ родителей и опекуновъ молодыхъ людей, которые въ состояніи хорошо платить. Получивъ задатокъ съ молодаго человека и при-

нявъ его въ свой домъ, г-нъ Пексниффъ отбиралъ его математическіе инструменты (если они были оправлены въ серебро или вообще дорого стояли), приглашалъ его считаться членомъ его семейства и отсыпалъ ему цѣлую кучу комплиментовъ на счетъ его родственниковъ или опекуновъ; потомъ онъ давалъ ему полную свободу въ двухъ комнатахъ, выходившихъ на улицу, гдѣ, въ сообществѣ нѣсколькихъ чертежныхъ столовъ, параллельныхъ линейекъ, туго раздвигавшихся циркулей и двухъ или трехъ молодыхъ джентльменовъ, ему предоставлялось, въ продолженіе трехъ или пяти лѣтъ, измѣрять со всѣхъ сторонъ высоту Салисбурійскаго Собора и построеніе въ воздухѣ огромнаго количества замковъ, парламентскихъ залъ и публичныхъ зданій. Нигдѣ и никогда, можетъ-быть, не сооружалось этого рода строеній въ такомъ множествѣ, какъ подъ надзоромъ почтеннаго Пексниффа.

— Даже земныя блага, которыми мы сейчасъ пользовались, сказала мастеръ Пексниффъ, кончивъ свой чай: — даже сливки, сахаръ, чай, хлѣбъ, баранина...

— И яйца, напомнила Чѣрйти въ-полголоса.

— И яйца, сказалъ отецъ: — все это имѣтъ свою нравственную сторону. Видите ли, какъ все это приходитъ и уходитъ! Всякое удовольствіе скоропреходяще: мы не можемъ даже долго ѣсть. Продаваясь невнятнымъ напѣткамъ, мы получаемъ водяную болѣзнь; отъ крепкихъ мы пьянѣемъ. Какое утѣшительное размышленіе!

— Не говорите мы пьянѣемъ, на, замѣтила старшая миссъ.

— Когда я говорю «мы», моя милая, возразилъ отецъ: — я подразумеваю все человечество: въ морали нѣтъ личностей. Даже и этотъ случай, продолжалъ онъ, показывая на выросшую на затылкѣ шишку: — доказываетъ намъ, что мы не что иное какъ... онъ хотѣлъ было сказать «черви», но вспомнивъ, что у червей нѣтъ на головѣ волосъ, поправился и договорилъ — жалкая персть. Мёрси, мой другъ, помѣшай въ каминъ.

Исполнивъ приказаніе отца, Мёрси сѣла на свой стуликъ и положила цвѣтушую щеку на колено къ отцу. Миссъ Чѣрйти придвинулась ближе къ камину, какъ-будто готовясь къ разговору и смотрѣла отцу въ глаза.

— Да, заговорилъ мастеръ Пексниффъ: — мнѣ удалось еще одно намѣреніе: у насъ скоро будетъ новый жилецъ.

— Молодой? спросила Чѣрйти.

— Да-а-а, молодой, протянулъ мастеръ Пексниффъ. — Онъ будетъ нѣтъ случая воспользоваться выгодами лучшаго практическаго архитектурнаго воспитанія, соединенными съ удобствами домашней жизни и постояннымъ сообществомъ съ людьми, которые (какъ ни скромна ихъ доля и ограничены способы) твердо знаютъ свои нравственныя обязанности.

— О, на! вскрикнула Мёрси, поднимъ пальчикъ: — да это прямо изъ печатнаго объявленія!

— Игравая шобетунка! замѣтилъ отецъ.

— Хорошъ онъ собою, па? спросила младшая сестра.

— Глупенькая, сказала старшая: — а великъ ли задатокъ?

— Боже мой, Чёрри! вскричала миссъ Мёрси: — какая ты рас-
считливая!

— Онъ хорошъ собою, протянулъ снова мастеръ Пексниффъ яс-
но и медленно: — довольно-таки недурень. Я не жду отъ него
немедленного задатка.

Не смотря на различіе своихъ наклонностей, Чёрити и Мёрси
открыли глаза болѣе обыкновеннаго при этомъ неожиданомъ извѣ-
стїи.

— Но что же изъ этого! сказалъ Пексниффъ улыбаясь. — Разъ
на свѣтъ ужъ нѣтъ безкорыстія? Не-уже-ли мы всѣ, люди, выстроены
въ противныхъ и враждебныхъ другъ-другу рядахъ? Есть нѣ-
сколько и такихъ, которые ходятъ по сѣрединѣ, помогаютъ нуж-
дающимся и не пристають ни къ одной сторонѣ, гм!

Въ этихъ филантропическихъ отрывкахъ было нѣчто утѣшитель-
ное для сестеръ. Онѣ обмѣнялись взглядами, и лица ихъ проясни-
лись.

— О! не будемъ вѣчно рассчитывать, вычислять и задумывать
впередъ, продолжалъ отецъ, глядя на огонь и улыбаясь болѣе-и-
болѣе:—миѣ это наскучило. Если наклонности наши чистосердечно
направлены къ добру, то предадимся имъ, хотя бы насъ и ожи-
далъ въ будущемъ убытокъ вмѣсто барыша. Не такъ ли, Чёрити?

Оглянувшись на дочерей и видя, что обѣ онѣ улыбаются, мастеръ
Пексниффъ бросилъ имъ по нѣжному взгляду, которымъ младшая
была до того тронута, что вдругъ новисла на шею отцу и по-
цаловала его разъ двадцать съ самымъ неумѣренно-веселымъ смѣ-
хомъ, такъ-что даже благоразумная Чёрити присоединилась къ ней.

— Та-та-та! что это за ребячество! сказалъ мастеръ Пексниффъ,
отводя рукою Мёрси. — Зачѣмъ смѣяться безъ причины, когда, мо-
жетъ-быть, прійдется еще плакать? Что новаго въ домъ со вчераш-
няго дня? Джонъ Вестлокъ отправился, надѣюсь?

— Нѣтъ еще, отвѣчала Чёрити.

— А почему же нѣтъ? Его срокъ кончился вчера, и чемоданъ
былъ готовъ, я самъ видѣлъ.

— Онъ ночевалъ въ «Драконѣ», возразила старшая миссъ: — и
обѣдалъ съ мастеромъ Пинчемъ; они провели вечеръ вмѣстѣ, а
Пинчъ возвратился домой очень-поздно.

— А когда я его встрѣтила на лѣстницѣ, па:—вмѣшалась Мёр-
си съ своею обычною вертлявостью:—онъ смотрѣлъ такимъ чудо-
вищемъ! глаза красные, тусклые, какъ-будто вареные, цвѣтъ ли-
ца ужасный, и отъ него нестерпимо несло табачнымъ дымомъ и
пуншемъ.

— Миѣ кажется, сказалъ Пексниффъ съ видомъ человека, крот-
ко переносящаго оскорбленіе:—что г. Пинчъ могъ бы избрать се-
бѣ лучшаго товарища, а не того, кто меня такъ огорчилъ на про-
шанъ. Миѣ кажется, г. Пинчъ поступилъ неадекватно; сдажу бо-

лзе; я даже не совершенно-увѣренъ, чтобъ это было благодарно со стороны мастера Пинча.

— Да чего ждать отъ Пинча! вскричала Чѣрити, съ презрѣніемъ ударяя на это имя.

— Какъ можно такъ выражаться, моя милая, возразилъ кротко отецъ:—развѣ мастеръ Пинчъ не ближній намъ? Вѣдь и онъ составляетъ частицу обширнаго итога человечества, мой другъ, и мы имѣемъ право и должны надѣяться, что въ немъ со-временемъ разовьются тѣ добрыя качества, обладаніе которыми внушаетъ намъ смиренное уваженіе къ самимъ-себѣ. Нѣтъ, нѣтъ! оборони Боже, чтобъ я рѣшился сказать, что отъ мастера Пинча нельзя ждать ничего добраго. Но г. Пинчъ оскорбилъ меня и обманулъ мои ожиданія: о немъ я, конечно, буду нѣсколько-худшаго мнѣнія, нежели прежде; но о цѣломъ человечествѣ — нѣтъ, о, нѣтъ!

Въ это время, послышался легкій ударъ въ наружную дверь. — Вотъ это животное, сказала миссъ Чѣрити:—я увѣрена, что онъ пришелъ съ Вестлокомъ, чтобъ помочь ему перенести чемоданъ въ дилжансъ. Попомните мои слова, если онъ не за тѣмъ пришелъ.

Пока она говорила, чемоданъ, какъ можно было слышать, понесли изъ переднихъ комнатъ, но послѣ нѣсколькихъ словъ поставили на полъ, и кто-то постучался въ двери кабинета.

— Войдите! вскричалъ мастеръ Пексниффъ — не строгимъ, а только добродѣтельнымъ тономъ.

Некрасивый, неповоротливый, весьма-близорукій и значительно, преждевременно оплѣшивѣвшій довольно-молодой человекъ воспользовался этимъ позволеніемъ; видя, что мастеръ Пексниффъ сидитъ спиною къ нему и разсматриваетъ огонь въ каминѣ, онъ въ недоумѣніи приостановился въ дверяхъ. Онъ былъ далеко-нехорошъ собою; но, не смотря на его неуклюжесть, изношенное платье табачнаго цвѣта, сутуловатость и смѣшную привычку вытягивать шею, его нельзя было съ перваго взгляда считать дурнымъ человекомъ. Ему было около тридцати лѣтъ; но онъ принадлежалъ къ тому странному разряду людей, которые въ молодости кажутся старѣе и никогда не доходятъ до наружной дряхлости, даже въ самой глубокой старости.

Держась за ручку дверей, онъ смотрѣлъ попеременно то на отца, то на Чѣрити, то на Мѣрси; но все семейство какъ-будто нарочно не обращало на него вниманія, а только пристальнѣе смотрѣло въ огонь.

— Извините, мастеръ Пексниффъ, что я васъ обезпокоилъ, но...

— Безъ извиненій, мастеръ Пинчъ, отвѣчалъ добродѣтельный джентльменъ, не оборачиваясь. — Не угодно ли вамъ съестъ, мастеръ Пинчъ, да потрудитесь запереть дверь.

— Слушаю, сударь, отвѣчалъ Пинчъ, не запирая однако дверей, а кивая кому-то стоявшему за нимъ: — Вестлокъ, сударь, узнавъ, что вы возвратились домой...

— Мастеръ Пинчъ, мастеръ Пинчъ! сказалъ Пексниффъ, повер-

нужнымъ вѣсть со студомъ и глядя на него съ видомъ глубокой скорби:—я не ожидалъ этого отъ васъ, я не заслужилъ этого отъ васъ!

— Даю вамъ честное слово, сударь.

— Чѣмъ меньше вы скажете, мастеръ Пинчъ, тѣмъ лучше: я не жалею — не оправдывайтесь.

— Да выслушайте, сударь, слышите милость! Вестлокъ, сударь, разставаясь съ вами совсѣмъ, желаетъ оставить за собою только друзей. Вестлокъ имѣлъ съ вами маленькія непріятности.

— Маленькія непріятности! повторила Чѣрити.

— Маленькія непріятности! отозвалась Мёрси.

— Милыя мои! сказалъ мастеръ Пексниффъ, кротко поднявъ руку: — любезныя!... Послѣ торжественной паузы, онъ кивнулъ головою Пинчу, какъ-будто приглашая его продолжать; но тотъ растерялся до такой степени, что разговоръ вѣрно тѣмъ бы и кончился, еслибъ не выступилъ красивый, недавно-возмужалый молодой человекъ и не вмѣшался въ него.

— Ну, мастеръ Пексниффъ, сказалъ онъ съ улыбкою: — не сердитесь на меня; я очень сожалею о нашихъ неудовольствіяхъ и нѣ въсьма жаль, что я васъ огорчилъ; перестаньте же сердся!

— Я не сержусь ни на кого.

— Я тебѣ говорилъ, что онъ незлопамятенъ, сказалъ Пинчъ въ полголоса: — я знаю, что онъ не сердится! Онъ это всегда говоритъ.

— Такъ дайте же мнѣ вашу руку! вскричалъ Вестлокъ, подвигаясь впередъ и мигая Пинчу, чтобъ тотъ былъ внимательнѣе.

— Гм! промычалъ мастеръ Пексниффъ самымъ кроткимъ тономъ.

— Такъ вы мнѣ дадите руку?

— Нѣтъ, Джонъ, отвѣчалъ Пексниффъ съ самымъ ангельскимъ спокойствіемъ: — нѣтъ, я не протяну вамъ руки, Джонъ. Я простилъ васъ прежде, нежели вы перестали упрекать меня; я обнялъ васъ въ душѣ, Джонъ, а это лучше, нежели протянуть вамъ руку.

— Пинчъ, сказалъ юноша, оборачиваясь къ Пинчу и съ сердечнымъ отвращеніемъ къ своему прежнему учителю: — что я тебѣ предсказывалъ?

Бѣдный Пинчъ взглянулъ на Пексниффа, несводившаго съ него глазъ, потомъ на потолокъ, и не отвѣчалъ ни слова.

— Что до вашего прощенія, мастеръ Пексниффъ, я не желаю его на такихъ условіяхъ; я не хочу быть прощеннымъ.

— Вы не хотите, Джонъ? но вы должны; вы не можете отъ этого избавиться. Прощеніе обидъ—высокое качество, высокая добродѣтель—она внѣ вашего вліянія! я васъ простилъ, и вы ничѣмъ не можете заставить меня вспомнить зло, которе вы мнѣ сдѣлали.

— Зло! вскричалъ Вестлокъ со всѣмъ жаромъ и увлеченіемъ сво-

его возраста: — вотъ чудный человекъ! Зло! я сдѣлалъ ему зло! Онъ даже и не хочетъ вспомнить о пяти-стахъ гинеяхъ, которыя онъ извлекъ изъ меня подъ ложными предлогами; или о семидесяти гинеяхъ ежегодной платы за квартиру и столъ, которыя не стоить и семнадцати! Вотъ мученикъ!..

— Деньги, Джонъ, корень всего зла, и мнѣ прискорбно видѣть, что оно пустило уже свои отпрыски въ васъ; но я не хочу помнить о его существованіи. Я не хочу помнить даже о поведеніи одного совратившагося съ истиннаго пути человекъ, который привелъ васъ теперь сюда, чтобъ нарушить сердечное спокойствіе того, кто готовъ бы былъ пролить за него всю кровь свою!

Голосъ Пексниффа трепеталъ, и слышны были всхлипыванья его дочерей; въ то же время въ воздухъ носились неясные звуки: — «скотъ! дикарь!»

— Прощеніе обидъ, продолжалъ Пексниффъ: — полное и чисто-сердечное прощеніе прилично уязвленному сердцу, растерзанной груди. Я съ гордостью говорю: я простилъ его! Нѣтъ! прошу! воскликнулъ онъ громче, видя, что Пинчъ хотѣлъ заговорить: — не дѣлайте никакихъ замчаній; я не въ силахъ выслушать ихъ; можетъ-быть, черезъ нѣсколько времени я получу столько твердости, что буду въ состояніи разсуждать съ вами, какъ-будто ничего и не бывало; но не теперь, нѣтъ, не теперь!

— Ба! вскричалъ Джонъ Вестлокъ со всѣмъ презрѣніемъ и отвращеніемъ, какое только можетъ выразить это междометіе: — прощайте, сударыни. Пойдемъ, Пинчъ; не стоить думать объ этомъ. Я былъ правъ, а ты нѣтъ: все это пустяки — ты будешь умнѣе въ другой разъ.

Сказавъ это, онъ почти-насилъно вывелъ Пинча изъ кабинета; потомъ оба подняли чемоданъ и направились къ дилижансу, который каждую ночь проѣзжалъ мимо угла одного переулка въ нѣкоторомъ разстояніи отъ дома Пексниффа. Нѣсколько минутъ шли они молча; наконецъ молодой Вестлокъ разразился громкимъ смѣхомъ, на который однако не отозвался его товарищъ.

— Послушай, Пинчъ, сказалъ онъ отрывисто, послѣ продолжительнаго молчанія: — ты удивительно-невиненъ! чертовски-невиненъ!

— Что жь? тѣмъ лучше!

— Тѣмъ лучше? — тѣмъ хуже!

— А между-тѣмъ, сказалъ Пинчъ со вздохомъ: — я далеко не такъ невиненъ, какъ ты говоришь, потому-что я жестоко огорчилъ почтеннаго Пексниффа. Какъ онъ скорбѣлъ!

— Онъ скорбѣлъ!

— Да развѣ ты не видѣлъ, Джонъ, что у него чуть слезы не выступили изъ глазъ? Развѣ ты не слышалъ, что онъ готовъ пролить свою кровь за меня?

— Да развѣ тебѣ нужно, чтобъ кто-нибудь пролилъ за тебя свою кровь? вскричалъ Вестлокъ, видимо раздраженный. — Прощаетъ ли онъ для тебя что-нибудь изъ того, что тебѣ нужно? даетъ

ли онъ тебѣ выгодныя занятія, свѣдѣнія, карманныя деньги? даетъ ли онъ тебѣ даже хотъ баранины въ приличной пропорціи съ картофелемъ и овощами?

— Послушай, сказалъ Пинчъ со вздохомъ:—мнѣ кажется, что я ужасный обжора; я не могу скрыть этого отъ себя.

— Ты обжора! почему жь ты такъ думаешь?

Вмѣсто отвѣта, Пинчъ вздохнулъ и потомъ продолжалъ:

— Джонъ, такъ или иначе, въ глазахъ моихъ нѣтъ ничего хуже неблагодарности; и когда онъ меня въ этомъ упрекаетъ, я дѣлаюсь совершенно-несчастливъ.

— И ты думаешь, что онъ этого не замѣчаетъ? замѣтилъ Вестлокъ презрительно. Послушай, Пинчъ; прежде, нежели я буду продолжать, потрудись нечислить причины, по которымъ ты долженъ быть ему благодарнымъ.

— Во-первыхъ, онъ взялъ меня къ себѣ на воспитаніе за гораздо меньшую противъ обыкновеннаго цѣну.

— Ну, далѣе? возразилъ его пріятель, нисколько-нетронутый такимъ примѣромъ великодушія.

— Далѣе! вскричалъ Пинчъ въ отчаяніи:—да тутъ все! Моя бѣдная бабушка умерла, вполне счастливая тѣмъ, что оставила меня въ рукахъ такого прекраснаго человѣка; я выросъ въ его домѣ, я его повѣренный, его помощникъ; онъ даетъ мнѣ жалованье, и когда его дѣла поправятся, тогда и моя будущность прояснится. Но прежде всего, Джонъ, ты долженъ знать, что я родился для гораздо-скромнѣйшей доли и не имѣю никакихъ особенныхъ способностей и дарованій.

Онъ выговорилъ все это съ такимъ убѣжденіемъ и чувствомъ, что товарищъ его невольно перемѣнилъ тонъ. Такъ-какъ они уже пришли къ перекрестку, то спустили чемодамъ на землю и сѣли на него рядомъ.

— Послушай, Томъ Пинчъ, мнѣ кажется, ты одинъ изъ лучшихъ ребятъ въ свѣтѣ.

— Все нѣтъ; еслибъ ты зналъ Пексниффа столько, сколько я его знаю, ты бы сказалъ это объ немъ и былъ бы правъ.

— Я скажу о немъ все, что тебѣ угодно, и ни слова въ его осужденіе.

— Это будетъ для меня, а не для него, сказалъ Пинчъ, недовѣрчиво качая головою.

— Для кого тебѣ угодно, Томъ, лишь бы это тебѣ нравилось. О! онъ чудный малый! Онъ никогда не выпораживалъ въ свои карманы трудовыхъ денегъ, сбереженныхъ твоей бѣдною бабушкою. Вѣдь она была ключницей, не такъ ли, Томъ?

— Да, ключницей у одного джентльмена.

— Онъ никогда не выманывалъ ея денегъ, ослѣпляя ее перспективою твоего будущаго счастья и богатства, до которыхъ (онъ зналъ это лучше всякаго другаго) ты никогда не доживешь! Онъ никогда не спекулировалъ на любовь ея къ тебѣ, на гордость ея

при твоемъ воспитаніи, на желаніе ея видѣть тебя джеггальменомъ. О нѣтъ, онъ этого никогда не дѣлалъ, Томъ!

— Конечно нѣтъ, отвѣчалъ Томъ, глядя въ глаза своему пріятелю съ нѣсколько недověрчивымъ выраженіемъ.

— Я говорю то же самое; онъ взялъ плату меньшую той, которую требовалъ, не потому, чтобъ больше нечего было взять, конечно нѣтъ! Онъ держитъ тебя при себѣ помощникомъ не потому, чтобъ ты былъ ему нуженъ; что твое вѣрованіе во весь его притязанія полезно ему какъ-нельзя-больше; что твоя честность отражается и на него; что твои занятія, чтеніе старинныхъ книгъ, изученіе иностранныхъ языковъ и прочее, извѣстно далѣе здѣшней околотки; что слухи объ этомъ достигли даже до Сэлсбюри, что его, Пексниффа-учителя, считаютъ тамъ человекомъ ученымъ и важнымъ. Ты этимъ не дѣлаешь ему никакой пользы, Томъ, безъ всякаго сомнѣнія!

— Разумѣется, нѣтъ, сказалъ Пипчъ съ болѣе-смущеннымъ видомъ.

— Да вѣдь я и говорю, что смѣшно даже подозрѣвать подобныя вещи.

— Это было бы сумасшествіемъ!

— Сумасшествіемъ! возразилъ молодой Вестлокъ. — Конечно, сумасшествіемъ. Кто, кромѣ сумасшедшаго подумаетъ, что Пексниффу большая забота, когда по воскресеньямъ говорятъ, что тотъ, кто добровольно играетъ въ церкви на органѣ и готовится къ тому цѣлые вечера, его воспитанникъ? Кто, кромѣ сумасшедшаго, вообразитъ, чтобъ ему было выгодно слышать имя свое во всѣхъ устахъ съ безчисленнымъ множествомъ прибавленій и эпитетовъ, которыми такъ щедро надѣляютъ его твоя благодарность? Кто, кромѣ сумасшедшаго вообразитъ себя, что ты прославляешь его гораздо-дешевле и удобнѣе всѣхъ аффишъ? Также безразсудно предполагать, чтобъ онъ не открывалъ передъ тобою всѣхъ сокровѣннѣйшихъ мыслей, всѣхъ чувствъ своихъ; чтобъ онъ не былъ необыкновенно щедръ къ тебѣ, и наконецъ, не правда ли, надобно быть совершеннымъ чудовищемъ, чтобъ думать, что онъ торгуетъ и получаетъ барыши отъ твоихъ природныхъ качествъ, заключающихся въ необыкновенной недověрчивости къ самому-себѣ и въ самой слѣпой довověрчивости къ тѣмъ, кто этого вовсе не заслуживаетъ? Какъ ты думаешь, Томъ? Вѣдь все это было бы сумасшествіемъ!

Пипчъ слушалъ его какъ остолбѣпѣлый. Когда товарищъ его кончилъ, онъ глубоко вздохнулъ и пристально смотрѣлъ ему въ глаза, какъ-будто желая прочесть въ нихъ истинный смыслъ его словъ; наконецъ, онъ только-что хотѣлъ отвѣчать, какъ вдругъ раздался звукъ рога, и пріятели должны были разстаться. Пипчъ протянулъ руку своему товарищу.

— Объ руки, Томъ: я буду писать къ тебѣ изъ Лондона, помни!

— Да, отвѣчалъ Пинчъ: — пожалуйста, лиши; прощай, будь счастливымъ! Я едва могу увѣриться, что ты увъжаешь: мнѣ кажется, что ты пріѣхалъ только вчера. Прощай, прощай, другъ!

Джонъ Вестлокъ искренно пожалъ ему руки и вскочилъ на свое мѣсто, наверху дилижанса; дилижансъ тронулся и Пинчъ долго смотрѣлъ ему въ слѣдъ.

— Чудный, славный малый; жаль только, что онъ такъ жестоко несправедливъ къ Пексниффу!

ГЛАВА III.

ВЪ КОТОРОЙ ЕЩЕ НѢКОТОРЫЯ ЛИЦА ПРЕДСТАВЛЯЮТСЯ ЧИТАТЕЛЮ НА ПРЕЖНИХЪ УСЛОВІЯХЪ.

Было уже сказано, что нѣкій драконъ раскачивался и жалобно побрякивалъ надъ дверьми деревенскаго кабачка. То былъ старый, почтенный драконъ; много зимнихъ бурь, дождей, снѣговъ, слякоти и града превратили его первоначальный ярко-синій цвѣтъ въ тускло-сѣрый.

Много лѣтъ покачивался и побрякивалъ онъ передъ двумя окнами лучшей спальни кабачка или трактира, которому онъ далъ свое названіе; но никогда, во все время его существованія, не было внутри такой тревоги, какъ на слѣдующій вечеръ послѣ рассказанныхъ нами происшествій; тамъ поднялась такая бѣготня, суетня и хлопоты, какихъ ни одинъ въ свѣтѣ драконъ, шпогрифъ или единорогъ не запомнятъ съ-тѣхъ-поръ, какъ этимъ экземплярамъ натуральной исторіи суждено красоваться на вывѣскахъ.

Причиною всего этого былъ внезапный пріѣздъ стараго господина съ молодою дамою на почтовыхъ; никто не зналъ откуда, никто не зналъ куда они ѣхали: они своротили съ большой дороги и остановились противъ «Синяго-Дракона». Старый джентльменъ, вдругъ заболѣвшій въ каретѣ, страдая отъ самыхъ нестерпимыхъ судорогъ и спазмовъ, клялся между-тѣмъ, что онъ ни за что не позволитъ послать за докторомъ и не пріиметъ никакихъ лекарствъ, кромѣ тѣхъ, которыми помогала ему обыкновенно молоденькая дама изъ дорожной аптечки. Онъ совершенно сблъ съ толку и перепугалъ хозяйку трактира, которая предлагала ему свои услуги; изъ всѣхъ ея предложеній, онъ согласился на одно — лечь въ постель.

Онъ былъ очень-болѣнъ и жестоко страдалъ, можетъ-статься, потому, что онъ былъ крѣпкій и сильный старикъ, съ желѣзною волей и звонкимъ голосомъ. Но ни опасенія за жизнь, ни боль не перемѣняли его рѣшимости — не принимать никого. Чѣмъ хуже ему дѣлалось, тѣмъ непреклоннѣе была его настойчивость: онъ объявлялъ, что если для него пожелаютъ за хвѣтъ бы то ни было, мужчиной, женщиной или ребенкомъ, то

онъ уйдетъ изъ дома, хотя бы ему пришлось умереть на порогахъ. Видя трудное положеніе старика, хозяйка рѣшилась послать за единственнымъ жившимъ въ деревнѣ медицинскимъ существомъ — бѣднымъ аптекаремъ, который въ то же время содержалъ мелочную лавочку; разумѣется, его не нашли, и потому хозяйка, все еще вѣя себя отъ хлопотъ, послала того же гонца за мастеромъ Пексниффомъ, какъ за ученымъ и нравственнымъ человекомъ, который въ состояніи помогать какъ страждущему тѣлу, такъ и духу. Но и это тайное порученіе не имѣло успѣха: гонецъ объявилъ, что и Пексниффа не было дома. Между-тѣмъ, старика уложили въ постель и часа черезъ два ему сдѣлалось на столько лучше, что промежутки между припадками стали гораздо-рѣже и наконецъ, постепенно, страданія его кончились, хотя утомленіе было необычайно.

Въ одинъ изъ промежутковъ отдыха, старикъ, озираясь съ осторожностью и съ видомъ таинственнымъ и недобрычимъ, попытался воспользоваться письменными принадлежностями, которыми онъ велѣлъ принести къ себѣ и положить на столъ подлѣ кровати; хозяйка «Сняго-Дракона» и молодая дама сидѣли противъ камина въ той же комнатѣ.

Хозяйка имѣла самую хозяйничью наружность: то была полная, плотная, румяная вдова, въ полномъ цвѣтѣ, съ розами на передникѣ, чепчикѣ, свѣжихъ щекахъ и губахъ, свѣтлыми черными глазами и черными какъ смоль волосами; она была не то, чтобъ очень молода, но вы бы присягнули, что на свѣтѣ есть множество молоденькихъ женщинъ, которыя вамъ и въ половину не столько бы понравились, которыхъ бы вы на четверть на столько не любили, какъ ее. Сидя у огня, она оглядывалась по-временамъ вокругъ себя съ гордостью истинной хозяйки. Комната была обширна, съ низкимъ потолкомъ, покоробившимся поломъ и вовсе не принадлежала къ легкомысленно-свѣтлымъ спальнямъ новѣйшаго времени, въ которыхъ нельзя порядочно сомкнуть глаза: здѣсь все было устроено такимъ образомъ, чтобъ постоялецъ помнилъ, что ему надобно спать и что онъ здѣсь именно за тѣмъ, чтобъ спать. Видъ и размѣры кровати, коммоды, стульевъ, занавѣсокъ, словомъ всего, такъ и располагали къ храпѣнію. Даже чучело лисицы, поставленное на коммодъ для красоты, не обнаруживало ни малѣйшей искры наклонности къ бѣднѣ: глаза у нея вывалились, и она спала стоя.

Вниманіе хозяйки «Сняго-Дракона» бродило недолго по этимъ предметамъ; оно вскорѣ остановилось на ея соседкѣ, которая съ потупленными глазами сидѣла передъ каминомъ въ молчаливой задумчивости. Она была очень-молода, не болѣе семнадцати лѣтъ; прямыя ея обнаруживали робость, но вмѣстѣ съ тѣмъ показывали присутствіе духа и умѣніе владѣть своими душевными движеніями: послѣднее она доказала во время ухаживанья за больнымъ старикомъ. Ростъ ея былъ малъ, станъ лепокъ и гибокъ; но въ

прелести молодости и дѣвственности украшали ея блѣдное лицо. Темные волосы, распустившись во время недавней тревоги, упали въ беспорядкѣ на затылокъ, по никто не имѣлъ бы духа упрекать ее въ томъ. Платье ея было весьма-просто, но прилично, и всѣ приемы ея согласовались съ тщательною невзысканностью одежды. Сначала, она сидѣла около кровати; но, видя, что больной успокоился и хочетъ заняться, она потихоньку отодвинулась къ камину, во-первыхъ чувствуя, что старикъ желаетъ избѣгнуть наблюденія, а во-вторыхъ и для того, чтобъ въ-тихомолку предаться своимъ чувствамъ, которыя она прежде должна была подавлять.

— Часто съ этимъ джентльменомъ бываютъ такіе припадки, миссъ? спросила ее шопотомъ хозяйка «Синяго-Дракона».

— Я видала его очень-больнымъ прежде, но не такъ, какъ въ нынѣшнюю ночь.

— И съ вами были всѣ лекарства и рецепты, миссъ? какая предусмотрительность!

— Они заготовлены на подобные случаи: мы никогда безъ нихъ не путешествуемъ.

— О! подумала хозяйка:—такъ мы имѣемъ привычку путешествовать, и путешествовать вмѣстѣ!..

— Этотъ джентльменъ, вашъ дѣдушка,—начала она послѣ краткаго молчанія:—онъ не требуетъ ничьей посторонней помощи; онъ долженъ васъ очень пугать, миссъ?

— Дѣйствительно, положеніе его напугало меня въ этотъ вечеръ. Но... онъ мнѣ не дѣдушка.

— Я хотѣла сказать батюшка, поправилась хозяйка.

— И не отецъ, и не дядя: мы вовсе не родня другъ другу.

— Ахъ, Боже мой! какъ же я могла такъ ошибиться! Я и не догадалась, что всякій джентльменъ, когда онъ боленъ, кажется гораздо-старше, нежели онъ въ-самомъ-дѣль... Я бы должна была называть васъ мистриссъ, а не миссъ!

— Я уже сказала вамъ, что мы не родня, сказала съ кротостью молодая дѣвушка, хотя и съ небольшимъ смущеніемъ. Мы нисколько не родня, даже и не супруги. Вы звали меня, Мартинъ?

— Звалъ тебя? вскричалъ тревожно старикъ, поспѣшно прача подъ одеяло бумагу, которую онъ писалъ. — Нѣтъ.

Она подошла шага на два къ кровати, но вдругъ остановилась.

— Нѣтъ! повторилъ онъ, съ раздраженнымъ удареніемъ.—Зачѣмъ ты меня спрашиваешь? Еслибъ я и звалъ тебя, то къ чему эти вопросы?

— Должно быть закричала выиѣска, сударь, замѣтила хозяйка: примѣчаніе, мимоходомъ сказать, не очень-лестное для голоса стараго джентльмена.

— Что бы ни было, сударыня, все-таки не я. Да что ты стоишь, Мери, какъ-будто я зачумленный! Но онъ боится меня, прибавила

вель онъ, откидываясь на подушки: — даже она! Проклятiе тягостѣтъ надо мною... да чего мнѣ и ждать!

— Да развеселитесь, сударь, оставьте эти большыя фантази, сказала добродушная хозяйка.

— Что такое большыя фантази? возразилъ онъ.—Что вы знаете о фантазiяхъ? Кто самъ говорилъ о фантазiяхъ? Старая пѣсня — фантази!

— Да перестаньте, сударь; вѣдь не у однихъ большыхъ своихъ фантази, бываютъ онъ и у здоровыхъ, да еще какiя странныя!

Какъ ни невинна казалась эта рѣчь, она подѣйствовала на старика, какъ масло на огонь. Онъ поднялъ голову и устремилъ на хозяйку свои черныя глаза, которыхъ блескъ еще болѣе увеличился отъ блѣдности впалыхъ щекъ, а щеки, въ свою очередь, казались еще блѣднѣе отъ длинныхъ развѣвавшихся волосъ и отъ черной бархатной скуфы, которую носилъ старикъ.

— О! ты начинаешь слишкомъ-скоро, сказалъ онъ тихимъ голосомъ, какъ-будто разсуждая съ самимъ собою: — однако, ты не теряешь времени и заслуживаешь свою плату; ты вѣрно исполняешь то, что тебѣ поручено; но кто бы могъ быть *тобимъ* клиентомъ?

Хозяйка взглянула съ величайшимъ удивленiемъ на ту, которую онъ называлъ Мери и которая стояла уныло, съ потупленными глазами, потомъ на него; сначала, она отступила невольно, воображая себя, что старикъ съ ума сошелъ; но медленность его рѣчи и обдуманность, выражавшаяся на его рѣзкихъ чертахъ, отклонили подобное предположенiе.

— Кто же бы это былъ? Такъ-какъ я здѣсь, то не думай, чтобъ мнѣ было слишкомъ-трудно угадать его, продолжалъ старикъ.

— Мартинъ, вѣшалась Мери, взявъ его за руку: — подумайте, что мы здѣсь очень-недавно и что даже имя ваше здѣсь неизвѣстно.

— А почему же нѣтъ, если ты...—онъ повидному готовъ былъ сказать, что она, можетъ-быть, разболтала это хозяйкѣ; но вспомнивъ нѣжныя попеченiя молодой дѣвушки, онъ остановился и замолчалъ.

— Перестаньте, сударь, вы скоро выздоровѣете, все это пройдетъ, сказала мистриссъ Люпенъ, потому-что подъ этимъ именемъ «Синему-Дракону» разрѣшалось давать убѣжище людямъ и четвероногимъ:—вы забыли, что окружены здѣсь только друзьями.

— О! вскричалъ старикъ съ восторженнымъ стономъ: — зачѣмъ говорить мнѣ о друзьяхъ! Можешь ли ты или кто бы то ни было сказать мнѣ, кто мои друзья и кто враги?

— Да, по-крайней-мѣрѣ, эта молодая миссъ другъ вамъ, въ этомъ я увѣрена!

— Она не имѣетъ искушенiя быть моимъ врагомъ, воскликнулъ старикъ голосомъ, выражавшимъ совершенную безнадежность: — я полагаю, что она не противъ меня; впрочемъ, Богъ-знаетъ! Но

оставьте меня, я попробую заснуть; пусть свѣча останется на этомъ мѣстѣ.

Когда онъ отошли отъ кровати, онъ вытащилъ изъ-подъ одеяла бумагу, которую писалъ, и сжегъ ее на свѣчѣ; потомъ, погасивъ свѣчу, отвернулся съ тяжкимъ вздохомъ, накрылъ себѣ голову одеяломъ и успокоился.

Сожженіе бумаги значительно напугало мистриссъ Люпенъ и заставило ее опасаться пожара для «Синяго-Дракона». Но молодая дѣвушка не показала ни малѣйшаго удивленія, ни любопытства, ни безпокойства, и шепнула хозяйкѣ, что она намѣрена оставаться въ комнатѣ еще нѣсколько времени, прося ее въ то же время не безпокойтись о ней, потому-что она привыкла оставаться одна и проведетъ время въ чтеніи.

Мистриссъ Люпенъ была съ избыткомъ надѣлена любопытствомъ, а потому въ другое время простаго намека было бы слишкомъ недостаточно, чтобъ заставить ее уйдти; но теперь она такъ растерялась отъ всей этой таинственности, что, не говоря ни слова, удалилась въ свою комнату и бросилась въ кресла въ сильномъ волненіи. Въ эту минуту вошелъ мастеръ Пексниффъ и, сладко улыбаясь, пробормоталъ:

— Добраго вечера, мистриссъ Люпенъ.

— Ахъ, Боже мой! какъ я рада, что вы пришли!

— Если я могу быть чѣмъ-нибудь полезенъ, то и я очень радъ, что пришелъ сюда.

— Одинъ старый джентльменъ, заболѣвшій въ дорогѣ, былъ такъ плохъ сію минуту, сударь, сказала плачевно хозяйка.

— О, ему было плохо! повторилъ мастеръ Пексниффъ.

Вѣдь, кажется, нѣтъ ничего особенно-оригинальнаго въ этомъ замѣчаніи; но удареніе, съ которымъ онъ его произнесъ, благость, съ которою онъ кивнулъ головою, кроткій тонъ и чувство своего превосходства были такъ увлекательны, что мистриссъ Люпенъ почувствовала себя совершенно утѣшенною. Еслибъ онъ даже сказалъ, что двѣжды-два — четыре, то и тогда заставилъ бы удивляться своему человѣколюбію и мудрости.

— Ну, а каково ему теперь?

— Ему лучше; онъ совсѣмъ успокоился.

— А! ему лучше и онъ успокоился. Хорошо, очень-хорошо!

— Должно быть, ему тяжело на душѣ, сударь, потому-что онъ говоритъ престранныя вещи; мнѣ кажется, что вы бы ему очень могли помочь добрымъ совѣтомъ.

— Надобно постараться помочь ему, отвѣчалъ мастеръ Пексниффъ, покачивая головою, какъ-будто не доверяя своимъ силамъ.

— Я боюсь, сударь, продолжала хозяйка, оглядываясь, не подслушиваетъ ли ее кто-нибудь:—я очень опасаюсь, что совѣсть его неспокойна на-счетъ его сношеній съ одною молодою, очень-молодою дѣвушкою... на которой онъ... не женатъ...

— Мистриссъ Люпенъ! сказалъ Пексниффъ, поднявъ руку почти съ строгостью:—дѣвушка, молодая дѣвушка?

— Очень-молодая особа, повторила мистриссъ Люпенъ, краснѣя и присѣдая:—но я такъ встревожена, что не знаю, какъ вамъ ее назвать—ту, которая съ нимъ...

— Ту, которая съ нимъ, бормоталъ мастеръ Пексниффъ, грѣясь около камина:—Ахъ, Боже мой, Боже мой!

— Видѣтъ съ тѣмъ, я должна вамъ сказать по чистой совѣсти, что ея видъ и манеры обезоруживаютъ всякое подозрѣнiе.

— Подозрѣнiя ваши, мистриссъ Люпенъ, весьма-естественны, и, можетъ-быть, безошибочны; я посмотрю на этихъ путешественниковъ.

Сказавъ это, онъ снялъ съ себя теплый сюртукъ, и пробѣжавъ пальцами въ волосахъ, положилъ одну руку за-пазуху, крѣтко живая хозяйкѣ, чтобъ она показала ему дорогу.

— Прикажете постучаться? спросила мистриссъ Люпенъ, когда они подошли къ дверямъ.

— Нѣтъ, сказалъ мастеръ Пексниффъ:—но потрудитесь войти.

Они вошли на-цыпочкахъ; старикъ все-еще спалъ, а молодая спутница его продолжала читать у камина.

— Я опасуюсь, прошепталъ мастеръ Пексниффъ:— что все это очень-сомнительно!

Въ это время онъ подошелъ ближе къ Мери, которая, услышавъ его шаги, встала. Пексниффъ взглянулъ на книгу и снова прошепталъ хозяйкѣ:—Да, сударыня, книга хорошая: я этого и опасался; тутъ что-нибудь да кроется, непременно кроется.

— Кто этотъ джентльменъ? спросила хозяйку дѣвушка.

— Тсъ! не безпокойтесь, сударыня, сказалъ мастеръ Пексниффъ хозяйкѣ, которая собралась-было отвѣчать.— Эта молодая особа извинитъ меня, если я буду отвѣчать ей коротко, что я живу въ этой деревнѣ, можетъ-быть, не безъ нѣкотораго влiянiя, хотя и мало-заслуженнаго, и что вы меня сюда вызвали. И здѣсь, какъ вездѣ, смѣю надѣяться, я сочувствую больнымъ и скорбящимъ.

Съ этими выразительными словами, онъ подошелъ къ кровати, взглянулъ на спящаго, завернутаго съ головою въ одеяло, и весьма-спокойно развалился въ близъ-стоявшихъ креслахъ, ожидая его пробужденiя. Прошло съ полчаса, пока старикъ пошевелился; наконецъ, онъ повернулся на другой бокъ, приоткрылъ свое лицо въ ту сторону, гдѣ сидѣлъ Пексниффъ, и медленно началъ протирать глаза, не замѣчая, въ-продолженiе нѣсколькихъ минутъ, своего нежданнаго посѣтителя.

Во всемъ этомъ не было ничего необыкновеннаго, кромѣ впечатлѣнiя, произведеннаго этимъ на Пексниффа: онъ судорожно сжалъ руками ручки креселъ; глаза и ротъ его открылись отъ удивленiя, волосы поднялись на головѣ, и наконецъ, когда старикъ поднялся въ постели и разглядѣлъ его-самого съ наименьшимъ ду-

шевнымъ волненіемъ , онъ громко воскликнулъ: — Вы Мартинъ Чодзльвигъ?

— Да, я Мартинъ Чодзльвигъ, и Мартинъ Чодзльвигъ желаетъ, чтобъ ты былъ повѣшенъ прежде, нежели пришелъ тревожить его сонъ. Но что я говорю, этотъ человѣкъ мнѣ приснился! сказалъ онъ, отворачиваясь и лежа сънова.

— Милый братецъ! началъ Пексниффъ.

— Такъ, вотъ его первыя слова! вскричалъ старикъ, всплеснувъ руками:—съ первыхъ словъ онъ напоминаетъ о нашемъ родствѣ! Я это зналъ! всѣ они такъ дѣлаютъ! Близкіе или дальніе, у всѣхъ одинъ обычай! Ухъ!... Какой огромный календарь лжи, плутней, обмановъ, коварства одно названіе родства раскрываетъ передо мною!

— Не будьте такъ поспѣшны , мастеръ Чодзльвигъ , сказалъ Пексниффъ въ высшей степени чувствительнымъ тономъ, потому-что онъ уже оправился отъ удивленія и снова получилъ полную власть надъ своею добродѣтельною особою.—Вы будете сожалѣть объ этомъ, я знаю, что будете жалѣть.

— Ты знаешь! отвѣчалъ Мартинъ презрительно.

— Да, да, мастеръ Чодзльвигъ: не воображайте, чтобъ я имѣлъ намѣреніе лстыть вамъ: я слишкомъ-далекъ отъ этого! Не думайте также, чтобъ я сталъ повторять то непріятное слово, которое васъ сейчасъ такъ сильно взволновало. Для чего я буду это дѣлать? Чего мнѣ отъ васъ ждать? Въ вашихъ рукахъ нѣтъ ничего такого, сколько мнѣ извѣстно, чего бы стоило домогаться, судя по счастью, которое оно вамъ доставляетъ.

— Это довольно-справедливо, пробормоталъ старикъ.

— Сверхъ-того, продолжалъ Пексниффъ, наблюдая за производимымъ имъ впечатлѣніемъ:—вамъ должно быть ясно, что еслибъ я и хотѣлъ вкрасться въ ваше доброе мнѣніе, то прежде всего ужъ конечно не адресовался бы къ вамъ, какъ къ родственнику, зная напередъ , что одинъ этотъ титулъ былъ бы для меня худшимъ рекомендательнымъ письмомъ.

Мартинъ не отвѣчалъ ни слова, но повидимому соглашался съ нимъ.

— Нѣтъ, продолжалъ Пексниффъ, держа руку за-пазуху, какъ-будто готовясь вынуть оттуда свое сердце по первому востребованію на разсмотрѣніе Мартина Чодзльвигъ:— нѣтъ, я пришелъ предложить свои услуги человѣку, совершенно мнѣ чуждому, и не навязываюсь вамъ съ ними теперь, потому-что знаю, вы мнѣ не повѣрите. Видя васъ на этой кровати, я смотрю на васъ какъ на чужаго и интересуюсь вами не болѣе того, какъ интересовался бы человѣкомъ совершенно мнѣ постороннимъ, который находился бы въ вашемъ теперешнемъ положеніи. Я для васъ, мастеръ Чодзльвигъ, человѣкъ столько же посторонній, сколько вы для меня.

Сказавъ это, мастеръ Пексниффъ откинулся назадъ въ креслахъ;

лицо его блистало такою святою радостью и кротостью, что мистриссъ Люпенъ удивлялась, не видя вокругъ его головы сіянія.

Настало продолжительное молчаніе. Старикъ съ усиливавшимся безпокойствомъ нѣсколько разъ ворочался съ боку на бокъ; мистриссъ Люпенъ и Мери молча глядѣли на кровать, а Пексниффъ, прищурясь, поигрывалъ своимъ лорнетомъ.

— Что? воскликнулъ онъ наконецъ, взглянувъ на кровать: — извините, мнѣ показалось, что вы что-то сказали, мистриссъ Люпенъ, продолжалъ онъ, медленно подымаясь: — я, кажется, больше ненуженъ; джентльмену этому лучше, и вы сами можете за нимъ ухаживать. А?

Этотъ второй вопросительный знакъ былъ вызванъ новою пере-мѣною положенія старика, обернувшася лицомъ къ Пексниффу въ первый разъ послѣ того, какъ онъ отъ него отворотился.

— Если вы желаете что-нибудь сказать мнѣ, прежде, нежели я уйду, я къ вашимъ услугамъ; но я долженъ требовать напередъ, чтобъ вы обращались ко мнѣ, какъ къ человѣку постороннему, совершенно-постороннему.

Чодальсмитъ посмотрѣлъ на него, потомъ, сдѣлавъ знакъ своей молодой спутницѣ удалиться, что она тотчасъ же и выполнила вмѣстѣ съ хозяйкою, онъ остался глазъ-на-глазъ съ Пексниффомъ. Долго они смотрѣли другъ на друга; наконецъ, старикъ прервалъ молчаніе.

— Такъ вы желаете, чтобъ я обратился къ вамъ, какъ къ человѣку совершенно мнѣ постороннему, не такъ ли?

Мастеръ Пексниффъ отвѣчалъ только трогательною пантомимой.

— Желаніе ваше будетъ исполнено, продолжалъ Мартинъ. — Я, сударь, человѣкъ богатый, не столько, можетъ-быть, какъ думаютъ, но все-таки богатый. Я не скряга, хотя въ этомъ меня обвиняли и многіе тому вѣрили. Я не нахожу никакого удовольствія въ томъ, чтобъ копить деньги, ни въ томъ, чтобъ обладать ими: демонъ, называющійся этимъ именемъ, не приноситъ мнѣ ничего, кромѣ несчастія.

Мастеръ Пексниффъ смотрѣлъ къ это время такъ добродѣтельно, что, кажется, масло не растало бы у него во рту.

— Я не скряга, но и не мотъ, продолжалъ старикъ. — Одни любятъ копить деньги, другіе — тратить ихъ: я не принадлежу ни къ тѣмъ, ни къ другимъ. Скорби и огорченія — вотъ все, что мнѣ доставили деньги... онъ мнѣ ненавистны.

Внезапная мысль блеснула въ умъ Пексниффа и вѣроятно тотчасъ же отразилась на его физиономіи, потому-что Мартинъ Чодальсмитъ вдругъ заговорилъ рѣзче и строже.

— Вы, вѣроятно, хотите мнѣ присоветовать, чтобъ я для своего душевнаго спокойствія избавился отъ источника моихъ страданій и передалъ бы его кому-нибудь, кому бремя это не показалось бы столь тяжкимъ, хоть вамъ, на-примѣръ? Но, мой добрый христіанинъ, въ этомъ-то и состоитъ мое главное затрудненіе. Я

знаю, что другіиъ деньги дѣлали добро; что ими многіе торжествовали и справедливо хвастались обладаніемъ этого главнаго ключа къ мірскимъ почестямъ и наслажденіямъ. Но кому, какому честному, достойному и безукоризненному существу передамъ я этотъ талисманъ теперь, или послѣ моей смерти? Знаете ли вы такого человѣка? Добродѣтели ваши, безъ сомнѣнія, необычайны; но назовете ли вы мнѣ хоть какую-нибудь живую тварь, которая выдержала бы столкновение со мною?

— Столкновение съ вами? отозвался Пексифофъ.

— Да, столкновение со мною, со мною! Вы слышали о человѣкѣ, котораго главное несчастье состояло въ томъ, что онъ все, къ чему ни касался, обращалъ въ золото. Главное проклатіе моей жизни заключается въ томъ, что золотомъ, которымъ я владѣю, я испытываю металлъ, изъ котораго сдѣлапы люди, и нахожу его ложнымъ и пустымъ.

Мастеръ Пексифофъ покачалъ головою и сказалъ: — Вы такъ думаете?

— Да, я такъ думаю! Послушайте, продолжалъ онъ съ возрастающею горечью: — я, богатый человѣкъ, прошелъ между людьми всѣхъ родовъ и состояній, родственниками, друзьями и чужими; я вѣрилъ имъ, когда былъ бѣденъ, и не ошибался, потому-что они меня не обманывали и не дѣлали зла другъ другу. Но разбогатѣвъ, я не встрѣтилъ ни одной натуры, въ которой не отыскалъ бы скрытнаго разврата, ждавшаго только случая, чтобъ обнаружиться. Измена, обманъ, низкіе помыслы, ненависть къ соперникамъ, истиннымъ или воображаемымъ, изъ-за моей благосклонности, или, лучше, для моихъ денегъ; подлость, притворство, корысть, низкопоклонство, или... и тутъ онъ посмотрѣлъ прямо въ глаза своему родственнику — или наружный видъ честной независимости, худшій изъ всего этого: вотъ прелести, которыя мнѣ обнаружило мое богатство. Братъ противъ брата, дитя противъ отца, друзья попирающіе ногами лица друзей своихъ — вотъ зрѣлища, сопровождавшія меня на пути моемъ. Рассказываютъ повѣсти — истинныя или ложныя — будто-бы бывали богачи, которые, прикидываясь бѣдняками, отыскивали добродѣтель и вознаграждали ее: глушцы! Они должны были бы показать себя людьми, которые бы стѣяли того, чтобъ ихъ обмануть, ограбить; чтобъ было изъ чего хлопотать около нихъ мерзавцамъ, которые послѣ, изъ благодарности, готовы наплевать на ихъ могилы, еслибъ имъ только удалось обмануть ихъ! Тогда понски ихъ кончились бы тѣмъ же, чѣмъ мои, и изъ нихъ вышло бы то же, что изъ меня.

Мастеръ Пексифофъ, не зная что сказать и надѣясь, что Мартинъ не дастъ ему говорить, показалъ, что имѣлъ намѣреніе отвѣчать, пока старикъ переводилъ духъ. Онъ не ошибся: замѣтивъ его мнимое намѣреніе, Чодзльвигъ прервалъ его.

— Выслушайте меня до конца; судите, какую выгоду вамъ доставитъ повтореніе вашего посѣщенія, и потомъ оставьте меня въ

покоѣ. Я до такой степени портилъ окружавшихъ меня возбужденіемъ въ нихъ моимъ присутствіемъ корыстолюбивыхъ видовъ; я произвелъ столько семейныхъ раздоровъ; я столько времени былъ горящимъ факеломъ, зажигавшимъ все дурные газы и пары нравственныхъ атмосферъ людей, которые безъ меня были бы безвредны, — что наконецъ бѣжалъ отъ людей, бѣжалъ отъ всѣхъ, кто меня зналъ, и искалъ себѣ убѣжища, какъ преслѣдуемый всѣми. Молодая дѣвушка, которая сейчасъ была здѣсь... что? ужь ваши глаза заблестали! вы ужь ее ненавидите! не такъ ли?

— Клянусь честью, сударь! сказалъ мастеръ Пексниффъ, положивъ руку на сердце и потупляя глаза.

— Я забылъ, вскричалъ старикъ, устремивъ на него пронизательные взоры, которыхъ силу тотъ повидимому чувствовалъ: — извините, я забылъ, что вы мнѣ чужой! Я въ эту минуту вспомнилъ объ одномъ Пексниффѣ, моемъ родственникѣ. Молодая дѣвушка эта спрота, которую я принялъ и воспиталъ; болѣе года она моя постоянная спутница. Я торжественно поклялся — и это ей извѣстно — что не оставлю ей послѣ моей смерти ни одного шиллинга, хотя при жизни моей она и получаетъ отъ меня довольно. Между нами уговоръ, чтобъ другъ другу не говорить никакихъ нѣжностей, и называть другъ друга не иначе, какъ христіанскими нашими именами. Она привязана къ моей жизни узами выгоды и потеряетъ многое, когда я умру; она, можетъ-быть, искренно оплачетъ меня, но я объ этомъ мало думаю. Вотъ единственный другъ, котораго я имѣю и какого желаю имѣть. Судите изъ этого разсказа, какія выгоды вамъ отъ меня предстоятъ, оставьте меня и никогда ко мнѣ не возвращайтесь.

Мастеръ Пексниффъ медленно всталъ и, прокашлявшись приличнымъ образомъ, вмѣсто предисловія, началъ:

— Мастеръ Чодзльвить!

— Что еще? Ступайте; вы мнѣ надоѣли!

— Очень сожалею объ этомъ, сударь, но считаю себя обязаннымъ выполнить одинъ долгъ, отъ котораго не откажусь, никакъ не откажусь.

Съ грустію сообщаемъ читателямъ печальный фактъ, что въ то время, какъ мастеръ Пексниффъ стоялъ подлѣ кровати со всѣмъ достоинствомъ благодати и адресовался къ Чодзльвиту, старикъ бросилъ сердитый взглядъ на подсвѣчникъ, какъ-будто чувствуя сильное желаніе пустить имъ въ голову своего родственника; однако онъ удержался и только пальцемъ указалъ ему дверь, давая знать, что этимъ путемъ онъ можетъ выйти изъ комнаты.

— Благодарю васъ, сказалъ Пексниффъ: — я уйду; но прежде нежели васъ оставлю, прошу позволенія говорить; скажу болѣе, мастеръ Чодзльвить: я хочу и долженъ быть выслушанъ. Нисколько не дивлюсь тому, что вы мнѣ сказали: все это весьма-естественно, и большую часть этого я зналъ напередъ. Я не скажу, продолжалъ онъ, вынимая носовой платокъ и мигая, какъ-буд-

то невольно, обоими глазами: — не стану увѣрять васъ, что вы во мнѣ ошиблись. При теперешнемъ расположеніи вашего духа, я бы этого ни за что не сказалъ. Я бы даже желалъ быть иначе созданнымъ, чтобъ быть въ силахъ подавить этотъ невольный признакъ слабости, которой не могу скрыть отъ васъ, но которая меня унижаетъ, и которую я прошу васъ извинить. Мы скажемъ, если вамъ угодно, продолжалъ онъ съ нѣжностью: — что онъ происходитъ отъ табака, нюхательныхъ солей или спиртовъ, луку или чего бы то ни было, кромѣ настоящей причины.

Здѣсь онъ на минуту пріостановился и закрылъ лицо платкомъ; потомъ, слабо улыбаясь и придерживаясь за кровать, снова началъ:

— Но, мастеръ Чодзльвитъ, забывая о себѣ, я обязанъ своею репутаціи — я имѣю ее, дорожу ею, и передамъ ее въ наслѣдство моимъ дочерямъ — я обязанъ сказать вамъ въ пользу другаго лица, что поведеніе ваше неправо, безчеловѣчно, противоестественно! Скажу вамъ, не страшась вашего гнѣва, что вы не должны забывать своего внука, молодого Мартина, которому сама природа даетъ право на ваши попеченія. Вы должны позаботиться о будущности этого молодого человѣка, и вы это сдѣлаете! Я думаю, сказалъ онъ, глядя на перо и чернильницу: — что вы уже это сдѣлали. Да благословить васъ за это Богъ! Да благословить Онъ васъ за то, что вы меня ненавидите! Покойной ночи.

Сказавъ это, онъ сдѣлалъ рукою торжественное привѣтствіе и, положивъ ее снова за-пазуху, удалился. Онъ былъ растроганъ, но шелъ твердо; подверженный слабостямъ обыкновенныхъ смертныхъ, онъ былъ поддержанъ совѣстью.

Мартинъ лежалъ нѣсколько времени съ выраженіемъ безмолвнаго удивленія, смѣшаннаго съ бышенствомъ; наконецъ онъ прошепталъ:

— Что бы это значило? Не-уже-ли этотъ лживый мальчикъ избралъ его своимъ орудіемъ? Почему же нѣтъ? онъ былъ противъ меня вѣстѣ съ прочими — всѣ они птицы одного полета. Еще разговоръ! О, эгоизмъ, эгоизмъ! Куда ни сбернись, вездѣ одно и то же.

Въ это время, блуждающіе глаза его остановились на сожженной бумагѣ.

— Еще завѣщаніе составленное и уничтоженное! Ничто не рѣшено, ничего не сдѣлано, а я могъ умереть въ эту ночь! Вижу, на какое гадкое употребленіе эти деньги пойдутъ наконецъ! кричалъ онъ, почти метаясь на постели. — Преполнивъ горечью всю мою жизнь, онъ расплodyтъ и послѣ смерти моей раздоръ и злыя страсти. Такъ всегда бываетъ. Какіе процессы вырастаютъ изъ могилъ богатыхъ каждый день; сколько является ненависти, обмана, клеветы между ближайшими родственниками! О, эгоизмъ, эгоизмъ! Всякій для себя и никто для меня!

Эгоизмъ! а развѣ его мало было въ размышленіяхъ и исторіи Чодзльвита?

ГЛАВА IV,

ИЗЪ КОТОРОЙ ЧИТАТЕЛЬ УВИДИТЬ, ЧТО ЕСЛИ СОЮЗЪ СОСТАВЛЯЕТЪ СЯ, И ЕСЛИ РОДСТВЕННУЮ ДРУЖБУ ПРИЯТНО ВИДѢТЬ, ТО ФАМИЛІЯ ЧОДЗЛЬВИТОВЪ ОДНА ИЗЪ САМЫХЪ СИЛЬНЫХЪ И ПРИЯТНЫХЪ НА СВѢТѢ.

Почтенный мастеръ Пексниффъ, простившись, какъ въ предыдущей главѣ было сказано, съ своимъ родственникомъ, ушелъ домой и не выходилъ цѣлые три дня: иногда только онъ прогуливался далѣе предѣловъ своего сада, въ ожиданіи, не позоветъ ли его больной его родственникъ, движимый раскаяніемъ; онъ рѣшился простить его во что бы ни стало и любить его не смотря ни на что. Но упорство суроваго старика было такъ велико, что онъ и не думалъ каяться; четвертый день нашелъ мастера Пексниффа еще болѣе-удаленнымъ отъ своей христіанской цѣли, нежели первый.

Въ-продолженіе этого промежутка, онъ посѣщалъ «Дракона» во всякое время дня и ночи, и, платя добромъ за зло, оказывалъ самое искреннее участіе къ успѣхамъ выздоровленія упрямаго страдальца, до такой степени, что мистриссъ Люпенъ рѣшительно растаяла отъ его безкорыстной заботливости и пролила много слезъ удивленія и восторга, тѣмъ болѣе, что онъ особенно часто замѣчалъ ей, что онъ сдѣлалъ бы то же самое для всякаго посторонняго, для всякаго нищаго.

Въ то же время, старый Мартинъ Чодзльвитъ оставался въ-заперти въ своей комнатѣ, не выходя ни съ кѣмъ, кромѣ своей спутницы, и только изрѣдка принимая къ себѣ хозяйку. Но лишь-только она входила, Мартинъ притворялся засыпающимъ. Онъ не говорилъ ни съ кѣмъ, кромѣ Мери, и то тогда лишь, когда они оставались наединѣ, хотя мастеръ Пексниффъ, напрягавшій часто попустому всѣ силы своего слуха при подслушиваніи у дверей, и увѣрялъ, что Мартинъ иногда дѣлается необыкновенно-разговорчивымъ.

На четвертый вечеръ, Пексниффъ, подошедъ къ прилавку «Дракона» и не найдя за нимъ мистриссъ Люпенъ, отправился прямо наверхъ, съ христіанскою цѣлью приложить свое ухо еще разъ къ замочной скважинѣ и узнать, что поддѣлываетъ немягкосердый его родственникъ. Случилось такъ, что мастеръ Пексниффъ, проходя по корридору на-цыпочкахъ къ лучу свѣта, выходившему туда обыкновенно сквозь замочную скважину изъ спальни старика, замѣтилъ, что лучъ этотъ не выходилъ болѣе; полагая, что, можетъ-быть, скрытый пациентъ закрылъ его изъ недовѣрчивости изнутри, онъ поспѣшно наклонился, чтобъ въ этомъ удостовѣриться, какъ голова его вдругъ пришла въ столь-сильное столкновеніе съ другою головою, что онъ вскрикнулъ отъ боли. Тотчасъ же послѣ этого, онъ почувствовалъ себя схваченнымъ за горло тѣмъ-то, пахнув-

шимъ какъ смѣсь нѣсколькихъ мокрыхъ зонтиковъ, пивной бочки, боченка съ горячимъ пуншемъ и пачки крѣпкаго курительнаго табака. Существо, издававшее такой запахъ, повлекло его внизъ по лестницѣ къ прилавку «Синяго Дракона», и тамъ мастеръ Пексннѳъ увидѣлъ себя въ рукахъ какого-то незнакомаго джентльмена самой странной наружности, который одною рукою держалъ его, а другою потиралъ себѣ голову и смотрѣлъ на него, Пексннѳа, весьма-недружелюбно.

Господинъ этотъ казался весьма-грязнымъ и непривлекательнымъ, хотя одежда его и не доходила ни до какихъ крайностей; пальцы далеко высывались изъ перчатокъ, а подошвы непристойнымъ образомъ отдѣлялись отъ верхней части сапоговъ; панталоны — некогда ярко-синяго цвѣта, но отъ времени поблѣднѣвшіе — далеко не доходили до низу и были такъ туго растянуты между подтяжками и штрипками, что ежеминутно грозили разлетѣться около коленъ. Синій сюртукъ военного покроя былъ застѣгнутъ снизу до подбородка; галстухъ неопредѣленнаго цвѣта гармонировалъ съ остальною частью туалета, а шляпа дошла до такого состоянія, что никто не рѣшился бы съ-разу какого цвѣта она была первоначально, чернаго или бѣлаго. Онъ носилъ усы, густые, взъерошенные, въ самомъ свирѣпомъ и сатанинскомъ вкусѣ, а на головѣ огромные растрепанные волосы. Ensemble этого господина былъ весьма-грязенъ, дерзокъ, размахистъ и низокъ.

— Ты подслушивалъ у двери, негодяй! крикнулъ этотъ джентльменъ.

Мастеръ Пексннѳъ оттолкнулъ его и сказалъ:

— Удивляюсь, куда двадцать мистриссъ Люпенъ! Знаете ли эта добрая женщина, что здѣсь есть человекъ, который...

— Стой! воскликнулъ усатый джентльменъ: — она объ этомъ знаетъ! Что жь далѣе?

— Что жь далѣе, сударь? да знаете ли вы, что я другъ и родственникъ этого большаго джентльмена? что я его покровитель, его...

— Я готовъ поклясться, что не мужъ его племянницы, потому что тотъ сейчасъ только былъ здѣсь.

— Что вы подъ этимъ разумете, сударь? Что вы мнѣ рассказываете?

— Погодите немножко! вскричалъ другой: — вы, можетъ-быть, тотъ самый родственникъ, который живетъ въ адъишней деревнѣ?

— Да, я тотъ самый родственникъ! отвѣчалъ добродѣтельный человекъ.

— Ваше имя Пексннѳъ?

— Такъ точно.

— Горжусь тѣмъ, что узналъ васъ и прошу вашего извиненія, сказалъ усатый, коснувшись рукою шляпы и нырнувъ тою же рукою потомъ за галстухъ, въ намѣреніи вытащить оттуда воротники (эта была однако безуспѣшно). — Вы видите до мнѣ, сударь, чело-

вѣка близкаго къ тому джентльмену, который на-вергу. Погодите немного.

Сказавъ это, онъ коснулся пальцемъ кончика своего носа, какъ-будто собираясь посвятить Пексниффа въ важную тайну. Снявъ шляпу, онъ началъ рыться въ множество лежавшихъ въ ней измятыхъ бумагъ, перемѣшанныхъ съ обрывками табачныхъ листьевъ, и наконецъ вытащилъ грязный конвертъ, пропитанный табачнымъ запахомъ.

— Читайте! сказалъ онъ, подавая письмо Пексниффу.

— Оно адресовано на имя Чивв-Слайма, конюшаго, отвѣчать тотъ.

— Надѣюсь, что вы знаете Чивв-Слайма?

Мастеръ Пексниффъ пожалъ плечами, какъ-будто желая выразить: «къ-сожалѣнію, знаю».

— Хорошо! въ этомъ-то и заключается все мое дѣло.—Усатый джентльменъ еще разъ нырнулъ за рубашечный воротникъ и вытащилъ кончикъ тесемки.

— Все это очень-странно, мой другъ, сказалъ Пексниффъ, покачивая головою и улыбаясь: — однако я очень сожалею, что нахожусь вынужденнымъ сказать вамъ, что вы не тотъ, за кого себя выдаете. Я знаю мастера Слайма.

— Стой! воскликнулъ усатъ: — погодите немного! потому, уставившись противъ камина спиною къ огню и подобравъ лѣвою рукою полы сюртука, а правую поглаживая усы, онъ началъ:

— Понимаю вашу ошибку, но не обижаясь ею. Почему? — потому-что она мнѣ льститъ. Вы полагаете, что я выдаю себя за Чивв-Слайма? Если есть на свѣтѣ человекъ, за котораго бы я желалъ, чтобъ меня по ошибкѣ приняли, то это конечно мастеръ Слаймъ. Онъ человекъ самаго высокаго и независимаго духа; оригинальный, умный, классическій, дароватый, — человекъ совершенно шекспировскій, если не мильтоновскій, и вмѣстѣ съ тѣмъ самая отвратительная, непризнанная собака, какую я только знаю. Но, сударь, я не имѣю тщеславія желать быть сочтеннымъ за Слайма: я готовъ сравнить себя съ каждымъ человекомъ во всей вселенной; но Слаймъ—о, вѣтъ! Слаймъ гораздо-выше меня!

— Я судилъ по адресу письма.

— И вы ошиблись. Знаете ли, мастеръ Пексниффъ, что у всякаго генія свои особенности. Сэръ, особенности моего друга Слайма заключаются въ томъ, что онъ всегда ждетъ за угломъ; онъ вѣчно за угломъ, сударь, даже и теперь; это ужъ характеристическая черта, которая не должна ускользнуть отъ его историка или биографа: иначе общество не будетъ удовлетворено, никакъ не будетъ удовлетворено.

Мастеръ Пексниффъ кашлянулъ.

— Биографъ Слайма, кто бы онъ ни былъ, долженъ обратиться ко мнѣ; вѣкъ, если я отправлюсь туда, откуда никто не возвращается, то къ домъ душоурикашкинъ. Я собралъ нѣсколько

анекдотовъ о немъ. Онъ чертовски-краснорѣчивъ, и не далѣе какъ пятнадцатаго числа прошлаго мѣсяца употребилъ одно выраженіе — такое выраженіе, сударь, что самъ Наполеонъ Бонапарте не постыдился бы произнести его въ рѣчи къ своимъ солдатамъ.

— Да скажите мнѣ, спросилъ мастеръ Пексниффъ, видимо выведенный изъ своей тарелки: — что же здѣсь надобно мастеру Сляйму?

— Во-первыхъ, сударь, вы позволите мнѣ сказать, что я съ негодованьемъ протестую противъ всего, что только кто-нибудь рѣшится сказать не въ пользу моего друга Сляйма; во-вторыхъ, я долженъ отрекомендоваться вамъ: имя мое, сударь, Тиггъ. Имя Монтагю Тиггъ вѣрно извѣстно вамъ, потому-что оно встрѣчается и тѣсно связано съ главными событіями испанской войны?

Пексниффъ слегка покачалъ головою.

— Все равно. Человѣкъ этотъ былъ мой отецъ, и я ношу его имя, въ-слѣдствіе чего я гордъ — гордъ, какъ Люциферъ. Извините меня на минуту: я желаю, чтобъ другъ мой Сляймъ присутствовалъ при нашей бесѣдѣ.

Съ этимъ словами, онъ выбѣжалъ къ наружной двери «Синяго-Дракона» и почти тотчасъ же возвратился съ товарищемъ, ростомъ ниже его, одѣтымъ въ изношенную синюю камлотовую шинель съ полинялымъ краснымъ подбоемъ. Угловатыя черты лица его посинѣли отъ долгаго ожиданія на холодѣ, а взъерошенные рыжіе бакенбарды и волосы давали его физиономіи вовсе не шекспировское и не мильтоновское выраженіе.

— Ну, сказалъ мастеръ Тиггъ, трепнувъ одной рукою по плечу своего друга, а другою обращая на него вниманіе Пексниффа: — вы между собою родня, а родные никогда другъ съ другомъ не сходятся, что весьма-мудро и неизбежно, потому-что иначе все человеческое общество состояло бы исключительно изъ семейныхъ кружковъ и люди надобно бы другъ другу до-нельзя. Еслибъ вы были въ хорошихъ сношеніяхъ между собою, я смотрѣлъ бы на васъ, какъ на самую противоестественную чету; но видя васъ, какъ вы есть, я полагаю, что вы оба должны быть чертовски глубоко-мысленны, и что съ вами до нѣкоторой степени можно разсуждать.

Здѣсь мастеръ Чивъ-Сляймъ толкнулъ своего друга изъ-подтишка локтемъ и пошепталъ ему что-то на ухо.

— Чивъ, сказалъ Тиггъ громко: — я сейчасъ дойду до этого; я буду дѣйствовать подъ своею собственною отвѣтственности, или вовсе не буду дѣйствовать; такой незначительный заемъ, какъ одна кропа, для человѣка твоихъ дарованій, конечно, не встрѣтитъ препятствій со стороны мастера Пексниффа.

Видя однако, что добродѣтельный не раздѣляетъ его увѣренности, онъ снова приложилъ палецъ къ носу, давая этимъ чувствовать, что требованіе небольшихъ займовъ есть другая особенность

гёнія друга его Сляйма, и что самъ онъ, Тиггъ, имѣеть сильное метафизическое, хотя и безкорыстное сочувствіе къ этой слабости.

— О, Чивъ, Чивъ! присовокупилъ мастеръ Тиггъ, рассматривая своего пріятеля съ глубокомысленнымъ вниманіемъ:—ты, клянусь жизнью, представляешь собою странный образчикъ маленькихъ слабостей, овладѣвающихъ великими умами. Еслибъ на свѣтъ не было телескоповъ, то, наблюдая тебя, Чивъ, я бы готовъ былъ убедиться, что и въ солнцѣ есть пятна! Но какъ ни разсуждай, а свѣтъ будетъ идти по-своему, мастеръ Пексиффъ! Гамлетъ правду говоритъ, что сколько ни размахивай Геркулесъ своею палицею вокругъ себя, а все онъ не можетъ запретить кошкамъ дѣть по ночамъ на крышахъ, иди помѣшать, чтобъ бѣшеныхъ собакъ стрѣляли на улицахъ въ жаркое лѣто. Жизнь наша задача, самая адски-мудреная задача! Но объ этомъ нечего говорить, ха, ха, ха!..

Послѣ такого предисловія, мастеръ Тиггъ раздвинулъ ноги шире, значительно погладилъ усы и продолжалъ:

— Я вамъ скажу въ чемъ дѣло. Я самый мягкосердечный человекъ во вселенной и не могу выдержать, видя васъ обоихъ; готовыхъ перерезать другъ другу глотки, тогда-какъ вы ничего отъ этого не выиграете. Мастеръ Пексиффъ, вы довольно дальній родственникъ того, кто тамъ наверху; мы его племянникъ—когда я говорю «мы», значитъ Чивъ. Можетъ-быть, что, въ сущности, вы и ближе родня этому старому хрычу, нежели мы; но какъ бы то ни было, а ни вамъ, ни намъ поживы никакой отъ него не будетъ. Клянусь вамъ моею блистательною честью, что я глядѣлъ въ эту замочную скважину, съ малыми промежутками отдыха, съ девяти часовъ сегодняшняго утра, въ ожиданіи отвѣта на самое умеренное и джентльменское требованіе временнаго пособія—только пятнадцать гиней, и подѣ мое поручительство! А онъ въ это время сидитъ въ-заперти съ какою-то совершенно-чужою особою и разливаєтъ передъ нею всѣ сокровища своей сердечной довѣренности. Скажу рѣшительно: такой порядокъ вещей не долженъ, не можетъ и не будетъ существовать; нельзя до этого допустить!

— Всякій человекъ, отвѣчалъ Пексиффъ:—имѣеть право, полное, несомнѣнное право (котораго я ни за какія земныя блага не буду оспаривать) располагать своею собственностью, какъ ему угодно, лишь бы это не было противно нравственности и религіи. Я могу внутренне чувствовать, что мастеръ Чодзльвицъ не питаетъ ко мнѣ той христіанской любви, какая должна бы существовать между нами; не смотря на то, я не могу сказать, чтобъ холодность его ко мнѣ была внѣ всякаго оправданія: оборони Боже! Кромѣ того, мастеръ Тиггъ, какимъ образомъ воспретить г. Чодзльвицу ту особенную и чрезвычайную откровенность, о которой вы говорите; я допускаю ея существованіе и оплакиваю ее — за него-самого! Судите же, мой почтеннѣйшій, сами, а мнѣ кажется, что вы говорите вопусту?

— Что до этого, замѣтилъ Тиггъ: — вопросъ, конечно, затруднительнень.

— Безъ сомнѣнія такъ, отвѣчалъ Пексниффъ, и въ это время онъ разсматривалъ своего собесѣдника съ чувствомъ внутренняго сознанія огромной, раздвѣляющей ихъ, нравственной бездны: — безъ сомнѣнія, вопросъ этотъ весьма-затруднительнень, и я далеко не убѣжденъ, чтобъ кто-нибудь имѣлъ право рѣшать его. Добраго вечера, господа.

— Вы вѣрно не знаете, что Спотльтоэ здѣсь? замѣтилъ мастеръ Тиггъ.

— Что за Спотльтоэ? спросилъ Пексниффъ, остановясь невольнo въ дверяхъ.

— Мастеръ и мистриссъ Спотльтоэ, отвѣчалъ Чиви Слаймъ, конюшій, недовольнымъ тономъ: — Спотльтоэ женился на дочери брата моего отца, не правда ли? Мистриссъ Спотльтоэ родная племянница Чодзльвита, такъ ли? Она никогда была его любимицей, а вы еще спрашиваете, что за Спотльтоэ?

— Нѣтъ! вскричалъ Пексниффъ, устремивъ глаза въ потолокъ: — это дѣлается нестерпимо. Жадность этихъ людей ужасаетъ меня!

— Да не одинъ Спотльтоэ здѣсь, Тиггъ, сказалъ Чиви-Слаймъ, глядя на него и обращаясь къ Пексниффу. — Энтони Чодзльвита и сынъ его также проникли объ этомъ и прѣехали сюда сегодня послѣ обѣда — я видѣлъ ихъ минутъ пять тому назадъ, стоя за угломъ.

— О, Маммонъ, Маммонъ! вскрикнулъ Пексниффъ, ударивъ себя въ лобъ.

— Такъ вотъ, сударь, продолжалъ Слаймъ: — его братья и еще племянникъ къ вашимъ услугамъ.

— Въ этомъ-то и состоитъ все дѣло, заговорилъ Тиггъ: — вотъ настоящая цѣль, до которой я добираюсь постепенно, тогда-какъ другъ мой Слаймъ попалъ въ нее разомъ, несколькими словами. Мастеръ Пексниффъ! такъ-какъ вашъ родственникъ (а Чиви дядя) Мартинъ Чодзльвита здѣсь, то необходимо принять нѣкоторыя предосторожности, чтобъ онъ снова не исчезъ, и, что всего важнѣе, надобно всѣми мѣрами противодействовать влiянiю на него его любимицы: это всякій легко пойметъ. Вся родня стекается сюда: настало время забыть все частныя раздоры и несогласiя и возстать противъ общаго врага; когда онъ будетъ отбитъ, всякій по-прежнему прiймется хлопотать за себя, и, до мѣрѣ умъня, можетъ вытянуть себя что-нибудь изъ шкатулки завѣщателя. Какъ бы то ни было, теперь надобно быть осторожнымъ. Подумайте объ этомъ. Вы насъ найдете во всякое время, въ «Полумсяцъ-и-Семи-Звѣздахъ» этой деревни, готовыхъ принять благоразумныя предложенiя. Гм! Чивъ, мой другъ, посмотри, какой на дворъ!

Мастеръ Чиви-Слаймъ, конюшій, просвѣдно исчезъ, и, какъ легко догадаться, отправился за уголь. Мастеръ Тиггъ, радостнунувъ ноги до нельзя, кивалъ Пексниффу головою и улыбался.

— Мы не должны слишком строго осуждать шаловливыя стропотности нашего друга Сляйма. Вы видѣли, какъ онъ мнѣ шелкалъ на ухо?

Мастеръ Пенсниффъ видѣлъ это.

— И слышала мой отвѣтъ?

Мастеръ Пексниффъ слышалъ его.

— Пять шиллинговъ, а? сказалъ Тиггъ задумчиво. — О, что за необыкновенный мальчикъ! И какъ онъ умѣренъ!

Мастеръ Пексниффъ не отвѣчалъ.

— Пять шиллинговъ! продолжалъ Тиггъ съ прежнею задумчивостью: — и на условіи возвратитъ мнѣ пунктуально на той недѣлѣ. Вы слышали объ этомъ?

Мастеръ Пексниффъ не слышалъ этого.

— Нѣтъ? Вы меня удивляете! А въ этомъ-то и заключается славка всего дѣла. Я въ жизнь свою не видалъ человека, который бы не выполнилъ даннаго обещанія. Вамъ не нужно ли монетъ монеты? я вамъ дамъ сдачи.

— Нѣтъ, благодарю васъ, вовсе не нужно.

— Гм! Еслибъ вамъ было нужно, я могу достать. Послѣ этого, онъ началъ посвистывать, но секунда черезъ десять остановился и посмотрѣлъ пристально на Пексниффа.

— Можетъ-быть, вы не желаете дать Сляйму пять шиллинговъ взаймы?

— Да, я не имѣю такого желанія.

— А-га! воскликнулъ Тиггъ, какъ-будто только сейчасъ догадавшись, что Пексниффъ можетъ имѣть какую-нибудь причину не одолжать Сляйма: — очень можетъ быть, что вы и правы. Но вы, конечно, не обнаружите такого же нехотѣнія въ отношеніи ко мнѣ, а не откажетесь дать мнѣ пять шиллинговъ на тѣхъ же условіяхъ?

— Я полагаю, что не могу этого сдѣлать.

— Ни даже полкроны? не можетъ быть!

— Ни даже полкроны.

— Ну, такъ мы дойдемъ до самой забавной суммы, полторы шиллинговъ, ха, ха, ха!

— И они встрѣтятъ то же препятствіе.

Услышавъ это увѣреніе, мастеръ Тиггъ искренно пожалъ ему объ руки, утѣря его весьма-серьезно, что онъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ и толковыхъ людей, какихъ ему когда-либо случалось встрѣчать, и что онъ желаетъ чести покороче съ нимъ познакомиться. Потомъ онъ замѣтилъ, что другъ его Сляймъ имѣетъ нѣкоторые характеристическіе отгѣнки, которыхъ онъ, какъ человекъ строгой честности, одобритъ не можетъ; но что онъ готовъ извинить ему эти небольшія отступленія въ свѣдѣніи удовольствія, доставленнаго ему знакомствомъ мастера Пенсниффа, которое въ хитрости его гораздо-болѣе, чѣмъ самъ могъ бы обрадовать успѣхъ въ поимку маленькаго займа. Послѣ того, онъ простился съ Пексниффомъ и ушелъ, недоволенъ, но несиловъ не ком-

судить претерпѣнною неудачею, какъ следовало джентльмену такого рода.

Размышленія Пексниффа въ тотъ вечеръ и ночь были неутѣшительны, тѣмъ болѣе, что извѣстія, сообщенныя ему Титгошъ и Слаймонъ о стеченіи родни Чодзльвита, были совершенно подтверждены послѣ подробнѣйшаго развѣдыванія. Спотылое остановилось прямо въ «Драконѣ» и, не теряя времени, принялись за дѣло. Появленіе ихъ тамъ произвело столь сильное впечатлѣніе, что истриссъ Люпенъ, догадавшись о цѣли ихъ прибытія, побѣжала съ этою вѣстью къ Пексниффу сама, и вотъ отъ-чего, разошедшись съ нею, патетическій джентльменъ не нашелъ ея у залавка. Энтони Чодзльвита съ сыномъ своимъ Джонсомъ поселились скромно въ «Полумѣсяцъ-и-Семи-Звѣздахъ», темномъ деревенскомъ кабацѣ; а слѣдующій дилижансъ привезъ такую тѣму добрыхъ родственниковъ бѣднаго Мартина Чодзльвита, что менѣе чѣмъ въ сутки все помѣщеніе въ «Синемъ-Драконѣ» и другихъ кабакахъ и портерныхъ лавкахъ было занято, и поднялось въ цѣнѣ на сто процентовъ.

Словомъ, дѣло дошло до того, что «Синій Драконъ» очутился въ осадномъ положеніи; но Мартинъ Чодзльвита храбро выдерживалъ нападеніе: онъ не принималъ никого, отсылалъ назадъ всѣ письма, посылки и предложенія, и упорно отказывался отъ капитуляціи. Въ это время, различныя партіи родныхъ сходились между собою въ сосѣдствѣ; но какъ съ давняго времени извѣстно, что вѣтви фамиліи Чодзльвитовъ никогда не отличались согласіемъ, то и въ теперешнемъ случаѣ страшно было видѣть взгляды, которыми перекидывались между собою движимыя враждебными интересами отрасли; страшно было слышать слова, которыми онъ другъ друга честили: — словомъ, всѣ добрыя чувства были погребены, всѣ старыя неудовольствія взрыты, желчь взаимной ненависти и корыстнаго соперничества разлилась и затопила всѣ сердца.

Наконецъ, начиная отчаяваться въ успѣхъ, нѣкоторыя изъ воюющихъ партій начали уже заговаривать между собою въ довольно-умѣренныхъ выраженіяхъ и почти всѣ вели себя сносно-прилично въ отношеніи къ Пексниффу, изъ уваженія къ его высокой репутации и политическому вліянію. Такимъ образомъ, они мало-по-малу начали соединяться противъ упорства Мартина Чодзльвита, и дошли до того, что согласились — если только выраженіе это можно примѣнить къ Чодзльвитамъ — согласились собраться для общаго совѣта въ домъ Пексниффа, въ назначенный дощъ.

Если мастеръ Пексниффъ когда-нибудь смотрѣлъ добродѣтельнымъ, то конечно въ этотъ достопамятный день; даже улыбка его провозгласила: «я вѣстникъ мира!» Если когда-нибудь человекъ соединялъ въ себя кротость агнца съ кротостью голубя, не примѣшавая къ тому ни малѣйшей черты крокодила или змія, въ самую смиренную его эпоху, — это, конечно, былъ мастеръ Пексниффъ. А доче-

ри его! Какими словами можно описать ихъ въ этотъ торжественный часъ? О! никакими! онъ были выше всякаго описанія!

Но настало время и общество собралось. Когда мастеръ Пексниффъ всталъ съ своего стула, поставленнаго въ концѣ стола, съ объими дочерьми по сторонамъ, и указывалъ гостямъ своимъ стулья, глаза и лицо его такъ отсырѣли отъ благодушной испарины, что можно было сказать, что онъ находится въ состояннн влажной добродѣтели! А общество — завистливое, себялюбивое, бездушное, жестокосердое, недоувѣрчивое общество, погрязшее въ своекорыстнн, сомнѣвавшееся во всѣхъ и во всемъ,—оно вовсе не оказывало расположенія размягчиться или быть усыпленнымъ сладкими рѣчами Пексниффовъ: настоящіе дикобразы!

Во-первыхъ, тутъ былъ мастеръ Спотльтозъ, до такой степени пышннвыи и съ такими густыми бакенбардами, что, казалось, онъ будто какимъ-нибудь могучимъ средствомъ удержалъ волосы, исчезавшіе съ головы, и прикрѣпилъ ихъ неразрывными узамн къ лицу. Потомъ мистриссъ Спотльтозъ, женщина совершенно-поэтической комплекціи, сухая, говорившая своимъ искреннимъ прнѣлннцамъ, что означенныя бакенбарды были «путеводительною звѣздою ея существованія», теперь, изъ сильной привязанности къ своему дядюшнн Чодзльвиту и отъ удара, нанесеннаго ея чувствамъ подозрѣннемъ въ покушенн на его завѣщанн, она могла только проливать слезы и стонать. Потомъ, тутъ были Энтонн Чодзльвнтъ съ сыномъ своимъ Джонсомъ: лицо старика до того заострилось отъ утомленія и хитрости, что казалось, будто онъ прорывалъ ему дорогу въ биткомъ-набитой комнатѣ; когда онъ обгнбалъ отдаленнѣйшіе стулья; а сынъ его Джонсъ, по-видимому, такъ хорошо воспользовался урокамн и примѣромъ своего отца, что казался годомъ или двумя старше его, когда они стояли рядомъ, шептались и подмигивали другъ другу своими красивыми глазами. Потомъ, тутъ была вдова умершаго брата Мартина Чодзльвита, женщина сверхъестественно-непрнѣлннная, съ сухимъ и костлявымъ лицомъ, которая готова была показать себя настоящнмъ Самсономъ со стороны твердости характера, и запретила своего свояка въ домъ сумасшедшихъ, гдѣ онъ сидѣлъ блѣдо-голубымъ, пока не доказалъ бы ей, что онъ ее очень любитъ. Подлѣ нея сидѣли ея три перезрѣлыя дочери, до того измучившія себя тугннн-стягиванемъ, что совершенно исчахли, и выражали даже носами своими, длинными и тонкими, что корсеты ихъ были всегда очень-узкія. Еще былъ тутъ молодой джентльменъ, внучатннй племянникъ Мартина Чодзльвита, весьма-смуглый и волосатый, рожденный по-видимому только для того, чтобъ отражать въ зеркалѣ первую идею и первоначальный очеркъ человѣческаго лица, никогда недорисовываемый. Потомъ была одинокая женщина, кузина, замѣчательная только сильною глухотою и всегдашннею головною болью. Потомъ былъ Джорджъ Чодзльвнтъ, веселый холостякъ, ннѣвшнй прнтязанн на молодость и на то, что онъ ннкогда былъ.

еще молодо, скланнный къ дородности и перенормленный до такой степени, что глава его вытаращивалась и казалась вѣчно-удивляющеюся. Наконецъ, тутъ присутствовали мастеръ Чви-Слаймъ и другъ его, Тигтъ, Достоинно замѣчая, что хотя всѣ присутствующие ненавидѣли другъ друга за то, что принадлежали къ той же фамили, они всѣ вмѣстѣ, общими силами, ненавидѣли мастера Тигта да то, что онъ не былъ имъ съ-родни.

Вотъ какойъ былъ милый родственный кружокъ, собравшійся въ лучшей гостиной мастера Пексннѳа и пріятно приготовленный броситься на Пексннѳа или кого бы то ни было, кто рискнулъ бы сказать что-нибудь и о томъ-нибудь.

— Я считаю себя необыкновенно-счастливымъ, началъ мастеръ Пексннѳъ, вставъ со стула и обведя взорами общество: — видя васъ собравшимися здѣсь; позвольте объявить вамъ нашу благодарность за честь, которую вы сдѣлали мнѣ и моимъ дочерямъ. Мы вполнѣ чувствуемъ это и никогда не забудемъ.

— Мнѣ очень-жаль прерывать васъ, Пексннѳъ; замѣтилъ мастеръ Спотльтоъ, грозно доглаживая бакенбарды: — но вы берете на себя слишкомъ-много. Не-ужели вы думаете, что кто-нибудь можетъ внять намъренію отличать васъ передъ всѣми, сударь?

— Всеобщій одобрительный ропотъ отзывался на это замѣчаніе.

— Если вы намѣрены продолжать такъ, какъ начали, восклицнула Спотльтоъ съ возрастающимъ жаромъ, ударивъ кулакомъ по столу: — то чѣмъ раньше вы кончите и общество разойдется, темъ лучше! Я, сударь, монимаю ваше заносчивое желаніе считаться главою этой фамили; но я вамъ скажу, сударь...

— О, да! конечно! онъ скажетъ! Что? Ужъ не онъ ли глава? Иная бы не такъ! Начиная съ характерной женщины, всѣ напустились на мастера Спотльтоъ, который послѣ тщетныхъ попытокъ быть услышаннымъ, принужденъ былъ съестъ, скрестя руки, съ большинствомъ покачивая головою и давая знать пантомимой жезл своей; что если только негодный Пексннѳъ вздумаетъ продолжать, онъ его съ разу уничтожить.

— Я не знаю; началъ снова мастеръ Пексннѳъ: — почтительно по-нахальнѣ объ этомъ маленькомъ замѣшательствѣ. Пріятно чувствовать, что притворство чуждо намъ, и что всамый является здѣсь къ настоящему своему виду и характеру.

— Тутъ старшая дочь характерной женщины поднялась со стула къ дрежкѣ вѣдьмъ-глазъ; больше его злости, нежели отъ робости, женщина задвину, что некоторые люди коварно явятся въ своемъ настоящемъ характеру; хотя бы только для новизны, и что когда они будутъ говорить о своихъ родственникахъ, то не должно упускать изъ вида замѣнить всѣхъ присутствующихъ, иначе кто-нибудь можетъ дойти до слуха этихъ родственниковъ. Что же касается до красныхъ носовъ, она еще не знала, чтобъ красный носъ биваетъ ноги-нибудь, чѣмъ болѣе, что никто не сотворилъ вымысла красить себя носомъ, не что притворя она была каждая изъ

надесть эту часть лица безъ нашего спроса; но и въ этомъ случаѣ она имѣетъ большое сомнѣнiе, краснѣ ли одни носы другихъ или только въ-половину такъ красны. Замѣчанiе это было принято съ рвѣннѣ одобрительнымъ говоромъ со стороны сестеръ ораторши, а миссъ Чѣрити Пексниффъ спросила съ большою вѣжливостью, не на ея ли счетъ пущены были сдѣланныя старою дѣвицею низкiя замѣчанiя; получивъ въ отвѣтъ пословицу, что «кому шапка впо-ру, пусть тотъ ее и носитъ», начала злое и исполненное личностей возраженiе, въ которомъ была поддержана сестрою своею Мѣрси, кохотавшею притомъ отъ всего сердца. Такъ-какъ невозможно, чтобъ разность въ мнѣнiяхъ между женщинами, въ присутствii другихъ женщинъ, могла имѣть мѣсто безъ того, чтобъ всѣ не приняла дѣятельнаго участiя въ спорѣ, то и характерная женщина съ двумя остальными своими дочерьми, мистриссъ Спотльтоэ и глухая кѹзина разомъ вмѣшались въ дѣло.

Двѣ миссъ Пексниффъ были по плечу тремъ миссъ Чодзльвитъ, и какъ всѣ нѣтъ — говоря фигурнымъ языкомъ нашего времени — «нишли много паровъ», то нѣтъ сомнѣнiя, что споръ продолжался бы долго, еслибъ не помогла бѣдѣ высокая храбрость характерной женщины, которая такъ отдѣлала и озадачила мистриссъ Спотльтоэ, что та черезъ двѣ минуты ударилась въ слезы. Она пролила ихъ столько и такъ расстрогала ими своего мужа, что этотъ джентльменъ, поднося сжатый кулакъ къ глазамъ Пексниффа, какъ-будто кулакъ его былъ рѣдкостью, рассмотрѣнiе которой увеличило бы познанiя добродѣтельнаго челоуѣка, и обшавъ вытолкать въ пицки Джорджа Чодзльвита, подхватилъ подъ руки свою жену и вышелъ волнуемый негодованiемъ. Эта диверсія развлекла вниманiе сражавшихся и ослабила ссору, которая мало-по-малу затихла.

Тогда мастеръ Пексниффъ поднялся еще разъ. Въ то же время, двѣ миссъ Пексниффъ смотрѣли такъ, какъ-будто не только въ комнату, но даже во всей вселенной не было существъ, извѣстныхъ подъ названiемъ трехъ миссъ Чодзльвитъ; а миссъ Чодзльвитъ съ своей стороны показали такое же невѣдѣнiе о существованiи двухъ миссъ Пексниффъ.

— Весьма-горестно, сказалъ Пексниффъ, по-христіански забывая о кулакѣ мастера Спотльтоэ: — что другъ нашъ ушелъ такъ скоро; хотя мы и можемъ взаимно поздравить себя съ этимъ, какъ съ доказательствомъ его довѣрчивости къ тому, что мы скажемъ въ его отсутствii. Не правда ли, это утѣшительно?

— Пексниффъ, сказалъ Энтони Чодзльвитъ: — не будьте лице-мѣромъ.

— Не былъ чѣмъ, почтенный другъ мой!

— Лицемеромъ.

— Чѣрити, моя милая, когда я пойду спать, напомни мнѣ, чтобъ я особенно-усердно помолился за мастера Энтони Чодзльвита: онъ былъ несправедливъ ко мнѣ.

Это было сказано самымъ сладостнымъ тономъ и въ сторону, какъ-будто только для дочери. Потомъ онъ началъ:

— Такъ-какъ всѣ наши мысли сосредоточились на нашемъ любезномъ, но жестокосердомъ родственникѣ, который не хочетъ насъ видѣть, мы собрались сегодня какъ-будто на поминки, исключая того, что, благодаря Бога, въ домѣ нѣтъ покойника.

Характерная дама вовсе не была увѣрена, чтобъ за это исключеніе стоило благодарить Бога; напротивъ...

— Очень-хорошо, сударыня! Но какъ бы то ни было, мы здѣсь; а собравшись, мы должны рассмотреть: возможно ли будетъ какими-нибудь позволительными средствами...

Характерная дама замѣтила, что въ такихъ случаяхъ всѣ средства позволительны, и что Пексниффу это такъ же хорошо известно, какъ и ей-самой.

— Положимъ, что и такъ, сударыня, продолжалъ Пексниффъ: — скажемъ, что намъ надобно рассмотреть, можно ли какими бы ни было средствами открыть глаза нашему достойному родственнику и ознакомить его съ настоящимъ характеромъ и намереніями той молодой женщины, которой странное положеніе, въ-отношеніи къ нему, набрасываетъ тѣнь позора на всю фамилію, и которая, какъ намъ извѣстно, — иначе почему бы ей быть его неразлучною спутницей? которая имѣетъ самые низкіе замыслы на его собственность и основываетъ ихъ на его слабости.

Въ этотъ разъ всѣ, несогласовавшіеся прежде ни въ чемъ между собою, обнаружили одно мнѣніе. Боже милосердый! Она осмѣливается имѣть замыслы на его собственность!... За это характерная дама присудила отравить ее ядомъ; дочкамъ ея показалось достаточномъ запереть несчастную въ брайдвелльскую тюрьму на хлѣбъ и воду; кузина съ головою болью предлагала Ботани-Бэй, а двѣ миссъ Пексниффъ думали, что довольно было бы ее хорошенько высѣчь.

— Теперь, сказалъ Пексниффъ, переждавъ этотъ взрывъ: — я не найду такъ далеко, чтобъ утверждать, что она дѣйствительно заслуживаетъ всѣ наказанія, къ которымъ ее сейчасъ приговорили; но съ другой стороны, не стану доказывать, чтобъ она была и безукоризненна. Я хотѣлъ замѣтить, что, по моему мнѣнію, должно прибѣгнуть къ какому-нибудь практическому способу — внушить нашему почтенному... скажу ли, нашему уважаемому?...

— Нѣтъ! прервала громко характерная дама.

— Я не скажу этого, сударыня: — итакъ, нашему почтенному родственнику, чтобъ онъ внималъ голосу природы, а не... какъ-бишь называются эти баснословныя животныя? — тѣ, которыя обыкновенно поютъ въ водѣ? я совершенно забылъ это языческое названіе...

— Лебеди, напомнилъ Джоржъ Чодзльвитъ.

— Нѣтъ, не лебеди, а что-то похожее на нихъ.

— Устрицы, проговорилъ племянникъ съ недоконченною физиономіей.

— Бътъ, отвѣчалъ Пексниффъ съ своею обычною любезностью: — и не устрицы, хотя идея ваша превосходна. Постоите!... Сирены, да, да, сирены! Я хотѣлъ сказать, что надобно внушить нашему почтенному родственнику, чтобъ онъ внималъ голосу природы и родства, а не напѣвамъ той сирены, которая опутываетъ его своими сѣтями. Мы должны вспомнить, что у нашего почтеннаго родственника есть внукъ, къ которому я чувствую сильное сердечное влеченіе и котораго весьма желалъ бы видѣть сегодня между нами. Прекрасный молодой человекъ! съ большими надеждами! Я хотѣлъ предложить вамъ постараться уничтожить недоверчивость почтеннаго мастера Мартина Чодзльвита и тѣмъ доказать наше собственное безкорыстіе.

— Если мастеръ Джорджъ Чодзльвитъ желаетъ мнѣ что-нибудь сказать, прервала характерная женщина сурово: — я прошу его обратиться прямо ко мнѣ, а не смотрѣть на меня и моихъ дочерей такъ, какъ-будто онъ хочетъ съѣсть насъ.

— Что касается до смотрѣнія, мистриссъ Нэль, возразилъ сердито мастеръ Джорджъ: — я слыхалъ поговорку, что «кошка имѣетъ полную свободу разсматривать монарховъ»; а потому, будучи членомъ этой фамиліи, считаю себя въ правѣ глядѣть на особу, вошедшую къ нее только посредствомъ супружества. Что же до сядовія насъ, позвольте замѣтить, что я не людоватъ, сударыня.

— Это еще неизвѣстно! вскричала характерная дама.

— Во всякомъ случаѣ, еслибъ я даже и былъ людовдомъ, возразилъ разгоряченный Джорджъ Чодзльвитъ: — то мнѣ бы показалось, что дама, пережившая трехъ мужей и пострадавшая весьма-мало отъ этихъ потерь, должна быть необычайно-жестка и вовсе не аниететта.

Характерная женщина немедленно встала.

— Я прибавлю, продолжалъ мастеръ Джорджъ: — не называя никого по имени, что по-моему было бы гораздо-приличнѣе, велибъ особы, втершіяся въ нашу родню, пользуясь нѣкоторыми слабыми сторонами извѣстныхъ членовъ ея до супружества и уморивъ ихъ потомъ, хотя онъ и каркали надъ ними такъ громко, какъ-будто собирались умирать надъ ихъ могилами, — что такія особы лучше поступали бы, отказавшись отъ участія воробъ относительно живыхъ членовъ этой фамиліи. Я полагаю, что онъ лучше бы сѣлали, осекаясь дома, чѣмъ запуская пальцы въ фамильный пирогъ, котораго запаха было бы для нихъ достаточно милыхъ въ пятидесяти отсюда.

— Я должна была ожидать этого! воскликнула характерная женщина, презрительно озираясь вокругъ и направляясь къ дверямъ вмѣстѣ съ дочерьми: — я была приготовлена ко всему этому! Да и чего другаго можно ожидать въ подобной атмосферѣ?

— Не направляйте на меня вашего полу-пенсіоннаго взгляда, сударыня, присовокупила миссъ Чёрити: — я не могу его перенести.

Этот молодечий удар мѣтилъ на половинную певичю, которую характерная женщина пользовалась во время вторичнаго widowства в. до третьяго замужства: дѣйствіе его было необычайно!

— Вступивъ въ вашу родню, жалкая дѣвчонка, отвѣчала мистриссъ Нэдъ: — я потеряла свои права на благодарность отечества; теперь я чувствую, какъ себя унизила, променявъ признательность соединенныхъ королевствъ Великобританіи и Ирландіи на такое гнусное родство. Теперь, мои милыя, если вы готовы и достаточно наслаждались любезностей этихъ молодыхъ дѣвицъ, мнѣ кажется, мы можемъ уйти. Мастеръ Пексниффъ, ны вамъ до крайности обяваны: вы превзошли себя; благодарю васъ за доставленное намъ удовольствіе, очень благодарю! Прощайте.

Съ этими словами, характерная дама вышла вмѣстѣ съ своими доверьями изъ дома Пексниффа, и всѣ трѣ, держимыя одною рукою, подняли посы въверхъ на одинакую высоту, пересовариваясь между собою съ презрительнымъ видомъ. Проходя мимо оконъ гостиной, онѣ, для нанесенія рѣшительнаго и послѣдняго удара бѣдѣ, въ ней, притворились совершенно торжествующими и восхищенными и исчезли изъ вида. Прежде, нежели мастеръ Пексниффъ и оставшіеся собесѣдники успѣли что-нибудь сказать, другая фигура, съ противоположной стороны, быстрыми шагами прошла мимо оконъ: немедленно послѣ того мастеръ Спотльтозъ ворвался въ гостиную. Судя потому, какъ онъ теперь былъ воспламененъ, онъ оставилъ комнату сравнительно въ мерзломъ, оледенѣломъ состояніи духа. Лицо его горѣло, жирныя капли пота текли съ огромной лысины на бакенбарды, онъ дрожалъ всеми членами и запыхавшись едва переводилъ духъ.

— Что съ вами, почтенный другъ мой? спросилъ его удивленный Пексниффъ.

— О, да! о, конечно! безъ всякаго сомнѣнія! кричалъ тотъ: — вы его слушаете? Слушайте дальше! онъ вамъ скажетъ! онъ все скажетъ!..

— Да въ чемъ дѣло? воскликнуло нѣсколько голосовъ.

— Ничего! отвѣчалъ Спотльтозъ: — совершенно ничего! совершенно нѣтъ! Спросите только его! Онъ вамъ все скажетъ!

— Я не понимаю нашего друга, сказалъ Пексниффъ, совершенно-озадаченный.

— Не понимаетъ! онъ не понимаетъ! кричалъ Спотльтозъ. — Вы, сударь, хотѣте сказать, что не знаете, что случилось? Что вы не заманили насъ сюда для исполненія вашихъ замысловъ? Вы, пожалуй, скажете, что не знали о томъ, что мастеръ Чодильвиль уѣзжаетъ, и что онъ уже теперь уѣхалъ?

— Уѣхалъ! было общее восклицаніе.

— Да, уѣхалъ, отозвался Спотльтозъ. — Уѣхалъ, пока мы сидѣли здѣсь, и никто не знаетъ куда!.. О, безъ сомнѣнія, никто этого не знаетъ! Хозяйка до послѣдней минуты думала, что она имѣла прогуляться: она ничего и не подозрѣвала!.. О, конечно нѣтъ!

Прибавя къ этимъ возгласамъ нечто въ родъ ироническаго воя и посмотрѣвъ нѣсколько секундъ на общество, возбужденный джентльменъ поднялся снова и ушелъ тѣми же неистовыми шагами.

Напрасно силился Пексниффъ увѣрять, что этотъ новый и удачный побѣгъ былъ для него такою же новостью и такимъ же уларомъ, какъ и для всѣхъ прочихъ: невозможно исчислить всѣхъ взваленныхъ на него обвиненій и энергическихъ комплиментовъ; которыми его на прощаньи надѣлялъ каждый изъ его родственниковъ по-одиначкѣ.

Нравственное положеніе Тигга сдѣлалось теперь совершенно-грознымъ, а глухая кузина, выходя, оскоблила себя нѣсколько разъ башмаки о скрепку, поставленную на крыльцѣ, въ доказательство; что она страшаетъ прахъ съ ногъ своихъ, оставляя такое измѣнительское и нечистое мѣсто.

ГЛАВА V,

ЗАКЛЮЧАЮЩАЯ ВЪ СЕБѢ ПОЛНОЕ ПОВѢСТВОВАНІЕ О ВОЗВРАЩЕНІИ НОВАГО УЧЕНИКА МЭСТРА ПЕКСНИФФА ВЪ ИЗДРА ЕГО СЫМЪСТВА, СО ВСѢМИ СОПРОВОЖДАВШИМИ ЕГО ТОРЖЕСТВАМИ И ВЕЛИКОЮ РАДОСТЬЮ ПИНЧА.

Лучшій изъ архитекторовъ и землемѣровъ имѣлъ лошадь, въ которой враги его находили большое сходство съ нимъ-самимъ, — сходство не наружное, потому-что конь былъ костлявъ и тощъ, пользуясь всегда гораздо-меньшею, сравнительно съ его жителскими потребностями, порціею, нежели самъ мастеръ Пексниффъ; но болѣе въ нравственномъ отношеніи, потому-что и конь подавалъ обильныя надежды, которыхъ не имѣлъ обычая выполнять. Онъ всегда какъ-будто приготовлялся бѣжать, а между-тѣмъ не бѣжалъ; двигаясь самою медленною рысью; онъ такъ высоко выкидывалъ ноги, что, глядя на него, всякій былъ увѣренъ, что онъ бѣжитъ по-крайней-мѣрѣ по четырнадцать миль въ часъ; къ тому же, онъ всегда былъ такъ доволенъ своею рысью и такъ мало огорчался, когда ему приходилось сравнивать бѣгъ свой съ бѣгомъ гораздо-болѣе-рысистыхъ коней, что невозможно было не ошибаться. Животное это вселяло въ грудь чужихъ людей живѣйшія надежды, но за то знающіе его кароче рѣшительно приходили въ отчаяніе.

На этомъ конѣ, запряженномъ въ окованный крытый кабріолетъ, долженъ былъ, въ одно ясное морозное утро, ѣхать мастеръ Пинчъ въ Сэлisbury, за новымъ ученикомъ мастера Пексниффа.

Томъ Пинчъ ѣхалъ не скоро, но съ чувствомъ быстрого движенія, что было также хорошо, — и все, что съ нимъ на пути случалось, приводило его въ восхищеніе: онъ видѣлъ, какъ ему обрадовалась жѣна шоссейнаго сборщика, и даже самъ сборщикъ, малый прутаго нрава; пожелавъ ему добраго утра; маленькія ребятишки

весело кричали ему въ-слѣдъ «мэстеръ Пинчъ, мэстеръ Пинчъ!» даже блестящія глазки и бѣлыя плечики выглядывали на него изъ оконъ многихъ домовъ; нѣныя хорошенькія дѣвушки и женщины кланялись и улыбались ему; нѣкоторыя даже посылали ему ручкою поцалун, когда онъ оглядывался назадъ, — ибо всѣ знали, что бѣдный Пинчъ человекъ не опасный и что съ нимъ можно многое себѣ позволить.

Солнце уже взошло высоко. Томъ Пинчъ продолжалъ ѣхать въ пріятныхъ мысляхъ и ожиданіяхъ, какъ вдругъ онъ увидѣлъ впереди по дорогѣ пѣшехода, путешествовавшего по одному съ нимъ направленію и громко напѣвавшего веселыя пѣсни. То былъ молодой человекъ лѣтъ двадцати-пяти или шести, одѣтый на-распашку, такъ-что концы его краснаго шейнаго платка развѣвались иногда у него за спиною, а по-временамъ Пинчъ могъ рассмотреть на откидывавшихся отворотахъ воткнутой въ петлю пучокъ рябины. Онъ продолжалъ ѣхать съ такимъ усердіемъ, что слышалъ стукъ колесъ не прежде, какъ Пинчъ очутился близехонько за нимъ; тогда онъ обратилъ къ нему кислое лицо и пару весьма-веселыхъ глазъ и вдругъ замолчалъ.

— Маркъ! вскричалъ Томъ Пинчъ, осадивъ лошадь: — кто бы могъ ожидать тебя здѣсь? Это удивительно!

Маркъ дотронулся рукою до шляпы и сказалъ плачевнымъ голосомъ, что онъ идетъ въ Сэлсбюри.

— Да какимъ молодцомъ ты смотришь! продолжалъ Пинчъ, разсматривая его съ большимъ удовольствіемъ.

— Благодарствуйте, мэстеръ Пинчъ. — Что же касается до моей молодцоватости, вы видите въ чемъ дѣло. Тутъ онъ сдѣлалъ особенно-печальную мину.

— Да въ чемъ же дѣло?

— Въ чемъ дѣло! Всякій можетъ быть въ хорошемъ расположеніи духа, если онъ хорошо одѣтъ: въ этомъ еще мало толку. Вотъ, еслибъ я былъ теперь въ лохмотьяхъ и очень-веселъ, то считалъ бы себя въ большомъ выигрышѣ, мэстеръ Пинчъ.

— Такъ ты пѣлъ съ-горя, потому-что хорошо одѣтъ?

— Всякое ваше слово можно напечатать, мэстеръ Пинчъ, возразилъ Маркъ съ широкою улыбкой.

— Да ты престранный человекъ, Маркъ! Я всегда такъ думалъ; но теперь я убѣжденъ въ томъ. Я тоже еду въ Сэлсбюри: не хочешь ли съестъ со мною? мнѣ это будетъ очень-пріятно.

Молодой человекъ поблагодарилъ Пинча и воспользовался его предложеніемъ. Продолжая ѣхать, они бесѣдовали между собою слѣдующимъ образомъ:

— Послушай, Маркъ, видя тебя такимъ щеголемъ, я былъ почти увѣренъ, что ты собираешься жениться.

— Что жь, сударь, я и объ этомъ думалъ; можетъ статься, что и есть возможность быть веселымъ съ женою, когда у дѣтей корь

и они покрайту спяками и часто ушибаются; но я боюсь потерять на это: я не предвижу себя ничего путнаго.

— Можетъ-быть, ты ни въ кого не влюбленъ, Маркъ?

— Кажется, ни въ кого особенно.

— Что жь, Маркъ! Бываютъ случаи, что люди женятся и на тѣхъ, кто имъ вовсе не нравится: это зависитъ отъ того, какъ они смотрять на вещи.

— Все такъ, но этакъ можно слишкомъ-далеко захватъ, не правда ли?

— Можетъ-быть. И оба они весело засмѣялись.

— Дай вамъ Богъ счастья, сударь, хоть-вы и мало меня знаете. Мнѣ кажется, что нѣтъ человѣка, который бы такъ, какъ я, сумѣлъ выйти молодцомъ изъ самыхъ крутыхъ обстоятельствъ, которыхъ было бы достаточно, чтобъ привести другаго въ отчаяніе. Мое мнѣніе таково, что никто никогда не узнаетъ половину того, что во мнѣ есть, безъ какого-нибудь особеннаго случая; а такіе случаи мнѣ не представляются. Я оставляю «Дракона», мистера Пинчъ.

— Оставишь Дракона! Послушай, Маркъ... да я виѣ себя отъ удивленія.

— Да, сударь! Какая мнѣ польза оставаться въ «Драконѣ»? Это мѣсто вовсе не по-мнѣ. Когда я оставилъ Лондонъ и поселился тамъ, — я изъ Кента, сударь, — я былъ твердо убежденъ, что это самый скучный уголокъ въ цѣлой Англии. Но, Боже мой! въ «Драконѣ» скука не живетъ: тамъ такія пѣсни, продѣлки и веселье, что никому не можетъ быть скучно.

— Но если молва справедлива, въ чемъ я и убежденъ, Маркъ, я думаю, ты самъ причиною по-крайней-мѣрѣ половины этого веселья и что когда ты уйдешь, оно пропадетъ.

— Можетъ-быть, это отчасти и правда; но все-таки тутъ мало угѣшительнаго.

— Ну, сказалъ Пинчъ послѣ краткаго молчанія: — я едва могу понять тебя, Маркъ. Да что же сдѣлалось съ мистриссъ Люпенъ?

Маркъ пристально смотрѣлъ на дорогу и отвѣчалъ, что это, можетъ-быть, до нея и не касается, и что найдется много славныхъ малыхъ, которые будутъ очень-рады занять его мѣсто. Онъ знаетъ съ дюжиною такихъ ребятъ.

— Все это довольно-вѣроятно, сказалъ Пинчъ: — но я не думаю, чтобъ мистриссъ Люпенъ имѣла очень обрадовалась. Я всегда полагалъ, что ты, Маркъ, составилъ бы славную пару съ мистриссъ Люпенъ, да и все такъ думали, сколько мнѣ извѣстно.

— Я никогда не говорилъ ей ничего особенно-любезнаго, отвѣчалъ Маркъ съ нѣкоторымъ смущеніемъ: — ни она мнѣ, хоть я и не знаю что случится впередъ. Какъ бы то ни было, по-моему изъ этого не будетъ толку.

— Изъ того, что ты будешь хозяиномъ «Дракона»?

— Конечно нѣтъ, сударь: это совершенно разстроило бы тамъ

— Конечно, какъ я. Чтобы я успѣла спокоее на жисть, на всю свою жизнь, и чтобъ ни одинъ человекъ меня не узналъ!

— Да знаетъ ли мастрисъ Люпенъ, что ты ее хочешь оставить?

— Нѣтъ еще; но она должна узнать. Я сегодня утромъ намѣренъ отыскать себя что-нибудь новое и приличное, отбѣчалъ онъ, указывая головою на городъ.

— Въ какомъ родѣ, Маркъ?

— Да я думалъ найти себя нѣчто въ гробокопательномъ родѣ.

— Что ты, Маркъ, Богъ съ тобой!

— Это будетъ славное сырое, чернивое занятіе, сударь, и въ немъ веселый человекъ найдетъ себя извѣстность. Если тамъ не выйдетъ по-иному, можно будетъ найти себя другаго рода дѣло; напримеръ у гробоваго мастера, у тюремщика, которому приходится видѣть много горя, у доктора, вѣчнаго морителя людей, у почтиснаго, у сборщика пошляинъ... Да есть много ремеселъ, которыя дадутъ мнѣ случай доставить себя кредитъ и извѣстность.

Мастеръ Пинчъ былъ до такой степени озадаченъ этими замѣчаніями, что только изрѣдка могъ выговорить одно или два слова и только искоса поглядывалъ на веселое лицо своего страннаго пріятеля, вовсе не обращающаго вниманія на его наблюденія. Наконецъ, они подѣвхали къ повороту, недалеко отъ въѣзда въ городъ, и Маркъ сказалъ, что онъ намѣренъ здѣсь доспочить.

— Но послушай, Маркъ, сказалъ мастеръ Пинчъ, только теперь замѣтившій, что у его спутника грудь такъ же открыта, какъ лѣтнемъ, и сморщивалась отъ каждаго дуновенія холоднаго зимняго вѣтра: отъ-чего ты не носишь жилета или фуфайки?

— А зачѣмъ бы я сталъ ихъ носить?

— Зачѣмъ! чтобъ согрѣвать грудь!

— Богъ съ вами, сударь! да вы меня не знаете. Моя грудь не требуетъ согрѣванія; да еслибъ и требовала, то чего мнѣ смѣшать отъ-того, что я не ношу жилета или фуфайки? Воспаленія легкыхъ, можетъ-быть? Что жь? вѣдь быть веселымъ съ воспаленіемъ въ легкыхъ чего-нибудь да стоить.

На все это Пинчъ отвѣчалъ только частыми киваніемъ головою, а Маркъ, поблагодаривъ его за услужливость, выскочилъ изъ кабриолета, не давъ ему времени остановиться, и своротилъ въ переулокъ. Концы его краснаго платка и расплывшая одежда развѣивались по-прежнему, и она, оглядываясь по-временамъ назадъ, чтобъ кивнуть Пинчу, казался самымъ беззаботнымъ, веселымъ и забавнымъ малымъ въ свѣтѣ. Товарищъ его съ задуманнымъ лицомъ продолжалъ путь въ Солсбюри.

Мастеръ Пинчъ воображалъ себя Солсбюри самымъ отчаянно-дишимъ и разорашеннымъ мѣстомъ; сдѣлавъ лошадѣ трактирному же-нику и замѣтивъ, что часа черезъ два зайдетъ посмотреть до-вольно ли ей дано овса, онъ пошелъ бродить по улицамъ съ неясною помыслию о ихъ таинственности и чертовщинѣ. Милень-

кому заблужденію его много помогло то, что день его прибытія былъ рыночный и онъ увидѣлъ на площади цѣлую тьму телегъ, обозовъ, одноколеекъ, корзинъ, зелени, мяса, живности и всякой всячины; вокругъ всего этого толпились фермеры и работники, покупавши и продавцы въ самыхъ чужихъ и разнохарактерныхъ костюмахъ; всѣ эти люди шумно толковали между собою, торговались, платили деньги, сводили счеты и возились съ такими огромными расходными книгами, что когда онъ были у нихъ въ карманахъ, почти невозможно было вынуть ихъ, не получивъ съ наугадъ апоплексического удара, — а обратная укладка ихъ въ карманы необходимо доводила до свазмовъ. Тамъ отличались также своими голосами жены фермеровъ, въ меховыхъ шапкахъ и красныхъ сапогахъ, разбѣжавшія на коняхъ, очищенныхъ отъ всѣхъ земныхъ страстей, отправлявшіяся по желанію владѣльцевъ въоду, безъ желанія узнать для чего, и готовыхъ простоять въ китайской фарфоровой лавкѣ такъ неподвижно, что можно было бы съ безопасностью обложить каждое ихъ копыто цѣлымъ обдѣленнымъ или чайнымъ сервисомъ. Множество собакъ сильно интересовалось состояніемъ цѣны и покупками своихъ хозяевъ, и вообще Пинчу представлялось большое смѣшеніе языковъ, принадлежавшихъ людямъ и четвероногимъ.

Мастеръ Томъ Пинчъ смотрѣлъ на все съ удивленіемъ и былъ особенно пораженъ выставкою желѣзныхъ и стальныхъ вещей въ одной лавкѣ, пораженъ до того, что рискнулъ купить себѣ карманный ножикъ съ семью лезвиями и безъ одного острія (какъ въпоследствии оказалось). Истощивъ свою наблюдательность на рынокъ, онъ успѣшилъ взглянуть на свою лошадь, и убѣдился, что ей дали овса въ воду, снова отправился гулять по городу и удивляться. Онъ съ изумленіемъ останавливался передъ лавками часовщиковъ и шастреровъ золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ, видя въ окнахъ такія сокровища, для пріобрѣтенія которыхъ надобно было бы имѣть чудовищныя богатства; но болѣе всего тронула его книжная лавка съ выставленными въ окнѣ книгами, альбомами, гравюрами, роскошными изданиями и проч. Чѣмъ бы не пожертвовалъ онъ, чтобы имѣть хоть часть этихъ книгъ на своей узкой полкѣ въ домѣ Пексифея! Теперь его уже не интересовали ни аптеки, съ множествомъ блестящихъ бутылей, банокъ и етлянокъ; украшенныхъ золотыми ярлыками, ни магазины портныхъ и сапожниковъ: онъ остановился однако, чтобы прочитать театральную афишку и смотрѣлъ въ дверь съ некоторымъ трепетомъ, какъ вдругъ увидѣлъ смуглаго джентльмена съ длинными волосами, отдававшего какому-то мальчику приказаніе съѣздить къ нему домой и принести его большой мечъ. Услышавъ это, мастеръ Пинчъ остался прикованнымъ къ своему месту отъ удивленія, и навѣрно остался бы въ такомъ положеніи до поздней ночи, еслибъ колоколъ старата собора не зазвонилъ призывая къ вечернему богослуженію.

Помощникомъ орманста былъ старшинный пріятель Пинча и та

дой же, какъ онъ, тихій, спокойный малый. На счастье Тома, самого органиста въ тотъ вечеръ не было въ церкви и помощникъ его оставался одинъ. Томъ помогалъ ему и наконецъ совершенно овладѣвъ органомъ, до того заигрался, что всѣ уже вышли изъ собора и привратникъ принужденъ былъ напомнить ему, что пора запереть двери; иначе онъ игралъ бы всю ночь — такъ восхитили его глубокіе звуки органа, торжественно раздававшіеся надъ сводами стараго селсбиорнскаго собора. Было уже поздно, когда Томъ простился съ своимъ пріятелемъ и отправился обѣдать.

Такъ-какъ фермеры, по окончаніи своихъ торговъ, поплелись домой, трактиръ, въ которомъ Пинчъ остановился, совершенно опустѣлъ и ему приготовили обѣдъ въ лучшей комнатѣ, противъ вылающего каминна; онъ съ величайшимъ усердіемъ напалъ на сочный ресторъ и блюдо съ горячимъ картофелемъ, а когда передъ нимъ поставили кружку лучшаго уильшйрскаго пива, онъ почувствовалъ себя столь счастливымъ, что по-временамъ клалъ ножикъ и вилку, и весело потиралъ себѣ руки. Наконецъ, принявшись за сыръ, онъ вспомнилъ, что пріѣхалъ въ Селсбиорнъ за новымъ ученикомъ своего покровителя, Пексниффа, и принялся размышлять какого рода человекъ долженъ быть этотъ новый ученикъ? Черезъ нѣсколько минутъ, дверь отворилась, и въ комнату вошелъ какой-то джентльменъ, внесшій съ собою огромное количество холоднаго воздуха.

— Ужасный морозъ, сударь! сказалъ онъ, въкливно прося Пинча не беспокоиться: — у меня ноги совсѣмъ окоченѣли.

Послѣ этого, онъ придвинулъ кресла къ серединѣ каминна и утѣся противъ огня.

— Вы вѣрно были долго на воздухѣ, сударь? — спросилъ его Пинчъ съ участіемъ.

— Цѣлый день. На верху дилижанса.

— Вотъ отъ-чего онъ такъ выстудилъ комнату, подумалъ Пинчъ. — Бѣднякъ! видно, что онъ препорядочно промерзъ!

Пріѣзжій задумался въ свою очередь и сидѣлъ пять или десять минутъ передъ каминомъ не говоря ни слова. Наконецъ онъ поднялся и снялъ съ себя шерстяной шарфъ и теплый сюртукъ, не не сдѣлаясь отъ-того нисколько разговоривше, ибо утѣся снова, и развалившись въ креслахъ, принялся кусать себѣ ногти. Онъ былъ молодъ, не болѣе двадцати-одного года, и хорошъ собою; съ смѣлыми черными глазами и живостью во взглядѣ и пріемахъ; составившихъ большую противоположность съ робостью Тома Пинча.

Въ комнатѣ были стѣнные часы, на которые молодой человекъ часто поглядывалъ. Томъ также часто дѣлалъ то же самое: отчасти изъ сочувствія къ своему молчаливому товарищу, а отчасти и потому, что новый ученикъ долженъ былъ пріѣхать и отыскать его въ половинѣ седьмого — время, до котораго оставалось уже недолго. Всякій разъ, когда пріѣзжій заставалъ Тома глядящаго на часы, ему дѣлалось неловко, какъ-будто его на чемъ-нибудь

поймали; замѣтивъ это, молодой человекъ сказалъ ему съ легкою улыбкой:

— По-видимому, время интересуется насъ обоихъ. Дѣло въ томъ, что я долженъ встрѣтить здѣсь одного джентльмена.

— И я также.

— Въ половинѣ седьмаго.

— Въ половинѣ седьмаго! вскричалъ Пинчъ съ изумленіемъ. — Молодой джентльменъ, котораго я дожидаюсь, долженъ спросить здѣсь о нѣкоемъ мастерѣ Пинчѣ.

— Боже мой! воскликнулъ другой, вскочивъ со стула. — А я во все это время заслоняю отъ васъ огонь. Я и не воображалъ, чтобъ вы были мастеръ Пинчъ! Я тотъ самый мастеръ Мартинъ, за которымъ вы пріѣхали; прошу извинить меня. Какъ вы поживаете? Да придвиньтесь ближе къ камину.

— Благодарствуйте, благодарствуйте; мнѣ вовсе не холодно, а вы прозябли, и намъ предстоитъ еще холодное путешествіе. Впрочемъ, если вы этого хотите, пожалуй. Я очень-радъ, продолжалъ Томъ, улыбаясь съ свойственнымъ ему неловкимъ радушіемъ: — очень-радъ, что вы именно тотъ, кого я ожидалъ. Съ минуту назадъ я думалъ, что желалъ бы увидѣть его похожимъ на васъ.

— Очень-радъ слышать это, возразилъ Мартинъ, снова пожимая ему руку:—увѣрю васъ, что я не ожидалъ счастья, чтобъ мастеръ Пинчъ вышелъ такимъ, какъ вы.

— Будто-бы! вы не шутите?

— Нисколько. Мы съ вами поладимъ какъ-нельзя-лучше, я въ томъ увѣренъ: а это для меня не малое утѣшеніе, потому-что, сказать вамъ по правдѣ, я не изъ такихъ, чтобъ легко могъ ужиться со всякимъ. Но теперь я совершенно-доволенъ. Сдѣлайте одолженіе, потрудитесь позвонить.

Мастеръ Пинчъ исполнилъ его желаніе.

— Если вы любите пуншъ, то позвольте мнѣ велѣть подать намъ по стакану самаго горячаго, для того, чтобъ завязать нашу дружбу приличнымъ образомъ. Скажу вамъ по секрету, мастеръ Пинчъ, никогда въ жизни не чувствовалъ я такой нужды въ чѣмъ-нибудь тепломъ и утѣшительномъ, какъ теперь; но, не зная васъ, я не желалъ, чтобъ вы застали меня за пуншемъ, потому-что, знаете, первыя впечатлѣнія дѣйствуютъ сильно и проходятъ не скоро.

Мастеръ Пинчъ согласился, и пуншъ былъ заказанъ. Черезъ нѣсколько минутъ его подали — онъ былъ крѣпокъ и горячъ. Выпивъ за здоровье другъ друга, оба сдѣлались откровеннѣе.

— Я нѣсколько съ родни Пексинфу, знаете? сказалъ молодой человекъ.

— Будто-бы?

— Да; дядь мой ему двоюродный или троюродный братъ, и потому онъ какъ-то мнѣ приходится.

— Такъ ваше имя Мартинъ? сказалъ Пинчъ задумчиво: — о!

т. XXXVI. — Отд. I.

— Ну, да; я бы желалъ, чтобъ моя фамилія была Мартинъ, потому-что моя собственная не очень-красива, и ее долго подшисывать: меня зовутъ Мартинонь Чодзльвитомъ.

— Боже мой! вскричалъ Пинчъ, невольно вздрогнувъ.

— Васъ, кажется, удивляетъ то, что у меня есть имя и фамилія? Этимъ добромъ надѣлена большая часть смертныхъ, возразилъ его товарищъ, поднося стаканъ свой къ губамъ.

— О, нѣтъ! совсѣмъ-нѣтъ! вовсе не то! отвѣчалъ Пинчъ, вспоминая, что Пексниффъ особенно наказывалъ ему не говорить новому ученику ни слова о старомъ Мартинонь Чодзльвитѣ; бѣдный Томъ совершенно смѣшался, и, чтобъ какъ-нибудь поправиться, также поднесъ свой стаканъ къ губамъ. Оба смотрѣли другъ на друга черезъ свои стаканы и наконецъ опорожнили ихъ.

— Десять минутъ тому назадъ, я приказывалъ въ конюшнѣ, чтобъ лошадь была готова, сказалъ Пинчъ, глядя на часы.— Не пора ли намъ ѣхать?

— Извольте.

— Не хотите ли вы править лошадью?

— Это зависитъ отъ того, мастеръ Пинчъ, какова лошадь, отвѣчалъ Мартинъ смѣясь: — если она дрянная, то рукамъ моимъ будетъ удобнѣе и теплѣе въ карманахъ.

Кончивъ счеты съ трактирщикомъ, при чемъ молодой Чодзльвитъ заплатилъ за пуншъ, они одѣлись какъ могли теплѣе и вышли на крыльцо, у котораго уже стоялъ конь мастера Пексниффа.

— Нѣтъ, мастеръ Пинчъ, я не буду править, очень вамъ благодаренъ. А между-прочимъ, у меня есть съ собою ящикъ: можно ли будетъ взять его съ собою?

— О, разумеется! Дикъ, положи его какъ-нибудь въ кабриолетъ.

Ящикъ былъ не совершенно-такихъ размѣровъ, чтобъ его можно было сунуть во всякій уголъ; но конюхъ Дикъ вмѣстѣ съ Чодзльвитомъ кое-какъ уложили его. Мартинъ усѣлся очень-спокойно, а Пинчу, который долженъ былъ править и на сторонѣ котораго былъ сундукъ его новаго пріятеля, пришлось такъ скорчиться, что онъ едва могъ смотрѣть впередъ черезъ свои колѣни. Наконецъ они тронулись.

Вечеръ былъ ясный. Луна серебрила подернутую туманомъ окрестность. Сначала, окружавшая нашихъ путешественниковъ тишина склоняла ихъ къ молчанію; но черезъ нѣсколько времени пуншъ, вмѣстѣ съ свѣжимъ и здоровымъ воздухомъ, развязалъ имъ языки, и они сдѣлались необыкновенно-разговорчивы. На половинѣ дороги, они остановились, чтобъ напоить лошадь, и Мартинъ, весьма-щедрый отъ природы, заказалъ еще по стакану пуншу, отъ-чего новые пріатели не сдѣлались нисколько не молчаливѣе. Главнымъ предметомъ разговора были, разумеется, мастеръ Пексниффъ и его семейство. Томъ Пинчъ, со слезами на глазахъ, рассказывалъ съ такимъ чувствомъ о благодѣяніяхъ, которыми осыпалъ его Пексниффъ, что всякій, сколько-нибудь одаренный чувствомъ,

долженъ бы былъ боготворить его достойнаго учителя, который, разумѣется, не могъ и предчувствовать подобнаго обстоятельства, иначе бы онъ не отправилъ Пинча за своимъ новымъ ученикомъ.

Такимъ-образомъ, они вѣхали, вѣхали, вѣхали, какъ говорится въ сказкахъ, и наконецъ увидѣли передъ собою огоньки, мѣстечко и церковь его, которой колокольня отбрасывала длинную тѣнь на кладбище.

— Славная церковь! сказалъ Мартинъ, замѣтивъ, что товарищъ его убавляетъ рыси и безъ того не рысистаго коня.

— Не правда ли? возразилъ Томъ съ гордостью. — Здѣсь лучший органъ, какой мнѣ только случилось слышать. Я на немъ играю.

— Въ-самомъ-дѣлѣ? врядъ-ли онъ стоить того труда: много ли онъ вамъ доставляетъ?

— Ничего.

— Ну, такъ вы странный человекъ.

За этимъ замѣчаніемъ послѣдовало краткое молчаніе.

— Когда я говорю «ничего», замѣтилъ Пинчъ:—я подразумеваю существенныя выгоды; но органъ доставляетъ мнѣ величайшее удовольствіе самъ-собою и по-временамъ счастливейшіе часы, какіе я только могу запомнить. Недавно еще, онъ доставилъ мнѣ случай... но васъ это не будетъ интересовать, я думаю?

— О, напротивъ! Что же?

— Онъ доставилъ мнѣ случай увидѣть одно изъ самыхъ милыхъ и очаровательныхъ личикъ, какія только вы можете вообразить себѣ.

— А я-таки умѣю это сдѣлать, возразилъ задумчиво Мартинъ:— или долженъ умѣть, если только у меня есть память.

— Она пришла въ первый разъ очень-рано утромъ, только-что начало разсвѣтать. Когда я увидѣлъ ее съ веру, мнѣ показалось сначала, что она какой-нибудь духъ, и меня обдало морозомъ; разумѣется, я тотчасъ же опомнился и, къ-счастью, не пересталъ играть на органѣ.

— Отъ-чего же къ-счастью?

— Отъ-чего? да отъ-того, что она тутъ стояла и слушала. Я былъ въ очкахъ и рассмотрѣлъ ее хорошо: она была прелестна. Черезъ нѣсколько минутъ, она ускользнула, а я все продолжалъ играть, до-тѣхъ поръ, пока она не скрылась совершенно.

— Зачѣмъ же это?

— Какъ за чѣмъ? Да за тѣмъ, чтобъ она думала, что никто ея не видитъ, и когда-нибудь возвратилась.

— Что жъ, она пришла въ другой разъ?

— Разумѣется. На слѣдующее утро и на слѣдующій вечеръ также, но всегда одна и когда въ церкви никого не было. Я вставалъ по утрамъ раньше и сидѣлъ въ церкви позже, для того, чтобъ она находила двери открытыми и могла слышать органъ.

Такимъ образомъ приходила она въ продолженіи нѣсколькихъ дней и всегда слушала. Но теперь ей уже нѣтъ здѣсь и всего въроятнѣе, что мнѣ уже никогда не прійдется ее встрѣтить.

— И вы ничего больше о ней не знаете?

— Ничего.

— И вы не слѣдовали за нею, когда она уходила?

— Зачѣмъ бы я сталъ ее тревожить? Развѣ мое общество могло быть ей нужно? Она приходила для органа, а не для меня; зачѣмъ же я бы сталъ выгонять ее изъ мѣста, которое ей нравилось? Да, чтобъ доставить ей хотя минутное удовольствіе каждый день, я готовъ для нея играть на органѣ до глубокой старости; я былъ бы счастливъ и доволенъ, еслибъ она думала обо мнѣ, хоть какъ о части музыки; я былъ бы болѣе нежели вознагражденъ, еслибъ она меня смѣшивала съ чѣмъ нибудь, чтó ей нравится.

Новый ученикъ не могъ надвинуться слабости Пинча и уже готовъ былъ высказать ему свое мнѣніе, какъ они очутились передъ дверьми дома Пексинффа. Передавъ лошадь, Пинчъ повелъ своего товарища, упрасивая его не говорить ни полслова никому о томъ, чтó онъ ему разболталъ въ приливъ откровенности.

Мэстеръ Пексинффъ, очевидно, не ожидалъ ихъ рапъе, какъ еще черезъ нѣсколько часовъ: онъ былъ окруженъ открытыми кингами и заглядывалъ то въ одинъ, то въ другой томъ съ карандашомъ въ зубахъ и руками, вооруженными самыми чудными математическими инструментами. Миссъ Чѣрити также не ждала ихъ, потому-что была сильно занята работою какого-то огромнаго вочнаго чепчика для бѣдныхъ; миссъ Мѣрси также была застигнута въ-расплахъ; она примѣривала юпку на куклу дитяти ихъ сосѣда. Словомъ, трудно застигнуть кого-нибудь въ-расплахъ болѣе, нежели какъ это случилось теперь съ семействомъ Пексинффа.

— Какъ! воскликнулъ онъ: — вы ужь здѣсь? И при этомъ вопросѣ, озабоченное лицо его приняло выраженіе неожиданной радости. — Здравствуй, мой другъ Мартинъ; очень-радъ видѣть тебя въ своемъ смиренномъ жилищѣ!

Съ этими словами, онъ обнялъ его и трепалъ нѣсколько секундъ по спинѣ правою рукою, какъ-будто желая выразить, что чувства его слишкомъ-сильны для словъ.

— А вотъ мои дочери, Мартинъ, мои единственныя двѣ дочери, которыхъ ты съ самаго дѣтства не видалъ... Охъ, эти семейные раздоры! Чтó жь, мои милыя, зачѣмъ же вы краснѣете отъ того, что васъ застали за вашими ежедневными занятіями? Мы было-сообразили принять тебя, мой другъ, какъ гостя, продолжалъ Пексинффъ улыбаясь: — но этакъ мнѣ больше нравится! право, больше!

Объ сестры протянули Мартину свои ладонныя руки съ самымъ очаровательно-девинымъ выраженіемъ.

— Ну, а какъ ты доволенъ нашимъ другомъ Пинчемъ, Мартинъ?

— Какъ-нельзя-больше, сударь; мы съ нимъ сошлись съ перваго раза.

— Что, старый пріятель! сказалъ Пексниффъ, глядя на Пинча съ чувствомъ: — вѣдь кажется, еще вчера только Томъ Пинчъ былъ мальчикомъ, а ужъ много лѣтъ прошло съ-тѣхъ-поръ, какъ мы съ нимъ сошлись!

Томъ Пинчъ не могъ выговорить ни слова. Онъ былъ такъ тронутъ, что только пожималъ руку своему учителю.

— А между-тѣмъ, мы съ Томомъ долго еще будемъ идти по одному пути, вѣрные другъ другу и исполненные надежды. Ну, ну, ну, прибавилъ онъ растроганнымъ голосомъ, пожавъ Пинчу локоть: — полно толковать объ этомъ! Мартинъ, другъ мой, чтобы ты чувствовалъ себя здѣсь совершенно какъ дома, пойдемъ со мною: я покажу тебѣ, какъ мы живемъ и какъ тебѣ придется жить. Пойдемъ!

Взявъ свѣчу, онъ уже готовился выйти изъ комнаты съ своимъ молодымъ родственникомъ, какъ вдругъ остановился въ дверяхъ:

— Ты пойдешь съ нами, Томъ Пинчъ?

Томъ не только готовъ бы былъ идти съ нимъ по комнате: онъ пошелъ бы даже на явную смерть для такого человека!

— Вотъ, сказалъ Пексниффъ, отворяя дверь: — наша маленькая гостиная, которою мои дочери особенно гордятся; вотъ, Мартинъ, — отворяя другую дверь: — комната, куда свалены мои планы и модели, все бездѣлицы! Вотъ мой портретъ, работы Спиллера, и бюстъ, работы Спокера: говорятъ, что послѣдній имѣетъ больше сходства. Вотъ книги по нашей части. Я и самъ кое-что настроилъ, но ничего еще не издалъ. Теперь пойдемъ наверхъ. Вотъ, отворяя еще дверь: — моя комната: я здѣсь занимаюсь, когда семейство мое уже покоится; мнѣ говорятъ, что это вредно, да что жъ дѣлать? *Ans longa, vita brevis*. Здѣсь ты можешь найдти все въ готовности для пабрасыванія идей и замѣчаній.

Послѣднія слова его пояснялись маленькимъ круглымъ столикомъ, на которомъ стояла лампа и было положено нѣсколько листовъ бумаги, карандаши и чертежный инструментъ, такъ-что еслибъ какая-нибудь архитектурная идея вдругъ озарила умъ его, онъ бы могъ хоть въ полночь вскочить съ постели и набросать ее на бумагу. Наконецъ, онъ приостановился у одной двери, какъ-будто не рѣшаясь вдругъ отворить ее.

— Почему жъ нѣтъ? сказалъ онъ, рѣшившись наконецъ отпереть: — вотъ комната моихъ дочерей; она чиста, въ ней хорошій воздухъ. Вотъ разныя растенія, книги, цвѣты, птички. Все это бездѣлицы, которыя особенно нравятся молодымъ дѣвушкамъ. (Замѣтимъ мимоходомъ, что птичникъ состоялъ изъ одной кѣтки съ безхвостымъ воробьемъ, взятымъ на этотъ случай изъ кухни).

— Вотъ, продолжалъ мастеръ Пексниффъ, отворивъ настежъ

двери въ знаменитую, выходящую на улицу гостиную; — вотъ комната, въ которой проявилось — таки нѣсколько таланта: здѣсь мнѣ пришла въ голову идея колокольни, которая со-временемъ будетъ выстроена. Мы работаемъ здѣсь, милый Мартинъ. Въ этой комнатѣ образовалось нѣсколько архитекторовъ, — не такъ ли, Пинчъ?

Томъ Пинчъ не только вполне согласился, — онъ даже вполне повѣрилъ тому, что говорилъ учитель.

— Вы видите, продолжалъ Пексниффъ: — нѣкоторые слѣды нашихъ дѣяній: Салисбурійскій Соборъ съ сѣвера; вотъ другой видъ съ южной стороны; этотъ съ восточной, а этотъ съ западной. Вотъ тотъ же соборъ съ юго-востока, а вотъ съ сѣверо-запада. Планъ моста. Тюрьма. Сиротскій домъ. Церковь. Пороховой магазинъ по новому проекту. Винный погребъ. Планы, фасады, разрѣзы, всякая всячина. А вотъ, — присовокупилъ онъ, войдя въ другую большую комнату, въ которой стояли четыре кровати: — вотъ и ваша комната; ее будетъ раздѣлять съ вами спокойный товарищъ Томъ Пинчъ. Отсюда видъ на югъ; очень-мило. Вотъ маленькая библиотека мастера Пинча, все пріятно и приспособлено къ дѣлу. Если ты, мой другъ Мартинъ, найдешь нужнымъ какое-нибудь измѣненіе для большаго удобства, прошу сказать объ этомъ: не только друзьямъ, даже совершенно-чужимъ людямъ мы даемъ въ этомъ полную свободу.

Мастеръ Пексниффъ говорилъ правду: онъ съ самымъ неограниченнымъ либерализмомъ позволялъ ученикамъ своимъ требовать въ этомъ отношеніи всего, что только могло представиться ихъ фантазіямъ. Нѣкоторые джентльмены заходили такъ далеко, что лѣтъ во пять сряду напоминали о томъ же самомъ, не будучи ни разу остановлены исполненіемъ своихъ просьбъ.

— Домашняя прислуга живетъ на верху, продолжалъ Пексниффъ: — вотъ и все. После этого, выслушавъ съ большою любезностію все, что ему говорилъ молодой другъ его на счетъ будущаго устройства своего вообще, онъ снова привелъ его въ свой кабинетъ.

Тамъ произошла большая перемѣна: пиршественныя приготовленія въ обширномъ масштабѣ были уже кончены, и объ миссъ Пексниффъ ждали ихъ возвращенія съ гостепріимными взглядами. На столѣ стояли двѣ бутылки столоваго вина, бѣлаго и краснаго, блюдо съ ломтиками поджареннаго хлѣба, другое съ яблоками, третье съ морскими сухарями, тарелка съ тонко-партизанскими апельсинами, посыпанными сахаромъ, и въ высшей степени геологическій слоеный пирогъ домашняго печенія. Такое необычайное великолѣпіе до крайности поразило Тома Пинча, который смотрѣлъ на это, какъ на багетъ, приготовленный для лорда-мэра.

— Мартинъ, сказалъ мастеръ Пексниффъ: — садись между вами, мой милый, а Пинчъ подлѣ меня. Выпьемъ за здоровье нашего будущаго товарища, и да будемъ мы счастливы вмѣстѣ! Мартинъ,

друг мой, будьте здоровы! мастеръ Пинчъ, если ты будешь жалеть бутылку, то мы поссоримся.

Стараясь, изъ уваженія къ чувствамъ присутствующихъ, смотрѣть такъ, какъ-будто вино не кисло и не заставляетъ морщиться, онъ опорожнилъ свою рюмку.

— Теперешній кружокъ нашъ вознаграждаетъ меня за многія неудовольствія и неудачи. Будемте же веселы! Съ этими словами, онъ взялъ морской сухарь:—только несчастныя сердца никогда не могутъ развеселиться, а мы не таковы,—нѣтъ!

Въ подобныхъ поощреніяхъ къ веселію проходило время; а мастеръ Пинчъ, можетъ-быть, для того, чтобъ увѣрить себя, что все, имъ видимое и слышимое не волшебный сонъ, а праздничная сущность, ѣлъ все съ величайшимъ усердіемъ и особенно примѣтно папалъ на ломтики поджаренаго хлѣба, заставляя ихъ исчезать съ удивительною быстротою. Онъ также не задумывался надъ виномъ; напротивъ, помня рѣчь Пексниффа, атаковалъ бутылку съ такимъ ожесточеніемъ, что при каждой новой рюмкѣ, миссъ Чѣрити, не смотря на свою гостеприимную рѣшимость, останавливала на немъ окаменяющій взглядъ, какъ-будто онъ былъ какое-нибудь привидѣніе. Самъ Пексниффъ, въ эти мгновенія, не могъ удержаться отъ нѣкоторой задумчивости.

Мартинъ сразу подружился съ молодыми дѣвками: онъ вспоминали годы своего дѣтства и были очень-счастливы. Миссъ Мерсц неумѣренно смѣялась всему, что говорилъ Мартинъ, а иногда, глядя на счастливую физіономію мастера Пинча, съ нею дѣлались такіе припадки веселости, что чуть не доходили до истерики. Старшая сестра ея выговаривала ей за этотъ неумѣренный смѣхъ, замѣчая сердитымъ шопотомъ, что тутъ нѣчему радоваться, и что она скоро потеряетъ терпѣніе съ этимъ пылкимъ уродемъ.

Напоишь, настало время ложиться спать. Молодые миссъ встали и, простившись съ Чодальвитомъ весьма-дружески, съ отцомъ своимъ весьма-почтительно, а съ Пинчемъ весьма-нисходительно, отправились въ свою комнату. Пексниффъ непременно хотѣлъ проводить своего новаго ученика въ его комнату для личнаго наблюденія за тѣмъ, что ему можетъ быть удобно, и потому взялъ его подъ руку и снова повелъ въ спальню, а Пинчъ предшествовалъ имъ со свѣчею.

— Мастеръ Пинчъ, сказалъ Пексниффъ, сирестя руки и усаживаясь на одну изъ пустыхъ кроватей:—здесь, кажется, нѣтъ щипцовъ; потрудись спуститься и принести ихъ.

Пинчъ, радуясь случаю быть полезнымъ, немедленно убѣжалъ.

— Ты, мой другъ Мартинъ, извини недостатокъ полировки Тома Пинча, сказалъ Пексниффъ съ улыбкою покровительства и сожалѣнія, когда Пинчъ ушелъ.—Онъ хорошій мальчъ.

— Онъ прекраснѣйшій мальчъ, сударь.

— О, да! Томасъ Пинчъ хорошій человекъ. Онъ очень-благод-

ренъ. Я никогда не раскаивался въ томъ , что приютилъ Томаса Пинча.

— Я полагаю, вы никогда и не будете въ этомъ каяться.

— Нѣтъ, надѣюсь, что нѣтъ! Бѣднякъ, онъ всегда радъ сдѣлать все, что можетъ; но у него плохія способности. Ты можешь употребить его въ свою пользу, Мартинъ, если угодно. У Тома одинъ недостатокъ: онъ иногда немножко склоненъ забыться, но это легко остановить. Добрая душа! Съ нимъ легко справиться. Покойной ночи!

— Покойной ночи, сударь.

Въ это время, Пинчъ возвратился со щипцами.

— Покойной ночи и тебѣ, Пинчъ, Богъ съ вами! Богъ съ вами! Призвавъ небесное благословеніе на главы своихъ молодыхъ друзей, Пекснифъ ушелъ къ себѣ въ комнату. Пинчъ и Мартинъ, препорядочно усталые, скоро заснули. Если Мартину что-нибудь снилось, до ключа къ его сновидѣніямъ мы доберемся въ послѣдующихъ страницахъ. Что касается до Пинча, ему снились только праздники, церковные органы и серафимы-Пекснифы. Самъ же Пекснифъ, пришедъ къ себѣ, просидѣлъ часа два передъ каминномъ, пристально и въ глубокой задумчивости глядя на огонь. Но наконецъ и онъ заснулъ. Такимъ образомъ, въ спокойные ночные часы, въ одномъ и томъ же домѣ улегается столько же несообразныхъ и противорѣчащихъ мыслей и фантазій, какъ въ головѣ сумасшедшаго.

ГЛАВА VI,

ЗАКЛЮЧАЮЩАЯ ВЪ СЕБѢ, МЕЖДУ ПРОЧИМИ ЗАНИМАТЕЛЬНЫМИ ПРЕДМЕТАМИ, ПОДРОБНОЕ СВѣДѢНІЕ ОБЪ УСПѢХАХЪ МЭСТЕРА ПИНЧА ВЪ ПРИОБРѢТЕНІИ ДРУЖБЫ И ДОВѢРЕННОСТИ НОВАГО УЧЕНИКА.

Настало утро. Прелестная Аврора, о которой такъ много было нѣто и писано, уже коснулась своими розовыми перстами кончика носа миссъ Пекснифъ. Богиня имѣла рѣзвую привычку дѣлать это всякій день съ милою Чѣрити, или, говоря прозаически, кончикъ носа очаровательной дѣвушки былъ всегда весьма-красенъ во время завтрака. Странный феноменъ какого-то кислаго и ѣдкого свойства обнаруживался также въ ея нравѣ, какъ-будто нѣсколько лимоновъ было выжато въ нектаръ ея душевнаго расположенія.

Въ обыкновенныхъ случаяхъ, такое обстоятельство выказывалось тѣмъ, что мастеръ Пинчъ получалъ весьма-жидкій, слабо или вовсе-неподслащенный чай и весьма-малое количество масла. Но на слѣдующее, послѣ описаннаго выше пиршества, утро, она позволила ему вполне распорядиться всеми съѣстными припасами, такъ что бѣдный Пинчъ совершенно растерялся отъ новой для него сво-

боды и отъ недостатка маленькихъ любезностей, къ которымъ онъ уже успѣлъ привыкнуть. Было также что-то грозное въ спокойствіи новаго ученика: онъ «безпокоилъ» самого Пексниффа на счетъ хлѣба и масла и даже съ самымъ убійственнымъ, хладнокровіемъ овладѣлъ собственными, предназначенными для исключительнаго употребленія Пексниффа тостами, прежде нежели тотъ успѣлъ опомниться. Онъ, по-видимому, полагалъ, что поступаетъ весьма-обыкновенно, и ожидалъ, что Пинчъ послѣдуетъ его примѣру; онъ дошелъ даже до того, что спросилъ его, отъ-чего онъ задумался и ничего не ѣсть,— слова, заставившія бѣднаго Тома потупить глаза и чувствовать себя, какъ-будто онъ какимъ-нибудь непростительнымъ поступкомъ нарушилъ довѣренность мастера Пексниффа; словомъ, у несчастнаго Пинча совсѣмъ пропала аппетитъ.

Между-тѣмъ, молодыя дѣвушки, не смотря на эти жестокія испытанія, сохранили самое лучшее расположеніе духа, хотя онъ и дѣлалъ между собою нѣкоторые особенные тайные знаки. Когда завтракъ началъ приходить къ концу, мастеръ Пексниффъ, улыбаясь, объяснилъ причину общаго удовольствія:

— Рѣдко случается, Мартинъ, чтобъ я и мои дочери оставляли наше всегдашнее жилище: мы намѣрены сдѣлать это сегодня.

— Не-уже-ли? воскликнулъ новый ученикъ.

— Да, отвѣчалъ Пексниффъ, показывая ему письмо:—меня призываютъ въ Лондонъ дѣла по архитектурнымъ занятіямъ, мой другъ Мартинъ; а я давно уже обѣщалъ дочерямъ, что при первой повѣздкѣ возьму ихъ съ собою. Мы отправимся сегодня вечеромъ съ тяжелою почтой и возвратимся не ранѣе, какъ черезъ недѣлю.

— Надѣюсь, что молодыя дѣвицы останутся довольны своей повѣзкою? замѣтилъ Мартинъ.

— О, конечно! вскричала Мёрси, щелкая пальцами. — Боже, одна идея о Лондонѣ!

— Пылкое дитя! сказалъ задумчиво отецъ. — А между-тѣмъ, въ этихъ юношескихъ мечтахъ есть что-то особенное, и какъ рѣдко онѣ сбываются! Я помню, что въ дѣтствѣ я былъ твердо убѣжденъ, что слоны рождаются съ цѣлыми замками и башнями на спинахъ. Я нашелъ противное на дѣлѣ, а между-тѣмъ подобныя видѣнія утѣшали меня въ часы испытанія. Даже въ то время, когда я открылъ, что кормилъ свою грудь страуса, а не человеческого ученика, даже и тогда я утѣшался ими.

При этомъ ужасномъ намекѣ на Джона Вестлока, Пинчъ поперхнулся своимъ часмъ: онъ въ это утро получалъ отъ него письмо, что Пексниффу было извѣстно.

— Позаботься, мой милый Мартинъ, продолжалъ Пексниффъ съ прежнею веселостью:—чтобъ домъ вашъ не убѣжалъ въ наше отсутствіе. Мы предоставляемъ въ твое распоряженіе все: для тебя здѣсь нѣтъ ничего заветнаго. Можешь веселиться, мой другъ, и, если угодно, заклать упитаннаго тельца!

Такъ-какъ во владѣнiяхъ мастера Пексинѳа не паслось ни одного тельца, ни жирнаго, ни тощаго, то послѣднюю часть его рчи можно было считать риторическимъ украшенiемъ, послѣ котораго почтенный джентльменъ всталъ и повелъ своего ученика въ теплицу и расадникъ архитектурнаго генiя — въ свой рабочiй кабинетъ.

— Посмотримъ, сказалъ онъ, роясь между бумагами:—чѣмъ бы тебѣ заняться во время нашего отсутствiя, Мартинъ? Положимъ, что я желалъ бы имѣть идею монумента лондонскому лорду-мэру, или, на-примѣръ, гробницы шерифа, или хоть хлѣва, по новой системѣ, для парка вельможи? Помпа, напримѣръ, была бы весьма-полезнымъ занятiемъ. Мнѣ даже кажется, что фонарный столбъ изящнаго вида утопчаетъ вкусъ и даетъ ему классическое направленiе. Чтѣ бы ты сказалъ о художественно-соображенномъ шлагбаумѣ?

— Какъ вамъ будетъ угодно...

— Стой! Знаешь ли чтѣ, мой другъ? Такъ-какъ ты, наѣррно, честолюбивъ и долженъ хорошо чертить, чтѣ ты скажешь о планѣ дѣтской школы первоначальнаго образованiя? Можетъ-быть, молодой человекъ съ такимъ вкусомъ и нападетъ на какую-нибудь идею, хотя, по-видимому, и неудобноисполнимую, но которую я, при нѣкоторой обработкѣ, могъ бы привести въ надлежащiй видъ? Потому-что главное у насъ—окончательная обработка, которой научаетъ только долговременная оцѣтнность. Ха, ха, ха! Въ-самомъ-дѣлѣ, продолжалъ онъ, дружески трепля по плечу своего молодого друга:—мнѣ бы очень-любовытно и забавно было видѣть, чтѣ бы ты сдѣлалъ изъ первоначальной школы?

Мартинъ взялся за дѣло съ готовностью, и Пексинѳъ далъ ему нѣкоторыя наставленiя и нужные для выполненiя инструменты и материалы. Онъ особенно распространялся о магическомъ дѣйствiи нѣкоторыхъ окончательныхъ почерковъ руки опытнаго мастера своего дѣла, чтѣ, конечно, было удивительно, потому-что враги Пексинѳа утверждали, что бывали случаи, будто мастерское введенiе новаго слуховаго окна, или кухонной двери, или полдюжины ступенекъ, превращали планы учениковъ его въ его собственные, за что карманы его вознаграждались деньгами. Но умъ таково могущество генiя!

— Когда, для разнообразiя, тебѣ вздумается перемѣнить родъ занятiй, то Пинчъ покажетъ тебѣ, какъ разбивать планъ сада, или узнать разность уровня дороги между моимъ домомъ и хоть вопъ-тѣмъ придорожнымъ столбомъ, или что-нибудь въ томъ же родѣ. Тамъ на дворѣ цѣлыя кучи кирпичей и цвѣточныхъ горшковъ, Мартинъ: если ты дашь имъ форму чего-нибудь, чтѣ мнѣ напомнило бы Церковь св. Петра въ Римѣ или Софiйскую-Мечеть въ Константинополѣ, имъ будетъ это до крайности приятно. А теперь, сказалъ Пексинѳъ въ заключенiе: — мы можемъ оставить наши профессиональныя

дѣла и обратиться къ частнымъ; теперь пойдѣмъ потолковать въ мою спальню, пока я буду готовить свой чемоданъ.

Мартинъ послѣдовалъ за нимъ, и они оставались наединѣ болѣе часа, оставя Тома Пипча одного. Когда молодой человекъ возвратился, Томъ нашелъ его весьма-молчаливымъ и недовольнымъ, такъ-что, сдѣлавъ ему нѣсколько незначительныхъ постороннихъ вопросовъ, Томъ счелъ не деликатнымъ мѣшать его размышленіямъ и оставилъ его въ покоѣ.

Еслибъ даже Мартинъ и былъ разговорчивъ, то Тому не пришлось бы этимъ воспользоваться: во-первыхъ, Пексниффъ позвалъ къ себѣ Тома и велѣлъ встать на чемоданъ и представлять изъ себя древнія статуи, пока чемодану не вздумается допустить замкнуть себя; потомъ миссъ Чѣрйти просила его завязать ея дорожный мѣшокъ; потомъ миссъ Мѣрси послала за нимъ, чтобъ онъ начинилъ ей ящикъ; потомъ онъ долженъ былъ составить подробную опись всему багажу Пексниффовъ; потомъ онъ взялся перетаскать все на низъ и смотреть, какъ всѣ вещи перевезутъ отъ дома до того мѣста, гдѣ останавливается дилижансъ, и, наконецъ, дожждаться прибытія дилижанса. Словомъ, дѣяній Тома Пипча въ тотъ день хватило бы любому носильщику; но съ его доброю волей все было ни-по-чемъ, и когда онъ, наконецъ, утиралъ потъ, сидя на перекресткѣ надъ багажомъ Пексниффовъ, сердце его радовалось при мысли, что онъ угодилъ своему благодѣтелю.

— Я почти боялся, сказалъ Томъ, вынимая изъ кармана письмо: — что не успѣю написать его, а это было бы жаль: пересылка по почтѣ стѣитъ дорого. Она будетъ рада моему письму, а извѣстно, что Пексниффъ со мною хорошъ по-прежнему. Я бы попросилъ Вестлока навѣстить ее, но боюсь, что онъ станетъ говорить ей противъ Пексниффа, а это ее огорчитъ. Кромѣ того, посѣщеніе такого молодаго чедовѣка можетъ навлечь ей неприятели. Бѣдная Руэль!

Томъ Пипчъ съ пол-минуты казался расположеннымъ къ грусти, однакожь скоро успокоился и продолжалъ свои размышленія:

— Джонъ былъ славный, веселый малой; я бы желалъ въ немъ только одного — чтобъ онъ любилъ Пексниффа. По его мнѣнію, я бы должепъ былъ упасть духомъ, а по-моему, я необыкновенно-счастливъ, что паткнулся на такого чедовѣка, какъ Пексниффъ: должно быть, я родился съ серебряною ложкою во рту. И вотъ, мнѣ опять удача съ новымъ ученикомъ! Я никогда не видалъ такого любезнаго, открытаго, благороднаго малаго, какъ этотъ. Да какъ скоро мы сошлись! Онъ родня Пексниффу и толковый малой, такъ-что онъ пойдетъ дорогу въ свѣтъ... Да вотъ и онъ: идетъ-себѣ по переулку, какъ-будто переулкомъ со всеми домами принадлежить ему.

Въ-самомъ-дѣлѣ, пока Пипчъ говорилъ, Мартинъ подошелъ къ нему, нисколько не озадаченный честию вести подъ-руку миссъ Мѣрси, ни ея трогательными прощаньями. Миссъ Чѣрйти шла объ-

руку съ отцомъ вслѣдъ за ними. Такъ—какъ дилижансъ уже подъѣзжалъ, Томъ приступилъ, не теряя времени, къ своему покровителю и просилъ его доставить письмо сестрѣ его.

— О! сказалъ Пекспиффъ, рассматривая адресъ письма: — твоей сестрѣ, Томасъ? Хорошо, хорошо; письмо будетъ передано; не беспокойтесь объ этомъ, мастеръ Пинчъ.

Онъ произнесъ это обещаніе съ такимъ снисходительнымъ и покровительственнымъ видомъ, что Томъ подумалъ, что онъ просилъ слишкомъ-многого, и принялся усердно благодарить его. Объ миссъ Пекспиффъ очень забавлялись извѣстіемъ о сестрѣ Пинча. О, ужасъ! Одна идея о миссъ Пинчъ! Милосердное небо!

Томъ радовался ихъ веселости, считая ее знакомъ благорасположенія къ нему, смѣялся, потиралъ себѣ руки и желалъ имъ счастливаго пути. Когда уже дилижансъ тронулся, онъ все кланялся и махалъ рукою вслѣдъ отъѣзжающимъ и былъ такъ восхищенъ любовью молодыхъ дѣвицъ, что даже не обратилъ вниманія на Мартину, задумчиво прислонившагося къ столбу.

Молчаніе, наставшее послѣ шумнаго отправления дилижанса и холодный вѣтеръ заставляли обонхъ опомниться. Они обернулись и рука—объ—руку направились къ дому.

— Какъ вы печальны! сказалъ Томъ: — что съ вами?

— Ничего такого, о чемъ стоило бы говорить: весьма-малымъ больше вчерашняго и гораздо-больше того, что будетъ завтра, надюсь. Я не въ духъ, Пинчъ.

— А я напротивъ. Не правда ли, вашъ предшественникъ, Джонъ, былъ очень-любезенъ, написавъ ко мнѣ изъ Лондона?

— Можеть-быть, отвѣчалъ небрежно Мартинъ:— я готовъ былъ бы думать, что ему будетъ не до васъ, Пинчъ.

— Того же ожидалъ и я, а между-тѣмъ онъ держитъ свое слово; онъ пишетъ: «любезный Пинчъ, я часто о тебѣ думаю» и много другаго хорошаго...

— Онъ долженъ быть чертовски-любезный малой, замѣтилъ Мартинъ нѣсколько-сердито:— потому-что онъ вѣрно думалъ не то, что писалъ.

— Отъ-чего же? Вы думаете, что онъ писалъ это съ тѣмъ, чтобы мнѣ угодить?

— Ну, да, можеть-быть! Вѣроятно ли, чтобы молодой человекъ, вновь избавившійся изъ заточенія въ этой гадкой норѣ и наслаждающійся полною свободою въ Лондонѣ, могъ думать о чемъ-нибудь или о комъ-нибудь, что онъ оставилъ за собою здѣсь? Подумайте сами, Пинчъ, естественно ли это?

Послѣ краткаго молчанія и размышленія, Пинчъ отвѣчалъ покорнымъ голосомъ, что безразсудно ожидать такихъ вещей, и что Мартину это лучше должно быть извѣстно.

— Разумѣется, мнѣ это лучше извѣстно.

— Я такъ и чувствую, сказалъ Пинчъ съ робостію. Послѣ это-

го, оба снова впали въ глубокое молчаніе и, не говоря ни слова, дошли до дома. Уже стемнѣло.

Миссъ Чёрити Пекспиффъ, зная, что остатки отъ вчерашняго пирра нельзя взять съ собою въ Лондонъ и что нѣтъ средствъ сохранили ихъ искусственными способами до своего возвращенія, оставила все на двухъ тарелкахъ въ распоряженіе учениковъ ея отца. Въ-слѣдствіе чего, они нашли въ кабинетъ двѣ хаотическія груды остатковъ съѣстныхъ припасовъ, состояшія изъ апельсиновыхъ кусочковъ, переломанныхъ ломтиковъ поджаренаго хлѣба, взятыхъ и перемѣшанныхъ съ крошечными остатками геологическаго пирога и нѣсколькихъ цѣлыхъ морскихъ сухарей. Остатки вина изъ двухъ бутылокъ были слиты въ одну; словомъ, новые друзья нашли всё средства насладиться необычайно-роскошно.

Мартинъ Чодзльвитъ смотрѣлъ на все это съ безконечнымъ презрѣніемъ и, вываливъ цѣлую кучу угля въ каминъ, усѣлся противъ него въ самыхъ спокойныхъ креслахъ. Пипчъ, чтобъ найдти и себѣ мѣстечко противъ огня, сѣлъ на стуликъ миссъ Мёрси и, поставя рюмку на ближайшую скамейку, а тарелку себѣ на колѣни, принялся наслаждаться.

Еслибъ Діогенъ воскресъ и вкатился съ своею бочкою въ комнату мастера Пекспиффа и увидѣлъ Пинча на стуликъ миссъ Мёрси съ рюмкой и тарелкой, онъ не выдержалъ бы и навѣрно бы улыбулся при видѣ полного и совершеннаго удовольствія Тома и наслажденія, съ какимъ онъ дѣлалъ честь объѣдкамъ, запивая ихъ кислую смѣсью краснаго и бѣлаго вина. Нѣкоторые люди потрѣпали бы его по спинѣ или пожали бы ему руку за урокъ въ простотѣ и неприхотливости. Одни посмѣялись бы вмѣстѣ съ нимъ, а другіе надъ нимъ; изъ послѣднихъ былъ Мартинъ, который, не въ силахъ будучи удерживаться долѣе, занялся громкимъ смѣхомъ.

— Вотъ хорошо! наконецъ-то вы развеселились! сказалъ Томъ, весело кивая головою.

При этомъ поощреніи, молодой Мартинъ расхохотался сильнѣе прежняго.

— Никогда въ жизни не видывалъ я такого чудака, какъ вы, Пинчъ.

— Не-уже-ли? Что жъ! немудрено, что вы меня находите чудаккомъ, потому-что я вовсе не видалъ свѣта, а ужъ вы вѣрно видели многое?

— Достаточно для моихъ лѣтъ, отвѣчалъ Мартинъ, придвигая стулъ еще ближе къ камину. — Да что жъ это, чортъ возьми! наконецъ я долженъ жѣ говорить съ кѣмъ-нибудь откровенно. Я буду откровененъ съ вами, Пинчъ.

— Что жъ? хорошо; вы мнѣ докажете этимъ свою дружбу.

— Вѣдь я не стою на вашей дорогѣ?

— Нисколько.

— Ну, такъ, чтобъ сократить длинную исторію, сказалъ Мар-

тинъ съ нѣкоторымъ усиленіемъ надъ собою: — вы должны знать, что я съ дѣтства воспитанъ для большихъ надеждъ, и что меня научили вѣрить, что я со-временемъ долженъ быть очень-богатъ. Оно бы такъ и вышло безъ нѣкоторыхъ обстоятельствъ, которыя я вамъ разскажу и которыя привели меня къ тому, что теперь я лишень наследства.

— Вашимъ отцомъ? спросилъ Пинчъ съ удивленіемъ.

— Дѣдомъ. Родителей моихъ давно уже нѣтъ; я ихъ даже не помню.

— И я также.

— Въ такомъ случаѣ, Пинчъ, весьма-натурально любить нашихъ родителей, когда они живы, или чтить ихъ память послѣ ихъ смерти, когда мы ихъ знали. Но такъ-какъ я лично не помню ничего о своихъ, вы не удивитесь, если я не буду о нихъ слишкомъ-много сантиментальничать. Да, по правдѣ, я этого и не дѣлаю.

Пинчъ задумчиво смотрѣлъ на огонь. Когда товарищъ его пріостановился, онъ вздрогнулъ и сказалъ:

— Разумѣется.

— Однимъ словомъ, продолжалъ Мартинъ: — я во всю свою жизнь былъ воспитанъ и лелѣянъ этимъ дѣдомъ. Онъ имѣетъ много очень-хорошихъ качествъ, въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія; но вмѣстѣ съ тѣмъ у него два огромные недостатка: во-первыхъ, онъ упрямъ до-нѣльзя, а во-вторыхъ, величайшій эгоизмъ.

— Не-уже-ли?

— Въ этихъ двухъ отношеніяхъ я не думаю, чтобъ нашелся подобный ему человѣкъ. Вообще, я слыхалъ, что его недостатки свойственны всей нашей фамиліи: можетъ-быть, это и правда. Все, что я могу сдѣлать, это — стараться не пріобрѣсти нашихъ наследственныхъ качествъ.

— Конечно, это самое лучшее.

— Ну, сударь, эгоизмъ дѣлаетъ его взыскательнымъ, а упрямство рѣшительнымъ и непоколебимымъ. Слѣдствіями этого необычайныя претензіи на почтеніе, покорность, самоотверженіе и прочее отъ меня. Я переносилъ отъ него многое, потому-что ему обязанъ (если только можно считать себя обязаннымъ своему родному дѣду), и потому-что искренно былъ къ нему привязанъ; не смотря на то, мы часто ссорились, ибо я не всегда былъ въ силахъ выдерживать его капризы. Но теперь, Пинчъ, я дошелъ до самой существенной части моей исторіи: я влюбленъ!

Пинчъ смотрѣлъ на него съ возрастающимъ участіемъ.

— Говорю вамъ, я влюбленъ — влюбленъ въ одно изъ самыхъ милыхъ существъ во всей подсолнечной. Но она въ полной зависимости отъ моего дѣда; и еслибъ онъ узналъ, что она смотритъ благосклонно на страсть мою, она лишилась бы всего. Въ какой любви нѣтъ ничего себялюбиваго, надѣюсь?

— Себялюбиваго! Вы поступили благородно: любить ее и, зная ее зависимость, даже не открывать ей...

— Что вы толкуете, Пинчъ? Не будьте смѣшны, ради Бога. Что вы разумѣете подъ словами «не открывать ей»?

— Извините, отвѣчалъ Томъ: — я полагалъ, что вы это подразумѣвали, иначе я бы не сказалъ.

— Еслибъ я не открылъ ей моей любви, такъ что и проку было бы въ томъ, что я влюбленъ?

— Это правда; я могу подозрѣвать, что она вамъ сказала на ваше объясненіе, прибавилъ онъ, глядя на пріятное лицо Мартина.

— Не совсѣмъ, Пинчъ, возразилъ онъ, слегка нахмурясь; — потому-что у нея какія-то ребяческія понятія о благодарности, обязанности и тому подобномъ; но въ главномъ вы не ошиблись: сердце ея принадлежитъ мнѣ, я въ этомъ увѣренъ.

— Я такъ и думалъ; это очень-натурально.

— Хотя я и велъ себя съ самого начала съ величайшею осторожностью, я не могъ однакожь сдѣлать такъ, чтобъ дядь мой, до крайности недоверчивый, не возымѣлъ подозрѣнія. Онъ ей не сказалъ ни слова, но напалъ на меня наединѣ и осыпалъ меня обвиненіями, будто я хочу посягнуть на вѣрность и привязанность къ нему (вотъ образчикъ его эгоизма!) молодого творенія, которое онъ вскормилъ собственно съ тѣмъ, чтобъ имѣть надежнаго и безкорыстнаго друга, когда онъ меня женить по своему усмотрѣнію. На это я вспыхнулъ немедленно и объявилъ ему наотрѣзъ, что никто кромѣ меня не можетъ и не будетъ располагать моею жеманью.

Пинчъ разинулъ ротъ отъ удивленія и смотрѣлъ на огонь прісталины прежняго.

— Можно себя вообразить, продолжалъ Мартинъ: — что это его кольнуло, и что онъ совершенно ко мнѣ переѣхался. Слова-за-словомъ, дошло до того, что я долженъ былъ или отказать отъ нея, или онъ откажется отъ меня. Теперь, Пинчъ, вы должны знать, что я не только отчаянно влюбленъ въ нее (хоть она и бѣдна, но умъ и красота ея таковы, что она не унизилась бы никакой партіи), но что главная черта моего характера состоитъ въ томъ, что я непоколебимо...

— Упрямы, подсказалъ добродушно Томъ. Но это напоминаніе не было принято такъ хорошо, какъ онъ ожидалъ, потому-что молодой человекъ возразилъ на это съ нѣкоторою запальчивостью.

— Что вы за человекъ, Пинчъ!

— Извините, я думалъ, что вамъ нужно слово.

— Совсѣмъ не нужно мнѣ этого слова; развѣ я вамъ сказалъ, что упрямые составляетъ главную черту моего характера? Я нагъренъ былъ сказать, еслибъ вы дали мнѣ договорить, что главное качество мое — непоколебимая твердость.

— О, да! конечно, вижу, вижу!

— Ну, а будучи человекомъ твердымъ, я, разумеется, не долженъ былъ уступить ни на тысячную долю дюйма.

— Разумеется.

— Ну, да. Чѣмъ болѣе онъ упорствовалъ, тѣмъ настойчивѣе дѣлался я самъ.

— Такъ и должно.

— Въ томъ-то и дѣло, — и здѣсь!

Мастеръ Пинчъ нѣсколько минутъ перемишивалъ угли въ каминѣ съ озадаченною физиономіей, наконецъ сказалъ:

— Вы, конечно, знали Пексниффа прежде?

— Только по имени. Я никогда не видалъ его, потому-что дѣдъ мой держалъ не только себя, но и меня какъ-можно дальше отъ всѣхъ нашихъ родственниковъ. Я разстался съ нимъ недалеко отъ здѣшнихъ мѣстъ, потомъ пріѣхалъ въ Салисбюри, гдѣ узналъ, что Пексниффъ беретъ къ себѣ учениковъ, и рѣшился ѣхать къ нему, имея нѣкоторый вкусъ къ архитектурѣ вообще, а больше потому, что онъ...

— Такой прекрасный человекъ, прервалъ Томъ, потирая руки: — о, вы въ этомъ не ошиблись.

— По совѣсти сказать, я объ этомъ мало думаю: я обратился къ Пексниффу больше потому, что дѣдъ мой его терпѣть не можетъ, а послѣ его самовластнаго обращенія со мною я имѣлъ весьма-естественное желаніе идти ему на-перекоръ, сколько будетъ возможно. Ну, такъ вотъ почему я теперь здѣсь! Обязательство мое съ молодою дѣвушкою долго не можетъ быть приведено въ исполненіе, потому-что ни ей, ни мнѣ будущіе не представляеть ничего блестящаго, а я не могу думать о женитьбѣ прежде, нежели буду въ состояніи жениться. Я считаю рѣшительно-невозможнымъ и противнымъ моею совѣсти погрузиться въ бѣдность, нищету и любовь въ тѣсной комнаткѣ на какомъ-нибудь чердакѣ или въ пятомъ этажѣ!

— Не говоря уже о ней, замѣтилъ Томъ въ-полголоса.

— Конечно, не говоря уже о ней. Для нея, безъ сомнѣнія, было бы не такъ жестоко подвергнуться такой необходимости: во-первыхъ, она меня очень любитъ, во-вторыхъ, я пожертвовалъ для нея весьма-многимъ, а я могъ бы имѣть лучшіе виды.

Долго Томъ не могъ выговорить «разумеется»; наконецъ, однако, чтобъ не раздражить своего товарища, онъ съ трудомъ произнесъ это слово.

— Въ этой любовной исторіи есть одно странное обстоятельство, началъ снова Мартинъ: — помните ли вы, Пинчъ, разсказъ вашъ о прекрасной слушательницѣ вашей игры на органѣ?

— Какъ же помнить.

— Это была она.

— Я ждалъ, что вы это скажете, вскричалъ Томъ, вскочивъ с

стула и пристально глядя на Мартина: — не-ужели вы такъ думаете?

— Это была она, повторилъ молодой человекъ. — Судя потому, что я слышалъ отъ Пексиффа, она была здѣсь и уехала отсюда вмѣстѣ съ моимъ дѣдомъ. Да полно вамъ пить это кислое вино, Пивчъ! вѣдь съ вами сдѣлается обморокъ!

— Да, можетъ-быть, оно и нездорово. А вы думаете, что это точно была она?

Мартинъ кивнулъ головою въ знакъ согласія, и, прибавя, что будь это нѣсколькими днями ранѣе, онъ увидѣлъ бы ее, онъ раскинулся въ креслахъ и вертѣлся въ нихъ какъ избалованное дитя.

Сердце Тома было вѣжно; онъ не могъ видѣть равнодушно чужихъ страданій, а тѣмъ менѣе страданій человека, къ которому онъ чувствовалъ расположеніе и который, какъ онъ думалъ, платитъ ему тѣмъ же. Каковы бы ни были его мысли нѣсколько минутъ тому назадъ, онъ успѣшилъ утѣшить своего молодаго пріятеля.

— Все поправится со-временемъ, сказалъ Томъ:—я въ этомъ увѣренъ; препятствія, которыя вамъ теперь кажутся такими горькими, только скрѣпятъ вашу сердечную связь на будущее время. Я часто слышалъ и читалъ, что такъ бываетъ всегда, и чувствую, что это правда. Когда обстоятельства идутъ противъ насъ,—прибавилъ онъ съ добродушною улыбкой, которая, не смотря на его некрасивое лицо, была бы пріятнѣе самаго свѣтлаго взгляда какой-нибудь неземной красавицы:—надобно принимать ихъ какъ онъ есть и стараться терпѣніемъ и добрымъ расположеніемъ духа обработать ихъ въ лучшій для насъ видъ. Я не въ состояніи сдѣлать ничего для кого бы то ни было: вы знаете, какъ слабы мои способности, но готовности у меня пропасть. Если я чѣмъ-нибудь могу быть вамъ полезенъ, не считаю пужнымъ увѣрять, что я буду радехонекъ сдѣлать все.

— Благодарю, премного благодарю, возразилъ Мартинъ, пожмая ему руку: — вы добрыйшій мальчикъ, клянусь честью! Я бы, конечно, не задумался воспользоваться вашею услужливостію, если бы вы могли помочь мнѣ. Потомъ, пробѣжавъ съ нетерпѣніемъ рукою въ волосы и посмотрѣвъ на Тома, онъ прибавилъ:

— А знаете ли, что вы даже въ эту минуту можете оказать мнѣ услугу?

— Какую?

— Прочитайте мнѣ что-нибудь.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ, отвѣчалъ Томъ, съ энтузіазмомъ хватая свѣчу: — я васъ оставлю на минуту въ потемкахъ и сейчасъ возвращусь съ книгою. Какую вы хотите? Шекспира?

— Хотѣ Шекспира, сказалъ его пріятель, зѣвая и потягиваясь:— это будетъ кстати; я такъ усталъ отъ сегодняшней хлопоты и помнѣны всего меня окружающаго, что, кажется, не найдется на-

свѣдѣнія вѣрнаго, какъ быть усыплена чтеніемъ. Поди и зѣвни, вы не разсердитесь?

— Нисколько.

— Ну, такъ начинайте, когда угодно. Если вы увидите, что я лачку засыпать, то не переставайте (разумеется, если васъ это не утомитъ), потому-что пріятно пробуждаться подъ тѣ же звуки, подъ которые засыпаете. Вы этого никогда не испытывали?

— Нѣтъ, никогда.

— Ну, такъ мы когда-нибудь попробуемъ, когда будемъ въ душѣ. И такъ, ступайте; ничего, что я обѣдусь въ потемкахъ.

Мастеръ Пинчъ поспѣшилъ изъ комнаты и черезъ минуту возвратился съ однимъ изъ драгоценныхъ томовъ, которые стояли на полкѣ подлѣ его кровати. Мартинъ въ то же время собралъ себя изъ трехъ стульевъ родъ временной софы и раттнулся передъ каминомъ въ самомъ удобномъ положеніи.

— Только читайте не слишкомъ-громко.

— Хорошо.

— Вамъ не будетъ холодно?

— Нисколько.

— Ну, такъ я готовъ слушать.

Пинчъ бережно открылъ книгу, выбралъ по своему вкусу явсцу и принялся читать. Черезъ несколько минутъ, пріятель его уже храпѣлъ.

— Бѣдняжка! сказалъ Томъ тихо: — такъ молодецъ, а ужь столько натерѣлся! И какъ благородно съ его стороны, что онъ мнѣ во всемъ открылся. Такъ это была она! Кто бы могъ подумать?

Вспомнивъ, однако, уговоръ свой съ Мартиномъ, онъ снова принялся за чтеніе и заинтересовался имъ до того, что забылъ снимать со свѣчи и поддерживать огонь въ каминѣ. Последнее обстоятельство напомнилъ ему Мартинъ Чодзельитъ, проснувшись черезъ часъ и вскричавъ:

— Да ужь огонь въ каминѣ давно погасъ. Не мудрено, что мнѣ спалось, будто я замерзъ. Велите принести угольевъ. Что вы за чудакъ, Пинчъ!

ГЛАВА VII,

въ которой мастеръ Чивви-Сляймъ доказываетъ необходимость своихъ понятій, а «Синій-Драконъ» лишается одного изъ своихъ членовъ:

На слѣдующее утро, Мартинъ принялся трудиться надъ панношколы съ такою дѣятельностью и энергіей, что Пинчу представился новый случай удивляться его природнымъ способностямъ и признать его безконечное преимущество надъ собою. Новый ученикъ дридалъ весьма-благоклонно возмущенія Тома; получивъ

важнѣе и постоянное расположеніе къ нему, онъ предсказалъ, что они останутся навсегда лучшими друзьями, и что ни одинъ изъ нихъ не будетъ имѣть причины сожалѣть о нѣмъ знакомствѣ. Мастеръ Пинчъ радовался отъ души и былъ такъ тронутъ увѣреніями въ дружбу и покровительствѣ Мартиала, что не зналъ, какъ выразить свои чувства. Дружба эта дѣйствительно имѣла много элементовъ прочности, потому-что до-тѣхъ-поръ, пока одна сторона будетъ находить удовольствіе въ томъ, чтобъ пользоваться покровительствомъ (что составляло всю сущность характеровъ новыхъ друзей), близнецы-демоны, зависть и гордость, никогда не возстанутъ между ними.

Мартинъ и Пинчъ трудились съ большими усердіемъ въ слѣдующій вечеръ послѣ отъѣзда семейства Пекспиффа—первый надъ школой, а второй надъ счетными книгами своего патрона, притѣмъ Тома развлекала по-временамъ привычка его новаго пріятеля насвистывать громко въ то время, когда онъ чертилъ—какъ вдругъ оба вздрогнули отъ неожиданнаго появленія, въ святилищѣ архитектурнаго генія, мохнатой и довольно-свирѣпой наружности головы, которая имъ дружески и одобрительно улыбалась.

— Я самъ не трудолюбивъ, джентльмены, сказала голова:— но умѣю цѣнить это качество въ другихъ. Клянусь жизнью, я премного благодаренъ другу моему Пекспиффу за очаровательную картину, которую вы мнѣ теперь представляете. Вы напоминаете мнѣ Виттингтона, въ послѣдствіи трижды лорда-мера Лондона. Даю вамъ безпорочнѣйшее честное слово, что вы мнѣ сильно напоминаете это историческое лицо. Вы рѣшительно пара Виттингтоновъ, за исключеніемъ кошки, что мнѣ весьма нравится, потому-что я вовсе не чувствую привязанности къ кошачьему племени. Имя мое Тиггъ. Какъ вы поживаете?

Мартинъ съ изумленіемъ смотрѣлъ на Пинча, а тотъ, не выдавъ Тигга ни разу въ жизни, смотрѣлъ вопросительно на Мартина.

— Чиви-Слаймъ? сказалъ вопросительно мастеръ Тиггъ, цалуя свою лѣвую руку въ знакъ дружбы. — Вы поймете меня, когда я скажу, что я акредитованный агентъ Чиви-Слайма — что я посланникъ двора Чива! Ха, ха, ха!

— Что жъ? воскликнулъ Мартинъ, вздрогнувъ отъ неудовольствія, услышавъ известное ему имя: — чего же ему отъ меня надобно?

— Если имя ваше Пинчъ...

— Нѣтъ, вотъ мастеръ Пинчъ.

— А! если это мастеръ Пинчъ, сказалъ Тиггъ, снова цалуя свою руку и входя въ комнату: — онъ позволить мнѣ сказать ему, что я какъ-нельзя-болѣе уважаю его характеръ, о которомъ мнѣ много говорилъ другъ мой Пекспиффъ, и что я глубоко ценю его даровитую игру на органѣ, хотя я самъ и не скрежещу ни на чемъ. Если это мастеръ Пинчъ, беру смѣлость надѣяться, что онъ въ добромъ здоровьѣ и не чувствуетъ неудобства отъ восточнаго вѣтра?

— Благодарю васъ, отвѣчалъ Томъ: — я здоровъ.

— Это большое утѣшеніе, возразилъ Тиггъ: — въ такомъ случаѣ я долженъ сказать вамъ, что пришелъ за письмомъ.

— За какимъ письмомъ?

— За письмомъ, прошепталъ Тиггъ: — адресованнымъ мнѣ другомъ Пекснифомъ Чивви-Сляйму, конюшему, и оставленнымъ у вастъ.

— Онъ не оставилъ мнѣ никакого письма.

— Это все равно, хотя другъ мой Пекснифъ и поступилъ не такъ деликатно, какъ бы я долженъ былъ ожидать... А деньги?

— Какія деньги? вскричалъ Томъ съ изумленіемъ.

— Да, да, деньги! отвѣчалъ мастеръ Тиггъ, кивал и трепал Тома слегка по груди, какъ будто желая сказать, что онъ видитъ, что они понимаютъ другъ-друга, и что объ этомъ обстоятельствѣ нѣтъ нужды говорить при третьемъ лицѣ, а также и то, что онъ будетъ считать за особенную благосклонность, если Томъ вручитъ ему требуемую сумму.

Но мастеръ Пинчъ былъ очень-озадаченъ, и сразу объявилъ, что тутъ должна быть ошибка, и что Пекснифъ не давалъ ему никакого порученія относительно мастера Тигга или друга его Чивви-Сляйма, конюшаго. Тиггъ, услышавъ это объявленіе, весьма-серьезно просилъ Пинча сдѣлать ему одолженіе, повторить то, что онъ сказалъ; когда Томъ исполнилъ его желаніе самымъ торжественнымъ и толковымъ образомъ, Тиггъ, при каждой запатой, съ недоумѣніемъ кивалъ головою; наконецъ, выслушавъ все, разсылся на стулъ и обратился къ молодымъ людямъ съ слѣдующею рѣчью:

— Расскажу вамъ, въ чемъ дѣло, джентльмены. Въ здѣшнемъ мѣстечкѣ, въ эту самую минуту, находится совершеннѣйшее со-звѣздіе таланта и гениа, которое, непростительнымъ нерадѣніемъ друга моего Пекснифа, приведено въ самое затруднительное и ужасное положеніе, какое только возможно въ общественномъ устройствѣ девятнадцатаго столѣтія. Въ здѣшнемъ мѣстечкѣ есть «Синій-Драконъ» — жалкій, неблагородный, безъ высокихъ помысловъ, трактиришка: къ немъ задерживаютъ за неуплату по счету человека, съ которымъ, по выраженію одного поэта, нельзя сравнить ничего, кромѣ его-самого. Ха, ха, ха! по счету! повторю вамъ: по трактирному счету! Вы вѣрно слышали о «Книгѣ Мучениковъ» Фокса? или о Звѣздной-Комнатѣ? Не бойсь ничего противорѣчія, ни живыхъ, ни мертвыхъ, скажу вамъ, что другъ мой, Чивви-Сляймъ, задержанный по незаплатенному счету, стоитъ дороже всѣхъ суммъ, которыя когда-либо прозакладывались на пѣтушнихъ бояхъ!

Мартинъ и Пинчъ глядели другъ на друга, а потомъ на Тигга, который, сложа на груди руки, смотрѣлъ на нихъ съ горькою улыбкой.

— Не ошибайтесь во мнѣ, сказалъ онъ, протянувъ правую руку. — Еслибъ это было за что-нибудь другое, а не за счетъ, я бы еще перенесъ это и чувствовалъ бы себя въ состояніи смотреть на

человѣчество съ нѣкоторымъ уваженіемъ; но когда такой человѣкъ, какъ другъ мой Чивн-Слаймъ, задержанъ изъ-за счета — вещь существенно-низкой, можетъ-быть намаранной мѣломъ на стѣнѣ или на дверяхъ — я чувствую, что въ общественномъ механизмѣ ослабѣла какой-нибудь винтъ такой немѣримой важности, что все человѣческое общество потрясено и нельзя вѣрить ни въ какия нравственныя начала. Короче! продолжалъ Тиггъ съ необыкновеннымъ жаромъ: — когда человѣкъ такого рода, какъ Слаймъ, задержанъ за такую гнусную и презрительную вещь, какъ счетъ, я отвергаю убѣжденія въ-ковъ и не вѣрую ни во что! Да! я готовъ даже не вѣрить тому, что ни во что не вѣрю, будь я проклятъ!

— Очень сожалѣю объ этомъ, сказалъ Томъ послѣ нѣкотораго молчанія: — но мѣстеръ Пексифофъ не сказалъ мнѣ ни слова, а безъ него я не могу ничего сдѣлать. Не лучше ли будетъ, сударь, если вы пойдете откуда пришли и сами доставите деньги вашему другу?

— Да какъ же я могу это сдѣлать, когда и я самъ задержанъ? И тѣмъ болѣе, когда я, по изумительному нерадѣнію друга моего Пексифофа, не имѣю теперь ни одного шиллинга!

Томъ подумалъ-было напомнить почтенному джентльмену, что есть на свѣтѣ почта, и что если бы онъ написалъ кому-нибудь изъ своихъ друзей о своемъ бѣдственномъ положеніи, то письмо дошло бы навѣрно по адресу. Но добродушіе его удержало его отъ такого намека, и онъ спросилъ:

— Вы, сударь, сказали, что и васъ задержали?

— Походите сюда, произнесъ Тиггъ, вставъ со стула. — Вы, вѣрнѣе не разсердитесь, если я открою окно?

— Конечно, нѣтъ.

— Такъ смотрите: видите ли вы тамъ человѣка въ красномъ шейномъ платкѣ и безъ жилета?

— Какъ же, это Маркъ Тэпли.

— Маркъ Тэпли? Гм! этотъ Маркъ Тэпли не только имѣлъ внимательность проводить меня къ этому дому, но даже ждетъ моего возвращенія. И за такое вниманіе, продолжалъ Тиггъ, сердито крутя усы: — я полагаю, что мистриссъ Тэпли лучше бы сдѣлала, ослабѣ обгорнула его въ младенчествѣ!

Пинчъ позвалъ Марка, и тотъ сразу вбѣжалъ въ комнату.

— Послушай, Маркъ! Чтѣ такое случилось между мистриссъ Люпенъ и этимъ джентльменомъ?

— Какимъ джентльменомъ, мѣстера Пинчъ? Кромѣ васъ и того молодого джентльмена, я здѣсь не вижу никакихъ — а между нами обоими и мистриссъ Люпенъ не произошло ничего несправедливаго, я въ этомъ увѣренъ.

— Вадоръ, Маркъ! Ты видишь мѣстера...

— Тигга, прервалъ Тиггъ. — Погодите немножко! Я его скоро раздавлю. Всею будетъ свое время!

— О, его! возразилъ Маркъ съ пренебреженіемъ: — да, его и

виду! Я бы могъ рассмотреть его немножко-лучше, елибъ онъ выбрѣлся и острѣлся.

Мастеръ Тигъ свѣржно потрясъ головою и ударилъ себя въ грудь.

— Въ этомъ нѣтъ нужды, замѣтилъ Маркъ: — если вы будете бить себя по груди, то не получите никакого отвѣта — тамъ ничего нѣтъ.

— Послушай, Маркъ, вѣшался Пичъ, чтобъ предупредить неприличныя дѣйствія: — отвѣчай на мой вопросъ. Надѣюсь, что ты не вынешь изъ себя?

— Изъ себя, сударь! вскричалъ Маркъ, оскаля зубы. — О, нѣтъ! мало толку выводить изъ себя при видѣ такихъ пріятелей, которые режутъ какъ львы, если только найдется народа львовъ, которые состоятъ изъ рева и гривы. Вы хотите знать, что приключилось между нѣмъ и мистриссъ Люпенъ? Да, между нами есть счетъ. Я даже думаю, что мистриссъ Люпенъ очень-дешево отпускаетъ его и его друга, на требуя съ нихъ двойной платы за то, что они сплели присутствіемъ безчестнаго «Свяго-Дракона». Это мое мнѣніе, сударь. Да одного взгляда такого чловѣка достаточно, чтобъ живо окислѣть въ бочкахъ!

— Ты не отвѣчаешь на мой вопросъ, Маркъ.

— Ну, сударь, да что вамъ еще отвѣчать? Онъ со своимъ пріателемъ остановился въ «Дунъ-и-Зивадаъ»: они жили тамъ, пока не нагнали порядочнаго счета; у насъ эти господа сдѣлали то же самое. Нагнать счетъ — вещь очень-нетрудная, особенно для такихъ пріятелей. Для него нѣтъ ничего достаточно-хорошаго; для него готовы умереть все женщины, но его мнѣнію, и онъ полагаетъ, что, мигнувъ имъ разъ, онъ платитъ имъ за все съ избыткомъ; а мужчины — видите, созданы только на то, чтобъ ему служить! Но этого мало: сегодня утромъ, онъ объявляетъ мнѣ въ своемъ вседневномъ любезностью, что намѣренъ оставить насъ. Вамъ, можетъ-быть, нужно приготовить счетъ, сударь? говорю я. «Нѣтъ, любезный, не забѣгай объ этомъ, отвѣчаетъ онъ: «я слезу Пексинюу.» — На завтра рѣшъ «Свяго-Драконъ» отвѣчаетъ: благодарствуйте, сударь; вы дѣлаете намъ большую честь; но такъ-какъ мы о васъ ничего особенно-хорошаго не знаемъ, а мастера Пексинюу нѣтъ дома, то мы готовы предпочесть нѣчто болѣе-удовлетворительное. Вотъ въ чемъ все дѣло!

— А велика ли сумма? спросилъ Мартинъ.

— Да всего, сударь, три фунта стариннаго. Но дѣло не въ томъ, а...

— Хорошо, хорошо. Пичъ, на два слова.

— Что такое? спросилъ Томъ, удаляясь въ уголъ комнаты вмѣстѣ съ Мартиномъ.

— Да попросту вотъ что: стыжусь сказать, что зовутъ Слаймъ, о которомъ я не слыхалъ ничего хорошаго, мой ралла; я былъ не правъ, чтобъ они были зѣлы и злы теперь, а потому полагаю,

что мы отдадемся довольно-дешево, заплативъ за него три или четыре фунта. У васъ на это не хватитъ денегъ, Пинчъ?

— Нѣтъ.

— Это непріятно, потому-что и я самъ ничего при себѣ не имѣю. Но если мы скажемъ хозяйкѣ, что заплатимъ ей, я думаю, она намъ повѣритъ?

— О, разумеется! она меня знаетъ.

— Такъ пойдемъ туда и скажемъ ей, потому-что чѣмъ скорѣе мы отдадемся отъ этихъ людей, тѣмъ лучше. Скажите этому господину, что мы хотимъ сдѣлать.

Мастеръ Пинчъ сообщилъ эту вѣсть Тиггу, и тотъ съ чувствомъ пожалъ ему руку, уверяя, что теперь онъ снова вѣруетъ во все и во всѣхъ, и что онъ особенно доволенъ тѣмъ, что видитъ, какъ истинное величіе души сочувствуетъ истинному величію души. Съ этими словами онъ выйдя изъ дома и скоро привали къ «Славному-Дракону», куда за ними послѣдовалъ Маркъ.

Розовая хозяйка весьма обрадовалась поручительству Тома Пинча, потому-что она готова была избавиться отъ своихъ постояльцевъ на какихъ бы то ни было условіяхъ. Кончивъ это дѣло, Пинчъ и товарищъ его хотѣли уйти, но Тиггъ упросилъ ихъ подождать, говоря, что онъ непременно долженъ имѣть честь представить ихъ другу своему Сляйму. Этотъ отпрыскъ рода Чодальситовъ сидѣлъ за недопитымъ стаканомъ грока и глубокомысленно выводилъ мокрымъ пальцемъ колечки по столу. Онъ былъ такъ жалокъ и такъ гадокъ, что въ-сравненіи съ нимъ даже Тиггъ могъ показаться человѣкомъ.

— Чивъ! сказалъ Тиггъ, трепля его по плечу:— не нанедеъ друга моего Нексиффа, я устроилъ наше дѣло съ мастеромъ Пинчемъ и его другомъ. Мастеръ Пинчъ и другъ — мастеръ Чиви-Сляймъ; Чивъ! — мастеръ Пинчъ и другъ.

— Вотъ пріятныя обстоятельства для новыхъ знакомствъ, сказалъ Сляймъ, обративъ налившіеся кровью глаза на Пинча. — Я свое жалкое существо въ свѣтъ!

Томъ просилъ его не говорить объ этомъ, и послѣ нѣсколькихъ минутъ вынулъ вѣсткѣ съ Мартиномъ. Но Тиггъ такъ убедительно просилъ ихъ знаками и прикрикиваньями подождать, что они останавливались въ дверяхъ.

— Клянусь! вскричалъ Сляймъ, безсмысленно ударивъ по столу кулакомъ:— что я самая жалкая тварь! Все общество противъ меня въ разговорѣ. Я самый литературный человѣкъ на свѣтъ и преисполненъ классическаго образованія. Я преисполненъ гениа и свѣдѣній! Я пресмелюсизъ новыхъ взглядовъ на все предметы—а между-тѣмъ, посмотрите на меня: я обязанъ двумъ незнакомцамъ за уплату трактирнаго счета!

Тиггъ доделалъ стаканъ своего друга и подмигивалъ молодымъ людямъ, что они скоро увидятъ Сляйма въ полномъ блескѣ.

— Обязанъ двумъ незнакомцамъ за счетъ! повторилъ Сляймъ,

хлѣбнуть изъ стакана. — Прекрасно! а между-тѣмъ, толпы бездарныхъ самозванцевъ приобрѣтають славу! Люди, которые столько же могутъ сравниться со мною, какъ... Тиггъ! беру тебя въ свидѣтели, что я самая загнанная собака въ цѣлой вселенной.

Провизжавъ, какъ собака въ высшей степени униженная, онъ снова хлѣбнулъ и, приободрившись, презрительно засмѣялся.

— Ха, ха, ха! Я обязанъ чужимъ за уплату трактирнаго счета! А вѣдь у меня есть богатый дяля: такъ или нѣтъ? Я изъ хорошей фамиліи — такъ или нѣтъ? Я человѣкъ необыкновенныхъ способностей и познаний — такъ или нѣтъ?

— Ты американскій алій человѣческаго рода, другъ мой Чивъ; алій, который цвѣтетъ только однажды во сто лѣтъ!

— Ха, ха, ха! Я обязанъ чужимъ уплатою кабачнаго счета! Я! двумъ архитектурскимъ ученикамъ, двумъ жалкимъ кирпичникамъ! Какъ ихъ зовутъ? Какъ они смѣли обзывать меня?

Мастеръ Тиггъ не могъ надивиться благородству характера своего друга.

— Я имъ докажу, и пусть знаетъ всякій, что я не принадлежу къ тѣмъ низкимъ, ручнымъ, поллымъ характерамъ, съ которыми они встрѣчаются каждый день. Мой духъ независимъ! Душа моя превыше всякихъ низкихъ расчетовъ!

— О, Чивъ. Чивъ! у тебя благородная, независимая натура! бормоталъ Тиггъ.

— Ступайте вонъ и дѣлайте свое дѣло, сударь! вскричалъ сердито Слаймъ. — Занимайте деньги на путевыя издержки, и пусть тотъ, у кого вы ихъ займете, знаетъ, что у меня независимый духъ, адски-гордый духъ! Слышите ли, сударь? Скажите имъ, что я ихъ ненавижу, и что никто больше меня не имѣетъ уваженія къ самому-себѣ!

Послѣ этихъ словъ, голова его вдругъ склонилась на столъ, и онъ заснулъ.

— Былъ ли у кого-нибудь такой независимый духъ, какъ у этой необыкновенной твари? сказалъ Тиггъ, присоединясь къ молодымъ людямъ и осторожно затворивъ за собою дверь. — Былъ ли хоть одинъ Римлянинъ похожъ на друга нашего Чива? Былъ ли на свѣтѣ хоть одинъ человѣкъ съ такими классическими донятіями и съ такимъ увлекательнымъ краснорѣчіемъ? Въ древнія времена, его посадили бы на треножникъ, и онъ пророчилъ бы лучше всякой Пюиш, еслибъ его только предварительно снабдили джиномъ на счетъ публики.

Пинчъ, замѣтивъ, что товарищъ его уже сошелъ съ лѣстницы, хотѣлъ последовать за нимъ.

— Вы не уходите, мастеръ Пинчъ? спросилъ Тиггъ.

— Да, я ухожу; не беспокойтесь, не сходите внизъ.

— Знаете ли, что я имѣю сказать вамъ два слова, мастеръ Пинчъ? Одна минута разговора съ вами внизу принесетъ большое облегче-

нѣ моему сердцу. Могутъ ли просить васъ сдѣлать мнѣ такое одоуженіе?

— О, конечно, если вамъ угодно! Спустившись внизъ вѣсть съ Пинчемъ, Тиггъ вынулъ изъ кармана что-то похожее на окаменѣлые остатки допотопнаго посоваго платка и отеръ себѣ ими глаза.

— Я сегодня явился вамъ въ неблагопріятномъ видѣ.

— О, ничего, отвѣчалъ Томъ:—не безпокойтесь.

— Но я все-таки останусь при своемъ мнѣніи. Еслибъ вы, мастеръ Пинчъ, видѣли меня въ головѣ моего полка на африканскомъ берегу, я бы показался вамъ другимъ человѣкомъ: тогда вы чувствовали бы ко мнѣ почтеніе, сударь!

Томъ вѣлъ на счетъ славы нѣкоторыя свои понятія, а потому онъ мало былъ тронутъ картиною Тигга.

— Но не въ томъ дѣло! Всякій имѣетъ свои слабости, и я прошу васъ извинить меня. Ну, сударь, вы видѣли моего друга Слайма?

— Безъ сомнѣнія.

— И онъ прозвель на васъ глубокое впечатлѣніе?

— Не весьма-пріятное, долженъ признаться.

— Соболезную, но не удивляюсь, потому-что таково и мое заключеніе. Но, мастеръ Пинчъ, хотя я человѣкъ грубый и безпечный, а умью цѣнить высокій духъ. Слѣдуя за мной другомъ, я чту его геній. Особенно же въ-отношеніи къ вамъ считаю себя въ правѣ сказать, что умью цѣнить высокія качества души. И потому, сударь—не для меня, а для моего злополучнаго, удрученнаго, независимаго друга — я прошу у васъ въ займы три полкроны. Прошу у васъ трехъ полкронъ, ясно и не краснѣя; я почти требую ихъ отъ васъ. И когда я прибавлю, что возврату вамъ ихъ по почтѣ на вышѣшней недѣль, то почти увѣренъ, что вы меня осудите за мою умѣренность.

Пинчъ вытащилъ изъ кармана старомодный краснѣй сѣбянный кошелекъ, можетъ-быть нѣкогда принадлежавшій его покойной бабушкѣ, и вынулъ оттуда единственную пол-гинейю—все его земное богатство.

— Стойте! вскричалъ Тиггъ:—я только-что хотѣлъ сказать, что для удобнѣйшей пересылки по почтѣ, вы лучше сдѣлаете, давши мнѣ золотомъ. Благодарю васъ. Если я адресую просто: мастеру Пинчу у мастера Пексниффа, то вѣдь оно васъ не минуетъ?

— Да, да, у Сета Пексниффа, конюшаго; не забудьте прибавить, «конюшаго».

— У Сета Пексниффа, конюшаго, повторилъ Тиггъ, записывая адресъ тупымъ обложкомъ карандаша:—мы сказали на этой недѣль?

— Да, или пожалуй въ понедѣльникъ.

— Нѣтъ, сударь, извините, не въ понедѣльникъ! Если уже на этой недѣль, то послѣдній ея день суббота. Вѣдь уговоръ, чтобъ на этой недѣль?

— Пожалуй, если вы ужь такъ точны.

Мастеръ Тиггъ приписалъ и это условіе. Прочитавъ все съ строго-нахмуренными бровями и подписавъ свое имя, онъ объявилъ Тому Пинчу, что дѣло кончено. Послѣ чего, пожавъ ему руку съ большимъ чувствомъ, онъ ушелъ.

Пинчъ боялся насмѣшекъ Мартина надъ его свиданіемъ съ Тиггомъ, а потому отыскалъ молодого Чодальвита не прежде, какъ давъ время выйти изъ дома Тиггу и Чиви Слайму. Маркъ и новыи ученики стояли у окна и также дожидались ухода ихъ.

— Я только-что хотѣлъ сказать, мастеръ Пинчъ, замѣтилъ Маркъ, указывая на Тигга и его друга: — что прислуживанье такимъ людямъ, какъ они, шло бы имъ болѣе, нежели могилщицѣи зайдѣти.

— А оставаться въ «Драконѣ» будетъ, право, лучше того и другаго, отвѣчалъ Томъ.

— Да теперь ужь поздно, сударь: я ухожу завтра утромъ.

— Уходишь? Куда?

— Въ Лондонъ, сударь.

— Затѣмъ?

— Да и самъ еще не знаю. Съ-тѣхъ-поръ, какъ я вамъ открылся, имъ еще ничего путнаго не пришло въ голову. Во всемъ, что я вамъ исчислялъ, можно еще найдти веселую сторону, а что въ этомъ толку! Я, можетъ-быть, опредѣлюсь въ услуженіе въ какую-нибудь серьезную фамилію; надобно испытать, каково тамъ будетъ весельяку съ моимъ характеромъ.

— Можетъ-быть, ты покажешься слишкомъ-веселымъ для серьезной фамиліи?

— Можетъ-быть, и то правда. Тогда надобно будетъ попытатъ счастья въ судьбѣ злаго, или завистливаго, или сварливаго семейства. Знаете ли что? Мнѣ кажется, что тотъ больной джентльменъ, который останавливался въ «Драконѣ», былъ бы какъ-разъ господиномъ не днѣ. Посмотримъ, что будетъ дальше, а надобно приготовиться къ худшему.

— Такъ ты рѣшился уйти отсюда?

— Сундучокъ мой уже отправился на телегъ, а самъ я войду завтра утромъ въ школу, чтобъ загладить въ двилкавскъ, когда онъ меня обгонитъ. И такъ, прощайте, мастеръ Пинчъ, и вы, сударь; желаю вамъ всякаго счастья!

Пожелавъ того же Марку, Пинчъ съ Мартиномъ рука-объ-руку пошелъ домой, и Пинчъ сообщилъ своему пріятелю некоторыя подробности о странномъ характерѣ чудака Марка Тэйли.

Въ то-же время Маркъ, чувствуя, что хитрѣе «Синяго-Дракона» должна быть не въ духъ, и, не ругаясь за свои душевные силы въ случаѣ продолжительнаго свиданія наединѣ съ нею, упорно держался дальше отъ румяной мистриссъ Личонъ въ продолженіе всего вечера. Наконецъ, на ночь заперши двери, и, зная, что нельзя выбѣгнуть послѣдняго свиданія, онъ приготовилъ свою фидонемію и рѣшительно подошелъ къ прилавку, за которымъ сидѣла хитрая

— Если я посмотрю на нее, сказалъ Маркъ самому-себѣ: — я пропаду, я это чувствую.

— Ты рѣшился оставить насъ, Маркъ? сказала мистрисъ Люпенъ.

— Да, сударыня, отвѣчалъ онъ, пристально вперивъ глаза въ полъ.

— Я думала, продолжала хозяйка съ самою заманчивою разстановкою: — что тебѣ «Синій-Драконъ» нравится?

— Совершенно-такъ.

— Такъ зачѣмъ же покидать его?

Не получивъ отвѣта на этотъ вопросъ, она положила ему деньги въ руку и весьма-благосклонно спросила, не хочетъ ли онъ чего-нибудь.

Есть вопросы, на которые нѣтъ возможности отвѣчать. Маркъ недолго взглянулъ на нее и, увидѣвъ передъ собою самую полную, свѣжую, румяную, свѣтлоокую изъ всѣхъ хозяекъ замнаго шара, растаялъ.

— Послушайте, мистрисъ Люпенъ, произнесъ онъ, обхвативъ ее полуднѣй ставъ: — еслибъ я пожелалъ чего-нибудь, что мнѣ больше всего по вкусу, то это конечно васъ, — и никто бы тому не удивился!

Мистрисъ Люпенъ отвѣчала, что онъ ее удивляетъ и пугаетъ, что она никогда не ожидала отъ него ничего подобнаго.

— Да я и самъ объ этомъ прежде не думалъ! воскликнулъ Маркъ съ веселымъ удивленіемъ. — Я всегда ожидаю, что мы разстанемся безъ объясненій, но ужь вы такъ созданы, что не можете быть хладнокровнымъ. Надобно вамъ знать, чтобъ не было недоразумѣній, что я отправляюсь не за тѣмъ, чтобъ ужь вовсе не зачѣмъ не волочиться.

Легкое облачко омрачило веселое лицо хозяйки, но оно тотчасъ же исчезло, и она разсмѣялась.

— Если такъ, сказала она: — такъ отнимъ прочь руку.

— Ахъ, Боже мой! зачѣмъ же? вѣдь это совершенная невинно!

Хозяйка снова разсмѣялась и замѣтила ему, что онъ безстыдникъ большой руки.

— Я почти думаю, что это правда! отвѣчалъ Маркъ. — Я вамъ скажу...

— Такъ говори скорѣе; мнѣ уже пора спать!

— Вотъ видите ли, въ чемъ дѣло... Добрѣе васъ я не знаю никого на свѣтѣ; но разберемъ, что бы вышло изъ того, еслибъ я не васъ....

— О, вздоръ!

— Нѣтъ, не вздоръ... Какъ хотите, а выслушайте меня. Что бы вышло изъ того, еслибъ я на васъ женился? Если я теперь не могу быть спокоенъ и доволенъ милымъ «Синимъ-Дракономъ», то разбѣ можно надѣяться, чтобъ я и тогда былъ недоволенъ имъ? Никакъ. Хорошо. Тогда вы, не смотря на вашъ чудесный нравъ,

будете всегда безпокойны, будете воображать, что вы для меня слишком-стары, что я прикованъ къ «Дракону», и только думаю о томъ, какъ бы вырваться. Я не говорю, что непременно такъ будетъ, но не скажу также, чтобъ этого вовсе не могло случиться, потому-что я малой безпокойный и что моя душа требуетъ перемѣнъ. Я всегда думалъ, что съ моимъ здоровьемъ и расположеніемъ духа для меня будетъ гораздо-почетнѣе быть весельчакомъ тамъ, гдѣ всякій другой повѣсилъ бы носъ съ отчаянія. Можетъ-быть, это пустяки; но ужъ я не перемѣнюсь, покуда не испытаю этого. Такъ не лучше ли будетъ, если я уйду отсюда, тѣмъ болѣе, что я уже высказалъ вамъ такія вещи, за которыя вы не можете смотрѣть на меня прежними глазами. А я до самой смерти, буду всегда желать «Синему-Дракону» всего лучшаго!

Хозяйка присла на стулъ въ задумчивости; но послѣ нѣсколькихъ минутъ она подала объ руки Марку, который пожалъ ихъ съ большимъ чувствомъ.

— Ты добрый человекъ, сказала она:—и я увѣрена, что всегда останешься моимъ другомъ.

— О, въ этомъ не сомнѣвайтесь! Я бы желалъ посмотрѣть, кто будетъ тотъ счастливецъ, за котораго вы вздумали бы выйти замужъ! прибавилъ онъ, глядя на нее съ несприворнымъ восторгомъ.

Мистриссъ Люпенъ разсмѣялась, и, пожалъ ему руку еще разъ, потребовала, чтобъ онъ въ случаѣ надобности отнесся къ ней, какъ къ лучшему своему другу, и ушла въ свою комнату.

— Ну, я не думалъ, чтобъ такъ легко могъ отдѣлаться, сказалъ Маркъ, отправляясь спать.

Онъ всталъ рано утромъ на другой день и къ восходу солнца былъ уже на ногахъ. Но это было бесполезно: все мѣстечко поднялось, чтобъ видѣть, какъ Маркъ Тэпли будетъ отправляться: мальчишки, дѣти, собаки, старики, люди занятые и праздношатающіеся, все кричали ему въ слѣдъ: «прощай, Маркъ! счастливаго пути!» и все сожалѣли о его уходѣ. Онъ подозрѣвалъ, что можетъ-быть и сама хозяйка выглядываетъ на него изъ своей спальни, но не имѣлъ духа оглянуться назадъ.

— Прощайте, прощайте все! кричалъ онъ, махая шляпою, надтою на трость и проходя скорыми шагами по улицѣ:—прощайте, прощайте! Вотъ обстоятельство, отъ которыхъ люди съ обыкновеннымъ духомъ призадумались бы по-неволѣ, но я необыкновенно-веселъ, можетъ-быть, немножко не такъ, какъ бы я желалъ, но очень-близко отъ-того. Ура! прощайте, прощайте!

ГЛАВА VIII

сопровождаетъ мастера Пексниффа и его очаровательныхъ дочерей въ городъ Лондонъ.

Когда мастеръ Пексниффъ и дочери его усѣлись въ почтовую карету, она была совершенно-пуста, чему они очень обрадовались, потому-что видѣли съ внешней стороны многихъ пассажировъ, которымъ было препорядочно холодно. Когда всѣ зарыли ноги въ солому, укутавшись выше подбородка и поднявъ рамы кареты, мастеръ Пексниффъ весьма-справедливо замѣтилъ, что весьма-удѣшительно чувствовать себя въ теплѣ, когда знаешь, что многимъ холодно, что это весьма-естественно и весьма-умно устроено, не только въ-отношеніи почтовыхъ каретъ, но вообще относительно различныхъ отраслей общественной жизни.

— Еслибъ всѣмъ было тепло и всѣ одинаково были сыты, замѣтилъ онъ:—мы лишились бы возможности удивляться людямъ, которые твердо переносятъ холодъ и голодъ. И еслибъ намъ было не лучше многихъ другихъ, то что вышло бы изъ врожденнаго человѣку чувства благодарности, которое, присвокупилъ мастеръ Пексниффъ, грозя кулакомъ нищему, хотѣвшему вскочить на запятки:—есть одно изъ святѣйшихъ въ нашей природѣ.

Дочери слушали эту нравственную рѣчь съ почтениемъ и улыбались въ знакъ согласія. Чтобъ лучше подогрѣть и сохранить святые чувства въ груди своей, мастеръ Пексниффъ спросилъ у старшей дочери взятую съ собою бутылка коньяку и тщательно изъ нея освѣжился.

— Что такое мы сами? сказалъ онъ съ чувствомъ:—вѣдь и мы не что иное, какъ кареты: одніѣ ѣдутъ прытко, другія тихо. Страсти суть наши лошади, а добродѣтель дышло. Мы начинаемъ путь нашъ въ объятіяхъ матери, а оканчиваемъ въ прахъ могильномъ.

Мастеръ Пексниффъ проговорилъ все это съ такимъ чувствомъ, что ощутилъ необходимость вновь освѣжиться. Сдѣлавъ это, онъ плотно закупорилъ бутылку и уснулъ на три съдующія станціи.

Человѣчество, засыпающее въ почтовыхъ каретахъ, всегда пробуждается въ дурномъ и сердитомъ расположеніи духа. Мастеръ Пексниффъ, неиззятый изъ этого общаго правила, почувствовалъ сильную склонность выместить свое неудовольствіе на дочеряхъ, и уже началъ надѣлать ихъ толчками и сердитыми движеніями ногъ, какъ вдругъ карета остановилась, и черезъ небольшой промежутокъ времени отворились дверцы.

— Помни же, произнесъ рѣзкій голосъ въ потемкахъ:—что я и сынъ мой садимся вовнутрь экипажа потому только, что снаружи все уже занято. А потому мы платимъ только то, что съдую-

еть за наружное мѣсто дилижанса, ни одного пенини больше.—
Такъ ли?

— Такъ, сударь, отвѣчала кондукторъ.

— Есть ли тамъ кто-нибудь? спросилъ голосъ.

— Три пассажира, сударь.

— Ну, такъ я вѣроу трехъ пассажировъ заведѣтельствовать нашъ уговоръ.

Въ-слѣдствіе чего еще два человека вѣззли въ карету, которой торжественный актъ парламента разрѣшалъ вмѣщать въ себя шесть пассажировъ.

— Это удачно! прошепталъ старшій изъ нихъ, когда карета тронулась.— Ты большой политикъ, что догадался. Хе, хе, хе! намъ бы невозможно было сидѣть наверху: я бы умеръ отъ ревматизма!

Потому ли, что сынъ превзошелъ себя, хлопоча о продолженіи дней своего родителя, или потому, что ему было слишкомъ-холодно, онъ только кашлянулъ въ отвѣтъ, а старымъ джентльменомъ овладѣлъ минутъ на пять такой сильной кашель, что Пексниффъ, въведенный изъ терпѣнія, наконецъ вскричалъ:

— Здѣсь нѣтъ мѣста! Здѣсь рѣшительно нѣтъ мѣста для джентльменовъ съ простудой въ головы!

— Моя простуда въ груди, Пексниффъ, отвѣчалъ старикъ послѣ кратковременнаго молчанія.

По голосу и манеру говорившаго, по присутствію его сына и потому-что старикъ зналъ Пексниффа, этотъ догадался тотчасъ же, съ кѣмъ имѣлъ дѣло.

— Гм! я думалъ, что говорю съ чужимъ, а между-тѣмъ встрѣчаюсь съ родственникомъ, сказалъ Пексниффъ съ своею обыкновенною кротостію. Мастеръ Энтони Чодзавитъ и сынъ его, мастеръ Джонсъ,—потому-что мы сдѣлались ихъ спутниками, мои милыя.. извижать мое, по-видимому, скорое замѣчаніе. Я не желаю оскорблять чувства людей, съ которыми связанъ родствомъ. Я могу быть лицемеромъ, но не скотомъ, присовокупилъ онъ резко.

— Фу, Пексниффъ! отвѣчалъ старикъ:— что значитъ слово лицемеръ? Мы все лицемеры и были лицемерами въ тотъ день. Еслибъ мы не были лицемерами, то не собрались бы всею роднею у васъ. Одно различіе между вами и остальными состояло въ томъ... сказать ли, Пексниффъ, въ чемъ состоитъ это различіе?

— Если вамъ угодно, почтеннѣйшій.

— Ну, дѣло въ томъ, что вы дѣйствуете безъ сотоварищей. и потому вамъ легко обмануть всякаго, даже тѣхъ, кто занимается тѣмъ же ремесломъ. Кроме-того, вы такъ умѣете ханжить... хе, хе, хе! что, глядя на васъ, можно думать, будто вы себя вѣрите. Я бы готовъ былъ побиться объ закладъ, — а этого я никогда не дѣлалъ и не дѣлаю, — что даже теперь, передъ своими дочерьми, вы поддерживаете роль, которую разыгрываете передъ всѣми. Вотъ я, на-примѣръ, если у меня явится какая-нибудь за-

гиз, то я сообщу ее Джону, и мы рассуждаемъ объ ней открыто. Видь вы не обижаетесь, Пексниффъ?

— Обижаясь, почтенный другъ мой! вскричалъ Пексниффъ такимъ тономъ, какъ-будто кто-нибудь сказалъ ему что-нибудь презрительно-лестное.

— Вы ѣдете въ Лондонъ, мастеръ Пексниффъ? спросилъ сынъ.

— Да, мастеръ Джонсъ, мы ѣдемъ въ Лондонъ. Мы вѣрно будемъ пользоваться вашимъ сообществомъ во всю дорогу?

— О, лучше спросите объ этомъ отца, я не намѣренъ проговариваться!

Отвѣтъ Джонса очень позабавилъ Пексниффа. Послѣ того, мастеръ Джонсъ сообщилъ ему, что онъ дѣйствительно ѣдетъ вмѣстѣ съ отцомъ своимъ въ домъ ихъ въ Лондонъ; но что съ достопамятнаго дня родственной сходки, они съ отцомъ оставались въ тѣхъ странахъ, чтобъ высмотрѣть, нельзя ли сдѣлать какой-нибудь выгодной покупки, потому-что у нихъ въ обычаѣ всегда стараться убивать одними камнемъ двухъ птицъ. — Если вамъ все равно, съ кѣмъ имъ толковать объ этомъ, то говорите съ отцомъ, а я хочу поболтать съ дѣвухами, прибавилъ онъ и усѣлся въ противоположномъ углу кареты, подлѣ прелестной миссъ Мёрси.

Воспитаніе мастера Джонса, начиная съ колыбели, было основано на строгихъ правилахъ умѣнья рассчитывать. Первое, выученное имъ слово, было «барышъ», а второе «деньги». Два только результата не были предусмотрѣны его бдительнымъ родителемъ, а те воспитаніе его было бы совершенно: во-первыхъ, наученный отцомъ своимъ перехитрять всякаго, онъ дошелъ до того, что получилъ склонность перехитрять даже своего почтеннаго наставника и родителя; во-вторыхъ, пріученный смотрѣть на всѣ вещи, какъ на вопросы, касающіеся собственности, онъ постепенно сталъ привыкать смотрѣть и на отца, какъ на некоторую личную собственность, которую располагать нельзя: почему ее лучше сохранить въ ящикѣ особеннаго устройства, въ просторѣчій называемомъ гробомъ.

— Ну, кузина! сказалъ мастеръ Джонсъ: — такъ вы ѣдете въ Лондонъ?

Миссъ Мёрси отвѣчала утвердительно, шила за руку сестру и съ трудомъ удерживаясь отъ смѣха.

— Много красавцевъ въ Лондонѣ, кузина!

— Будто бы, сударь? надѣюсь, что они насъ не тронуть. Послѣ этого отвѣта, она напрасно старалась задушить свой смѣхъ въ шали миссъ Чёрити.

— Мёрри, сказала благоразумная дѣвица: — ты рѣшительно конфузишь меня. Какъ можно быть такою дякою!.. Отъ-этого миссъ Мёрри захохотала еще сильнѣе.

— Я и самъ замѣтилъ дикость въ ея взглядѣ въ тотъ разъ, сказалъ Джонсъ, обращаясь къ миссъ Чёрити: — но за то уже вы бы ли просто торжественны!

— О, старомодная фигура! кричала Мёрри въ-полголоса. — Чёрри, другъ мой, какъ хочешь, сядь подлѣ него. Я умру, если онъ еще заговоритъ со мною, непременно умру со смѣха! — Чтобъ предупредить такое гибельное послѣдствіе, она выскользнула изъ своего мѣста и втѣснила туда свою старшую сестру.

— Не безпокойтесь о томъ, что меня тѣсните: я люблю, когда меня тѣснятъ дѣвушки. Сядьте ближе ко мнѣ, кузина.

— Нѣтъ, благодарствуйте, отвѣчала Чёрри.

— А вопъ, другая опять смѣется; я не удивляюсь, если она смѣется надъ моимъ отцомъ; если онъ надѣнетъ свой старый фланелевый колпакъ, я ужь и не знаю, что она сдѣлаетъ! Это хранитъ мой отецъ, Пексифофъ?

— Да, мастеръ Джонсъ.

— Такъ наступите ему на ногу; та, которая ближе къ вамъ, у него въ подагрѣ.

Видя, что Пексифофъ задумался надъ его добродушною просьбой, онъ выподилъ ее самъ, крича въ то же время отцу:

— Батюшка, проснитесь! а то вы опять завяжите отъ удумья. Съ вами никогда не бываетъ удумья, кузина!

— Иногда, отвѣчала Чёрри: — но рѣдко.

— Ну, а съ тою?

— Не знаю, спросите ее.

— Да съ нею нельзя говорить, она такъ смѣется. Послушайте только, какъ она принялась! Одиѣ вы разсудительны, кузина.

— Мёрси немножко вѣтрена, но это пройдетъ со-временемъ.

— Для этого нужно много времени.

Потомъ, послѣ нѣсколькихъ замѣчаній на-счетъ кареты, всѣ умолкли и не говорили ни слова до самаго ужина.

Хотя мастеръ Джонсъ и проводилъ Чёрри въ трактиръ и усѣлся подлѣ нея за столомъ, ясно было, что вниманіе его было обращено и на другую, потому-что онъ часто искоса поглядывалъ на Мёрси и сравнивалъ наружность сестеръ; при чемъ преимущество осталось за полнотою и округлостью младшей сестры. Впрочемъ, онъ не слишкомъ безпоковалъ себя наблюденіями, потому-что весьма-дѣлательно занимался ужиномъ, при чемъ совѣтовалъ на ухо своей сосѣдкѣ, чтобъ она больше ѣла, потому-что платить придется то же самое. Отецъ его и Пексифофъ, вѣроятно, слѣдуя тому же благоразумному правилу, поглощали съ большимъ усердіемъ все, что только было у нихъ подъ рукою, отъ-чего физиономіи ихъ приняли жирное выраженіе, пріятное для глазъ.

Когда уже они не въ силахъ были ѣсть, мастеръ Пексифофъ и Джонсъ потребовали себѣ по стакану горячаго пунша. Проглотивъ животворную влагу, мастеръ Пексифофъ, подъ предлогомъ, чтобъ посмотреть готова ли карета, отправился въ буфетъ и дополнилъ тамъ свою бутылочку, чтобъ послѣ на свободу освѣжиться въ темномъ экипажѣ.

Кончивъ дѣла, всѣ усѣлись въ карету на свои прежнія мѣ-

ста и снова тронулись вперед. Мастеръ Пексниффъ, прежде нежели рѣшился заснуть, произнесъ весьма-нравственную рѣчь о пищевареніи, на которую слушатели не нашлись что сказать, и захрапѣли. Остатокъ ночи прошелъ обыкновеннымъ порядкомъ. Пексниффъ и Энтони Чодзльвитъ кивали другъ другу и стукались по-временамъ между собою. Карета ѣхала, останавливалась, потомъ опять ѣхала и опять останавливалась безчисленное множество разъ. Пассажиры входили и выходили; свѣжія лошади замѣняли усталыхъ и тому подобное. Наконецъ, напихъ путешественниковъ такъ начало трясти по неровнымъ камнямъ, что Пексниффъ проснулся, выглянулъ изъ кареты и объявилъ, что уже настало утро и они пріѣхали въ Лондонъ. Вскорѣ послѣ того дилижансъ остановился противъ своей конторы. Простившись на-скоро съ Энтони Чодзльвитомъ и его сыномъ и оставя багажъ свой въ конторѣ, мастеръ Пексниффъ подхватилъ подъ руку своихъ дочерей, перебежалъ черезъ улицу и потомъ рысью отправился съ ними черезъ переулки, канавки, проходные дворы, получая толчки отъ переходящихъ, убегая отъ лошадей и экипажей и ежеминутно боясь быть раздавленнымъ или сбитымъ съ ногъ. Наконецъ, въ одной изъ самыхъ законченныхъ частей города, семейство остановилось, усталое, запыхавшееся, покрытое потомъ. Мастеръ Пексниффъ объявилъ, что они находятся у монумента; но туманъ былъ такъ густъ, что въ двухъ шагахъ едва была возможность различать предметы. Оглядывшись вокругъ себя и убѣдившись въ томъ, что онъ не ошибся, почтенный джентльменъ постучался въ двери весьма-чернаго и закопчелаго дома, на которомъ мѣдная дощечка гласила: «Коммерческая гостиница для пріѣзжихъ: мастеръ Тоджерсъ».

По-видимому, мастеръ Тоджерсъ еще не всталъ, потому-что Пексниффъ звонилъ и стучался нѣсколько разъ, не производя ни на кого ни малѣйшаго впечатлѣнія. Наконецъ, цѣпь и нѣсколько заноровъ отодвинулись съ ржавымъ шумомъ, какъ-будто само желѣзо охрипло отъ холодной погоды, и мальчишка съ огромною рыжею головою, крошечнымъ, незамѣтнымъ носомъ и весьма-грязнымъ сапогомъ на лѣвой рукѣ, предсталъ нашимъ пріѣзжимъ.

— Все еще въ постели? спросилъ Пексниффъ.

— Все еще въ постели! отвѣчалъ мальчишка. — Я бы лучше хотѣлъ, чтобъ они еще были въ постели, а то все шумятъ, все разомъ требуютъ своихъ сапоговъ. Я думалъ, что вы газетникъ и удивлялся, отъ-чего вы не просунули газету въ рѣшетку, по обыкновенію. Что вамъ нужно?

Последній вопросъ былъ предложенъ сурово и недоверчиво, но мастеръ Пексниффъ, не замѣчая этого, всунулъ ему въ руку свою карточку и велѣлъ вести себя на верхъ въ комнату, гдѣ есть огонь.

— Или, если каминъ топится въ столовой, я отыщу ее самъ. Не дожидаясь отвѣта, онъ опять подхватилъ своихъ дочерей, ввелъ ихъ въ комнату нижняго этажа, гдѣ скатерть была уже накрыта для завтрака. На столѣ стоялъ огромный кусокъ ростбифа, хлѣбъ,

масло, тьма чашекъ и соусниковъ, словомъ, всѣ принадлежности сытнаго англійскаго завтрака.

Коммерческая гостинница Тоджерса цомъщалась въ домъ, въ которомъ во всякое время дня было темно; но въ это утро еще темнѣе обыкновеннаго. Странный запахъ носился въ корридоръ, какъ будто сосредоточенная эссенція всѣхъ обѣдовъ, приготовленныхъ въ кухнѣ со времени построения этого дома, приютилась безвыходно наверху лѣстницы, ведшей въ кухню; въ особенности замѣтенъ былъ сильный запахъ капусты. Столовая внушала всякому инстинктивное убѣжденіе въ присутствіи крысъ и мышей. Главная лѣстница, весьма-широкая и темная, ограждалась такими перилами, что они могли бы служить мостами. Въ темномъ углу, на первой площадкѣ лѣстницы, стояли древніе испанскіе часы, которыхъ цифербладъ видѣли немногіе. Футляръ ихъ былъ весьма-массивенъ, черенъ и запачканъ. Наконецъ, вершину лѣстницы освѣщало окно сверху, замазанное и залпленное по всѣмъ направленіямъ, и смотрѣвшее недоувѣрчиво на приходящихъ.

Мастеръ Пексниффъ и его дочери грѣлись передъ каминомъ около десяти минутъ, какъ вдругъ услышали на лѣстницѣ шаги, и владычица гостинницы поспѣшно вошла въ комнату. Мистриссъ Тоджерсъ была костлявая женщина съ рѣзкими чертами лица, рядомъ локоновъ на лбу, расположенныхъ въ видѣ маленькихъ цвѣтныхъ боченковъ, и чепцомъ, походившимъ на черную паутину. На рукѣ у нея висѣла корзиночка и связка ключей, а въ другой она держала обгорѣлую салную свѣчу, которую, разсмотрѣвъ Пексниффа, она поставила на столъ, для того, чтобъ принять его съ большимъ радушіемъ.

— Мастеръ Пексниффъ! вскричала хозяйка. — Добро пожаловать! Ктѣ бы могъ ожидать такого посѣщенія! Сколько лѣтъ прошло... ахъ, Боже мой! Какъ же вы поживаете, мастеръ Пексниффъ!

— Такъ же хорошо, какъ и прежде, и по-прежнему радъ видѣть васъ. Да вы помолодели, мистриссъ Тоджерсъ!

— Вы нисколько не перемѣнились, мастеръ Пексниффъ!

— А что вы на это скажете? спросилъ Пексниффъ, указывая на своихъ дочерей: — кажусь ли я отъ этого старѣе!

— Это не дочери ваши! не можетъ быть! Вѣрно вторая супруга и ея сестрица!

Мастеръ Пексниффъ благосклонно покачивалъ головою и сказалъ: — Мои дочери, мистриссъ Тоджерсъ, не болѣе, какъ моя дочь.

— Ахъ! вздохнула хозяйка: — я должна вамъ вѣрить по-прежнему. Милыя миссъ Пексниффъ, еслибъ вы знали, какъ меня осчастливилъ вашъ па!

Она обняла обнихъ дѣвицъ; потомъ, растрогавшись, а можетъ-быть и отъ худой погоды, вынула изъ карманки носовой платочекъ и поднесла его къ глазамъ.

— Ну, моя милая мистриссъ Тоджерсъ, сказалъ Пексниффъ:—

хоть я и знала, что вы принимаете въ свою гостиницу только мужчинъ, однако, увязая изъ дома, вообразилъ себѣ, что можетъ быть вы сделаете маленькое исключеніе въ пользу моихъ дочерей.

— Можетъ-быть? вскричала мистриссъ Тоджерсъ: — можетъ-быть?

— Въ такомъ случаѣ скажу, что я былъ увѣренъ въ этомъ. Я знаю, что у васъ есть одна завѣтная комнатка, гдѣ моимъ дочерямъ будетъ очень-удобно и откуда имъ не будетъ надобности являться къ обѣду за общій столъ.

— Милыя дѣвушки! вскричала хозяйка. — Я должна ихъ еще разъ обнять!

Мистриссъ Тоджерсъ развѣжмлась отчасти и для того, чтобъ выиграть время на размысленіе, потому-что всѣ кровати въ домъ были уже заняты, кромѣ одной, на которой могъ бы спать Пексниффъ; а потому положеніе хозяйки дѣлалось затруднительнымъ; даже послѣ вторичныхъ объятій, она не знала на что рѣшиться и глядѣла на обихъ сестеръ съ чувствомъ и размысленіемъ.

— Кажется, я знаю, какъ все устроить, сказала она наконецъ: — мы поставимъ софу въ маленькой комнаткѣ, въ которую ведетъ моя собственная спальня... О, милыя дѣвицы!

Послѣ того, она обняла ихъ въ третій разъ, прибавя, что никакъ не можетъ рѣшить, которая изъ сестеръ больше походитъ на свою покойную мать — что было весьма-неумудрено, потому-что мистриссъ Тоджерсъ никогда не видѣла мистриссъ Пексниффъ. Наконецъ, она предложила своимъ гостямъ отправиться съ нею въ ихъ комнаты, тѣмъ болѣе, что джентльмены скоро соберутся завтракать въ столовую.

Комната, назначенная дѣвицамъ, была въ томъ же этажѣ, какъ столовая. Она имѣла неоцѣненную, по мнѣнію хозяйки, выгоду — что въ нее невозможно подсматривать, въ чемъ легко будетъ удостовериться, когда туманъ прочистится. И точно, мистриссъ Тоджерсъ не похвасталась по-пусту, потому-что изъ комнатки открывался видъ на темную коричневую стѣну съ водохранилищемъ наверху, въ двухъ футахъ отъ окна. Спальня соединялась съ этою комнатою посредствомъ дверей, которыя могли отворяться только при помощи большаго усилія. Изъ спальни, также фута на два разстоянія, открывался другой уголъ стѣны и другая сторона резервуара. — Не сырая сторона, замѣтила мистриссъ Тоджерсъ: — та обращена къ мастеру Джинкинсу.

Въ первомъ изъ святилищъ тотчасъ же затопилъ каминъ годовастый молодой привратникъ, котораго хозяйка, за его неловкость и неповоротливость, снабдила оплеухой. Приготовивъ собственноручно завтракъ для молодыхъ миссъ Пексниффъ, мистриссъ Тоджерсъ отправилась председательствовать въ столовую, гдѣ громко подшучивали надъ мастеромъ Джинкинсомъ, котораго портретъ,

нарисованный мѣломъ на подошвѣ башмака, кто-то видѣлъ въ корридорѣ.

— Я не буду васъ спрашивать, нравится ли вамъ Лондонъ, мои милыя, сказалъ Пекснѣвъ, приостановившись въ дверяхъ.

— Да мы ничего не видали, па! вскричала Мёрси.

— Ровно ничего, сказала Чёрити (объ весьма-жалобно).

— Правда, правда, отвѣчалъ отецъ. — Дѣла и удовольствія еще впереди: все въ свое время!

Дѣйствительно ли призывали Пекснѣва въ Лондонъ архитектурныя дѣла, какъ онъ увѣрялъ Мартина Чодзльвита, мы также увидимъ въ свое время.

НИМФА ЭГЕРІА.

Fere mi la divina potestate,
La Somma sapienza e'l primo amore.

ДАНТЕ. *Inf. Cant. III.*

Жила я здѣсь, во краѣ дубовъ ишистыхъ,
Молчаніе пещеры, плескъ ручья,
Густая синь небось, лѣсовъ гнѣмыхъ,

Далекій гулъ, и жаръ златаго дня,
И ночи тѣнь — все было полно мною.
Учила здѣсь и царствовала я.

Во-время оно, нужь съ сѣдой главою,
Съ челою, на носѣ дума съ ранихъ лѣтъ
Иважалась, со свѣтомъ и доскою,

Являлся звать меня. Внезапный свѣтъ
Его чело давала я. Мгновенно
Безжизненный былъ оживленъ скелетъ.

Онъ, грозный, думалъ; послѣ на колѣно
Склонивши доску, думалъ и чертилъ
Законъ или прозавый или смиренный.

Онъ иногда довольствомъ свѣтель былъ;
Порой, смотря на огненные строки,
Взоръ отвращалъ, блѣднѣлъ и слезы лилъ.

Являлась я ему въ тотъ мигъ жестокий.
Онъ голову сѣлонялъ къ моей груди,
Какъ человѣкъ, прошедшій путь далекій

И утопленный ношею въ пути,
Иль какъ отецъ, свершая сулъ суровый,
На казнь велѣвшій сына отвести.

• Уже-ль вѣкамъ пишу законъ грозовыи?
 Чтобъ межъ людей добро укоренять,
 Уже-ль нужна лишь плаха да оковы? •

Вдохнула я, упорствуя молчать.
 Старикъ опять читалъ свои скрижали,
 И снова думалъ, и писалъ опять...

А. МАЙКОВЪ.

=====
 177. СМЕРЬ.

РАЗСКАЗЫ О ЮЖНОЙ-ФРАНЦИИ (*).

I.

ТУЛОНЪ.

Я оставила Ниццу 25 апрѣля, и оставила съ сожалѣнiемъ. Ницца, быть-можетъ, есть единственное мѣсто, гдѣ и безъ богатства еще можно наслаждаться жизнью. Тамъ, болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь, понимаешь истину словъ одного современнаго писателя: «хорошiй климатъ есть сокровище бѣдняка».

Весна оживляла всю южную прелестью своею поля и холмы; все цвѣло, все дышало счастьемъ и нѣгою. Мы ѣхали знакомою дорогою. Опять Варскiй-Мостъ, таможня, Антиба, темныя горы Эстреля и умирающiй Фрежюсъ. Мнѣ было грустно, нѣтъ, хуже, мнѣ было скучно. Къ-тому же, съ нами было двое товарищей, изъ которыхъ одинъ, какой-то Тулонецъ, тотчасъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ: куда вы ѣдете?

— Въ Тулонъ.

— А? Тулонъ славный городъ. Дешевая жизнь, весело; прекрасный театръ, чудесное вино; вы долго пробудете въ Тулонъ!

— Нѣ знаю еще.

— Вы по дѣламъ?

— Нѣтъ.

— А, понимаю: вы путешествуете для своего удовольствiя. На-

(*) Заимствуемъ двѣ статьи изъ приготовленнаго къ изданiю «Путешествiя» М. С. Жуковой по Южной-Францiи, въ 1840-1842 годахъ. Книга ея скоро должна выйти въ свѣтъ, и, сколько намъ извѣстно, будетъ новымъ прирѣнкомъ подаркомъ русской литературы со стороны этой даровитой писательницы, обладающей прекраснымъ талантомъ рассказчицы, всегда добрымъ теплымъ, задумчивымъ художникомъ и отличающагося повествованiемъ не только отъ насъ обыкновеннымъ.

добно осмотрѣть арсеналь, галеры (les bagnes), пристани, ботанической садъ. Есть ли у васъ знакомые? гдѣ вы остановитесь?

— Не знаю.

— Я рекомендую вамъ отличную гостинницу и хотя очень-дешевую, но повѣрьте, что лучше будете, чѣмъ въ первостатейныхъ. Вы, конечно, пойдете смотрѣть госпиталь Сен-Мандріе? это чудо. Вы слышали о немъ? онъ весь сдѣланъ галерными. Онъ на островѣ; но если вы боитесь воды, то можно проѣхать *сухимъ путемъ*. Тамъ церковь удивительная. Прекраснѣйшая *ромонда въ готическомъ вкусѣ*... Вы осмотрите крѣпости Ламальгъ, Фор-Фаронъ, откуда посыпались на Англичанъ первыя французскія пули, знаете, въ знаменитую осаду Тулона, положившую основаніе славы...

Я устала слушать, Тулонецъ не уставалъ говорить. Другой товарищъ нашъ, казалось, не слышалъ, или не понималъ нашего разговора. Неподвижный и прямой какъ статуя командора въ «Донъ-Хуанъ», онъ сидѣлъ въ своемъ углу, не произнося ни одного слова. Голова, подпертая высокимъ галстухомъ и, кажется, выточенная изъ одного куска съ корпусомъ; въ чертахъ — то совершенное отсутствіе чувства, съ которымъ человѣкъ высшаго круга, запертый, по-несчастію, въ одинъ вагонъ съ людьми, которыхъ называютъ «Богъ-знаетъ кто», присутствуетъ при разговорѣ ихъ, не смотря на вопросительные взоры, обращаемые на него при каждомъ взрывѣ смѣха. Я было-подумала, что это Англичанинъ; но, заглянувъ случайно въ листъ, который онъ, по-временамъ, подносилъ къ глазамъ, дѣлая притомъ довольно-странныя фигуры изъ пальцевъ, я увидѣла знаки глухонѣмыхъ и рѣшила, что нашъ монолитъ не только Англичанинъ, но и глухонѣмой. Такъ добхали мы до Фрежюса, гдѣ взяли еще молодого аббата, но этотъ тотчасъ принялся за свой молитвенникъ и на всѣ вопросы Тулонца, который не преминулъ отнестись къ нему съ неизбежнымъ «куда вы ѣдете?» отвѣчалъ не отводя глазъ отъ книги и то на провансальскомъ нарѣчій. Наконецъ, въ Драгоньяи къ намъ посадили высокаго, худшаваго мужчину съ усами. Его провожала молодая дама, съ которой онъ прощался очень-нѣжно, и кто-то закричалъ намъ вслѣдъ: Adieu M-g le capitaine.

M-g le capitaine, видно, отъ прощанья съ молодою дамою былъ очень не въ-духъ. Онъ сѣлъ молча. Тулонецъ, который возвратился изъ гостинницы въ какомъ-то странномъ расположеніи, попросилъ капитана прибрать ноги. Этотъ отвѣчалъ очень-тихо, но такъ, что совершенно отнял у Тулонца охоту дѣлать не только замѣчанія, но даже и вопросы,—и весь дилижансъ погрузился въ совершенное безмолвіе. Только отъ времени до времени нѣмой опускалъ стекло, капитанъ съ сердцемъ поднималъ его; я просыпалась, взглядывала на окна: въ одномъ, зубчатою стѣною, рисовались высокіе утесы, въ другомъ безконечныя оливковые сады, и надъ ними будто серебряная блестящая полоска... Наконецъ, первый лучъ дня проникъ въ нашу кѣтку... Нѣмой опустилъ окно, и

капитанъ уже не поднималъ его. Утренній вѣтерокъ осѣждалъ насъ. Мы проѣзжали въ это время богатою равниною, которая гнется вдоль морскаго берега, одною стороною упираясь въ подошву горнаго хребта, другою уходя подъ голубыя волны моря. По обѣ стороны дороги зеленѣлись сады, мелькали бастиды, хорошенькія деревеньки. Весеннее утро убирало природу райскою прелестію, а въ такое утро, будь хоть капитанъ жандармовъ, нельзя сердиться.

И точно: нашъ капитанъ тотчасъ заговорилъ и замѣтилъ, что утро было очень-хорошо. Замѣчаніе относилось прямо ко мнѣ, какъ къ сосѣдкѣ, и я почла за нужное отвѣчать, что дѣйствительно утро было очень-хорошо. Съ этого интереснаго начала, разговоръ завязался, и я нашла въ капитанѣ веселаго, откровеннаго солдата, съ любезной непринужденностью челоуѣка, привыкшаго къ хорошему обществу. Его ли веселость, или прекрасное утро, не знаю, но только «что-то» совершило надъ нами чудо: нѣмой нашъ отверзъ уста и заговорилъ чистымъ французскимъ языкомъ, въ которомъ не было ни одного британскаго звука. Такимъ-образомъ, мы доѣхали до Тулона довольно-весело. Капитанъ, узнавъ, что я Русская и никого не знаю въ Тулонѣ, вызвался доставить мнѣ позволеніе видѣть арсеналъ и галеры, что было для него очень-не трудно, какъ я узнала послѣ, потому-что онъ былъ начальникомъ всей жандармской команды Варскаго-Департамента.

Мы остановились въ отели, которую указалъ намъ капитанъ. Мнѣ отвели хорошенькую комнатку, но въ третьемъ этажѣ: первый и второй были совершенно заняты. Тулонъ — это вѣчная гостинница, гдѣ лица смѣняются непрестанно, какъ фигуры въ китайскихъ тѣняхъ. Прекрасный портъ, корабельная верфь и арсеналы привлекаютъ сюда со всѣхъ сторонъ народъ, и потому кофейни, ресторацин, гостинницы, словомъ, всякій уголокъ, гдѣ путешественникъ, заѣзжій, находитъ для себя пріютъ и минутный покой, все это наполнено людьми. Каждый день въ пристани появляются новыя суда; одни приходятъ на покой и ждутъ дальнѣйшихъ приказаній, другія починиваются, или запасаются на новый, долгій путь. Каждое высылаетъ на берегъ офицеровъ и матросовъ своего экипажа; городъ наполняется моряками, угощаетъ, лелѣетъ и голубитъ своихъ минутныхъ гостей — разумѣется, за ихъ деньги, и на завтра прощается съ ними до свиданія, приготовляя и ласки и привѣтъ для новыхъ пришельцевъ. Все это дѣлаетъ, что припасы и работа въ Тулонѣ дороги, а жизнь и для богатаго и для бѣднаго легка и удобна. Возможность наживать копейку свободно, привлекаетъ въ городъ искателей счастья: тотъ заводитъ ресторацин, тотъ трактиръ, этотъ кофейню; каждый старается привлечь къ себѣ народъ и спускаетъ цѣны; а какъ, по многолюдству и разнообразію состояній потребителей, для всякаго находится свой людъ, то всякій и живетъ, довольствуясь иногда чрезвычайно-малымъ барышомъ отъ каждаго и между-тѣмъ, къ концу

дня находя еще довольно-порядочную выручку въ сложности. Меня увѣряли, что какой-то харчевникъ нажилъ себя въ непродолжительномъ времени довольно-порядочное состояніе, получая, по собственному его сказанію, не болѣе двухъ су отъ каждаго посетителя. Но ихъ перебивало въ день иногда двѣсти, триста человѣкъ: дешёвизна приманиваетъ бѣдный народъ. Много труда — но отъ труда не бѣгаютъ тамъ, гдѣ развившіяся нужды требуютъ одного: денегъ и денегъ.

Первыя минуты по приѣздѣ, особливо въ большой городъ, вообще неприятны. Усталость отъ дороги, новостъ предметовъ, шумъ и движеніе многолюднаго, незнакомаго города, — все это производитъ въ насъ какой-то странный переворотъ; особливо для меня, послѣ тихой, однообразно-прекрасной Ниццы... право, въ душѣ у меня было какъ въ кладовой хозяйки, наскоро перебравшейся, когда еще ничто не у мѣста и ничто не отыскивается. Я подошла къ окну. День былъ необыкновенно-жаркій; окна выходили на площадь, усаженную въ два ряда платанами; по обоимъ концамъ площади били фонтаны: посрединѣ толпился народъ. Говоръ и шумъ доходили до меня, не смотря на затворенныя жалюзи, и кажется еще увеличивали мою усталость. Я почти упала на диванъ...

Вдругъ слышу: барабанный бой, — досадный бой, прервавшій приятный сонъ, который перенесъ-было меня на родину. Подхожу къ окну. Посрединѣ площади двигается что-то странное, похожее на нашъ саратовскій крытый тарантасъ, только чрезвычайно-маленькій. Это «что-то» было запряжено двумя большими собаками и со всѣхъ сторонъ очень-плотно закрыто кожею. Возлѣ шелъ старичонка съ преогромнымъ барабаномъ, за которымъ онъ почти совершенно исчезалъ, и позади высокая, худая какъ скелетъ, женщина. Кругомъ народъ. Дѣти и взрослые бѣжали со всѣхъ сторонъ. Наконецъ остановились. Народъ тѣснится къ тарантасу — надобно же назвать какъ-нибудь это «что-то», на него похожее. Высокая худая женщина, у которой въ рукахъ оказалась довольно-значительной величины плѣтка, ходитъ около тарантаса и понемножку раздвигаетъ кружокъ, говоря довольно-протяжно и громко рѣчь, приправляемую непрерывнымъ и въжливимъ: *Messieurs et dames* и, между-тѣмъ, отгоняя плѣткою не совсемъ въжливо тѣхъ изъ *messieurs et dames*, которые выставлялись изъ кружка. А барабанъ гремитъ.

Вдругъ посыпались со всѣхъ сторонъ деньги и прямо въ середину круга; барабанщикъ бросился поднимать, а женщина все ходитъ и говоритъ. Я разслышала только: «невиданныя чудеса, удивительная игра природы», и деньги опять летятъ въ середину круга. Вотъ, когда женщина съ плѣткою разсудила, что сборъ на первый разъ уже довольно-хорошъ, то подошла къ экипажу, отдернула кожаный занавѣсъ, и изъ тарантаса выскочилъ карликъ съ длинной черной бородою, съ огромною головою, но ни мало не безобразный, раскланялся, показалъ всѣмъ, что борода не наклад-

ная и началъ съ блюдечкомъ собирать деньги. Въ толпѣ раздались крики удовольствія, потомъ показались нѣкоторые признаки нетерпѣнія. Женщина съ плёткой, не обращая на то вниманія, все ходитъ и говоритъ; наконецъ, когда карликъ обошелъ весь кругъ, она опять подошла къ тарантасу и выпустила изъ него другое карло, нѣсколько однако побольше перваго, женскаго рода, и притомъ же въ положеніи, подавшемъ надежду на скорое умноженіе семейства карликовъ. Нельзя представить себѣ радостныхъ восторговъ почтеннѣйшей публики и шумныхъ кляковъ ожиданія, раздавшихся со всѣхъ сторонъ. Карлики становятся рядомъ и оба на третью позицію. Вотъ начнется пляска... они раскланиваются важно и граціозно, какъ въ солидномъ мэнуетъ и оба прыгъ — въ тарантасъ. Толпа зашумѣла, — засвистала; высокая худая женщина проворно задернула занавѣсъ, погрозила плёткою мальчишкамъ, приударяла собакъ; барабанъ загремѣлъ, и бѣдные животныя побѣжали рысцою, таща далѣе карликовъ съ ихъ подвижнымъ домикомъ. Народъ разошелся смѣясь, вѣроятно, надъ самимъ-собою.

Вечеромъ мы еще успѣли походить по городу и полюбоваться предестнымъ видомъ съ крѣпости Ламальгъ, на восточной сторонѣ залива.

Положеніе Тулона нельзя назвать однимъ изъ прекраснѣйшихъ; но, конечно, кто видѣлъ его, тотъ никогда уже не забудетъ. Цѣпь бесплодныхъ горъ, возвышаясь угрюмою стѣною, защищаетъ его отъ сѣвера и, принимая на голые скаты свои жаркіе лучи полуденнаго солнца, отражаетъ ихъ на городъ, расположенный у подошвы ихъ по плоскому берегу залива. Тулонъ занимаетъ очень небольшое пространство земли; но жители, стѣсненные моремъ и горами, завладѣли воздухомъ, и за недостаткомъ простора на землѣ, селятся въ вышинѣ, надстраивая этажъ надъ этажемъ. Окрестности усажены бастидами; но растительность отсюда кажется скудною; кое-гдѣ нѣсколько фиговыхъ, грушевыхъ и оливковыхъ деревьевъ; но вообще мало зелени, и этотъ каменіиый берегъ съ перваго взгляда кажется бесплоднымъ.

Но какъ величественна картина его! нельзя описать красоты дикихъ утесовъ, обгибающихъ его пристани и будто вызванныхъ изъ моря волею чародѣя, въ минуту прихотливаго благоволенія къ прибрежнымъ жителямъ. Мысъ Сеппе, гдѣ издали бѣлѣется гробница адмирала Латуш-Тревиль, умершаго на борту Буцентавра, совершенно, кажется, запираетъ большую пристань и издали представляется островомъ, хотя довольно-широкіи перешеекъ соединяетъ его съ твердою землею. Нѣсколько военныхъ кораблей стоятъ на якорѣ въ пристани и какъ-бы величаются, смотря въ покойныя воды. Ближе къ городу малая рейда со множествомъ мачтъ судовъ разной величины, между которыми однако невидно торговыхъ; легкія лодочки какъ птицы рѣжуть по свѣтлой поверхности залива, то скрываются за темной массой двух-бортнаго фрегата, то снова являясь, быстро рѣжутъ свѣтлую зыбь; тамъ, не-

большіе пароходы, дымясь, несутся къ берегу; на сѣверъ—городъ подъ навѣсомъ своихъ утесовъ; на востокъ—длинный рядъ холмовъ, устѣянныхъ бастидами, и дальше, дальше—голубыя горы Іера и южнаго берега. Эта картина прекрасна, неописанна, особенно когда солнце склоняется за горы и свѣтлая вечерняя заря отражаетъ на послушномъ зеркалѣ водъ прихотливые цвѣта своихъ облаковъ. Засмотришься, залюбуешься и невольно забудешь, что все прекрасное на часъ минутному гостю природы, который едва успѣетъ только сознать красоты ея и уже заснулъ непробуднымъ сномъ въ ея пвдрахъ...

Что жь, если посреди тихаго восторга, объявшаго душу путешественника при видѣ этой прекрасной картины, исторія бросить воображенію его одно изъ тѣхъ именъ, которыя заставляютъ человѣка забывать и о самомъ ничтожествѣ, общемъ удѣлѣ всего, что есть въ немъ смертнаго? если, указывая на небольшой холмъ по ту сторону залива, она скажетъ: тамъ былъ Малый Гибралтаръ; тамъ редутъ, получившій имя отъ ядра, засыпавшаго пескомъ приказъ, который молодой солдатъ писалъ со словъ своего начальника (*); здѣсь, на сѣверъ, крѣпость Фаронъ, откуда началась знаменитая атака Тулона, а здѣсь небольшое возвышеніе, на которомъ едва видныются укрѣпленія; это мѣсто теперь носить имя—«Наполеонъ»; отсюда молодой поручикъ артиллеріи, окинувъ орлинымъ взглагомъ и городъ и пристань, указалъ на малую рейду, сказавъ: здѣсь Тулонъ; отсюда, съ этой набережной, тысячи несчастныхъ при заревѣ пожара, сокрушавшаго тулонскій флотъ, простирали руки къ удаляющимся фрегатамъ Гуда и бросаясь толпами въ лодки, посланныя на помощь ихъ Испанцами, уже поднимавшими якоря, погибали въ волнахъ, убѣгая отъ ужаснаго мщенія республиканцевъ, уже вторгавшихся въ оставленный городъ. Величественная картина Тулона, раскрывающаяся тогда передъ глазами путешественника, принимаетъ новый характеръ и, при сумракѣ сходящаго вечера, представляется живою книгою исторіи. Кажется, будто тѣни минувшаго слетаютъ на вершины этихъ утесовъ и легкія облака, въпчающія гранитные зубцы, принимаютъ знакомыя формы... Когда же молодой мѣсяцъ выплываетъ изъ-за горъ Іера...

Тогда, конечно, долго останется на возвышеніи Ламалги молодой путешественникъ—воинъ, котораго память затвердила всѣ происшествія славныхъ дней Тулона—зари, можетъ-быть, его любимаго героя; что до меня, еслибъ воображеніе мое могло перевестись къ этимъ днямъ, я видѣла бы отчаянныя женъ, матерей, вопль дѣтей, всѣ бѣдствія войны и ужасы изступленія, помрачающаго умъ человѣка въ страшные часы народныхъ смуть... Но было поздно, а въ укрѣпленныхъ городахъ я всегда боюсь запоздать за воротами, которыя запираются на ночь, и потому мѣсяцъ напрасно захо-

(*) Думаю, имя Жюно неумно?

даль для меня надъ великолѣпною картиною моря, одѣтаго прелестью южной ночи: ни одна тѣнь не показала для меня въ ея легкихъ туманахъ; я спѣшила домой.

На другой день, только-что я встала, какъ мнѣ сказали о приходѣ г-на В^{...}, нашего жандармскаго капитана. Разумѣется, я была ему очень-рада, особенно, когда узнала, что онъ пришелъ ко мнѣ съ предложеніемъ ѣхать съ нимъ и его шуриномъ на пароходъ «Велосъ» и военный корабль «Монтебелло», одинъ изъ самыхъ большихъ, находившихся въ гавани. Одѣвшись на-скоро, я сошла въ залу, и мы тотчасъ же отправились на набережную, гдѣ насъ ожидала уже военная шлюпка съ двѣнадцатью гребцами.

Видъ гавани, наполненной военными судами, эта дѣятельность, порядокъ и движеніе военной жизни, наумляютъ воображеніе, непривыкшее къ подобнымъ картинамъ; оно увлекается блескомъ, быстротою и стройностію, доведенными вездѣ, кажется, до возможнаго совершенства, и мы, удивляясь могучей мысли человѣка, незнающей почти препонъ, неволью забываемъ, что здѣсь, для приведенія ея въ исполненіе, тысячи мыслящихъ существъ становятся не болѣе, какъ машинами. Когда мы пріѣхали на Монтебелло, на палубѣ учлились солдаты; насъ провели тотчасъ въ каюту коменданта, гдѣ онъ принялъ насъ въ большой щеголеватой — убранной комнатѣ, съ коврами и парижскою мѣбелю. Прекрасныя вазы съ бѣлыми розами стояли на столахъ, заваленныхъ журналами и газетами; по окнамъ были разставлены въ порядкѣ книги, и прохладный морской воздухъ освѣжалъ комнату, свободно вливаясь въ двери, широко отворенныя на балконъ, съ котораго открывалась вся гавань со множествомъ военныхъ кораблей, судовъ и пароходовъ, — городъ и надъ нимъ его сѣдые, голые утесы. Комендантъ показывалъ намъ свой кабинетъ, библіотеку, столовую, и потомъ, оставя спутниковъ моихъ на попеченіе своихъ офицеровъ, повелъ меня по кораблю... не бойтесь, не бойтесь. Я не стану описывать вамъ этого плывучаго города, ни его галлерей, обсаженныхъ черными пушками, которыя съ обѣихъ сторонъ выставляли въ амбразуры свои широкія жерла, ни абордажныхъ крючьевъ, ни тяжелыхъ цѣпей — ивътъ. Я лучше описала бы вамъ гомерическій завтракъ, который далъ намъ капитанъ военнаго парохода «Велосъ» и гомерическій аппетитъ моихъ товарищей; но все это лучше на дѣлѣ, чѣмъ въ самомъ даже поэтическомъ описаніи Гомера — не правда ли?

И такъ, мы пойдемъ лучше въ арсеналъ, по которому цѣлые три часа водилъ меня неутомимый капитанъ. Арсеналъ... это очень-интересно. Въ тулонскомъ, такъ же какъ въ нашемъ Адмиралтействѣ, дѣлается все, что нужно для корабля, отъ однотеснаго гвоздя до цвѣточной вазы, украшающей пріемную залу коменданта. Говорятъ, что ни одна нація не способствовала столько къ усовершенствованію кораблестроенія, какъ Французы; они первые завели морскія училища, и ихъ ученымъ приписываютъ важнѣйшія открытія по части корабельной науки.—Тулонскій арсеналъ былъ основанъ Лудо-

викомъ XIV въ то время, когда Кольберъ и онъ создали французскій флотъ. Около этого времени, марсельскій уроженецъ, молодой человекъ, едва-ли старше 21-го года, получилъ отъ правительства порученіе построить корабль, который долженъ былъ превосходить великолѣпіемъ все видѣнное до того времени. Этотъ молодой человекъ происходилъ отъ знаменитой въ провансальскихъ лѣтописяхъ фамиліи, но былъ бѣденъ, и въ четырнадцать лѣтъ работалъ уже, какъ подмастерье, у какого-то постройщика судовъ, который, скоро замѣтивъ, что ему нечего было указывать своему ученику, предоставилъ ему свободу работать какъ онъ хочетъ, и мальчикъ построилъ галеру на диво всей Марсели. Но не здѣсь было его назначеніе. Его звѣзда звала его на югъ и, ярко горя для него въ голубомъ небѣ, указывала ему мѣсто въ блестящемъ созвѣздіи Мицель-Анжеловъ. Онъ уѣхалъ въ Италію и, однако, черезъ нѣсколько лѣтъ опять уже былъ на родинѣ и трудился надъ планомъ корабля, который, подъ именемъ *Королева*, скоро долженъ былъ привлечь вниманіе морскихъ державъ. Колоссальная корма корабля была украшена двойнымъ рядомъ галлерей, барельефами и отдѣльными фигурами, представлявшими разныя аллегоріи въ честь Анны-Австрійской... Этотъ же самый артистъ, много лѣтъ спустя послѣ того, писалъ къ Лувуа: «Король можетъ найти много генераловъ между отличными офицерами, которыми наполнены его войска; но ему самому извѣстно, что во Франціи немного считается Пюже».

Пюже былъ назначенъ директоромъ корабельныхъ украшеній при тулонскомъ портѣ, съ жалованьемъ по 3,600 фр.; но мы увидимъ его въ другомъ мѣстѣ. Имя его, быть-можетъ, и не осталось бы у меня въ памяти, винюсь въ томъ, еслибъ я встрѣтила его только въ тулонскомъ арсеналѣ. И посудите сами, возможно ли было бы припомнить все? Чего не видѣла я въ арсеналѣ? нѣсколько тысячъ рукъ заняты здѣсь работою, не говоря уже о преступникахъ, которымъ большею частію поручаются только тяжелыя работы. (Мнѣ сказывали, что рабочіе получаютъ обыкновенно отъ 3-хъ до 5-ти фр. въ день). Меня водили по мастерскимъ, по огромнымъ магазинамъ, гдѣ я невольно дивилась громадности и количеству производимаго; но...

Случилось ли вамъ видать въ картинныхъ галлерейхъ Флоренціи или Рима почитателей, которые, по долгу путешественниковъ, объѣзжаютъ дворцы и виллы и утомленные переходятъ отъ Чинчабу къ Джіотто, повторяя съ зѣвотокъ: «какъ прекрасно!» Точно также ходила и я по арсеналу между горами разнокальберныхъ ядеръ, картечь, крючьевъ, канатовъ, моделей кораблей и проч. и проч., утомилась, устала до того, что почти не было силъ ни звать, ни хвалить, какъ вдругъ насъ вводятъ въ галлерей приделанъ.. Это великолѣпное зданіе обязано основаніемъ своимъ также Лудовику XIV, какъ видно изъ надписи, сдѣланной на одномъ изъ столбовъ втораго этажа. Оно состоитъ изъ огром-

наго, чрезвычайно-длиннаго корпуса, раздѣленнаго во всю длину на три галлерей двумя рядами толстыхъ пиластровъ, на которыхъ покоятся своды. Три такія же галлерей идутъ надъ ними, и поражаютъ первыя стройностию своихъ перспективъ, вторыя, въ которыхъ смолятся веревки, приготовляемыя въ нижнихъ, новостию зрѣлища. Представьте себѣ стѣны, закоптившія отъ дыма вѣчно кипящей, въ огромныхъ чанахъ, смолы; стройные своды, то исчезающіе въ сѣдыхъ облакахъ дыма, освѣщеннаго слабымъ лучомъ дня, то смѣлою аркою упадающіе на массивныя столпы, покрытыя заревомъ огней, пылающихъ подъ чанами; цѣлое населеніе рабочихъ, черныхъ, закоптившихъ, подобно бѣлымъ жильцамъ части-лупа, непрерывно движущихся въ непрестающемъ смрадѣ; шумъ, говоръ, трескъ огня и искръ, мелькающихъ въ глубинѣ сводовъ, — и вы согласитесь, что все это до того странно, до того жидописно, что можно забыть и крючья и канаты... Но въ арсеналѣ находятся также и тюрьмы, гдѣ содержатся галерные, то-есть каторжники, осужденные нерѣдко на цѣлую жизнь.—Надобно было ихъ видѣть.

Извѣстно, что прежде ссыльные помѣщались въ длинныхъ галлеряхъ, на которыхъ они проводили всю жизнь, прикованные къ скамьямъ. Когда, при Лудовикѣ XIV, галлерія работы были отмыслы, ссыльные были помѣщены на судахъ, находившихся въ пристани арсенала и негодныхъ болѣе къ употребленію. Но съ тѣхъ-поръ, какъ выстроены два прекрасныя каменные корпуса для ихъ помѣщенія, въ гавани остались только два старыя судна, которыя также должны быть уничтожены, какъ-скоро будетъ готово помѣщеніе для ихъ несчастныхъ жильцовъ. Въ Тулонѣ бываетъ до четырехъ тысячъ преступниковъ; все они размѣщены по заламъ съ раздѣленіемъ по наказаніямъ; осужденные на вѣчную работу отдѣлены совершенно отъ другихъ, и даже нужно особенное позволеніе, чтобъ видѣть ихъ.

Грустно и тяжело ходить по этому жилищу скорби, земному чистилищу преступленія. Не могу описать страннаго чувства, которое рождается при видѣ тысячи этихъ несчастныхъ, скованныхъ попарно, и въ одеждѣ, на которой воображеніе видитъ печать отверженія. Я ожидала встрѣтить въ лицахъ ихъ глубокую печаль, слѣды страданія, и боялась взглянуть, чтобъ неосторожнымъ любопытствомъ не оскорбить несчастнаго; и что же?—вдругъ слышу разгульную пѣсню, громкій смѣхъ, грубую шутку... Тамъ нѣсколько паръ, гремя оковами, тащутъ тяжелое бревно—не бойтесь встрѣтить мрачное отчаяніе во взорахъ — нѣтъ! все лица веселы, беззаботны; они смотрятъ на проходящаго такъ покойно, какъ-бы встрѣчались съ нимъ на Итальянскомъ-Бульварѣ. Никакого слѣда чувства. Ихъ платье будто-бы имъ не въ стыдъ, и взоръ человека не въ укоръ.

Однимъ изъ самыхъ тяжкихъ условій жизни ссыльныхъ считается необходимость вѣчнаго товарищества. Цѣлый вѣкъ влачить лѣзущую цѣпь и всего-чаще съ существомъ ненавистнымъ, потому-ч

что между порочными нѣтъ тѣхъ искреннихъ отношеній, той чистой взаимности, которая и въ самомъ жестокомъ положеніи располагаетъ душу къ пріятнымъ чувствованіямъ. За то, первую наградою за хорошее поведеніе есть освобожденіе отъ этого ига. Нѣкоторымъ въ награду и отличіе позволено продавать работы товарищей и ихъ собственныя; во многихъ мѣстахъ сдѣланы прилавочки, гдѣ ссыльные раскладываютъ свои товары и въ ожиданіи покупателей работаютъ, точатъ разныя вещи изъ кокосовыхъ орѣховъ, обдѣлываютъ раковины, плетутъ башмаки и рилкюли. Многіе арестанты совершенно уже освобождены отъ цѣпей и, странно, мнѣ казалось, что въ лицахъ вообще всѣхъ тѣхъ, которые уже избавлены отъ тягчайшихъ наказаній, было болѣе человеческого; по-крайней-мѣрѣ, они не пугали той грубой веселостью, которая при звукѣ цѣпей кажется адскимъ отпрыскомъ мщенія, затанашагося въ сердцѣ преступника и при первой возможности готоваго разразиться надъ кѣмъ-нибудь бѣдою.

Нерѣдко между многими встрѣчается одинъ несчастный, который подѣ обыкновенною одеждою каторжника отличается отъ другихъ своими приѣмами. Иногда, гдѣ-нибудь въ сторонкѣ, двое, отдѣлясь отъ другихъ, тихо говорятъ между собою, и проходящій мимоходомъ ловить слова, изобличающія не простонародный языкъ. Невольный трепеть объемлетъ душу, и хотѣлось бы узнать, какимъ стеченіемъ обстоятельствъ существо, выведенное уже образованіемъ изъ того круга, гдѣ невѣжество и нужда ведутъ чаще къ преступленію, падаетъ такъ низко, какими путями порокъ завладалъ этою душою, какъ страсти, развиваясь съ годами, помрачили свѣтлое зеркало ея; настоящее страданіе съѣдаетъ ли съ нея ржавчину порока и тягость наказанія, — раскаянію, или ожесточенію открываетъ сердце?

Мы были въ больницѣ. Она очень-хорошо содержится; кровати всѣ желѣзныя, матрацы хороши, бѣлье чисто и даже тонко; воздухъ въ комнатахъ свѣжъ; при насъ двое молодыхъ лекарей обходили больныхъ и говорили съ ними очень-внимательно... Но, Боже мой! какъ сжимается сердце, когда, послѣ перваго обзора, оставшаго въ душѣ пріятное впечатлѣніе картиною порядка и попечительности, вдругъ видишь у каждой кровати—цѣпи! Онѣ проходятъ подѣ одеяло; онѣ жмутъ несчастнаго, и безъ того прикованнаго къ постели страданіемъ, и спадаютъ съ него только съ послѣднимъ вздохомъ. Выходя изъ госпиталя, мы встрѣтили гробъ, покрытый темнымъ сукномъ. Четверо галерныхъ молча несли его къ мѣсту покоя и освобожденія... И теперь еще въ ушахъ моихъ отдается звукъ цѣпей, сопровождавшій это мрачное шествіе.

Въ одномъ концѣ госпиталя, сдѣлана небольшая церковь, изъ которой стекольчатая дверь ведетъ въ залу, такъ-что больные, не оставляя своихъ постелей, могутъ слышать божественную службу, совершаемую каждый день. Мнѣ говорили объ одномъ священникѣ, который, нѣсколько лѣтъ назадъ, явился къ епископу

тулонскому, прося опредѣлить его въ больницуя церковь галерныхъ. И теперь онъ еще тамъ. Высокій подвигъ, достойный служителя алтара вѣчной любви, достойный всего, что летописи христіанскихъ доблестей ни представляютъ намъ прекраснѣйшаго! Пробудить душу, усыпленную порокомъ, отверженнаго привести обновію въ нѣдра общества, отчаянному указать небо и сердце одинокаго страдалца, на краю гроба, утѣшить братскою любовію — дѣло святое, прекрасное и возможное только служителю Божию, котораго оно возвышаетъ надъ всѣмъ, что есть великаго на землѣ...

Я хотѣла видѣть тюрьмы, гдѣ содержатся галерные. Днемъ онѣ всегда пусты. Галерные уходятъ утромъ на работу и возвращаются въ четыре или пять часовъ, не позже; содержаніе въ залахъ не одинаково. Осужденные на малое число лѣтъ пользуются большою свободою и большими удобствами. Нерѣдко къ нимъ переводятся тѣ изъ осужденныхъ на большое число лѣтъ, которые своимъ поведеніемъ заслужили награду. Я была въ залахъ втораго отдѣленія, то-есть, осужденныхъ на продолжительные сроки; эти залы чисты, высоки, свѣтлы; посрединѣ, на все протяженіе корпуса, саблано возвышеніе, покатое къ сторонѣ, обращенной къ окнамъ, и съ толстымъ желѣзнымъ прутомъ, прикрѣпленнымъ во всю длину нижней части возвышенія желѣзными же крючьями. На этотъ пруть надвѣваютъ цѣпи несчастныхъ, когда, послѣ дневной работы, ихъ запираютъ на ночь въ этихъ залахъ. Здѣсь они лежатъ всѣ рядомъ, на голыхъ доскахъ; имъ позволяется работать, но ни одно слово не должно возмущать безмолвія съ самой той минуты, когда затворяются двери. Въ случаѣ ослушанія, часовые имѣютъ приказаніе стрѣлать по виновнымъ. Ни жалобы, ни дружескія утѣшенія здѣсь не имѣютъ мѣста. Несчастные видятся даже и съ родными только при вѣчномъ спутникѣ своемъ — жандармѣ. Преступникъ совершенно оставленъ самому-себѣ, воспоминааніямъ и со-вѣсти.

Г. В... хотѣлъ-было идти за билетомъ, чтобъ видѣть залы, гдѣ содержатся осужденные на всю жизнь; но какъ было уже поздно, то мы вошли только въ первую, изъ которой видѣли одинъ длинный корридоръ, ведущій въ комнаты арестантовъ. На стѣнѣ была привѣшена дощечка, на которой означалось кушанье на каждый день, на другой прейс-курантъ вещамъ, которыя арестанты могутъ получать не выходя изъ своей темницы. Отсюда рѣдко выпускаются даже и на общія работы.

Замѣчаютъ большое измѣненіе въ нравственности заключенныхъ съ-тѣхъ-поръ, какъ введена система вознагражденій и занятіе различными работами. Говорятъ, будто въ послѣдніе пять лѣтъ изъ числа 2,282 выпущенныхъ, только восемь были возвращены на галеры, тогда-какъ прежде эти примѣры были гораздо-чаще. Дай-то Богъ!

Но пора на волю, въ поле! тамъ солнце такъ ярко свѣтитъ, ве-
Т. XXXVI. — Отд. 1.

сна такъ пышно расцвѣтаеть... Оставимъ эти стѣны, гдѣ звыи челоуѣчества печалить душу. Въ поле, въ поле!

На западъ отъ Тулона, тянется вплоть до самыхъ горъ зеленая, свѣжая равнина, пересѣкаемая во многихъ мѣстахъ грядою холмовъ, покрытыхъ виноградниками. Картинныя, проселочныя дорожки выются между различными посявами, иногда скрываются въ перелѣскѣ, иногда пересѣкаютъ виноградникъ, то будто украдкою пробираются между пригорками по руслу весенняго потока, то взбираются на ихъ лѣсистыя вершины. Множество бастидъ и крестьянскихъ домиковъ разбросано тамъ-и-сямъ; цѣлыя деревеньки, приютясь къ наклону утесовъ, выглядываютъ изъ зелени. Вездѣ крестьяне, цѣлыми семьями работающіе на своихъ участкахъ: тамъ полютъ виноградникъ, здѣсь прорѣзываютъ оливковыя деревья; все весело; почва щедра, растительность богата, небо чисто...

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ одной изъ этихъ хорошенькихъ бастидъ, окруженныхъ кипарисами и розами, жила женщина, уже не молодая, блѣдная и чрезвычайно-худая. Она пріѣхала въ Тулонъ зимою и тотчасъ же переселилась въ бастиду, которую наняла на цѣлый годъ. Съ нею была только одна служанка; однако все показывало, что пріѣзжая знала привычки лучшей жизни, и рѣдкіе цвѣты, появившіеся въ садикѣ и на окнахъ, и прихотливыя бездѣлки на столахъ, нужныя только тѣмъ, которые незнакомы съ настоящею нуждою, и книги—миръ пустынника. Между тѣмъ, всегда одно и то же черное платье и черная шляпа съ широкимъ вуалемъ и глубокое уединеніе новой обитательницы бастиды возбуждали любопытство сосѣдей. Для чего этотъ трауръ? горе или бѣдность причиною этого, всегда однообразнаго наряда, этого затворничества, несвойственнаго челоуѣку въ обыкновенномъ положеніи? Но какъ было узнать истину? Дама, хотя ласковая и пріятливая съ крестьянами, никогда и ни съ кѣмъ не говорила о себѣ; женщина, пріѣхавшая съ нею, была еще молчаливѣе и слыла въ сосѣдствѣ совершенною нелюдимкою. Былъ еще садовникъ съ женою, но они были наняты въ Тулонъ; одно постороннее лицо, допущенное въ общество пріѣзжей, былъ аббатъ, молодой челоуѣкъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ принявшій должностъ священника при больницѣ арестантовъ въ арсеналъ; но у этого на языкъ были только слова надежды и утѣшенія, а не толки о чужомъ горѣ. Впрочемъ, въ этомъ благословенномъ климатѣ, гдѣ видъ природы всегда ясной и роскошной не даетъ застаиваться въ сердцѣ впечатлѣніямъ печальнымъ, и самое любопытство также на часъ. Скоро привыкли видѣть «печальную пріѣзжую» (такъ называли ее въ сосѣдствѣ), когда рано утромъ, одна-одиночюнька, она выходила изъ дома и медленно шла по тропинкѣ, извидавшейся между холмами. Только иногда, услыша шорохъ ея платья, молодая крестьянка оставляла работу, поднималась изъ борозды и печально говорила, смотря въ-слѣдъ за нею: «*rauvre dame!*» и дѣти переставали играть, но ни одно слово не обличало уже любопыт-

ства. Казалось, что сокроуенная скорбь, тяготившая сердце прїѣзжей, оковывала невольнымъ почтеніемъ всякаго, кто видѣлъ ее и, какъ тайна гробницы, налагала молчаніе на уста самыя говорливыя.

Разъ въ педялю, прїѣзжая ѣздила въ Тулонъ и тогда обыкновенно съ нею бывала ея женщина. Онъ возвращался къ обѣду, но никто уже не выдавалъ тогда лица незнакомки. Оно было закрыто покрываломъ, которое не поднималось ни для кого и ни для чего. Въ тотъ день не выдали ея уже въ саду; она не поливала цвѣтовъ, не сидѣла на балконѣ, но иногда вечеромъ уходила въ Сифуръ, и крестьянки, бывавшія тамъ для сбора оливокъ или для другихъ работъ, выдали, какъ она входила въ удивленную церковь и оставалась тамъ долго, долго.

Сифуръ некогда былъ крѣпкій замокъ, построенный на вершинѣ горы, какъ погасшая сопка возвышающейся посреди цвѣтущихъ равнинъ. Теперь замокъ уже не существуетъ. Осталось только нѣсколько разваливъ зубчатой стѣны и двѣ или три улицы предмѣстья, въ которыхъ дома еще большею-частію цѣлы, но давно оставленные жителями, стоятъ безъ оконъ, безъ дверей, какъ остовы, ожидающіе минуты конечнаго разрушенія, и какъ-то странно смотрятъ на случайнаго посѣтителя. Между этими развалинами по нѣстамъ видно еще нѣсколько жилыхъ покоевъ; при самомъ входѣ въ городъ, за живописно-распадающимися воротами, два домика, выбѣленные, чистенькіе, прижнупты къ другимъ полуразрушеннымъ. Въ одномъ изъ этихъ домиковъ живетъ священникъ посреди немногихъ оставшихся обывателей, доживающихъ свой вѣкъ въ родимыхъ хижинахъ. Все здѣсь уныло, все носитъ печать разрушенія, вездѣ слѣды постепенно-угасающей жизни. Тамъ нѣ-за полуразвалившейся стѣны видно внутреннее расположеніе комнатъ; здѣсь каминъ, у котораго собиралась семья въ темный зимній вечеръ; тамъ остатокъ алькова; возлѣ, въ стѣнѣ, шкафъ, но уже безъ полокъ и безъ дверецъ; здѣсь, на грудѣ давно-унавашаго потолка зеленѣетъ молодой кустарникъ, а тамъ фиговое дерево пробилось вершишкою въ окно и плющъ убираетъ своими зелеными плетеницами фроствинокъ, за которымъ, быть-можетъ, любила работать молодая мать, смотря на дѣтей, игравшихъ подъ окнами; а тамъ, между безобразными обломками стѣнъ, повитыхъ зеленью, вдали блещетъ море, роскошныя прибрежныя равнины и небо голубое, прозрачное небо юга.

Здѣсь прїѣзжая любила проводить цѣлыя часы; казалось, между этими остатками минувшей жизни, она находила что-то общее съ собственнымъ своимъ положеніемъ, горестъ ея тихо сливалась съ впечатлѣніями природы и, можетъ-быть, невольно уступала ея могущественному вліянію. Часто выдали ее между развалинами; но еще чаще у древней часовни св. Рока: здѣсь иногда садивалъ съ нею старый священникъ Сифура, и когда мѣсяць поднимался

надъ моремъ нтъ-за горъ Іера, онъ провожалъ ее до подошвы горы.

Такъ прошли четыре года. Она все жила въ своей бастидѣ, все ходила въ Сифуръ и разъ въ недѣлю въ Тулонъ. Ничто не измѣнялось въ ея положеніи, какъ вдругъ, въ одно утро, рано на зарѣ, съ пристани раздался вѣстовой выстрѣлъ и загрохоталъ долгимъ эхомъ по горамъ: нтъ арсенала убивалъ преступникъ. Въ хижинахъ, въ бастидахъ, все встревожилось; но ни въ одной, кажется, этотъ звукъ не отдался такъ страшно, какъ въ уютномъ домикѣ пріѣзжей. Чуждая политическихъ происшествій, чуждая свѣту, она, казалось, могла содрогнуться отъ одного только этого звука, и содрогнулась; она сидѣла въ это время возлѣ отвореннаго окна и послѣ безсонной ночи дремала, склонясь на руку, освѣженная дыханіемъ утра, и, можетъ-быть, золотыя картины дней, когда счастье было знакомо и ея скорбной душѣ, на-минуту развились передъ нею въ легкихъ снахъ; быть-можетъ, отцовскій домъ, гдѣ, беззаботная подъ роднымъ кровомъ, она звала мечтою будущее, одѣтое свѣтлыми покрывами теплой вѣры въ счастье; быть-можетъ, счастливая супруга, счастливая мать, ласкала милого младенца, держа въ рукахъ его кудрявую голову... О, сколько, бывало, въ подобныя минуты, благословеній, теплыхъ молитвъ и свѣтлыхъ надеждъ сливались надъ этою невинною головкою! быть-можетъ, и теперь... и вдругъ, ужасный звукъ!... Она проснулась. Что-то сказало несчастной, что ей въ-особенности грозитъ бѣдою этотъ вѣстовой знакъ.

Тулонъ въ тревогѣ. Одинъ изъ арестантовъ вечеромъ не возвратился съ работы. Отсутствіе его было тотчасъ замѣчено; но какъ скрылся онъ? куда? никто не зналъ. Бросились искать между старыми судами, подъ грудями лѣса, всюду, гдѣ могъ бы онъ укрыться,—нигдѣ ни малѣйшаго слѣда. Только на другой день уже, на берегу, нашли его арестантскую куртку; бѣжалъ ли онъ или утонулъ? не извѣстно.

Онъ былъ сосланъ на вѣчную работу; но съ самаго пріѣзда въ немъ ничего не было видно, что показывало бы отчаяніе. Онъ былъ всегда тихъ и покоренъ, но печаленъ и молчаливъ, и когда другіе шумѣли и пѣли, онъ молчалъ и не приставалъ ни къ шуткамъ, ни къ разговорамъ. Безропотный, усердный, всегда первый на работу, въ последнее время онъ былъ даже освобожденъ и отъ докучнаго товарищества. Уже четыре года, какъ онъ былъ привезенъ въ арсеналъ...

Четыре года тому назадъ, въ Р. производилось дѣло, возбужденное всеобщее участіе. Фамилія В... издавна пользовалась уваженіемъ во всемъ округѣ, въ которомъ имѣла свое пребываніе. Хорошенькое помѣстье, домикъ-игрушечка и большой фруктовый садъ утѣшали владѣльцевъ, когда воспоминаніе представляло имъ кровавіе замки съ зубцами и бойницами, которыми нѣкогда владѣли ихъ предки. Г. В..., послѣдній владѣлецъ, чуждый честолюбія,

совершенно посвятилъ себя сельскому хозяйству и, довольный посредственностію, жилъ въ тихомъ уединеніи. Къ несчастію семейства, смерть похитила его слишкомъ-рано. Г-жа В..., оставшись вдовою, вся предалась сыну, который съ того времени сдѣлался единственною надеждою, единственною радостію ея осиротѣлой души. Слѣзная материнская любовь уже видѣла въ немъ все совершенство; Ари будетъ уменъ, хорошъ, онъ сдѣлается богатъ, славенъ, всему этому вѣрила мать и приучала вѣрить ребенка. И въ-самомъ-дѣлѣ, мальчикъ быстрыми успѣхами своими, казалось, оправдывалъ ея надежды. О, за него она была честолюбива, для него желала богатства и видѣла его уже на верху почестей!

Въ семнадцать лѣтъ, Ари отвезли въ Парижъ, гдѣ онъ долженъ былъ окончить курсъ ученія. Г-жа В. . имѣла хорошихъ знакомыхъ, между которыми были люди съ состояніемъ. Имъ поручила она сына и сама удалилась въ свое помѣстье, гдѣ жила, отказывая себя во многомъ, чтобъ доставить сыну средства прилично поддержать себя въ кругу, въ который его ввела.

Ари шелъ быстро впередъ. Къ-несчастію, науки, каведра профессора, слава отличнаго адвоката, или писателя, казались ему не болѣе, какъ только средствомъ для достиженія цѣли, а цѣль, ярко горѣвшая для него въ концѣ пути была — богатство, этотъ идолъ нашего вѣка, и съ нимъ все выгоды привольной жизни. Самый кругъ, въ которомъ онъ жилъ, роскошь и блескъ, видѣнные слишкомъ-близко, и легкія наслажденія, все способствовало направленію, принятому имъ, и заставляло искать выбиться, во что бы то ни стало, изъ скромнаго положенія, въ которое поставила его судьба. И онъ успѣвалъ. Политическіе перевороты, казались, сами способствовали его надеждамъ. Тамъ, гдѣ Гизо и Тьеръ попеременно были первыми министрами, поприще было открыто честолюбію и дарованіямъ. А какихъ же достоинствъ не предполагалъ въ себя Ари, честолюбивый, пылкій, самонадѣянный! И въ-самомъ-дѣлѣ, въ двадцать-пять лѣтъ, онъ былъ уже однимъ изъ молодыхъ адвокатовъ, подававшихъ о себѣ наилучшія надежды, и писателемъ, котораго пріятели величали уже великимъ публицистомъ, увѣряя, что ему оставалось только избирать между лѣвою стороною и министрами. Но все это еще было впереди.

Прошли годы; не все удалось Ари, какъ онъ думалъ; люди, какъ и увѣренность въ собственныхъ великихъ достоинствахъ, однако обманули его. Однако, Ари казался счастливымъ; былъ богатъ, роскошенъ, женился, по любви, на прекрасной дѣвушкѣ съ состояніемъ, и хотя и не сдѣлался ни Гизо, ни Тьеромъ, однако былъ въ связяхъ и жилъ открыто, — какъ вдругъ, безъ всякой видимой причины, оставя друзей и дѣла, уѣхалъ изъ Парижа и удалился съ женою и маленькимъ сыномъ въ помѣстье матери. — Не надолго, говорили его знакомые, и между-тѣмъ какъ-то странно толковали объ этомъ отъѣздѣ.

Ари возвратился домой не такимъ, какъ ожидала его мать.

Прежде веселый, живой, онъ былъ безпокоенъ и яриченъ; часто по цѣлымъ днямъ не бывалъ дома; иногда былъ необыкновенно ласковъ съ женою и сыномъ, иногда, какъ-будто пугаясь ихъ, избѣгалъ встречи съ ними. Г-жа В... знала, что онъ женился по склонности, что эта женитьба стоила большихъ хлопотъ и стараній, что Амалія, единственная наследница довольно-значительнаго имѣнія, вышла за него почти противъ воли родныхъ и пожертвовала ему многими хорошими партіями, что предоставила ему въ полную волю все вѣтніе, а дома была самымъ добрымъ, самымъ снисходительнымъ его другомъ, — и между-тѣмъ Ари былъ несчастливъ. Бѣдная мать видѣла это; но напрасно со всею нежностью жевщины хотѣла вызвать его тайну: Ари былъ непроницаемъ.

Однажды ожидали къ обѣду гостей. Вдругъ Ари объявилъ, что нужно непременно ѣхать въ городъ. Напрасно жена и мать уговаривали его, — онъ уѣхалъ. Однакожь, день прошелъ весело. Время было прекрасное. Гуляли по рощамъ, ловили рыбу въ рѣчкѣ, протекавшей у самаго сада; но развѣхались рано, потому-что тучи, собиравшіяся на западъ, предвѣщали близкую грозу. Оставались только самые близкіе: двоюродная сестра Ари съ мужемъ, которыхъ хозяйки удержали до утра. Гости съ отвѣли комнату, которая отдѣлялась только однимъ небольшимъ кабинетомъ отъ спальни Амаліи, выходящей окнами въ садъ. Гроза разразилась.

Никто не спалъ въ домѣ. Г-жа В... молилась на колыняхъ передъ распятіемъ въ своей комнатѣ; молодые супруги, подъ окномъ, смотрѣли, какъ яркія молніи освѣщали багровымъ свѣтомъ густой садъ и зеленый лугъ, разстилавшійся подъ окнами и перестѣкаемый тройникою, которая выходила на большую дорогу. Амалія была въ своей спальнѣ. Она рано ушла къ себѣ. Гроза безпокоила ея ребенка; она взяла его къ себѣ; отпустивъ няню, и садовника, проходя мимо ея окна, когда гроза начинала уже утихать, видѣлъ, какъ она, блѣдная и печальная, сидѣла еще у столика съ своимъ ребенкомъ, заснувшимъ на рукахъ ея.

Гроза удалялась. Рѣже и глуше становились раскаты грома; вѣтеръ стихъ; только молніи еще ярко прорывали темноту тѣни и крупныя капли дождя, оставшіяся на листьяхъ, падали съ деревьевъ. Молодые супруги еще любовались стихавшею грозой; все было тихо кругомъ... вдругъ пронзительный крикъ въ комнатѣ Амаліи и странный шумъ... Оба бросаются. Слегка припертая дверь уступаетъ удару сильной руки и, при блѣдномъ свѣтѣ лампы, взорамъ ихъ открывается Амалія на полу, погреди комнаты, съ глубокой раной на груди, еще держащая рукою младенца, истекающаго кровью; вблизи нихъ Ари, на колыняхъ, блѣдный, ужасный... При первомъ звукѣ отворившейся двери, онъ приподнимается, выхватываетъ пистолетъ, грозитъ, и прежде, чѣмъ вошедшій успѣлъ сдѣлать шагъ впередъ, курокъ былъ спущенъ, и Ари падаетъ вблизи матери.

Его вылечили. Амаля не пережила ни однимъ часомъ своего ребенка. На все вопросы Ари упорно молчалъ и только когда несчастная мать бросилась въ слезахъ на грудь его, онъ задрожалъ и потребовалъ, чтобъ ихъ оставили однихъ. При слѣдствіи оказалось, что несчастный, вовлеченный въ долги своею безумною роскошью и мучимый жаждою богатства, вошелъ въ спекуляціи съ однимъ пріятелемъ, очень-почтеннымъ и уважаемымъ человекомъ. Спекуляціи не удавались; деньги были потеряны. Надобно было прибѣгнуть къ новымъ въ надеждѣ поправиться. Достойный пріятель съ готовностію вошелъ въ положеніе Ари и предложилъ свои деньги, разумѣется, съ обезпеченіемъ жепина имѣнія. Не желая огорчить ее, Ари прибѣгнулъ къ обманамъ; но дѣла шли плохо, такъ — что въ короткое время все имѣніе должно было перейти въ руки достойнаго пріятеля. Отчаянный, ужасаясь мысли ввернуть въ нищету доверчивую, недостойно обманутую и быть-можетъ еще любимую женщину, Ари рѣшился на ужасное средство... Ложный актъ... Но обманъ открытъ и тѣмъ же самымъ достойнымъ пріятелемъ. Конечная гибель, стыдъ, мысль объ ужасномъ положеніи, которое ожидаетъ жепу, о сынъ, на которомъ вѣчнымъ пятномъ ляжетъ безславіе отца, все это свинцовымъ бременемъ лежало на душѣ Ари, когда, получа извѣстіе о своемъ несчастіи, онъ возвращался домой и увидѣлъ въ окно Амалию, блѣдную и печальную, съ ребенкомъ на рукахъ. Голова его воспламенилась...

Нашли обстоятельства уменьшающія важность преступленія: Ари былъ осужденъ на галеры.

Нужно ли сказывать, что несчастная пріѣзжая, поселившаяся въ тулонской бастидѣ, была г-жа В..., а арестантъ, бѣжавшій изъ арсенала, Ари? Преступенъ онъ, неавистенъ; но мать видитъ въ преступленіи одно несчастіе и раскаяніе, покрывающее его своею небесною росой.

Но бѣжалъ ли онъ или утонулъ? Ари въ молодости былъ искуснымъ пловцомъ; но пробраться между судами, не возбуждая всплескомъ волны вниманія чуткой стражи, трудно. Нужно много силъ, много искусства; къ тому же, всѣ поиски остались тщетными. Многіе думали — утонулъ; сердце матери говорило: онъ живъ.

Черезъ нѣсколько времени послѣ того, въ одинъ теплый осенній вечеръ, г-жа В... сидѣла на балконѣ. Заря догорала за Сифуромъ; прямо на полдень, тихое море отражало небо во всемъ блескѣ заката; вдали раздавались пѣсни виноградарей. Г-жа В... задумчиво смотрѣла вдаль. Больничный священникъ, сидѣвшій возлѣ нея, молчалъ, конечно угадывая куда стремилась мысль ея. Вдругъ глаза ея машинально обратились на связку газетъ, лежавшихъ возлѣ, на столикъ. Внезапная краска, какъ зарево, покрыла лицо ея. Она схватила листокъ, пробѣжала его и молча подала священнику; онъ прочиталъ:

«15 сего мѣсяца, ужасное происшествіе возбудило всеобщее уча-

стіе нашего города. Господинъ Д., недавно переехавшій изъ Парижа со всѣмъ семействомъ въ имѣніе свое, купленное имъ послѣ несчастной Амаліи В., наканунѣ свадьбы дочери своей, для которой уже съѣхались всѣ родные, былъ найденъ убитымъ въ паркѣ, недалеко отъ дома. Убийца былъ свачевъ у самаго тѣла и, что всего страннѣе, нисколько не сопротивлялся. При первомъ допросѣ оказалось, что то былъ арестантъ, бѣжавшій изъ Тулона, Ари В... Нельзя понять, что понудило его къ подобному поступку. Г-нъ Д. былъ постоянно другомъ его и, какъ видно изъ дѣла, ссужалъ его большими суммами.»

«Отмстил!» сказала несчастная мать, сложивъ руки на грудь и безъ чувствъ упала на руки священника.

Горе не убиваетъ. Она еще видѣла сына; она пережила казнь его и теперь еще, можетъ-быть, живетъ въ ліонской обители Сестеръ-живой-гробницы, у которыхъ поселилась вскорѣ послѣ своего несчастія....

II.

СЕВЕНЬ.

Перебирая лѣтописи давно-протекшихъ временъ, мы невольно задумываемся, встрѣчая на темныхъ страницахъ ихъ имя Петра Вальдо, уроженца небольшого городка Во, въ Дофинѣ. Онъ жилъ въ половинѣ XI вѣка. Суровый, какъ учитель первобытной церкви, ревностный и строгій, какъ предвозвѣстникъ Лютера и Кальвина, онъ былъ пораженъ беспорядками духовенства того времени, удаленіемъ церкви отъ простоты первоначальнаго ученія и злоупотребленіями, которыя съ каждымъ днемъ увеличивались все болѣе и болѣе. Въ пламенномъ рвеніи своемъ, онъ увѣрилъ себя, что одного слова истины достаточно для того, чтобы подкопать зданіе, воздвигнутое вѣками, и смѣло возвысилъ голосъ противъ католической церкви. Слова его увлекли многихъ и бросили первый искры пожара, который въ-послѣдствіи долженъ былъ обнять половину католическаго міра. Громы Александра III остановили успѣхи смѣльчака и разсѣяли его послѣдователей; гонимые въ Лионѣ, они принуждены были искать убѣжища на чужой сторонѣ; многіе перешли за границу, разсѣялись по Германіи и проникли даже въ

льса Богомиш; другіе остались и искали спасенія въ дикихъ пустыняхъ Дофината и Севенъ, гдѣ горные жители, отчужденные отъ цѣлаго міра своими лебрами, жили въ первобытной простотѣ и съ радостію приняли учене, которое согласовалось съ ихъ понятіями и чистотою нравовъ. Тамъ, на вершинахъ неприступныхъ утесовъ, въ глубинѣ уединенныхъ долинъ, раздались священные гимны на отечественномъ языкѣ (*), и на каменныхъ скалахъ воздвигся простой жертвенникъ Богу христіанъ, украшенный однимъ усердіемъ вършихъ...

Ученіе Кальвина нашло въ Севенахъ почву, приготовленную къ его принятію; всѣ горные отголоски откликнулись на голосъ жоневскаго проповѣдника...

Прошли годы; тѣни Монлюка и Адрэ мелькнули надъ Севенами; но нантскій эдиктъ успокоиваетъ кальвинистовъ... и вдругъ новыя постановленія Лудовика XIV... Несчастные кальвинисты осуждены на вѣчныя галеры, если, не желая измѣнить совѣсти, вздумаютъ искать спасенія на чужбинѣ, если только будутъ уличены въ подобномъ намѣреніи, если въ болѣзни откажутся принять св. тайны, и по-несчастью избѣгнуть смерти. Храмы затворены, шпионы въ каждомъ домѣ, висѣлицы и эшафоты на всѣхъ перекресткахъ. Человѣчество ужасается, слушая повѣсть этихъ ужасныхъ временъ. Тамъ (**) аббатъ Шела вымучиваетъ жесточайшими пытками у несчастныхъ признанія въ кальвинизмѣ; здѣсь жгутъ села, грабятъ города... Въ Нимъ, маршалу Монтревилю доносятъ, что въ вербное-воскресенье протестанты соберутся въ лаговской мельницѣ (недалеко отъ Нима). Онъ велитъ молчать своимъ; беретъ отрядъ драгунъ и окружаетъ мельницу. Въ самое то время, когда проповѣдникъ, въ кругу мирныхъ слушателей, говорилъ одну изъ тѣхъ рѣчей, которыя изываются изъ души глубоко-тронутой, вдругъ за стѣнами послышался звукъ оружія. Все встревожилось. Бросаются къ дверямъ—онѣ заперты; къ окнамъ—внизу рядъ католическихъ солдатъ съ ружьями, обращенными дуломъ къ окнамъ. Большая часть собранія состояла изъ женщинъ, стариковъ и дѣтей. Маршалъ приказываетъ поджечь мельницу...

Изъ всѣхъ несчастныхъ, спаслась одна дѣвушка 17 лѣтъ: одинъ изъ спутниковъ маршала, молодой человѣкъ, какъ-то укрывъ ее отъ ярости солдатъ; оба пойманы въ саду, примыкавшемъ къ мельницѣ; сестры милосердія вымолили прошеніе католику — кальвинистка повѣшена въ его глазахъ.

И кальвинисты принались за оружіе. Весь Лангедокъ покрылся партіями мятежниковъ, какъ называли ихъ. Ими предводительствуютъ Севенцы: Морель, прозванный Катинатомъ, Роландъ, Ка-

(*) Петръ Вальдо перевелъ Библію на простонародный языкъ около 1150 года.

(**) Въ Лангедокѣ.

станетъ и знаменитый въ исторіи севенскихъ войнъ Кавалье. Они рѣжутъ католиковъ въ свою очередь, жгутъ села и города, грабятъ деревни и убиваютъ священниковъ у самыхъ алтарей. Кавалье былъ простымъ пастухомъ въ севенской деревнѣ, потомъ булочникомъ въ Жепевѣ, гдѣ часто говаривалъ, что Богъ призываетъ его на помощь братіи. Онъ началъ, подговоривъ 18 человекъ изъ молодыхъ товарищей своихъ. У всѣхъ было одно ружье и нѣсколько заржавленныхъ шпагъ. Но камизары (*) находятъ арсеналы въ замкахъ, которые берутъ грудью, у священниковъ, въ ратушахъ... Передъ камизарами все падаетъ. Необыкновенная предприимчивость Кавалье, его твердость и строгое благочестіе привлекаетъ къ нему толпы; войско его наполнено проповѣдниками, пророками и пророчицами, которые открываютъ, при одномъ взглядѣ, измѣнника въ войскѣ; по знаку ихъ, несчастные плѣнники падаютъ подъ ударами солдатъ: самъ Кавалье вездѣ, гдѣ слышенъ звукъ оружія; пожеры означаютъ его слѣды; гдѣ онъ, тамъ и смерть...

Дворъ смѣется надъ севенскимъ пастухомъ, а маршалъ Вилларъ, недавно прибывшій изъ побѣдоносной австрійской арміи на мѣсто Монтревиля, вступаетъ съ нимъ въ переговоры, и Кавалье, въ сопровожденіи небольшой свиты, ѣдетъ въ Нимъ, съ обыкновенными соборными псаломщиками проѣзжаетъ предметы; видитъ почетную стражу маршала въ дверяхъ монастырскаго сада реколетовъ, разставляетъ свою по другую сторону, и входитъ одинъ въ садъ, гдѣ ждалъ его маршалъ для заключенія мирныхъ условій... И на возвратномъ пути онъ опять проѣзжаетъ городомъ съ Катинатомъ и проповѣдникомъ Биларомъ, и народъ бѣжитъ за нимъ, и женщины палуютъ полы его платья...

Можете себя представить, съ какимъ удовольствіемъ узнала я, что года два тому назадъ, Севернами проложено прекрасное шоссе отъ самаго Алэ до Шюи, и что diligencсы ежедневно отправляются по этому тракту изъ Алэ, до котораго изъ Нима есть желѣзная дорога; разумѣется, я не колебалась ни на одну минуту; мысль увидѣть отчизну Кавалье, эти селенія, гдѣ жили непреклонные поборники кальвинизма, эти утесы, подъ стѣною которыхъ такъ долго сохранялось стѣмя, брошенное суровымъ Вальдо, эти протестантскіе храмы и смиренныя домики деревенскихъ пасторовъ, купленные столькими жертвами, столькими потоками крови, эта мысль заставила бы меня предпочесть путь черезъ Северны самому покойному шоссе въ равнинахъ, еслибъ надежда любоваться дикими красотоми стороны суровой и малозвѣстной и не входила нисколько въ расчетъ при этомъ рѣшеніи. Запасшись разными справками о дорогѣ почти неизвѣстной, мы отправились въ шесть часовъ на желѣзную дорогу и въ девять были уже на пути.

Два года тому назадъ, немногіе путешественники отваживались

(*) Такъ называли кальвинистскихъ солдатъ.

на трудный переездъ черезъ Севены, и прекрасныя долины ихъ были почти-неизвѣстны для самыхъ жителей Нима, изъ которыхъ и теперь, впрочемъ, очень-немногіе знаютъ, что недалеко отъ нихъ есть сторона, богатая дикими красотоми природы и населенная пародомъ, котораго нравы ждутъ наблюдателя. Одни промышленники углубляются въ дикія ущелья Севенъ за шелкомъ, которыми изобилуютъ ихъ долины. Сами жители еще недавно не вѣдали другаго сообщенія даже съ самымъ Алё, кромѣ горныхъ тропинокъ, по которымъ съ трудомъ лѣпились ихъ ослы, навьюченные шелками или жизненными припасами. Большая часть жил и умирали посреди своихъ утесовъ, не зная ничего, кромѣ окрестныхъ селеній — и это посреди Франціи, столько многолюдной, столько шумной, столько дѣятельной!

Алё, небольшой городокъ въ 16 лѣ на сѣверо-западъ отъ Нима, обязанъ своимъ богатствомъ желѣзнымъ заводамъ и еще болѣе каменному углю, который въ изобиліи находить въ его окрестностяхъ (Grand Combe, въ 4-хъ лѣ отъ Алё), и своею извѣстностью и желѣзною дорогою, которая два года тому назадъ открыта между амъ и Бокеромъ (*), для доставленія богатыхъ произведеній его на бокерскую пристань. Около того же времени, было проложено и севенское шоссе, которое идетъ на Женолякъ, Вильфоръ и Прадель до Пюн, древней столицы графства Велё, составлявшаго уже часть Верхней-Оверни.

Часть и три четверти — и мы въ Алё. Посмотрѣвъ вокругъ себя, подумаешь, право, что какой-то волшебникъ, безъ нашего вѣдома, перенесъ насъ за тридевять земель. Другая растительность, другое небо, другой народъ. Еще съ половины дороги, я съ горестію обернулась назадъ: югъ убѣгалъ отъ меня! Широкія равнины Нима съ волнующимися рощами блѣднозеленыхъ маслинъ, виноградники, стелющіеся по красноватымъ почвамъ, бесплодныя скалы, раскаленный южнымъ солнцемъ, и темное, прозрачное небо юга, — все исчезало. Здѣсь все свѣжо, зелено. Природа, словно деревенская дѣвушка, умывается росой каждое утро, и отъ-того все болѣе-и-болѣе блеститъ красотою и молодостью. Поля покрыты шелковицами; кое-гдѣ виднѣется еще тоноквѣтковая маслина; но это уже здѣсь затѣжая гостя, и самый народъ — все торгаша. Сюда пріѣзжаютъ продавцы и покупатели, подрядчики и поставщики на желѣзные заводы, — и въ Гранд-Комбъ, для ея каменно-угольныхъ копей. Иногда появляется путешественникъ, останавливается на минуту въ Алё, дожидается отправления вагоновъ въ Гранд-Комбъ, осматриваетъ на другой день заводы и опять уѣзжаетъ въ Нимъ. Между-тѣмъ, здѣсь много жизни, какъ во всякомъ торговомъ городѣ, какъ во всякой сложной машинѣ. Жизнь дорога и непріятна; жители привыкли житья около купцовъ, которые обык-

(*) Въ 1839 году.

новенно сорять деньгами, гдѣ дѣло идетъ о торговыхъ сношеніяхъ, непривѣтливый съ чужестранцами и метки и ласковы только тамъ, гдѣ рѣчь касается до ихъ промысла. Говорите съ ними, пріѣзжал изъ Нима, когда вся душа еще занята древними храмами, кориннескими капителями и стройными аркадами, — съ ними, которые, прости Господи! готовы были бы разобрать арены для постройки кирпичнаго сарая!

Я только переночевала въ Алѣ и на другое утро ѣхала уже въ двлижансь по севенскому шоссе, оставя влѣво зеленую долину Алѣ съ ея окрестными горами. Въ глубинѣ ея чернѣли высокія трубы съ густымъ дымомъ чугушныхъ заводовъ, и скоро скрылись за горами. Позади насъ, надъ городомъ, клубились синіе туманы...

Вскорѣ мы начали взбираться на довольно-крутую гору. Вся дорога отъ Алѣ до самаго Вильфора и даже еще далѣе, есть непрестанный изволокъ. Шоссе, слѣдуя по изворотамъ горъ легкимъ скачкомъ, все взбирается выше и выше, и только нрѣдка опускается подѣ-гору, и то только для того, чтобъ подняться еще выше. Съ каждымъ шагомъ, мѣста становятся живописнѣе, дали замачивнѣе; но въ горахъ, какъ въ жизни, ненадежно свѣтлое небо. Туманы, носившіеся надъ городомъ, вдругъ поднялись, закрыли все небо и начали падать мелкимъ дождемъ. Скоро и дали скрылись, какъ за частымъ покрываломъ. Нрѣдко густое облако, проходя между вершинами горъ, углублялось въ ущелье; за нимъ выходило другое, перепоясывало горы черною полосою и то подымалось, скрывая ихъ вершины въ небесахъ, то опускалось и обнимало подошвы скалъ, которыхъ зубцы казались тогда какъ-будто плавающимъ въ клубящихся волнахъ. Не смотря на это, были мѣста, которыя все еще казались прекрасно-дикими. Со мною сядѣли двѣ молодыя дѣвушки: одна горная крестьянка съ ребенкомъ довольно-хорошенькимъ, черпоглазымъ, смирымъ и препорядочно-запачканнымъ; другая, щеголевато-одѣтая, румяная и свѣжая, швѣя изъ Женольяка, маленькаго городка въ шести льѣ отъ Алѣ. Шестъ льѣ! это не больше трехъ часовъ ѣзды обыкновенною дорогою, — мы ѣхали болѣе шести часовъ. Лошадь едва тащились въ гору; дождь не позволялъ ѣдти пѣшкомъ; я смотрѣла въ окна, скучала и, наконецъ, заговорила съ моею сосѣдкою. Мы не замедлили знакомствомъ. Она возвращалась изъ Нима, гдѣ гостила шесть недѣль у сестры; въ Женольякѣ были у нея отецъ, мать и маленькіе братья. Она говорила съ удовольствіемъ о Нимѣ, о его широкихъ бульварахъ, многочисленныхъ гуляньяхъ; о Женольякѣ — какъ о деревенькѣ, не стоящей вниманія, и между-тѣмъ, говоря «не стоящей», глаза ея оживлялись и улыбка выражала то удовольствіе, съ которымъ мать, приглаживая кудри балованнаго сыночка, говоритъ: «ахъ, помилуйте! онъ совсѣмъ нехорошъ; онъ только добрый мальчикъ». Вообще, Французы въ этомъ классѣ ужасно привязаны къ мѣсту родины, и ничего нѣтъ обыкновеннѣе, какъ видѣть въ маленькомъ городкѣ одно и то же имя на всѣхъ почти вывѣскахъ. Они утат-

ся въ главномъ городѣ своего департамента, убиваютъ молодость и деньги, а иногда составляютъ себѣ состоянiище въ Парижѣ; но женятся и доживаютъ вѣкъ на своей сторонѣ. Какъ тамъ ни философствуй, а стрѣлка колокольни родимой деревеньки заставитъ биться хоть чье сердце!

Черезъ нѣсколько минутъ, мы были совсѣмъ друзьями съ хорошенькою швесою. Она рассказывала мнѣ о своихъ дѣтскихъ играхъ на лугу и въ виноградникахъ, куда пускали ихъ каждое воскресенье, о добромъ пасторѣ, — они все почти были протестанты. Между-тѣмъ, мы тащились по узкому шоссе, взбираясь зигзагами на крутую гору, надъ глубокою долиною, зеленою и свѣжею. Окрестныя горы, покрытыя лѣсомъ, были необыкновенно-угрюмы; кое-гдѣ въ ущельяхъ открывались деревни и села, едва-видныя за частою сѣткою дождя; влѣво, на вершинѣ крутой горы, чернѣла старый замокъ, какъ вѣроитъ насупившiйся надъ окрестными долинами. Я спросила сосѣдку, не знаетъ ли она, что это за замокъ. Хорошенькая сосѣдка взглянула какъ-то странно на общую нашу спутницу, крестьянку; но та молчала и, наконецъ, сказала какое-то имя, которое я забыла, но сказала такъ таинственно, что это возбуждало все мое любопытство. Я сдѣлала еще нѣсколько вопросовъ — тѣ же странные отвѣты и та же таинственность. «Охъ, эти замки!» сказала я, угадывая причину замѣшательства дѣвушекъ: «сколько, бывало, мнѣ рассказывали о нихъ исторiй, да такихъ страшныхъ, что, право, не смѣешь и пошевельнуться, слушая.» — Oh, je vous le promets! (поговорка моей спутницы) много ночей не спала я отъ этого замка! Бывало, зашалапшiясь съ подругами — дѣдушка ужъ стучитъ палкой: «Софья! а злая прiидеть!» Ну, ужъ тутъ вся шалость пропадетъ. Прижмусь въ уголокъ и все чудится: вотъ смотреть въ окно!

— Да кто же эта злая?

За этимъ вопросомъ послѣдовали рассказы съ непрестанною примѣсю любимой поговорки: je vous le promets и съ самымъ таинственнымъ видомъ. Вотъ въ чемъ дѣло:

Давно уже, лѣтъ семьдесятъ назадъ (дѣдушка еще былъ тогда ребенкомъ, однако помнитъ это время), въ замкѣ жила женщина, графиня, виконтесса, или что-то въ этомъ родѣ, только католичка. Она была необыкновенно-богата, и все окрестныя селенiя принадлежали ей. Старый и малый несли ей свои дани; вассалы платили даже за воздухъ, которымъ дышали на ея земляхъ, и горе тому, кто не исполнилъ бы наложенныхъ уроковъ! Замокъ былъ наполненъ вооруженными людьми, которые день-и-ночь ходили по стѣнамъ, а въ башняхъ были подземелья, въ которыя спускали несчастныхъ черезъ западную, сдѣланную въ сводахъ, и кто разъ былъ позванъ въ замокъ на расправу, о томъ родные служилъ обѣдн за упокой: онъ уже не возвращался домой! Какъ погибалъ онъ, какими мученiями, никто не знаетъ; замокъ былъ молчаливъ, какъ могила, и, какъ могила, открывался для несчастнаго только однажды. Все трепетало кругомъ, но

роптать никто не смѣлъ, и когда въ темную осеннюю ночь надъ сѣверною башнею замка показывался огонекъ, поселяне качали головою, женщины тѣснѣ жались другъ къ другу у камина: всѣ знали уже, что это значитъ. Изстари-вѣку, замокъ пользовался недоброю славою. Дѣдъ владѣтельница замка собственными руками выдалъ роднаго брата католикамъ, а отецъ, еще мальчикомъ тогда, ѣздилъ съ королевскими драгунами по лѣсамъ, указывая имъ мѣста, гдѣ могли укрываться протестанты. Да и сама она — во всемъ округѣ никто не сомнѣвался, чтобъ она не была въ связяхъ съ нечистою силою, и когда она, по своему обыкновенію, одна-одинехонька объѣзжала свои владѣнія на сѣромъ ослѣ, всякій, кто могъ, прятался по домамъ, а кто встрѣчался съ нею на дорогѣ, потуплялъ глаза, не смѣя смотрѣть ей прямо въ лицо. Дѣдушка видѣлъ ее самъ. Лицо ея было ужасно (je vous le promets), маленькіе сѣрые глаза все будто прыгали и тонкія губы все будто улыбались, между-тѣмъ, какъ она хлыстикомъ погоняла своего сѣраго осла и отмѣчала въ книгѣ, кого надобно было позвать въ замокъ. Кто встрѣчалъ ее такимъ образомъ, тому, конечно, не засыпалось въ ту ночь, je vous le promets. Вотъ, въ одно утро, откуда ни взялись несметныя силы, обступили замокъ и мечутъ въ него ядрами. Крестьяне слышатъ шумъ, громъ; видятъ облака пыли надъ замкомъ; но никто не смѣетъ и пошевелинуться: ждуть, что будетъ. Вотъ ближайшіе видятъ: старуха выйдетъ на башню, махнетъ хлыстикомъ, и изъ-за зубцовъ со всѣхъ сторонъ пули такъ и посыпаются, какъ градъ, только черныи дымъ, какъ облако, застилаетъ гору. Такъ прошло нѣсколько дней. Въ одинъ вечеръ, вдругъ весь шумъ и гвалтъ стихъ въ замкѣ. Ночь опускалась. Не видно было, отступали ли осаждающіе, или что-то страшное замыслили въ замкѣ. Это была ужасная ночь. Ни одной звѣздочки на небѣ; черныя тучи такъ и нависли; вѣтеръ роевъ въ горахъ. Вотъ, послѣ полуночи, тучи будто разрѣвались. Кое-гдѣ блеснетъ звѣздочка, кое-гдѣ засеребрятся окраины тучъ, и мѣсяцъ на ущербѣ блеснетъ, одѣнетъ синевою горы и замокъ и опять утонетъ въ тучи. Вдругъ на круглой башнѣ сверкнулъ огонь — ужъ знали, что это значитъ... и еще, и не потухаетъ, а все свѣтится и страшно горитъ. Между-тѣмъ, мѣсяцъ выплылъ; воины во всемъ вооруженіи ходятъ по стѣнамъ; по переходамъ блещетъ сталь; вотъ на башнѣ появилась черная тѣнь, выросла и мащеть въ воздухѣ хлыстомъ. Огонь разгорается и при блескѣ его видно: это дья! сѣрые глаза сверкаютъ и тонкія губы улыбаются. Вдругъ она размахнула руками, бросила что-то въ замокъ и страшно захохотала. Въ ту же минуту раздался страшный трескъ, башня рушилась и упала, а замокъ весь вспыхнулъ, будто костеръ, и яркимъ заревомъ одѣлъ окрестныя горы. Непріятель съ крикомъ бросился къ стѣнамъ; но въ нихъ ни старухи, ни защитниковъ ея уже не было. Погибли ли они въ пламени, или другимъ образомъ, этого уже никто не знаетъ. Начальники на другое же утро

ведѣли отступить войску, и никто ничего не сказалъ, что видѣли и нашли въ замкѣ. А онъ, страшный и молчаливый, весь закоп- тельный въ дыму, стоялъ на своемъ утесѣ; ни одного воина на стѣ- нахъ, рѣшетка поднята, мосты опущены и ворота отворены; но никто не смѣлъ въ нихъ идти.

Съ-тѣхъ-поръ, никто уже не видалъ злой и никто ничего не слышалъ о ней. Только рассказывали, что на ущербъ мѣсяца, послѣ полуночи, черная тѣнь является надъ обгорѣлымъ замкомъ, ходитъ по стѣнамъ, и остановясь надъ развалинами башни, машетъ хлыстикомъ и исчезаетъ въ воздухѣ съ громкимъ хохотомъ. Въ самыхъ отдаленныхъ деревушкахъ нерѣдко слышали этотъ хо- хотъ, и матери имъ страшали дѣтей, говоря: «то злая хохочетъ». Иногда, говорятъ даже, въ туманные дни, нѣкоторые поселяне видали на горной тропинкѣ женщину верхомъ на сѣромъ ослѣ; она едва-едва отдѣлялась отъ тумана; но чѣмъ дольше всматрива- лись, тѣмъ яснѣе видѣли, какъ сверкаютъ ея сѣрые глаза, какъ улыбаются ея тонкія губы, и какъ она хлыстикомъ поговялетъ своего сѣраго осла; но когда подходили ближе—все исчезало, буд- то ничего и не было, кромѣ густыхъ тумановъ.

Такъ нѣсколько десятковъ лѣтъ замокъ оставался совершенно брошеннымъ. Никто не ходилъ въ него и не знали, что является за его стѣнами. Нѣсколько лѣтъ назадъ, общество вздумало про- дать забытую развалину. Долго никто не являлся на торги; на- конецъ Г. С., молодой человекъ изъ Алэ, купилъ замокъ съ при- надлежащими къ нему землями за какую-то бездѣлицу. Онъ тот- часъ же нанялъ работниковъ, очистилъ замокъ и хочетъ, гово- рять, поправить его, пріѣзжать туда на лѣто съ молодою женою своею. Съ-тѣхъ-поръ, все ходитъ туда и все привидѣнія исчезла. Впрочемъ, прибавила моя рассказщица, говорятъ, что С. и особли- во жена его очень-набожны, хотя и католики. Но что же? всякой по своей религіи. Сказываютъ, что священникъ ихъ былъ въ зам- кѣ, и самъ съ молитвою предалъ землѣ кости несчастныхъ, кото- рые были найдены въ подземельяхъ замка.

Между-тѣмъ, лошади наши прибавили рыси, и мы довольноо- скоро спустились въ глубокую долину, на днѣ которой видѣлось селеніе. Кругомъ, по всѣмъ горнымъ скатамъ, прекрасный кашта- новый лѣсъ, по мѣстамъ виноградники, или луга, усыянные бѣ- лыми нарциссами. — А, это Женоланъ! вскричала моя спутница и чуть не прыгаетъ съ радости. Всякій встрѣчный кланялся ей лас- ково, и она отвѣчала, какъ на поклонъ самаго искреннаго друга; словомъ, это была радость, какъ-будто послѣ годоваго отсутствія. Нѣсколько минутъ мы еще ѣхали прекрасною каштановою рощею, усыяною нарциссами, и вдругъ вѣдулись въ узкую, грязную ули- цу, съ прескверною мостовою. Дождь лилъ. Изрѣдка попадались намъ крестьянши въ синей курткѣ, подъ большимъ зонтомъ; изъ окна выглядывали женскія головки въ чепчикахъ съ широкими оборками, или свѣжія дѣтскія личики. Наконецъ, мы остановились

на площади у растворенныхъ воротъ. Подъ навѣсомъ, съ распушенными зонтиками, стояли сестры, кузины, тетки, дяди моей швей, и — я ея не видала уже болѣе.

Ночь застала насъ на крутой горѣ за Вилль-Форомъ, гдѣ мы обѣдали и взяли двухъ путешественниковъ въ блузахъ... Я ошибаюсь, съ ними былъ третій, но этого я увидѣла уже послѣ, когда въ темпотъ дилижанса черные глаза его засверкали на меня какъ-то совсѣмъ неожиданно, изъ-подъ лавки, гдѣ онъ былъ спрятанъ, какъ контрабанда, нетерпимая въ дилижансѣ — это была большая, прекрасная охотничья собака, Максъ.

Но смотря на вѣтеръ, частый дождь и вечерній холодъ, я не могла не любоваться чудными картинами горъ угрюмыхъ, но почти вездѣ покрытыхъ каштановыми деревьями, густыми, развѣсистыми, долинами свѣжими, зелеными, прелестными, гдѣ весна раскидывалась въ полной красотѣ своей (Это было $\frac{14}{2}$ мая). Только, однакоже, я замѣтила, что, углубляясь въ горы, мы находили зелень все моложе и моложе. Въ Алѣ еще, мы видѣли на яблоняхъ и вишняхъ плоды и довольно уже большіе; здѣсь все это было въ цвѣту и напоминало мнѣ прогулки наши въ садахъ Ниццы въ первыхъ числахъ марта. Я задремала, и легкій сонъ еще раскидывалъ передо мною цвѣтушіе луга и зеленые сѣни рощи, убранной весною, — но этотъ сонъ былъ непродолжителенъ: холодъ и разговоры моихъ спутниковъ скоро возвратили меня къ дѣйствительности. Я посмотрѣла въ окно. Ночь была темная, хоть глазъ выколи; мы тащились шагомъ; почтальионъ шелъ пышкомъ за каретой и громко разговаривалъ съ челоуѣкомъ, закутаннымъ въ шивель и вѣхавшимъ за нами. Что-то, какъ мелкій дождь, сывалось въ окна; вѣтеръ съ свистомъ носился по полю; мнѣ казалось, что мы ѣхали въ равнинахъ. Товарищи мои говорили языкомъ, котораго, не смотря на все свои старанія, я не могла понять.

Что-то бѣжало по окраинамъ дороги. Что это? песокъ или мѣлъ? спросила я почтальиона. — Non, jour de Dieu, ce n'est pas du sable, отвѣчалъ онъ съ сердцемъ: — c'est bien de la neige; въ это время верховой попутчикъ нашъ подѣхалъ къ окну, и я увидѣла плащъ его весь нанудренный вьюгою.

Товарищи наши, такъ же какъ и мы, возвращались изъ Прованса, и, кажется, никто изъ насъ не готовился къ подобнымъ ласкамъ горной весны. Мы передрогли до смерти и, разумется, въ этомъ обществѣ бѣдствіи познакомились очень-скоро. Я узнала, что оба наши товарища были молодые Молдаване, что они пріѣзжали въ Парижъ для окончанія наукъ и теперь путешествуютъ по Франціи по-художнически, съ сумкою за плечами и вѣрнымъ Максомъ, гдѣ вѣшникомъ, гдѣ въ дилижансѣ. Узнавъ, что мы сосѣди и не совсѣмъ чужіе, мы познакомились короче, и между-тѣмъ, какъ вѣтеръ свистѣлъ въ полѣ и снѣгъ сыпалъ въ окна, мы говорили о Россіи,

о Молдавіи; я слушала ихъ съ удовольствіемъ и однакожь нетерпѣливо ждала разсвѣта.

Нѣсколько часовъ назадъ, я любовалась молодою весеннею зеленью, цвѣтами и тѣнистыми рощами; заснула—и вотъ я въ низкой пространной горницѣ, слабо-освѣщенной однимъ сальнымъ огаркомъ, въ амбразурѣ огромнаго овернскаго камина, въ которомъ трещитъ красноватое пламя, перебираясь по зеленымъ сосновымъ вѣтвямъ; возлѣ меня толстый, незнакомый мужчина въ пальто отогрѣваетъ руки; дальше, двое молодыхъ людей, въ блузахъ, одинъ черный, съ восточною фizioномією, другой блѣдный, съ темноголубыми глазами—это наши Молдаване. Первый, нагнувшись, поправляетъ дрова желѣзными щипцами; другой, скрестя руки на груди, задумчиво смотритъ на огонь. Между ними дремлетъ Максъ, положи голову на ноги господина; въ самомъ углу человѣкъ, въ ливрейной шинели, протягиваетъ изъ-за стула Молдавана то ту, то другую ногу, подставляя ихъ благотворному дѣйствію огня. На дворѣ темно. Снѣгъ трещитъ, сыплется на стекла. Мы сидѣли такъ уже нѣсколько минутъ, какъ вдругъ дверь отворилась, и хозяйнѣ, толстый крестьянинъ въ плащѣ, съ котораго льетъ вода (тотъ самый, который вхалъ съ нами верхомъ), вошелъ въ горницу, неся въ одной рукѣ фонарь, въ другой бутылку и два стакана. При этомъ вожделѣнномъ зрѣлищѣ, все наше общество вдругъ пришло въ движеніе. Мужчины поспѣшно встали, произнося протяжно радостное «а!», собака встрепенулась, человѣкъ въ ливрѣ выдвинулъ объ ноги къ огню.

— Да когда же бываетъ у васъ лѣто? спросилъ блѣдный Молдаванъ, наливая себѣ стаканъ вина. — Лѣто? отвѣчалъ хозяйнѣ. — Здѣсь? Да никогда. Двѣ недѣли тепла, а тамъ опять холодно, а тамъ, смотришь, и снѣгъ, вотъ и лѣто.

Это значило, что мы остановились смѣнять лошадей въ бѣдной деревушкѣ, въ горахъ древняго Велѣ, т. е. въ Верхней-Оверни, и что крестьянинъ, попутчикъ нашъ, хозяйнѣ небольшого шинка, звалъ насъ къ себѣ отогрѣться.

И это было въ ночь на 15 мая.

Итакъ, вотъ эти севенскія деревушки, откуда, какъ-будто изъ земли, выходили одни за другими поборники столько времени ратовавшей противъ католицизма реформы! Здѣсь-то, въ этихъ пустыняхъ, погребенныхъ въ-теченіе большей части года подъ снѣгами, жила такъ долго и такъ смѣло мысль, дерзнувшая противостать первѣйшей власти среднихъ вѣковъ, войти съ нею въ неравную борьбу, биться не считая жертвъ; и наконецъ, распусая побѣдное знамя надъ полемъ, упитаннымъ кровью и пепломъ своихъ мучениковъ, воспѣтъ громкую пѣснь торжества. Здѣсь-то, подъ этими соломёнными кровлями, жила люди, которые писали: «Духъ Божій «вложилъ въ сердца наши мысль оставить ближнихъ нашихъ и все, «что было мило намъ, чтобъ идти въ-слѣдъ Христа Спасителя, и

«побороть Сатану и помощниковъ его. Онъ вложилъ въ насъ духъ «единства и любви, презрѣніе богатствъ и смерти. Духъ запрещалъ «намъ грабежъ, и солдаты наши обращали въ пепелъ селенія, не «касаясь золота, украшавшаго ихъ храмы и идоловъ. Долгомъ на- «шимъ было истребленіе враговъ Господа, а не обогащеніе. По «одному велѣнію Божию, начали мы святую войну, мы бѣдные, «простые люди, неопытные, не имѣя другой опоры, кромѣ Бога. Онъ «научилъ насъ на колыбяхъ встрѣчать первый непріятельскій огонь «и нападать воспѣвая священные псалмы. Онъ изгонялъ печаль изъ «сердцецъ нашихъ среди величайшихъ опасностей, въ дѣбряхъ и «вертепахъ, гдѣ скрывались мы, изнемогая отъ голода и жажды. «Но если внушенія Духа даровали намъ побѣды на полѣ битвы, «то сколько еще блистательнѣе торжествовали имъ на эшафотахъ «наши мученики! Тамъ-то Всемогущій явилъ свое величіе! Тамъ-то «было горнило, гдѣ испытывались истина и вѣра. Самъ Духъ свя- «тый внушалъ тѣ слова, исполненные утѣшенія, и тѣ гимны радости, «которые наши мученики произносили въ то время, когда кости «нихъ сокрушались на колесѣхъ и пламя пожирало ихъ члены.» (*)

Мнѣ сказывали, что и теперь еще есть въ горахъ деревеньки, столько бѣдныхъ, что жители ихъ о-сю-пору не знаютъ употребле- нія бѣлья. Бѣдный посѣвъ овса, картофеля и стада составляютъ все имущество этихъ людей. Въ хорошій годъ, семейство обеспече- но, по будъ засуха—трава пропадаетъ на вершинахъ, бѣдные бы- лики овса вянуть, напрасно ожидая пищи отъ тощей почвы, ед- ва-едва прикрывающей поверхность утесовъ, и тогда голодъ со всеми ужасами является на порогъ бѣдной хижины, и цѣлыя се- шейства оставляютъ деревню. Кто можетъ, идетъ работать въ Алѣ, Намъ, Ліонъ, въ Парижъ, гдѣ всѣ водовозы и большая часть по- сильщиковъ изъ Оверни. Кто остается, запирается въ своихъ хи- жинахъ. Снѣгъ, падающій въ сентябрѣ, отделяетъ ихъ отъ цѣ- лаго міра, и такимъ образомъ, въ глубокомъ уединеніи, въ совер- шенномъ лишеніи всѣхъ выгодъ жизненныхъ, они живутъ до ве- сны, слушая только свистъ горныхъ бурь да паденіе лавинъ. Го- ворятъ, что есть деревни, гдѣ овсяный хлѣбъ напекается до нова- го, и бѣдные жители употребляютъ его, размачивая въ волѣ.

Есть въ одномъ англійскомъ журналѣ («Foreign Quarterly Review») статья, повторенная въ «Revue Britannique» 1835 года, въ которой я нашла подробности о жизни Феликса Нефа, протестантскаго пасто- ра, добровольно поселившагося въ Севенахъ. Онъ показались мнѣ столько занимательными, что я позволила себѣ выписать ихъ. Для кого самоотверженіе въ пользу другихъ и простыя христіанскія до- бродѣтели имѣютъ какую-нибудь цѣну, тотъ не поскучается ею и, бытъ-можетъ, скажетъ мнѣ доброе спасибо.

Феликсъ Нефъ родился въ 1798 году, въ бѣдной деревенькѣ, недалеко отъ Женевы. До шестнадцати лѣтъ, единственнымъ па- ставникомъ и учителемъ его была вдова мать его; въ шестнадцать

(*) Elie Morion, изъ «Revue Britannique».

онъ былъ отданъ въ ученіе къ садовнику; но, подвязывая флокусы и обряжая грядки съ ренопулами, онъ не оставлялъ прежнихъ занятій, и отъ бездѣля читалъ Плутарха и Руссо, — такъ пишетъ его историкъ. Вскорѣ, однакожъ, онъ оставилъ заступъ для сабли, вступилъ въ военную службу и былъ сдѣланъ сержантомъ артиллеріи. Но призваніе его было не здѣсь. Строгій, набожный и кроткій, онъ скоро понялъ, что принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ избранныхъ, которыхъ жизнь съ любовію пишуть ангелы, тѣхъ избранныхъ, которымъ выпалъ прекрасный удѣлъ жить для блага братій. Онъ началъ учиться и, не смотря на труды, бѣдность и, конечно, улыбку сожалѣнія свѣтскихъ товарищей, вступилъ въ духовное званіе. Двадцати-четырехъ лѣтъ, онъ былъ уже священникомъ, и въ этомъ качествѣ прибылъ въ Севены. Убѣжденный, что никто болѣе священника не можетъ имѣть вліянія на нравы, совершенствованіе и счастье нижнихъ классовъ, онъ совершенно посвящалъ себя этому важному званію. Пламенная душа его указывала ему горныя вершины, какъ прекраснѣйшее и достойнѣйшее поприще подвиговъ, которыхъ она жаждала. — «Я всегда мечталъ» писалъ онъ въ одномъ изъ писемъ своихъ: «о счастьи возжечь пламеникъ христіанской любви и цивилизаціи въ альпійскихъ вершинахъ. Тамъ люди не знаютъ нашихъ свѣтскихъ утонченностей, и души ихъ сильнѣе и болѣе готовы къ принятію нравственнаго воздѣланія. Подъ прекраснымъ небомъ Лангедока цвѣтеть веселье, радость и нѣга; величіе мысли тамъ умолкаетъ подъ говоръ чувствъ; въ горахъ, съ каждою ступенью, люди становятся диче, необразованнѣе, но и сильнѣе. Гдѣ счастье легко и какъ-бы само навѣрывается, тамъ вѣра слабѣетъ, и гаснетъ свѣтильникъ добродѣтели. Нравственность всегда являлась мнѣ суровѣе и строже по мѣрѣ того, какъ, удаляясь отъ равнинъ, я приближался къ послѣднимъ ступенямъ горныхъ высей.»

Надобно видѣть, какъ онъ описываетъ своихъ горцевъ, простоту ихъ нравовъ, ихъ бѣдность и невѣжество. Тамъ онъ учитъ ихъ садить картофель, здѣсь, съ вступомъ въ рукъ, самъ копаеть землю и разбиваетъ камни, приготовляя путь горнымъ ручьямъ, которые проводятъ въ луга для напоенія ихъ во время засухи; тамъ, въ простой проповѣди, налагаетъ на слушателей своихъ, какъ заповѣдь церкви, новый способъ воздѣлыванія полей, или постройки хижинъ; тамъ заводитъ школу, учитъ дѣтей читать, писать и съ ними вмѣстѣ вечеромъ поеть священныя псалмы. Безъ всякаго сообщенія съ образованнымъ міромъ, безъ друзей, въ бѣдной хижинѣ, лишены всѣхъ удобствъ свѣтской жизни, одинъ съ своими дикарями, онъ становится ихъ отцомъ, другомъ. Прекрасною сказкою кажется подобная жизнь намъ, свѣтскимъ эгоистамъ, которые живемъ лишь для себя, не умѣя отказаться ни отъ малѣйшей прихоти для пользы даже друга; но, къ-счастью, есть свидѣтели, которые удостовѣряютъ въ истинѣ разказа; есть еще цѣлыя деревни, которыя благословляютъ имя добраго ватсыря, и мы, въ часы горькаго

сомнѣнія, можемъ еще, встрѣтивъ имя Нѣфа, съ упованіемъ поднять взоры къ небесамъ и сказать: да, человекъ еще можетъ такъ возвыситься.

Сколько смиренный пасторъ севенской деревни выше всѣхъ такъ высоко вознесенныхъ надъ людьми, славныхъ богатствомъ, родомъ и дарами, часто незаслуженными, слѣпой фортуны! Имя его миритъ съ человѣчествомъ; можетъ ли быть доля прекраснѣе? Нѣфъ умеръ на 31-мъ году своей жизни, изнуренный трудами, суровою пищею и климатомъ. Утѣшительно вѣрить, что онъ не одинъ шелъ своимъ прекраснымъ путемъ: есть и другіе священники, которые, узнавъ на опытъ, какое важное вліяніе могутъ они имѣть на народъ въ непрестанныхъ сношеніяхъ своихъ съ нимъ, и какою опорой могутъ быть обществу при подлежащемъ образованіи, принимаютъ на себя святой подвигъ севенскаго пастыря и посвящаютъ, какъ онъ, жизнь свою на распространеніе добрыхъ нравовъ, безъ котрыхъ напрасно будутъ писаны законы...

Утро застало насъ въ пространной равнинѣ; сѣрое небо сливалось въ густыхъ туманахъ съ окраиною снѣжной степи. Нигдѣ ни травки, ни листика; рѣдкія деревья, какъ оставы, стоятъ по краямъ дороги, рисуя на сѣромъ грунтѣ свою печальную сѣтку; вдали чернѣется лѣсъ; ближе — деревушка. Подъѣзжаемъ: глубокой снѣгъ сложился нависъ на соломенныхъ крышкахъ; на стѣнахъ еще видна сіяющая пыль, привитая вьюгою; съ застрешинъ льютъ капли и грязный ручей талой воды пробирается вдоль улицы...

Нигдѣ ни звука, ни жизни. Одинъ жаворонокъ кружится надъ бѣлою поляною, оглашая пустыню звонкою пѣснію.

Тамъ, за горами, и зелено и тепло; солнце ярко свѣтитъ, вивы богаты и лугъ благоухаетъ цвѣтами. Для чего не летитъ онъ туда? Что привязываетъ его къ этимъ мертвымъ полямъ, куда весна, кажется, заглядываетъ только ошибкою? Что объяснить этотъ чудный истиникъ, населяющій свободными жителями эмира каждый уголокъ земли, сколько бы печаленъ, сколько бы обиженъ природою онъ ни былъ? Кто скажетъ, для чего жаворонокъ пролетаетъ мимо богатыхъ нивъ Лангедока и свиваетъ гнѣздо въ бѣдныхъ посѣвахъ горца, въ высокихъ поляхъ, любимомъ привольѣ непогодъ?..

Мы проѣхали Прадель, небольшое мѣстечко, въ шести льѣ на югъ отъ Пюи, на одной изъ возвышеннѣйшихъ влоскостей Севенскихъ-Горъ. Онъ столько бѣденъ, столько печаленъ, что все это кажется труднымъ своимъ, и не вѣрится, чтобъ черезъ минуту опять не проснуться въ веселыхъ равнинахъ Лангедока.

Около полудня, однакоже, дорога пошла подъ гору. Мы начали примѣтно спускаться съ этихъ высокихъ равнинъ. Мало-по-малу, снѣгъ пропадалъ, показалась растительность и въ два часа по полудню, мы уже открывали вдали зеленыя долины, между которыми возвышается Пюи.

М. ЖУКОВА.

ТАЛИСМАНЪ.

(Изъ Гейне.)

Бѣдею сердцею и гарманомъ,
Болѣю тѣломъ и душой,
Я насильно какъ-то надумалъ
Осчастливить жребій свой.

Къ очарованному мѣсту
Съ заклинаньями припалъ,
И нечистому въ залатокъ
На себя росписку далъ.

Но ни счастья, ни веселья
Не привнесъ мнѣ демонъ мой,
И въ добавокъ, окаянный,
Онъ смѣлся надо мной!

— Другъ, внемли правоученю,
Кто-то мнѣ тогда сказалъ,
И на перстень, и на надпись
Талисмана указалъ:

- Часто, жребія невзгода
- Намъ къ хорошему ведетъ —
- Незвѣстно лишь, откуда,
- И когда ово прійдетъ.

- Часто, доброе въ началѣ,
- Подъ конецъ бываетъ злою:
- Кто жь поручится, что злое
- Не откликнется добромъ? •

5-го июля 1843 г.

А. СТРУГОВИЦКИНЪ.

Ж А КЪ.

Романъ Жоржа Занда.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ И ПОСЛЕДНЯЯ.

1.

Октавій къ Фернандъ.

Фернандъ, я болѣе не въ силахъ выносить... я задыхаюсь; мнѣ нужно говорить съ вами и потому бѣжать, или умереть у вашихъ ногъ. Я васъ люблю, вы это знаете. Жакъ и Сильви — два дивныя существа; но они безумцы, и я и вы тоже. Какъ могли они, какъ мы могли думать, что я, живя съ вами и съ Сильвиею, не влюблюсь наконецъ страстно и бѣшено въ одну изъ васъ? Сперва я увѣренъ былъ, что буду любить одну Сильвию и больше никого; но она не хотѣла этого, она отвергла мою любовь; ея упорство возмутило меня, и сердце мое привыкло наконецъ повиноваться ей; безъ ропота, безъ усилія покорилось оно дружбѣ, и точно, — это чувство сдѣлало меня счастливымъ, чѣмъ сама любовь. Тогда понялъ я, что всегда мнѣ должно было такъ любить Сильвию, и теперь всю жизнь я буду любить ее сильно, но спокойно, съ благоговѣнiемъ. А васъ, Фернандъ, васъ я люблю въ тысячу разъ болѣе ея, васъ я люблю восторженно, безнадежно, и долженъ бѣжать васъ! О, Боже, Боже! зачѣмъ я васъ ~~люблю~~.

Всякій день вы спрашиваете меня: отъ-чѣго я такъ печаленъ, не болѣнъ ли я; развѣ вы не понимаете, что я не братъ вамъ, что я не могу имъ быть? развѣ вы не видите, что я пью ядъ всѣмъ своимъ существомъ, что дружба ваша убиваетъ меня? Чтò я вамъ сдѣлалъ? за чтò вы любите меня съ этой безжалостной нежностью, съ этой безошадной кротостью? Выгоните, опо-

зорьте меня, или говорите со мной, какъ съ постороннимъ, какъ съ незнакомцемъ. Я пишу къ вамъ съ надеждой раздражить васъ; что бы вы ни сдѣлали, какое бы несчастье со мной ни случилось, все будетъ лучше, по-крайней-мѣрѣ это будетъ переѣмна: убійственная тишина, въ которой мы живемъ, душитъ меня и дѣлаетъ изъ меня безумца. Я долго счастливъ былъ съ вами. Ваша дружба, которая раздражаетъ и мучитъ меня теперь, въ первые мѣсяцы нашего знакомства была небеснымъ бальзамомъ для ранъ моего растерзаннаго сердца. Неизвѣстность, какая-то надежда волновали меня тогда; непонятныя, необъяснимыя желанія, цѣлью которыхъ, казалось, была вѣчность съ вами, тревожили меня, наполняли душу восторгомъ. Все земное меня утомило; Сильвія въ послѣднее время сдѣлала изъ любви тяжкое, досадное бремя; все, что я вынесъ, когда потерялъ ее и снова нашелъ и наконецъ опять потерялъ, до того меня сокрушило, что я уже ни на что не надѣялся въ этомъ мѣрѣ и готовъ былъ жить однимъ мечтами. Фернанда, я должепъ вамъ все сказать; лишь-только я васъ увидалъ, я полюбилъ васъ, не мирной, не братской любовью, какъ я вамъ говорилъ, но любовью упоительной и романической. — Я предался этому сильному и чистому чувству; если бы я былъ отвергнутъ вами, быть-можетъ, тогда же обратилось бы оно въ сильную страсть; по вы приняли меня съ такимъ довѣріемъ, съ такою искренностью! И потомъ Жакъ съ благороднымъ прямодушіемъ пригласилъ меня раздѣлить счастье видѣть васъ каждый день, и я привыкъ наконецъ смотрѣть на васъ, не смѣя имѣть другихъ желаній. Я думалъ, что такого счастья будетъ достаточно для меня, и что въ тотъ день, когда это чувство заставитъ меня невыносимо страдать, я всегда найду довольно въ себѣ силы, чтобъ васъ бѣжать; но теперь, признаюсь, я чувствую болѣе силы умереть.

Гдѣ то время, когда одно лобзаніе вашей руки дѣлало меня счастливымъ? когда одинъ вашъ взглядъ оставался на всю ночь въ моей душѣ, въ глазахъ моихъ? Я исповѣдаюсь предъ вами, Фернанда; я во снѣ обладалъ вами — и этого было для меня достаточно. Любовь къ Сильвіи, еще не совсѣмъ угасшая, время отъ времени снова разгаралась во мнѣ, и сердце мое переносилось отъ Сильвіи къ вамъ, отъ васъ къ ней, смотря по обстоятельствамъ, которыя болѣе внутренно и задушевно меня приближали къ одной изъ васъ. — Сколько разъ я сжималъ въ своихъ объятіяхъ призракъ съ чертами лица Сильвіи и съ чертами вашего лица, и какъ часто длинные, черные волосы ея, переѣшанные съ золотистымъ шелкомъ кудрей, раскинувшись, покоились на моемъ сердцѣ, на плечахъ моихъ! Въ безпамятствѣ, въ бреду счастливыхъ этихъ ночей, я попереѣшчно звалъ васъ и умолялъ о любви, и мнѣ казалось, что вы обѣ сходили съ неба и цаловали меня въ чело; по нечувствительно черты Сильвіи въ призракъ стали пропадать, исчезать, наконецъ исчезли и вы являлись предо мною... Иногда только, по привычкѣ, или отъ страха, или, можетъ-быть, отъ раскаянія, я вызывалъ образъ

вашей подруги, но она болѣе уже не отвѣчала мнѣ; и вы безпреставно проходили предъ моиѣ глазами какъ откровеніе моеѣ судьбы. Тогда я предался страсти, тогда я началъ страдать, и мученія мои приносилъ вамъ въ жертву. Я видѣлъ, вы благородно были влюблены въ Жака; я уважаю и боготворю этого человѣка: какъ же могло родиться у меня желаніе отнять у него все, что есть драгоценнаго на землѣ? Я бы лучше убилъ его. Долго эта мысль о добродѣтели и преданности поддерживала мою рѣшимость; я говорилъ себѣ: благороднѣе и легче было бы бѣжать васъ и о всемъ молчать на вѣки; но ужь поздно, — я не могъ этого сдѣлать; мнѣ все казалось сноснымъ, лишь-бы безпреставно видѣть васъ. Я восемь мѣсяцевъ молчалъ; я геройски перенесъ эту страшную зиму, проведенную вѣдь васъ и почти съ вами одними, потому-что вы не можете не согласиться, что мы четверо составляемъ двухъ: Жакъ и Сильвія — вотъ одно существо; мы съ вами — другое; они во всемъ понимаютъ другъ друга, — мы тоже. Когда мы все вмѣстѣ, мы точно два друга, которые повѣряютъ одинъ другому свои удовольствія, свои огорченія и рассказываютъ свои мысли и чувства. Я и вы — мы ничего не говоримъ; у насъ одна душа, и намъ не нужно выражать того, что мы оба чувствуемъ. Могущественная, дивная симпатія! я втайнѣ долго упивался ею; но наконецъ мнѣ нужно выразить ее; мнѣ нужно излить ее наружу. Не словами мы можемъ понимать другъ друга: зачѣмъ они? взоры и біенія нашего сердца умѣютъ отвѣчать на языкѣ понятномъ. Но этотъ огонь, который начинаетъ разгораться, становится съ каждымъ днемъ ужаснѣе; для него нужно крѣпкое пожатіе рукъ, для него нужны пламенные объятія... потому-что ты, быть-можетъ, любишь меня?... Простите мнѣ, Фернанда, я безумецъ. Прощайте! Я завтра ѣду. — Не презирайте меня: я сдѣлалъ все, что могъ; больше у меня нѣтъ силъ.

И.

Фернанда къ Октавію.

Октавій, Октавій, что ты дѣлаешь? Ты заблуждаешься, ты безумствуешь!.. Ты мой братъ; ты клялся въ этомъ предъ Богомъ и передъ мною; ты не можешь нарушить клятвы, ты не можешь очернить себя до такой степени; нѣтъ, это невѣроятно; я тебя знаю, — ты такъ чистъ и благороденъ. Могу ли тебя любить иной любовью, кромѣ любви? Что за страшныя мысли мучать твою бѣдную голову? — Ты боленъ. О, мой милый Октавій! ты страдаешь, я это вижу; призраки, вызванные въ бреду горячки, беспокоятъ твой сонъ; умъ, память, рассудокъ остаются у тебя. Ты думаешь, что ты влюбленъ въ меня; но, если бы я отвѣчала этой любовью, ты вѣрно бѣжалъ бы отъ нея, какъ пре-

ступленія. Нѣтъ, другъ мой, такъ какъ ты думаешь, ты не любишь меня; ты чувствуешь только потребность любить, и потому ошибаешься. Ты любишь Сильвію, и если не ее, такъ верно какое-нибудь другое существо, которое существуетъ для тебя въ другомъ мѣстѣ и куда тебѣ надобно идти за нимъ. Да, ты правъ, узнай, путешествуй; надобно разсѣять грусть. Увы! ты не могъ здѣсь жить, а я думала, что мы будемъ въ состояніи состарѣться вмѣстѣ, и такъ была счастлива этой мыслию! Но ты вылетѣвши и возвратишься къ намъ. Ты возвратишься, Октавій, съ подругой, достойной тебя, и общее счастье наше будетъ болѣе-мирно, болѣе-свѣтло. Ты говоришь: я должна была отгадать твою любовь; нѣтъ, я прожила бы тысячу лѣтъ воалѣ тебя съ святымъ довѣріемъ на твоё слово, и никогда не подумала бы, что ты можешь нарушить клятву, даже въ тайникѣ своего сердца. Я и теперь еще увѣрена, что ты обманываешься; я смотрю на твою печаль съ тѣмъ же изумленіемъ, съ тою же заботливостью, какъ бы смотрѣла на тебя, если бы ты былъ застигнутъ внезапнымъ недугомъ, припадкомъ сумасшествія или страшными конвульсіями. Если бъ это случилось на самомъ дѣлѣ, что бы я могла тогда чувствовать? Разумвется, твою боль заставила бы меня столько же страдать, сколько и тебя самого. Я не могла бы сердиться на свое чужество и считать его преступнымъ, виновнымъ. Я съ нежностью ухаживала бы за тобою, какъ за братомъ; я употребила бы всѣ средства, чтобъ успокоить тебя рѣчами кроткими и ласками и, знаю, это много сдѣлало бы тебѣ добра. Мой милый другъ, прійди въ себя и возвратись къ намъ, забывъ навсегда этотъ губительный припадокъ. Сожжемъ эти два письма и не будемъ никогда упоминать объ нихъ. Это былъ сонъ, и больше ничего. Никто не слышалъ словъ, тобою произнесенныхъ въ бреду; они погребены въ моемъ сердцѣ и не нарушатъ ни нежности его, ни тишины. Дружба, подобная нашей, можетъ ли быть уничтожена минутой заблужденія и страданія? Поѣзжай, мой другъ; но возвратись безъ страха, безъ стыда тотчасъ, какъ будешь исцѣленъ. Эта молнія не оставитъ никакой мрачной черты на нашемъ прекрасномъ небѣ, и ты найдешь насъ все тѣми же, какими оставилъ.

III.

Октавій къ Фернандъ.

Ты права, милая сестра моя, — я безумецъ; мозгъ мой разстроенъ, сердце болитъ; мнѣ нужно призвать на помощь все свое мужество и увѣять. Фернанда, ты ангелъ; какое письмо ты мнѣ написала! Ахъ! ты никогда не узнаешь добра и зла, которое оно мнѣ сдѣлало; увѣрь себя, что это болѣзнь; и постарайся увѣрить меня, что

я вылечусь и буду въ состояніи возвратиться; потому-что мысль оставить тебя навсегда — выше силъ моихъ. Напомни мнѣ мою клятву и святость нашихъ узъ, напомни шилое, достойное уваженія имя Жака, скажи мнѣ все, что должно сказать, чтобъ дать мнѣ силу, въ которой я нуждаюсь. Ты мнѣ дашь ее, Фернанда: твоя кропотливость и состраданіе спасаютъ насъ обоихъ. Я не ожидалъ этой снисходительной нежности, съ которой ты меня отвергаешь и вмѣстѣ съ тѣмъ сожалѣешь; я думалъ, что ты сурово отвергнешь меня, и что я буду любить тебя и менѣе уважать. Тогда, горе тебѣ! я остался бы и, можетъ-быть, погубилъ бы тебя. Но что могу сдѣлать предъ добродѣтельною столь спокойною, столь сострадательною? Даже самый подлый изъ людей упалъ бы на колѣни передъ тобою, — а ты знаешь, что я честенъ... я буду мужественъ. Прощай, Фернанда; прощай, нежно любимая сестра моя; прощай, моя единственная и послѣдняя любовь; пусть будетъ со мной, что Богу угодно, — я или вылечусь, или умру. Но не въ томъ дѣло, а главное, что ты остаешься счастливою и чистою; я ибѣду съ этою мыслью, и она поддержитъ меня.

Простите меня въ одноиъ воровствѣ: браслетъ, который вы бросили мнѣ въ окошко, принявъ меня за Жака, никогда меня не представлялъ. Тотъ, который у васъ, есть не что иное, какъ копія, сдѣланная мною въ Лионѣ; я отдалъ ее вамъ, чтобъ не оскорбить васъ сопротивленіемъ. Я не могъ разстаться съ этимъ первымъ задогомъ чувства, сдѣлавшагося для меня столь необходимымъ и столь пагубнымъ; теперь, сознавая мое сердце виновнымъ, я не смѣю увезти этотъ браслетъ безъ вашего позволенія. Вы не отнимете его у меня, когда я ѣду — можетъ-быть, навсегда. Я приношу самую страшную жертву: не-уже-ли вы будете безжалостны? За мое самоотверженіе я заплачу, быть-можетъ, жизнью; а ваше великодушіе вамъ ничего не стоить, ибо никто не можетъ отгадать обмана. Я стеръ съ герба моего браслета вѣзель Жака, перевитый съ вашимъ, и замѣнилъ его своимъ. Если, въ эту страшную и торжественную минуту моей разлуки съ вами, вы отдадите мнѣ этотъ залогъ дружбы и прошенія, — онъ сдѣлается для меня драгоценнѣе, чѣмъ былъ когда-нибудь. — Сегодня вечеромъ я объявлю, что ѣду завтра; я найду предлогъ и дамъ обѣщанье возвратиться. Будьте спокойны, я не обнаружу себя. Но не-уже-ли я уѣду, не сказавъ тебѣ прощай, не покрывъ твоихъ рукъ слезами? Не избѣгай случая остаться со мною наединѣ, какъ ты дѣлала вчера, Фернанда; чего боишься ты? развѣ ты не увѣрена въ себя? Да еслибъ и нашла на меня минута слабости и отчаянія, развѣ ты не знаешь, что одного слова твоего достаточно, чтобъ видѣть меня у ногъ твоихъ тихимъ, покорнымъ?... Не убѣгай меня, не заставляй меня страдать въ этотъ послѣдній день, который я проведу съ тобою. Если слезы мои тебѣ непріятны, если мои жалобы утомляютъ тебя, — будь мужественна: вѣдь мнѣ нужно больше твердости, чтобъ тебя оставить. Подумай: роль твоя завтра

будетъ кончена и завтра же для меня начнется страшная участь, участь вѣчная! Подумай только, что я на ступеняхъ эшафота, и что Богъ вознаградитъ тебя за милосердное слово, которое ты скажешь, посылая меня на мученичество!

IV.

Октарій къ Фернандъ.

О, мой ангелъ, о моя возлюбленная! мы спасены! Да защититъ тебя Богъ своими благословеніями, самое чистое, въ Его твореній! Да, ты права: если кто хочетъ, тотъ можетъ быть твердъ, и небо не оставляетъ въ опасности тѣхъ, которые предаются ему со всею искренностью сердца. Что бъ было со мною вдали отъ тебя? Душа моя запятнала бы себя огорченіями, неистовствами, замыслами и, можетъ-быть, безумными предпріятіями, чтобъ найти тебя опять и овладѣть тобою, тогда-какъ теперь ты поможешь мнѣ быть добродѣтельнымъ и спокойнымъ, подобно тебѣ. Безпрестанное созерцаніе ангельской ясности прольетъ то же спокойствіе, ту же тишину въ мое сердце и мои чувства. Я погибъ бы безъ помощи твоей руки; позволь же прижать мнѣ эту руку къ моимъ устамъ, и пусть она ведетъ меня, куда ей угодно. Я готовъ на всѣ жертвовапія; я буду молчать; излечусь отъ своего недуга. Но развѣ я не исцѣленъ? развѣ я не испытала своихъ силъ въ продолженіи этихъ часовъ ночи, которые ты позволила мнѣ провести въ твоей комнатѣ? Въ безпамятствѣ, какъ сумасшедшій, я всталъ, чтобъ идти съ тобою проститься. И надобно же было случиться, чтобъ Жакъ уѣхалъ имсина вчера вечеромъ среди самаго жестокаго припадка моей горячки и моего заблужденія! — Это была воля судьбы! Еслибъ ты не согласилась меня видѣть, я выломалъ бы твою дверь, ибо я не зналъ, что я дѣлаю; но ты ее отперла, и очень-хорошо поступила. Скажи, какое неистовство, какая сила могутъ противиться доврчивости существа столь цѣломудреннаго, какъ ты? Ты не спала, обожаемое дитя, ты даже не была раздѣта, и молилась за меня! Богъ услышалъ тебя! Въ эту минуту, ты такъ была прекрасна, такъ свѣтла въ твоемъ бѣломъ платьѣ, съ русыми волосами, распущенными по плечамъ, съ нѣжной улыбкой на устахъ, съ большими глазами еще влажными отъ слезъ, пролитыхъ за меня, что ты казалась мнѣ дѣвственницею елсейскихъ полей — и я во прахъ упалъ къ ногамъ твоимъ. Съ какою благосклонностью ты выслушала скорбь мою, съ какою невыразимою нѣжностью отерла слезы мои! и, о безумство, ты вся въ слезахъ обвиняла меня! Но что ты за безтѣлесное созданье? и какое небесное могущество дадо тебѣ слыше, чтобъ укрощать порывы

вы отчаянія тѣми же ласками, которыя зажигаютъ ихъ? Твои губы были такъ свѣжи на моемъ раскаленномъ челѣ! Казалось, какой-то неизяснимый бальзамъ проникъ въ мои жилы, и кровь моя сдѣлалась такъ же чиста и такъ же тиха, какъ кровь дѣтей твоихъ, спавшихъ во мнѣ насъ! Какъ хороши твои дѣти и какъ я люблю ихъ! Уже теперь на лицѣ твоей дочери-малютки виденъ отблескъ твоей дѣвственной души. Еслибъ ты меня прогнала, я похитилъ бы ее: я не могъ бы оставить эту колыбель, гдѣ такъ часто ее усыплялъ... Сокрушается душа моя при мысли, что въ продолженіи восьми мѣсяцовъ, окруженный отвсюду самой нѣжной любовью, самую иѣжную привязанностью, я теперь буду одинъ, буду оставленъ всеми. Съ тобою, драгоценное сокровище, сколько благъ я потерялъ бы: великую, возвышенную, прекрасную дружбу Сильвіи, дружбу Жака, за которую я готовъ заплатить мою кровію! Гдѣ я нашелъ бы подобныя сердца? кто могъ бы сдѣлать для меня жизнь сносною вдали отъ насъ? — Будь благословенна, Фернанда! ты не хотѣла моего отчаянія, и когда я спросилъ у тебя: можемъ ли мы жить безъ опасности одинъ во мнѣ другаго, — самъ Богъ внушалъ тебѣ отвѣтъ. Это да... съ какою довѣрчивостью, съ какимъ энтузіазмомъ ты произнесла его! Оно поразило меня электрическимъ содроганіемъ; могъ ли я надѣяться на это слово ободренія и прошенія! Одной минуты, одного слова достаточно было, чтобъ сдѣлать изъ меня другаго человѣка. Теперь и я увѣренъ въ себѣ, потому-что ты во мнѣ увѣрена; было бы низостью съ моей стороны бѣжать, когда я могъ побѣдить себя; и притомъ, будто это такъ трудно? Я не понимаю, отъ-чего я былъ одержимъ этими бѣшенными волненіями; отъ-того, что опасность всегда страшнѣе намъ кажется вдали, нежели вблизи; отъ-того, что тогда, когда я признавалъ необходимость или бѣжать, или насъ и увлечь тебя съ собою, я не зналъ тебя, — тебя, недостижимой ни для какого плена человеческого. Я не могъ себѣ представить, чтобъ, признавшись тебѣ въ своихъ мученіяхъ, я, вмѣсто робости и гнѣва, нашелъ на твоихъ губахъ это безстрастное довѣріе, на твоихъ устахъ эту сострадательную улыбку. Я думалъ, что ты съ ужасомъ вырвешься изъ моихъ объятій и съ негодованіемъ отвернешься отъ меня, когда приближу я свои уста къ твоему лицу, чтобъ напечатлѣть на немъ, какъ бывало въ прежніе дни, братскій поцалуй. Но невинность твоя пренебрегаетъ всѣми опасностями обыкновенныхъ людей и спокойно продолжаетъ ихъ.

Я буду умиять и возвыситься до тебя, и вмѣстѣ съ тобою ровнымъ полетомъ посылаться надъ бурями земныхъ страстей высоко въ лазурномъ, безоблачномъ небѣ. Позволь тебя любить, позволь дать имя «любви» этому чудному, высокому чувству, овладѣвшему мной; дружба — холодное слово, слово плебейское, недостойное пламеннаго чувства; но не создалъ бѣдный языкъ человеческій имя для его названія. Развѣ не зовутъ любовью дружбу матерей къ ихъ дѣтямъ? А то, что вдохнула ты мнѣ, сродни всѣмъ этимъ чувст-

вамъ; но оно еще болѣе ихъ, еще ихъ выше. Знай, Фернанда, надобно много любить тебя, чтобъ ощутить тишину, сошедшую на меня въ эти шесть часовъ. Странное дѣло! Когда я возвратился домой, очищенный твердою рывимостью, утишенный дѣвственнымъ лобзаньемъ твоимъ, я заснулъ глубокимъ, благодѣтельнымъ сномъ, какого не испытывалъ уже три мѣсяца, а проснулся еще спокойнѣе и радостнѣе. Сколько добра сдѣлали мнѣ слова твои! Пиши мнѣ, повтори мнѣ все, что ты сказала, чтобъ я на колымажкахъ могъ перечестъ, когда облако меланхоліи пройдетъ по моему прекрасному небу, чтобъ я снова могъ найти твой чистый свѣтъ, звѣзда моя! о, моя блестящая путеводительница! Мнѣ кажется, я вижу солнце въ первый разъ, — такъ молода и прелестна природа сегодня утромъ! Я сейчасъ услышалъ первый ударъ колокола, который зоветъ тебя къ завтраку, и трепетомъ, какъ на голосъ друга, отвѣтствовалъ ему. Какая дивная жизнь! какъ мы счастливы! какъ близко живу я отъ тебя, Фернанда! Вѣтеръ съ запада приноситъ мнѣ шумъ и говоръ твоего дома и благоуханіе твоего сада. У меня еще довольно времени, чтобъ одѣться и идти сѣсть за однимъ столомъ съ тобою, прежде нежели Сильвія успеетъ методически расположить свои книги и карандаши въ большой залъ. Какъ! я опять все увижу, все, что думалъ оставить навсегда вчера вечеромъ! Опять буду болтать и смѣяться за этимъ завтракомъ, гдѣ позволено облакачиваться и вставать изъ-за стола сколько разъ хочешь? Опять буду пѣть съ тобою любимый нашъ дуэтъ? О, какой праздничный день! Еслибъ ты знала, какъ хороша была луна при закатѣ этимъ утромъ, когда я черезъ долину шелъ домой! Какъ чудно влажная трава была усыана блестящими алмазами, какимъ свѣжимъ, сладостнымъ ароматомъ дышали цветы-первенцы мицальныхъ деревьевъ! Но ты сама наслаждалась всѣмъ этимъ, ты стояла у окна, и я до-тѣхъ-поръ глядѣлъ на тебя, пока позволяло мнѣ пространство. Ты глазами слѣдила за мной, мой прекрасный другъ! ты молитвами сопровождала меня, ты просила Бога сохранить чистымъ твореніе твоихъ чистыхъ услій, эту новую душу, мнѣ данную тобою, эту новую добродѣтель, мнѣ тобою откровенную! Но будетъ, будетъ! складываю письмо и иду. Сейчасъ взглянулъ въ зрительную трубу, прикрепленную къ моему окошку и направленную на твое жилище; я видѣлъ Сильвію въ ея голубомъ платьѣ, въ саду. Ты спишь еще, мой ангелъ, или одѣваешь дѣтей своихъ. Я сейчасъ тебѣ помогу и заиграю на гобой, чтобъ помѣшать твоей дочери кричать, когда ты будешь надѣвать ей чулки. А Жакъ нашъ? Онъ возвратится сегодня вечеромъ, не правда ли? Я обниму его, какъ-будто десять лѣтъ не видалъ! Тебя, тебя я не буду болѣе обнимать; но ты позволишь мнѣ цаловать твои ноги, полу твоего платья сколько я захочу.

V.

ФЕРНАНДА КЪ ОКТАВІЮ.

Самое ужасное и невозможное въ вашемъ намъреніи было — оставить насъ. Я очень-хорошо знала, что вы скорѣе въ состояніи будете задушить въ себѣ другую пагубную мысль, нежели покинуть меня. Я надѣялась на вашу дружбу, когда вамъ говорила: «Да, ты можешь это сдѣлать; останься, Октавій; откажись отъ преступныхъ мечтаній, сдѣлай благородное усиліе надъ самимъ-собою; открой глаза: смотри, какъ ты любимъ, какъ ты можешь быть счастливъ среди этихъ трехъ друзей, которые тебя любятъ одинъ болѣе другаго, и какъ ты будешь страдать въ удивленіи; мучимый раскаяніемъ, что сокрушилъ одно изъ этихъ прѣмыхъ, простыхъ сердецъ, убитый грустью, что опечалилъ двухъ друзей своимъ отъездомъ. Вглядиись въ свою душу, смотри, какъ она прекрасна, молода, могуча: не-уже-ли она не можетъ изъ двухъ жертвъ выбрать самую благородную, самую великодушную? Развѣ ты не увѣренъ, что она всегда будетъ управлять твоими страстями? Хочешь ли заставить меня думать, что чувства повѣлываютъ твоимъ сердцемъ? Не буду ли я всегда здѣсь, чтобъ ободрить твое мужество, если оно начнетъ ослабѣвать? Будешь ли глухъ къ моему голосу, когда я буду умолять тебя? И эти тихія слезы, которыя ты проливаешь теперь, изсякнутъ ли онѣ, когда мои полюбуются?» О, милый Октавій! когда я тебѣ такъ говорила, я чувствовала себя вдохновенною; какое-то довѣріе, какаютто чудесная вѣра низошли въ мою душу; и точно, на чудо походили и рѣшимость моя и твой энтузіазмъ въ эту минуту; Ты не знаешь, какъ ты былъ прекрасенъ, когда, упавъ на колѣни и поднявъ руки къ небу, призывалъ его въ свидѣтели клятвъ своихъ; когда твое блѣдное лицо вдругъ оживилось, вдругъ покрылось румянцемъ, когда усталые, почти погасшіе глаза твои зажглись везапнымъ пламенемъ! Небесный лучъ оставилъ отраженіе на челѣ твоемъ, и съ этого времени другое выраженіе, другая красота, которыхъ я прежде не знала, лежатъ на тебѣ. Твой голосъ также измѣнился: теперь въ немъ есть что-то, что сладостною музыкою проникаетъ въ душу мою, и когда ты читаешь вслухъ, я не слышу словъ, не понимаю ихъ смысла; одна гармонія твоего голоса потрясаетъ меня и рождаетъ во мнѣ желаніе плакать. Я сама стала совсѣмъ другою; у меня явились новыя способности; мнѣ сдѣлалось понятнымъ множество вещей, которыхъ я вчера не понимала; мое сердце сдѣлалось теплѣе и богаче, я люблю мужа, сестру Сильвію, люблю дѣтей болѣе, нежели когда-побуду, и къ тебѣ, Октавій, чувствую любовь, которой не будучи названія... О! какъ ты великъ, чистъ и свѣтелъ, другъ мой! Какъ ты непохожъ на другихъ людей, и какъ немногіе изъ нихъ въ состояніи понять

тебя! Что было бы со мной, еслибъ ты насъ оставилъ? Одна мысль потерять тебя еще заставляетъ меня болѣзненно содрогаться. Знаешь ли, другъ мой, какъ ты намъ необходимъ, и въ-особенности мнѣ? Ты прежде писалъ, что мы оба составляемъ одно существо, и это правда. Никогда два характера не были такъ сходны, никогда два сердца не понимали такъ другъ друга, какъ наши. Жакъ и Сильвия похожи между собою, но непохожи на насъ, и вотъ отъ-чего мы ихъ такъ любимъ, вотъ отъ-чего мы могли влюбиться въ нихъ; но мы не можемъ быть влюблены другъ въ друга. Для любви нужна пища, и эта пища, какъ мнѣ кажется, состоитъ въ различіи вкусовъ и мнѣній, въ этихъ мелкихъ страданіяхъ, въ этихъ прощеніяхъ, въ слезахъ, — однимъ словомъ, во всемъ, что можетъ раздражить чувствительность и пробудить ежедневныя заботы. Дружба, братская любовь, если хочешь, болѣе-счастливы и болѣе-чисты: это убѣжище отъ всѣхъ золъ жизни, это высочайшее утѣшеніе въ страданіяхъ, порождаемыхъ любовью. Прежде, нежели я тебя узнала, у меня былъ другъ, которому я повѣряла все свои горести, и хотя онъ былъ очень-суровъ, очень-строгъ въ своихъ отвѣтахъ, но одна привычка описывать ему всѣ малѣйшія происшествія моей жизни облегчала меня уже отъ большой тяжести. Ты читалъ письма Клемансы и заклиналъ меня смѣнить эту повѣршную, отдавъ тебѣ ея должность. Не знаю, была ли она, какъ ты утверждаешь, ложнымъ и дурнымъ другомъ; но, безъ-сомнѣнія, она всегда ниже тебя, мой добрый Октавій. Какъ далеко не обладаетъ эта Клеманса твоею кротостью и твоею чувствительностью! Она меня пугала, а ты убѣждаешь; она грозила неизбѣжнымъ зломъ, а ты научаешь убѣгать его, ибо, конечно, у тебя столько же ума и разсудительности, сколько и у ней, и даже болѣе: ты знаешь, какъ нужно говорить со мной, чѣмъ можно убѣдить меня. Съ-тѣхъ-поръ, какъ ты здѣсь, какъ я привыкла всякую минуту открывать тебѣ сердце, я излечилась отъ многихъ маленькихъ нравственныхъ болѣзней и исправилась отъ безчисленныхъ недостатковъ, которые смущали и нарушали мое счастье. Ты научилъ меня съ покорностію принимать страданіе всеневной жизни, споспѣшить несовершенства любви, требовать только возможнаго отъ сердца человѣческаго, внушилъ мнѣ справедливость и научилъ, какъ надобно любить Жакъ, чтобъ сдѣлать его счастливымъ. Мое и его счастье — твое произведеніе, милый другъ мой! и я такъ привыкла прибѣгать къ тебѣ во всемъ, что счастье мое было бы разрушено въ тотъ самый день, когда бы я тебя лишилась; быть-можетъ, я впала бы въ прежнія ошибки и потеряла бы навсегда плоды твоихъ совѣтовъ. Итакъ, останься и никогда не говори о разлукѣ. Наша жизнь будетъ еще прекраснѣе, нежели какою она была досихъ-поръ. Дети мои подрастутъ на твоихъ глазахъ, и мы будемъ ихъ воспитывать. Мы столько же позаботимся объ ихъ умѣ, сколько теперь ухаживаемъ за ними. Послѣ нихъ и послѣ Жака, ты всегда будешь для меня самымъ дорогимъ челоѣкомъ въ свѣтѣ,

потому-что я люблю тебя еще больше, нежели Сильвию, хотя и смотрю на нее, какъ на сестру, и привязана къ ней, какъ къ сестрѣ. Но твой характеръ имѣеть болѣе симпатіи съ моимъ, и я чувствую болѣе увлеченія и довѣренности къ тебѣ, особенно теперь, когда мнѣ кажется, что мы составляемъ одно существо.

Оставь мой браслетъ, но съ условіемъ: ты велишь на немъ вырвать вѣзель Жака, не стирая своего собственнаго; пусть она оба будутъ перевиты съ моимъ, и да не разлучитъ меня твое сердце ни съ нимъ, ни съ тобою!

VI.

Жакъ къ Сильвию.

Ферма Блосса.

Ты спрашивала меня вчера, зачѣмъ я такъ часто ѣзжу въ Блоссу, и упрекала за то, что я съ нѣкотораго времени нищу уединенія. Это правда; никогда я не чувствовалъ такъ живо потребности быть однимъ и предаться размышленію. Это пустынное мѣсто съ своими дикими видами мнѣ нравится и дѣлаетъ мнѣ много добра. Я чувствую, какая-то неумолимая рука, хотя и въ строгости своей еще похожая на руку отца, влечетъ меня въ глушь этихъ безмолвныхъ лѣсовъ, чтобъ тамъ научить меня преданности Провидѣнію. Я сажусь у корня вѣковыхъ дубовъ и тамъ припоминаю всю жизнь свою. Это меня успокоиваетъ.

Развѣ ты не знаешь, что со мной? Развѣ ты не замѣтила, что Октавій любитъ жену мою? Долго любовь эта была невинная и романтическая, но она начинаетъ усиливаться, и если Фернанда еще не видитъ ея, то она не замедлитъ ее увидѣть. Мы были неблагоразумны, оставивъ ихъ жить вмѣстѣ; они такъ молоды! Но что бы могли мы сдѣлать? Ты не могла притворяться и требовать любви, которую отвергла. Твоя гордость отказывалась отъ всего, что могло бы имѣть видъ низкой ревности или оскорбленнаго тщеславія. Для меня еще было хуже; я сперва несправедливо обвинилъ этихъ бѣдныхъ молодыхъ безумцевъ; я чувствовалъ, что былъ много виноватъ предъ ними, и страхъ еще разъ обмануться принудилъ меня закрыть на все глаза. Признаюсь, не смотря на очевидность, я еще не рѣшаюсь вѣрить, чтобъ Октавій былъ въ нее влюбленъ. Онъ такъ сначала былъ увѣренъ въ себя, такъ былъ счастливъ съ нами послѣдній этотъ годъ! но, начиная съ зимы, дѣлался болѣе-и-болѣе тревожнымъ и разсѣяннымъ, а теперь совершенно-болѣе грустно. Октавій честный человекъ; онъ сталъ холоденъ и сухъ со мною. Онъ не можетъ скрыть тягость и смущеніе, которыя я ему причиняю; не смотря на то, онъ чистосердеч-

но любить меня. Вчера вечеромъ, когда я сѣдла на лошадь, онъ былъ со мною и говорилъ о поездкѣ, которую намѣренъ сдѣлать скоро въ Женеву. Я понялъ, что онъ хотѣлъ удалиться отъ Фернанды; я молча пожалъ ему руку, и онъ бросился въ мои объятія, произнеся: «а! мой добрый Жакъ!..» потомъ вдругъ остановился, и заговорилъ о моей лошади. Бѣдный Октавій! онъ несчастливъ, и мы тому виновны: мы предали его опасностямъ молодости. Но гдѣ бы онъ ихъ не встрѣтилъ? и гдѣ бы съ ними боролся такъ дѣлственно?

Онъ уйдетъ, я въ этомъ увѣренъ, и можетъ-быть въ этотъ часъ, когда я къ тебѣ пишу, онъ уже уѣхалъ. Что-то необыкновенное было на его лицѣ, какъ-будто онъ принялъ тягостное, но твердое намѣреніе. Меня же самого заставило тотчасъ уѣхать на ферму страшное смущеніе, которое я замѣтилъ на лицѣ жены во время обѣда; до-тѣхъ-поръ, я былъ убѣжденъ, что она не имѣетъ ни малѣйшей мысли о любви Октавія; а теперь я не знаю что думать. Правда, она страдаетъ съ некотораго времени; отнятіе отъ груди дѣтей утомляетъ ее, и изобиліе молока еще чаще ее беспокоитъ. Я не хотѣлъ внимательнѣе смотреть за нею; мнѣ было страшно. Что бы ни произошло между ими, но съ той минуты, когда Октавій рѣшился ѣхать, я не долженъ былъ дѣлать ему болѣе-грустнымъ, болѣе-тяжкимъ этотъ день, послѣдній, можетъ-быть, который онъ проведетъ возлѣ нея. Я увѣренъ теперь въ намѣреніи и благоразуміи Фернанды; она удалитъ Октавія, но оскорбивъ, но и не раздраживъ его страсти бесполезными доказательствами силы. Я видѣлъ, что мнѣ нужно было предоставить ей свободу дѣйствовать, и что мое славное довѣріе будетъ лучшимъ возможнымъ ручательствомъ въ ея добродѣтели.

Никакое безпокойство не тревожитъ меня; но я грустенъ, скученъ, глубоко недоволенъ собою. Былъ у меня искренно-любящій, преданный другъ, и вотъ нужно, чтобъ онъ ѣхалъ въ отчаяніи, потому-что я существую на свѣтъ. Вы наслаждались прекрасною; задушевною жизнью, чистою и свѣтлою, какъ ваши сердца, — и вотъ она испорчена, разстроена, отравлена, потому-что я, Жанъ, мужъ Фернанды! Я такъ мало надѣюсь на себя, такъ мало надѣюсь на свое будущее, что охотнѣе согласился бы умереть и оставить васъ всѣхъ счастливыми, нежели сохранить свое счастье цѣною счастья одного изъ васъ. Мое счастье! какъ-будто оно будетъ возможно теперь, если Фернанда затантъ въ своемъ сердцѣ вѣчное сожалѣніе? Дѣ, она понесетъ это тяжкое бремя, и вотъ что сокрушало меня вчера. Она любитъ его, можетъ-быть... если это правда, она сама еще не знаетъ; но печаль и разлука научатъ ее. И зачѣмъ онъ уйдетъ, если нужно, чтобъ она оплакивала его и ненавидѣла меня?

Нѣтъ, она не будетъ меня ненавидѣть: она такъ добра и такъ кротка! И я буду кротокъ и добръ съ нею. Но она будетъ несчастна.

ства, несчастна вашимъ неразрывнымъ узамъ... Я много думаю объ этомъ времѣнѣ нашего брака и опять думаю въ извѣстномъ времени... Увидимъ.

Но пришли мнѣ ничего, не извѣщая меня ни о чемъ, прежде нежели я спрошу тебя самъ. Боюсь, что ты въ первый разъ слѣпкомъ увѣрила меня на счетъ ихъ дружбы; они были тогда шесты, какъ и теперь, но могли легче разстаться, не терзая себя. Да проститъ насъ Богъ! мы ничего не дѣлали съ намѣреніемъ дурнымъ и виновнымъ. Завтра возвращусь въ замокъ; если Октавій не уѣхалъ, я подумаю, что долженъ и что могу сдѣлать.

VII.

ОКТАВІЙ КЪ ФЕРНАНДЪ.

Странный мѣсяцъ провели мы вмѣстѣ, другъ мой. Съ того дня, когда вы велѣли мнѣ задуть любовь, я до того покрылъ ее пеломъ, что иногда, признаюсь, мнѣ казалось, что я успѣлъ ее совсемъ погасить. Конечно, я теперь болѣе-спокоенъ, нежели былъ зимой, но этотъ порывъ энтузіазма, заставившій меня все обѣщать и всѣмъ пожертвовать, можетъ ослабѣть,—и вы бы должны были немного-болѣе позаботиться о немъ, оживляя это время-отъ-времени. Ваше сердце, кажется, оставило меня и каждый день все сильнѣй и сильнѣй овладѣваетъ мною печаль. Божьтесь ли вы найдти меня непослушнымъ вашимъ урокамъ? За что вы меня ихъ лишили? Можетъ-быть, моя меланхолія утомляетъ васъ; можетъ-быть, вы боитесь скуки, которую могутъ на васъ навести мои жаждобы? И однако вамъ было бы легко утѣшить меня нѣсколькими словами довѣрчивости или состраданія! Не-ужели вы не знаете своей власти надо мной? Когда она ошибалась? Иногда вы бываете жестоки, сами не подозревая того, и дѣлаете мнѣ страшное зло, не обращая даже на это никакого вниманія. Не можете ли вы, напримеръ, немного скрыть отъ меня любовь къ своему мужу? Во всемъ остальномъ ваша душа такъ великодушна, такъ деликатна! не въ этомъ вы употребляете какое-то тщеславіе, заставляющее меня страдать: оставьте эту пустую уловку женщинамъ, которыя сомнѣваются сами въ себя. Во время вашего милосердія, въ первые дни, вы были такъ умны; вы умѣли такъ хорошо наговорить мнѣ тысячу вещей, чтобъ меня утѣшить, или по-крайней-мѣрѣ облегчить скорбь мою! Когда вы говорили о своемъ мужѣ, не цѣнила его достоинства, которое никто лучше меня не одѣнеть, не цѣнила чувства, которое я не хотѣлъ бы у него отнять, вы обладали тогда невыразимымъ искусствомъ убѣждать меня, что мой долгъ во всемъ этомъ хотя и отлична, но такъ же прекрасна, какъ и его. Теперь же искусство ваше доказывать мнѣ, какъ участь его прекрасна и

какъ моя сущность—жестокое и бесполезное искусство. Не можете ли вы скрыть отъ меня всю эту возню съ колыбелями и дѣтьми? Вы не понимаете меня? Я не знаю какъ объясниться, боюсь быть безчеловѣчно-грубымъ, потому-что я сегодня какъ-то странно золь и язвительнъ. Наконецъ, вы велѣли вынести дѣтей изъ своей комнаты, не правда ли? Пусть будетъ такъ. Вы молоды, следовательно, чувственны; вашъ мужъ настаивалъ, чтобъ отнять скорѣе отъ груди дѣтей. Что жъ? тѣмъ лучше! вы очень-хорошо сдѣлали: вы этимъ утромъ были менѣе прекрасны, менѣе чистою казались мнѣ. Въ самыхъ жгучихъ порывахъ страсти, видъ вашей блѣдной груди, точившей снѣжное молоко на уста дочери, поражалъ меня невѣдомымъ почтеніемъ, и я отвращалъ взоры, боясь корыстнымъ желаніемъ осквернить одно изъ самыхъ святыхъ таинствъ природы. Теперь прячьте вашу грудь — вы стали опять женщиной, вы болѣе не мать; вы не имѣете права на то почтеніе, которое я имѣлъ къ вамъ вчера и которое дѣлало меня и мечтательнымъ. Я спалъ равнодушнѣе и смѣлѣе, и вотъ къ чему привели эти дурныя средства съ человѣкомъ такъ патриархально-чистосердечнымъ, какъ я...

УЖ.

Жакъ къ Сильвѣи.

Ферма Блосса.

И долженъ путешествовать. Не знаю на сколько времени, — но мнѣ необходимо удалиться; я начинаю чувствовать антипатію, а это всего хуже. Фернанда любитъ Октавія: теперь это для меня ясно. Вчера, когда я настоялъ, чтобъ она велѣла вынести дѣтей, которыхъ крикъ мѣшаетъ ей спать и дѣлаетъ ее въ-самомъ-дѣлѣ больною, не знаю, замѣтила ли ты странный споръ, начавшійся у Октавія съ нею. — «Увѣрены ли вы, что дѣти не будутъ имѣть нужды въ васъ цѣлую ночь?» спросилъ онъ. — Надо же, чтобъ они привыкали къ этому, отвѣчала она: — ужъ пора ихъ отнять отъ груди. — «Мнѣ кажется, они еще слишкомъ-молоды.» — Имъ скоро годъ. — «Но за ними будутъ дурно ходить; и притомъ кому мать можетъ передать заботу сидѣть ночью у колыбели своихъ дѣтей?» — Я безъ опасенія могу возложить это на Сильвію. — Странный, нетерпѣливый жестъ былъ отвѣтомъ на это, и онъ ушелъ, не протривившись ни съ кѣмъ.

Я сперва не понималъ причины такого поведенія, но когда размыслилъ немного, мнѣ все стало очень-ясно. Я пристально посмотрѣлъ на Фернанду: она была блѣдна, и казалась болѣе печальною, нежели больною. Я положилъ узнать, на что я долженъ рывцаться, и рощелъ въ полночь къ ней въ комнату.

Пусть небо будет мнѣ свидѣтелемъ, что, приказавъ вынести дѣтей, я не имѣлъ тѣхъ намѣреній, которыя предполагаетъ Октавій. — Она мрачна и молчалива, замѣтила ли ты это, Сильвія? Октавій грустенъ, а иногда приходитъ въ совершенное отчаяніе. Они борются, они противятся искушенію, несчастные! но они любятъ другъ друга, страдаютъ... Напрасно я принималъ и отталкивалъ отъ себя попеременно убѣжденіе въ этой взаимной любви—все болѣе и болѣе оно являлось мнѣ. Наконецъ, вчера я рѣшился принять его, какъ бы жестоко и ужасно оно ни было, и на минуту показаться ненавистнымъ, чтобъ болѣе никогда не подвергаться необходимости имъ сдѣлаться. — Я подошелъ къ ея постели; она притворилась спящею, надѣясь—бѣдная женщина! — избавиться отъ моихъ неумѣстныхъ ласкъ; я поцаловалъ ее въ лобъ; она открыла глаза и протянула мнѣ руку; мнѣ кажется, я замѣтилъ едва-слышную дрожь страха и отвращенія. Я, какъ и прежде, говорилъ о моей любви: она называла меня своимъ милымъ Жакомъ, другомъ, своимъ ангеломъ-покровителемъ; но имя любви было забыто, и когда я старался привлечь ея уста къ своимъ, лицо ея принимало странное выраженіе унынія и покорности. На челѣ написана была ангельская кротость, въ ясномъ взглядѣ свѣтилась чистая совесть; но ротъ былъ блѣденъ и холоденъ, руки томительно-слабы. — Мнѣ казалось, испытаніе было довольно-сильно; я не могъ въ ея мученіяхъ находить удовольствія. Я цаловалъ ея руки, я просилъ ее сказать откровенно, не груститъ ли она, не недостаетъ ли ей чего-нибудь для ея счастья? «Могу ли я быть несчастливою» отвѣчала она мнѣ: «когда ты занятъ только мною, чтобъ сдѣлать мнѣ жизнь пріятною, чтобъ удалить отъ меня малѣйшія ея непріятности? Какою женщиною нужно быть, чтобъ жаловаться на тебя!» — Когда ты захочешь переменить жизнь, сказалъ я: — переселиться въ другую страну, окружить себя обществомъ болѣе-многочисленнымъ, ты знаешь, что тебѣ стоить только сказать одно слово, и я съ радостью исполню твое желанье; если скука дѣлаетъ тебя больною и задумчивою, почему не говоришь ты мнѣ этого? — «Нѣтъ, это не скука» отвѣчала она со вздохомъ. И я видѣлъ, что она покушалась открыть мнѣ свое сердце. Она бы безъ-сомнѣнія это сдѣлала, еслибъ тайна принадлежала ей-одной. Я помогъ, напротивъ, скрыть эту тайну и оставилъ ее; сказавъ:—Не забудь, что я твой отецъ, что я понесу тебя на рукахъ, и не позволю, чтобъ нога твоя коснулась терновника. Скажи мнѣ только, когда ты утомишься идти одна; и въ какихъ бы обстоятельствахъ мы ни были, Фернанда, никогда не бойся меня.—«Ты ангелъ! ангелъ!» проговорила она нѣсколько разъ, и, противъ воли, лицо ея благодарило меня за то, что я уходилъ. Возвратясь въ свою комнату, убитый, сокрушенный я упалъ на постель; въ послѣдній разъ я переступилъ порогъ спальни жены моей!..

Итакъ, все кончено, погнбло невозвратно: она не любитъ меня! Увы! Развѣ я давно не зналъ этого, и, чтобъ увѣриться, нужно ли

было мнѣ рѣшительное испытаніе? Развѣ не любить она Октавію уже нѣсколько мѣсяцевъ, сама того не зная? Эта тихая любовь ко мнѣ не есть ли просто дружба? Со мной она теперь счастлива; отъ него начинаетъ страдать, ибо любовь у нея — страданье. И вотъ она, бѣдная, дѣлается добычею всѣхъ ужасовъ, всѣхъ затрудненій жизни. Одинъ Богъ знаетъ, до какой степени угрызения совѣсти терзаютъ ея сердце; но что долженъ я дѣлать? Удаляю ли я ее отъ опасности и постараюсь заставитьъ ее забыть Октавію? Если я брошу ее въ вихорь свѣта, искреннюю и впечатлительную, какою она теперь, Фернанда полюбитъ опять и сдѣлаетъ дурной выборъ, потому-что такъ высоко стоитъ она надъ этими куклами гостинныхъ, которыхъ называютъ свѣтскими женщинами, что не можетъ привыкнутьъ къ ихъ пустой жизни, къ ихъ пошлымъ удовольствіямъ. Свѣтъ можетъ изумить ее, оглушить на нѣкоторое время, даже разсѣять ея страсть; но скоро потребность любви, заключенная въ ней, почувствуется живѣе, и снова въ сердцѣ ея пробудится любовь къ Октавію, или къ другому, который не будетъ ей стоить и который погубитъ ее. И тогда она справедливо возненавидитъ меня за то, что, оторвавъ отъ чувства еще невиннаго, которое всегда, можетъ-быть, было бы невиннымъ, я бросаю ее въ пропасть обмановъ и огорченій. Но если я оставляю ее здѣсь, когда-нибудь утромъ она найдетъ себя преступною въ собственныхъ глазахъ; она обольетъ себя слезами и обвинитъ меня, какъ предавшаго ее опасности съ подлымъ равнодушіемъ или съ глупымъ довѣріемъ. Она, можетъ-быть, возненавидитъ своего любовника, который заставлялъ ее вынести эти волненія, эти угрызения совѣсти, и будетъ презирать меня за то, что я не предостерегъ ее.

Я теперь въ такой же нерѣшимости, какъ человѣкъ, который никогда не предвидѣлъ того, что съ нимъ случилось. Впрочемъ, вотъ ужъ два года, какъ я оборачиваю и обсуживаю со всѣхъ возможныхъ сторонъ это будущее, готовое совершиться. Не есть тысяча способовъ потерять любовь женщины, и единственный, котораго не предвидишь, именно тотъ, который осуществится. Базумно предписывать себѣ правила въ поведеніи, когда одинъ случай можетъ насъ научить, какъ лучше дѣйствовать. Можно ли создать кодексъ добродѣтели для людей, когда одинъ человѣкъ не можетъ его составить для себя-самого и когда обстоятельства принуждаютъ измѣнять его разъ десять въ жизни? Прошедшій годъ, когда я обвинялъ Фернанда въ наглomъ, безстыдномъ обманѣ, я готовъ былъ вѣхать, готовъ былъ безъ раскаянія, безъ состраданія оставить ее. Что же такъ странно измѣнило тецерешиіе мои поступки и намѣренія? Она любитъ Октавію, какъ и тогда я предполагалъ это; это тѣ же существа, тѣ же мѣста, то же общественное положеніе; но чувство уже не то! Тогда я думалъ, что она просто, грубо, чувственно любила человѣка, но теперь я вижу, — она трепещетъ, противъ воли любить душу, ее невинную. Теперь она дрожитъ,

Блѣдность, плачеть! Вотъ все видѣнное различіе; но это различіе — все; различіе между женщиной безъ сердца и женщиной благородной, приподушной. Я уже не могу теперь утѣшиться презрѣніемъ. Что сдѣлала она, чтобъ потерять мое уваженіе? — Ничего. Она болѣе меня не любитъ, а ей девятнадцать лѣтъ, а она прекрасна какъ ангелъ! Не моя и не ея ошибка, если я внушаю ей только одну дружбу; могу ли требовать болѣе пожертвованія, болѣе преданности и любви, нежели сколько можетъ она мнѣ показать; находясь въ безпрерывной борьбѣ сама съ собою? Могу ли требовать, чтобъ сердце ея высохло; чтобъ и жизнь ея кончилась съ нашей любовью?

Я былъ бы безумецъ, я былъ бы чудовище, еслибъ мысль о гнильѣ родилась во мнѣ, но я страшно-несчастливъ, ибо любовь моя живетъ еще. Она ничего не сдѣлала, чтобъ ее погасить; она заставила меня страдать, но не оскорбила, не унизила меня. Я старъ, и не могу, подобно ей, открыть свое сердце для новой любви. Минута страданія настала, нѣтъ надежды избѣжать или отсрочить ее. По-крайней-мѣрѣ, я противъ страданія вооруженъ шитомъ, который никакая стрѣла не можетъ пробить; этотъ шить — молчаніе. Молчи и ты, сестра! Я облегчаю себя, когда пишу къ тебѣ; но чтобъ никогда эти рѣчи не вырывались изъ нашихъ устъ.

IX.

ФЕРНАНДА КЪ ЖАКУ.

Мой другъ, такъ-какъ ты возвратишься только завтра, то я сегодня хочу писать къ тебѣ и обратиться съ просьбой, которая мнѣ многого стоить; но вчера вечеромъ ты говорилъ со мной съ такою добротою и любовью, что это меня ободряетъ. Если я почувствую какую-нибудь скуку здѣсь, сказалъ ты, то тебѣ особенно будетъ пріятно доставить мнѣ все развлеченія, какія я только могу пожелать. Я тотчасъ не приняла этого, потому-что не знала, какъ тебѣ объяснить то, что чувствую, и теперь еще не знаю, что тебѣ скажу. Скука? возлѣ тебя, въ такомъ прекрасномъ мѣстѣ, съ моими дѣтьми и двумя друзьями, мнѣ невозможно знать скуку; ничего не недостаетъ для моего счастья, мой милый Жакъ! ты самый лучший, самый совершеннѣйшій изъ друзей и супруговъ. Но какъ бы тебѣ сказать? Я грущу, потому-что страдаю, а страдаю сама не знаю отъ-чего. У меня мрачныя мысли, и не знаю, все меня волнуетъ и утомляетъ; быть-можетъ, я больна, быть-можетъ, нервы мои разстроены; я представляю себѣ, что скоро умру, что воздухъ, которымъ дышу, душитъ меня и отравляетъ. Наконецъ, я чувствую не желанье, но необходимость перемѣнить мѣсто: это, можетъ-быть, прихоть, но прихоть болыной, въ которой ты будешь жить безстраданіе. Удали меня отсюда на

и некоторое время, и я думаю, что скоро вылету и буду въ состояніи сюда возвратиться. Ты недавно мнѣ говорилъ, что г. Вольфъ убѣждаетъ тебя иудить имѣніе г. Рауля и читалъ мнѣ письмо, гдѣ Эженъ присоединяется къ нему, чтобъ умолить тебя приехать посмотреть это помѣстье и привезти меня съ собой на цѣлое лѣто къ ней. У меня есть какое-то неопредѣленное желаніе сдѣлать эту поездку и снова увидѣть этихъ добрыхъ друзей. Уговори нашу милую Сильвію сопровождать насъ; я не въ состояніи буду расстаться съ нею безъ огорченія, которое будетъ выше моихъ силъ. Отвѣчай мнѣ съ любовью, къ тебѣ посланнымъ. Избавь меня отъ затрудненія объяснять тебѣ эту прихоть, которую не могу превозмочь, хотя и понимаю ея сѣвную сторону. Обращайся со мной съ тою же благосклонностью и тою же кротостью, къ которымъ ты приучилъ меня. Прощай, мой извѣстно-любимый Жакъ. Дѣти наши здоровы.

X.

Жакъ къ Фернандъ.

Твои желанія, милая моя больная, — для меня приказъ; ѣдемъ, куда хочешь; прикажи, чтобъ все было готово къ отъезду на слѣдующей недѣлѣ, а если хочешь, то и завтра; въ жизни моей нѣтъ дѣла важнѣе твоего здоровья и благосостоянія. Пишу сейчасъ къ Борелю, что принимаю обязательное его предложеніе. Мнѣ именно нужно помѣстить гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ свои капиталы, и мнѣ пріятно будетъ отвезти ихъ въ Турень, гдѣ за доходами съ нихъ будетъ наблюдать другъ. Жестоко было бы, еслибъ мнѣ пришлось ѣхать безъ тебя. Не знаю, можно ли будетъ нашей Сильвіи ѣхать съ нами. Тутъ больше затрудненій и неудобствъ, нежели ты думаешь; я поговорю съ ней и если нѣтъ рѣшительной невозможности, она не покинетъ тебя. И такъ, милая, мы отправимся на долго, на столько времени, сколько тебѣ вздумается; но помни, что если тебѣ будетъ скучно и непріятно въ Серизѣ, хоть бы это было на другой день нашего приѣзда, я буду готовъ везти тебя въ другое мѣсто, или отвезти домой. Не бойся показаться мнѣ причудливою; я знаю, что ты больна, и отдамъ свою жизнь, чтобъ облегчить болѣзнь твою. Прощай. Поцалуй за меня Сильвію и тысячу разъ поцалуй дѣтей.

XI.

Октавій къ Фернандъ.

И такъ, вы уѣзжаете! Я васъ ескорбилъ, и вы предадите меня отчаянію, чтобъ не слышать бесполезныхъ жалобъ докучнаго обожа-

тебя. Вы правы, но въ моихъ глазахъ лишаетесь отчасти своего достоинства. Вы были гораздо-выше, когда говорили мнѣ, что не любите меня, что жалѣете обо мнѣ, и что будете терять меня ради себя, пока я буду имѣть нужду въ вашихъ утѣшеніяхъ и въ вашей подпорѣ. Теперь вы ничего не говорите. Въ бреду горячки говорю я вамъ о любви моей, а вы не отвѣчаете мнѣ — какъ видно, для того, чтобъ не приводить меня въ отчаяніе... Нѣтъ, у васъ не достаетъ больше терпѣнія слушать меня и вы уѣзжаете! Слишкомъ-скоро, Фернанда, утомила васъ высокая роль, которую вы вздумали принять на себя, но которой не имѣли силы исполнить. Я не успѣла вылетѣть отъ любви; рана моя только раздражилась и ноетъ сильнѣе прежняго.

Поведеніе ваше очень-благоразумно. Никогда я не думала, чтобъ вы были такъ находчивы; вы устроили все въ мгновеніе ока и преодолѣли все препятствія съ искусствомъ, съ хладнокровіемъ самаго опытнаго тактика. Для вашихъ лѣтъ это прекрасно! Сильвія была грубо-откровенна; уѣзжая, она оставляла мнѣ записки, въ которыхъ безъ церемоніи писала, что не любитъ меня. Въ васъ болѣе политики: вы умѣете пользоваться случаями и схватывать ихъ на-лету; вы устраиваете все такъ умно, такъ правдоподобно, что всякій готовъ побожиться, что васъ увлекаетъ отсюда мужъ, тогда-какъ его великодушное и честное сердце колеблется, удивляется и покоряется, не зная, что пришло вамъ на умъ. Сильвія вовсе не хочется вѣхать къ людямъ, которыхъ она не знаетъ и которые, можетъ-быть, не такъ, какъ слѣдуетъ, обойдутся съ нею; вы ни на что не смотрите. При нихъ вы осыпаете меня лъцетъ-ными знаками сожалѣнія и привязанности, но такъ искусно избѣгаете случая остаться со мною наединѣ хоть на минуту, что если бы я не былъ взбѣшонъ, то былъ бы въ отчаяніи. Будьте спокойны; у меня столько же гордости, какъ и у другаго, когда раздражаютъ меня презрѣніемъ. Вы должны были бы обнаружить свое презрѣніе въ тотъ день, какъ я имѣлъ дерзость заговорить съ вами о любви: я тотчасъ уѣхалъ бы и вы давно освободились бы отъ меня. Зачѣмъ теперь такъ беспокоиться? Зачѣмъ покидать домъ, увѣжать со всей семьей, когда вы однимъ словомъ можете услатъ меня назадъ въ Швейцарію? Не думаете ли вы, что я намеренъ слѣдовать за вами и утомлять васъ своими преслѣдованіями? Вы избрали убѣжищемъ домъ Бореля, думая, что это единственное мѣсто на свѣтѣ, куда я не посмѣю слѣдовать за вами: э, Боже мой! забота совершенно-лишняя; оставайтесь и живите мирно; я уѣзжаю черезъ четверть часа. Прикажите развязать ваши чемоданы; скажите мужу, что переѣхали свое намереніе; сегодня утромъ я видѣлъ васъ послѣдній разъ въ моей жизни. Прощайте, сударыня.

XII.

ФЕРНАНДА КЪ ОКТАВІЮ.

Вы совершенно ошибаетесь касательно причинъ моего отъезда и поведенія моего съ вами. Требую, чтобъ вы остались до завтра, если не хотите, чтобъ мужъ мой угадалъ тайну, могущую убить его счастье и спокойствіе. Сегодня вечеромъ, въ девять часовъ, мы разстанемся, пожавъ другъ другу руки. Подите къ большому вѣзю; подъ камнемъ найдете послѣднюю мою записку, послѣднее мое прости.

XIII.

ФЕРНАНДА КЪ ОКТАВІЮ.

Записка, положенная подъ камень, подъ алмазъ.

Я уважаю, потому-что люблю васъ... Не могла я сказать вамъ это и противиться вашимъ восторгамъ; не могла я также ухватъ, не открывъ вамъ этой тайны. Я существо слабое, не могу еще владѣть своимъ сердцемъ; я люблю свои обязанности и искренно желаю исполнять ихъ. Для васъ презрѣла бы я и насмѣшки и хулы, которыми люди преслѣдуютъ проступки женщины, но не могу принести вамъ на жертву счастье Жака, да и вы сами не примете этой жертвы. Зачѣмъ онъ такъ совершенъ? Зачѣмъ онъ какимъ-нибудь проступкомъ не далъ мнѣ права располагать своимъ спокойствіемъ, какъ бы я захотѣла? Но когда его поведеніе относительно меня и васъ такъ высоко, что можемъ мы сдѣлать? Покориться судьбѣ, бѣжать другъ отъ друга и умереть съ горд, только бы не употребить во зло его довѣренности.

Не знаю, когда начала я любить васъ. Можетъ-быть, съ того дня, какъ въ первый разъ васъ увидѣла. Можетъ-быть, печальную правду писала мнѣ Клеманса, что я погибла еще въ то время, какъ старалась помирить васъ съ Сильвией. Теперь я не могу вѣрно опредѣлить, что въ теченіе года произошло въ моей бѣдной головѣ; я сокрушена непрерывной борьбою, непрерывными ощущеніями. Пора мнѣ ухватъ; я не знаю болѣе, что я дѣлаю; я нахожусь въ такомъ же положеніи, въ какомъ были вы, мѣсяць назадъ. Тогда я чувствовала еще въ себѣ силу; притомъ, эту силу придавалъ мнѣ страхъ потерять васъ. Чего не выдумала бы я, въ чемъ не убѣдила бы сама себя, въ чемъ не поклялась бы предъ Богомъ и людьми, чтобъ только не отказаться васъ видѣть! Эта мысль была слишкомъ-ужасна; я не могла сдружиться съ нею; но побѣда, которую мы надѣялись одержать надъ собою, была выше силъ человеческихъ; едва достигли вы той точки энтузіазма и мужества, которой просила я васъ достигнуть, душа моя, какъ слыш-

комъ-натянута струна, порвалась; я впала въ неизъяснимую грусть и когда выходила изъ нея, чтобъ съ удивленіемъ посмотреть на вашу преданность и добродѣтель, я чувствовала, что надо бѣжать отъ васъ или погибнуть съ вами. Да сохранить насъ Богъ! Теперь жертва совершена; если я погибну, вспомните про меня, пожалуйте обо мнѣ и простите мнѣ всѣ горести, какія я причинила вамъ.

Если вы хотите оказать мнѣ одну милость, пробудьте еще нѣсколько дней въ Сен-Леонѣ, и такъ-какъ Сильвія не рѣшилась со-
путствовать мнѣ, то воспользуйтесь этою святою дружбою, которую Провидѣніе предлагаетъ вамъ, какъ утѣшеніе. Сильвія также печальна; не знаю, что случилось съ нею: можетъ-быть, она угадываетъ, что я несчастна. Она вполнѣ посвящаетъ себя моимъ дѣтямъ; она будетъ имъ матерью. Приходите взглянуть на нихъ, на моихъ бѣдныхъ малютокъ, которыхъ я также покидаю и разомъ бѣгу отъ всего, что мнѣ дорого въ свѣтѣ; видѣ ихъ напомянитъ вамъ мои и ваши обязанности: вы будете не такъ страдать въ эти первые дни. Если, вмѣсто того, чтобъ погрузиться въ уединеніе, вы будете питать душу свою свидѣтельствомъ нашей честной дружбы и созерцаніемъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ все будетъ говорить вамъ о священныхъ семейныхъ обязанностяхъ, о долгахъ чести, вы будете вспоминать, что были счастливы въ нихъ добродѣтельно и будете радоваться, что ничѣмъ не запятнали чистоты этого воспоминанія.

XIV.

Сильвія къ Жаку.

Сен-Леона.

Вы очень-хорошо сдѣлали, что оставили се мною дѣтей; эта по-
ѣздка сильно разстроила бы дочь твою, которая не такъ здорова. Надеюсь, ея нездоровье не будетъ имѣть никакихъ послѣдствій; но оно могло бы сдѣлаться серьезнымъ въ ожиданіи, здали отъ ты-
сячи мелкихъ печеній, которыя необходимы. Не говори Фер-
манда объ этомъ нездоровьѣ, которое, безъ сомнѣнія, пройдетъ, когда ты получишь это письмо. Малѣйшая болѣзнь твоихъ дѣтей
сильно пугаетъ меня, особенно теперь, когда я одна; я все боюсь, не отъ моей ли вины произошло она; впрочемъ, я не покидаю ихъ ни на минуту и не засну ни на мигъ, пока наша малютка не
выздоровѣетъ.

Радуюсь, что путешествіе ваше было благополучно, и что вы приняты самымъ ласковымъ образомъ; но огорчаетъ и пугаетъ меня странная грусть, въ которую, какъ ты говоришь, погружена Ферманда. Бѣдная! Можетъ-быть, ты дурно сдѣлала, что такъ-скоро уступила ея желанію; надо было бы дать ей вре-

мя одуматься. Мнѣ показалось, что при отъѣздѣ она была въ отчаяніи, и отказалась бы отъ этой поездки, еслибъ не боялась огорчить тебя. Ничего добраго не предвижу я отъ этой разлуки: Октавіи точно сумасшедшій. Я успѣла удержать его здѣсь до-сихъ-поръ, но не надѣюсь успокоить его. Пыталась я довести его до объясненія; надѣялась, что открывъ мнѣ свое сердце и изливъ чувства свои предо мною, онъ успокоится или по-крайней-мѣрѣ убѣдится въ необходимости быть мужественнымъ; но сила не дана въ удѣлъ Октавію, и если бы я и успѣла получить отъ него какія-нибудь благородныя обѣщанія, то все-таки рѣшимость его была бы только дѣломъ скорбiproходящаго энтузіазма. Я знаю его, и видя, что онъ такъ серьезно влюбленъ въ Фернанду, мало надѣюсь теперь, что онъ поможетъ ей въ ея благородныхъ намѣреніяхъ. Онъ — въ страшномъ волненіи; страданіе его кажется столь сильнымъ и глубокимъ, что мнѣ жаль его, и я плачу о немъ въ глубинѣ души моей. О, Жакъ, будь снисходителенъ и милосердъ, они очень-жалки! Я никогда не бывала въ такомъ положеніи, и, право, не знаю, что сдѣлала бы на ихъ мѣсть. Независимое положеніе мое, отчужденіе отъ всехъ общественныхъ мнѣній; отъ всехъ семейныхъ обязанностей — вотъ причина, почему я предалась влеченію моего сердца, когда оно говорило. Если во мнѣ есть сила, то едва-ли для того она дана мнѣ, чтобъ бороться самой съ собою: я никогда еще не имѣла случая къ тому. Мысль пожертвовать дѣйствительною и глубокою страстью этому свѣту, который ненавижу, кажется мнѣ столь ужасною, что я считаю себя неспособною къ ней. Правда, у Фернанды одні только обязанности дѣйствительныя — относительно тебя, а поведеніе твое налагаетъ на всехъ, кто тебя любитъ, такія обязанности, что кто измѣнитъ тебѣ, тотъ не долженъ имѣть ни минуты счастья. Помоги же ей съ кротостію совершить это всеожженіе ея любви: я постараюсь, въ свою очередь, добиться чего-нибудь отъ добродѣтели Октавіи; но онъ закрываетъ мнѣ доступъ къ своему сердцу, а я не могу напрашиваться на довѣренность страждущей души, хотя бы и имѣла надежду исцѣлять ее.

xv.

Октавіи къ Эрберу.

Я въ жалкомъ положеніи, милый Эрберъ; пожалей обо мнѣ и не старайся утѣшить меня; я не въ состояніи слушать что бы то ни было.

Она все испортила, сказавъ мнѣ, что любить меня. До-тѣхъ-поръ, я полагала, что она презираетъ меня; досада придала бы мнѣ силы; но, разставаясь со мной, она сказала, что любить меня я

надѣется, что я покорюсь судьбѣ и рѣшусь навсегда утратить ее. Нѣтъ, это невозможно! пусть что хотятъ говорятъ эти три странныя существа, среди которыхъ провелъ я годъ, кажущійся мнѣ сновидѣніемъ, странствованіемъ души въ міръ воображаемый! Что же такое эта горячка, которая воспаляетъ мозгъ мой? Что же такое этотъ огонь, пожирающій грудь мою, это кипѣніе крови, которое гонитъ, влечетъ меня къ Фернанду? Неужели это ощущенія существа слабого? Они считаютъ себя сильными, потому-что холодны. Притомъ же, кто знаетъ глубь ихъ мыслей, кто можетъ разгадать настоящія ихъ намѣренія? Этотъ Жакъ, цѣлый годъ предающій меня опасности, и, не смотря на пронизательность свою во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, незамѣчающій, что я схожу съ ума въ глазахъ его; эта Сильвія, удваивающая привязанность ко мнѣ по мѣрѣ того, какъ я утѣшаюсь въ горести, причиненной мнѣ ея презрѣніемъ, и смѣюсь надъ этимъ презрѣніемъ, влюбляясь въ другую женщину,—что они такое: существа высокія или глухія? Имѣемъ ли мы дѣло съ холодными резонѣрами, которые смотрятъ на наше страданіе съ спокойствіемъ философскаго анализа и будутъ смотреть на наше пораженіе съ гордымъ равнодушіемъ эгоистической мудрости,—или съ героями милосердія, которые съ покорностію приносятъ на жертву свои привязанности и свою гордость? Теперь, когда я потерялъ магнитъ, приковывавшій меня къ нимъ, я ихъ болѣе не знаю; я не знаю, смѣются ли они надо мной, прощаютъ ли меня, или обманываютъ. Можетъ-быть, они меня презираютъ; можетъ-быть, они торжествуютъ, видя, какое вліяніе имѣютъ на Фернанду, съ какою легкостью разлучили они меня съ нею въ ту минуту, какъ она готова была сдѣлаться моею. О, если это правда, горе мнѣ! Двадцать разъ въ день рѣшаюсь я взать въ Турень...

Но эта Сильвія останавливаетъ меня и приводитъ въ нерѣшимость. Будь проклята она! Она все еще имѣетъ на меня вліяніе, въ которомъ есть что-то неодолимое и роковое. Ты — чловѣкъ, вѣрующій въ магнетизмъ, потрудись объяснить власть, которую она еще имѣетъ надо мной, тогда-какъ любовь моя къ ней уже погасла, тогда-какъ наши характеры такъ мало согласны и сходны между собою! Когда Фернанда была здѣсь, я былъ такъ счастливъ, такъ упоенъ среди всѣхъ своихъ страданій; Сильвія была моимъ другомъ, моей милой сестрой, какъ она была другомъ и милой сестрой Фернандѣ. Теперь она удивляетъ меня и внушаетъ недоувѣрчивость. Не могу вѣрить, чтобы она не была моимъ другомъ, и сожалѣніе, оказываемое ею, унижаетъ меня, какъ самое гордое свидѣтельство преврѣтнія, какое только женщина можетъ оказать прежнему своему любовнику. О, еслибъ я могъ вновь открыться ей, плакать на груди ея, высказать ей, какъ страдаю, и еслибъ я увѣренъ былъ, что она жалѣетъ обо мнѣ!

Но къ чему это повело бы? Она сестра Жака или, по крайней мѣрѣ, такая задумчивая пріятельница его, что можетъ только по-

опять мою любовь и предать ее ей. Если бы даже она была так великодушна, что желала бы видеть меня счастливымъ съ другою женщиною, то ужь конечно не стала бы помогать мнѣ владѣть Фернандою.—Да! если она презираетъ меня, она права; и человекъ безъ характера, безъ убѣжденія. Чувствую, что я ни золь, ни пороченъ, ни подлъ; но я плыву всюду, куда несетъ меня волна, куда гонитъ вѣтеръ. Въ жизни моей бывали минуты безумной восторженности, потомъ странное уныніе, потомъ жестокаго сомнѣнія и глубокое отвращеніе къ людямъ и предметамъ, названымъ казавшимся мнѣ высокими. Пламенно любилъ я Сильвію; я думалъ, что могу возвыситься до нея; она казалась мнѣ полу-скрытой въ небесахъ; потомъ я сталъ презирать ее, до того, что считалъ ее распутной женщиною; затѣмъ началъ питать къ ней уваженіе и хотѣлъ быть другомъ ея, бывъ отвергнутъ, какъ любовникъ; теперь она пугаетъ меня, и я питаю къ ней какую-то ненависть... не смотря на то, не могу вырваться изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ она обитаетъ. Мнѣ кажется, я услышу отъ нея слово, которое можетъ спасти меня.

Но отъ-чего не могу ни вѣрить ничему, ни отрицать ничего рѣшительно? Прекрасную ночь провелъ я съ Фернандою! у ногъ ея проливалъ я слезы, которыя, казалось, вызошли съ неба; но не было ли это только комедіей, которую игралъ я одинъ, въ которой я былъ и вдохновеннымъ актѣромъ и глупо-удивленнымъ зрителемъ? Кто знаетъ, кто можетъ сказать про себя что онъ такое? И къ чему нагревать мозгъ до того, чтобъ онъ сгорѣлъ? Къ чему вестъ эта восторженность, которая онадаетъ сама собою, какъ пламя?—Фернанда, бѣдное дитя, была чистосердечна въ своихъ рѣшеніяхъ; клянусь предъ Богомъ, что не будетъ любить меня, она уже тайно любила; она бѣжитъ отъ опасности высказать мнѣ это, и простодушно пишетъ мнѣ о томъ. Вотъ это-то и заставляетъ меня любить ее; эта-то очаровательная слабость ставитъ ее сердце въ-уровень съ моимъ. Въ ней, по-крайней-мѣрѣ, я никогда не сомнѣвался; чувствую то, что почувствовалъ съ перваго дня, именно, что мы созданы другъ для друга и что ея существо одинаковаго свойства съ моимъ. Да! я никогда не любилъ Сильвію; я не могъ любить ее; между нами такъ мало сходства! Фернанда—вотъ кого сама природа создала для любви моей,—и я ли откажусь отъ нея!... Но что же будетъ? Если она несчастна, я увезу ее съ дочерью, которую обожаю, и мы поселимся въ какой-нибудь уединенной долинь моей родины. Вѣдь ты дашь мнѣ пріютъ? Эрберъ, не брани меня; я знаю, что дѣлаю глупость за глупостью, что самъ приготавливаю себѣ несчастье; знаю, что если бы у меня была должность, занятіе, я не былъ бы празденъ; что если бы, какъ ты, я былъ инженеромъ путей сообщенія, то не былъ бы влюбленъ,—но что жъ мнѣ дѣлать? я неспособенъ ни къ какому ремеслу; не могу подчиниться никакому уставу, никакому принужденію. Любовь уноситъ меня, какъ вино, и если бы я

могъ, подобно тебѣ, выдти двѣ бутылки рейнвейнда и не опьянѣть, то могъ бы цѣлый годъ провести среди двухъ предестныхъ женщинъ и не влюбиться ни въ одну изъ нихъ.

Не пиши ко мнѣ, потому-что я самъ не знаю, гдѣ буду. Двадцать разъ въ день укладываю свои вещи въ чемоданъ: то хочу ѣхать въ Женеву, забыть тамъ Фернанду, Жака и Сильвію и искать утѣшенія въ ружьѣ и собакахъ, то хочу ѣхать въ Туръ, укрыться въ какой-нибудь гостиницѣ и царевичисываться съ Фернандой; то смѣюсь надъ своими недѣльными мыслями, то плачу отъ досады, что такъ несчастенъ...

ХVI.

Жакъ къ Сильвіи.

Извѣстіе о моей дочери крайне пугаетъ меня; въ первый разъ больна она и, разумѣется, ей еще много разъ въ жизни прійдется хворать; но не могу преодолѣть безпокойства, когда дѣло идетъ о моихъ дѣтяхъ, потому-что они близнецы, и жизнь ихъ ненадежнѣе жизни другихъ дѣтей. Малютка гораздо-слабѣ брата, и это оправдываетъ общее повѣрье, что одинъ изъ близнецовъ живетъ всегда на-счетъ другаго въ недрахъ матери; если ей хуже, немедленно напиши мнѣ. Я прійду къ тебѣ — не затѣмъ, чтобъ помогать тебѣ въ твоихъ попеченіяхъ, но чтобъ освободить тебя отъ страшной отвѣтственности, на тебѣ лежащей. Я скрываю и буду скрывать это извѣстіе отъ Фернанды, пока будетъ можно; здоровье ея очень разстроено; огорченіе и безпокойство усиливать болѣзнь. Она окружена здѣсь всевозможными попеченіями, знаками дружбы, развлеченіями, — но ничто не помогаетъ. Постоянно-глубокая грусть ея приводитъ меня въ смущеніе; нервы ея въ раздраженномъ состояніи, совершенно-измѣняющемъ ея характеръ. Ты правду сказала, Сильвія: эта разлука не принесла никакой пользы. Мало душъ съ такой могучей организаціей, которыя бы, разъ преодолѣвъ себя, навсегда остались твердыми въ своемъ рѣшеніи; всѣ честныя совѣсти способны быть великодушными только на день; на другой день онѣ почти всегда впадаютъ въ изнеможеніе отъ усилія, какаго потребовала отъ нихъ жертва. Я считъ своимъ долгомъ согласиться на жертву Фернанды и даже помогать ей, и это не потому, что надѣялся отъ того какаго-нибудь счастливаго результата для себя: если любовь погасла, ничто не воспламенитъ ея. Когда я увѣжалъ изъ Дофинѣ, конечно, не лицъ моемъ не было замѣтно глухой радости мужа, котораго тщеславіе торжествуетъ; въ сердцѣ моемъ не было также безразсудной надежды любовника, который, убивая счастье другаго, думаетъ вернуть свое собственное счастье, Я зналъ, что Фернанда еще сдѣ-

ней будетъ любовь отсутствующаго Октавіа, что и узнаю ее только отъ опасности, отъ которой, можетъ-быть, достаточной охраной была бы ее стыдливость. Я зналъ, что стрѣла тѣмъ глубже будетъ входить въ ее сердце, чѣмъ болѣе она будетъ стараться вывлечь ее. Все люди забываютъ, что они чувствовали, и притворяются, будто вовсе не знаютъ, что такое любовь, когда отнимаютъ у нихъ то, чѣмъ владѣли они. Надо видѣть тогда, какими нелѣпыми доводами силятся они доказать, что женщина, покидающая ихъ, виновна относительно ихъ. Что касается до меня, я сталъ бы винить Фернанду только въ такомъ случаѣ, когда она начала бы принимать мои ласки съ яснымъ лицомъ, съ обманчивой улыбкой на устахъ. Но поведеніе ея благородно; грусть ея протестовала бы противъ моего тиранства, еслибъ у меня достало духа обнаружить его. Бѣдная! какъ ты говоришь, она дѣлаетъ, что можетъ. Въ нѣныя минуты, рыдая, кидается она мнѣ на шею, въ другія съ ужасомъ отталкиваетъ меня. Несчастная, чего ей бояться меня? Я скоро предложу ей возвратиться домой, если только здоровье ея не улучшится; я не хочу, чтобъ она была несчастна и ненавидѣла меня. Пусть падутъ на меня все огорченія, все оскорбленія, только не это! Подожду еще нѣсколько дней; раздраженіе ее нервовъ, можетъ-быть, утихнетъ. Я долженъ былъ согласиться привести ее сюда, даже будучи убѣжденъ, что это не приведетъ ни къ чему; я долженъ былъ дать ей возможность совершить благородное усиліе, чтобъ въ жизни ея осталось воспоминаніе о днѣ, когда еще жива была ее добродѣтель; однимъ упрекомъ совѣсти будетъ меньше въ будущности, однимъ правомъ больше на мое уваженіе. Когда она утомится борьбой, я не подниму руки, чтобъ докончить ее, но предложу ей руку, чтобъ она оперлась на нее, отдохнула на ней. Увы! еслибъ она знала, какъ я люблю ее! Но я буду молчать; любовь моя была бы упрекомъ, а я уважаю ея страданіе. Какъ я безуменъ! Бываютъ минуты, когда я ласкаю себя надеждой, что она возвратится ко мнѣ, что совершится какое-нибудь чудо, и вознаградитъ меня за все горести, испытанныя мною въ теченіе грустной моей жизни!

XVII.

Сидевія къ Жаку.

Пріезжай; болѣзнь твоей дочери день-о-днѣ усиливается; привози съ собою какого-нибудь медика, который былъ бы искуснѣе всѣхъ другихъ. Если Фернанда дѣйствительно такъ больна и печальна, какъ ты говоришь, скрывай отъ нея состояніе ее дочери. Но какъ потомъ откроемъ мы ей истину, если опасности мои оправдаются? Дѣлай, какъ считаешь лучшимъ. Оста-

вишь ли ты ее одну у этихъ Борелей? будутъ ли она дасть слѣдуетъ пешишь о ней? Правда, мать ея мнѣ ницетъ, что скоро прїѣдетъ въ Тильи, и будетъ у ней, если она сама того захочетъ; но судя по тому, что ты говорилъ мнѣ о ея матери, она дурная подруга для Фернанды. Ахъ, зачѣмъ мы разстались? Это привело насъ къ несчаію.

Октавій уѣхалъ въ Женеvu; онъ принесъ съ своей стороны жертву; чего больше можно у него требовать? Тихетно старалася я облегчить его скорбь дружбою: я убѣдилася теверъ вполне, что душа его пуста, и что мелочность тщеславія и эгоизма заграждаютъ въ нее путь возвышеннымъ мыслямъ и благороднымъ чувствованіямъ. Повѣришь ли ты, онъ долго не зналъ, что думать: намѣрена ли я открыть его тайны, чтобъ потомъ унестрѣбить ихъ во зло, или я искренно желаю примирить его съ нимъ-самимъ? Повѣришь ли, онъ думалъ, что я съ нимъ кокетничаю для того, чтобъ снова привести его къ ногамъ своимъ? Онъ предполагаетъ во мнѣ такое низкое и глупое самолюбіе; онъ почитаетъ меня занятою этими мелкими расчѣтами, когда сердце мое разбито страданіями Фернанды и его собственными, когда я готова отдать кровь свою, чтобъ вымечить ихъ, разлучивъ другъ съ другомъ или отославъ въ какой-нибудь недоступный, тебѣ невѣдомый міръ, гдѣ ихъ блаженство никогда не могло бы коснуться твоего существа. Бѣдный Октавій! Величайшее несчаіе его то, что онъ умомъ понимаетъ величіе, но имѣетъ сердце мелочное и характеръ слабый, которые препятствуютъ ему возвыситься до величія. Онъ думаетъ, что Фернанда равна ему, и ошибается: Фернанда несравненно выше его, и дай Богъ, чтобъ она могла это забыть, ибо въ противномъ случаѣ любовь Октавія сдѣлаетъ ее еще несчастіе. Наконецъ, онъ уѣхалъ, поклявшись мнѣ, что ѣдетъ въ Швейцарію. Будемъ ожидать развязки, и какова бы ни была она, посвятимъ себя для тѣхъ, которые чужды бодрости и рѣшимости.

хххх.

Октавій къ Фернандѣ.

Мужъ вашъ въ Дофинѣ, а я въ Турѣ. Вы меня любите и я васъ люблю,—вотъ все, что я знаю. Я найду средство васъ видѣть и говорить съ вами — въ этомъ не сомнѣваюсь. Не старайтесь избѣгать меня: я за вами послѣдую на край свѣта. Не бойтесь, что я васъ окомпрометтирую: я буду благоразуменъ; но не доводите меня до отчаянія бесполезнымъ и безумнымъ сопротивленіемъ; не уничтожайте тѣхъ средствъ, которые я предпріиму, чтобъ никакъ-незамѣченнымъ достигнуть до васъ. Что вы боитесь меня? Какимъ опасностямъ страшитесь вы? Думаете ли вы, что я хочу

счастія, которое будетъ стоять вамъ слезъ? Такъ ли мало вы уважаете меня, что думаете, я потребую отъ васъ жертвъ? Я хочу только видѣть васъ, вамъ сказать, что я васъ люблю и убѣдить васъ возвратиться въ Сен-Леонъ; тамъ мы будемъ жить по-прежнему; вы останетесь такъ же чисты, какъ теперь, а я буду такъ несчастливъ, какъ вы захотите. Я могу все обещать и на все согласиться, только бы меня не разлучали съ вами: это одно невозможно.

Я обошелъ уже замокъ и сады въ Серизи, подкупилъ уже садовника и приучилъ собакъ. Сегодня ночью, я прошелъ подъ вашими окнами; было два часа утра, а въ вашей комнатѣ еще свѣтился огонь; завтра я напишу къ вамъ, какъ мы можемъ видѣться безъ малѣйшей опасности. Я знаю, что вы больны, и, — если надо повторить выраженіе тѣхъ, которые говорятъ о васъ, — тайная грусть убиваетъ васъ. И ты думаешь, что я покину тебя, когда твой мужъ оставляетъ тебя въ такомъ положеніи, отправляется собирать сѣно и философствовать съ Сильвieu, не забывая однакожъ считать свои деньги? Бѣдная Фернанда! Твой мужъ плохая копія съ г. Вольмара, но ужъ зато Сильвiя не можетъ сказать, что подражаетъ безкорыстію Клары: она не болѣе, какъ холодная и очень-краснорѣчивая кокетка. Перестань ставить выше всего эти два ледяныя существа; перестань приносить въ жертву имъ твое и мое счастье: бросься въ объятія того, который тебя любитъ, прибѣгни къ единственному сердцу, которое тебя поняло. Требуй отъ меня какихъ хочешь жертвъ; но позволь мнѣ еще разъ плакать у ногъ твоихъ, сказать тебѣ, сколько я люблю тебя, и слышать это слово изъ устъ твоихъ.

ХІХ.

Октавіи къ Эрверу.

Мѣсяцъ живу я въ Турѣ, терпѣливо считаю дни и выжидаю рѣдкія минуты, когда могу видѣть ее. Въ добавокъ, я потерялъ еще двѣ недѣли на то, чтобъ выпросить такую милость. Неосторожная! она не знаетъ, какъ ея сопротивленіе, верѣшность, слезы привязываютъ меня къ ней и усиливаютъ страсть мою. Ничто такъ не раздражаетъ моего желанія, ничто такъ не возбуждаетъ моей природной лъни, какъ препятствіе и отказъ. Не легко мнѣ было побѣдить ея боязнъ, увѣрить ее, что сношенія наши не будутъ открыты и не покроютъ ея стыдомъ; много мнѣ было съ нею хлопотъ. Ты говоришь, что у меня нѣтъ никакой должности, нѣтъ опредѣленнаго занятія; увѣряю тебя, никакая должность не требуетъ отъ насъ такой дѣятельности, не порабощаетъ насъ такъ, какъ желаніе пробраться къ женщинѣ, которую берегутъ свѣтъ и до-

бродягъ. Мнѣ надо было бороться съ госпожою де-Люксенъ, — это Клеманса, о которой я уже говорилъ тебѣ; это самый педагогическій, самый несносный философъ на свѣтъ, женщина сухая, холодная, ревнивая къ счастью другаго. Я совершенно угадалъ ее изъ ея писемъ. Мнѣ случилось поразспросить также о ней одного моего пріятели, находящагося въ Турѣ; онъ знаетъ ее очень-хорошо, потому-что она часто прѣзжаетъ сюда. Теперь я увѣренъ, она именно то, что называется отличною женщиною, une personne distinguée, одно изъ тѣхъ существъ, которыя не могутъ ни любить, ни заставить полюбить себя, и которыя предають проклятію все, что любить на землѣ, — одна изъ тѣхъ женщинъ-педагоговъ, которыя ясно видятъ несчастье другихъ и предсказываютъ его съ злобною радостью, въ утѣшеніе себѣ, что онѣ чужды радости и горести живыхъ существъ; одна изъ тѣхъ мумій, у которыхъ вмѣсто сердца пергаментъ, исписанный сентенціями, и которыя, за недостаткомъ привязанности и доброты, съ гордостью выставляютъ на-показъ свою роковую разсудительность и свой безжалостный умъ. Узнавъ, что Фернанда находится въ Серизи и что она, по словамъ болтливыхъ сосѣдей, умираетъ отъ какой-то тайной болѣзни, Клеманса прѣехала повидаться съ ней и насытиться ея горестію, какъ воронъ; дожидаясь послѣдняго вздоха воина, умирающаго на полѣ битвы. Не знаю даже, не она ли внушила госпожѣ Борель, ихъ общей монастырской подругѣ, нерасположеніе къ бѣдной Фернандѣ. Фернанда замѣчаетъ, что всѣ какъ-то холодны къ ней и не можетъ не жалѣть о Сен-Леонѣ. Она воротится туда, я уговорю ее, и тамъ преодолѣю всѣ препятствія. Признаюсь тебѣ, Эрберъ, я самый жалкій оболъститель. Я не герой ни въ добродѣтели, ни въ пороку; потому-то, можетъ-быть, я всегда грустенъ, всегда безпокоенъ и три четверти моего времени несчастенъ. Я такъ люблю Фернанду, что не могу отъ нея отказаться. Я готовъ лучше совершить всякое преступленіе, перенести всякое несчастье. Но любовь моя — любовь истинная, и я не хочу преслѣдовать и пугать Фернанду восторгами, которыхъ она еще не раздѣляетъ. Она раздѣлитъ ихъ. Какой оплетъ можетъ быть противопоставленъ любви двухъ существъ, которыя понимаютъ другъ друга? Понимаю восторженныя радости умственной любви молодыхъ, полныхъ жизни любовниковъ, которые медлятъ обнять другъ друга, чтобъ долѣе насладиться объятіями духовными. Теперь я скитаюсь съ Фернандой въ странахъ платонизма. Я увѣренъ, что когда захочу, то могу спуститься опять на землю и увлечь ее съ собою.

Я думаю, удивляетъ тебя жизньъ, какую я веду здѣсь. Я и самъ дивлюсь, но впрочемъ мнѣ и прилична только такая полная покорность случаю или судьбѣ, такое подчиненіе моихъ дѣйствій страстямъ моимъ. Я настоящій юноша; знаю это, по-крайней-мѣрѣ, признаюсь въ томъ и, можетъ-быть, изъ числа всѣхъ известныхъ мнѣ молодыхъ людей, одинъ я не играю чужой роли. Я вду ту

да, куда влечетъ меня моя природа, и не стыжусь того. Одни рдятся въ чужое платье, другіе румянятся; есть такіе, которые хотятъ превратиться въ величественныя статуи; другіе привязываютъ крылья бабочки къ тѣлу черепахи. Вообще, старики хотятъ казаться молодыми, а молодые стараются выказывать степенность и благо-разуміе пожилыхъ людей. Что касается до меня, я дѣлаю все, что приходитъ мнѣ въ голову, и нимало не забочусь о зрителяхъ. Недавно я слышалъ, какъ два человѣка изображали другъ другу свой характеръ. Одинъ говорилъ про себя, что онъ желченъ, мститель-лей; другой, что онъ безпеченъ и безстрастенъ. Когда мы раз-ставались, при выходѣ изъ дилижанса, характеръ того и другаго открылся въ настоящемъ свѣтѣ. Мнимо-желчный человѣкъ съ величайшимъ хладнокровіемъ выслушалъ слова человѣка безстраст-наго, который не могъ перенести малѣйшаго противорѣчія относи-тельно какого-то политическаго вопроса. Потребность казаться не тѣмъ, что мы на самомъ дѣлѣ, такъ сильна у людей, что они гораз-до-охотнѣе будутъ тщеславиться недостатками, которыхъ нѣтъ у нихъ, чѣмъ достоинствами, которыя имѣютъ дѣйствительно.

Я бѣгу за магнитомъ, который привлекаетъ меня, и не осматри-ваюсь ни направо, ни налево, чтобъ узнать, что говорятъ обо мнѣ. Иногда я смотрюсь въ зеркало и смѣюсь самъ надъ собою, но нимало не измѣняю своего поведенія: это было бы слишкомъ-труд-но для меня. Съ такимъ характеромъ, безъ излишней скуки и безъ отчаянія, жду, что судьба сдѣлаетъ со мною; самымъ мирнымъ образомъ провожу время; мысль о любви моей согрѣваетъ мнѣ голову и поддерживаетъ мою надежду. Запершись въ прохладной и темной комнаткѣ въ гостиницѣ, въ жаркую пору, я занимаюсь рисованьемъ и чтеніемъ романовъ (ты знаешь, что у меня страсть къ романамъ). Никто меня здѣсь не знаетъ, кромѣ двухъ-трехъ молодыхъ Парижанъ, которые не имѣютъ никакихъ связей съ Бо-релями. Притомъ, Борели не знаютъ ни имени, ни лица моего, и пребываніе мое здѣсь не можетъ возбудить ни въ комъ подозрѣнія на счетъ Фернанды. Какъ пишетъ, что пріѣдетъ за ней на слѣ-дующей недѣлѣ, — но ясно, какъ день, что онъ вовсе объ этомъ не думаетъ. Правда, отъ нея зависитъ потребовать почтовыхъ ло-шадей, сѣсть въ коляску съ Розеттой и уѣхать въ Дофинѣ. Я ста-раюсь склонить ее къ этому: тогда тотчасъ отправился бы я въ свою пустынь, чрезъ нѣсколько дней воротился бы въ Сен-Леонъ и ска-залъ Жаку и Сильвін, что путешествовалъ по Швейцаріи. Или они ничего не подозрѣваютъ, или не хотятъ ничего видѣть. Последнее мнѣніе я предпочитаю первому; оно утишаетъ остальные упреки, которые приходятъ мнѣ на умъ, когда Фернанда, своими больша-ми, увлажненными любовью глазами и высокими словами о само-пожертвованіи, о добродѣтели, снова повергаетъ меня въ то неопре-дѣленное состояніе, когда колеблешься между желаніемъ и робо-стью. Я робую?... Да, робую. Я готовъ взобратъ на стѣны Вавилона, презирая всѣхъ стражей красоты, евнуховъ, собакъ и

огерей; но одно слово любимой женщины повергает меня на колѣни. Къ-счастію, просьбы любовника сильнѣе всѣхъ угрозъ на свѣтъ, даже внушеній совѣсти. Сегодня вечеромъ, я увижу Фернанду. Она ѣздитъ иногда съ госпожей Борель на балы, которые даютъ офицеры здѣшняго гарнизона. Я танцую съ ней, какъ-будто человѣкъ вовсе незнакомый и нахожу случай сказать ей нѣсколько словъ. У госпожи Борель здѣсь есть старый домъ, въ которомъ ставни и двери отворяются только разъ въ недѣлю. Легко, кажется, пробраться туда и повидаться тамъ съ Фернандой. Она не хочетъ, чтобъ я скитался въ паркѣ Серизи. Мнѣ нравится любовь испанская; но трусиха несогласна со мною.

XX.

Борель къ Жаку.

Старый товарищъ! Дочь твоя умираетъ: это очень-хорошо; но твоя жена губить себя, — это очень-дурно. Ты не можешь воспрепятствовать одному, но долженъ воспротивиться другому. И такъ, оставь дѣтей на чьихъ-нибудь вѣрныхъ рукахъ и призжай за Фернандой. Я самъ взялся бы отвезти ее къ тебѣ, если бъ ты далъ мнѣ право приказывать ей. Но ты, при отъѣздѣ, сказалъ мнѣ только: «другъ мой, поручаю тебѣ жену». Не знаю, что разумѣлъ ты подъ этими словами, — ты вѣдь философъ, и мысли твои очень-отличны отъ нашихъ. Я старый солдатъ и знаю только воинскій уставъ. Въ мое время, дѣла дѣлались да и теперь еще дѣлаются у меня слѣдующимъ образомъ: когда другъ, сослуживецъ поручаетъ мнѣ жену свою или любовницу, сестру или дочь, я полагаю, что мнѣ даны слѣдующія права, или, вѣрнѣе сказать, на мнѣ лежатъ слѣдующія обязанности: 1) Дать пощечину или отколотить палкой наглеца, который обратится къ ней съ очевиднымъ намѣреніемъ посягнуть на честь моего друга, и, если ему захочется, дать ему потомъ надлежащее удовлетвореніе. Можешь быть увѣренъ, этотъ пунктъ будетъ исполненъ въ точности, если хищникъ твоей чести попадетса мнѣ подъ руку; но до-сихъ-поръ онъ неуловимъ, какъ огонь и вѣтеръ. 2) Я считаю себя обязаннымъ, когда жена моего друга упрямится или не слушаетъ добрыхъ совѣтовъ, которые сначала я стараюсь давать ей, увѣдомить друга, чтобъ онъ самъ образумилъ ее, ибо не имѣю права проучить ее, какъ проучилъ бы свою жену въ подобномъ случаѣ. Эту обязанность я и исполняю теперь, мой милый Жакъ, и, разумѣется, исполняю съ крайнимъ прискорбіемъ; но дѣлать нѣчего, такъ должно. Не малая отвѣтственность лежитъ на томъ, кто обязанъ сохранить неприкосновенною добродѣтель такой молодой и прекрасной женщины, какъ жена твоя. Я сдѣлалъ, что могъ, но не моя вина, что смѣются надо мной: женщина въ этомъ отношеніи хитрѣе мужчины. Молчать — значи-

ло бы терпѣть и поощрять зло и предоставить мой домъ для интриги, которой соучастниками могли бы показаться и я и жена моя. Передаю тебѣ дѣло, какъ есть; поступай, какъ знаешь.

Недѣля двѣ назадъ, въ два часа утра, я услышалъ, что кто-то ходитъ взадъ и впередъ подъ моимъ окномъ. Борзая собака моя, которая всегда спитъ у постели, съ лаемъ кинулась къ открытому окну, и къ величайшему моему удивленію, изъ всѣхъ собакъ въ домъ только она и почувала присутствіе чужаго человѣка. Всѣ прочія, хоть онѣ и хорошо знали свою обязанность, молчали, и я подумалъ, что это бродитъ кто-нибудь изъ домашнихъ. Нѣсколько разъ кликнулъ я: «кто тамъ?» никто не отвѣчалъ. Я взялъ трость со шпагой внутри и вышелъ, но не нашелъ никого, и Фернанда, сидѣвшая у окна, увѣряла меня, что ничего не видала и ничего не слыхала. Это показалось мнѣ страннымъ и неправдоподобнымъ, но я не обнаруживалъ своего сомнѣнія и слѣдующія ночи былъ на-сторожѣ. Двѣ ночи спустя, очень-явственно услышалъ я тѣ же шаги; собака моя также лаяла, но я приказалъ ей молчать и тихонько сошелъ въ садъ. Я увидѣлъ, что въ одну сторону побѣжалъ мужчина, въ другую женщина: то была жена твоя. Я не показался ей въ эту минуту, но на другой день, за завтракомъ, постарался дать ей замѣтить, что кое-что видѣлъ; она не хотѣла понять меня. Не смотря на то, волокита болѣе не приходилъ. Сначала я имѣлъ намѣреніе формально объясниться съ твоей женой, но Женіи отговорила меня и взяла этотъ трудъ на себя,—и, чтобъ не огорчить Фернанды, сказала ей, что она одна открыла ея интригу. Со слезами и нервными припадками, Фернанда отвѣчала, что дѣйствительно внушила сильную страсть одному молодому сумасброду, къ которому прѣтаетъ только дружбу, и что изъ состраданія согласилась выслушать его прежде, чѣмъ онъ удалится отъ нея навсегда. Повторяю тебѣ слова, въ какихъ пересказала мнѣ это дѣло жена моя, которая въ своемъ родѣ голова тоже романическая! Думай, что тебѣ угодно объ этой мнимой дружбѣ; что касается до меня, я не вѣрю тутъ ни одному слову; но такъ-какъ Фернанда клялась Женіи, что этотъ молодецъ уѣхалъ чуть-ли не въ Америку, и такъ-какъ съ-тѣхъ-поръ нѣсколько дней ничего не было замѣтно особеннаго, то я охотно отказался отъ неприятной обязанности, которую исполняю теперь.

Въ такомъ положеніи были дѣла, когда полковникъ королевской гвардіи пригласилъ насъ на свои балы. Не люблю этихъ вѣтрогоновъ новой арміи, которые носятъ красные каблуки вмѣсто рая и иностранные ордена вмѣсто стараго нашего креста; но какъ бы то ни было, полковникъ—человѣкъ любезный. Нѣкоторые изъ этихъ господъ—старые служивые, которыхъ необходимость имѣть какую-нибудь должность заставила выворотить мундиръ; на вечерахъ у нихъ пьютъ хорошее вино и играютъ въ большую игру; ты знаешь, что я не святой человѣкъ, а жена моя любитъ танцевать, какъ сумасшедшая; повернувъ немного, я согласился посадить ее въ

коляску, взять въ руки возжи и отвезти въ Туръ вмѣстѣ съ Фернандой, которая сказала, что чувствуетъ себя гораздо-лучше, и съ Клемансой, дурой, которую я терпѣть не могу и которая, слава Богу, простилась съ нами, какъ-скоро мы прѣехали въ городъ. Жена твоя къ балу похорошѣла, какъ ангель, и, право, видя ее, никто бы не сказалъ, что она была такъ больна, какъ говорили. Я ушелъ къ тѣмъ, которые не танцуютъ, и оставилъ своихъ дамъ съ тѣми, которые не отморозили своихъ ногъ въ Россіи. Я посовѣтовалъ только Эжені поостроже присматривать за Фернандой и увѣдомить меня тотчасъ, если она съ кѣмъ-нибудь будетъ танцовать нѣсколько разъ или разговаривать слишкомъ-часто. Я самъ приходилъ три-четыре раза въ танцевальную залу, чтобъ посмотреть, какъ идутъ дѣла. Все, по-видимому, шло очень-хорошо, и если только жена моя не дѣйствуетъ за-одно съ Фернандой, къ чему я не считаю ее способною, то должно быть кавалеръ очень-ловокъ и не такъ *безумецъ*, какъ изобразила его Фернанда. Должно быть также, она стакнулась съ нимъ, чтобъ я никакъ не могъ его узнать, — теперь, я не могу придумать, кто изъ танцовавшихъ съ ней на двухъ балахъ придумалъ съ нею тѣ мѣры, которыя она сумѣла такъ ловко исполнить. Продолжаю рассказъ.

На другой день послѣ послѣдняго бала, когда мы воротились въ Серви, она сказала намъ, что забыла кое-что купить, и что надлежало съѣздить въ городъ верхомъ. Я отвѣчалъ, что въ тотъ день и въ тотъ часъ, который она выберетъ для этой поѣздки, я буду готовъ проводить ее въ городъ вмѣстѣ съ женой или безъ жены, если Эжені будетъ занята. Я предложилъ ей ѣхать на другой или на третій день. Она сказала, что это будетъ зависеть отъ состоянія ея здоровья, и что она увѣдомитъ меня въ первое утро, какъ почувствуетъ себя здоровой. На другой день, около полудня, видя, что она не приходитъ въ залу, я испугался, не сдѣлалось ли ей хуже обыкновеннаго, и послалъ справиться объ ея здоровьѣ; но горничная отвѣчала намъ, что госпожа ея уѣхала въ шесть часовъ утра, верхомъ, въ сопровожденіи одного слуги. Это немножко удивило меня, и я пошелъ справляться въ конюшню. Я зналъ, что лошади Эжені и другая лошадь, на которой обыкновенно ѣздитъ твоя жена, отправлены къ кузнецу, живущему въ двухъ миляхъ отсюда. И такъ, Фернанда принуждена была ѣхать на моей лошади, которая слишкомъ-горяча для такой трусихи, какъ жена твоя. Это обстоятельство повергло меня въ двойное безпокойство: я видѣлъ, что ее что-то особенное влекло въ Туръ; притомъ, боялся, чтобъ она не сломила себѣ шею. Я сталъ дожидаться ея у рѣшетки парка, и скоро прискакала она во весь галопъ, покрытая потомъ и пылью. Она очень сѣмталась, увидѣвъ меня; вѣроятно, она надѣялась воротиться и переодѣться, не бывъ замѣченной; но скоро собралась съ духомъ и сказала мнѣ съ самоувѣренностію: «не находите ли вы, что я встала очень-рано, и что я очень-смѣла?» — Да, отвѣчалъ я; — поздравляю васъ съ такою переменною послѣ отъ-

Ѣзда Жака. — «Видите, какъ ловко владѣю я вашею лошадыю», продолжала она, притворяясь, будто не понимаетъ моего намека. «Сегодня я чувствую себя очень-хорошо; я встала на разсвѣтъ и видя, что погода такая прекрасная, не могла противиться прихоти сдѣлать эту поѣздку.» — Это очень-мило съ вашей стороны, возразилъ я: — но не-уже-ли Жакъ позволяетъ вамъ ѣздить однимъ? — «Жакъ позволяетъ мнѣ дѣлать все, что я хочу», отвѣчала она сухо и поскакала отъ меня въ галопъ, не сказавъ болѣе ни слова. Я поручилъ женѣ пожуричь ее, но женщины поддерживаютъ другъ-друга, какъ разбойники; не знаю, что говорили онѣ между собой. Эженіи просилъ меня не вмѣшиваться въ это дѣло и хотѣла доказать мнѣ, что я не имѣю права читать наставленіе женщины, которая ни сестра мнѣ, ни дочь; что мои эпиграммы грубы и оскорбляютъ Фернанду, что онъ противны обязанностямъ гостеприимства и прочее. Что дѣлать? Она такъ урезонила меня, что я опять прикусилъ языкъ, и жена твоя такимъ же образомъ съѣздила опять въ Туръ, два дня спустя, то-есть, вчера. Да и что могъ я сказать ей, чтобъ не пустить ея въ городъ? Развѣ она не могла отвѣчать мнѣ, что просто-на-просто ѣдетъ покупать бѣлья перчатки и башмаки? Эженіи вѣрила этому, или притворялась, что вѣрить... Но вотъ развязка.

Ты знаешь такъ же хорошо, какъ и я, что въ провинціальныхъ городахъ все замѣчается, все толкуется, все открывается. Красивое личико твоей жены произвело такое оупущеніе на балахъ, что офицеры турскаго гарнизона старались приволочнуться за нею, и такъ-какъ самыя неприступныя женщины бываютъ обыкновенно тѣ, которыя скрываютъ какую-нибудь интрижку, то всѣ они отражены были съ урономъ. Они видѣли ее въ то утро и сдѣловали за нею издали до нашего городскаго дома, видѣли, какъ она вошла туда и вышла, замѣтили, сколько пробыла тамъ времени, освѣдомились, узнали, что никого не было въ домѣ, и естественно, задали себѣ вопросъ, что она дѣлала два часа въ пустомъ домѣ. Пять-шесть человекъ изъ нихъ такъ дѣятельно занялись розысками, что открыли задній ходъ, которымъ, спустя нѣсколько времени по отъѣздѣ Фернанды, вышелъ молодой человекъ, имени котораго не знаютъ, но который съ нѣ котораго времени живетъ въ гостиницѣ «Золотой-Шаръ». Вчера, когда бѣдная Фернанда снова пріѣхала на свиданіе, они подкараулили; что молодецъ именно этимъ ходомъ прѣшелъ въ домъ, закрыли ему путь отступленія, такъ-что онъ этого и не замѣтилъ, разставили караулъ вокругъ дома, и дали ухватъ Фернандѣ, не испугавъ ее никакой враждебной демонстраціей; эти господа всѣ изъ хорошихъ фамилій и люди воспитанные; они не скажутъ дамъ ни слова въ подобномъ случаѣ. Въ наше время, мы не были бы такъ почтительны, но, къ-счастію твоей жены, другія времена, другія нравы. Эти господа хотѣли побѣсить только счастливаго соперника, котораго она имъ предпочитала. Она съѣла на лошадь, взявъ

ключъ отъ нижняго этажа, который выпросила у жены моей подъ предлогомъ отдохнуть немножко въ домъ, пока будутъ сѣдлатъ лошади для отъѣзда; она положила этотъ ключъ въ карманъ, а слуга, провожавшій ее, — не знаю, посвященъ ли онъ былъ въ тайну или нѣтъ, — равнымъ образомъ взялъ съ собой ключъ отъ двора. Фернанда пробѣжала сквозь рядъ зрителей, которые притворились, будто курятъ трубки и толкуютъ о своихъ дѣлахъ; но они потомъ тотчасъ кинулись въ засаду къ окну сарая, чрезъ который любовникъ прошелъ въ домъ. Они съ величайшимъ удовольствіемъ смотрѣли на безполезныя усилія его выйдти; долго держали они его въ плѣну, и, говорятъ, хотѣли вступить съ нимъ въ переговоры, хотѣли заставить его отвѣчать на нѣкоторые вопросы и за эти отвѣты выпустить на волю. Онъ не отвѣчалъ ни на одинъ окликъ, ни на одну шутку и цѣлый день просидѣлъ спокойно, какъ-будто умеръ. Шалуны рѣшили взять его голодомъ и держать караулъ всю ночь; разставлены были посты вокругъ дома, и караульные смѣнялись каждый часъ. Но плѣнникъ, въ отчаяніи, сдѣлалъ такую вылазку, какой вовсе не ожидали: онъ убѣжалъ по крышамъ, и это бѣгство, говорятъ, было чудомъ смѣлости и счастья. Видѣли, какъ онъ, будто тѣнь, мелькнулъ на высотѣ, но не могли поймать его; сегодня утромъ онъ уѣхалъ изъ города, и неизвестно, по какой дорогѣ отправился. Твой старинный товарищъ Лоренъ — онъ теперь эскадроннымъ командиромъ въ егерскомъ гвардейскомъ полку — пріѣхалъ къ намъ обѣдать и рассказалъ мнѣ все это дѣло, — разумется, рассказавъ съ удовольствіемъ, потому-что онъ не очень тебя жалуешь. Только-что онъ уѣхалъ, я отправился на верхъ къ твоей женѣ; она сказала больно и цѣлый день не выходила изъ своей комнаты. Я такъ круто принялся за нее, что она взбѣсилась на меня, какъ чертенокъ. Въместо того, чтобъ упрощать меня молчать объ этомъ дѣлѣ, она вызывала меня увѣдомить тебя объ ея поведеніи, и объявила, что я не имѣю права говорить ей такимъ образомъ, что я дуракъ, и что отъ тебя-самого она не потерпѣла бы упрековъ, какіе я ей дѣлалъ. И такъ, дѣлай, какъ хочешь; я умываю руки.

Она выгнала меня изъ своей комнаты и хотѣла тотчасъ послать за почтовыми лошадьми и оставить домъ, гдѣ, какъ говорила она, ее обижаютъ и притѣсняютъ. Эжені постаралась успокоить ее, и сильный нервическій припадокъ, который въ этотъ разъ, думаю, былъ дѣйствительный, кончилъ ссору. Она теперь въ постели; Эжені ночуетъ съ ней; а я спѣшу писать къ тебѣ, потому-что боюсь, какъ бы вмѣстѣ съ здоровьемъ не возвратилось къ ней желаніе уѣхать отсюда; не могу же я отпустить ее одну съ этой горничной, которая, сказать мимоходомъ, кажется мнѣ препорядочной плутовкой. Я сдѣлаю все, что могу, чтобъ уговорить ее дожидаться тебя; но, ради Бога! выпутай меня изъ этого затрудненія. Не дѣлай мнѣ упрековъ; ты видишь, что я дѣйствовалъ все къ лучшему, и я не могу отвѣчать за то, что будетъ впередъ; если она хочеть

увѣхать, сдѣлать какую-нибудь глупость, позволить увезти себя, что могу я сдѣлать, могу ли запереть ее подъ замокъ? Не скрою отъ тебя, что и я сглухилъ: въ досадѣ, что она не хочетъ слушать моихъ совѣтовъ, я проговорилъ, что лучше бы ей ѣхать домой и позаботиться объ умирающей дочери, чѣмъ тѣшиться сумасбродною любовью, которая дѣлаетъ ее посмѣшищемъ всей провинціи и всего волка... Я тотчасъ пожалѣлъ, что открылъ секретъ, который ты ввѣрилъ мнѣ, потому-что съ ней сдѣлались судороги, которыя доказали мнѣ, что это извѣстіе крайне огорчило ее и что она еще не забыла материнской любви. Оканчиваю письмо просьбою, чтобъ ты былъ къ ней снисходителенъ. Знаю твое хладнокровіе и надѣюсь на твое благоразуміе; но присоедини къ этому благоразумію и сожалѣніе къ бѣдной заблудшей. Она очень молода, можетъ остепениться и раскаяться. Много хорошихъ матерей семейства, которыя также въ свое время пощаливали; у ней сердце, кажется, доброе; по-крайней-мѣрѣ до замужства она была прекрасной дѣвушкой; я не узналъ ее, когда ты привезъ ее къ намъ съ капризами, конвульсіями, къ которымъ я никогда не считалъ ее способною. Не скрою отъ тебя, ты показался мнѣ слишкомъ добрымъ мужемъ; видишь, что значитъ быть черезъ-чуръ влюбленнымъ въ жену! Другіе говорятъ, что ты самъ не безгрѣшенъ, и что живешь въ слишкомъ-нѣжной дружбѣ съ какой-то родственницею, которая пріѣхала къ тебѣ послѣ твоего брака, Богъ знаетъ откуда. Не сердись за то, что я говорю; это рассказывалъ одинъ пріѣзжій купеческій приказчикъ, который сегодня утромъ въ кофейнѣ, услышавъ о приключеніи Фернанды, сказалъ, что ты отчасти заслужилъ такую участь; можетъ-быть, это и ложь. Какъ бы то ни было, пріѣзжай, хоть для того, чтобъ открыть убѣжище твоего соперника и раздѣлаться съ нимъ, какъ онъ заслуживаетъ. Я помогу тебѣ. — Запечатываю письмо; уже полночь. Жена твоя уснула, то-есть, ей лучше. Завтра я извинюсь передъ нею.

XXI.

Фернанда къ Октавію.

Тили, близъ Тура.

Я у матери; оскорбляемая Борелемъ, я искала убѣжища не на груди какой-нибудь покровительницы или подруги, а подъ кровомъ женщины, которая, по-крайней-мѣрѣ, имѣетъ право давать мнѣ уроки; я могу выслушать изъ устъ ея много такихъ словъ, которыя въ устахъ этого грубаго солдата возмущали меня. Завтра ѣду въ Сен-Леонъ; мать моя провожаетъ меня туда. Она знаетъ наше жалкое приключеніе; кто его не знаетъ? но она не такъ жестока ко мнѣ, какъ я ожидала. Она складываетъ всю вину на моего ну-

жа, и, не смотря на весь мой убъжденія, упорно думаетъ, что Сильвія его любовница, и что онъ покидаетъ меня для того, чтобъ жить съ ней. Не знаю, кто распространилъ въ здѣшнихъ мѣстахъ эту безчестную ложь; всѣ здѣсь охотно вѣрятъ ей, какъ и всему дурному... И такъ, мало того, что я сдѣлала Жака смѣшнымъ своимъ безразсуднымъ поведеніемъ, — я не могу еще воспрепятствовать, чтобъ клеветали на него! Его добродушіе, довѣренность ко мнѣ будутъ приписываемы гнуснымъ побужденіямъ! Я увѣрена, что Розетта вывѣняетъ вамъ и продаетъ наши секреты; я сейчасъ встрѣтила ее; она шла отъ моей матери, и очень смутилась, увидѣвъ меня. Черезъ минуту, пришла маменька и заговорила о моихъ семейныхъ дѣлахъ, о моей безразсудной любви, и я увидѣла, что ей пересказаны малѣйшія подробности нашей исторіи; но какъ пересказаны! Прощедъ черезъ уста этой служанки, онъ, какъ вы можете вообразить, загрязнился, обезобразился: наши первыя свиданія у большаго вяза, когда я думала, что предаюсь такому чистому, такому неопасному чувству, представлены въ видѣ наглой интриги; приемъ, сдѣланный вамъ тогда Жакомъ, представленъ безчестною снисходительностью; и моя дружба съ вами и дружба Жака съ Сильвіей осуждены безъ апелляціи, какъ двойная любовная интрига. Чтб могу я отвѣчать на такія обвиненія? У меня нѣтъ силы бороться съ такою горестной судьбой: я позволяю ескорблять, унижать, грязнить себя. Я думаю объ умирающей дочери, которую чрезъ три дня найду уже, можетъ-быть, мертвою. Кажется, небо раздражено противъ меня; не-уже-ли я сдѣлала большое преступленіе, что полюбила васъ? Письмо ваше приноситъ мнѣ столько облегченія, сколько могу я чувствовать; но можете ли вы что-нибудь поправить? Я знаю, что мои горестя мучатъ васъ такъ же, какъ и меня, знаю, что вы отдали бы жизнь свою, чтобъ предохранить меня отъ нихъ,—но уже поздно. Не буду упрекать васъ... а погибла... къ-чему жаловаться?

Не знаю, какъ дошло до меня ваше письмо; но, судя по тому средству, которое вы указываете мнѣ для пересылки къ вамъ отвѣта, вижу, что вы недалеко, что вы проникаете сюда въ домъ Октавій! Октавій! На погибель всю созданы вы; погубили вы меня поведеніемъ, котораго такъ упорно держитесь! Къ чему привести эти страстные преслѣдованія, которыя подвергаютъ опасности вашу жизнь и губятъ честь мою? Зачѣмъ хотите вы оспаривать меня такимъ образомъ у общества, которое смѣется надъ нашими усиліями и для котораго наша страсть служить предметомъ соблазна и насмѣшекъ? Подъ кажимъ платьемъ, съ какими предосторожностями ни приближайтесь ко мнѣ, опять будете все открыты. Домъ невеликъ, меня не спускаютъ съ глазъ, а Розетта знаетъ васъ; вы видите, какова преданность атихъ людей! За дуркоръ они вамъ помогаютъ, за два продаютъ. Къ-чему вамъ видѣть меня? Вы не можете ничего для меня сдѣлать. Надобно все открытъ мужу и получить отъ него прощеніе. Это будетъ нетрудно;

я знаю Жака и не ожидаю ничего дурнаго съ его стороны; но онъ лишить меня навсегда своего уваженія, онъ будетъ имѣть къ мнѣ только состраданіе, и доброта его станетъ унижать меня, какъ безпрерывное оскорбленіе. Что касается до васъ, если вы все еще будете упорствовать въ намѣреніи видѣть меня, можетъ-быть, заплатите за это упорство жизнью: Жакъ пробудится когда-нибудь отъ сна, въ которой гордость его погружена до вѣрчивостью. Не могу воспрепятствовать вамъ въ стремленіи къ вашей роковой судьбѣ; зло, которое вы мнѣ сдѣлали, можете вы только увеличить, погибнувъ жертвою своей любви. Что жъ? пустьъ будетъ такъ. Все, что можетъ ускорить мою смерть, будетъ Божиимъ благодѣяніемъ: пустьъ небо отниметъ у меня дочь, пустьъ поразитъ васъ — я немедленно послѣдую за вами.

XXX.

Октавіи къ Фернанду.

Я погубилъ тебя; ты въ отчаяніи, — и думаешь, что я оставлю тебя? Ты думаешь, что могутъ испугать меня опасности, грозящія моею жизнью, когда я виновникъ всѣхъ горестей твоихъ? Не-уже-ли ты меня считаешь подлецомъ? Да, я былъ безумцемъ, котораго всѣ надежды, всѣ предпріятія разрушила роковая судьба. Но не время теперь жаловаться и унывать; подумай: зло сдѣлано; ничто меня не утѣшитъ, и сердце мое вѣчно будетъ источать кровь за вину мою. Но если прошедшее незагадимо, по крайней-мѣрѣ будущее принадлежитъ намъ, и я не перенесу мысли, что оно должно быть для тебя неумолимымъ, вѣчнымъ наказаніемъ. Но, Фернандо, Богъ милостивъ и покровительствуетъ тѣмъ, которыхъ оставляютъ люди. Онъ сохранитъ тебя, — Онъ одинъ знаетъ, какимъ образомъ, по крайней-мѣрѣ, возвратитъ тебѣ дочь твою. Борель, вѣроятно, преувеличилъ ея болѣзнь, чтобъ отмстить за справедливую гордость, съ какою отвергла ты его дерзкіе упреки: когда я увѣждалъ изъ Сен-Леона, она была нездорова, но слегка, и по сложенію ея можно судить, что она способна вынести неизбежныя болѣзни дѣтства. Ты найдешь ее уже здоровою, или, по крайней-мѣрѣ, она выздоровѣетъ, уснувъ на груди твоей. Вся бѣда, какъ для нея, такъ и для насъ, произошла отъ твоего отъѣзда. Мы составляли счастливую семью, вѣрили другъ другу и, казалось, одна и та же жизнь олушевляла насъ; ты вздумала прервать эту мирную жизнь, которую повелѣвало вѣсти намъ само небо. Оно повергало тебя въ мои объятія; Жакъ не зналъ бы этого, или терпѣлъ бы; Сильвія не смѣла бы оскорбиться. Теперь заговорилъ свѣтъ; онъ запятналъ проклятіемъ любовь нашу: надо омыть ее кровью. Дай мнѣ волю, я предложу свою

кровь Жаку— всю до последней капли. Я былъ бы послѣднимъ негодяемъ, еслибъ поступилъ иначе. Если онъ ограничится тѣмъ, что рѣшится отнять у меня жизнь и возвратитъ тебѣ счастье, я умру съ отрадою въ душѣ, очищенный отъ преступленія моего; но если онъ дурно обойдется съ тобой, если станетъ грозить тебѣ, унижать тебя — горе ему! Я кинулъ тебя въ пропасть, я же съумѣю и вытащить изъ нея. Не думаешь ли ты, что меня безпокоитъ свѣтъ? Я думалъ нѣкогда, что это суровый и справедливый властелинъ; теперь же я разрываю съ нимъ связи, разрываю съ того дня, какъ онъ запретилъ мнѣ любить тебя; теперь я презираю его; я заключу тебя въ свои объятія и унесу на край земли, унесу съ тобой дѣтей твоихъ, по-крайней-мѣрѣ дочь твою, и мы будемъ жить въ глуши какой-нибудь пустыни, гдѣ не будутъ доходить до насъ бессмысленные клики общества. Я не могу, подобно Жаку, предложить тебѣ богатое состоянiе; но все, чѣмъ я владѣю, будетъ принадлежать тебѣ; я одѣнусь въ мужицкое платье и буду работать, чтобъ у дочери твоей было шелковое платьице, и чтобъ тебѣ нечего было дѣлать, какъ только играть съ нею. Участь, какую я предложу тебѣ, не такъ будетъ bestяща, какъ теперешняя твоя участъ, но ты увидишь болѣе любви, болѣе преданности, чѣмъ во всѣхъ дарахъ твоего мужа. Итакъ, ободришься и поспѣшай въ Сен-Леонъ. Еслибъ не опасался я усилить гнѣвъ Жака, то посадилъ бы тебя сегодня вечеромъ въ почтовую коляску и проводилъ бы тебя самъ къ мужу; но онъ, можетъ-быть, подумаетъ въ первую минуту, что я этимъ желалъ оскорбить его; я не хочу этого. Явлюсь къ нему и дамъ ему удовлетворенiе, какое онъ захочетъ; онъ справедливо сталъ бы презирать меня, еслибъ я бѣжалъ въ подобную минуту. Сегодня утромъ вошелъ я въ садикъ твоей матери и видѣлъ, что она о чемъ-то совѣтовалась съ Розеттой; прогони отъ себя эту дѣвушку какъ-можно-скорѣе. И тебя я видѣлъ; ты была такъ блѣдна, такъ уныла! Я почувствовалъ всѣ муки совѣсти и отчаянiя. Я былъ одѣтъ мужикомъ и продалъ твоему слугѣ цветы, въ которыхъ ты нашла мою первую записку. Это письмо вручу тебѣ сегодня вечеромъ самъ, въ минуту твоего отъѣзда, и поѣду въ двухъ шагахъ отъ тебя. Будь мужественна, Фернанда; люблю тебя всѣми силами души моей; чѣмъ болѣе будемъ мы несчастны, тѣмъ болѣе буду любить тебя.

XXIII.

Октавій къ Эрберу.

Мнѣ надо многое рассказать тебѣ. 15 числа вечеромъ, я отправился назадъ въ Дофинѣ съ Фернандою и г-жею де-Тёрсанъ; мать Фернанды никакъ не подозрѣвала, что одинъ изъ почталейоновъ, правившихъ лошадьми, былъ не кто иной, какъ любовникъ, кото-

раго она хотѣла разлучить съ своею дочерью. Эта г-жа де-Тёрсанъ, хотя и злая женщина, однакожь очень-благоразумна и осторожна. Она отпустила Розетту и отправила ее въ Парижъ съ довольно-значительною суммою денегъ и рекомендательнымъ письмомъ къ одной знакомой, которая приищетъ ей выгодное мѣстечко. Я встрѣтилъ эту субретку въ гостиницѣ, въ сосѣдней деревнѣ, гдѣ она садилась въ дилижансъ; мнѣ хотѣлось ударить ее хлыстомъ, но я сообразилъ, что для пользы Фернанды долженъ сдѣлать совершенно-противное. Потому, я удвоилъ подарокъ г-жи де-Тёрсанъ и видѣлъ, какъ она отправилась въ Парижъ. Тамъ, по-крайней-мѣрѣ, злой языкъ ея заглушится шумомъ голосовъ, которые носятя надъ бездною, поглощающею все — и проступки и клеветы. Когда Фернанда уѣзжала, я съ удовольствіемъ видѣлъ, что г-жа Борель представила ей доказательство своей дружбы, которое должно пролить въкоторое утѣшеніе въ ея разбитое сердце. На первой станціи, я помѣнялся съ Фернандой взглядомъ, пожалъ ей руку, сунулъ ей въ руку записку, скинулъ съ себя костюмъ почтальйона и целую ночь скакалъ на почтовой верховой лошади позади ея коляски; на каждой станціи я приближался къ ней и, при таинственномъ свѣтѣ фонаря, видѣлъ лучъ надежды и удовольствія въ глазахъ ея. Утромъ, въ то время, когда она завтракала въ какой-нибудь гостиницѣ, я нанималъ почтовый экипажъ и продолжалъ такимъ-образомъ путешествіе. Кстати, пришли мнѣ поскорѣй денегъ; если прійдется сдѣлать какую-нибудь новую экспедицію, я, право, не знаю, какъ извернута.

Г-жа де-Тёрсанъ замѣтила мою физиономію на дорогѣ, но она никогда меня прежде не видывала, и я такъ похожъ былъ на проѣзжаго хунца или приказчика, такъ равнодушнымъ казался и къ ней и къ ея дочери, что она не могла отгадать моего намѣренія. Я остановился на дорогѣ у въѣзда въ долину Сен-Леонъ; онъ поѣхали dalje; я отослалъ свой экипажъ въ домъ священника, приказавъ почтальйону вѣхать тише, а самъ въ полчаса, ближайшею тропинкой, черезъ лѣсъ, добрался до замка, вошелъ въ него, какъ-къ-незамѣченный, и усѣлся въ гостиной за ширмами, гдѣ иногда кладутъ дѣтей. Тутъ стояла одна пустая колыбель; сердце мое жмалось; я отгадалъ, что малютка умерла, — и горько заплакалъ, представивъ себѣ ударъ, ожидавшій мою бѣдную Фернанду.

Съ четверть часа сидѣлъ я тутъ, пораженный этимъ сдѣланнымъ мной неодолимымъ несчастіемъ; вдругъ услышалъ шаги и голоса нѣсколькихъ человекъ: то пришли Жакъ, Фернанда и ея мать. — «Гдѣ дочь моя?» говорила Фернанда мужу: «покажи мнѣ дочь мою.» Звукъ ея голоса раздиралъ душу. Въ голосѣ Жака было что-то странно-жестокое, когда онъ отвѣчалъ ей вопросомъ: *а гдѣ Октавій?*... Я тотчасъ всталъ, вышелъ изъ-за ширмъ и сказалъ рѣшительнымъ тономъ: *здѣсь!* Нѣсколько секундъ онъ былъ неподвиженъ и глядѣлъ на г-жу де-Тёрсанъ, — можешь вообразить, какое

взвешеніе выражалось на лицѣ ея. «Хорошо!» Это было первое и послѣднее наше объясненіе.

Фернанду томило двойное безпокойство — узнать, жива ли дочь ея и какъ обойдется со мной Жакъ; блѣдная, трепещущая, она упала въ кресла и сказала задыхающимся голосомъ: «Жакъ, скажи мнѣ, дочь моя умерла? Ты получилъ письмо Бореля?» — Я не получалъ никакого письма, отвѣчалъ Жакъ, и пріездъ твой для меня неожиданное счастье. — Онъ проговорилъ этотъ отвѣтъ съ такимъ спокойствіемъ, что Фернанда должна была поверить ему. Я бы и самъ дался въ обманъ, еслибъ не зналъ чрезъ Розетту, которой извѣстны были всѣ тайны Серизи, что Борель писалъ и все разсказалъ Жаку. Фернанда живо встала, и лучъ радости блеснулъ на лицѣ ея; но тотчасъ опять опустилась она въ кресла, сказавъ: — «И такъ дочь моя умерла!» — Вижу, сказалъ Жакъ, съ нѣжностью наклонясь къ ней: — что Борель проговорился, какія причины удерживали меня вдали отъ тебя. Печальное оправданіе приношу я тебѣ, моя бѣдная Фернанда; но ты пріймешь его, и мы поплачемъ вмѣстѣ. — Въ эту минуту вошла Сильвія, съ сыномъ Фернанды на рукахъ; она положила его на руки несчастной, покрывая ее поцалуями и слезами. *Одинъ!* сказала Фернанда, обнимая сына и упала въ обморокъ.

Г-жа де-Терсайъ взяла Жака за руку. — «Оставьте дочь мою» сказала она ему: «на попеченіи этихъ двухъ особъ, которыхъ съ удивленіемъ я вижу здѣсь, и позвольте мнѣ теперь же поговорить съ вами въ другой комнатѣ.» — Нѣтъ, отвѣчалъ Жакъ сухо и гордо: — позвольте мнѣ самому помочь женѣ моей; потомъ вы скажете все, что вамъ будетъ угодно, въ присутствіи этихъ двухъ особъ. — Фернанда, сказалъ онъ, обращаясь къ жемъ, начинавшей приходить въ чувство: будь мужественнѣй, вотъ все, чего я отъ тебя требую въ награду за неизмѣнную нѣжность, какую питаю къ тебѣ. Побереги себя для этого малютки; посмотри, какъ онъ улыбается, нашъ бѣдный единственный сынъ! Ты должна дорожить жизнью, ты еще окружена существами, которыя любятъ тебя; вотъ Сильвія: она ждетъ, чтобъ ты приняла ее ласки; вотъ я, у ногъ твоихъ, заклинаю тебя преодолѣть свою горестъ, а вотъ — и Октавій... Послѣднее слово онъ произнесъ съ явнымъ усиленіемъ. Фернанда бросилась къ нему на руки; на лицѣ его были двѣ крупныя слезы и во взглядѣ, брошенномъ на меня, странная смѣсь упрека и прощенія. Станный человекъ! Я готовъ былъ кинуться къ ногамъ его...

Около часа провели мы въ слезахъ. Жакъ былъ такъ добръ и нѣженъ къ женѣ, что она успокоилась по-крайней-мѣрѣ на счетъ одного изъ двухъ несчастій, которыхъ страшилась: она подумала, что онъ еще ничего не знаетъ, и ободрилась до того, что подала мнѣ руку, мнѣ послѣднему, показавъ тысячу свидѣтельствъ нѣжности сыну, мужу, Сильвіи. — «Видишь» сказалъ я ей потихоньку, улучивъ минуту, когда я былъ одинъ подлѣ ней: «ты

видишь, что не разомъ обрушиваются все удары, и что я еще у ногъ твоихъ.» Я встрѣтилъ глаза г-жи де-Тёрсанъ, которая съ негодованіемъ смотрѣла на меня. Жакъ вошелъ опять съ Сильвіей; они уговорили Фернанду, чтобъ она немножко подкрѣпилась пицей, и мы проводили ее къ столу. Завтракъ былъ скученъ и молчаливъ; по попеченія наши, казалось, мало-по-малу возвращали Фернанду къ жизни. Никто не говорилъ съ госпожою де-Тёрсанъ, которая, казалось, была очень-равнодушна къ несчастію своей дочери, то-и-дѣло смотрѣла то на Сильвію, то на меня, и съ проницательной вѣжливостью благодарила насъ за внимательность, какую мы изрѣдка ей оказывали. Жакъ, съ своей стороны, не оказывалъ ей никакой вѣжливости. Когда мы воротились въ гостиную, г-жа де-Тёрсанъ, обратясь къ Жаку, сказала ему дерзкимъ тономъ: «такъ вы не хотите объясниться со мною наединѣ?»—Но хочу, сударыня, отвѣчалъ Жакъ.—«Фернанда» сказала она: «ты слышишь, какъ въ твоемъ домѣ обращаются съ своею матерью: я пріѣхала сюда, чтобъ защитить тебя, хотѣла, сколько возможно, помирить тебя съ мужемъ и употребить вѣжливость и разсудокъ, чтобъ убѣдить его отказаться отъ своихъ инстинктовъ и простить твои. Но меня обижаютъ, тогда-какъ я еще не сказала ни слова въ твою пользу; теперь ты должна рѣшиться, что мнѣ дѣлать.»—Прошу васъ, маменька, сказала смущенная и испуганная Фернанда:—отложить до другаго времени всякое объясненіе съ кѣмъ бы то ни было.—«Не-уже-ли ты думаешь, Фернанда» сказалъ Жакъ: «что намъ когда-нибудь понадобится посредникъ, для объясненія другъ съ другомъ? Не-уже-ли ты просишь мать взять съ тобой, чтобъ защитить тебя отъ меня?»—Нѣтъ, нѣтъ, никогда! вскричала Фернанда, скрывая свою голову на груди Жака:—не вѣрь этому! все это случилось противъ моего желанія; не слушай, не отвѣчай... Маменька, сжалятесь надо мною, молчите. — «Молчать» было бы низостью съ моей стороны» возразила г-жа де-Тёрсанъ «еслибъ то, что я хотѣла сказать, могло послужить хоть къ чему-нибудь; но я вижу, что это будетъ напрасный трудъ. Если здѣсь все довольны, то мнѣ остается только удалиться. Но замѣть, Фернанда, мы видимся въ послѣдній разъ: постыдная жизнь, отъ которой я надѣялась спасти тебя, и въ которую ты хочешь погрузиться еще глубже, запрещаетъ мнѣ идти впередъ съ тобой сношенія. Въ глазахъ свѣта, это значило бы, что я одобряю соблазнительное: твоё поведеніе и подражаю постыдной снисходительности твоего мужа.» Фернанда, блѣднѣе смерти, упала на софу, проговоривъ: «Боже мой, пощади меня!» Жакъ былъ тамъ же блѣденъ, какъ она; но гнѣвъ его выразался только въ томъ, что брови его слегка нахмурились; по разсказамъ Фернанды, я зналъ, что это значило: но г-жа де-Тёрсанъ не знала всей важности этой чужь-заманной примѣты.—«Сударыня!» сказалъ ей Жакъ слегка-пошлывишшею голосомъ: «никто въ свѣтъ, кромѣ меня, не имѣетъ права надъ моею женою; вы отказались отъ своихъ правъ, выдавъ ее замужъ.

Итакъ, имеемъ моей власти, имеемъ моей привязанности къ ней, я запрещаю вамъ обращаться къ ней съ упреками и оскорбленіями, которыя въ томъ состояніи, въ какомъ вы ее видите, могутъ быть для нея гибельны. Знаю: для того, чтобъ шить удовольствіе оскорбить меня, вы не подорожите жизнью своей дочери; но если вы сердиты на меня, говорите: я съумю отвѣчать вамъ; достаточно будетъ сказать, что я васъ знаю!» — Г-жа де-Терсанъ нагнѣшилась въ лицѣ, но гнѣвъ, видно, преодолѣлъ испугъ, который, казалось, возбудила въ ней эта угроза; она встала, взяла Фернанду за руку, и грубо, подтащивъ ее ко мнѣ, почти кинула ее ко мнѣ на колѣни и сказала: «Если ты сама этого хочешь, Фернанда, то оставайся въ той постыдной жизни, въ которую повергъ тебя мужъ; я не могу поднять униженную душу. Что касается до васъ, сударыня, сказала она Сильвіи:—поздравляю васъ съ тою ролью, которую вы здѣсь играете, и удивляюсь ловкости, съ какою доставили вы любовника вашей соперницѣ, а сами заняли ея мѣсто у мужа. Теперь, я уязвляю; я исполнила свою обязанность; я предлагала дочери подиору, которую она должна бы вымаливать; она отвергаетъ ее: да проститъ ее Богъ,—потому что я ее проклинаю!»—Фернанда испустила вопль ужаса. Я невольно прижалъ ее къ груди своей, Сильвія съ холоднымъ презрѣніемъ сказала г-жѣ де-Терсанъ, что не понимаетъ ея словъ и не отвѣчаетъ на загадки. «Я объясню тебѣ эту загадку» сказалъ Жакъ: «госпожа эта небогата, и она знаетъ, что на случай вдовства или разлуки съ ея дочерью я обезпечивалъ Фернандѣ значительное состояніе; теперь она старается поссорить насъ, чтобъ дочь, веротась подъ ея опеку, предоставила въ ея распоряженіе пятьдесятъ тысячъ ливровъ ежегоднаго дохода: вотъ и вся загадка!» Г-жа де-Терсанъ посиныла отъ злости, и такъ-какъ злость удивительно развязываетъ языкъ, то она осыпала Жака и Сильвію такимъ язвительными эпиграммами, что Жакъ вышелъ изъ терпѣнія и брови его совершенно нахмурились; тогда онъ раскрылъ бумажникъ, показалъ г-жѣ де-Терсанъ какія-то слова, написанныя на клочкѣ бумаги, какое-то изображеніе, разорванное пополамъ, и сказалъ грознымъ голосомъ: *знаете ли вы это?* Она сдѣлала быстрое движеніе, чтобъ вырвать бумагу, и съ замѣшательствомъ отвѣчала, что не знаетъ, что это значитъ; но Жакъ, оттолкнувъ ее, снялъ съ шеи Сильвіи снурокъ, который она никогда не снимаетъ; раздразгъ ившечекъ изъ чернаго атласа, вынулъ оттуда другую полешину изображенія, показалъ ее г-жѣ де-Терсанъ и тѣмъ же громовымъ голосомъ, какого я никогда не слыхалъ изъ устъ его, повторилъ: *а это знаете?* Несчастная женщина чуть не упала въ обморокъ отъ стыда, но скоро оправилась и съ отчаяніемъ вскричала: «что жь? это не мѣшаетъ ей быть вашей любовницей; вѣдь вы знаете, что она не сестра ваша.»—Она не сестра тебѣ, Жакъ? сказала Фернанда, которая, подобно намъ, не понимая этой странной и таинственной сцены, подошла къ матери, чтобъ помочь

ей.—Нѣтъ, это ея любовница, кричала г-жа де-Тёрсанъ, стараюсь увлечь дочь свою.—Убъжимъ изъ этого дома; это домъ разврата; уйдемъ, Фернанда; ты не можешь оставаться подъ тою же кровлею, подъ которой живетъ любовница твоего мужа!—Бѣдная Фернанда, пораженная столькими ощущеніями, такими печальностями, стояла въ нерѣшимости, а мать трясла ее и толкала къ двери. Жакъ освободилъ ее отъ этой пытки, и подведя къ Сильвіи, сказалъ: «Если она не сестра мнѣ, то по-крайней-мѣрѣ тебѣ сестра; обними ее, и забудь мать, которая сама себя погубила.»

Г-жа де-Тёрсанъ впала въ страшныя конвульсивы. Ее отнесли въ комнату дочери. Фернанда послѣдовала за нею. Сильвія отправилась туда же, но прежде, чѣмъ вышла изъ комнаты, она оставилась между Жакомъ и мною, взяла насъ обихъ за руки и сказала: «Жакъ, ты зашелъ слишкомъ-далеко, ты не долженъ былъ говорить этого при Фернадѣ и при мнѣ. Мнѣ очень-непріятно было узнать, что это мать моя. Я надѣялась, что женщина, давшая мнѣ жизнь и потомъ бросившая меня на волю судьбы, умерла. Къ-счастью, Фернанда, кажется, не поняла этой сцены и легко будетъ увѣрить ее, что, назвавъ меня ея сестрой, ты просто указывалъ на дружбу мою къ ней».—Пусть она думаетъ, что хочетъ; никто здѣсь не станетъ объяснять ей этихъ жалкихъ тайнъ. Октавій не выскажетъ ихъ.—Тѣмъ болѣе, замѣтилъ я, что я ничего не знаю, и такъ же мало угадываю эти тайны, какъ и Фернанда. Мы разошлись и Сильвія провела остальную часть дня въ комнатѣ г-жи де-Тёрсанъ. Фернанда, сама будучи больна, принуждена была лечь въ постель, какъ - скоро увидѣла, что мать ея немного успокоилась. Сильвія съ удивительною ревностью ухаживала поочередно то за той, то за другою. Надо сказать правду, великое и благородное созданіе эта Сильвія! Не знаю, что происходило между ею и г-жею де-Тёрсанъ, но когда на другой день утромъ г-жа де-Тёрсанъ отправилась, ни съ кѣмъ не простясь, одна только Сильвія проводила ее до экипажа. Я видѣлъ ихъ; онѣ проходили по парку, онѣ не могли меня замѣтить. Г-жа де-Тёрсанъ казалась убитою и не имѣла болѣе силъ для гнѣва и злости. Прощаясь съ Сильвіей и собираясь сѣсть въ экипажъ, ожидавшій ее у рѣшетки, она подала ей руку, потомъ, послѣ минутной нерѣшимости, рыдая, кинулась въ ея объятія. Я слышалъ, что Сильвія предлагала ей проводить ее хоть до половины дороги до Тильи, чтобъ въ случаѣ нужды оказать ей необходимое пособіе. «Нѣтъ» сказала г-жа де-Тёрсанъ: «мнѣ тяжело смотрѣть на тебя; но если я позволю тебя въ послѣдній часъ моей жизни, общей пріѣхать закрыть мнѣ глаза.»—Клянусь, отвѣчала Сильвія:—и клянусь также, что Фернанда никогда не узнаетъ этой тайны.—«А тотъ молодой человекъ сохранитъ ее?» прибавила г-жа де-Тёрсанъ, говоря обо мнѣ.—Даю вамъ клятву и за него!—«Прощай» сказала г-жа де-Тёрсанъ: «прости меня; я очень несчастна!»—Я должна вамъ еще передать кое-что, замѣтила Сильвія:—эти три строчки, кото-

рыя показалъ вамъ вчера Жакъ, единственныя доказательства моего происхожденія; вы можете и должны ихъ уничтожить. Вотъ еще половинка образа, другую оставьте мнѣ; я дорожу ею, потому-что она напоминаетъ мнѣ Жака. «Доброе, доброе созданіе!» воскликнула г-жа де-Терсанъ, съ восторгомъ взявъ бумагу, подаренную ей Сильвіей. Это было единственныиъ выраженіемъ ея признательности. Въ этомъ дурномъ сердцѣ, радость быть освобожденною отъ опасеній за честь свою, одержала верхъ надъ раскаяніемъ преступной совѣсти; г-жа де-Терсанъ быстро пошла къ каретѣ.

Сильвія долго неподвижно смотрѣла въ слѣдъ за нею; когда она исчезла за рѣшеткой, Сильвія скрестила руки на груди и едва слышное слово: «мать моя!» замерло на блѣдныхъ устахъ ея. «Объясни мнѣ эту тайну, Сильвія» сказалъ я, подходя къ ней и съ почтеніемъ цалуя ея руку: «какимъ-образомъ эта женщина мать твоя, тогда-какъ ты считала себя сестрой Жака?» Лицо ея приняло выраженіе необъяснимой задумчивости, и она отвѣчала мнѣ: «На свѣтъ только эта женщина можетъ знать, кто былъ мой отецъ, и она этого не знаетъ! Она—мать моя!» Значитъ, она была любима отцомъ Жака?—«Да; но въ то же время у ней былъ другой любовникъ.»—Но что же было написано на той бумагѣ?—«Четыре-пять словъ, писанныхъ рукой жакова отца; онъ свидѣтельствовалъ, что я дочь г-жи де-Терсанъ, но объявлялъ, что не увѣренъ, онъ ли отецъ мой, и что, по этому сомнѣнію, онъ и не рѣшился принять на себя моего воспитанія. Отправляя меня въ сиротскій домъ, онъ повѣсилъ мнѣ на шею образокъ, котораго половинка осталась у меня.»—Какъ странна судьба твоя, Сильвія! сказала я:—недаромъ Богъ одарилъ тебя такимъ великимъ сердцемъ.—«Горести ничего не значатъ», отвѣчала она, сдѣлавъ жестъ, какъ-будто желая удалить мысль о себѣ: «мучать меня ваши горести, горести Ферранды, особенно Жака».—А не-уже-ли мои горести не трогаютъ тебя!—«О тебѣ я жалю больше всѣхъ», сказала она: «потому-что ты всѣхъ слабѣе. Впрочемъ, одно обстоятельство мидитъ меня съ тобой; это то, что ты сюда прѣехалъ: тутъ видѣвъ мужчину, а хотѣлъ объясниться съ ней на-счетъ нашихъ общихъ дѣлъ. А существовалъ въ себѣ въ эту минуту темное расположеніе къ доверенности и движеніе, какого, можетъ-быть, не найду въ другой разъ въ своемъ сердцѣ. Я видѣлъ ея благородный поступокъ, и хотѣлъ былъ открыть ей всю свою душу, но она наказала меня за прежнюю недовѣрчивость, закрывъ мнѣ доступъ къ душѣ своей. «Да дѣла Жака» сказала она:—«и я не знаю, что онъ думаетъ. Ты долженъ подождать, пока онъ на что-нибудь рѣшится: будь увѣренъ, что онъ знаетъ все; но теперь, его первая и единственная забота—успокоить и утѣшить Ферранду.»

Она оставила меня и одна пошла по другой аллеѣ парка. Я хотѣлъ справиться о здоровьи Ферранды; Жакъ былъ въ ея спальнѣ и читалъ; она спала. Что за странное положеніе мое. Эдвардъ! Вести себя съ этими людьми такъ же, какъ прежде, тогда-какъ продающій ме-

жду нами были вещи, которыхъ дальнѣй бы слѣдъ показывать намъ
вѣчную пререклу другъ отъ друга. Поищемъ ли, сколько надо мнѣ
мужества, чтобъ восстучался въ дверь, которую отворяетъ Жакъ, и
сколько я страдаю, когда она уходитъ, говоря мнѣ съ необыкновен-
ными своимъ спонсифствами: «постарайтесь убедить ее, чтобъ она жи-
ла». Что такое скриваюсь въ себѣ безстрастное великодушіе этого че-
ловѣка? Въ перелѣ ли выдохкой любви жертвуетъ онъ таинствъ обра-
зомъ и своею ненавистью ко мнѣ и своимъ страданіями? Бываютъ ми-
нуты, когда я именно такъ думаю, и однакожь это такъ противорѣ-
чить человѣческой природѣ, что на могу искренно вѣрить тому. Ес-
либъ онъ не представилъ такихъ доказательствъ своей храбрости
и презрѣнія къ жизни, какихъ я, можетъ-быть, никогда не буду
имѣть, случалъ предстать, то можно было бы подумать, что онъ
боится драться съ мной; но я рѣшилъ его въ теченіи цѣлаго года
почти каждый день, я знаю чрезъ Сильвію все его житье, и для
меня такое объеженіе не имѣетъ никакого смысла. Я долженъ
остановиться на томъ мнѣніи, что сердце его добро, но не пламен-
но, привязанности благородны, но не страстны. Онъ принялъ на
себя, какъ и всѣ люди, роль, которую и разшириваетъ съ рѣши-
тельной твердостью; онъ падаетъ себѣ за образецъ какого-нибудь ге-
роя драмы, и такъ восмѣетъ къ своей роли, что самъ сдѣлался
дремучимъ героемъ, въ одно и то же время смѣшнымъ и удивитель-
нымъ въ настоящемъ видѣ. Далеко ли пойдетъ это странное вели-
кодушіе? Допускается ли онъ выдворенію жены, чтобъ разорвать
связь съ ней или потребовать у меня удовлетворенія? Онь, кажется,
и смущенъ, и доводитъ важностию моего поведенія, и иногда смо-
треть на меня глазами, въ которыхъ блещитъ жажда крови. Та-
ить ли онъ до поры до времени мечь свою или смѣлится задушить
ее? Подожду. Три дня мы все въ одинакомъ положеніи. Фернан-
да серьезно больна, и еще ни одной ночи не провели мы спокой-
но. Жакъ и Сильвія позволяютъ мнѣ проводить съ ними ночи въ
спальнѣ ея; что бы ни было въ глубинѣ ихъ души, благодарю ихъ
за то отъ всего моего сердца. Надѣюсь, Фернанда скоро выздо-
родитъ, а младшая, крѣпкое тѣлоустройство и стараніе Жана и
Сильвіи удалитъ отъ нея всякую мысль о новомъ огорченіи, вѣр-
но, сдѣлаютъ больше, чѣмъ пособіе опытныхъ врачей, который при-
глашенъ былъ для дочери и остался для нея. Прощай, мой другъ.
Сожги эту писемку; въ немъ скрывается тайна; я неกล้า хранить
ее и думаю, не нарушить вѣстныхъ, порочивать тайну другому л.

XKIV.

Жакъ къ Борелію.

Благодарю тебя, старайся толерантно, съ широтою и съ презрѣд-
нымъ великодушіемъ. Знаю, что хочешь стать бы драться,
чтобъ защитить отъ оскорбленія жену мою и даже чтобъ оказать

мнѣ малѣйшую услугу. Надюсь, ты увѣренъ въ такой же шреданности съ моей стороны и если придется тебѣ обратиться за чѣмъ-нибудь къ дружбѣ, то ты не обратишься ни къ кому, кромѣ меня. Поблагодари также добрую твою Эмели за пометчѣнїя ея о Фермандѣ и не проси ее, если она будетъ носить къ тебѣ, не унеминать, что я получалъ отъ тебя письмо, въ которомъ ты уведомилъ меня обо всѣмъ, что было. Прощай, мой добрый другъ; а твою, на жизнь и на смерть.

XV.

Жакъ къ Октавію.

Хочу избавить васъ отъ неприятнаго и затруднительнаго объясненїя на словахъ; скорее и хладнокровнѣе объяснились мы на бумагѣ. Я долженъ предложить вамъ нѣсколько вопросовъ, и надюсь, вы не будете оспаривать у меня права спросить васъ о нѣкоторыхъ вещахъ, которыя интересуютъ меня по крайней мѣрѣ столько же, сколько и васъ.

1) Не думаете ли вы, что я не знаю, что было между вами и особой, которую нѣтъ надобности называть по имени?

2) Съ какими намеренїемъ вернулись вы сюда, на-дняхъ. въ одно время съ этой особой и явились ко мнѣ съ такою свѣдѣтельностью?

3) Пытаете ли вы къ этой особѣ истинную привязанность? Вѣдали бы вы ее на свое пометчѣнїе и обивались ли бы посвятить ей всю свою жизнь, ослабѣть вужь покинуть ее?

Отвѣчайте на эти три вопроса, и если уважаете систематическую и жизнь этой особы, храните отъ нея въ тайнѣ содержанїе этого письма: нарушая тайну, вы сдѣлаете невозможными счастье и будущее счастье ее.

XVI.

Октавій къ Жаку.

Я буду отвѣчать на ваши вопросы съ откровенностью и добротностью человека, увѣреннаго въ самомъ-себѣ:

Первое. Оставаясь Туркомъ, я зналъ, что вамъ известно, что произошло между ею и мною.

Второе. Я явился сюда, чтобъ предложить вамъ жизнь мою: эту жертвой хочу я загладить нанесенную вамъ обиду. Если вы будете великодушны къ мнѣ, — грудь моя открыта, руки безоружны, — прошу васъ, пронзите эту грудь пулей или шпагой; но если вы думаете мстить ей, мы поспоримъ за жизнь, и я постараюсь убить васъ.

Третье. Привязанность моя къ ней такъ глубока и истинна, что если смерть или неважность заставитъ васъ ее покинуть; я хочу посвятить ей всю жизнь мою и загладить, сколько возможно, зло, которое ей сдѣлалъ.

Прощайте, Жакъ. Я несчастливъ, но не могу рассказать вамъ страданій, которыхъ вы причиною; если вы хотите отыскать мнѣ, должны желать найти меня на ногахъ. Съ моей стороны было бы низко умолять васъ, и безразсудно было бы пренебрегать вашими мужествами; но я долженъ ждать васъ,—и жду. Прощайтесь.

XXVII.

ОКТАВІЙ КЪ ЭРВЕРУ.

Жакъ уѣхалъ: куда и на долго ли? возвратится ли онъ когда-нибудь? Все это для меня еще тайна; у этого чловѣка страсть быть неразгаданнымъ. Двадцать ударовъ шпаги для меня легче этого презрительнаго молчанія. И въ чемъ же могу я обвинять его? Поведеніе его въ-отношеніи къ своей женѣ до-сихъ-поръ благородно; но сожалѣніе ко мнѣ унижаетъ меня; онъ медлитъ ищеніемъ, и это истощаетъ мое терпѣніе. Нельзя назвать жизнью этой сомнительности настоящаго, неизвѣстности будущаго.

Я послалъ тебѣ копію съ записки, написанной имъ ко мнѣ изъ Сен-Леона и съ отвѣта, посланнаго мною изъ дома священника.

XXVIII и XXIX.

XXX.

СИЛЬВІЯ КЪ ЖАКУ.

Боже мой! Зачѣмъ ты въ Турѣ? Это ужасаетъ меня. Уми не задумалъ ли ты отыскать клеветы, которая изъ насъ распространилась? Я подумала бы это, еслибы знала тебя меньше. А между-тѣмъ, сколько не знаю, какъ ты ненавидишь дуэли, все боюсь, не попался ли ты въ исторію этого рода; не въ первый разъ стоишь ли ты себя принужденнымъ отступить отъ своихъ правилъ и дуститься на дѣло, негодное съ твоими характеромъ. Въ настоящихъ случаяхъ, я, впрочемъ, не вижу необходимости ставить жизнь противъ жизни другаго. Развѣ это несправедно бы зло, нанесенное Фернандо? Другой отвѣчалъ бы, что долженъ отмстить за свое личное оскорбленіе; но ты развѣ способенъ изъ личной мести свершить дѣло, на которое смотришь, какъ на преступленіе? Ты рассказывалъ мнѣ о своей первой дуэли, именно съ этимъ доррентомъ: ты и тогда соглашался съ вѣдобнымъ образомъ мыслей, но дѣло было немаловажно—вы каждый день были вмѣстѣ на глазахъ цѣлаго общества, и оба были военные. Для кого изъ васъ было важно, днемъ ли раньше или позже уничтожить васъ ядро или шпага? что значила для васъ жизнь въ те время? Теперь, когда положеніе твое совсемъ-другое, возможно ли, чтобъ ты сдѣлалъ эту небездку съ дѣломъ смыть клевету, которая до тебя не дошла, и

отметить за обиды; которые съиграть нанести тебе такие боли? Напрасно старайся ты доказать мне, что жизнь твои отчаянья никому не нужна; ты ошибаешься. О! не падай так духом! Это расчитать лживости, желанней сложить руки, утратить себя, что дѣло нечестно. Зачемъ осуждаешь ты своего сына съ такою отчаяніемъ? Не говорилъ ли тебѣ докторъ, что природа совершаетъ чудеса мимо всехъ расчетовъ науки, и что, при постоянномъ прсмотрѣ и строгомъ образѣ жизни, сынъ твой можетъ укрѣпиться? Я въ точности наблюдаю за дѣтой, и вотъ уже нѣсколько дней нашъ милый малютка дѣйствительно-здоровъ. Если я увижу, кто будетъ за нимъ смотрѣть? Фернанда не знаетъ его болѣзни, и, кроме того, ея заботливость почти-всегда не въ-попадъ. Что же обязываетъ меня къ жизни, если ты такъ легко отъ нея отказываешься? Или ты думаешь, что жизнь, которую ты оставляешь мнѣ, прекрасна?

А Фернанда — развѣ она не имѣетъ уже въ тебѣ нужды? Что можемъ мы знать объ Октавіи, когда онъ самъ ничего о себѣ не знаетъ, и хвалится тѣмъ, что не можетъ противиться ни одной изъ своихъ прихотей? Онъ говоритъ, что увѣренъ въ вѣчной любви къ Фернадѣ; можетъ-быть, это правда, можетъ-быть и нѣтъ. Онъ велъ себя хорошо съ-тѣхъ-поръ, какъ окомпрометтировалъ ее; но такому ли человѣку быть твоимъ наследникомъ и наполнить сердце, въ которомъ ты царствовала? Можетъ ли она любить его долго? Не прійдется ли когда-нибудь освободить ее отъ него?

Ты хочешь, чтобы я говорила тебѣ о нихъ всю истину, и я чувствую, что должна это дѣлать. Въ эту минуту, они счастливы, они любятъ другъ друга страстно; они слѣпы, глухи, безчувственны; съ Фернадой близость минуты пробужденія и отчаянія; на Октавію находитъ иногда страхъ и трепетъ невѣроятности; но она не можетъ противиться увеличивающему изъ негоду. Октавіи восторгъ усладить свое счастье, утѣшая свое достоинство; она чувствуетъ серьезность въ зникъ; но старается невольна чихъ всею необходимостью, которая уменьшаются изъ плчу. Чтобы небыло отъ утѣшенія къ тебѣ, и утѣшиться въ томъ, что она не такъ велика, какъ ты, она старается поправить невесталь; на которой ты цѣлуетъ. Возвращаться. Ты овладаешь: она стращаетъ въ тебѣ страсть, чтобы смирять жертву. Фернанда защищаетъ тебя сильно; "проблема" ты думаешь, и благословеніе ея къ тебѣ превосходитъ всѣ "покупленіемъ"; она говоритъ, что ты любишь ее до смерти. "И что въ этомъ ты велика; она платитъ при этомъ такъ горько; что я принуждена утѣшать и возмущать ее въ себяотвѣтствѣ ея гадости. Бѣдная сестра! Выходитъ минуты, когда и на шею сердитъ ея слезанное тебѣ ало; когда вижу лицо ея слышитъ а руку въ руку Октавія; а бѣгу, прячусь въ чашѣ льда, или къ вышиты у желобки твоего сына, чтобы дать волю своему негодованію, но заставляю какъ страдать. Но когда я вижу, что съ чередой утѣшенія слышу, моя душа въ, что у страданія въствѣтъ немъ. Я боюсь

съ тобою, что приключеніе ея не такъ важно, какъ угодно будетъ считать его шекотливости многихъ женщинъ; вижу, что это не лишило ея дружбы г-жи Борель, женщины, какъ кажется, великодушной и чувствительной. Жизнь ея могла бы еще быть прекрасною, еслибъ Октавій хотѣлъ этого; я увѣрена, что она обратилась бы опять къ тебѣ, еслибъ имѣла причины на него жаловаться; или еслибъ онъ вдохнулъ въ нее силъ, которой, напротивъ того, старается лишить ее. Можетъ ли она краснѣть, получивъ прошеніе отъ души столь благородной, какъ твоя? И развѣ для тебя было бы страданіемъ простить ее? О! какъ ты еще ее любишь, и что это за любовь! Среди этого океана страданій, ты только заботишься о томъ, какъ бы не допустить ея и до сотой доли твоихъ мученій.

Странно: г-жа де-Терсантъ прислала мнѣ нѣсколько сотъ франковъ; ты можешь себя вообразить, что я отказалась отъ нихъ не по незначительности подарка, — я знаю, что она небогата, и что этотъ подарокъ щедръ въ сравненій съ ея средствами. Но я удивляюсь, что она вздумала такимъ образомъ заглаживать вину свою, съ младенчества кивувъ меня на произволъ судьбы. Это похоже на насмѣшку. Впрочемъ, я благодарила ее и сказала, что отказываюсь; потому что не имѣю въ нихъ нужды. Можетъ-быть, мнѣ следовало бы быть признательною къ ея намъренію; но я не могу, — я никогда не прощу ей, что она родила меня.

xxxii.

Жакъ къ Сильвіи.

Что сказать тебѣ? Этотъ Лоррэнъ былъ злой человекъ, и я убилъ его. Онъ стрѣлялъ по мнѣ первый, — я вызвалъ его, — и онъ промахнулся; я зналъ, что мнѣ стоитъ только захотѣть убить его, и я захотѣлъ. Сдѣлалъ ли я преступленіе? Конечно. Но что пужды? Въ эту минуту, я не понимаю, что такое угрызеніе совѣсти. Есть много другаго, что кипитъ во мнѣ и выводитъ меня изъ себя! Богъ проститъ мнѣ. Это не я дѣйствую: Жакъ умеръ; существо, послѣдовавшее ему — несчастный... Я могъ бы быть добрымъ, еслибъ судьба моя гармонировала съ моими чувствами; но все рушилось, все бѣжитъ меня; физическій человекъ беретъ верхъ, а у этого человека, какъ и у всѣхъ прочихъ, истиннѣе тигра. Я чувствовалъ, какъ сжигаетъ меня жажда крови; это убійство нѣсколько облегчило меня. Умирая, несчастный сказалъ мнѣ: «Жакъ, мнѣ было предназначено умереть отъ твоей руки; безъ этого ты не изувѣчилъ бы меня за карриатуру, и не убилъ бы теперь за то, что ты...» И онъ умеръ, произнося эту грубость, которая какъ-будто утѣшала его. Долго стоялъ я недвижный и смотрѣлъ на выраженіе прощія, замершее

на лицѣ трупа; неподвижные глаза его, казалось, говорили мнѣ, что онъ меня не боится, и улыбка какъ-будто отрицала мое мнѣніе. Мнѣ хотѣлось бы убить его въ другой разъ... Надо убить другаго, все равно кого бы то ни было; это меня облегчаетъ и полезно Фернандъ: ничто не возстановляетъ женщину такъ, какъ мѣсть за нанесенныя ей оскорбленія. Здѣсь говорить, что я дуракъ. Пусть говорятъ! Не скажутъ по-крайней-мѣрѣ, что я перепошу невѣрность жены потому, что не умѣю драться. Скажутъ, что я отъ страсти къ ней сошелъ съ ума? Что же! по-крайней-мѣрѣ заключать, что женщина достойна любви, если владычествуетъ такъ сильно надъ мужемъ, котораго уже не любить. Другія женщины позавидуютъ трону, на который я возведу ее въ моемъ безуміи, и Октавій позавидуетъ на минуту моей роли; только я имѣю право драться за нее, и онъ принужденъ предоставить мнѣ исправленіе зла, причиненнаго имъ.

Прощай. Не безпокойся обо мнѣ; я буду жить. Чувствую, что таково предназначеніе мое, и что въ эту минуту тѣло мое недоступно равамъ. Есть невидимая рука: она охраняетъ меня и предотвращаетъ себя поразить меня. Нѣтъ, жизнь моя не въ людской власти; внутреннее убѣжденіе говоритъ мнѣ это; я пожертвовалъ ею, и для меня совершенно все равно, потеряю ли я ее, или сохранию. Ангелъ-хранитель Фернанды со мною; онъ рассказываетъ мнѣ о ней во время сна; онъ распростираетъ надо мною крылья, когда я бьюсь за нее; когда я не буду болѣе нуженъ никому,—онъ оставитъ меня. Я сдѣлалъ въ Парижѣ духовное завѣщаніе: въ случаѣ смерти моего сына оставляю двѣ трети своего имѣнія жень, а остальное тебѣ. Но не бойся ничего; часъ мой еще не насталъ.

XXII.

Борель къ капитану Жану.

Серизы.

Любезный товарищъ, ты долженъ сейчасъ же лѣзть въ Туръ и замѣнить меня при Жакѣ, который стрѣляется сегодня же вечеромъ. Я не могу ни быть у него секундантомъ, ни даже повѣхать передать тебѣ мою должность: у меня опять припадокъ подагры, и такой жестокой, что мнѣ невозможно проѣхать и одного льва въ каретѣ. Жакъ только-что присылалъ за мною; отправляйся сейчасъ, извини меня передъ нимъ и предложи свои услуги; въ этихъ дѣлахъ не откладываютъ. Постараюсь въ двухъ словахъ рассказать тебѣ дѣло. Едва успѣвъ отдохнуть отъ вчерашняго убійства Лоррена, которому да проститъ Богъ! Жакъ отправился въ кофейню, какъ ни въ чемъ не бывалъ. Съ видомъ ледянаго равнодушія, который, какъ тебѣ извѣстно, онъ принимаетъ, когда сердитъ, онъ закурилъ трубку и пилъ кофе въ присутствіи болѣе сотни ста-

рыхъ и молодыхъ рубахъ, которые смотрѣли на него, какъ ты можешь себя представить, не безъ любопытства. Молодые офицеры, сыгравшіе съ любовникомъ жены его известную тебѣ штуку, разсуждали, что присутствіе и видъ его оскорбляетъ ихъ, или по крайней мѣрѣ вызываетъ на что-нибудь. Они громко заговорили объ обманутыхъ мужьяхъ вообще, и за столомъ воалъ него повторили слово, которое никакъ не могло быть пріятно для слуха. Онъ оставался равнодушнѣе, и они начали говорить объ его жеманствѣ и кончили такимъ яснымъ описаніемъ ея, что Жакъ всталъ и сказалъ: «вы ждете», голосомъ, какимъ онъ сказалъ бы: «я къ вамъ на службу». Двое изъ этихъ господъ, говорившіе послѣдніе, встали и спросили, къ кому относятся слова его. «Къ обоимъ» отвѣчалъ Жакъ: «и кому первому угодно будетъ объясниться со мною, пусть скажетъ.»—И, Филиппъ Мункъ, отвѣчалъ однимъ изъ нихъ:—завтра, въ которомъ часу вамъ угодно.—«Нѣтъ» возразилъ Жакъ: «не угодно ли сегодня вечеромъ? васъ двое, и я долженъ успѣть объясниться завтра и съ ними прежде, чѣмъ помянется мнѣ полниціа.»—Правда, сказалъ Мункъ:—такъ сегодня въ шесть часовъ, на сабляхъ. «Извольте, на сабляхъ» отвѣчалъ Жакъ.—Ты видишь, что этого дѣла уладить нельзя. Черезъ два часа послѣ этого, я получилъ отъ него записку, въ которой онъ проситъ меня опять быть свидѣтелемъ; но именно вчера, во время дѣла съ Лорреномъ, схватилъ я подагру, и былъ, можетъ-быть, тронутъ, видишь ли, этого бѣдняги. Потеря невелика, но это уже давно у насъ затѣвалось, и мы уже не въ тѣхъ мѣстахъ, когда товарищъ падалъ, бывало, какъ орѣхъ съ дерева. Жакъ — удивительный человѣкъ, и это доказываетъ, что человѣкъ измѣняется только сварухи: дерево обновляетъ только кору: Жакъ теперь тотъ же, какимъ мы его знали двѣнадцать лѣтъ назадъ. Теперь уже не скажешь: посмотрите, что дѣлается изъ этихъ старыхъ солдатъ, какъ кончатся у насъ ихъ жены! Вотъ человѣкъ, который дрался за паррикатуру и который молча допускаетъ себя обезчестить! Да! я самъ говорилъ это, и положеніе его занимало меня до такой степени, что третьяго-дня, за часъ до того, какъ я узналъ, что онъ здѣсь, я видѣлъ его во снѣ и проснулся, какъ говоритъ жена моя, крича: «Жакъ! Жакъ! До чего ты дошелъ!» Но человѣкъ съ сердцемъ не потерѣется. Будемъ надѣяться, что начавъ съ этого, онъ кончитъ убіеніемъ любовника жены своей; дай ему почувствовать, что онъ долженъ это сдѣлать, что безъ этого все, что онъ теперь ни дѣлаетъ, ни къ чему не служить. Слѣши! Префектъ славащей малой, который смотритъ на дуэли сквозь пальцы; однакоже три дѣла въ три дня—это больше, чѣмъ можетъ стерпѣть начальство, и легко можетъ случиться, что Жака арестуютъ послѣ второй дуэли. Ему надо поторопиться. Напиши мнѣ съ нарочнымъ сегодня же вечеромъ, чѣмъ кончится дѣло съ Мункомъ. Я готовъ забвѣдиться, что меня тамъ не будетъ; мнѣ легче потерять руку, чѣмъ узнать, что Жакъ не явился на вызовъ.

XXIII.

КАПИТАНЪ ЖАНЪ КЪ БОРЕЛЮ.

Гурь.

Жакъ раздѣлился съ своими противниками, не получивъ ни царапины; онъ счастливъ въ игрѣ, какъ всѣ, которые ею пренебрегаютъ. Г. Мунокъ получилъ ударъ поперекъ лица; весь его расквашъ надвое, и это вѣрно вучить его: Это не возвратитъ чести никому изъ мужей, но можетъ утѣшить многихъ и предохранитъ другихъ. Теперь одинъ изъ красивѣйшихъ молодыхъ шенше! Присавина будетъ плакать и начнетъ искать ему преемника; другой молодой человекъ не позаботился требовать удовлетворенія у Жака. Это дванадцать лѣтъ девятнадцати, одинъ онъ у родителей, матушкинъ сынокъ, и т. д. Секунданты выказали сильное желаніе уладить это дело; мы сержаниски сказали, что очень жалко о намереніи своемъ извѣстить жюль, если правда, что не имѣли намеренія насъ рассордить: Увѣряли, что все не было этой цѣли. Это можетъ ввердить мальчику; но я понимаю, что игра была единично-поробна между насъ и Жакомъ. Намъ было очень трудно уговорить Жака; жюль въ немъ дьявольски разыгралась, и онъ утѣшился только послѣ зрѣлаго разсужденія. Знаешь ли, что нашему молодцу не дурно? Вотъ что называется не уступать, я правъ ли онъ, вѣтъ ли, что рубить вправо, а не влево, — душа рѣуется, жюль, какъ сарай солдатъ проучиваетъ молодую армію. Впрочемъ, онъ не въ духѣ; для тѣхъ, которые его знаютъ, ясно, что онъ жаждетъ крови еще многихъ. Не знаю, что онъ намеренъ дѣлать; когда онъ благодарилъ меня за то, что я былъ у него свидѣтелемъ, я сказалъ ему: «Я желаю бы быть свидѣтелемъ и въ четвертой разъ, и охотно готовъ отправиться для этого въ тебѣ въ дорогу. Теперь ты свободенъ: не примешься ли за него свидѣтель?» Онъ откликнулъ мнѣ: «Вели тебя спросить объ этомъ, скажи, что ты ничего не знаешь.» — «Развѣ ты сердитъ и на старыя сужанія?» спросилъ я. — Въ отвѣтъ на это, онъ обаялъ меня, и прескоро утѣшилъ тебя въ его дружбѣ. Теперь онъ, вѣроятно, увидѣлъ, почему-то прескоро приказалъ сказать ему стороною, что будетъ свидѣтелемъ арестовать его, если онъ не удалется какъ-можно-скоро: Я откликнулъ его на укладываніи чюмодани и возвратился въ свой номеръ; гдѣ жду тебѣ къ завтраку, какъ-скоро податра позволитъ тебѣ явиться; а между-тѣмъ приду выкурить трубку и побѣдодать обо всемъ этомъ съ тобою. Многое можно сказать за и прѣвомъ Жака; онъ чудакъ, но славно отстрѣливается!

XXIV.

ЖАКЪ КЪ СИЛЬВІИ.

Аоста.

Ты, конечно, получила уже письмо, посланное мною изъ Клермона; въ немъ извѣщалъ я тебя, что окончилъ три дуэли, не получивъ ни царапины, и что тѣло мое такъ же здорово, какъ бѣлая душа: это худшее, что только можетъ сообщить о себѣ человекъ.

Тяло, убожно живущее и сильно питающее страданія души, печальный подарокъ неба. Но я тебѣ не сказалъ, что былъ въ двухъ шагахъ и не видѣлъ тебя. Въ двадцатый разъ вѣхалъ я по лионской дорогѣ и въ первый разъ проѣхалъ мимо моей милой долины, не посетивъ ея. Было шесть часовъ утра; когда я достигъ вершины Сен-Жана, и кучеръ, звавшій меня, поворотилъ уже было къ сѣзду,—но я приказалъ продолжать путь къ югу. Свѣсившись въ окно, я долго смотрѣлъ на этотъ прекрасный уголокъ, который, можетъ-быть, не увижу больше, на всѣ эти дорожки, по которымъ такъ часто ходили мы вмѣстѣ; но долго не рѣшался я взглянуть на свой домъ; наконецъ, когда почти онъ уже скрылся за Маріонскимъ-Лѣсомъ, я велѣлъ остановиться, и вышелъ на возвышенность за дорогой, чтобъ взглянуть на него свободно и упиться своею грустію. Восходящее солнце играло на твоихъ окнахъ; не-уже-ли ты уже не спала? Ставни Фернанды были заперты... Этотъ домъ, эти сады, эта долина пробуждали во мнѣ какую-то ненависть; я убилъ одного и изуродовалъ другаго единственно для того, чтобъ удовлетворить своему оскорбленному тщеславію, и принужденъ былъ спокойно смотрѣть на кровлю, остывающую мое отчаяніе и стыдъ мой!

У меня были странные разговоры съ Борелемъ; нѣсколько другихъ старыхъ армейскихъ пріятелей ловко старались завлечь меня и заставить говорить; я отвѣчалъ имъ уклончиво и даже грубо: я ужасаюсь ихъ дружбы, какъ и всего прочаго. Однакожъ, я не могъ не говорить съ Борелемъ, потому-что за глупыми системами его все-таки скрывается какой-то здравый естественный смыслъ, понимающій иногда дѣло, и въ брани, на которую онъ для меня такъ щедръ; видна истинная преданность. Онъ былъ такъ дурно расположенъ къ Фернандѣ, что я больше всего почувствовалъ необходимость оправдать ее. Мы провели вмѣстѣ два дня въ Турѣ. Онъ безпрестанно дѣлалъ мнѣ выговоры; я слушалъ однимъ ухомъ и искалъ случая подраться съ Лорреномъ. У насъ было много бесполезныхъ разсужденій; онъ хотѣлъ доказать мнѣ, что я не могу уже любить жены своей, а я старался дать уразумѣть ему, что мнѣ невозможно не любить ея и теперь. Онъ окончилъ свои проповѣди вопросомъ: къ чему служить мое поведеніе и не думаю ли я быть образцомъ и типомъ для великодушныхъ мужей? Я отвѣчалъ на это, смѣясь, что не имѣю претензіи даже и на подражаніе любовникамъ. Тяжелая заботливость его не избавила меня, впрочемъ, ни отъ одного изъ тѣхъ шелчковъ, которые достаются на долю убитой души въ-слѣдствіе несчастія. Изъ всѣхъ людей, которыхъ я зналъ, не было ни одного, ни друга, ни недруга, ни равнодушнаго, который не далъ бы мнѣ толчка, чтобъ свалить въ могилу.

Мнѣ стоило много труда успокоить взволнованную кровь свою; я бросился бы къ жерлу пушки, съ увѣренностью, что замѣню ей ядро, на смерть другимъ. Этотъ родъ вѣрованія въ предопредѣле-

нѣ сдѣлалъ бы изъ меня героя или тигра, смотря по разницѣ одного волоска въ тяжести обстоятельствъ, въ которыхъ я находился. Я готовъ былъ убить мальчику девятнадцати лѣтъ за одно слово, и потомъ простилъ его, получивъ таинственную записку отъ женщины, умолявшей пощадить жизнь его и отказаться отъ мщенія. Это было посланіе высокое по чувству и выраженію. Сначала я подумалъ, что его писала мать, и я готовъ былъ съ теплымъ чувствомъ исполнить ея просьбу, но прочитывая во второй разъ, замѣтилъ, что оно прислано отъ любовницы. Она умоляла меня не отнимать у нея счастье... Счастье! Это слово привело меня въ ярость! Увы, моя бѣдная Сильвія! Я потерялся; я хотѣлъ убить всѣхъ, кто несчастнѣе меня; я упорствовалъ въ томъ, чтобъ заставить драться этого юношу; мнѣ казалось, что я повинуюсь вліянію какой-то беспощадной десницы и исполняю ужасное сновидѣніе. Капитанъ Жанъ, одинъ изъ моихъ секундантовъ, говорилъ мнѣ долго, и я не могъ ничего понять. Наконецъ, ему удалось заставить меня услышать одно слово: *А! такъ вы хотите рязать сегодня?* Это слово *рязать* пало на распаленную грудь мою, какъ капля холодной воды; я какъ-будто пробудился отъ сна,—я дѣлалъ все, чего онъ хотѣлъ, не слушая даже, въ какихъ выраженіяхъ улаживалъ дѣло, касающееся моеѣ чести. Нѣ къ чему уже производить эффектъ храбростію. Сдѣлалъ, мнѣ казалось, что я хотѣлъ освободиться отъ упрека въ никакомъ малодушіи, и что этому чувству оскорбленной гордости пришесть бы все въ жертву; но это былъ только предлогъ, подѣ, которымъ увлекало меня мое отчаяніе: у меня былъ просто припадокъ ярости; когда онъ прошелъ, я снова впалъ къ аніатію, какъ падаетъ бѣшеный безумецъ въ изнеможеніи послѣ кризиса на свою соломенную постель и глупо смотритъ вокругъ себя. Ко мнѣ подвели противника, чтобъ мы, какъ водится, пожали другъ другу руки; но въ-продолженіи каждой минуты въ головѣ моеѣ протекали такіе вѣки, что я повиновался машинально и съ удивленіемъ. Я не понималъ, чтобъ когда-нибудь видѣлъ его; я былъ уже за сто лѣтъ отъ того, что за минуту произошло во мнѣ; я вступилъ въ ничтожество души—отнынѣ единственное убжище мое въ этой жизни.

И такъ, я успокоился—да проститъ мнѣ Богъ, за какую цѣну! Это зависѣло не отъ меня: существо мое было измѣнено безъ вѣдома моеѣ воли. О! этотъ гнѣвъ былъ ужасенъ! Но мнѣ было отъ него легче, какъ эпилептику отъ конвульсій и стоновъ. Я теперь тяжеле горы, холоднѣе ледника; я смотрю на жизнь свою съ ужасающимъ хладнокровіемъ...

Другой, конечно, не выдержалъ бы судьбы моеѣ; только я въ цѣломъ мірѣ имѣю довольно силы докончить такую жизнь, не умерши отъ истощенія или не наложивъ на себя рукъ въ туманѣ безумія. И, однакожъ, я все это пережилъ, и вотъ я снова здѣсь! Все, что было во мнѣ молодого, великодушнаго, чувствительнаго,

ничего этого уже нѣтъ. Но тѣло мое живо, и печальный разсудокъ мой спокойно созерцаетъ развалины всѣхъ своихъ мечтаній. Будь проклята эта правильная и прочная организація, которую не могутъ сломать событія! Горькій даръ!

Сегодня утромъ я проходилъ мимо загороднаго дома, который выстроенъ у подошвы горъ ради красоты окрестной природы и брошенъ по причинѣ суровости климата. Я остановился, чтобъ войти въ ограду; меня привлекли къ себѣ печаль и разрушеніе, царствовавшія въ этомъ мѣстѣ. Я пробылъ здѣсь два часа, погруженный въ мысли о своемъ горѣ и одиночествѣ. И ты также, старый Жакъ, ты былъ чистымъ и крѣпкимъ мраморомъ, и вышелъ изъ рукъ Творца горды и незапятнанъ, какъ новая статуя выходитъ изъ мастерской художника и возвышается на пьедесталѣ въ гордой позѣ; и вотъ ты сталъ теперь одною изъ этихъ истертыхъ, изъѣденныхъ временемъ аллегорій, которыя торчатъ еще по зануствльымъ садамъ; ты прекрасно украшаешь собою пустыню; чего же скучаешь ты, какъ-будто въ одиночествѣ? Время тянется для тебя самшкомъ-долго, зима для тебя сурова; тебѣ пора пасть въ прахъ и не возвышать уже къ небу чела, никогда прекраснаго, а теперь обезображеннаго взгромъ, обросшаго на сыромъ воздухѣ чернымъ иломъ, какъ траурнымъ флѣромъ. Столько бурь уничтожили блескъ твой, что прохожій уже не различитъ подъ печальнымъ покровомъ, изъ чего ты сдѣланъ—изъ мрамора или изъ глины. Оставайся, оставайся въ своемъ ничтожествѣ и не считай болѣе дней: ты просушествуешь еще, можетъ-быть, долго, жалкій камень! Ты хвалился своею недоступностью: теперь ты заввадуешь изсохшей вѣткѣ, погибающей отъ дуновенія бури. Но морозъ проникаетъ и въ мраморъ: холодъ истребитъ тебя,—уповай на него.

XXXV.

Октавій къ Эрберу.

Не смотря на гнѣвъ однихъ, на раскаяніе другихъ, на неизвѣстность, которая волнуетъ духъ мой посреди всего этого, не могу не быть счастливымъ, любезный Эрберъ; сердце мое полно любви, и участь моя опредѣлена. Я прикованъ къ Фернандѣ любовью неизмѣнною, не сомнѣвайся въ этомъ: я не непостояненъ. Меня можно оттолкнуть. Если женщина, которую я люблю, упорно меня отталкиваетъ, она можетъ кончить тѣмъ, что епротивѣтъ мнѣ; но другая женщина не отлететь меня, пока она сама ко мнѣ привязана. Не смотря на страшную разницу въ нашихъ характерахъ, я долго любилъ Сильвію и долго еще боролся съ ея презрѣніемъ, когда она уже не любила меня. Фернанда женщина совсѣмъ другаго рода. Она именно рождена для меня; самые недостатки ея какъ-будто придуманы, чтобъ скрѣпить союзъ нашъ и сдѣлать взаимность необходимою. Не знаю, преступенъ ли я въ такой степени, какъ старается увѣрить меня Сильвія, но я не могу не чувствовать, что люблю и блаженствую. Любовь—эгоизмъ; слѣпая и веселая; возстаетъ она на развалинахъ міра и илветъ отъ удовольствія на костяхъ,

какъ на прѣстахъ, я принесть въ жертву печаль, думая, какъ выносишь собственную свою жизнь. Фернанда доверилась мнѣ, я поклялся любить ее, жить и умереть для нея; я знаю только это, — все остальное мнѣ чуждо. Онъ начинаетъ поэтизировать горечь свою; онъ вполнину исцеляетъ. Онъ драгъ храбро, и хорошо сдѣлалъ. Я поступилъ бы также на его мѣстѣ, и предупредилъ бы его, еслибы имѣлъ на это право. Онъ просилъ скрыть эти происшествія отъ жены его: онъ можетъ быть спокоенъ, я беру это на себя. Мнѣ вовсе не хочется, чтобъ она опять заболѣла, и я берегу ее, какъ свою собственную отъ огня и востки. Вчера на почтѣ нашелъ я къ ней письмо отъ Клемансы. Зная очень хорошо почеркъ, я безъ перепонокъ открылъ посланіе и нашелъ въ немъ всѣ милыя предостереженія, которыхъ ожидалъ; въ добавокъ еще прибавочную новость, дожь gratis, что Жакъ (какъ и достается слухи) опасно раненъ въ грудь. Я разорвалъ письмо и принялъ мѣры, чтобъ все, адресованное на имя Фернанды, шло черезъ мои руки. Письма Жака будутъ свято уважаемы; но другія — прочту извинить! Мнѣ дорого стоить видѣть ее счастливою!

ХХХМ.

Жакъ къ Сильвіи.

Дорога,

Надо прожить мою жизнь, чтобъ понять, какъ ужасно стало для меня одиночество. Я страстно любилъ уединеніе; но тогда съесть другое дѣло: тогда я былъ молодъ; у меня было будущее, или настоящее; не разъ приходилъ я въ горы съ сердцемъ, исполненнымъ страстей; ихъ ливня ущелья насалили я своими чувствами и мечтами; я наслаждался тамъ минутъ счастья или срываюсь на горе, — я жилъ тамъ, наконецъ. Я бросилъ страсть, чтобъ снова найти ее, или, лучше сказать, приносилъ ее сюда въ тайныхъ недрахъ души своей, чтобъ предлагать ей вопросы и умиляться ею. Я продавалъ тамъ горячія слезы надежды; тамъ прижималъ я къ сердцу слезу обождаемаго тѣня, видѣнія огненнаго. Правда, я туда же приходилъ проклинать и ненавидѣть, что любилъ въ быдое время; но я любилъ что-нибудь другое, или ожидалъ другой любви. Грудь моя была богата, и на мѣсто павшаго золотаго ядра я могъ вадвинуть ядро изъ брилльянтовъ. Теперь я прихожу туда съ пустымъ и растерзаннымъ сердцемъ и по роду моихъ страданій вижу, что мнѣ не исцѣлиться. И ужаснѣе всего не столько отсутствіе надежды, какъ отсутствіе желаній. Печаль моя мертва, какъ льдистыя вершины, которыя никогда не таютъ отъ солнца. Я знаю, что я уже не живу, да и жить мнѣ нѣтъ охоты. Эти скалы и мрачныя ущелья для меня ужасны; — я бѣгу отъ нихъ, какъ безумный, который топится, чтобъ спастись отъ пожара. Мнѣ страшно, когда посмотрю въ даль; — только видъ горизонта заставляеть меня вздрагивать; я вижу тамъ дѣрзкими всѣ мои воспоминанія и несчастія, — мнѣ чудится, что онъ преслѣдуетъ меня на быстрыхъ крыльяхъ. Куда укроюсь я отъ него?

Везде будетъ то же. Я дерзнулъ сюда съ намереніемъ путешествовать, или по-крайней-мѣрѣ побывать всюду въ этой романтической странѣ. Во мнѣ былъ какой-то остатокъ дѣятельности, какая-то заботливость не быть еще мертвымъ совершенно. Потому я упалъ на эту скалу св. Бернарда, и ничуть не думаю покинуть хижину, гдѣ остановился на одинъ часъ. Вотъ почти уже мѣсяць, какъ я здѣсь, и съ каждымъ днемъ становлюсь равнодушнѣе, дѣннвѣе, бездѣйственнѣе.

Еслибъ Богъ совершилъ для меня чудо; еслибъ Онъ сохранилъ мнѣ моего сына,—я жилъ бы не для радости, но по чувству долга и занялся бы исполненіемъ его. Но это несчастное дитя влечетъ жалкое существованіе и только задерживаетъ мою печальную жизнь...

XXXVI.

Сильвія къ Жаку.

Жакъ! Пріѣзжай, ты нуженъ Фернадѣ; она опять больна, потому—что ее постигло сильное горе; ничто не можетъ утѣшить ее! Она зоветъ тебя въ тоскѣ, говоритъ, что все несчастія обрушились потому, что ты ее оставилъ; что ты былъ ей ангеломъ-хранителемъ и на него накинута ея. Долгое отсутствіе твое ужасаетъ ее; она говоритъ, что ты долженъ знать все, если такъ тебѣ опротивилъ твой долгъ и семейство. Она боится, не ненавидишь ли ты ее, и скорбь, преследующая ее этой мыслію, противится всякому нашему утѣщеніямъ. Она хочетъ умереть, ибо тому, кого ты любишь и рана любима, поверить она, нѣтъ на землѣ ни минуты покоя и надежды. Соберись съ духомъ, Жакъ, и пріѣзжай оправдать здѣсь! Ты еще нуженъ: пусть эта мысль придастъ тебе силы! Тебя окружаютъ существа, коварныя ты необходимъ. И къ тому же, живая твоя сестра; не хочешь ли ты ее покинуть. Развѣ, кроме любви, нѣтъ уже ничего? Дружба, которую сохранила къ тебѣ Фернада, сильнѣе любви, которую чувствуешь она къ Октавию. Вся его забота, вся преданность, которая дѣйствительно оказана неслыханно, чѣмъ я думаю,—уныло чтожидова въ ее глазахъ, когда дѣло идетъ о тебѣ. И можетъ ли быть иначе? Можешь ли она жить кого-нибудь такъ, какъ ты любишь тебя? Пріѣзжай жить съ нами. Развѣ ты считаешь мою за ничто въ твоей жизни? Не любила ли я тебя? Оскорбила ли я тебя хоть разъ? Развѣ не любишь тебѣ, кто ты моя первая и единственная привязанность? Побѣди старшество, которое ты имѣешь къ Октавию,—это дѣла одного дня Будь другомъ и опечью, утѣшителемъ и подспоріемъ семейства. Или ты не выходишь пустой и грубой ревности?

XXXVII.

Жакъ къ Сильвіи.

Женева.

Пріѣду; но хочу, чтобы ты назвала ее я моею привадою за нѣсколько дней; я не хочу ничего заставить ее думать. Дядя

меня было бы ужасно прочесть на лицѣ Фернанды выраженіе замѣшательства или испуга. Скажи ей — пусть она себя принудитъ, если нужно; чтобъ я ничего не замѣтилъ; увѣрь ее, что я ничего не подозреваю; уговори ее, чтобъ она тщательно поддерживала во мнѣ эту доверчивость. Ты поступаешь жестоко, Сильвія; я былъ почти уже похороненъ, и ты снова вызываешь меня въ міръ живыхъ протрадать еще нѣсколько дней и увѣриться въ необходимости покинуть его навсегда. Быть такъ! Фернанда страдаетъ; она имѣетъ во мнѣ нужду, говоришь ты? Сомнѣваюсь, но чувствую, что не умреть бы спокойно, еслибъ пренебрегъ возможность облегчить хоть одно изъ ея страданій.

Я приѣду черезъ два дня послѣ этого письма. И такъ, я снова увижу этотъ печальный домъ!.. Понимаю, что случилось: сынъ мой умеръ.

XXXIX.

.....

XL.

ФЕРНАНДА КЪ ОКТАВІЮ.

Жакъ идетъ скоро; но онъ хочетъ прежде познакомиться съ тобою. Ты правъ, Октавій, это прекрасный человекъ: невозможно быть великодушнѣе, нѣжнѣе, деликатнѣе, разсудительнѣе. Я вижу, что ему все известно. Я была готова признаться ему во всемъ: такъ терзало меня то, что я принимала въ немъ за побитокъ доверчивости и уваженія; но съ первыхъ словъ онъ далъ мнѣ понять, что не хочетъ знать объ этомъ ничего больше, и онъ возымалъ меня званіемъ дружбы столь истинной, снисхожденія столь безпрудальнаго, что я проникнута чувствомъ благодарности. Твое мнѣніе о моемъ взаимномъ положеніи и его намѣреніяхъ вѣрно; любезный Октавій: онъ серьезно разсуждалъ о различіи нашихъ возрастовъ и конечно побѣдилъ въ себѣ остатокъ любви ко мнѣ; онъ говорилъ со мною совершенно въ смыслъ твоего письма. Онъ сказалъ, что клеветники смѣло заставляютъ его жить вдали отъ насъ. «И что же ты думаешь объ этой любви?» спросила я его: «думаешь ли ты, что это клевета?» Я дрожала и готова была обнять его колѣни. Онъ пригварился, что не замѣчаетъ этого и отвѣчалъ: «Я совершенно увѣренъ, что это клевета». Но я видѣла, что онъ знаетъ, въ чемъ дѣло, и самоубѣжденіе его освободило мое сердце отъ ужасной тѣноты. Жакъ добръ и чувствителенъ; но онъ разсудителен, онъ уже не колеблется. Онъ подастъ мнѣ надежду, что каждый годъ будетъ приходить къ намъ на нѣсколько недель, и что черезъ нѣсколько лѣтъ не оставитъ насъ вовсе.

XLII. XLIII. XLIV. и XLV (*).

.....

(* Сѣмъ главъ, вынужденныхъ изъ третьей части этого романа, не могли быть включены по причинѣмъ, независимыхъ отъ редактора. Ред.

II.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

О РЫБАХЪ ПЕРВОВѢТНАГО ОКЕАНА ВЪ ОКРЕСТНОСТЯХЪ ПАВЛОВСКА.

Естественныя науки съ давнихъ временъ обративъ на себя вниманіе всѣхъ образованныхъ людей; а такъ-какъ ученіе объ ископаемыхъ животныхъ или *палеонтологія* составляетъ часть этихъ наукъ, и притомъ весьма-поучительную, то можно надѣяться, что и она скоро, и, можетъ-быть, болѣе другихъ естественныхъ наукъ возбудитъ вниманіе нашей публики, потому-что окрестности Санктпетербурга такъ отличаются остатками первобытныхъ животныхъ, что даже иностранные геологи *Страмелейс*, *Мурчисонъ*, *Вернейль* вторично пріѣхали изъ Англіи (*) и

(*) Въ новѣйшее время, ученіе объ ископаемыхъ животныхъ приняло совершенно-другой видъ; эта наука нашла большое число приверженцевъ и поклонниковъ не только между естествоиспытателями, но также, въ-особенности въ Англіи, между дамами, и съ-тѣхъ-поръ, какъ профессоръ Гейдельбергскаго-Университета *Леонардъ* началъ излагать эту науку въ публичныхъ лекціяхъ для дамъ, число любителей очень умножилось; подобныя публичныя лекціи для дамъ преподавалъ докторъ *Мантелль* въ Англіи и съ-тѣхъ-поръ участвуютъ дамы въ геологическихъ развѣскахъ мужей-геологовъ; мы здѣсь упоминаемъ только о госпожахъ *Мурчисонъ* и *Кулминъ*, которыхъ рѣдкія собранія окаменѣлостей обратили на себя вниманіе отличныхъ палеонтологовъ и г. *Атассисъ*, швейцарскій палеонтологъ, часто приводитъ въ своемъ сочиненіи объ ископаемыхъ рыбахъ коллекціи этихъ дамъ и богатое собраніе г-жи *Амерстъ* (*Lady Sarah Amherst*), привезенное ею съ Гималайскихъ-Горъ въ Англію; *Джеймсъ Соверби* (*James Sowerby*) описалъ всѣ рѣдкости этой коллекціи; верьдко и дѣвцы въ Англіи занимались съ подобнымъ успѣхомъ собираніемъ ископаемыхъ животныхъ, особенно же рыбъ первобытнаго міра, какъ напр. *миссъ Бекеръ* (*Miss Baker*) въ Нортгемптонѣ, *миссъ Филпотъ* (*Miss Philpot*) въ Лаймъ-Реджисѣ (*Lyme Regis*), *миссъ Сертисъ* (*Miss Surtees*) въ Мэнс-Фортѣ (*Mainwforth*), также дѣвцы *Бенетъ* и *Ауппа*. Коллекціи этихъ дѣвицъ отличаются, но словамъ *Атассиса*, безподобными экземплярами рыбъ девонской и лейасовой системъ. Наши дамы еще не занимаются палеонтологіею, хотя нѣкоторыя изъ нихъ сопровождали своихъ мужей-естествоиспытателей въ ученыхъ путешествіяхъ и собрали вмѣстѣ съ ними растенія и животныхъ; дѣвцы наши также обнаруживаютъ иногда любопытность къ естествоиспытательству.

Т. XXXVI. — Отд. II.

Франціи въ Царское-Село и Павловскъ, для изслѣдованія богатыхъ сокровищъ первобытнаго міра нашихъ окрестностей.

Ископаемыя животныя и растенія тамъ особенно привлекають къ себѣ вниманіе естествоиспытателей, что своею огромностью или общимъ видомъ онѣ большею частью очень-отличны отъ живущихъ нынѣ животныхъ и прозябающихъ растеній въ тѣхъ же странахъ, гдѣ они встрѣчаются въ ископаемомъ видѣ, и что они болѣе сходствуютъ съ животными и растеніями жаркаго пояса; изъ этого мы заключаемъ, что и наши окрестности были некогда обитаемы тропическими животными и отличались тропическимъ климатомъ.

Вообще, морскія животныя первобытнаго міра обильно распространены по всему земному шару, и изъ этого уже слѣдуетъ заключить, что океанъ покрывалъ всю земную поверхность и, удалившись въ нынѣшнія свои границы, долженъ былъ оставить первобытныхъ обитателей своихъ въ видѣ окаменѣлостей въ напластованныхъ горныхъ породахъ, или образованныхъ. Эти столь богатые окаменѣлостями пласты расположились совершенно-горизонтально и сохранили это положеніе, — или поднятіемъ изъ внутренности земли, приняли косвенное, даже вертикальное направленіе, — обстоятельство, которое доказываетъ, что тишина на земномъ шарѣ была нарушена разными переворотами, вторично измѣнившими его поверхность, и что изъ нихъ въ особенности надобно вывести заключеніе о разныхъ періодахъ образованія земной поверхности.

Такіе перевороты, соединенные съ вулканическими явленіями всего земнаго шара, уничтожили весь родъ животныхъ и растеній, которыя водились до того времени въ океанѣ и на сушѣ его, такъ-что послѣ нихъ произошла совершенно-другая фауна, другая флора, доказывающія постепенность происхожденія животныхъ и растеній на земномъ шарѣ, въ послѣднемъ его періодѣ, до сотворенія человека.

Посему, первыя животныя были морскія, кораллы, морскія лиліи, раковины, каракатицы, рыбы, а изъ нихъ явсно роды, которые въ позднѣйшихъ періодахъ земнаго шара болѣе не встрѣчаются. Къ нимъ принадлежатъ всѣ многочисленныя окаменѣлости, которыя открыты въ окрестностяхъ Царскаго-Села и Павловска и описаны Его Императорскимъ Высочествомъ, Герцогомъ Лейттенбергскимъ, Х. М. Пандеромъ, мною, и др., весьма-примѣчательныя, совершенно-исчезнушія роды коралловъ, морскихъ лилій, раковинъ, первобытныхъ раковъ изъ семейства трилобитовъ, погребенныхъ въ нижнихъ и среднихъ силурийскихъ пластахъ, и многочисленныя роды рыбъ (*) въ верхнемъ силурийскомъ пла-

заннымъ наукамъ, какъ двѣца Б. въ Ригѣ, двѣца К. А. Х. въ Санктпетербургѣ. Большая любительница ботаники: ей я обязанъ нѣсколькими удачными орудіями для Россіи.

(*) Уже два года тому назадъ, Его Императорское Высочество Герцогъ Лейттенбургскій показалъ мнѣ рыбью чешую, найденную близъ дер. Целово въ окрестностяхъ Павловска, въ радости, что казалось туда весьма-странно; но еще дальнѣе принятъ эту чешую за лавинскую изъ лѣсныхъ сѣверійскихъ лѣсовъ.

ствъ, открытомъ недавно молодымъ усерднымъ естествоиспытателемъ Ю. И. Симашко. Наблюденіе это дѣлаетъ наши окрестности еще болѣе-занимательными и послужить, безъ сомнѣнія, къ лучшему объясненію ихъ образованія. Г. Симашко, которому мы обязаны открытіемъ верхнихъ силурійскихъ пластовъ въ окрестностяхъ Павловска, первый же нашелъ остатки первобытныхъ рыбъ въ девонскихъ пластахъ на берегу р. Славянки,—открытіе, котораго, безъ сомнѣнія, можно было ожидать послѣ описанія мною девонскаго песчаника на р. Ижорѣ (*), при дер. Варлевь. Эти два пласта отличаются у насъ въ-особенности многочисленными остатками рыбъ, столь примѣчательными, что я, по просьбѣ г. Симашко, намѣренъ описать ихъ здѣсь въ частности, чтобъ болѣе обратить вниманіе читателей на наши любопытныя окрестности.

Вообще рыбы первобытнаго міра, по изслѣдованіямъ Ассиса, отличаются совершенно отъ живущихъ нынѣ родовъ. Въ нижнихъ силурійскихъ пластахъ, онѣ вовсе не встрѣчаются, такъ-что самыя древніе обитатели нашего первобытнаго океана были странныя двустворчатыя раковины «Obolii», встрѣчающіяся въ изобиліи въ нижнемъ песчаномъ пластвѣ силурійской системы по р. Ижорѣ близъ дер. Полодовы, по р. Лугѣ близъ города Ямбурга, по берегу рѣки Наровы близъ г. Нарвы, и по всей почти Эстляндіи, въ особенности на морскомъ берегу, близъ г. Ревеля, гдѣ обнаруживается силурійскій песчаникъ.

Между временами погребенія этихъ раковинъ и рыбъ, т. е. между осажденіями изъ первобытнаго океана нижнихъ и верхнихъ силурійскихъ пластовъ нашихъ окрестностей, образовались средніе силурійскіе пласты, весьма-богатыя разнородными кораллами, морскими лиліями, плеченогими раковинами, каракатицами и трилобитами, но нигдѣ до-сихъ-поръ примѣтны не были остатки рыбъ, являющихся только въ верхнихъ силурійскихъ и девонскихъ пластахъ.

Чѣмъ же болѣе приближаемся къ древнимъ геологическимъ періодамъ, тѣмъ менѣе рыбы и другія животныя сходствуютъ съ живущими нынѣ родами. Посему очень-трудно определять роды этихъ исчезнувшихъ рыбъ по нѣкоторымъ ими оставленнымъ остаткамъ, но это опреде-

(* Странность въ своемъ сочиненіи (Geolog. Skizze der Umgebungen von Petersburg, переводъ нѣмецкій въ Труд. Санктпетерб. Минер. Общ. 1842) не указываетъ на древній красный песчаникъ (или девонскую систему), но на стр. 71, говоритъ о *варлевокомъ* красномъ песчаникѣ, ясно причисляетъ его къ подоловскому силурійскому песчанику: это тѣмъ болѣе простительно, что оба песчаника встрѣчаются на берегу одной и той же рѣки въ близкомъ разстояніи другъ отъ друга; тогда же и не была еще принята особенная девонская система; по-крайней-мѣрѣ, эти красныя песчаники не отдѣлены отъ силурійскихъ. Въ другомъ мѣствѣ своего сочиненія (на стр. 44) онъ полагаетъ, что силурійскаго песчаника на Ижорѣ не было, и что красный песчаникъ занялъ его мѣсто, хотя онъ въ замѣчаніи къ этой страницѣ болѣе склоненъ принять красный песчаникъ выходомъ (outlier?) красной земли (? не известной древности), лежащей внутри Россіи (гдѣ именно?) на известнякѣ (на какомъ?); наконецъ онъ нашелъ (на стр. 34), что ижорскій песчаникъ весьма сходствуетъ съ красною землею на берегахъ р. Темы въ Англіи, не упоминая объ относительной древности этой красной земли.

не облегчается раздѣленіемъ рыбъ вообще по *Агассису* на четыре разряда — на рыбы: 1) *плоскочешуйныя* (*Pisces Placoides*), 2) *угловаточешуйныя* (*Ganoidei*), 3) *гребенчаточешуйныя* (*Ctenoidei*) и 4) *круглочешуйныя* (*Cycloidei*).

1. *Placoides* включаютъ въ себя *акулъ* и *скатовъ*, у которыхъ шагринная, весьма-жесткая кожа и нѣсколько рядовъ заостренныхъ, по большей-части треугольныхъ зубовъ; они составляютъ, безъ-сомнѣнія, особенный высшій разрядъ рыбъ, такъ названныхъ *хрищевыхъ* (*Selachia*), съ которыми прежде несправедливо соединяли также *осетроу* и *миноу*, какъ я это уже доказалъ въ частной зоологій, мною изданной (*). Къ этимъ рыбамъ принадлежатъ огромныя шипы или костяные лучи плавательныхъ перьевъ (*Ichthyodogulitae*), нерѣдко встречающіеся въ ископаемомъ состояніи въ разныхъ горныхъ почвахъ, но преимущественно въ лейасѣ, въ юрской и меловой.

2. *Ganoidei* имѣютъ угловатая, большею частію ромбональныя чешуи, состоящія изъ костяныхъ пластинокъ, покрытыхъ эмалью; наружная пластинка чешуи совершенно эмалевая, противится разрушенію, такъ что она обыкновенно-хорошо сохранилась. Прежде, *Агассисъ* къ этимъ рыбамъ между живущими нынѣ родами причислялъ только два рода: *Lepidosteus* и *Polypterus*, а нынѣ онъ съ ними соединяетъ также *осетроу* (*Acipenserini*), *Sclerodermi*, *Gymnodonti* и *Lophobranchii*, которые я уже 12 лѣтъ тому назадъ принялъ какъ особенныя семейства въ разрядъ *костяныхъ рыбъ* (*Lepidoti*) и помѣстилъ отдѣльно отъ всѣхъ другихъ — въ началѣ всего класса за особеннымъ, мною принятымъ разрядомъ *червеобразныхъ рыбъ* (*Helminthoidei*) или *миноу*, несправедливо оставленныхъ *Агассисомъ* въ первомъ разрядѣ *Placoides*.

3. *Ctenoidei* содержатъ въ себя рыбъ, у которыхъ чешуя съ гребенчатымъ заднимъ краемъ; она соотвѣтствуютъ *Acanthopterygii* съ исключеніемъ большаго семейства *Scomberoidei* и *Labroidei*, и съ прибавленіемъ къ нимъ *Pleuronectoidei*; рыбы большею частію морскія, нынѣ живущія болѣе или менѣе подобныя.

Наконецъ, 4. *Cycloidei* отличаются круглыми чешуями безъ зазубреннаго края; къ нимъ принадлежатъ всѣ *Malacopterygii* съ исключеніемъ *Pleuronectoidei*, и съ прибавленіемъ нѣкоторыхъ *Acanthopterygii*, какъ *Vlennoidei* и под.; она составляютъ по-большой-части озерныя и рѣчные роды, живущіе, следовательно, большею частію въ прѣсной водѣ.

Въ окрестностяхъ Павловска встречаются только остатки рыбъ первыхъ двухъ разрядовъ (*Placoides* и *Ganoidei*), изъ которыхъ первыя отличаются эмалевымъ покровомъ чешуи, которая посему сопротивлялась разрушенію и весьма-хорошо сохранилась въ нашихъ песчаныхъ и известковыхъ пластахъ; они сверхъ-того отличаются плоскими и большими щитками, которыми покрыто тѣло ихъ; иногда же, на жесткой кожѣ ихъ примѣчаются маленькіе, не очень-высокіе бугорки подобно шагринѣ *скатовъ* и *акулъ*, живущихъ нынѣ еще хищныхъ рыбъ этого семейства.

(*) См. Zoologia Specialis III vol. Vilnae, 1831.

Ganoidei чаще встрѣчаются въ остаткахъ эмальевыхъ угловатыхъ чешуй или щитковъ въ нашихъ окрестностяхъ; чешуи или щитки ихъ состоятъ изъ роговой или костяной массы и покрыты толстою эмалью, какъ щитки осетровъ (*Acipenser*) или роговой щуки (*Lepidosteus*, *Polypterus*) между нынѣ-живущими родами этого разряда, изъ которыхъ вообще не болѣе одной четверти всѣхъ известныхъ рыбъ (живущихъ и ископаемыхъ) принадлежатъ къ этимъ двумъ разрядамъ *Placoides* и *Ganoidei*, между-тѣмъ, какъ рыбы двухъ другихъ разрядовъ, *Ctenoidei* и *Cycloidei* содержатъ въ себѣ вообще три четверти всѣхъ известныхъ рыбныхъ родовъ, или по-крайней-мѣрѣ 8,000 видовъ, не-встрѣчающихся въ древнѣйшемъ періодѣ образованія земнаго шара, но уже послѣ происхожденія мѣловой почвы и въ нынѣшнемъ періодѣ земл.

Ископаемыя рыбы доставляли до-сихъ-поръ весьма-важные признаки для различія относительной древности горныхъ формаций: роды, встрѣчающіеся въ древнѣйшихъ почвахъ, никогда не примѣчаются въ новѣйшихъ; даже въ древнѣйшемъ силурійскомъ песчаникѣ встрѣчаются виды и роды, отличные отъ находящихся въ горномъ и раковинномъ известнякахъ; а рыбы формаций юрской и мѣловой, въ которыхъ иногда примѣчается безчисленное множество зубовъ и ихтиодорулитовъ *аккулъ*, опять совершенно-отличны отъ рыбъ предъидущихъ почвъ; по-сему весьма-замѣчательно, что въ нашихъ окрестностяхъ попадаются въ девонскомъ и силурійскомъ известнякахъ вмѣстѣ и такіе роды, которые до-сѣ-времени были известны только въ горномъ и раковинномъ известнякахъ.

Весьма-замѣчательно, что въ томъ отдаленномъ періодѣ образованія земнаго шара, въ которомъ господствовали два разряда рыбъ *Placoides* и *Ganoidei*, уже находилось множество этихъ обитателей океана на морскомъ днѣ, такъ-что остатками ихъ наполнены всѣ песчаністые и известковые девонскіе пласты по р. Славянкѣ, между дер. Поридо и Марьино, по всей Эстляндіи и въ-особенности на р. Прикшѣ въ Новгородской-Губерніи, гдѣ эти рыбы во множествѣ спокойно жили и спокойно осаждались, такъ-какъ у насъ нигдѣ не примѣчаются столь огромные, хорошо сохраненные остатки ихъ, какъ здѣсь. При жизни этихъ рыбъ, земной шаръ имѣлъ еще въ высокой степени свою внутреннюю теплоту, и потому въ окрестностяхъ Санктпетербурга, въ Новгородской-Губерніи и Эстляндіи находился въ климатѣ тропическомъ; океанъ тогдашній былъ обширнѣе нынѣшняго и покрывалъ весь сѣверъ Европы; по-сему, наши северныя губерніи, Эстляндская, Псковская, Новгородская, Олонецкая и Санктпетербургская составляли часть этого огромнаго океана, соединявшагося съ Ледовитымъ-Моремъ и Океаномъ Атлантическимъ, изъ котораго еще не возвышалась Великобританія и Ирландія; онѣ были подъ уровнемъ океана, какъ это видно изъ остатковъ девонскихъ рыбъ, почти-вездѣ встрѣчающихся въ Шотландіи и Англіи.

По рѣкѣ Славянкѣ, близъ дер. Марьино, встрѣчаются почти одна чешуя, но онѣ достаточны для опредѣленія родовъ и видовъ рыбъ, подобно тому, какъ птичьи перья позволяютъ охотникамъ опредѣлять птицъ.

Это богатое сокровище рыбьихъ остатковъ не замедлитъ прославить деревню Марьино въ нашей геологической литературѣ, какъ съ другой стороны берегъ р. Прикши подобнымъ же образомъ прославился нѣсто-нахожденіемъ огромныхъ остатковъ другихъ родовъ первобытныхъ рыбъ.

ОПИСАНІЕ ИСКОПАЕМЫХЪ РЫБЪ.

РАЗРЯДЪ I. PLASCOIDEI.

Къ остаткамъ рыбъ этого разряда, встречающихся въ силурійской и девонской почвахъ, принадлежали въ-особенности *шмы* (*Ichthyodonta*) или огромные костяные лучи плавательныхъ перьевъ первобытныхъ *акулъ* и *скатовъ*; сверхъ-того еще, но гораздо-рѣже, попадаются у насъ вѣбные зубы другихъ родовъ, найденныхъ до-сихъ-поръ только въ горношъ известнякъ, какъ на-пр. *Pezomodus*, *Stenodus*.

Onchus.

Ихтиодоролиты этого рода, встречающагося въ силурійской системѣ, отличаются тѣмъ, что они незазубрены, болѣе или менѣе сжаты съ обѣихъ сторонъ и немного изогнуты. *O. Murchisonii* Ag. продольно-бороздчатый и немного-изогнутый; остатки его не болѣе 3 линій шириною, такъ-что онъ никогда не бываетъ цѣльный; три этого рода луча находятся иногда въ одномъ камнѣ, одинъ возлѣ другаго, хотя не въ совершенно-непрерывномъ ряду, какъ это бываетъ въ Англии; посему надобно полагать, что одно плавательное перо имѣло всѣ свои лучи большіе; они находятся въ деревнѣ Марьино по рѣкѣ Славянкѣ, въ мелкопесчанномъ известнякъ; другой образецъ въ красномъ мергельномъ известнякъ находится возлѣ деревни Марьиной: это обломокъ особенной кости, которая въ Лифляндскомъ древнемъ красномъ песчаникъ находится всегда при началѣ груднаго плавательнаго пера, и посему служила, можетъ-быть, для прикрѣпленія его къ тѣлу рыбы. Кость эта почти полукруглая, снизу вогнута, сверху выпукла; поверхность ея представляетъ продольныя струи, которыя соединены сближенными поперечными струйками, такъ-что изъ этого происходитъ какъ-бы мелко-решетчатая поверхность; кость эта почти подобна верхней челюсти въ некоторыхъ хрящевыхъ рыбъ и находится также въ новгородской девонской системѣ по р. Прикшѣ (*).

O. dilatatus отличается отъ предъидущаго широкимъ почти-гладкимъ основаніемъ, отъ котораго лучъ гораздо-скорѣе суживается къ верху; онъ покрытъ продольными бороздками, которыя означены по длинѣ струйками и точками, и находится также въ той же горной породѣ при деревнѣ Марьиной. Основаніе его иногда 1 дюймъ 3 лин. шириною, а при высотѣ 9 лин. онъ суживается къ верху до 3 $\frac{1}{2}$ линій.

(*) См. Разсужденіе мое подъ заглавіемъ: die Pflanzen- und Thierreste des alten rothen Sandsteins und Bergkalkes des Novogorodschen-Gouvernements im Bulletin Scientif. de l'Acad. des Scienc. sa 1840.

O. tenuistriatus Ag. находятся въ видѣ маленькихъ ихтиодорулитовъ съ продольными тонкими струйками; обломки эти по-большой-части конечны безъ зубчиковъ, весьма-мало изогнуты, почти-прямы; онъ встрѣчается въ Англии въ лудловскихъ или верхнихъ силурійскихъ пластахъ, а у насъ въ соответственныхъ пластахъ, но между девонскимъ видами.

Вся эти ихтиодорулиты тѣмъ еще отличаются, что они весьма-малы; они никогда не бываютъ такъ толсты и длинны, какъ виды ихъ въ новейшихъ пластахъ, въ-особенности въ лейасъ и въ юрской почвѣ, гдѣ испанская величина ихтиодорулитовъ показываетъ огромность, до которой достигли эти рыбы.

Pleuracanthus.

Зазубренный шипъ этого рода происходитъ безъ-сомнѣнія отъ ската (Ража), на хвостъ котораго еще нынѣ прикрѣплены подобные, съ обѣихъ сторонъ зазубренные шипы; они почти вся до-сихъ-поръ найдены въ юрской и молассовой почвахъ; одинъ только видъ недавно открытъ въ каменно-угольной формаци, близъ Дудли въ Англии; но никогда онъ не былъ наблюдаемъ въ девонской или силурійской системѣ, какъ у насъ.

Pleur. tuberculatus, новый видъ, составляетъ коническій округленный лучъ, немного сжатый съ обѣихъ сторонъ и снаружи только бугорчатый; мелкіе бугорки расположены на поверхности въ четырехъ или болѣе продольныхъ рядахъ, сливающихся къ верхнему концу; мелкіе немного отстоящіе другъ отъ друга зубчики прикрѣплены съ обѣихъ острыхъ сторонъ, отъ-чего они имѣютъ видъ иглы хвостовыхъ вышшихъ скатовъ. Весь обломокъ этого костянаго луча почти прямъ, и на одномъ край даже немного выпуклъ; онъ въ четыре линіи длиною, найденъ въ пластахъ девонскаго мергельнаго известняка. Онъ походитъ на *Pl. lacustris* Ag., самый меньшой видъ этого рода, но отличается тѣмъ, что послѣдній совершенно-гладокъ на поверхности; другой же обломокъ, въ 2 лин. длиною, показываетъ болѣе 10 зубчиковъ съ обѣихъ сторонъ.

Pristacanthus.

Этотъ шипъ составляетъ подобный плоскій, но продольно-струйчатый видъ, который къ концу постепенно суживается и на одномъ край легко зазубренъ; зубчики весьма-короткіе, почти округленные, соединяются между собою и сливаются такъ, что они совершенно походятъ на зубчики пилы, и вовсе не составляютъ отдельныхъ зубчиковъ рода *Hypodus*, съ которыми они наиболее могутъ быть сравниваемы. Обломки, 7 лин. длиною, найдены въ пластахъ девонскаго песчаника, при деревнѣ Марьинной; они составляютъ, можетъ-быть, подобный хвостовой шипъ ската (*Myliobates*), который до-сихъ-поръ былъ наблюдаемъ только въ юрской почвѣ.

Hypodus.

Другіе тонкіе зазубренные ихтиодорулиты и зубы принадлежатъ, ка-

жется, къ этому роду, наблюдаемому до-сихъ-поръ въ лейассъ и въ раковинномъ известнякѣ Англiи и Германiи.

Нуб. gracilis n. sp. оставилъ у насъ не рядкіе тонкіе, съ одной стороны зазубренные шипы, которые продольно-струйчатые, къ концу немного изогнуты и на вогнутомъ краѣ съ мелкими, отстоящими одинъ отъ другихъ и обращенными внизъ зубчиками. Они приближаются болѣе всего къ *Нуб. subcarinatus Ag.*, найденному до-сихъ-поръ только въ одномъ лейассѣ; у насъ же встрѣчаются они въ девонскихъ валунахъ.

Нуб. longiconus оставилъ трех-сторонные зубы, которые, плоскіе и заостренные, имѣютъ широкое основаніе; они подобны тѣмъ зубамъ, которые г. Агассисъ описываетъ въ лейассѣ; между-тѣмъ, они у насъ найдены въ девонскомъ известнякѣ деревни Марьиной. Марьинскій зубъ весьма-остръ, длиною въ 4 линiи; продолжается онъ съ обѣихъ сторонъ на основанiи въ длинный отростокъ, отъ-чего онъ и получаетъ почти трех-угольную заостренную форму. Поверхность совершенно-гладка.— Иногда примѣчаются подобные зубы на одномъ камнѣ съ ихтиодорулитами *Onchus*, такъ-что должно полагать, что и эти рыбы имѣли подобные зубы.

Helodus.

Этотъ родъ составляетъ небные зубы, которые были прежде соединены г. Агассисомъ съ родомъ *Psammodus*, принадлежащемъ, какъ и *Ctenodus*, къ семейству *Cestraciontes*; зубы эти до-сихъ-поръ были найдены болѣею частію въ каменно-угольной, а *Ctenodus* даже въ мѣловой почвѣ; у насъ оба рода встрѣчаются въ девонской системѣ, что весьма-примѣчательно.

H. laevissimus составляетъ небный зубъ плоско-выпуклый, гладкій и на поверхности точечный; точки происходятъ отъ мелкихъ круглыхъ дырочекъ, которыми вся поверхность покрыта; зубы не рядко наблюдаются въ девонскихъ валунахъ и ничѣмъ не отличаются отъ зубовъ *H. laevissimus Ag.* изъ горнаго известняка Новгородской-Губернiи.

Ctenodus.

Этотъ небный зубъ составляетъ новый видъ, найденный у насъ по берегу рѣки Славянки, въ пластахъ верхне-силурійскихъ, но въ другихъ странахъ этотъ родъ былъ найденъ только въ мѣловой почвѣ.

Ct. radiatus n. sp. показываетъ плоскіе, немного-выпуклые зубы, у которыхъ отъ основанiя простираются къ наружному расширяющему краю лучистые ряды мелкихъ ребристыхъ узловатыхъ возвышеній, отъ-чего происходитъ особенное строеніе нижней немного-выпуклой поверхности. Узловатыхъ возвышеній бываетъ отъ 11 до 13; узлы плоско-бугорчатые, отъ основанiя постепенно увеличиваются къ наружному краю; однакъ бокъ отогнутый и плоскій; ширина зуба равняется его длинѣ до пяти линiй, чѣмъ и отличается этотъ видъ отъ *Ct. cristatus Ag.*, который притомъ гораздо-больше.

Ct. serratus n. sp., другой обломокъ въ половину величины *Ct. cristatus*; зубчики эти остры, наклонены къ широкому боку и сближены;

при основаніи онъ не такъ глубоко-завубренъ, какъ на концѣ разширеннаго края, такъ-что ряды зубчиковъ совершенно пилоидно-завубрены, и бороздки между ними глубоки и расходящіяся; онъ находится съ предъидущими въ девонскомъ песчанистомъ известнякѣ рѣки Славянки при деревнѣ Марьиной.

Почти подобные зубы встрѣчаются въ Орловской-Губерніи (*) въ горномъ известнякѣ съ зубами *Ceratodus* (изъ семейства *Sauroides*, разряда *Ganoidei*), найденными до-сихъ-поръ въ раковинномъ известнякѣ; зубы эти имѣютъ гладкую поверхность и три или большее число округленныхъ толстыхъ зубчиковъ выдаются на одномъ боку, отъ-чего я называю этотъ видъ *Ceratodus lateralis*.

Sclerolepis.

Наконецъ, къ исчезающимъ родамъ первобытныхъ рыбъ этого разряда нашихъ окрестностей принадлежитъ, кажется, еще новый родъ *Sclerolepis*; я до-сихъ-поръ наблюдаю только кусочекъ эмальевой кожи, несколько-похожей на кожу рыбы *Sphagodus* изъ силурийской системы Англіи; нашъ родъ отличается въ особенности своею жесткою эмальевою кожей, на которой примѣчаются овальные, сверху сплюснутые, посрединѣ углубленные, весьма-блестящіе бугорки, отъ которыхъ по всѣмъ направленіямъ расходятся мелкіе лучи и представляютъ такимъ образомъ звездчатый видъ. Немного-выдающіеся бугорки нерасположены, кажется, правильными рядами и составляютъ между собою неглубокіе промежутки, которые и заняты поманутыми лучами. Такимъ образомъ превосходитъ эмальевый покровъ тѣла, подобный тому, который показываютъ скаты и акулы между живущими, а *Sphagodus* и *Sclerodus* между исчезающими родами. Я называю этотъ новый видъ *Sclerolepis decoratus*, по нѣжно-эмальевымъ чешуйкамъ, и наблюдаю его одинъ только разъ въ песчанистомъ известнякѣ рѣки Славянки при деревнѣ Марьиной. Каждая чешуя имѣла, кажется, округленный край съ поперечными рядами мелкихъ бугорковъ, подобныхъ тѣмъ, которые покрываютъ всю поверхность чешуи.

РАЗРЯДЪ II. GANOIDEI.

Къ разряду угловато-чешуйныхъ рыбъ или *Ganoidei* принадлежатъ многочисленныя семейства, изъ которыхъ нѣкоторыя, какъ семейство *Cephalaspides*, *Dipteri*, *Sauroides*, *Coelacanthi*, совершенно исчезли, и въ ископаемомъ состояніи преимущественно встрѣчаются въ девонской системѣ, весьма-богатой и въ нашихъ окрестностяхъ исполненными видами этихъ семействъ.

(*) Въ Орловской-Губерніи, сверхъ-того, примѣчаются ромбическія толстыя чешуи *Acrolepis*, имѣющаго развилчатое хвостовое перо, и чешуи весьма-остроконечныя, отличающіяся переднимъ гладкимъ краемъ, на которомъ налегаетъ предъидущая чешуя съ выемчатымъ заднимъ краемъ; вся поверхность орловскихъ чешуй широко-бороздчата; бороздки другъ отъ друга отстоятъ и сливаются между собою. Я называю этотъ видъ *A. reticulatus*.

Семейство 1. *Cephalaspides*.

Къ этому семейству принадлежатъ самыя древнѣйшія рыбы земнаго шара, которыя большею частію ограничены на девонской системѣ и отличаются весьма-странною формою огромнаго тѣла.

Asterolepis (Pterichthys).

Самый занимательнѣйшій родъ первобытныхъ рыбъ составляетъ *Asterolepis*, который, послѣ моего опредѣленія, Миллеръ (*) назвалъ *Pterichthys*; г. Атассисъ (**) несправедливо полагаетъ, что описанныя мною щитки составляютъ одну черепную кость, почему онъ предлагаетъ другое названіе *Chelonichthys*.

Родъ этотъ былъ покрытъ большими щитами, на которыхъ примѣчаются вездѣ мелкіе бугорки, окруженные звѣздочками; отъ бугорковъ простираются во всѣ стороны лучистыя струйки, отъ-чего и образуется звѣздчатая окружность для каждаго бугорка, и всѣ эти струйки разныхъ бугорковъ сливаются между собою. Зубы этого вида *Asterolepis ornatus* достигали иногда огромной величины; они круглы, заострены и покрыты продольными струйками: они приближаются своею величиною къ самымъ большимъ зубамъ огромныхъ крокодиловъ, въ-особенности тѣ, которые встрѣчаются въ девонской системѣ Эстландіи. Можетъ-быть, зубы *Dendrodus* и *Cricodus Ag.* принадлежали къ этому же роду, или къ *Bothriolepis*, или, по-крайней-мѣрѣ, не отличаются другъ отъ друга одними зубами, потому-что разрывъ зубовъ на концѣ и на основаніи долженъ быть другаго вида, и такимъ образомъ онъ долженъ болѣе или менѣе отличаться въ своемъ сложеніи въ этихъ мѣстахъ. Общая форма *Asterolepis* явствуетъ изъ хорошо-сохраненныхъ экземпляровъ *Pterichthys*, который имѣлъ два составчатыхъ грудныхъ плавательныхъ пера, прикрытыхъ щитами подъ головою, совершенно-входящею въ спинную часть тѣла.

(*) Эти остатки я описалъ уже 24-го ноября 1839 года въ иссѣдѣніи къ профессору Бронну (въ *Neues Jahrb. für Mineralogie und Geologie. Stuttgart. 1840 pag. 425*). Г. Миллеръ описалъ свой родъ *Pterichthys* 1840 года въ сочиненіи: *Report of the british assoc. (См. Verneuil et d'Archiac. Memoir of the fossils of the older deposits in the rhénish provinces. Paris 1842 pag. 381)* и въ соч. Миллера *The Oldred Sandstone Edinburgh. 1842*.

(**). Гораздо-позже моего опредѣленія и послѣ описанія Миллера, г. Атассисъ публиковалъ названіе двухъ новыхъ родовъ *Chelonichthys* и *Glyptosteus* (въ соч. *Recherches sur les poissons fossiles. Neuchatel 1833—43, I pag 38*), принявъ щитки названныхъ мною родовъ *Asterolepis* и *Bothriolepis* за головныя кости этихъ двухъ родовъ, *Chelonichthys* и *Glyptosteus*. Я описалъ остатки этихъ рыбъ не за чешую, какъ это полагалъ г. Атассисъ, но за щитки тѣла и еще нынѣ увѣренъ, что щиты головного черепа (названные также *Hydnophora* и описанные между животно-растеніями) могли быть подобныя, какъ щиты тѣла, что и доказываются цѣлыми экземплярами этого рода, описаннаго подъ названіемъ *Pterichthys*, покрытыми по всему тѣлу и черепу одинаковыми щитками, на поверхности которыхъ примѣчаются вездѣ звѣздчатые бугорки, служившіе мнѣ поводомъ къ названію этой рыбы *Asterolepis*. Щитки *Bothriolepis (Coccosteus)* или *Glyptosteus* подобнымъ же образомъ не составляли одинъ головныя кости, но и настоящіе щиты тѣла, которые посеми и весьма-често встрѣчаются отдѣльными и хорошо сохраненными.

какъ въ *скать*; два глаза прирмчуются, какъ у него, на верхней части головы, а поперечный ротъ на нижней ея сторонѣ; длинный, узкій, угловатый хвостъ образуетъ непосредственное прямое продолженіе спиннаго столба, и тѣло совершенно покрыто одинаковымъ шагриновымъ покровомъ съ звездчатою поверхностью. Обломки зубовъ и щитиковъ (*) этого рода нередко встрѣчаются въ валунахъ девонскаго известняка и песчаника и въ самыхъ пластахъ девонскаго песчаника по рѣчкѣ Славянкѣ при деревнѣ Марьиной.

Вмѣстѣ съ этими щитиками, попадаются еще обломки другихъ мелкихъ, составляющихъ, можетъ-быть, особенный видъ *Asterolepis depressus*, у котораго плоскіе бугорки на щиткахъ раздѣлены почти-гладкими промежутками; бугорки не такъ выдаются, какъ у *Asterolep. ornatus* и мельче ихъ, щитики совершенно-черные, тонкіе и ломкіе и находятся также по рѣчкѣ Славянкѣ въ девонскихъ пластахъ.

Третій видъ, *Ast. concatenatus*, отличается подобными тонкими щитиками; весьма-мелкіе и звездчатые бугорки расположены параллельными, стѣсненными рядами, такъ-что они какъ-бы соединены цѣпями; они также черны и находятся въ этихъ же девонскихъ пластахъ близъ деревни Марьиной.

Bothriolepis (Coccosteus).

Эти рыбы составляютъ подобный предъидущему исчезнувшій родъ, отличный по огромнымъ въ 3 или 4 дюйма длиною щитикамъ, которые въ срединѣ возвышены и вездѣ покрыты сливающимися углубленіями между маленькими бугорками. Эти щитики составляли не только кости черепа, какъ это полагаетъ г. Агассисъ, называя посему этотъ родъ другимъ названіемъ *Glyptosteus*, но и покрывали, безъ сомнѣнія, все тѣло, что ясно доказывается отдѣльно-взѣянными округленными щитиками и хорошо-сохраненнымъ красмъ; другіе, а именно головные щитики гораздо-больше и по срединѣ килеваты, чѣмъ они особенно отличаются отъ тѣхъ щитиковъ, которые покрывали тѣло. Этотъ видъ *Bothriolepis prisca* весьма приближается къ предъидущему по всему покрову тѣла. Вмѣстѣ съ щитиками, большею частью поломанными, находятся длинныя, несомнѣнно-круглыя, но немножко-сжатые и острые зубы, подобнымъ же образомъ внутри полые и снаружи продольно-струйчатые, какъ и по всей Эстляндіи; они попадаютъ у насъ часто въ валунахъ, рѣже въ песчанистыхъ пластахъ рѣчки Славянки при деревнѣ Марьиной.

Cheirolepis.

Cheirolepis отличается весьма-мелкими ромбическими и блестящими чешуями, которыя расположены правильно косвенными рядами, и имѣютъ верхній зазубренный край; зубчики иногда простираются до срединны

(*) По моему мнѣнію, *Placosteus meandrinus* Ag., извѣстный только по названію, но не по описанію, можетъ-быть, также принадлежить къ роду *Asterolepis*, потому-что г. Агассисъ предцедаетъ къ нему родъ *Monticularia* Lam. или *Hydrophora* Fisch., покрытый простыми щитиками съ звездчатою поверхностью.

чешуи, отъ-чего они дѣлаются продольно-бороздчатыми; плавательныя и брюшныя перья, какъ видно по хорошо-сохраненнымъ экземплярамъ въ Англіи, немного-меньше проходнаго, и самое меньшее перо шишиное; хвостовое же перо велико, и отличается двумя острыми неровными концами. Родъ этотъ отличаетъ въ Англіи нижній девонскій пластъ, а у насъ найденъ въ подобныхъ же пластахъ, непосредственно переходящихъ въ верхній свлурійскій.

Новый видъ, *Ch. splendens*, имѣетъ тѣло, покрытое весьма-мелкими блестящими, едва въ одну треть линіи шпрокини чешуями, почти треугольными, такъ-что верхній полулунный мелко-зазубренный край шире боковыхъ, немного-вырѣзанныхъ; чешуи лежатъ весьма-правильными косвенными рядами, составляя нижній панцирь этого исчезнувшаго рода; они въ англійскихъ видахъ болѣе ромбичны и болѣе зазубрены, сравнительно съ марьинскими, но величина ихъ одинакова; у насъ эти чешуи находятся, но рѣдко, по берегамъ рѣчки Славянки, близъ деревни Марьиной, въ самыхъ девонскихъ пластахъ.

Другой видъ, *Ch. unilateralis*, подходит нѣсколько по чешуямъ къ *Tetragonolepis heteroderma* Ag., потому-что чешуи исправлены и неправильно зазубрены; онѣ длинны, узки или ромбичны, нижній край зазубренъ, какъ у *Osteolepis*, или передній край весь зазубренъ; впрочемъ, чешуя гладка, черны, блестяща и находятся тамъ же.

Третій видъ, похожій на *Ch. Uragus* Ag., показываетъ на ромбическихъ чешуяхъ выпуклую поверхность; онѣ, въ-особенности къ переднему краю, снабжены сходящимися складками, косвенно-лежащими на самыхъ чешуяхъ; нѣкоторыя кажутся ясно-зазубренными, на верхнемъ или заднемъ концѣ, какъ у *Cheirolepis*, описаннаго г. Миллеромъ. Вообще эти чешуи были косвенно расположены, но не совершенно правильно; другія овалныя, угловатыя, съ однимъ немного-зазубреннымъ краемъ; поверхность ихъ всегда гладка, немного-выпукла и блестяща.

Microlepis.

Microlepis составляетъ новый родъ, сколько я могу судить по обломкамъ нижне-чешуйчатой кожи этой рыбы; чешуйки продольно-ромбическія, совершенно-гладки, весьма-мелки, съ одного края зазубрены.

M. lepidus отличается чешуями, въ которыхъ число зубчиковъ невелико и едва простирается до 5; эти же чешуйки, до одной трети линіи длиною, образуютъ косвенные правильные ряды; вся поверхность блестяща и черна; до-сихъ-поръ, они весьма-рѣдко встрѣчались въ девонскихъ пластахъ при деревнѣ Марьиной, въ обломкахъ кожи въ 7 линій длиною и 3 л. шириною.

M. exilis былъ, можетъ-быть, изъ подобнаго рода первобытныхъ рыбъ; чешуи его весьма-мелки, болѣе или менѣе ромбичны, но со всѣхъ сторонъ мелко зазубрены; онѣ расположены болѣею частію правильно-косвенными рядами, совершенно-гладки, блестящи и желто-бураго цвѣта. Этотъ видъ составляетъ, можетъ-быть, особенный родъ; но какъ остатки его найдены до-сихъ-поръ только въ валунахъ девонскаго песчаника, то посему нельзя сказать ничего положительнаго объ

этихъ обломкахъ, неописанныхъ до-сихъ-поръ другими нашими Палеонтологами.

Chiastolepis.

Chiastolepis образуетъ, кажется, также новый родъ. Тонкія его чешуи означены въ длину нѣжными струйками, между которыми въ промежуткахъ примѣчаются другія поперечныя струйки, отъ-чего происходитъ нѣжная рѣшетчатая поверхность чешуи, отличительный признакъ этого рода.

Ch. clathratus показываетъ на щитикахъ продольныя струйки, не всегда идущія параллельно; онѣ иногда раздвоятся, искривляются или по двѣ соединяются вмѣстѣ въ киловатое возвышеніе, отъ-чего происходитъ неправильно-струйчатая поверхность этихъ черныхъ щитиковъ.

Настоящая ихъ форма неизвѣстна, потому-что они встрѣчаются всегда въ поломанныхъ кускахъ въ песчанистомъ известнякѣ, по берегу Славянки.

Cemelema II. Dipteri.

Рыбы этого семейства не весьма-многочисленны; онѣ встрѣчаются только въ девонской системѣ и отличаются двумя синными плавательными перьями, прикрѣпленными на задней части тѣла и противоположными брюшнымъ и проходному перьямъ; чешуи ихъ довольно-велики.

Osteolepis.

По хорошо-сохраненнымъ экземплярамъ этой рыбы, найденнымъ въ Англіи, видно, что тѣло ея совершенно-гладко, и что костяныя чешуи покрыты эмалью, которою защищены даже всѣ кости черепа и челюстей; зубы весьма-мелки, тонки, отстоятъ другъ отъ друга, и, кромѣ двухъ грудныхъ перьевъ, примѣчается еще два острия спинныя пера, которыя противопологаются брюшнымъ и проходному; хвостовое перо весьма-остро. Я могу различать два вида этого рода въ нашихъ песчаныхъ известнякахъ по рѣчкѣ Славянкѣ.

Ost. nanus найденъ въ видѣ обломка нижней челюсти 5 лин. длиною и 2 лин. шириною, а 1 лин. впереди шириною; снаружи кость негладка, означена мелкими точками, съ нѣсколькими углубленіями; она имѣетъ семь, немного-искривленныхъ зубчиковъ, до 1 лин. длинныхъ и при основаніи продольно-струйчатыхъ; обломокъ челюсти найденъ въ пластахъ песчанистаго известняка при деревнѣ Марьиной, гдѣ вмѣстѣ съ нею встрѣчаются чешуи другаго вида *Osteolepis*, значительная величина которыхъ не позволяетъ, по моему мнѣнію, принять ихъ за чешуи *O. nanus*.

Этотъ видъ, *O. intermedius*, отличается блестящими ромбическими костяными, покрытыми эмалью чешуями, которыя означены на поверхности весьма-мелкими точками, и впереди продолжаютъ съ обѣихъ сторонъ въ гладкій нагнутый край, на который налегала предъидущая чешуйка: почему назадъ и внизу примѣчается выемка для этого прикрѣпленія и въ серединѣ внизу продольный киль, простирающійся назадъ и перекрѣ-

двѣмъ здесь въ два меньшіе, которые идутъ въ задній край и образуютъ здесь плоскую выемку для налеганія на предъидушій гладкій край. Эти чешуи весьма-часто встрѣчаются въ пластахъ девонской системы при деревнѣ Марьиной и въ валунахъ по рѣкѣ Ижорѣ; но въ эстляндской лаврской системѣ онѣ попадаются гораздо-рѣже, нежели въ здѣшнихъ окрестностяхъ. Тамъ, напротивъ того, чаще встрѣчаются чешуи *Cheirolepis*, которыя у насъ весьма-рѣдки.

Dipterus.

Вмѣстѣ съ *Osteolepis* рѣдко попадаются чешуи *Dipterus*, въ несчастномъ известнякѣ рѣки Славянки, но онѣ такъ поломаны, что только сомнительно можно ихъ принять за этотъ родъ. *Dipterus* имѣетъ тѣло, которое въ срединѣ незаметно суживается; два спинныя пера противопологаются брюшнымъ и проходному перьямъ, которыя видомъ имъ почти подобны; оба спинныя пера сближены и прикрѣплены близъ хвостоваго пера; брюшныя перья расположены немного-впередъ перваго спиннаго и проходнаго пера. Чешуи больше, чѣмъ у *Palaeoniscus*, къ которому этотъ родъ больше или меньше приближается.

Dipt. arenaceus показываетъ гладкія чешуи; рѣдко эмаль сохранилась; въ нашихъ окрестностяхъ всегда встрѣчаются отдѣльныя чешуи ромбическія, означенныя мелкими точками и череппидевидныя, что происходитъ отъ приращенія пластинокъ чешуи; этотъ признакъ примѣчается на всѣхъ рыбьихъ чешуяхъ, прирастающихъ пластинками, которыя налегаютъ другъ на друга; но весьма-замѣчательно, что въ этомъ видѣ пластинки составляютъ на наружной поверхности ромбоидальныя концентрическія дуги, уже примѣтныя простому глазу. Мы извѣстны только два обломка этихъ чешуи, изъ которыхъ одинъ до $\frac{1}{2}$ дюйма длиною имѣлъ вѣроятно ромбоидальный видъ. Г. Агассисъ упоминаетъ, при описаніи *Dipt. macrolepidotus*, подобные признаки его, говоря, что пластинки чешуи его весьма-скоро стираются, что края ихъ тогда округляются, а нижній и задній край исчезаетъ, принимая видъ череппидеобразной чешуи. Я прежде полагалъ отнести обломки этихъ чешуи къ роду *Palaeoniscus*, имѣющему подобный череппидеобразный видъ чешуи; но чешуи его больше угловаты, нежели въ *Dipterus*, настоящимъ отличительномъ родъ древняго краснаго песчанника, по нему и г. Агассисъ вынужденъ переименовалъ большую часть *Palaeoniscus* новымъ названіемъ *Dipterus*.

Семейство III. *Sauroides*.

Рыбы этого семейства отличаются опрокинутыми зубами, такъ-что они составляютъ переходъ къ земноводнымъ животнымъ; всѣ роды исчезли и не только встрѣчаются въ девонской системѣ, но некоторые даже въ новѣйшихъ горныхъ породахъ.

Megalichthys.

Къ семейству *Sauroides* должно преимущественно отнести *Megalichthys*, вѣроятно встрѣчающійся въ несчастномъ известнякѣ рѣки Славянки, при деревнѣ Марьиной.

M. Hibberti весьма-часто встречается въ каменноугольной формациі Англии, а въ нашихъ окрестностяхъ изрѣдка попадаются обломки щитковъ его въ девонской системѣ. Голова и тѣло этой первобытной рыбы были плоски и покрыты гладкими, весьма-блестящими, широкими щитками различной формы; многочисленныя, но весьма-мелкіе зубы обѣихъ челюстей доказываютъ, что эти рыбы были весьма-хищныя; расположеніе плавательныхъ перьевъ до-сихъ-поръ неизвѣстно. Кроме мелкихъ зубовъ, встрѣчающихся всегда отдѣльно, которые посему съ трудомъ могутъ быть точно опредѣлены, у насъ попадаются почти дюймовыя обломки блестящихъ и гладкихъ щитковъ по всей поверхности означенныхъ мелкими точками, какъ въ *M. Hibberti*; но съ ними вмѣстѣ примѣчаются обломки щитковъ другаго вида, который я называю *M. Fischeri* (*).

Этотъ видъ, *M. Fischeri*, имѣетъ подобныя блестящія, гладкія, черныя щитки съ мелкими точками по всей поверхности; но между ними примѣчаются и другія, немного большія точки, расположенныя весьма-правильными рядами; два ряда этихъ точекъ образуютъ полулунный видъ, такъ-что эти ряды точекъ въ срединѣ взаимно приближаются, а въ концахъ, въ особенности въ одномъ концѣ, расходятся; иногда большіе этого вида щитки встрѣчаются вмѣстѣ съ толстыми черными костяными обломками (настоящими костями этихъ рыбъ) по рѣкѣ Славанкѣ.

Saurichthys.

Нерѣдко встрѣчаются мелкіе, иногда довольно-большой величины зубы, которые, хотя сомнительно, можно принять за зубы *Saurichthys*, — родъ, который до-сихъ-поръ былъ только наблюдаемъ въ раковинномъ известнякѣ; зубы *Saurichthys* отличаются тѣмъ, что они конически заострены, съ обѣихъ сторонъ сжаты, на эмальевой конечной части совершенно-гладки, а къ основанію на костяной части продольно-струйчаты; нижняя эта часть, составляющая $\frac{3}{4}$ зуба, содержитъ въ себѣ микроскопическія внутреннія трубочки, наполненныя известью. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ гладкая эмальевая конечная часть зуба входитъ въ костяную нижнюю, онъ окруженъ небольшимъ углубленіемъ, отличительнымъ родовымъ признакомъ, который не замѣчается однако въ описанномъ мною здѣсь зубѣ, отъ-чего онъ болѣе приближается къ зубу *Pygopterus*. Впрочемъ, этотъ видъ весьма походить на *Saurichth. longidens Ag.*, найденный до-сихъ-поръ только въ раковинномъ известнякѣ Англии; зубы длиною въ $\frac{3}{4}$ дюйма немного искривлены; бороздки довольно-грубы на немъ, и каждая бороздка продольно тонко струйчата. Вмѣстѣ съ ними встрѣчаются зубы еще мельче, иногда совершенно-гладкіе, такъ-что они еще болѣе походятъ на зубы *Pygopterus*.

Семейство IV. *Copelacanthi.*

Это семейство содержитъ въ себѣ опять такіе роды рыбъ, которые

(*) Въ честь моего почтеннаго пріятеля, заслуженнаго вице-президента Моск. Общ. Испыт. Прпр. Фишера фон-Вальдейма.

только встречаются въ девонской системѣ, и на подобіе *Sarcoidei* отличаются огромными кеглевидными, внутри полыми и снаружи продольно-струйчатыми зубами.

Holoptychius.

Въ нашихъ окрестностяхъ весьма-часто встрѣчаются зубы коническіе, немного-сжатые, большіе, которые, по моему мнѣнію, принадлежать къ *Holopt. Nobilissimus*; вмѣстѣ съ ними попадаются также чешуи почти-круглыя, плоскія, съ бороздчатою поверхностью, и съ гладкими краями, и черепныя кости разнымъ образомъ бороздчатыя; въ особенности примѣчательны огромные почти-дюймовыя зубы, какъ у самыхъ испанскихъ ящероцефальныхъ амфибій, мѣсто которыхъ *Holoptychius Nobilissimus* заступаетъ въ этомъ отдаленномъ періодѣ первобытнаго міра. Чешуи его почти-всегда поломаны, но легко познаются по бороздчатой поверхности и гладкому краю; въ-особенности примѣчательна одна чешуя въ верхне-силурійскомъ песчанистомъ известнякѣ по рѣкѣ Ижорѣ при Пильной-Мельницѣ вмѣстѣ съ *Orthis radicus, moneta* и *Azarphus expansus*; эта чешуя изломана, но совершенно-круглая и походитъ своею формою на чешую *Holoptychius*, хотя она только видна съ внутренней стороны; она очень-тонка и кажется на другой сторонѣ бороздчатая, такъ, что мѣстонахожденіе это весьма-примѣчательно; досихъ-поръ не былъ еще найденъ *Holoptychius* въ силурійской системѣ.

Glyptolepis.

Къ семейству *Coelacanthi* принадлежитъ еще *Glyptolepis*, весьма-примѣчательный и часто-встрѣчающійся родъ девонской системы. Онъ отличается въ Англійской нижней девонской пластѣ, въ которомъ онъ находится и въ нашихъ окрестностяхъ; тѣло его покрыто большими чешуями и, какъ видно по хорошо-сохраненнымъ экземплярамъ въ Англійской, не превосходило полутора фута длины, тогда-какъ чешуи, большей частью круглыя, достигали величины дюймовой; плавательныя перья прикреплены къ заднему концу тѣла; два спинныя пера противоположны двумъ брюшнымъ и проходному перьямъ. Лучи всѣхъ этихъ перьевъ тонки и представляли почти-волосоподобное окончаніе; хвостовое перо очень-велико, широко, округлено, и спинной столбъ ясно простирается въ верхнюю его долю, какъ у всѣхъ *Ganoidei*; зубы весьма-тонки и редко встрѣчаются отдаленными въ нашихъ девонскихъ пластахъ съ чешуями, но которыми можно принять два вида.

G. quadratus отличается большими совершенно-плоскими, почти-четыре-сторонними щитками, шириною въ одинъ съ четвертью дюйма и почти такой же длины. На внутренней или нижней сторонѣ они гладки и означены концентрическими струями, а на краяхъ покрыты точками. Наружною стороною щитки совершенно сходствуютъ со щитками слѣдующаго вида; эта поверхность означена продольными волнистыми струйками, которыя неправильно раздѣляются такъ, что между одними струйками являются безпрестанно другія; впрочемъ, чешуи не возвышены въ срединѣ и совершенно-плоски, но округность ихъ

почти четыре-сторонняя, а не круглая, чѣмъ она отличается отъ другихъ известныхъ уже видовъ. Они не рѣдко падаются въ нашихъ девонскихъ пластахъ по рѣкѣ Славянка. Другой видъ *Glyptolepis* совершенно сходствуетъ съ видомъ найденнымъ въ Англии и описанъ г. Миллеромъ (*). Посему чешуя его подобнымъ же образомъ круглая, съ внутренней стороны гладки, блестящи, означены концентрическими струйками и точками; на переднемъ немного-суженномъ концѣ она усѣчена, для прикрѣпленія къ тѣлу рыбы; лучистыя струйки внутренней поверхности чешуи не всегда явственны, чѣмъ она немного отличается отъ англійскаго неназваннаго вида; снаружи, чешуя также покрыта продольными волнистыми струйками, какъ у предъидущаго вида; ширина ихъ болѣе трехъ четвертей дюйма; длина немного-меньше; она часто попадаются въ пластахъ песчанистаго известняка по рѣкѣ Славянка и въ девонскихъ валунахъ.

Сводъ.

Въ заключеніе этого описанія *первобытныхъ рыбъ* нашихъ окрестностей, я долженъ прибавить, что вообще весьма-примѣчательно, что верхніе силурійскіе и нижніе девонскіе пласты у насъ тѣсно сливаются, и что весьма-трудно или почти нельзя различить ихъ другъ отъ друга; первобытныя рыбы этихъ двухъ пластовъ, встречающихся отдѣльно въ каждомъ изъ нихъ въ другихъ мѣстахъ, у насъ находятся вмѣстѣ въ одномъ и томъ же пластѣ, такъ-что у насъ нельзя различить силурійскій пластъ отъ девонскаго. Это обстоятельство не только заставляетъ насъ допустить современное сходство климата въ то время, но и указываетъ одинакое условіе, дѣйствовавшее въ эти отдаленныя времена на развитіе органической жизни въ нашихъ окрестностяхъ и въ Шотландіи. Слѣдствіемъ этого было происхожденіе первыхъ обитателей: бездны океана, которые въ классъ *рыбъ* отличаются при первомъ взглядѣ не-симметрическимъ хвостовымъ перомъ; въ одно время съ рыбами, океанъ былъ населенъ множествомъ прикрѣпленныхъ къ морскому дну *коралловъ, морскихъ лилій, плеченотилъ и другихъ раковинъ*, и чрезвычайно странныхъ *морскихъ раковъ* изъ семейства *трилобитовъ*. Вся она, служила добычею, въ тиши океана, хищнымъ *рыбамъ*, первыми и единственными позвоночными животными въ этомъ отдаленномъ періодѣ образованія земнаго шара. Такимъ-образомъ, эти рыбы предшествовали появленію другихъ семействъ и разрядовъ рыбъ, отличающихся болѣе-симметрическимъ расположеніемъ хвостоваго пера: обстоятельство, которое доказываетъ постепенное развитіе животныхъ вообще и подтверждаетъ, что первые обитатели земнаго шара были морскіе, а въ особенности высшіе классы животныхъ: высшіе классы и между ними, *земноводныя* произошли гораздо-позже; они, какъ хищныя исползискія черицы *Ichthyosauri, Plesiosauri, Megalosauri, Mastodonsauri* и *Iguanodontes* образовались только тогда, когда исчезли *Ganoidei*, столь странные виды хищныхъ рыбъ, уступивъ мѣсто земноводнымъ въ глубинахъ океана.

(*). См. *Miller, the old red sandstone, pag 104 Tab. V. fig. 3 и 5.*
Т. XXXVI. — Отд. II.

Но еще много времени прошло времени от существования этих *Амфибий*, первых обитателей суши, до развития ямки и *Млекопитающих* на земном шаре, так-что нельзя не убедиться въ постепенномъ развитіи и въ последовательности появленія животныхъ; но вездѣ примѣчательны переходы одного класса въ другой.

Уже въ *первыхъ рыбахъ* изъ семейства *Sauroides* примѣтно большое сходство съ земноводными, которыми онѣ не уступаютъ ни въ хищности, ни въ огромности тѣла; но какъ-скоро исчезли *Sauroides* и подобныя имъ семейства, явились рыбы побочныхъ семействъ изъ разряда *Ganoidei*, *Sclerodermi*, *Gymnodonsei*, *Lophobranchii*, которые составляютъ естественные члены съ нынѣ-живущими рыбами.

Вообще, некоторыя семейства *первобытныхъ рыбъ* весьма-примѣчательны тѣмъ, что они проходятъ чрезъ все системы горныхъ породъ, тогда-какъ другія заключены въ весьма-тѣсныхъ границахъ. Такимъ-образомъ, въ разрядъ *Placoidei* семейство *Cestraciontes*, примѣчательное семейство *Placoidei*, начинаясь въ самыхъ древнѣйшихъ формаціяхъ, проходитъ все почвы: силурійскую, девонскую, каменноугольную, пермскую, юрскую, меловую, молассовую, и еще нынѣ встрѣчаются между живущими рыбами, между которыми *Cestracion Philippi* составляетъ единственный видъ этого семейства въ нынѣшнемъ океанѣ. Другое семейство *Hudodontes*, начинаясь съ предѣловъ формаціи девонской и каменноугольной, простирается чрезъ нихъ и чрезъ пермскую и юрскую почвы, до меловой, гдѣ они исчезаютъ, а *Squalides*, близкое къ нимъ семейство, простираясь отъ среднихъ пластовъ каменно-угольной почвы, распространяется болѣе и болѣе до нынѣшняго сотворенія, и *Rajae* едва начинаются въ юрской почвѣ, и по своей огромности и хищности господствуютъ повсюду въ океанѣ. Однѣ акулы показываютъ еще отличительный признакъ исчезнувшихъ *Ganoidei*; у нихъ однакъ продолжается спинной столбъ въ верхнюю долю хвостоваго пера, какъ у *Ganoidei* первобытнаго океана.

Почти-подобное семейство въ разрядъ *Ganoidei* составляютъ *Lepidoidei*, которые приобрѣли свое главное развитіе въ почвахъ каменноугольной и въ пермской, но простираются еще до верхнихъ пластовъ юрской формаціи, въ которыхъ наблюдается *Coccoleris*, явственный родъ *Epidosteii heteroceris*, между-тѣмъ, какъ *Lepidoidei homoceris* простираются еще до молассовой почвы, а изъ нихъ еще нынѣ живутъ въ нашихъ моряхъ и рѣкахъ *Lepidosteus* и *Polypterus*, весьма-странные роды рыбъ, отличные отъ древнихъ родовъ этого семейства особымъ устройствомъ хвостоваго пера.

Немного-раньше предѣлующаго семейства начинаются *Squaroides*, весьма-хищныя рыбы, которыя проходятъ все почвы до самой нынѣшней и нынѣшней, но въ первобытномъ океанѣ имѣли перевѣсъ передъ рыбами другихъ разрядовъ, и ограничивали ихъ размноженіе безпрестаннымъ пожираніемъ ихъ. Семейство *Coelacantha*, начинающагося вмѣстѣ съ ними, исчезаетъ гораздо-прежде въ меловой почвѣ, не оставивъ никакихъ представителей въ нынѣшнемъ океанѣ.

Семейства *Dipteri* и *Cerhalazridae* принадлежатъ однимъ древнѣйшимъ поч-

ныхъ, въ-особенности дельфиной системы Англии и Шотландии; у насъ два найдены слѣды ихъ.

Немедленно по осадженіи илловой почвы произвели два новые разряда рыбъ, *Etenoidei* и *Cycloidei*, составляющіе и нынѣ еще самыя многочисленнѣйшіе роды морскихъ и рѣчныхъ рыбъ.

Отъ нихъ, по моему мнѣнію, отличается своимъ внутреннимъ и наружнымъ строеніемъ семейство *миногъ* или *Cyclostomata*, къ которымъ относятся единственно рыбы послѣдняго сотворенія, и потому не встречающіяся пугла между ископаемыми родами; онѣ образовались въ послѣднемъ періодѣ происхожденія земли и составляютъ переходы къ червообразнымъ животнымъ, занимая, по-этому, совершенно-противоположную или нижнюю конечность класса рыбъ, тогда-какъ *Ganoidei* и *Placoidi* составляютъ начало этого класса.

И такъ, изъ всего слѣдуетъ, что помянутыя семейства рыбъ, даже самыя ихъ разряды, имѣютъ свои періоды происхожденія, существованія и исчезанія. Некоторые семейства исчезли вдругъ, не оставивъ по-себѣ никакихъ сродныхъ съ ними видовъ; роды другихъ семействъ умерли только тогда, когда уже явились подобныя имъ роды. Послѣ появленія *Sclerodermi*, *Gymnodonti*, *Lophobranchii*, *Acipenserini* исчезли *ianoidei*; по появленіи *Etenoidei* и *Cycloidei* пропали хищныя *Placoidi*, только *Siluroidei* и *Cyclostomata* принадлежатъ къ семействамъ рыбъ, происшедшихъ вмѣстѣ съ человѣческимъ родомъ въ новѣйшемъ періодѣ образованія земнаго шара.

Наконѣцъ, что касается до *относительной древности нашихъ силурийскихъ и девонскихъ пластовъ*, то я долженъ еще сдѣлать слѣдующія примѣчанія:

Въ Англии, силурийскія и девонскія системы отличаются огромностью или толщиной пластовъ; напротивъ, у насъ пласты этихъ системъ не имѣютъ большой толщины, но развиты на большомъ пространствѣ, особенно девонскіе пласты внутри Россіи; но вездѣ встречаются одинаковыя окаменѣлости рыбъ съ нѣсколькими раковинами. Въ Санктпетербургской-Губерніи, настоящіе слюдяные пласты древняго краснаго песчаника наполнены остатками *Holoptychius Nobilissimus*, а пласты песчанистаго известняка по рѣкѣ Славянкѣ многочисленными остатками другихъ родовъ рыбъ, между которыми, кромѣ отличительныхъ рыбъ для ерхне-силурийскихъ пластовъ (*Onchus Murchisoni* и *temistriatus*), встречаются и такіе, которые до-сихъ-поръ наблюдаемы были въ однихъ свонскихъ пластахъ (какъ *Glyptolepis*, *Osteolepis*, *Cheirolepis*, *Bothriolepis*, *Asterolepis*, *Holoptychius*). Вообще, эти пласты по рѣкѣ Славянкѣ мало развиты, что ихъ должно, можетъ-быть, причислить къ верхнимъ силурийскимъ (лудловскимъ), а не девонскимъ пластамъ Англии, хотя съ другой стороны и то весьма-примѣчательно, что въ этихъ пластахъ, кромѣ силурийскихъ и девонскихъ рыбъ, еще встречаются рыбы, отличительныя для каменно-угольной, юрской и илловой почвы, — обстоятельство, которое, въ некоторой отношеніи, объясняетъ нахож-

деніе остатковъ силурійскихъ раковинъ вмѣстѣ съ новейшими органическими остатками въ силурійскихъ пластахъ Эстляндіи (*).

Въ новѣйшее время, силурійскіе Санкт-жессіанскіе виды окаменѣлыхъ раковинъ столь затрудняли геогностовъ, что они не знали, куда отнести эту тирольскую горную почву, потому-что она содержитъ въ себѣ смѣшанныя окаменѣлости разныхъ почвъ. По моему мнѣнію, и наши девонскіе и верхне-силурійскіе пласты по рѣкѣ Славянкѣ не замедлятъ обратить на себя вниманіе геогностовъ и, можетъ-быть, подадутъ поводъ опять соединить девонскіе пласты съ силурійскими. Что по рѣкѣ Ижорѣ, при пыльной мельницѣ, дѣйствительно встрѣчаются силурійскіе пласты, слѣдуетъ безспорно изъ раковинъ *Orthis radians*, *moneta* и *Asaphus exraris*, отличающихся вездѣ силурійскіе пласты; съ ними вмѣстѣ въ одной и той же горной породѣ, находится чешуя рыбы, столь явственная, что она не оставляетъ никакого сомнѣнія въ присутствіи рыбьихъ остатковъ съ приведенными силурійскими окаменѣлостями. Это явленіе заставляетъ принять здѣсь развитіе верхнихъ силурійскихъ пластовъ, въ-особенности потому, что чешуя рыбы очень напоминаетъ чешую *Holoptychius* и даже, можетъ-быть, *H. Nobilissimus*.

Не въ дальнемъ разстояніи отъ этого мѣста, встрѣчаемъ мы при деревнѣ Онтолево напластованіе подобнаго силурійскаго известняка подъ настоящими девонскими пластами, но въ чрезвычайно-маломъ развитіи, хотя оно достаточно для того, чтобы убедиться о напластованіи этихъ двухъ системъ одной надъ другою, которое было нами наблюдаемо въ первый разъ въ нашихъ окрестностяхъ.

Тамъ девонскій известнякъ съ кристаллами известковаго шпата и девонская глина ясно покоятся на пластахъ хлоритоваго силурійскаго известняка, какъ это видно изъ описанія г. Симашко (**).

Весьма вѣроятно, что этотъ силурійскій песчаннстый известнякъ — тотъ же самый, который примѣчается на берегу рѣки Ижоры при пыльной мельницѣ. Последній известнякъ, весьма-кряжикаго кристаллическаго сложенія, содержитъ въ себѣ, кромѣ мелкихъ кварцовыхъ зеренъ, еще нѣсколько зеренъ хлорита и бураго желѣзняка съ сѣрымъ, весьма-разрушеннымъ колчеданомъ; кварцовыя зерна доказываютъ его сродство съ девонскими, а хлоритовыя съ силурійскими пластами. Ниже по Ижорѣ къ деревнѣ Подоловой вездѣ выходятъ пласты силурійскихъ песчаника и известняка, а выше, на лѣвомъ берегу Ижоры, видны, при деревнѣ Вяхтелой, девонскій песчаникъ въ неправильномъ напластованіи, а на правомъ берегу Ижоры примѣчаются при деревнѣ Варлевои огромные пласты девонскаго слюдистаго песчаника, такъ-что здѣсь и далѣе къ рѣкамъ Сюндѣ и Ордежу мы встрѣчаемъ настоящіе девонскіе пласты. Этотъ древній краснѣйшій песчаникъ составляетъ здѣсь нижній пластъ девонской системы, безъ сомнѣнія, непосредственно-лежащей на верхнихъ силурійскихъ песча-

(*) См. изданное мною сочиненіе: «Die Urwelt Russlands», 2-tes H., стр. 83, Санкт-петербургъ, 1843.

(**) См. восьмую книжку «Отечествен. Записокъ» за 1844 г.: «Предварительный свѣдѣніе о распространеніи пластовъ девонской системы въ Санктпетербургской-Губерніи».

нистыхъ пластахъ при деревнѣ Марьиной по рѣкѣ Славянкѣ, гдѣ песчанники и известняки между собою равнымъ образомъ сливаются, какъ и окаменѣлости верхне-силурійскаго и ниже-девонскаго пластовъ. Нижніе пласты въ руслѣ этой рѣки составляютъ силурійскіе известняки съ зернами хлорита, покрытые тонкими пластами черной сланцеватой глины или глинистаго сланца, плотнаго известняка безъ окаменѣлостей, и другаго пласта девонской глины, перемежающейся съ пластами песчанистаго известняка, который уже содержитъ въ себѣ остатки рыбъ, кромѣ *Onchus Murchisoni* и *tennistriatus*, какъ настоящихъ окаменѣлостей лудловскихъ пластовъ, еще многіе другіе роды рыбъ, отличающихъ девонскіе пласты. Въ верховьяхъ рѣки Славянки приметилъ я въ самыхъ глинисто-песчаннстыхъ пластахъ съ чешуйками слюды первые обломки рыбъ, отличительныхъ для девонскихъ пластовъ, такъ-что и здѣсь наблюдается не рѣзкій, но постепенный переходъ лудловскихъ пластовъ въ девонскіе. Впрочемъ, и то примѣчательно, что окаменѣлости девонскихъ валуновъ содержатъ въ себѣ отчасти виды и роды, подобные тѣмъ, которые встрѣчаются и въ пластахъ по берегу рѣки Славянки, при деревнѣ Марьиной, и кромѣ того еще другіе, не найденныя нами до-сихъ-поръ въ пластахъ девонскихъ. Притомъ, валуны отчасти составляютъ мергельно-известковые, отчасти настоящіе песчанниковые обломки, богатые слюдою, такъ-что они должны происходить отъ настоящихъ девонскихъ пластовъ, разрушенныхъ въ одномъ изъ предъидущихъ періодовъ земнаго шара наводненіемъ или другимъ общимъ физическимъ явленіемъ. Дѣйствіе воды при этомъ разрушеніи нашихъ девонскихъ пластовъ доказывается тѣмъ, что вся валуны образуютъ холмистыя груды, разсыяныя по многимъ, даже отдаленнымъ мѣстамъ нашей губерніи. Почти всѣ эти холмы состоятъ изъ девонскихъ валуновъ, которые соединены между собою разноцвѣтнымъ, по-большой-части краснымъ пескомъ. Этого, безъ сомнѣнія, девонскій песокъ покрываетъ и нынѣ почти-вездѣ почву Петербургской-Губерніи по направленію къ Финскому-Заливу. Изъ этого слѣдуетъ, что валуны принесены съ сѣвера, что девонскіе пласты въ первобытномъ мірѣ находились возлѣ Финскаго-Залива, наир. къ сторонѣ Петергофа, и что, по разрушеніи своемъ въ этихъ мѣстахъ, они перенесены далѣе къ югу, къ Ижорѣ, Славянкѣ и другимъ рѣкамъ, по которымъ волны первобытнаго океана образовали изъ нихъ холмы въ томъ видѣ, въ какомъ они встрѣчаются и нынѣ.

Перенесеніе этихъ девонскихъ валуновъ съ берега Финскаго-Залива, было, можетъ-быть, одновременно съ перенесеніемъ гранитныхъ валуновъ изъ Финляндіи; огромныя ледныя глыбы, переплывшія съ первобытныхъ финляндскихъ глетчеровъ и разрушившія девонскіе пласты, перенесли послѣднихъ, плавая по морю, болѣе къ югу, гдѣ они были оставлены ими на подморскихъ возвышеніяхъ или холмахъ, выдававшихся тогда изъ уровня первобытнаго океана.

Такимъ образомъ, финляндскіе глетчеры дѣйствовали подобно швейцарскимъ; они не только сгладили поверхность ниже ихъ лежавшихъ скалъ и покрыли ихъ бороздками, но ледныя глыбы ихъ, переплывъ въ открытомъ морѣ къ островамъ, выдававшимся изъ уровня моря, раз-

рушили все на нихъ выдвинутые пласты девонскіе и такимъ образомъ перенесли ихъ въ эти южныя страны, какъ и швейцарскими ледяными глыбами были перенесены обломки горныхъ породъ Альпъ на возвышенія Юры. Сдѣланныя нами эти новѣйшія наблюденія заставляютъ насъ наконецъ допустить, что весь берегъ Эстляндіи, даже Псковской Губерніи (вездѣ въ этихъ губерніяхъ примѣчается отделившаяся (*) поверхность силурійскихъ пластовъ) былъ въ этомъ отдаленномъ періодъ земнаго шара покрытъ отдельными глетчерами и огромными ледяными глыбами. Подобныя ледяныя массы могли покрыть и девонскіе пласты, которые въ послѣдствіи ими были разрушены и перенесены въ южныя страны, но очень-отдаленныя отъ мѣстъ ихъ осажденія въ первообычномъ океанѣ.

Вообще, дѣйствіе финляндскихъ глетчеровъ было, кажется, продолжительное, потому-что здѣсь невидно другихъ пластовъ, которые образовались бы позже девонскихъ; безпрестанное волненіе близъ-лежащаго океана и современное дѣйствіе финляндскихъ и эстляндскихъ глетчеровъ безпрестанно разрушало вновь-осаждавшіеся пласты и препятствовало имъ образоваться до того времени, въ которое ледяной накрокъ этихъ странъ вовсе исчезъ, и предстоялъ новый періодъ образованія земнаго шара, періодъ, въ которомъ совершились общіе перевороты и произошелъ нынѣшній климатъ нашихъ странъ.

В. ЭЙХВАЛЬДЪ.

... (*) Я имѣю наблюдать на островѣ Лаго, а также и на мѣстѣ какъ М. А. Сиверснъ и Х. И. Пандеръ въ другихъ мѣстахъ Эстляндской и Псковской Губерній,

РЕФОРМАЦІЯ.

Статья перекл.

Состояніе западной церкви въ концѣ XV столѣтія. — Значеніе власти папской. — Притѣненіе марковъ опублікованіи, возникшей въ Германіи. — Нравы лютеранства. — Народная литература. — Вліяніе классическихъ писателей. — Возстаніе противъ схоластич. университетовъ. — Образъ Реттердамскій и переворотъ, имъ произведенный. — Юганъ Рейхлинъ; послѣдствія его; борьба съ современными теологами. — Слѣды ученія Вилкафа и Гусса. — Основаніе Виттенбергскаго-Университета. — Рожденіе Лютера; юношескіе годы и характеръ его; вступленіе въ Виттенбергскій-Университетъ. — Начало реформы въ преподаваніи богословія. — Обстоятельства, содѣйствовавшія Лютеру. — Продажа индульгенцій въ окрестностяхъ Виттенберга. — Обвинительные тезисы, принятые Лютеромъ къ дьякамъ собора. — Отношеніе къ нему курфюрста саксонскаго Фридриха. — Фрѣдерицизмъ и доминиканцы. — Императоръ Максимилианъ; сестрички. — Германія въ концѣ XV столѣтія. — Отношенія Максимилиана къ папѣ и къ имперскимъ князьямъ; характеръ его и послѣдствія дѣйствія; сластолюбивыя кончины его. — Претендентъ на императорскій престолъ; интриги ихъ. — Избраніе Карла Пятаго.

Въ предшествовавшемъ году, привадила къ окончанію одна изъ самыхъ замѣтныхъ историческихъ сочиненій, историческія «Deutsche Geschichte im Zeitalter der Reformation» Дюмолина Ренке, изданное въ Берлинѣ въ пяти частяхъ. Оно обнимаетъ время возстанія герцогства въ Шваръ, время возстанія короля идиотъ и всей нравственности и религіозныхъ. Реформація положила яркую черту раздѣла между жизнью средневѣковой и жизни новаго; когда потрясались основы католицизма и побѣдила смуть, между собой, аграрной борьбы умовъ, возникла заря философіи, основанной на высшемъ развѣтѣ духа. Могучую идею преобразованія выразилъ соборъ Лютеръ, и эта идея стала красною нитью каннеть тому великому зданію, которое званіемъ сумасно было XIX вѣку. Разработать источники, объясняющіе этотъ великій моментъ исторіи, предпринять ихъ отчетливо и всесторонне: это было обязаніе ученому профессору Берлинскаго университета, и она-то ставитъ его на ряду съ отличнейшими историками, эта великая творца «Geschichte der Reformation und der deutschen

Völker» и еще болѣе «Die römischen Päpste, ihre Kirche und ihr Staat im XVI und XVII Jahrh.» приобрѣли ему европейскую извѣстность. Если прибавите къ этому живость разсказа, драматичность характеровъ, теплоту чувства, то будете имѣть полную идею о трудѣ Ранке. Но не ищите въ немъ глубины философскаго воззрѣнія, не ищите духовной связи событій, безъ которой не существуетъ исторія въ настоящемъ ея значеніи, въ томъ значеніи, какое придали ей великіе мыслители Германіи и безъ которой она останется не болѣе, какъ разсказомъ. Ранке повествуетъ о великихъ событіяхъ съ энтузіазмомъ, преклоняется предъ индивидуумами и оставляетъ безъ вниманія общій духъ человѣческой дѣятельности, котораго эти индивидуумы, какъ бы они велики ни были, суть только представители, — не обращаетъ вниманія на общую идею, проходившую по всему человечеству и обозначившую присутствіе своихъ переворотами въ судьбѣ царствъ и народовъ; «Deutsche Geschichte im Zeitalter der Reformation» представляетъ не болѣе, какъ матеріалъ для будущаго историка этого славнаго періода человѣческаго дѣйствованія; но достоинство ея въ этомъ отношеніи заслуживаетъ ей общую извѣстность. Мы постараемся представить читателямъ содержаніе этой книги по-возможности полное, сколько позволятъ намъ предѣлы современнаго изданія. Первые дѣйствія Лютера, послѣднее время правленія императора Максимилиана и избраніе Карла V, составляющія какъ-бы введеніе въ великую драму реформаціи, будутъ предметомъ первой нашей статьи.

Во все продолженіе среднихъ вѣковъ, Восточная Европа, потрясенная набѣгами варваровъ, не могла достигнуть самостоятельной цвѣтущести; въ Западной только сосредоточилась вся элементъ общественнаго образованія; тамъ мало-по-малу развилось стремленіе къ наукамъ и искусствамъ, къ законамъ, которые Провидѣніе внушило человечеству: прошедшее распалось, семена новой жизни начали приносить плоды.

Очень-натурально, что пробудившіяся жизнь начала распространять свои предѣлы: въ концѣ XV вѣка, представлялось ему новое и ширше безграничной дѣятельности — открытіе обихъ Индіи. Все элементы европейскаго образованія, наученіе древнихъ, успѣхи въ техническихъ искусствахъ, духъ торговыхъ и политическихъ предпріятій, релігіозное стремленіе — стали дѣйствовать за одно. Въ-слѣдствіе этого, необходимо измѣнились отношенія народовъ; западныя націи приобрѣли новое, высокое значеніе. Выше всего стала релігія; — христіанство, въ формѣ латинской церкви, приобрѣло быстрое всомяданное вліяніе въ странахъ отдаленныхъ. Для судьбы человечества двойную важность получило такое усиленіе римской церкви, потому-что предоставительствъ ея былъ не на, могуществу котораго никто не смѣлъ противиться.

Слишкомъ бы подробно было излагать, въ какое время и при какихъ обстоятельствахъ утверждались ученіе и правила римской церкви; скажемъ только, что это совершилось прежде и почти въ одно время с

мелкою ієрархическою распреею. Съ XII вѣка, утвердились семь таинствъ, относящихъ къ церкви всѣ великіе моменты человеческой жизни; со всѣмъ тѣмъ важнѣйшее изъ нихъ, таинство священства, и тогда еще не было торжественно признано на Западѣ, не смотря на положеніе синода, который при Григоріи VII такъ много содѣйствовалъ къ утвержденію ієрархіи. Съ XIII вѣка, началось рѣшительное отдѣленіе духовныхъ отъ свѣтскихъ, и священника начали считать посредникомъ между Богомъ и человекомъ (*). Въ ту же эпоху вопросъ о безбрачій священниковъ сдѣлался непремѣннымъ закономъ, и свѣтскимъ отказано въ приобщеніи крови Христовой; духовенство говорило, что причащеніе тѣла и крови есть лучшее: потому-то и оно хранится для достойнѣйшихъ, т. е. служителей Божіихъ. Такимъ образомъ, духовенство, отдѣляясь отъ сословія свѣтскихъ, приобрѣло надъ ними великое вліяніе, овладѣвъ исключительно проповѣдываніемъ евангелія и таинствами. Непринадлежащіе къ духовенству только чрезъ его посредство могли надѣяться на полученіе благодати Божьей. Прежде всего, въ началѣ XIII вѣка, каждому вѣннено было въ обязанность исповѣдовать грѣхи свои священнику по крайней-мѣрѣ разъ въ годъ; это дало духовенству власть надъ совѣстію каждаго. Кто же могъ воспользоваться этимъ и приобрести власть еще большую? Разумѣется, папа, глава всѣхъ духовныхъ, глава мистическаго тѣла церкви, обнимающей небо и землю, все живое и мертвое. Въ то же время, развилось это ученіе: Иннокентій III не объяснялъ своихъ поступковъ отъ-того, что они, по словамъ его, были выше всего человеческого, были внушеніемъ Бога, — воля папы замѣнила всѣ высшіе законы церковные и свѣтскіе, судъ его сталъ приговоромъ неба; безъ сомнѣнія, Иннокентій IV могъ дѣйствовать такъ потому только, что власть папская одержала тогда верхъ надъ императорскою и не видѣла ничего, что могло бы ей воспротивиться. Какъ велико было вліяніе папы, можно судить по словамъ писателей того времени. Іоаннъ де-Торквемада говоритъ, что сомнѣваться въ могущество папы все равно, что сомнѣваться въ св. писанія, которое сильно только чрезъ посредство церкви, глава которой — папа. Въ началѣ XVI вѣка, въ сочиненіи Доминиканца Фомы Гаэтскаго сказано, что церковь есть природная рабыня папы, и если папа дурень, то она можетъ противодействовать ему одною только молитвою (**).

Мы сказали уже, что ничто не могло поколебать возрастающее могущество папской тиары. Доминиканцы перенесли строгое ученіе ея въ университеты и поддерживали его огнемъ и мечомъ: послѣ Іоанна Гусса и Іеронима-Прагскаго, еще многіе пали жертвами католицизма; къ тому же, странное противорѣчіе представляютъ папы, каковы Александръ VI, Левъ X, которые, будучи сами болѣе всѣхъ доступны свѣтскимъ наслажденіямъ, возобновили инквизицію со всѣми ея ужасами. Вся эта

(*) Sacerdos, говоритъ Фома Аквинскій, constituitur medius inter deum et populum. Summae pars III, quaestio 22, art. 4.

(**) De Auctoritate Papae et Concilii.

препятствія и притѣсненія не поманили стремленіемъ духа чело-вѣскаго идти преимущественно путями, которые указывала имъ церковь. Германія представляет собою разительный примѣръ, что высшая дѣятельность на Западъ получала направленіе свое большею частью отъ церковныхъ началъ.

Великія хранилища литературы, германскіе университеты, были всѣ колоніями, отраслями университета парижскаго. Оттуда перенесена была цѣлая система схоластики, распри номинализма съ реализмомъ и переважь богословскаго факультета, «блестательнаго свѣтила, пролившаго повсюду жизнь и свѣтъ». Въ богословіи же, преимущество имѣлъ профессоръ правоученій; ректоромъ могъ быть только духовный, получившій по-крайней-мѣрѣ первыя степени священства; изъ этого видно, въ какомъ духѣ совершалось образованіе юношей съ самаго вступленія ихъ въ школу до выхода въ свѣтъ.

Тотъ же самый характеръ отразился и на искусствѣ вообще: все сосредоточилось въ одномъ явленіи, разрабатывая изъ сѣмьць минувшихъ столѣтій, въ которыхъ духовное и свѣтское могущество, свободная фантазія и сухая схоластика, наслажденія сердца и суровыя лишенія, религія и суевѣріе какимъ-то непонятнымъ чудомъ сдѣлались воедино; къ этому присоединилось требованіе, имѣвшее общую важность для всѣхъ племенъ и народовъ этого и того міра, и вмѣстѣ съ тѣмъ проявилась яркая особенность между цѣлыми народами, которые были испитаны, и побѣдами, которые были одержаны, между непрерывными расправами, рѣшенія, которыхъ превратились въ законы.

Ни одинъ человекъ разсудительный, неослабленный фанатизмомъ, не могъ пожелать, чтобъ подобный порядокъ вещей остался неизмѣннымъ въ Европѣ, чтобъ не возникла важная истина, чистое осознаніе вѣры, сознающей себя; могъ ли кто-нибудь вообразить, чтобъ спасеніе міра зависело отъ эгонистическаго стремленія западной церкви? Хорошо известно было всѣмъ, что Греки протѣялись соединенію, между предкамъ боясь утѣснительной власти римскаго престола; а въ сѣмьць вѣкахъ католической церкви папство скрывало евангеліе, не дозволяло читать его свѣтскимъ и запрещало даже духовнымъ переводить оное на отечественномъ языкѣ, между-тѣмъ, какъ съ распространеніемъ христіанской вѣры въ другихъ земляхъ, возникло желаніе людей до и возстановить въ первобытвой чистотѣ.

Германцы, мало принимавшіе участія въ завоеваніи другихъ частей свѣта, съ жаромъ принались за разрѣшеніе этого вопроса; и тогда различныя моменты жизни народной соединились и внушили Германіи рѣшительную оппозицію противъ римскаго престола.

Власть папская болѣе всего потрясена была стремленіемъ послѣдняго десятилѣтія дать народу правильное, самобытное правленіе: папа, имѣвшій сильное вліяніе на политическое состояніе государствъ, необходимо долженъ былъ столкнуться на этомъ пунктѣ съ требованіями народа. Первый шагъ къ оппозиціи сдѣланъ былъ въ 1487 году, когда къ папѣ отправлено было прошеніе объ уничтоженіи сбора десятой части доходовъ, вторымъ онъ самовольно обложилъ всю Германію. Въ 1495 году, при

мысли объ учрежденіи государственнаго сейма, предполагалось доставить въ обязанность президенту, чтобъ онъ защищалъ народъ противъ гонимыхъ притязаній западной церкви. Когда, въ 1498 году, соседніе соединились на самое короткое время съ королемъ, тогда съ общаго согласія предположено было требовать у папы, чтобъ онъ предоставилъ столь щедро возвышаемымъ имъ подати въ ихъ распоряженія для войны съ Турками. Въ 1500 году (когда состоялся сеймъ), действительно отправлялись послы съ этимъ требованіемъ, къ которому врасоводушено было прошеніе объ уничтоженіи незаконныхъ поборовъ, противныхъ благо народа; когда же явился папскій легатъ для празднованія перваго года новаго столетія, ему не позволили дѣйствовать безъ разрѣшенія истиннаго правительства, чтобъ не произошло чего-нибудь противнаго его пользамъ. Легатъ настаивалъ на своемъ, и правительство дало ему комиссаровъ для сбора денегъ, должностоварныхъ поступать къ казену государственную. Императоръ Максимилианъ принималъ дѣятельное участіе въ соборѣ, созванномъ въ Пизѣ въ 1511 году, называлъ себя защитникомъ и блюстителемъ церкви, обещалъ членамъ собора покровительство и милость до заключенія ихъ переговоровъ, «которыя, какъ онъ надѣется, будутъ угодны Богу и заслужатъ похвалу людей». Воскресла прежняя надежда, что положенія собора произведутъ благотворныя перемены въ управленіи церкви; но недолго слабій Максимилианъ былъ покровителемъ рождающихся идей: помарившись въ нѣпую Юліемъ II, онъ потребовалъ у имперскихъ членовъ пособія для потушенія ереси, возожженной византійскимъ соборомъ. И такъ, первая надежда не удалась, потому что не было истинной, самобитной дѣятельности; но первая неудача не послужила отчаянія въ успехе: живо сохранилось въ сердцахъ стремленіе къ независимости, и жалобы на церковную тиранию раздалось все громче и громче. Гаммерманъ, котораго сочиненія вездѣ читались съ жаромъ, представлялъ огромный перечень обмаловъ и кпщеній папскаго двора. Потѣстивъ, желая себя представить; до какой степени достигло корыстолюбіе западнаго духовенства: по разсчету, сделанному на сеймѣхъ, до 300,000 гульденовъ ежегодно перахвали въ папскую казну, за исключеніемъ огромныхъ суммъ, платимыхъ епископами при актъ посвященій; за неслученіемъ собора съ приходомъ, поступающихъ туда же. Къ чему послушались эти пожертвованія? Христіанство въ короткое время потеряло множество земель и городовъ и непрерывно претерпѣвало лишенія со стороны Турковъ; еслабъ Германія имѣла въ рукахъ эти суммы, она иначе могла бы встрѣтить наследственнаго врага своего!

Къ жалобамъ на корыстолюбіе духовенства присоединились споры относительно отправленія правосудія свѣтскаго и духовнаго, особенно въ Саксоніи, гдѣ, кроиъ трехъ туземныхъ епископовъ, право суда имѣли архіепископы майнцскій и прагскій, епископы Вюрцбургга, Бамбергга и др. Замѣчательство происходило преимущественно отъ того, что все распри между духовными и свѣтскими рѣшаемы были однимъ духовнымъ судомъ, которые стѣняли свѣтское правосудіе. Еще въ 1454 году, герцога Виллельма Жаловала на это сужденіе и представлялъ ѣтими

папъ; въ 1490 г. повторилась та же жалоба съ присовокупленіемъ заявленія, что народъ приходитъ въ нищету отъ безпрерывныхъ процессовъ. Наконецъ, въ 1518 г., герцоги обѣихъ линій, Георгъ и Фридрихъ, настоятельно требовали, чтобъ духовныя суды ограничились духовными дѣлами, чтобъ одни свѣтскіе суды имѣли власть надъ свѣскими, и чтобъ сеймъ рѣшалъ, что должно относиться къ дѣламъ свѣскимъ и что къ духовнымъ. Впрочемъ, не одна Саксонія желала подобнаго измѣненія: это было всеобщимъ требованіемъ, поглотившимъ вниманіе всѣхъ послѣдующихъ сеймовъ.

Особенно города отягощены были привилегіями духовенства; и дѣйствительно, что можетъ быть несприятнѣе для благоустроеннаго государства, какъ видѣть въ станахъ своихъ особенное общество, которое не признаетъ его законовъ и не считаетъ себя обязаннымъ следовать его постановленіямъ? Церкви были убѣжищами для преступниковъ, монастыри сборищами преступной молодѣжи; даже появились духовные, которые, пользуясь привилегією не платить пошляны, занимались торговлею и, къ великому соблазну истинно-благочестивыхъ людей, заводили шинки; а если кто-нибудь вмѣшивался въ ихъ беззаконныя дѣла, тому они грозили проклятіемъ и отлученіемъ отъ церкви. При такихъ важныхъ злоупотребленіяхъ духовной власти, обнаружилась и прочіе недостойныя недостойнаго духовенства: съ какимъ жаромъ ратуетъ Геммерлингъ противъ неслыханнаго приращенія богатства монаховъ, опустошающихъ дѣлами деревни, противъ множества праздниковъ, противъ безбрачія, которое развратило нравы западнаго духовенства, противъ безчисленнаго множества священниковъ, которыхъ въ одномъ Констанцѣ посвящалось ежегодно до 200!

Беспорядки зашли такъ далеко, что самыя обычаи духовенства оскорбляли общественную нравственность. Священники, жившіе въ беззаконныхъ связяхъ и обреченные дѣлами, продавали разрѣшеніе грѣховъ, а потому, вмѣсто уваженія къ своему сану возбуждали къ себѣ презрѣніе; большая часть людей, вступающая въ монашество, пошла сподвижницей, безвѣчной жизни; всѣ говорили, что духовенство беретъ изъ всѣхъ сословій только одно пріятное и убѣгаетъ всего тяжелаго: у рыцарей проматываетъ заискусуетъ блестящія одежды, огромную свиту, великолепныя поѣзды, соколиную охоту; съ женщинами раздѣляетъ онъ красныя покровы и сѣды, но не выдаетъ онъ тяжести латъ, ни трудовъ домохозяйства. Отсюда произошла на Западѣ и пословица: «кто хочетъ быть доволенъ на одинъ разъ, тотъ убей курицу; кто хочетъ доставить себѣ спокойствіе на одинъ годъ, тотъ возьми себѣ жену, а кто на всю жизнь, сдѣлайся священникомъ». Такихъ пословицъ ходило множество въ народѣ: они наполнены брошюры того времени.

На литературу народной волеи отразился эмоциональный духъ, стремившійся поразить злоупотребленія, которыя становились невыносимыми. Чубъ имѣть доказательства справедливости скаланнаго нами, достаточно назвать *Ганса Розенблюта* и *Себастьяна Брамма*, «Eulenspiegel» (Игры на Рождество Христоно) и передачу «*Reineke Fuchs*» (Лисца Вейвике) 1498 года. «Игры на Рождество Христоно» Розенблюта

отличаются тамъ же характеромъ; онъ выводитъ на сцену турецкаго султана, и заставляетъ его возвѣщать истину всѣмъ его окружающимъ. Успѣхъ «Eulenspiegel» зависѣлъ не отъ грубыхъ шутокъ его, но отъ вроніи, разлитой на дѣйствія всѣхъ сословіи; въ этомъ же духъ успокоилъ себя передѣльватель басню о лисницѣ; онъ видитъ въ ней символъ недостатковъ человеческого общества и разсматриваетъ его со всѣхъ сторонъ. При первомъ взглядѣ на «Narrenschiff» Бранта, вы можете усмотрѣть то же направленіе. Это не насмѣшка надъ глупостями частныхъ лицъ, — нѣтъ! Съ одной стороны, вы видите пороки, преступленія, съ другой высокое, пламенное стремленіе возвыситься надъ пошлюю, всѣдневною жизнію, когда, на-пр. всѣ помышленія направлены на изслѣдываніе земли и городовъ, когда берется циркуль для измѣренія, какъ далеко простерлась земля, какъ широко раскинулось море. Слава и красота не заслуживаютъ уваженія — онъ пройдетъ; «останется одна только наука».

Во всѣхъ этихъ твореніяхъ, осмѣяны духовные, пхъ домашняя жизнь, ихъ общественныя отношенія, — словомъ все, что касается до католическихъ монастырей и монаховъ. Оппозиція, явившаяся въ формѣ шутокъ и находившая себя пищу въ понятіяхъ всего народа, сдѣлалась главнымъ элементомъ его, утвердилась крѣпко, и непосредственно ссылась со всеми явленіями жизни. Замыслительство и неустройство, видимыя вездѣ въ общественныхъ отношеніяхъ, пробудили естественнаго противника — здравый умъ человеческій, который возникъ во глубинѣ націи, и хотя онъ проявлялся въ мищанскихъ, прозанческихъ, низкихъ формахъ, но представлялъ собою истину, сдѣлался двигателемъ мировыхъ явленій.

Изумительно было въ то время стараніе Италіи воскресить прекрасные образы древности, соперничествовать съ великими памятниками искусствъ Греціи и древняго Рима; но не менѣе изумителенъ и несравненно болѣе важенъ въ исторіи человечества порывъ національнаго духа, образовавшагося въ-продолженіе столѣтій въ своемъ внутреннемъ дѣйствованіи, сорвавшаго цѣпи чуждаго вліянія и возвышавшаго міру вѣчныя истины, какъ плоды собственнаго сознанія.

Въ Германіи тоже не пренебрегали требованіями формы. Въ Рейнско замѣтно, что передѣльватель избѣгалъ всѣхъ принадлежностей романтической поэзіи, старался представить сцены обыкновенной жизни, старался быть общепонятнымъ, народнымъ. Себастьянъ Брантъ неподражаемъ въ нравоченіяхъ и поговоркахъ; онъ умѣетъ однообразію мыслей своихъ придать разное разнообразіе впечатлѣній; рифмы его текутъ плавно, сливаются въ стройную гармонию. «Здѣсь» говоритъ Гейлеръ: «соединено пріятное съ полезнымъ — то сосуды чистаго вина, то на драгоценныхъ блюдахъ царскія яства» (*). И не смотря на все это, главный предметъ остается все тотъ же — оппозиція, составлен-

(*) Navicula satuorum.

ная семейственной нравственностью и здравый разумомъ противъ злоупотребленій общественной жизни и развращенія времени.

Не одна народная литература подвизалась на этомъ поприщѣ: ученая приняла такое же, можетъ-быть еще-болѣе рѣшительное направленіе. Въ этомъ отношеніи, важнѣе всего вліяніе Италіи; тамъ ни схоластика, ни романтическая поэзія не достигли совершеннаго преобладанія; въ Италіи сохранилось воспоминаніе древности, которое развилось въ XV вѣкѣ, заняло весь умы и дало новую жизнь литературѣ. Подобное развитіе подѣйствовало и на Германію: Нѣмцы видѣли, что воспитанники итальянскихъ грамматиковъ и реторовъ презираютъ ихъ, и сами почувствовали, что говорить и писать очень-дурно. Потому нѣтъ ничего удивительнаго, что подвигнутые соревнованіемъ умы рѣшились искать просвѣщенія, что молодѣжь толпами отправлялась въ Италію учиться мудрости и древнимъ языкамъ; изъ этой толпы возникъ человекъ даровитый, усвоившій себѣ все классическое образованіе того времени — *Рудольфъ Гусманъ*, прозванный *Атриколомъ*; столь сильно было вліяніе, какъ приобретаемое, что его въ школахъ уважали маразмъ, съ Вервиллентъ. Онъ и друзья его старались объ образованіи народномъ, завели школы поэзіи въ Нюрнбергъ, Ульмъ, Франкфуртъ и другіе города. Трудно повѣрять, что эти словесники умѣли держать въ рукахъ и посвящать въ таинства науки суровую молодежь, жившую болѣею частью подальше, немнѣшную книгъ и страствовавшую изъ одного города въ другой, и что изъ среды этой молодежи могли выйдти великіе ученые; достаточно уже и то, что они стремились всѣми силами къ распространенію общественнаго образованія. Между-тѣмъ, схоластика университетовъ, овладѣвшая элементарнымъ преподаваніемъ, оставалась еще твердою на своемъ мѣстѣ, и, слѣдовательно, необходимо должны были возгорѣться распри между старымъ и новымъ-гуманнымъ способомъ преподаванія, распри, которыя не могли ограничиться однимъ языкомъ, но должны были захватить всѣ области человеческого знанія.

Въ это время, выступилъ на поприще дѣятельный человекъ, посвятившій всю жизнь свою истребленію схоластики въ университетахъ и монастыряхъ, — первый писатель, принадлежавшій къ оппозиціи въ новѣйшемъ значеніи этого слова: *Эразмъ Роттердамскій*.

Въ первыя тридцать лѣтъ жизни своей, Эразмъ находился въ безпрерывномъ противорѣчій между монастырскими западными правилами и образомъ ученія того времени; можно даже сказать, что онъ родился въ этомъ противорѣчій: отецъ его никогда не могъ жениться на его матери, потому-что назначенъ былъ для монастыря; самого его не пускали ни въ какой университетъ, а держали въ одномъ изъ монастырскихъ учебныхъ заведеній, которое скоро сдѣлалось недостаточнымъ для пылкой души его; сверхъ-того, всѣми силами старались склонить его къ духовному званію. Онъ вполне почувствовалъ все свое угнетеніе, и стелъ уже освобожденіемъ, когда ему удалось получить мѣсто въ одномъ изъ парижскихъ коллегіумовъ; однакожъ и здѣсь состояніе его не улучшилось: онъ долженъ былъ выслушивать схоластическія чтенія и диспуты и къ доба-

вокъ, какъ самъ жалуется, употреблять дурную пищу, совершенно разстроившую его здоровье. Здѣсь, однакоже, онъ достигъ собственнаго сознанія; будучи еще мальчаконъ, по какому-то инстинкту предугадывалъ онъ превосходство новаго образа мыслей; теперь же усвоилъ его себѣ съ ничтожными вспомогательными средствами, но съ вѣрнымъ взглядомъ, отличающимъ истинное дарованіе. Здѣсь онъ пріобрѣлъ легкую и плавную дикцію по образцу древнихъ и превзошелъ правильность и грацію языка всѣхъ тогдашнихъ знаменитости Париза; здѣсь разорвалъ онъ узлы, привязывавшія его къ схоластикѣ: онъ предался искусству жить въ томъ значеніи, въ какомъ самъ понималъ его. Занимаясь преподаваніемъ, онъ вошелъ въ связи, упрочившія его будущность; потомъ обнародовалъ нѣкоторыя сочиненія, пріобрѣтшія ему поклонниковъ и покровителей, потому-что хорошо понималъ, что любить и чего требуетъ публика. Такимъ-образомъ, онъ совершенно предался литературѣ, составлялъ учебники сообразно съ новою метоюю, занимался переводами съ греческаго языка, который въ то время изучилъ основательно, и издалъ творенія древнихъ писателей; въ своихъ же собственныхъ сочиненіяхъ онъ подражалъ то Лупіану, то Геренцію, и, не смотря на это, у него вездѣ проявляется собственно-му-принадлежащій духъ тонкой наблюдательности. Больше же всего занимало публику направленіе, имъ избранное.

Всю обычную горечь противъ ханжества того времени, весьма-лонятную по обстоятельствамъ его жизни, излилъ Эразмъ въ свои произведенія, — не такъ, однакоже, чтобъ это негодованіе казалось главнымъ его побужденіемъ; напротивъ, оно выражалось у него какъ-то косвенно, неожиданно, часто въ пылу ученаго диспута, но всегда съ увлекательнымъ, неподражаемымъ остроуміемъ. Особенно же онъ утверждалъ свое вліяніе представленіями шуточными, которыя съладясь народными и положили печать свою на всѣ дѣйствія современнаго ему человѣчества. Онъ выводитъ на сцену Морію, дочь Плутуса, родившуюся на счастливомъ островѣ, вскормленную виномъ и распутствомъ: она надычица сильнаго государства, къ которому принадлежатъ всѣ сословія свѣта. Она скрывается между всеми сословіями, дольше и охотнѣе всѣхъ остается между духовными, хотя они, будучи ей всѣмъ обязаны, не хотятъ признать ея благодѣяній. Она насмѣхается надъ лабиринтомъ діалектики, въ которомъ блуждаютъ ученые, надъ силлогизмами, которыми они издумали поддержать западную церковь, какъ Атласъ поддерживаетъ небо, и надъ рвеніемъ и жестокостію, съ которыми они преслѣдуютъ каждое несогласное съ ними мнѣніе; далѣе, нападаетъ на невѣжество, нечистоту, страшныя и смѣшныя потребности католическихъ монаховъ, ихъ грубыя и ругательныя проповѣди; смѣло задѣваетъ дворецъ и римскій дворъ и самого папу, объясняя, что онъ призваніемъ своимъ почитаетъ одни удовольствія. Между гравюрами, которыми украсилъ эту книгу Гансъ Гольбейнъ, является и папа, увѣнчанный своею корою.

Духъ времени ясно выразился въ этомъ сочиненіи: потому-то оно и произвело необыкновенное дѣйствіе: еще при жизни Эразма, разошлось

двадцать-семь изданій этого творенія; оно переведено было на все языки и послужило къ большому развитію анти-католическаго духа, характеризующаго ту эпоху. Вместе съ вліаніемъ народнымъ; Эразмъ соединилъ глубокое вліаніе ученое. Мы уже сказали выше, что изученіе греческаго языка пробудилось въ Италіи въ XV вѣкѣ и, перешедши, вместе съ латинскимъ, въ Германію и Францію, расправило для всѣхъ живыхъ и пытливыхъ умовъ ограниченнѣйшій горизонтъ ученія западной церкви и вместе съ тѣмъ представило имъ новые, блестящіе пути. Эразму понравилась идея Итальянцевъ, что науками заниматься должно по древнимъ, географіею по Страбону, медициною по Иппократу, философіею по Платону, а не по сухимъ и неполнымъ учебникамъ, бывшимъ тогда въ общемъ употребленіи; онъ пошелъ еще далѣе, требовалъ, чтобъ правила религіи преподавались не по книгамъ Скота и Фоми, но по писаніямъ св. отцовъ греческой церкви и преимущественно по книгамъ Новаго Завета. По примѣру Лаврентія Валлы, имѣвшего большое вліаніе на философа роттердамскаго, Эразмъ доказывалъ, что невозможно придерживаться латинской библіи, наполненной множествомъ ошибокъ, и приступилъ самъ къ великому дѣлу изданія греческаго текста, который до-тѣхъ-поръ не былъ основательно извѣстенъ на Западѣ. Онъ желалъ, по его собственному выраженію, обратить теологию къ ея источникамъ; хитро-построенной системы онъ указалъ простоту начала, изъ котораго она произошла и къ которому необходимо должна возвратиться. Онъ тѣмъ болѣе могъ успѣть въ своихъ предпріятіяхъ, что показывалъ злоупотребленія, имъ порицаемыя, и за ними — не страшную пропасть, но улучшеніе вовсе-незатруднительное, и сверхъ того тщательно остерегался оскорбить начала, на которыхъ основаны были религіозныя вѣрованія; остальное совершенно его необыкновеннымъ литературнымъ дарованіемъ. Онъ трудился безпрерывно, занимался неутомимо различными отраслями знанія, но не имѣлъ терпѣнія заняться отдѣлкою своихъ сочиненій, большая часть которыхъ была напечатана въ томъ видѣ, какъ онъ ихъ набросалъ; можетъ-быть, это самое и вѣдалось современникамъ, какъ представленіе быстро-развившейся идеи смысла, тонкаго и образованнаго ума. Кто же могъ замѣтить ошибки, которыя отъ него самого ускользали? Образъ его выраженія и нынѣ плѣняетъ читателя, а тогда умескалъ, очаровывалъ каждого. По справедливости приобрѣлъ онъ репутацію славнѣйшаго человека въ Европѣ; общественное мнѣніе, которому онъ же проложилъ путь, украсило его блестящими звѣздами; подарки являлись въ его жилище въ Базель; со всѣхъ сторонъ посѣщали его, отсюда получалъ онъ приглашенія. Это былъ блудокурый, малорослый человечекъ съ голубыми, полузакрытыми глазами, исполненными тонкой проникательности, съ остроумною улыбкою на устахъ, съ какою-то ребобстію въ движеніяхъ; малѣйшее дуновеніе, казалось, могло его опрокинуть; онъ трепеталъ при одномъ словѣ: «смерть»!

Примѣръ Эразма служитъ уже доказательствомъ, какъ опасно было новое литературное направленіе для исключительнаго богословія факультетовъ; университеты вооружались, какъ могли. Если Кельвъ неза-

долго до этого съ ожесточеніемъ возсталъ противъ введенія новой элементарной книги, то можно судить, какія притѣсненія претерпѣли покровители новой школы, и, не смотря на это, заря новаго ученія яркимъ лучомъ освѣтила мракъ схоластики.

Но миръ ученый не могъ преобразиться вдругъ, безъ жаркаго боя. Дивно было начало этого боя: онъ закипѣлъ не отъ грознаго врага, а отъ опаснаго нападенія, противъ котораго необходимо было бы изготавить оружіе; самому спокойному, самому мирному изъ всѣхъ нефиговъ, судьба назначила раздуть пламя сокрушительной распри; нефигомъ этотъ былъ *Іоанн Рейхлинъ*.

Часто-личныя способности возвысили Іогана Рейхлина, бывшаго, какъ кажется, сыномъ бѣднаго разносчика писемъ (*Vote*) въ Пфорцгеймъ. Прекрасный голосъ далъ ему доступъ къ баденскому двору; красивымъ почеркомъ онъ снискивалъ себя пропитаніе во Франціи; пріобрѣтенный имъ, въ обращеніи съ иностранцами, чистый латинскій выговоръ доставилъ ему возможность участвовать въ посольствѣ къ римскому двору, съ чѣмъ для него непосредственно связано было значительное мѣсто и обширное поприще дѣятельности при дворѣ вюртембергскомъ. Отъ Эразма онъ отличался и внутренними и вѣнскими свойствами. Онъ былъ высокъ ростомъ и строенъ; во всѣхъ его дѣйствіяхъ было какое-то достоинство, спокойствіе и увѣренность въ самомъ-себѣ, что съ перваго взгляда внушало къ нему довѣріе. Какъ писатель, онъ не могъ блистать общаго расположенія въ ученоемъ свѣтѣ; рѣчь его только-что посредственна, и въ ней не замѣтно красивой формы и граціи; за то онъ старался жадно учиться, жадно раздѣлять познанія, которыхъ не имѣли его собратія. Онъ самъ рассказываетъ, какъ собиралъ по частямъ свои свѣдѣнія, *крупницы, падающія отъ стола господей*, въ Парижѣ и Ватиканѣ, въ Миланѣ и Флоренціи, въ Базелѣ и при императорскомъ дворѣ; для пособій къ изученію латинскаго языка составилъ онъ словарь, послужившій болѣе всего къ вытѣсненію схоластики; для изученія греческаго — краткую грамматику; онъ не щадилъ ни трудовъ, ни денегъ для пріобрѣтенія изъ Италіи классическихъ авторовъ въ рукописяхъ и въ печати; о чемъ не подумалъ ни одинъ вельможа, ни одна богатая община, тѣ совершилъ сынъ бѣднаго разносчика писемъ! Въ его жилищахъ хранились изумительныя собранія письменныхъ памятниковъ, принадлежавшихъ вѣкамъ отдаленнымъ, гомерическія пѣсни, которыя преобразились въ германскомъ духѣ и снова стали понятны вѣту. Выше всего этого поставили современники его знаніе еврейскаго языка, въ чемъ онъ и самъ сознавалъ свою заслугу. «Никто еще не меня» восклицаетъ онъ съ чувствомъ собственнаго достоинства одному изъ своихъ соперниковъ: «не потрудился собрать въ одну книгу правила еврейскаго языка, и хоть сердце его разорвется отъ зависти, но я первый совершилъ это. *Exegi monumentum aere perennius!*» Въ томъ отношеніи, онъ обязанъ благодарностію еврейскимъ раввинамъ, которыми часто бесѣдовалъ, и ни одна изъ такихъ бесѣдъ не пропала безъ пользы для него и для науки. Духъ Рейхлина не могъ совершенно удовлетвориться грамматическими и лексикологическими изслѣ-

дованіями; по примѣру своихъ еврейскихъ учителей, онъ обратился къ мистикѣ слова. Въ имени Бога, въ св. писаніи, въ первоначальномъ его значеніи, онъ находилъ вмѣстѣ глубокую тайну Его бытія. «Богъ, радующійся сообществу святыхъ душъ, желаетъ преобразить ихъ въ себя, обитать въ нихъ. Богъ есть духъ, слово есть дыханіе, чловѣкъ дышетъ, Богъ есть слово. Имена, данныя Имъ самому-себѣ составляютъ отголосокъ вѣчности: въ нихъ-то напечатана пучина его таинственнаго движенія; Богочловѣкъ самъ называлъ Себя словомъ» (*). Въ самомъ началѣ, изученіе языковъ въ Германіи открыло ему конечную цѣль, изслѣдованіе таинственнаго отношенія языка къ божественности, его тождественность съ духомъ.

Рейхлинъ дѣйствовалъ подобно великому современнику своему, открывшему новый свѣтъ, когда тотъ, перерѣзывая бездны моря то на югъ, то на сѣверъ, то прямо на западъ, изыскивая и обозначая берега, часто воображалъ при самомъ началѣ подвига, что онъ достигъ уже своей цѣли. Рейхлинъ былъ убѣжденъ, что къ системѣ своей философіи, возрожденной по ученію Платона и Аристотеля, онъ присоединитъ и пнеагорейскую, возникшую изъ гебраизма. По ступенямъ кабалистики, переходя отъ символа къ символу, отъ формы къ формѣ, онъ мечталъ возвыситься до конечной, чистѣйшей формы—властительницы надъ царствомъ духа, въ которой человѣческая изменчивость приближается къ неизмѣнно-божественному (**).

Занятый своими мечтами, погруженный въ свои идеальныя, отвлеченныя изслѣдованія, онъ не замѣчалъ, что всѣ враждованія схоластической партіи обратились противъ него, и вдругъ, совсѣмъ-неожиданно, увидѣлъ онъ себя въ самомъ центрѣ жаркаго боя. Вотъ какимъ-образомъ это случилось:

Инквизиторскія преслѣдованія кельнскихъ доминиканцевъ устремлены были противъ Евреевъ. Въ 1508 г., одинъ старый раввинъ, бросившій на 50 году своей жизни жену и дѣтей и сдѣлавшійся христіанскимъ священникомъ, выдалъ въ свѣтъ сочиненіе, въ которомъ обвинялъ своихъ прежнихъ единовѣрцевъ въ грубѣйшихъ заблужденіяхъ, на-прим., въ поклоненіи солнцу и лунѣ, но болѣе всего осуждалъ ихъ за клеветы, возводимыя ими на христіанство, и представлялъ доказательства изъ Талмуда. Основываясь преимущественно на этихъ обвиненіяхъ, кельнскіе богословы просили императора дать имъ повелѣніе, въ силу котораго они могли бы отобрать Талмудъ и преслѣдовать Іудеевъ, какъ еретиковъ. Императорскіе совѣтники признали за благо призвать для совѣщанія, кромѣ богословскаго факультета, посторонняго знатока еврейской литературы и возстановителя кабалистической философіи — Рейхлина.

Рейхлинъ подалъ свое мнѣніе, какъ и можно было ожидать, въ пользу еврейскихъ книгъ; его добросовѣстность—прекрасный памятникъ чистой души и благороднаго убѣжденія. Но тамъ самымъ всю бурю, го-

(*) Рейхлинъ, De Verbo Mirifica, II, §, 15.

(**) Рейхлинъ, De Arte Cabbalistica.

овую разразиться, онъ обратилъ на себя. Кёльнскіе богословы, забывъ гнѣвные поступкомъ Рейхлина, велили одному изъ своихъ приварженцевъ сдѣлать ему возраженіе; онъ отвѣчалъ, и отвѣтъ его предалъ прелатію; онъ назвалъ такое дѣйствіе несправедливымъ: противъ него нарядили инквизиціонный судъ. То было общимъ сигналомъ; обѣ партіи съ пылкостью выступили другъ противъ друга. Доминиканцы надѣялись сильнымъ ударомъ утвердить снова свое уже колебавшееся могущество и оразить страхомъ враговъ, которые становились имъ грозны. Нововозрожденіи, паставники и воспитанники поэтическихъ школъ хорошо чувствовали, что въ лицѣ Рейхлина имъ всамъ угрожала опасность; твердость, съ которою они обнаружили свое стремленіе, получила новыя силы чрезъ сознаніе въ себя оппозиціи противъ настоящей власти, соннотельное состояніе которой они всѣ понимали.

Въ октябрь 1513 года, составилъ въ Майнцѣ инквизиціонный судъ, членами котораго были доктора университета и совѣтники архіепископа, подъ председательствомъ Іакова Гогстратена, инквизитора жестокаго и злаго, и уже готовъ былъ приговоръ, подобный приговору, произнесенному, за нѣсколько десятковъ лѣтъ, противъ Іоанна Везалия.

Но какъ все измѣнилось съ-тѣхъ-поръ! Въ Германіи слабо дѣйствовалъ католицизмъ, который такъ энергически потрясалъ Испанію; императорскіе совѣтники не слишкомъ-горячо принимали сторону Кёльнцевъ, и потому призывали для совѣщанія такого человѣка, какъ Рейхлинъ. Литературное направленіе распространилось далеко и образовало себѣ общественное мнѣніе, которому придерживались многія духовныя лица, между которыми находился и совѣтникъ императора, кардиналъ Лангъ, пользовавшійся самымъ большимъ вліяніемъ; къ-тому же, высшее духовенство не имѣло сочувствія съ инквизиціею и не желало ее поддерживать. Приговоръ противъ Везалия подписанъ былъ курфирстомъ Дитгеромъ противъ воли, изъ боязни къ сильнымъ доминиканцамъ; теперь же они были не страшны, и деканъ Лоренцъ Трухзесъ говоритъ, что когда уже судъ собрался для произнесенія приговора, то курфирстъ воспротивился ему и отозвалъ своихъ совѣтниковъ. Потомъ уже въ пользу Рейхлина дѣйствовалъ, подъ председательствомъ епископа шпейерскаго, другой судъ, наряженный по повелѣнію папы; этотъ второй судъ произнесъ, 24 августа 1514 года, приговоръ, по которому обвинители Рейхлина, ложно его оклеветавшіе, присуждены были къ вѣчному молчанію и къ уплатѣ судебныхъ издержекъ.

Изъ этого ясно, какъ распространилась и усилилась антипатія къ доминиканцамъ, какое живое участіе принялъ образованный міръ въ стремленіи новой литературы, и какъ сильно было мнѣніе ученыхъ: это была первая его побѣда.

Въ Германіи, ратующая ортодоксія (какъ называли себя защитники старыхъ мнѣній), не нашла себя заступленія ни у императора, ни у высшаго духовенства; не смотря на то, она не считала дала своего неутраченнымъ. Въ Кёльнѣ приговорили къ сожженію книги Рейхлина; богословскіе факультеты въ Майнцѣ, Эрфуртѣ и Парижѣ громко изъявали свое одобреніе. Съ такимъ-то подкрепленіемъ обратились Кёльнцы къ

верховному трибуналу римскому; православное богословіе падало къ стопамъ его святѣйшества, просило его явить свое милостивое, непогрѣшительное заступничество древнимъ поборникамъ римскаго престола и помощь свою противъ нововводителей.

Римскій дворъ пришелъ въ замѣшательство отъ этого прошенія. Не-уже-ли оскорбить общественное мнѣніе, представителями котораго были люди, столь сильныя влияніемъ? какая выгода отъ борьбы съ ними? Съ другой стороны, какъ отвергнуть приговоръ могущественныхъ университетовъ, разорвать связь съ орденомъ, который такъ ревностно боролся за римскій престолъ и по всему свѣту распространялъ его могущество?

Въ комиссіи, созванной папою въ Римъ, большинство было въ пользу Рейхлина; но и противники его были значительны; римскій дворъ счелъ за лучшее отсрочить свое опредѣленіе и далъ повелѣніе *de super-
sedendo*.

Рейхлинъ не былъ совершенно-доволенъ этимъ рѣшеніемъ, ибо въ сознаніи справедливаго дѣла ожидалъ безусловнаго оправданія; но и отсрочка была уже почти побѣдою: сподвижники его, думавшіе прежде только о своемъ существованіи, приняли теперь систему наступательную. Въ собраніи писемъ Рейхлина, которое служить доказательствомъ любви и почтенія, которыя онъ питалъ къ наукамъ, мы видимъ, какое множество всякаго званія людей стекалось подъ его знамена: духовные владыки и императорскіе советники, о которыхъ мы упомянули выше, патриціи значительныхъ городовъ, доктора медицины, и всѣ любители и цѣнители новой литературы, особенно же тѣ поэты и ораторы изъ университетовъ и школъ, которые въ дѣлѣ Рейхлина видѣли собственное дѣло, собирались толпами на мѣсто сраженія. Достопримѣчательная книга, въ которой отразилось ихъ стремленіе, называется «*Epistolae Obscurorum Virorum*»; народная сатира, столь привлекательная для толпы, получила здѣсь право гражданства, и хотя письма эти не представляютъ ничего поэтическаго и гениальнаго, за то содержатъ въ себѣ много истины, обрисованной грубыми, сильными чертами и влияніе ихъ было столь велико, что римскій дворъ счелъ за нужное запретить ихъ.

Теперь уже можно было сказать, что литературная оппозиція одержала побѣду. Радостно смотрѣлъ вокругъ себя Эразмъ въ 1518 году; повсюду ученики и последователи его вѣтсвились въ университеты и всѣ были преподавателями литературы древнихъ (*).

И въ-самомъ-дѣлѣ, не-уже-ли великіе люди древности жили напрасно? Не-уже-ли произведенія ихъ, созданныя въ юношескіе годы чело-вѣчества, съ которыми въ изяществѣ и внутренней гармоніи ничто не могло сравниться въ-послѣдствіи, должны были погибнуть для выхо-дующихъ? Переворотъ, имѣвшій всемірное историческое значеніе, состоялъ именно въ томъ, что по прекращеніи всѣхъ народныхъ волев-нѣй, чрезъ которыя прошелъ древній міръ, собраны были всѣ элси-

(*) Erasmus, «*De ratione conscribendi Epistola*», Изданіе 1534, стр. 71.

ты его дѣйствованія, всѣ священные остатки его духа, въ которыхъ съ этого времени исключительно сосредоточилась ученая дѣятельность, съ ревностью дотола небывалою, и быстро начала приобретать себѣ сподвижниковъ.

Начало этого ученія явилось въ Германіи тотчасъ по введеніи христіанства и достигло цвѣтущаго состоянія въ X и XI вѣкахъ, но съ-тѣхъ-поръ уничтожено было деспотизмомъ іерархическихъ и схоластическихъ властей. Теперь школы возвращались мало-по-малу къ своему первоначальному назначенію; обстоятельства не позволяли еще думать о произведеніи великихъ твореній, ибо главная цель ихъ состояла въ чистомъ и правильномъ образованіи юношескаго духа, оставшемся основаніемъ германской учености до позднѣйшаго времени. Іерархическій взглядъ на міръ, какъ ни блистателенъ онъ былъ въ-начале, не могъ продолжаться вѣчно и прекратился самъ-собою. Во всѣ отрасли знанія вторгнулась новая жизнь. «О, славный вѣкъ!» восклицаетъ Гуттентъ: «ученіе процвѣтаетъ, умы пробуждаются: жить такъ весело!» Преимущественно же это проявилось въ области богословія. Первое духовное лицо нации, архіепископъ майницкій, Альбрехтъ, пріятствовалъ Эразму, какъ возстановителя теологіи.

Скоро настало совершенно-другое движеніе. Не извнѣ должны были возникнуть опаснѣйшія противодѣйствія: въ самыхъ недрахъ ихъ обнаруживалась вражда, долженствовавшая сокрушить могущество деспотизма католической церкви; внутри богослово-философскаго міра появились несогласія, съ которыхъ начинается новый періодъ жизни и мышленія. Мы не должны выпускать изъ вида, что ученіе Виллефа, распространившееся изъ Оксфорда по всему западному христіанству и принявшее такой грозный характеръ въ Богеміи, имѣло большое вліяніе на Германію; долгое время послѣ того видны были слѣды его: въ Баваріи, Швабіи и Франконіи подозрѣвали суздествованіе Гусситовъ, а въ Бамбергѣ считали за нужное отбирать у жителей присягу, что они не принадлежатъ къ послѣдователямъ Виллефа и Гусса, и даже въ Пруссіи, гдѣ наконецъ-таки и покорились, хотя только для вида, приверженцы этого ученія. Еще важнѣе то обстоятельство, что изъ дикихъ мнѣній и партій Гусса образовалось Общество-Богемскихъ-Братій, которое старалось представить собою христіанскую общину, которой главный тезисъ, давшій новую релігіозную жизнь оппозиціи, состоялъ въ томъ, что Іисусъ Христосъ самъ есть краеугольный камень, на которомъ зиждется церковь, а не апостолъ Петръ и его преемники. Изъ тѣхъ странъ, гдѣ проявились германскіе и славянскіе элементы, — вѣстники новыхъ идей незаметно пробирались въ отдаленныя области и находили себѣ единомышленниковъ: Николай Кусъ въ Ростокѣ, получившій два такіа посѣщенія, началъ (1511) открыто говорить противъ папы.

Наконецъ, въ самыхъ университетахъ возникла оппозиція противъ владычества доминиканской системы. Номинализмъ, въ то самое мгновеніе, какъ его возобновилъ Оккамъ, сбѣднѣвшійся съ противниками папы, нашелъ сильный отголосокъ въ Германіи. Партія эта была еще

малочисленна и часто претерпывала гонения отъ враговъ своихъ, бывшихъ владыками инквизиціонныхъ судовъ; но въ тишинѣ пускала она могучіе корни, становилась все сильнѣе и сильнѣе. Представителями ея явились Лютеръ и Меланхтонъ.

Но, можетъ-быть, важнѣе всѣхъ рассказанныхъ нами переманъ было принатіе въ XV вѣкѣ многими богословами строгаго августинскаго ученія.

Іоаннъ де-Везалиа проповѣдывалъ предопредѣленіе; онъ говорилъ о той книгѣ, въ которую заранее внесены имена избранныхъ. Ученіе его было также приготовленіемъ къ реформаціи, потому-что онъ отвергалъ всѣ позднѣйшія постановленія западной церкви и совѣтовалъ следовать древнимъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ оспаривалъ право священниковъ разрѣшать и связывать, въ чемъ ясно выказывается идея невидимой церкви. Вообще, о немъ можно сказать, что онъ былъ челоуѣкъ сильный и даровитый, потому и могъ играть некоторое время важную роль въ такомъ университетѣ, каковъ былъ эфуртскій; не смотря, однакожь, на уваженіе, которымъ пользовался, онъ не могъ удержаться на своемъ мѣстѣ: за сношенія съ богемскими выходцами его потребовала къ суду инквизиція, и онъ умеръ въ одной изъ темницъ ея.

Іоганъ Пупперъ, основавшій въ 1460 — 1470 г. монастырь въ Мехельнѣ по правиламъ Августина, приобрѣлъ извѣстность обвиненіемъ, которое онъ взвелъ на господствующее исповѣданіе, будто оно прилерживается ереси Пелагія; Ому-Аквинейскаго онъ называлъ княземъ грѣха. Изъ постановленій августинскихъ онъ изгналъ многіе обряды и фарисейство обзатовъ.

Правила оппозиціи, развиваясь болѣе и болѣе, приняли видъ ученой системы. Въ твореніяхъ Іогана Весселя можно видѣть, какимъ образомъ новыя идеи прокладывали себѣ путь сквозь всѣ многочисленныя препятствія. Вессель говоритъ утвердительно, что прелатамъ и докторамъ можно вѣрить тогда только, когда ученіе ихъ согласуется съ догматами св. писанія, единственными правилами вѣры, стоящими выше папы. Эти слова доказываютъ, что онъ почти философъ въ духъ новаго времени. Понятно, почему ему не дозволяли вступить въ Университетъ-Гейдельбергскій преподавателемъ, ни даже показываться туда!

Къ довершенію успѣха, стремленія нововводителей не были раздроблены.

Во время базельскаго собора, августинскіе пустынники составили отдѣльное братство и съ-тѣхъ-поръ всѣми силами старались поддерживать строгій уставъ своего ордена, чѣмъ они обязаны были Андрею Пролесу, бывшему въ-продолженіи полувѣка ихъ викаріемъ. Къ этому направленію, въ началѣ XVI вѣка, присоединилось другое, родственное съ нимъ. Владычеству схоластики также враждебны были мистическіе взгляды на жизнь: проповѣди Таулера, полныя краткой важности, глубокомыслія и истины, нашли себѣ многочисленныхъ читателей; сладкіемъ бѣгъ проповѣдей была явившаяся въ то время книга нѣмецкаго богословія, которая доказывала невозможность достигнуть совершенства посредствомъ собственнаго я, и поучала искать внутренняго успокоенія въ вѣчной благодати. Много вліянія произвели эти идеи, распространен-

ныя Іоганомъ Штаупитцомъ. Разсматривая его образъ воззрѣнія, когда онъ говоритъ, на-примѣръ, о любви, «которой изучить нельзя ни самимъ-собою, ни чрезъ другихъ, ни чрезъ св. писаніе, которая только посредствомъ даровъ св. Духа нисходитъ на человека», легко можно замѣтить въ немъ тѣсное соединеніе божественнаго промысла, вѣры и свободной воли. Нельзя сказать утвердительно, чтобъ весь монастыри августинскаго ордена или члены ихъ распространяли однѣ и тѣ же идеи; несомнѣнно только, что между ними возникли и развились идеи независимости, которыя поддерживали оппозицію противъ школьныхъ мнѣній того времени.

Въ 1502 году, Фридрихъ, курфирстъ саксонскій, основалъ университетъ въ Виттенбергѣ; съ разрѣшенія папскаго, онъ превратилъ придворную церковь въ аббатство и соединилъ званіе священника въ немъ съ званіемъ профессора; въ богословскомъ факультетѣ этого заведенія принималъ дѣятельное участіе знаменитый августинскій монастырь, находившійся въ городѣ. Необходимо вспомнить, что университеты были въ то время не только учебными заведеніями, но вмѣстѣ высшими трибуналами ученаго міра; въ статутѣ Виттенбергскаго-Университета, Фридрихъ изъяснилъ, что это заведеніе основано для того, чтобъ весь окрестные народы обращались къ нему, какъ къ оракулу, «чтобъ мы» говорить онъ: «приносили туда свои сомнѣнія, рѣшали ихъ тамъ и возвращались домой полные вѣры».

Въ основаніи университета дѣятельное участіе приняли два человека, принадлежавшіе къ оппозиціи: докторъ *Мартинъ Поллицъ*, первый ректоръ и *Іоганъ Штаупицъ*, деканъ богословскаго факультета: въ 1508 г. послѣдній доставлялъ мѣсто молодому *Лютеру*.

Необходимо бросить взглядъ на первые годы юности Лютера.

«Я сынъ крестьянина» говоритъ онъ самъ: «отецъ мой, дѣдъ, пра-дѣдъ были добрые поселяне; отецъ отправился въ Мансфельдъ и сдѣлался рудокопомъ: въ это время я родился на свѣтъ.» Родъ Лютера принадлежитъ селенію, лежащему на самой высотѣ Тюрингенскихъ-Горъ, недалеко отъ страны, съ которою связано воспоминаніе первой проповѣди христіанской, когда св. Бонифацій возвѣстилъ народу слово Божіе. Дѣйствія Лютера могли навсегда остаться прикованными къ его участку земли, потому что въ обычаѣ у тюрингенскихъ крестьянъ была передача имѣнія одному изъ братьевъ, между-тѣмъ, какъ другіе должны были добывать себѣ пропитаніе на-сторонѣ. Послѣднее было удѣломъ Ланса Лютера. Принужденный собственными руками приобрести себѣ юдину и стало, онъ опредѣлился въ мансфельдскія рудоконни и въ полъ лица добывалъ насущный хлѣбъ; жена его Маргарита раздѣляла руды его и сама носила дрова въ свою бѣдную хижину. Отъ нихъ произошелъ Мартинъ Лютеръ. Онъ увидѣлъ свѣтъ въ Эйслебенѣ, куда го бодрая мать отправилась на ярмарку, и выросъ въ рудоконняхъ мансфельдскихъ.

Какъ строга и суровы были жизнь и нравы того времени, таково было и воспитаніе. Лютеръ рассказываетъ, что мать выскла его до рови за то, что онъ потихоньку отъ нея съѣлъ орѣхъ, а отецъ такъ

обращался съ нимъ, что съ трудомъ могъ причитъ къ себѣ ребенка, когда тотъ сталъ выростать; въ школь, куда отдали его родители, онъ въ одно утро 15 разъ наказанъ былъ ударами; пропитаніе себѣ онъ добывалъ пѣніемъ передъ дверьми. Страшно, что завидуютъ юности и считаютъ ее счастливымъ возрастомъ, между-тѣмъ, какъ иракъ будущаго представляетъ иногда только первыя жизненныя потребности, если существованіе зависитъ отъ посторонней помощи и воля другихъ железною рукою сковываетъ волю юноши! Страшно было это время для Лютера...

Съ пятнадцатаго года, положеніе его нѣсколько улучшилось. Въ Эйзенахъ, гдѣ онъ посѣщалъ высшій училища, нашелъ онъ пріютъ у родственниковъ своей матери; въ Эрфуртѣ, куда онъ отправился въ университетъ, отецъ его, скопившій себѣ трудомъ и бережливостью небольшое состояніе, доставлялъ ему щедрое пособіе; онъ воображалъ, что сынъ его будетъ ученымъ правовѣдомъ, выгодно женится и принесетъ ему честь.

За бѣдствіями юности, слѣдуютъ другія лишенія на трудномъ пути человека. Духъ чувствуетъ себя свободнымъ отъ оковъ, положенныхъ на него школьнымъ ученіемъ; онъ еще не развлеченъ потребностями и заботами ежедневной жизни; мужественно обращается онъ къ высочайшимъ проблеммамъ, къ вопросамъ объ отношеніи къ Богу, Бога къ міру, и между-тѣмъ, какъ онъ пламенно стремится къ разрѣшенію ихъ, его осаждаютъ несчастныя сомнѣнія. Кажется, вѣчное начало всякой жизни представлялось юному Лютеру судіею и мстителемъ; онъ думалъ, что грѣхи, которые онъ сознавалъ въ своей природѣ, будутъ наказаны муками ада, и что примириться съ Богомъ можно посредствомъ поста, умерщвленія плоти и тяжкаго труда. Когда онъ, въ июль 1505 года, изъ отцовскаго дома въ Мансфельдъ, возвращался въ Эрфуртъ, застигла его на полѣ по близости Шютергейма страшная буря,—что нерѣдко случается въ горахъ, гдѣ тучи долго собираются и наконецъ облегаютъ весь горизонтъ; это произвело сильное вліяніе на Лютера, и безъ того взволновавшаго неожиданною смертію одного изъ друзей своихъ. Кто не знаетъ мгновений, въ которыя бурное, встревоженное сердце совершенно уничтожается какимъ-нибудь потрясающимъ явленіемъ, хотя бы то было явленіе вѣдущей природы? Во время грозы, Лютеръ увидѣлъ на своемъ одинокомъ пути Бога гнѣва и мщенія: молнія упала воалъ него; въ ужасъ, онъ поклялся св. Аннѣ, если будетъ спасенъ, произнести обѣтъ монашества.

Еще разъ посвящалъ онъ вечеръ друзьямъ своимъ, музыкѣ и пѣнію; то было послѣднимъ мірскимъ удовольствіемъ, которое онъ себѣ дозволялъ: съ этой поры, онъ думалъ только объ исполненіи обѣта и принялъ монашество въ августинскомъ монастырѣ, въ Эрфуртѣ.

Но здѣсь ли могъ онъ найти успокоеніе, заключенный въ монастырскія стѣны, во всемъ развитіи юношескихъ силъ принужденный довольствоваться низкою кельею, двухсаженнымъ садомъ и еще обязаный отправлять самыя низкія работы? Сначала онъ посвящалъ себя обязанностямъ монастырскаго братства въ порывѣ стремительной во-

ли. «Если монахъ» говоритъ онъ: «можетъ взойти на небеса чрезъ монашество, то и я буду тамъ.» Скоро, однакоже, тяжкая обязанность послушанія сильно его встревожила, и не смотря на то, онъ учился день и ночь и собралъ тогда свои каноническія пѣсни; иногда ходилъ онъ, взявъ кусокъ хлѣба, въ деревню, проповѣдывалъ поселянамъ и пастухамъ и оживлялъ себя сельскою ихъ музыкою; потомъ возвращался назадъ, запирался въ келью и никого не хотѣлъ видѣть. Все прежнія сомнѣнія и внутреннія тревоги возвращались къ нему время-отъ-времени съ удвоенною силою.

Мы говорили выше, что правосудіе Божіе онъ почиталъ гнѣвомъ и мстію; и хотя ему хорошо извѣстно было таинство искупленія, но сознаніе грѣховъ было такъ сильно въ немъ, что потрясло всю его душу. Оно заставляло сердце его обливаться кровію. То было болезненное стремленіе твари достигнуть чистоты Творца, отъ которой она чувствовала себя отдаленною на неизмѣримое разстояніе. Были минуты, когда тревожное уныніе Лютера изъ тайниковъ душевныхъ вырывалось съ силою, взяло мрачными крылами надъ его головою, потемняло его очи. Однажды, друзья его выломали дверь кельи, въ которой онъ, въ продолженіи двухъ дней, сидѣлъ въ-заперти, и нашли его, распростертымъ на землѣ и лишенымъ чувствъ. Они знали его и въ его келью устроили концертъ: тихіе аккорды возвращали внутреннюю гармонию разстроенной душѣ и привели ее къ чувству самосознанія. Не предположено ли въ законахъ вѣчнаго порядка, чтобы истинное стремленіе души, жаждущей Бога, удовлетворялось полнотою убѣжденія? Первый, давшій Лютеру, если не утѣшеніе въ его отчаяніи, то по-крайней-мѣрѣ пролившій лучъ свѣта въ мракъ его жизни, былъ монахъ августинскаго ордена, который съ отеческимъ стараніемъ показалъ ему первую простую истину христіанства — прощеніе грѣховъ поередствомъ вѣры въ Искупителя. Онъ полюбилъ выше всего вѣрченіе, что «праведникъ живетъ своею вѣрою», убѣдился, что Иисусъ есть Богъ свѣта и милосердія, пріемлющій подъ сѣнь Свою грѣшныя и раскавшіяся души; онъ походилъ на человека, нашего наконецъ истинную стезю послѣ долгаго блужденія по непроходимымъ дебрямъ и съ каждымъ шагомъ достигающаго истинной цѣли: утѣшенный, онъ смѣло ринулся впередъ.

Съ такими мыслями, вступилъ Лютеръ, въ 1508 году, въ Виттенбергскій-Университетъ. Лекціи философіи, ему порученныя, пробудили въ немъ страсть проникнуть въ таинства богословія. Больше всего предметами изученія его были посланія апостола Павла, книги Августина противъ пелагианцевъ и проповѣди Таулера; онъ не обременялъ себя иностранною литературою и старался только утвердиться въ своихъ убѣжденіяхъ.

Больше всего достойно замѣчанія путешествіе его въ Римъ, куда онъ былъ отправленъ по дѣламъ своего ордена. Увидѣвъ издали башни Рима, онъ палъ ницъ на землѣ, воздѣлъ руки и воскликнулъ: «Привѣтствую тебя, священный Римъ!» То не было дѣломъ смиренія пилигрима, обдуманнѣмъ и приготовленнѣмъ заранее; онъ не склонялся къ

переговаривают друг друга; онъ чувствовалъ, какъ мало гармонировали дѣятели папы съ писаніями св. Павла и Августина; и когда онъ лежалъ простертый ницъ предъ папою для полученія высшаго отпущенія грѣховъ, то слышалъ внутренней, противорѣчащей голосъ: «справедникъ живетъ своею вѣрою».

По возвращеніи изъ Рима, онъ сдѣлался докторомъ богословія и годъ-отъ-году кругъ его дѣятельности расширялся. Въ университетѣ, онъ читалъ объясненія то Ветхаго, то Новаго Завета, проповѣдывалъ у августинцевъ и занималъ въ городѣ мѣсто одного большаго проповѣдника; въ 1516 году, Штаупницъ, на время отъезда, назначилъ его своимъ преемникомъ, и мы видимъ его тогда посѣщающимъ монастыри, перемѣняющимъ пріоровъ и монаховъ и занимающимся самыми мелочными потребностями братіи. Отъ 1515 и 1516 года остались нѣкоторыя изъ его писаній, по которымъ можно изучитъ его духовное развитіе, когда еще мистика и схоластика имѣли на него большое вліяніе. Въ первой дошедшей до насъ духовной рѣчи, говоренной имъ на немецкомъ языкѣ въ ноябрь 1515 года, онъ старался приять символку Насан Пасней къ дѣйствию св. Духа, проникающему въ душу чрезъ тело; въ другой, говоренной имъ въ декабрь того же года, онъ мечталъ объяснить таинство тріединства посредствомъ аристотелевой теоріи существованія, движенія и покоя. Впрочемъ, тогда уже родилась у него идея преобразования и улучшенія церкви; въ одной рѣчи, которая, по видимому, написана была въ этомъ смыслѣ, онъ говоритъ, что развращеніе міра заражаетъ пастырей духовныхъ; что одно только слово жизни можетъ совершить возрожденіе человѣковъ. Достоинно замѣчанія, что Лютеръ тогда уже гораздо-менше ожидалъ спасенія міра отъ улучшенія жизни, поставленнаго имъ на второй степени, между-тѣмъ, какъ на первой онъ ставилъ улучшеніе вѣры. И ни одно ученіе не являлось ему столь полнымъ и совершеннымъ, какъ очищеніе грѣховъ посредствомъ вѣры. Онъ повторяетъ непрерывно, что человѣкъ долженъ отвергнуться себя и бѣжать подъ покровъ Христа; онъ при каждомъ случаѣ повторяетъ изреченіе Августина: *Fides impetrat, quae lex impetrat*. Изъ этого видно, что Лютеръ еще не былъ совершенно самимъ-собою и часто проповѣдывалъ противорѣчащія мнѣнія; не смотря то, во всѣхъ его писаніяхъ дышетъ мощный духъ, юношеская сила, сдержанная еще скромностью и благоговѣніемъ, но повсюду вырывающаяся уже за пределы, начертанные старымъ западнымъ богословіемъ. Въ 1516 году, онъ еще-болѣе трудился надъ изъясненіемъ доказательствъ своего убѣжденія, чему много способствовала открытая имъ подложность одной изъ книгъ Августина, на которой схоластики преимущественно основывали ученіе, ему противорѣчившее: «*De vera et falsa poenitentia*»; тогда-то онъ съ жаромъ началъ оспаривать проповѣданіе скотистовъ о любви и надеждѣ.

Ученіе свое, непосредственно связанное съ правилами, установленными Поллихомъ и Штаупницомъ, Лютеръ старался распространить, какъ между братіею своего монастыря, такъ и между членами университета. Нѣсколько времени, Иодокъ Трутхеттеръ-Эйзенахскій господство-

валъ надъ умами, но по отбытіи его, Лютеръ сдѣлался духомъ ученица. Ближайшіе товарищи его, Петръ Лупинусъ и Андрей Карлштадтъ, противорѣчившіе ему сначала, убѣдились изрѣченіями Августина и св. писаніемъ въ истинѣ его ученія и сдѣлались ревностныя самого Лютера. Совершенно измѣнилось тогда направленіе университета! Богословы обратились къ св. писанію и отцамъ церкви, какъ того требовалъ Дразмъ, и скоро чтенія въ прежнемъ духѣ уже не находили себя слушателей.

Таково было направленіе умовъ въ Виттенбергѣ въ то время, когда на берегахъ Эльбы явились раздаватели папскихъ индульгенцій, съ немыханнымъ до того полномочіемъ. Но въ Римѣ ни откуда не ожидали церковной оппозиціи; недавно еще созванъ былъ, вмѣсто собора въ Низѣ, соборъ въ Латеранѣ, на которомъ первыми правилами вѣры постановлены были благоговѣніе къ римскому престолу и всемогущество папы.

Прежде, коллегіумъ кардиналовъ часто пытался ограничить власть папскую: съ этою же цѣлю и избрали Льва X. Но какъ ошиблись они! Избирателямъ своимъ первымъ далъ почувствовать Левъ всю тяжесть своей власти; это привело ихъ въ неслыханное бѣшенство, чему доказательствомъ служить кардиналъ Альфонзо Петручи, являвшійся дважды въ св. коллегіумъ съ кинжаломъ подъ пурпуромъ: по собственному сознанію, онъ убилъ бы папу, еслибъ его не остановила мысль, что скажетъ міръ, когда узнаетъ, что папа умерщвленъ кардиналомъ? Потомъ онъ хотѣлъ избрать путь менѣе торжественный для достиженія своей цѣли, т. е. отравить папу; но для этого необходимы были друзья, единомышленники между кардиналами, помощники во дворцѣ, и онъ вторично оставилъ свое намѣреніе. Какія бурныя собранія духовенства послѣдовали за этимъ открытіемъ! Извнѣ слышны были крики папы противъ кардиналовъ, кардиналовъ между собою и противъ папы. Споры и противорѣчія побудили Льва посвятить вдругъ тридцать-одного кардинала, посредствомъ которыхъ большинство оставалось во всякомъ случаѣ на его сторонѣ.

Въ самомъ государствѣ разразилась страшная буря; изгнанный изъ Урбина, герцогъ Францъ-Марія возвратился туда и началъ войну, постыдную для римскаго престола; но и тутъ нашли средство помочь и кончить дѣло въ пользу папы, залили пожаръ войны потоками золота. Вся эти обстоятельства, въ соединеніи съ непомерною роскошью римскаго двора, совершенно истощили папскую казну; надо было ее поправить, и потому соборъ латеранскій принужденъ былъ потребовать, 15-го марта 1517 г., десятую часть со всѣхъ церковныхъ доходовъ всѣхъ государствъ; въ то же время, назначены были три комиссіи для продажи индульгенцій въ Германію и въ сѣверныя государства. Тому и другому побору наши предлогъ: десятина, говорили, нужна для войны съ Турками, продажа индульгенцій для сооруженія церкви св. Петра, чтобъ мощи Апостоловъ не были подвержены трихотямъ непогоды; но предлогамъ этимъ плохо вѣрили. Въ латеранскомъ соборѣ большинство осталось на сторонѣ папы, хотя возвы-

силось несколько голосовъ, возразившихъ, что еще нать слуха ни о какой турецкой войнѣ. Былъ ли гдѣ-нибудь католикъ ревностнѣе кардинала Хименеса, наполнившаго Испанію всѣми ужасами инквизиціи?— но уже въ 1513 г. и онъ вооружился противъ продажи индульгенцій, которую хотѣли-было распространить въ Испанію; теперь же онъ возсталъ противъ папы: еще сильнѣе и говорилъ, что прежде начатія сбора десятины, необходимо узнать, зачѣмъ нужна она.

Ни одинъ здравомыслящій человекъ не сомнѣвался въ томъ, что требованія эти были только папскія спекуляціи; говорили, что продажа индульгенцій въ Германіи назначена на приданое сестрѣ папы; извѣстно было каждому, что церковные поборы часто дѣлались достояніемъ папскаго семейства: до насъ дошла квитанція, данная племянникомъ папы, Лоренцомъ, королю французскому, въ полученіи 100,000 ливровъ. Разумѣется, сумма эта поступила въ казну короля изъ десятины, которую соборъ назначилъ на турецкую войну.

Единственное средство воспротивиться требованіямъ папы заключалось въ силахъ государства, въ его политическомъ могуществѣ. Мы видѣли уже непослушаніе Хименеса въ Испанію; Англія также не хотѣла исполнять требованій собора и не посылала ни денегъ, ни векселей; но кому было вступить за интересы Германіи? Собраніе имперскихъ чиновъ уже не существовало; императоръ, находясь въ самыхъ шаткихъ политическихъ отношеніяхъ къ Франціи, вынужденъ былъ дорожить благорасположеніемъ папы, а сильнѣйшій изъ князей нѣмецкихъ, Альбрехтъ, курфюрстъ майнцскій и маркграфъ бранденбургскій, горячо вступился въ интересы папы: часть доходовъ назначена была на его долю...

Изъ трехъ комиссій, на которыя раздѣлены были всѣ нѣмецкія области, одна, дѣйствовавшая подъ распоряженіемъ римскаго прелата Арчимбольди, заключала въ себя большую часть верхне и ниже-германскихъ приходовъ; другая, подъ управленіемъ францисканскаго пріора Кристофа Нуман, занимала Австрію и Швейцарію; третью курфюрстъ майнцскій принялъ на себя для производства продажи въ собственнѣхъ архіепископскихъ провинціяхъ, Майнцъ и Магдебургъ, по слѣдующей причинѣ: архіепископство майнцское часто оставалось вакантнымъ, потому-что непомерные расходы сопряжены были съ званіемъ тамошняго архіепископа; въ 1513 году, капитулъ избралъ архіепископомъ маркграфа бранденбургскаго Альбрехта, когда онъ обѣщалъ гражданамъ не обременять ихъ денежными поборами; но, будучи не въ состояніи собственными средствами удовлетворять требованія папскаго престола, онъ занялъ 30,000 гульденовъ у дома Фуггеровъ въ Аугсбургѣ и для уплаты этого долга удерживалъ половину суммы, выручаемой въ его провинціяхъ за письменныя прощенія грѣшниковъ. Этотъ торговый оборотъ производился публично: агенты торговаго дома были уполномочены Альбрехтомъ ѣздить всюду съ продавцами индульгенцій и брать половину денегъ тотчасъ по полученіи «въ уплату суммы, которую онъ имъ былъ долженъ». До насъ дошли дневники, въ которыхъ исчислены всѣ доходы духовенства; изъ нихъ же узнаемъ, каковы были эти доходы.

Великая индульгенція отпускала грѣхи на такомъ основаніи, что пріобрѣтавшій ее пріобрѣталъ вмѣстѣ съ нею благодать Божію и избавлялся даже отъ чистилища. Сверхъ того, можно было еще получить три другія благодати: право избирать духовника, который бы разрешалъ грѣхи и вознаграждалъ добрыми дѣлами сдѣланныя преступленія; участіе въ молитвѣ, постахъ, путешествіяхъ къ святымъ мѣстамъ; наконецъ, искупленіе душъ изъ чистилища. Для полученія великой индульгенціи необходимо было принести покаяніе; три прочія могли пріобрѣтаться одними деньгами. Въ этомъ смыслѣ, Колумбъ оцѣнилъ однажды золото: «кто имѣетъ его» сказалъ онъ, вовсе не думая шутить: «тому возможно во всякое время вводить души въ царство небесное». Невозможно было выразить сильнѣе соединеніе мірскихъ побужденій и духовнаго всемогущества. Сколько фантастическаго заключалось въ предположеніи, что церковь обнимаетъ небо и землю, живыхъ и умершихъ, и что всѣ грѣхи отдаленныхъ лицъ отпускаются заслугами и благодатію цѣлаго! какаѣ великія идея силы и достоинства одного человѣка заключена въ папѣ, который хранитъ сокровище избавленія, раздаваемого имъ по произволу! его же власти приписывали чистилище, чрезъ которое души должны были переходить съ земли на небо: папа является великимъ посредникомъ всякаго наказанія и всякой благодати. И эту высокую, поэтическую идею своего достоинства бросилъ онъ въ прахъ за деньги, нужныя для мгновенной потребности своего государства или семейства; торговля комиссіи, разсчитывавшія, сколько денегъ доставили онъ папскому престолу и незабывавшія себя, передавали полномочія свои, сопровождая ихъ богохульствомъ; онъ думалъ упрочить свою власть, грозя страшными церковными наказаніями всѣмъ сопротивлявшимся. На этотъ разъ, однакоже, нашелся человѣкъ, который имъ воспротивился. Между-тѣмъ, какъ Лютеръ, проникнутый убѣжденіемъ, что внутреннее раскаяніе достаточно для умилостивленія Творца, распространялъ его не только въ университетъ и монастырь, но и между священниками въ Виттенбергѣ, явилась по-близости отъ него проповѣдь, довольствовавшаяся вышними обрядами и опиравшаяся именно на тѣхъ теоріяхъ, противъ которыхъ онъ съ своими друзьями, товарищами и учениками такъ усердно ратовалъ. По-близости отъ Виттенберга, въ Ютербокѣ, собирались толпы около доминиканца Іоанна Тецеля, который, между всеми комиссарями папы, отличался самыми постыдными поступками. Въ числѣ покупателейъ были также жители Виттенберга, слѣдовательно, люди изъ самой паствы Лютера. Могло ли остаться безъ боя такое близкое сопрякосновеніе двухъ началъ совершенно-противныхъ, уничтожающихъ другъ друга?

Наканунѣ праздника всѣхъ-святыхъ, въ который назначено было раздавать отпущеніе грѣховъ въ соборной церкви, 31 октября 1517 года, приблизилъ Лютеръ къ дверямъ ея 95 спорныхъ тезисовъ «въ опроверженіе действительности отпущенія грѣховъ».

Необходимо вспомнить, что ученіе о церковныхъ поборахъ, отъ котораго произошло право индульгенцій, въ основаніи своемъ противоположно было праву связывать и разрѣшать. Отпущеніе грѣховъ основа-

но на великихъ услугахъ, оказанныхъ церкви: въ такомъ случаѣ потребна сильная власть съ одной стороны, съ другой же соединеніе съ церковію за дѣйствіи въ ея честь и пользу. Право связывать и разрѣшать исключительно проистекаетъ отъ заслуги предъ самимъ Иисусомъ Христомъ: для того необходимо, съ одной стороны, таинство священства, съ другой раскаяніе и исповѣдь. Тамъ мѣра благодати предоставлена на произволъ раздавателю ея; здѣсь же она находится въ неразрывной связи съ покаяніемъ о грѣхахъ. Въ этой распрѣ, Ома-Аквинейскій объявилъ себя въ пользу церковныхъ податей и дѣйствительности проистекающихъ оттуда индульгенцій; онъ же непремѣннымъ правиломъ поставилъ, чтобъ ни одинъ священникъ не могъ распорядиться ими, но только легать, и именно для духовной цѣли; школа его слѣдовала этому правилу.

Лютеръ началъ свое опроверженіе съ этого же внутренняго противорѣчія. Онъ не отривалъ совершенно податей въ пользу церкви, но говорилъ, что ученіе это не приведено въ надлежащую ясность, и что, по-этому, папа не имѣлъ права назначать ихъ, ибо одно только духовное дѣйствованіе принадлежитъ таинственному обществу вѣры. Въ добрыхъ дѣлахъ церкви, каждый имѣлъ участіе и безъ писемъ папскихъ: власть его надъ чистилищемъ простиралась до-тѣхъ-поръ только, куда предстательство церкви отъ него зависало; но и тутъ рождался вопросъ: угодно ли будетъ Богу это предстательство? Раздавать индульгенціи какимъ бы то ни было образомъ, безъ покаянія, противно христіанству. За тѣмъ, онъ опровергалъ каждое слово инструкціи, даваемой продавцамъ отпущенія грѣховъ; и, не смотря на то, онъ видитъ основаніе индульгенцій въ обязанности хранить ключи царства небеснаго, которую Иисусъ Христосъ передалъ апостолу Петру, и въ которой заключается разрѣшающая сила римскаго престола; сила эта простирается на дѣла совѣсти. Но, естественно, она не можетъ простираться на другія дѣла и наказанія. Если человекъ имѣетъ внутреннее сознаніе, что раскаяніе его чисто, то онъ прощенъ совершенно; если же нѣтъ, то никакое письмо ему не поможетъ, и папское отпущеніе имѣть можетъ силу однимъ только указаніемъ благодати Божіей.

Нападеніе сдѣлано было не извнѣ, но изъ самой среды схоластическаго толкованія, по которому основная идея папства: намѣстничество Христу посредствомъ священства, а болѣе всего посредствомъ наслѣдія петрова, оставалась непоколебимою, — но за то рѣшительно опровергаемо было соединеніе всѣхъ силъ церкви въ особѣ папы. Прочитайте эти тезисы, и вы увидите, какой смѣлый, могучій и твердый духъ дѣйствовалъ Лютеромъ: мысли брызжутъ изъ устъ его, какъ искры изъ-подъ ударовъ молота.

Вспомнимъ, что злоупотребленіе папской власти имѣло двѣ стороны: религіозную и политико-финансовую, и потому къ сопротивленію религіозной идеи присоединилось и политическое дѣйствованіе.

Фридрихъ Саксонскій руководствовался положеніями имперскаго сейма, давашаго, въ 1501 году, кардиналу Раймойду весьма-ограниченныя условія касательно индульгенцій; онъ удержалъ въ своихъ рукахъ ис

деньги, за нихъ приобретенныя въ его владѣнiяхъ, съ твердымъ намѣненiемъ употребить ихъ, когда будетъ что-либо предпринято противъ исавриныхъ; напрасно требовали ихъ у него въ послѣдствiи папа и папастоянiю папы, императоръ: онъ считалъ сумму эту тѣмъ, чѣмъ она дѣйствительно была, т. е. собственностью его подданныхъ, и когда разъялись предпрiятiя противъ Турковъ, то употребилъ ее на свой университетъ; теперь еще менѣе онъ расположенъ былъ къ уплатѣ назанемой подати. Напротивъ, сосѣдъ его, курфирстъ Иоакимъ-Бранденбургскiй, строго запретилъ своимъ подданнымъ чѣмъ-либо препятствовать Теделю и его помощникамъ; ясно, что тутъ дѣйствовало участiе брата его, которому доставались значительныя суммы. Тѣмъ сильнѣе юоружился курфирстъ Фридрихъ; онъ и безъ того нерасположенъ былъ къ курфирсту майнцскому по причинѣ эрфуртскихъ споровъ — не изъ законской казны могъ заплатить Альбрехтъ за свою епископскую мантию. Торговля индульгенциами въ Ютербокѣ, отправленiе туда его подданныхъ не менѣе противно было ему въ финансовомъ отношенiи, какъ Лютеру въ духовномъ. Последнее не могло произойти отъ перваго: этого не скажетъ никто при ближайшемъ разсмотрѣнiи дѣла; духовное направленiе было несравненно-выше, самостоятельнѣе, всеобъемлюще вѣтскаго, но и оно имѣло свой зародышъ въ тогдашнемъ состоянiи Германiи. Моментъ великаго мирового событiя возникъ при соединенiи обонхъ.

Мы сказали выше, что никто не вступилъ въ интересы Германiи. Злоупотребленiя церковныя были ясны безчисленному множеству людей, но никто не осмѣливался имъ противиться. Внезапно, безотчетно заключенъ былъ союзъ между монахомъ и государемъ; у нихъ не было предварительнаго согласiя; они никогда не видали другъ друга; стремленiе къ одной цѣли повлекло за собою соединенiе ихъ. Смѣлый монахъ напалъ на непрiятеля; государь не обѣщалъ ему помощи, не обещалъ его — онъ предоставилъ событiю совершаться самому-по-себѣ. Но онъ долженъ былъ хорошо понимать, въ чемъ заключалось дѣло, если правда, что рассказывали о сновидѣнiи, которое представилось ему въ снѣмкѣ его Швейницъ, въ ночь на праздникъ всѣхъ-святыхъ, — въ туманную ночь, когда прибиты были къ дверямъ собора опровергательныя тезисы; ему казалось, будто монахъ вписываетъ свои тезисы такими другими буквами, что ихъ можно было прочесть въ Швейницѣ; перо вынастало болѣе-и-болѣе; оно достигло, наконецъ, Рима, коснулось троннаго вѣнца папы и поколебало его. Онъ протянулъ руку, чтобы держать перо, и — проснулся.

Предпрiятiе Лютера было сильнымъ ударомъ, взволновавшимъ Германiю. Явленiе человека, мужественно начавшаго опаснѣйшiй бой, послужило къ удовлетворенiю всеобщаго требованiя, къ успокоенiю общественной совѣсти. Живѣйшiе интересы связаны были съ успѣхомъ: то: интересъ истиннаго благочестiя противъ вѣшняго прощенiя грѣшителей, интересъ литературный противъ еретиковъ, къ которымъ принадлежалъ Теделъ; интересъ обновленнаго богословiя противъ схоластическихъ догматовъ, которымъ принадлежали вся злоупотребленiя; люте-

ресь свѣтской власти противъ духовной, которую первая желала ограничить; наконецъ, интересъ націи противъ денежныхъ требованій Рима.

Вся эти интересы столкнулись съ интересами противоположными; не менѣе живо должно было действовать сопротивленіе: возстали цѣлыя толпы враговъ.

Университетъ во Франкфуртъ-на-Одерѣ принялъ къ себѣ всѣхъ противниковъ нововведеній. Коврадъ Вильсника пользовался тамъ величайшимъ вліяніемъ; къ нему обратился Тецель, желая сдѣлаться, подобно противнику своему, докторомъ. Съ его помощію, онъ представилъ диссертацию, основаніемъ которой были два тезиса: въ первомъ, онъ старался спасти право отпущенія грѣховъ, предоставленное папѣ, посредствомъ различія между наказаніемъ умиловляющимъ и спасающимъ; во второмъ, онъ поставилъ выше всего власть папы, предоставляя ему одному право толкованія св. писанія и ршенія въ дѣлахъ вѣры; въ то же время, онъ объявляетъ Лютера, хотя не называя его по имени, еретикомъ, закоснѣлымъ безбожникомъ. Эти тезисы нашли отголосокъ на кафедрахъ профессоровъ и проповѣдниковъ. Гогшратевъ, сопровождаая слова свои громами проклятій, возвѣстивъ, что такой еретикъ заслуживаетъ смертнѣю казнь; въ распространенной повсюду рукописи, Іоганъ Экъ говорилъ о вліяніи на него богемскаго яда. Лютеръ не остался ни передъ кѣмъ въ долгу и при каждомъ спорѣ открывалъ себѣ новый путь. Быстро возникли другіе богословскіе вопросы; взгляды Виттенбергскаго-Университета на философію Аристотеля расширили кругъ своего дѣйствія, и когда старые доктора вооружились на нихъ, то увидѣли передъ собою безчисленное множество противниковъ. Весь богословскій міръ Германіи пришелъ въ сильное движеніе.

Наконецъ, посреди волненій германскихъ раздался голосъ изъ Рима. Сильвестръ Мацоллини, доминиканецъ, который, во время распрей Рейхлина, одинъ остановилъ ршеніе комиссіи въ его пользу, счелъ обязанностію взять оружіе противъ новаго еще опаснѣйшаго врага; онъ объявилъ, что будетъ щитомъ папскаго престола противъ августинцевъ и поддержитъ ученіе патрона своего, св. Ѳомы. Это произвело впечатленіе на Лютера, потому-что онъ увидѣлъ первое нападеніе изъ Рима; какъ ни скудны были возраженія Сильвестра, какъ ни легко ему было отвѣчать на нихъ, но онъ удержался: онъ не хотѣлъ еще прямо вооружить противъ себя папу. Когда онъ, 30 мая, отправилъ къ папѣ объясненіе своихъ опроверженій, то старался извинить поступки свои. Онъ не заходилъ еще такъ далеко, чтобъ основывать религію исключительно на одномъ евангеліи, но покорялся ученію святыхъ отцовъ и декретамъ папскимъ; онъ не признавалъ только непогрѣшительности твореній Ѳомы-Аквинейскаго, которая непризнана еще и церковью. «Я могу заблуждаться» говоритъ онъ: «но еретикомъ не буду никогда, какъ бы ни злобствовали враги мои».

Однакожъ туча собиралась все грознее и грознее.

Папскій фискаль, Маріо Перуско, сдѣлавшійся извѣстнымъ во ролюску заговора кардиналовъ, подалъ жалобу на Лютера. Въ судѣ, на-

значеніямъ по этому случаю, единственный богословъ былъ упомянутый нами Сальваторъ, брошенный уже перчатку обвиненному; следовательно, ему нельзя было ожидать пощады.

Политическія отношенія Германіи, разумеется, приняли участіе въ сихъ дѣлахъ. Курфирстъ Альбрехтъ, чувствуя, что виттенбергское наденіе относилось къ нему, отправилъ Тецеля къ Вильсбикъ; въ тецельскихъ тезисахъ Фридрихъ былъ задатъ хотя не прямо, но очень-разъ, какъ государь, могшій воспротивиться еретической злобѣ и не хотавшій сдѣлать, — какъ государь, котораго еретикъ называлъ справедливымъ судіею; по крайней-мѣрѣ, Тецель уверялъ, что курфирстъ имѣлъ большое вліяніе на дядю Лютера.

Таково было духовное состояніе Германіи! Еще ни слова не было произнесено объ отложеніи отъ папы, никто не признавалъ этого отложенія, но уже во глубинѣ народныхъ силъ возставали противъ него недоброжелательство и неповиновеніе; уже заклятые приверженцы его потерпѣли поражение; уже потряслось въ основаніи догматическое зданіе, на которомъ покоилась вся власть его: потребность націи сосредоточиться и составить нечто единое приняла направленіе, враждебное римскому двору. Оппозиція была повидному не важна, но имѣла уже пору въ мнзніи народа и въ помощи сильнаго имперскаго князя.

Если бы въ то время на престолѣ императорскомъ былъ государь, даренный мощною силою духа, онъ вѣрно привялъ бы сторону оппозиціи, чтобъ возобновить старую борьбу съ папою. Не таковъ былъ Максимилианъ: онъ былъ старъ и занятъ только одною мыслію упрочить имперію за внукомъ своимъ Карломъ, а для исполненія этого желанія, ему прежде всего необходимо было сохранить расположеніе духовенства, потому-что средневековыя идеи были еще слишкомъ-сильны, и одна рука папы могла освятить избраніе въ императоры. Другое обстоятельство сблизило ихъ между собою: мы говорили выше о десятинахъ, которой требовалъ папскій дворъ для войны съ Турками; замѣтительно, что Максимилианъ согласился на требованіе папы тогда, какъ вся Европа ему воспротивилась; о сопротивленіи этомъ мы также упоминали и видали, что уснахъ былъ невозможенъ; но теперь, въ союзѣ съ папою, императоръ, надаялся достигъ своей цѣли. Впрочемъ, кромѣ интересовъ денежныхъ, онъ видѣлъ въ этомъ походѣ осуществленіе своей фантазіи; въ пламенныхъ письмахъ уговаривалъ онъ папу, чтобъ тотъ въ сопровожденіи кардиналовъ открылъ походъ подъ знаменемъ креста; представлялъ ему, что тогда вся посыпалась къ нему на помощь, и что война съ неваріанцами сдѣлается общимъ стремленіемъ. Такимъ образомъ, если враждебныхъ отношеній, продолжавшихся столько вѣковъ, папа и императоръ, обнаружили на сеймѣ совершенное единодушіе. Въ исполненіе требованій свѣтскаго властителя, властитель духовный отправилъ туда легата доминиканца, Томаса де-Віо, получившаго титулъ кардинала за ревностную защиту папскихъ нравъ. Принимая буквально предложеніе, что легатъ стоитъ выше короля, онъ явился въ Аугсбургѣ торжественными церемоніями; 1-го августа онъ совершилъ мессу въ соборной церкви, въ присутствіи свѣтскихъ и духовныхъ владыкъ.

лей, и во время ея возложили параднуюскую шапку на голову архиепископа майнцаго, преклонившаго колени предъ алтаремъ, а самому императору передалъ священному шапку и мечъ, какъ знаки папской милости и дружбы. Въ рача еврей, онъ убавлялъ императора вооружиться противъ наследственнаго врага христіанъ, показывая ему возможность завоевать Константинополь и Иерусалимъ и распространить пределы имперіи и державы во все концы міра.

Императора убедить было нетрудно; но не такъ легко имъ было справиться съ имперскими чинами. Мнѣніе короля не было общаго мнѣніемъ Германіи; появились брошюры, отвергавшія намереніе папы или противъ неварныхъ: то были, по словамъ ихъ, флорентинскія возни, чтобъ выманить у Германцевъ побольше денегъ, и что Турки, съ которыми надлежало биться, находятся въ самой Италіи.

Отвѣтъ имперскихъ чиновъ былъ неблагопріятенъ требованіямъ папы и императора: они объяснили, что уже много разъ требованія римскаго престола были невыносимы для Германіи, и что новыя поборы грозятъ ей конечнымъ разореніемъ и нищетою. Особенно подтверждалъ эти жалобы отзывъ епископа литтискаго, представившаго императору и князьямъ списокъ утѣсеній, которые потерпѣла германская церковь отъ римскихъ камердворцевъ. Какъ вшабод императоръ, воображая достигнуть цели съвоей съ помощію папской власти!

Въ переговорахъ о войнѣ съ Турками приняла оппозиція совершенно-новое направленіе. Князья объявляя, что они не могутъ ничего обещать, не посоветовавшись съ подданными своими. Тамъ и окончился аугсбургскій сеймъ.

Подобный результатъ переговоровъ имѣлъ великое значеніе: жизнь народа вырвала стремленіе отложиться отъ прежнихъ средоточія и создать въ федеративныхъ государствахъ автономическую власть. Чтобъ понять вполне сказанное нами, необходимо бросить взглядъ на всенныя отношенія германскихъ князей.

Единство большаго княжества не было еще утверждено ни прочнымъ основаніемъ; были попытки установить общественное правленіе, но она были столь неуспѣшны, что прежній принципъ раздѣленія оставался во всей силѣ, а потому и отношенія обществѣ не были еще приводимы къ надлежащій порядку. Не смотря на то, въ умахъ большаго княжества устремлены были къ единству и порядку; въ большаго же союза общаго начала зимнѣла власть княжескую: всѣхъ догуще-ство внутреннихъ, местныхъ элементовъ вступило въ борьбу съ авторитетомъ властей имперскихъ, и тамъ грозно явилось оно, что более обнаружилось раздѣленіе между нобельскими. Стоя, безъ-сомнѣнія, много содействовали преступки верховнаго главы имперіи, который, вмѣсто спокойнаго дѣйствования по законодательной власти, старался приобрести влияние личными неправильными дѣйствіями. Образъ ея управленія являлъ самыя разнообразныя интересы въ отношеніи ея образцовъ міра.

Въ Вюртембергѣ-Германіи, императоръ намѣчалъ нѣкое общественное правленіе. Курортъ нобельскій не могъ еще забавлять интересъ, пожелаетъ

ныхъ имъ въ недавнюю войну. Въ Наверіи, не смотря на видное вѣровительство императора, юные князья Вильгельмъ и Лудвигъ живо почувствовали, что хотѣтъ воспротивиться ихъ несогласіямъ, соединились и соединенное правленіе свое начали вѣтвюю возвратить, по смерти императора, все отнятое у нихъ. Варіанъ Максимилианъ могъ вложить и на Ульриха, герцога вюртембергскаго, котораго онъ прежде времени объявлялъ совершеннолѣтнимъ, за которымъ утвердилъ вся пріобрѣтенія его, которому, наконецъ, онъ же далъ супругу: казалось, князь этотъ привязанъ былъ къ императору всеми узами благодарности. Сверхъ ожиданія своего, именно въ немъ императоръ встрѣтилъ рѣшительное противодействіе своимъ намареніямъ, взлелеянное гордымъ чувствомъ самостоятельности. Ему не нравилось малое значеніе его въ швабскомъ союзѣ; ему казалось невыносимо, что изъ двадцати-одного голоса на сеймакъ союза, четырнадцать принадлежали иномъ чинамъ, отъ которыхъ зависѣли война и миръ, такъ-что «его нищество и воля находились въ чужихъ рукахъ». Уже въ 1512 году, при возобновленіи союза, онъ отказался вступить въ него и соединился съ его противниками—курфирстомъ пфальцскимъ и епископомъ вюрцбургскимъ. Между крестьянами вспыхнуло сильное возмущеніе; сословія государства принудили его ограничить власть, а советники предложили даже учредить регентство; наконецъ, въ собственномъ домѣ его произошло совершенное разстройство. Къ несчастію своему, онъ пристрастился къ женѣ Ганса фонъ-Гуттена, одного изъ своихъ придворныхъ, и добраго товарища въ битвахъ и на охотѣ. Послѣдній нашелъ случай поговорить объ этомъ съ своимъ повелителемъ; герцогъ узналъ къ позамъ его и умерялъ не препятствовать его любви, потому-что онъ не могъ преодолѣть своей страсти, не могъ жить безъ нея. Но скоро роли ихъ переменялись. Дѣйствительно ли Гуттенъ пріобрѣлъ любовь герцогини Сабаны, супруги Ульриха, или герцогу ложно донесли объ этомъ, но ему показалось однажды, что вѣнчальное кольцо Сабаны на рукѣ Гуттена; ревность его возрѣдела, и онъ такъ же мало умѣлъ владѣть ею, какъ прежде любовью; пригласилъ Гуттена съ собою на охоту, умертвилъ его и, принеся окровавленный мечъ въ свое жилище, положилъ къ постели жены своей. Въ ужасѣ, въ страха за собственную жизнь, она убѣжала сначала къ императору, своему дядѣ, охотившемуся въ окрестностяхъ, потомъ въ Баварію къ братьямъ. Герцогъ жаловалась Сабанѣ на своего мужа Максимилиана и требовала освобожденія друзей своихъ, которыхъ Ульрихъ преслѣдовалъ какъ заговорщиковъ императора и союза. Съ безпримѣрною смѣлостью оставилъ Ульрихъ свою партію и на сеймѣ 1518 года угрожалъ вѣнцу припримененіемъ императора пыткею и даже смертію. Максимилианъ грозилъ въ свою очередь ардами угрожающій судъ и договоръ его исполнять во всей строгости; сверхъ того, онъ требовалъ у сословія освобожденія всѣхъ заключенныхъ темницы изъ герцогствъ. Необходимость заставила его примириться съ курфирстомъ пфальцскимъ, и онъ явился на сеймѣ: слуга требовала податка императора для кооправства въ Беркли-Гармионіи; но дѣла были въ самомъ дурномъ положеніи, и легко можно было предви-

дать, что враждебныя дѣйствія не поведутъ къ добру: являя ихъ разливалося по всей имперіи.

Другая несравненно-важнѣйшая оппозиція образовалась въ Нижней-Германіи и особенно въ домѣ Бургундскомъ.

Еще въ годъ избранія своего (1486), Максимилианъ обѣщаль саксонскому дому владѣнія Юлиха и Берга; въ случаѣ прекращенія мужскаго колѣна; въ 1495 году, онъ снова подтвердилъ свое обѣщаніе. Случай къ исполненію его долженъ былъ скоро представиться, потому-что герцогъ юлихскій, Вильгельмъ VII, не имѣлъ наследниковъ мужскаго пола; но здѣсь и возникли затрудненія. Въ самомъ герцогствѣ ту не явились посторонніе вѣстители; сословія хотѣли лучше соединиться съ соседственнымъ герцогствомъ Клеве и въ-сладствіе этого, выдать дочь герцога юлихскаго за наследника клевскаго; дворянство и городѣ подписали прошеніе императору утвердить за принцессою юлихскою владѣніе ея родителя.

Конечно, императоръ не обратилъ бы никакого вниманія на эту просьбу безъ особенныхъ политическихъ отношеній. Съ-тѣхъ-поръ, какъ Карлъ, сынъ герцога гелдерискаго, сверженнаго Карломъ-Смѣлымъ, возвратился въ наследственнымъ земли, спокойствіе въ нихъ исчезло. Онъ вступилъ въ тѣсный союзъ съ Франціею и сдѣлался ревностнымъ защитникомъ всѣхъ враговъ Австріи. Въ случаѣ несогласія на требованія герцога клевскаго, онъ могъ вступить въ союзъ съ герцогомъ гелдерискимъ. Въ Нидерландахъ обнаружилась опасенія: правительница Маргарита, дочь императора, полагала за лучшее предоставить Юлихъ и Бергъ герцогу клевскому, чѣмъ допустить его къ союзу съ врагами бургундскаго дома, которые, успѣвъ, могли навсегда уничтожить владѣтельство императора въ Нидерландахъ.

Въ Саксоніи предполагали, что императоръ имѣлъ на то и другія причины. Курфюрстъ Фридрихъ пользовался въ имперіи необыкновеннымъ вліяніемъ, которое все болѣе-и-болѣе возрастало; братъ его Эрнстъ былъ до 1513 года архіепископомъ магдебургскимъ; двоюродный братъ его Фридрихъ былъ гофмейстеромъ въ Пруссіи; сестра его Маргарита была въ свирюжествѣ за герцогомъ люнебургскимъ. Въ 1510 году, по смерти Вильгельма, ландграфа гессенскаго, сословія устроили вдову его Анну отъ правленія и регентство передали курфюрсту саксонскому. Неужели императоръ могъ допустить усиліе уже столь мощнаго князя? Какъ бы то ни было, Максимилианъ объявилъ Марію наследницею Вильгельма VII и по смерти его, въ 1516 году, Юаннъ клевскій, окруживъ ея, принялъ во владѣніе Юлихъ и Бергъ; напрасны были все напоминанія, все переговоры саксонскаго дома!

За то, естественно, последовалъ разрывъ герцогства Клеве съ Гелдерномъ и соединеніе съ австрійскимъ домомъ. Между-тѣмъ, Саксонія утратила много своего вліянія: духовныя княжества отыли со смертію ихъ владѣтелей; въ Ландграфствѣ-Гессенскомъ произошла революція, вращавшая бранды правленія Анны, и наконецъ, въ 1548 году, императоръ объявилъ совершеннолетнимъ ландграфа Югана, которому исполнилось 14 лѣтъ.

Австрійская политика умѣла восторжествовать и въ Нидерландахъ и разрушить опасную коалицію противниковъ. Не смотря на свои успѣхи, ей оставалось еще сразиться съ умѣйшимъ изъ имперскихъ князей: на сеймѣ въ Кельнѣ, въ 1512 году, обнаружилась уже оппозиція Фридриха, левѣ выразившаяся на сеймѣ аугсбургскомъ; непріязненные дѣйствія эти имѣли вліяніе на Нидерланды. Племянница курфирста, принцесса люнебургская, вступила въ супружество съ Карломъ гельдернскимъ, который такимъ-образомъ приобрѣлъ себя защитниковъ въ двухъ могущественнѣйшихъ владѣтеляхъ Германіи.

Въ замѣнъ отдаливагося саксонскаго дома, императоръ приобрѣлъ бранденбургскій; онъ старался, чтобъ бранденбургскіе принцы наследовали саксонскимъ, какъ въ титулъ гофмейстера, такъ и въ званіи архіепископа магдебургскаго; потомъ благопріятствовалъ юному архіепископу магдебургскому въ его домогательствахъ на полученіе курфиршества майнцскаго, бывшаго во владѣніи брата Фридрихова.

Въ-слѣдствіе рассказанныхъ нами обстоятельствъ, въ германскихъ земляхъ возникли два противоположныя политическія направленія. За Австрію стояли Баварія, большая часть Бранденбурга, Гессенъ, Клеве, Ольденбургъ, Данія, Каленбергъ, Вольфенбюттель, Альбертинская Саксонія; къ оппозиціи принадлежали: Эрнестинская Саксонія, Померанія, Лауенбургъ, Люнебургъ, Виртембергъ и Гельдернъ.—Герцогъ гельдернскій первый обнаружилъ явное противодѣйствіе: въ 1517 году, войска его разсыпались по Голландіи, опустошая и истребляя все на пути; въ 1518 году, появился въ Зюдерзе фрисландскій корсарь Гроотъ Паръ, и герцогъ употребилъ все свое вліяніе, чтобъ поддерживать безпрерывное волненіе въ Фрисландіи. Мѣняе-рѣшительное, какъ-бы посредствующее мѣсто занимали между обоими направленіями Пфальцъ и Мекленбургъ. Мы говорили выше, что курфирстъ пфальцскій не забылъ потерь своихъ въ наследственную войну: Францъ Сиккингенъ, храбрый рыцарь, находившійся въ его службѣ, бросился въ Гессенъ во время аугсбургскаго сейма, съ войскомъ, состоявшимъ изъ 500 всадниковъ и 800 пѣшихъ вояковъ, осадилъ Дармштатъ и взялъ тяжкую контрибуцію. Императоръ протестовалъ—было противъ такого нарушенія мира, но потомъ, изъ опасенія удалить отъ себя Пфальцъ, онъ принялъ къ себѣ въ службу Сиккингена.

Въ такомъ положеніи находился императоръ Максимилианъ въ концѣ своего поприща.

Мнѣніе, приписывающее ему творческую идею прочной имперской конституціи, совершенно-несправедливо. Напротивъ, идеи правильной организаціи, возникшія въ первые годы его царствованія, нашли въ немъ скорѣе сопротивленіе, нежели содѣйствіе, чему доказательствомъ служатъ разсѣдненіе имперскихъ князей и неспособность его удержать ихъ въ согласіи. Въ Италіи все было потеряно; Швейцарія приобрѣла большую самостоятельность; политика Франціи снова возымѣла вліяніе на внутреннюю Германію. Гельдернъ и даже Виртембергъ открыто приняли сторону этой державы.

Славною памятью, оставленною Максимилианомъ между современника-

ни, обязанъ онъ болѣе своими личными качествами, чѣмъ успѣху своихъ предпріятій.

Вся дары природы достались ему въ удачу: здоровье, даже въ пре-мощныхъ лѣтахъ, стройный станъ, сила, благородный видъ, завязь ко всѣхъ рыцарскихъ упражненіяхъ; удивительная память, удерживавшая все, что онъ слышалъ и видалъ, природная проникательность въ выборъ людей, его окружавшихъ, необыкновенный даръ необратимости, — словомъ, личные его качества внушали къ нему всеобщую симпатію, заставляли говорить о немъ нарѣдъ. Объ его разсказывали дивными приключенія, какъ въ Эмсѣ онъ одинъ-на-одинъ одолевъ медведя, какъ въ Брабантѣ положилъ у ногъ своихъ оленя, который на открытомъ мѣстѣ несся прямо на него; какъ въ брюссельскомъ лѣсу, не имея времени спѣшиться, онъ съ лошади поразилъ разъяреннаго кабана; всѣ эти случаи доказываютъ присутствіе духа и несомнѣнное мужество. Таковъ онъ былъ и противъ непріятелей. Подъ выстрѣлами враговъ, онъ строилъ войско въ боевой порядокъ и одерживалъ побѣду: его-самого видѣли всегда въ сѣчѣ, въ самой срединѣ опасности. Опыты его храбрости, передаваемые изъ устъ въ уста въ часы досуговъ, снискали ему блестящую репутацію. Нельзя назвать его великимъ полководцемъ — онъ имѣлъ только способность устроить войско, сформировать различныя его части. Отряды ландскнехтовъ обязаны ему первою своею организаціею; онъ совершенно переобразовалъ стрельбу и въ этомъ вполне выразился его изобрѣтательный духъ; біографы его сообщаютъ множество сдѣланныхъ имъ улучшеній по этой части. Нельзя не прибавить къ этому замѣчательнаго умѣнья его обращаться съ людьми; князья, осужденныхъ его политикою, онъ вознаграждалъ личнымъ привѣтомъ: «мнѣ не случилось», говоритъ курфирстъ Фридрихъ, «встрѣтить человека въжливѣе его». Дикіе рыцари, которыми онъ ввѣрялъ имперію въ союзъ, такъ были довольны его обхожденіемъ, что у нихъ, по выраженію Гёда фон-Берлихингена, радостію наполнялось сердце при видѣ Максимилиана, и они никогда ничего не предпринимали противъ императорскаго величества и австрійскаго дома. Онъ принималъ участіе въ празднествахъ гражданъ, въ ихъ танцахъ, въ играхъ: тамъ отдыхалъ онъ отъ тяжкихъ и утомительныхъ трудовъ государственнаго управленія. Все, что мы читаемъ о немъ, показываетъ живость ума, откровенность и простосердечіе; онъ былъ храбрый воинъ, добрый человекъ; его любили и боялись.

И въ самой общественной жизни несправедливо будетъ судить о немъ по неудавшимся опытамъ устроить противную конституцію къ имперіи. Въ дѣйствіяхъ своихъ, Максимилианъ имѣлъ болѣе въ виду будущность своего дома, чѣмъ благосостояніе имперіи. Восемьдесятъ лѣтъ, онъ отъ правленія въ Нидерланды и соединеніемъ Бургундіи и Австріи основалъ новую европейскую державу, которая, однакожь, при немъ еще не достигла совершеннаго развитія. Не смотря на то, дѣятельность его имѣла огромное вліяніе на послѣдующія столѣтія: онъ оградила свои владенія въ Австріи отъ Венгровъ, въ Нидерландахъ отъ Французовъ; удержалъ за собою великое испанское наследство, возвысилъ австрійскіе

австрийскому владѣтельству каде Богемію. Какъ различно было воззрѣніе его внука съ теми обстоятельствами, въ которыхъ находился онъ самъ при формуляціи своемъ на престолѣ! Теперь ни одна фамилія не имѣла такнхъ обширныхъ владѣній. Съ этой-то точки онъ и смотрѣлъ на все отношеніе Германіи. До самой половины XV вѣка, Австрія, исключившая изъ Германіи, какъ мощно advanced теперь въ имперію, какъ овладѣла всеми свѣтскими и духовными делами! Несомненно, что имперія, въ цѣльяхъ ея объема, потеряла потери, не не менше справедливы и то, что соединеніе австрийскаго дома съ бургундскимъ, позволивъ соединенію Нидерландовъ съ Германіею, что родственныя связи съ Венгріею и принужденно съ Испаніею открыли націи новый кругъ дѣйствованія. Въ Максимилианѣ было живое предчувствіе грядущихъ событій, составлявшее отличительный характеръ его поступковъ. Ему нечего было созидать, нечего совершать: ему следовало только пригрозить къ будущему, ему назначено было судьбою посреди противоборствующихъ силъ поддерживать и распространять виды своего дома. И дѣйствительно, переговорами, уступками, подарками, онъ успѣлъ прельстить на свою сторону курфюрста бранденбургскаго, майнцскаго, пфальцскаго, шевапскаго, которые, несъ краткихъ предварительныхъ переговоровъ, дались на сейма съ императоромъ и предложили сейму избрать преемникомъ Максимилиану внука его, эрцгерцога Карла; послы богемскіе подтвердили это предложеніе.

На легко было ему склонять на свою сторону курфюрста саксонскаго Фридриха, который имѣлъ важнаго помощника въ Рихардѣ, курфюрстѣ тревирскомъ. Возраженія ихъ состояли въ томъ, что послышанное было бы дѣло некоронешному императору назначить короля римскаго, и что папская булла оспрещала соединеніе Королевства-Неаполитанскаго съ Германіею.

Максимилианъ неутомимо трудился надъ устраненіемъ этихъ препятствій. Онъ велъ переговоры съ Римомъ о переносѣ ему короны (*) и объ уничтоженіи означенной буллы. Обнаружились самыя страшныя предпріятія: императоръ нахърелся отречься отъ престола и остатокъ дней своихъ провести въ Меккоа, для уничтоженія предполагаемыхъ препятствій. Отношенія Германіи онъ думалъ определять въ слѣдующемъ маршѣ, въ собраніи имперскихъ чиновъ, назначившемъ во Франкфуртѣ.

Но ему не суждено было дойти до этого собранія. Онъ занемогъ на пути въ Вельсъ. Все дни болѣзни своей посвящалъ онъ продолженію переговоровъ о своемъ наследствѣ; въ безсонныя ночи, онъ вставалъ себя читать исторію своихъ предковъ: прошедшее и будущее его дома

(*) Максимилианъ требовалъ, чтобъ папа самъ пріѣхалъ короновать его въ Триентъ. Но ему отвѣчали, что коронованіе въ Римѣ не дѣйствительно; еслибъ папа и императоръ были вмѣстѣ въ одной провинціи, то императору лучше было бы отправиться въ Римъ и заставить какого-нибудь кардинала имѣть на себѣ вѣнцы императорскія.

занимало его до последней минуты жизни. Онъ умеръ 12 января 1549 года.

Смерть его совершенно измѣнила начатые переговоры. Према, дело шло объ избраніи короля при императорѣ, теперь же объ избраніи императора, который долженъ былъ непосредственно принять бранды прамѣнія. Будущее Германіи зависело отъ рѣшенія этого вопроса и еще более настоящее, полное опасностей.

Имперіи не имѣла прочнаго постановленія, которое могло бы дать твердую власть глава ея, и потому могли ли имперскіе князья избрать императора изъ среды своей? который изъ нихъ былъ въ состояніи ослабить враждующія партіи и поддержать могущество имперіи передъ прочими державами Европы? Вотъ что занимало тогда всю умы.

Максимилианъ, прежде назначенія внука своего, имѣлъ въ головѣ другія намѣренія: сначала, онъ хотѣлъ передать наследство королю английскому, потомъ внуку Лудвигу, королю венгерскому. Положимъ, что оба эти государя могли имѣть притязанія на императорскую корону; но одинъ былъ слишкомъ далеко, другой недовольно-силенъ и въ собственныхъ владѣніяхъ. Когда же Максимилианъ представилъ наследникомъ внука своего, архидюка Карла, короля испанскаго и неаполитанскаго, то многое говорило въ пользу такого назначенія: онъ былъ германскаго происхожденія; наследственный обладатель Австріи и многихъ нидерландскихъ провинцій. Не было недостатка и въ противникахъ юному принцу; говорили, что онъ не понимаетъ немецкаго языка, что онъ не представилъ никакого доказательства личныхъ качествъ, что множество владѣній не оставляютъ ему свободного времени къ управленію делами имперіи. Къ этому присоединились безпокойства, возникшія въ Австріи, гдѣ, по смерти Максимилиана, сословія установили собственное правленіе, не заботясь о молодомъ далекомъ государѣ, «бѣдномъ мальчикѣ, который, вѣроятно, никогда не увидитъ Германіи».

Посреди такихъ недоразумѣній, естественный соперникъ бургундо-бургундскаго дома, Францискъ, король французскій, возмѣшлялъ виды на императорскую корону. Онъ былъ тогда на высотѣ своего счастья и славы. Битва при Мариньяно, доставившая ему Миланъ, лишила храбрость, которую онъ оказалъ тогда, дали ему значительный вѣсъ въ Европѣ и приобрѣли громкое имя. Съ новымъ Львомъ X онъ былъ въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ; Генрихъ, король англійскій, обѣщавъ ему свое содѣйствіе «словомъ, письмомъ и деломъ». Но важнѣе всего было вліяніе, приобретенное имъ на германскую омовенцію. Малъ говорили о герцогахъ гельдернскомъ и вюртембергскомъ: существованіе одного и всѣ надежды другаго зависели отъ Франціи; съ Пфальцемъ онъ имѣлъ старинныя сношенія; теперь же, и Генрихъ-Люнебургскій принялъ его сторону. Приверженцы Франциска, ходатайствуя за него, особенно поставляли на видъ его храбрость и успѣхъ въ войнѣ съ Турками, которая рано или поздно должна была возгораться.

И прежде и послѣ, короли французскіе имѣли такія же притязанія (Филиппъ Валуа, Лудовикъ XIV), но ни одинъ не имѣлъ столько голоса въ свою пользу, какъ Францискъ I. Для приобритенія желани-

го успеха, ему необходимо было привлечь курфирстовъ на свою сторону и усилить анти-австрійскую партію. Францискъ рѣшился ничего не щадить для достиженія своей цѣли; онъ распустилъ слухъ, что охотно пожертвуетъ тремя милліонами талеровъ, чтобъ сделаться императоромъ. Щедро-надававшій золотомъ, адмиралъ Боннивѣ, его поварами, тайно отравился за Рейнъ.

Неизвестно, далеко ли зашли переговоры съ курфирстами, но достоверно, что они не были безуспѣшны. Съ Поальцемъ заключены уже были условія; Триръ совершенно принадлежалъ французской партіи. Папскій легатъ и его спутники еще-болѣе содѣйствовали Французамъ: они злословили юнаго Карла. Общанія короля превосходили все досель-слышавное; въ Парижѣ увѣряли, что онъ предлагалъ каждому свѣтскому курфирсту 200,000 франковъ въ подарокъ и 100,000 франковъ ежегоднаго пенсіона; каждому духовному половину этого; сверхъ-того, курфирстамъ бранденбургскому и саксонскому льстилъ блистательными брачными союзами. Между-тѣмъ, такъ-называемая французская оппозиція, сдерживаемая только волею покойнаго императора, обнаружилась насильственными дѣйствіями. Тотчасъ по погребеніи его, Ульрихъ-Виртембергскій, снарядивъ войска на французскія деньги, взялъ Рейтлингенъ и задумалъ отмстить герцогамъ баварскимъ. Несколько-позже явился за оружіе епископъ гельдернскій и, во имя Пресвятой Дѣвы, страшно опустошилъ владѣнія врага своего, герцога брауншвейгскаго. Потомъ герцогъ люнебургскій ополчился противъ сосѣдей.

Французы вели также переговоры съ отдаленными предводителями войскъ: въ Верхней-Германіи, между прочими, съ Сляквингомъ, а въ Нижней съ Генрихомъ-Мекленбургскимъ.

Столь разнообразныя переговоры не могли быть успѣшными во всемъ ихъ объемѣ; правда, долгое время всѣ обстоятельства, казалось, благопріятствовали Франциску; при французскомъ дворѣ успѣхъ считали несомнѣннымъ; утверждали даже, что королева-мать заказала себя нарядъ, въ которомъ она могла бы явиться на коронаваніе. Несравненно-выше было честолюбіе самого короля: когда англійскій посолъ спросилъ его, действительно ли онъ имѣетъ намѣреніе, если его изберутъ императоромъ, идти противъ Турковъ, онъ положилъ руку свою на грудь и поклялся, что черезъ три года или умретъ, или будетъ въ Константинополѣ.

Но и австрійская партія въ Германіи не исчезла со смертью императора. Многіе изъ совѣтниковъ Максимилиана и некоторые вельможи нидерландскаго двора, между которыми особенно замѣчательны Цомеборгенъ, образовали въ Аугсбургѣ комиссію, которая, подъ предводительствомъ Маргариты, должна была поддерживать интересы австрійскаго дома. Австрійцы также не щадили денегъ и имели то преимущество, что торговый домъ Фугтеровъ, исключительно-завадывавшій денежными дѣлами Германіи, принялъ ихъ сторону и отказался помогать Франціи.

Сверхъ-того, король Францискъ не принадлежалъ къ Германіи, и могъ ли рѣшиться поддѣлывать курфирстовъ такъ легкомысленно вѣрности не-

рану на глупую чужеземца, призывающего самовластно распространяться въ область независимых и грозившаго свободѣ имперіи?

Австрійскою партией много содействовало возстанію баварскаго Карла-теоберга; некоторые изъ совѣтниковъ желали ширшаго окончанія этихъ спутъ; но болѣе-дальновидные старались возбудить войну, предвидя, что имъ на долю выпадетъ побѣда. Швабскій съюзъ, возбужденный старыми и новыми побѣдами, готовъ былъ выступить въ поле. Французъ Садриганъ заключилъ условія съ Бургундіею, вѣдая отъ нея деньги, прервалъ все сношенія съ Франціею и обѣщалъ съ своими рейтарами поддерживать все дѣйствія союза. Оставалось только заключить все волненія въ настоящіе дѣя предѣлы, отнравить всеобщую борьбу и особенно удержать Швейцарцевъ отъ участія въ дѣлахъ вюртембергскихъ. Герцогъ Ульрихъ завербовалъ въ свое войско до 16,000 Швейцарцевъ, а старая вражда между союзами могла вспыхнуть снова, къ удовольствію ворада французскаго.

Замѣчательно, что обладаніе короною Германіи преимущественно завсело отъ Швейцаріи; здесь—то австрійскіе свѣтлицы поддѣлялись брате всего подъ вліяніемъ французское. Кардиналъ Зиттенъ, старшій пражскій архіепископъ Австріи, смѣлшій въ тайныхъ переговорахъ, отправился въ Цюрихъ и долго не удавался на успехъ (*). Наконецъ, въ помощь къ нему прибылъ Церинбергеръ; общими силами начали дѣйствовать успешно, денегъ не щадили, старались напомянуть Швейцарцевъ все обиды, имъ нанесенныя, необходимость мщенія за кровь дѣхъ собратій, пролитую въ послѣдней войнѣ. Болѣе всего подвѣствовало на нихъ убѣжденіе, что Франція, съ приобращеніемъ императорской короны, захватитъ столько власти, что не будетъ имѣть нужды ни въ комъ, ни даже въ Швейцарцахъ. Однимъ словомъ, Австрійцамъ удалось привлечь къ себѣ Цюрихъ. Сеймъ осмѣлился намекнуть королю Франциску, что онъ можетъ довольствоваться своими наследственными владѣніями и возобновить старыя связи съ Австріею; въ то же время, онъ отозвалъ своихъ единоземцевъ, приставшихъ къ войску герцога Ульриха, котораго изложеніе было рѣшено. Въ то самое время, когда грозныя псына долетали къ нему со всехъ сторонъ и сильныя войска союзническія готовы были вторгнуться въ его земли, онъ былъ оставленъ одинъ, на кого только могъ положиться, потому—что вюртембергскій союзникъ не умѣла сражаться, а конница его была гораздо—лучше союзнической. Союзъ не встрѣчалъ сопротивленія; 21 апрѣля, войска его взяли Тюбингенъ, гдѣ заколомы дѣти герцога; самъ же онъ—былъ—принужденъ оставить государство.

Побѣда столь важная, покореніе такого значительнаго княжества рѣшило вѣрность австрійской партией во всей Верхней-Германіи.

Подобное этому происшествію въ Нижней-Германіи. Въ концѣ мая герцогъ церинбергерскій и польско-баварскій оккупировали свои владѣнія и взяли въ осажденныя города Гессенъ и Майнцъ. Они ре-

(*). На Чешскомъ не только австрійскими, но и французскими войсками.

орили Вальденштейнъ и, грабя все на пути, ринулись въ область Лангебургскую. Чтобы дать понятіе объ ихъ опустошеніяхъ, довольно сказать, что они зажгли однажды 50 деревень вмѣстѣ, не считая даже церквей, и при блескѣ пожаровъ обогащались огромною добычей. «Они были горды и мужественны» говоритъ современная пѣсня: «много у нихъ было серебра и красного золота; ходили они въ бархатѣ, носили золотыя цѣпи; вели за собою 2,000 повозокъ.»

Поощряя междоусобія, Франція думала достигъ своей цѣли; но эти междоусобія въ самыя рѣшительныя минуты принимали оборотъ благоприятный для Австрійцевъ. Этимъ не замедлили воспользоваться агенты австрійской партіи: въ концѣ апрѣля, прѣбывъ въ Германію испанскій повѣренный въ дѣлахъ, который сдѣлалъ самыя блестящія предложенія курфюрсту майнцкому; съ-тѣхъ-поръ, архіепископъ слылъ ревностнымъ приверженцемъ Карла: всю силу, которую онъ имѣлъ въ Германіи по званію архиканцлера, бросилъ онъ на чужью въ пользу короля Карла. Такимъ же образомъ пріобрѣтены были голоса курфюрстовъ пфальцскаго и кѣльнскаго. Король богемскій вздумалъ-было сопротивляться, но скоро увидѣлъ, какъ мало можно было оппозиціи надѣяться на успѣхъ, и рѣшился принять сторону австрійскаго дома, съ которымъ находился въ такомъ близкомъ родствѣ. Оставались только Триръ, Бранденбургъ и Саксонія; австрійскіе уполномоченные употребляли все способы привлечь и тѣхъ на свою сторону.

Триръ былъ непреклоненъ: Іоакимъ самъ имѣлъ отдаленныя надежды. Тамъ болѣе устремилось все вниманіе Австрійцевъ на величайшаго противника своего, Фридриха-Саксонскаго. Голосъ саксонскаго курфюрста необходимъ былъ для законнаго большинства; отъ него принять участіе въ переговорахъ аугсбургскихъ увеличилъ важность его согласія. Нравственный авторитетъ, общественное мнѣніе зависели отъ этого голоса, и надо было все испытать, чтобы склонить его на свою сторону; но это было необыкновенно-трудно. Курфюрстъ Фридрихъ не хотѣлъ и слышать о переговорахъ, запретилъ служителямъ своимъ принимать подарки, даже отказывался объяснять свое мнѣніе до дня выборовъ.

Испытывая всѣ средства съ полною увѣренностью, что ко всему на землѣ можно найти доступъ, уполномоченные рѣшились сдѣлать послѣднюю попытку и, для уничтоженія всякаго несогласія между Австріею и Саксоніею, брату курфюрста, герцогу Іоанну, они предложили въ супружество за сына его Іоанна-Фридриха, наследника курфюрства, достоинство, эрцгерцогиню Екатерину, сестру короля Карла. Курфюрстъ Фридрихъ не принималъ участія въ этихъ переговорахъ, но и не препятствовалъ имъ; послы полагали, что отъ окончанія ихъ зависитъ успѣхъ выбора, и сообщили о томъ королю въ Испанію, предлагая предположенный имъ бракъ единственною средствомъ къ достиженію цѣли. Король немедленно изъявилъ согласіе и предоставилъ имъ полномочіе распорядиться окончаніемъ переговоровъ. Съ своей стороны, герцогъ Іоаннъ представлялъ своимъ советникамъ такое же предложеніе, заключившееся въ слѣдующихъ словахъ: «уважаю достоин-

ства испанской короны, или и роль знаменитого дома австрийского, я более всего желаю, чтобы сынъ мой вступилъ въ бракъ съ высокою княжною Екатериною.»

Предположеніе такого союза не было обнародовано, но о немъ догадывались, и въ успехахъ не было сомнѣнія.

Во время спора двухъ королей объ императорскомъ вѣнцѣ, король англійскій, Генрихъ VIII, надѣялся возложить его на свою голову; но посолъ Генриха, смотря на все съ торговой стороны, нашелъ, что этотъ вѣнецъ — товаръ слишкомъ-дорогой для нихъ, и въ письмѣ отъ 12 іюня объявилъ, что вся надежда потеряна.

Тогда подали голосъ легаты папскіе. Еще прежде, при напоминаніи объ обязанностяхъ Карла, какъ короля неаполитанскаго, курфирсты рейнскіе навсегда отказались повиноваться требованіямъ папы, относительно императорскаго избранія. Видя совершенную невозможность что-либо сдѣлать, Левъ X сказалъ имъ, что «лбомъ станы не пробьешь», и далъ свое согласіе на избраніе короля испанскаго и неаполитанскаго.

Когда курфирсты собрались во Франкфуртъ, король Францискъ былъ уже на опасеніи. Сильно было другое желаніе — избрать императоромъ одного изъ германскихъ князей. Говорили о курфирствѣ Іоакимѣ, но собственные родственники, особенно братъ его, курфирствѣ майнцскій, были противъ него: они находили, что императорское достоинство сопряжено было съ усиліями и расходами, которые разорилъ бы въ-концѣ все ихъ семейство. Гораздо-важнѣе было намѣреніе собранія относительно курфирства Фридриха-Саксонскаго. По участію Фридриха въ дѣлѣ лютеранства и по народности его направленія, величайшія перемѣны могли произойти въ Германіи. Курфирсты единодушно соглашались выбрать изъ среды своей того, кто былъ бы способенъ поддержать имперію: — если бы Фридрихъ былъ честолюбивъ, еслибъ онъ былъ не такъ старъ и обладалъ меньшей предусмотрительностью, то онъ легко могъ бы покрыть голову свою вѣнцомъ императорскимъ, но онъ долго изучалъ дѣла имперіи, и хорошо понималъ, что необходима мощная власть для обузданія этихъ гордыхъ, сильныхъ князей, эти стремившіеся къ независимости общины. Не смотря на твердо-пріятое рѣшеніе, онъ спросилъ однажды мнѣнія у придворнаго своего, Филиппа Сольмса. Тотъ выразилъ свое опасеніе, что государь его не будетъ въ состояніи воспользоваться карающею силою. Фридрихъ отвѣчалъ, что онъ самъ такъ же мыслитъ, и отклонялъ отъ себя избраніе. Пришло время, когда скрываться уже было поздно: онъ объявилъ себя въ пользу Карла. Голосъ его утвердилъ рѣшеніе, доселѣ колебавшееся.

По древнему обычаю, 28 іюня загудѣлъ призванный колоколъ, и курфирсты, облеченные въ шати изъ алаго сукна, собрались въ низенькой, тѣсной, полутѣсной часовнѣ, на хорахъ Церкви св. Варволомы, служившей имъ конклавомъ. Между избирателями уже не было разногласія. Курфирствѣ майнцскій спросилъ трареннаго: кого избирать онъ? — Траренскій назвалъ Карла-Австрийскаго, герцога бургундскаго и

короля испанскаго. То же повторили они иса: французскій король не ималъ ни одного голоса.

Избрали такого могущественнаго принца, курфирсты принимали въ соображеніе и права имперіи. Они предложили Карлу дозвольно-строгую конституцію: по ней Германція исключительно должна была занимать все места; даламъ несложно было входить на немедоннъ языкъ, а имперскіи собранія происходить внутри границъ имперіи. Курфирсты не забыли также и собственныхъ правъ: ихъ должно было призывать на имперскій советъ; безъ ихъ участія не начинать войны, не заключать мира, не налагать податей; что приобращено будетъ войной съ совета и съ помощію чиновъ, то останется навсегда достояніемъ имперіи.

Здѣсь открываются новыя замыслы. Правда, князья избрали себя могущественнаго главу; но положеніе его, требовавшее частаго отсутствія, не благоприятствовало ли развитію ихъ собственной власти? При государь, которому надлежало управлять столькими землями, поддерживать столько войнъ, они могли произвести реформу въ постановленіяхъ имперіи и принять непосредственное участіе въ дѣлахъ ея...

Какое странное сдѣланіе обстоятельствъ содѣйствовало избранію Карла-Пятаго! Щедрые денежныя подарки князьямъ, ихъ приближеннымъ и советникамъ, въ которыхъ приняли участіе курфирсты тирарій и герцогъ Гансъ-Саксонскій; приобращеніе новыхъ правъ, родственное союзы, заключенныя или предложенныя; опасенія войскъ швабскаго союза, бывшихъ на жалованьи у Австріи и стоявшихъ уже въ походъ; уваженіе къ дому, давшему многихъ владетелей имперіи и пользовавшемуся обычнымъ уваженіемъ; опасность, грозившая всамъ при именіи избранія; ожиданія благоприятныхъ сдѣланий — все совокупилось, чтобы уничтожить частныя несогласія, чтобы возбудить единодушное чувство.

Нельзя не прибавить, что счастье много содѣйствовало избранію. Вѣдь избраніа, почти въ самый часъ его, обнаружилось въ Нижней-Саксоніи возстаніе, которое, еслибъ случилось нѣсколько-ранее, легко могло бы принести дѣло въ сомнительное положеніе и оживить французскую партію.

Гельдерскіе рейтары явились къ Генриху-Люнебургскому и безъ отлагательства уговорили его выступить въ походъ настрѣчу войску родственниговъ своихъ, обремененному добычею; удалено отъ Зольдана сошелся онъ съ ними и на мѣсть, не дождавшися своей вѣхоты, сдѣлалъ нападеніе. Конница составляла всю его силу; прежде всего, она бросалась на непріятельскія орудія, овладѣла ими, потомъ ринулась на лучшіе отряды вѣхоты съ такою силою, что вновь-набранные солдаты побросали свое оружіе и обратились въ бѣгство; воспламененные такимъ успѣхомъ, они сдѣлали сильный натискъ на каленбергскую конницу. Здѣсь встрѣтили они сильное сопротивленіе: герцогъ Эрихъ-Каленбергскій, занятый по большъ перьямъ на шлемъ, прорвался въ ихъ ряды; но Люнебургцы превосходили числомъ его воиновъ и одержали совершенную побѣду: самъ Эрихъ, братъ его Вильгельмъ и 120

решился полагаться на помощь не прикарловцама короля французского.

Мы заметили выше, что победа эта, одержанная въ самый день избрания, не помогла никому. Победители должны были отказаться отъ всякаго союза съ Франціею, а побежденные нашими пособіе и поддержкою у императорскихъ Карла-Макса въ Аугсбургъ.

Ища болѣе-разширительное посредствіе пришло дело Верхней-Германіи. Вуртембергъ перешелъ совершенно въ руки Австрійцевъ. Поводомъ было то, что герцогъ Ульрихъ захватилъ внезапно власть въ своемъ владѣніи и изгнанъ былъ вторично по настоятельнымъ требованіямъ союза. Союзу сдѣлалось тягостнымъ обстоятельство завоеваніе: старые военные расклады, уплаты которыхъ требовалъ немедленно, были увеличены новыми. Съ радостію члены союза отправились съ предположеніемъ императору вернуть себѣ и дѣтей герцога подлѣ его покровительства. Въ окрестіахъ 1520 года, принявъ императорскіе уполномоченные управленіе страню. Такое распоряженіе увелило войскъ; но уполномоченные не читали избраніе побѣдою австрійской партіи и дѣйствовали въ этомъ смыслѣ.

Не такого мнѣнія были курфюрсты и особенно Фридрихъ-Саксонскій, они хотѣли ввести правленіе, въ которомъ чины имперскіе были бы преимущественно оставлены совѣтъ. По-видимому, и при испанскомъ дворѣ одобряли такое намѣреніе: по рунку было письмо, въ которомъ курфюртъ Фридрихъ назначался президентомъ совѣта. Только уполномоченные не считали нужнымъ созывать сеймъ, такъ мало назидать совѣтъ. Они не хотѣли имѣть чиновъ, и старались посредничать, все вышло въ смыслѣ рунку, что все неудачливо: они считали несправедливо дарственную продолженіемъ предъидущаго.

Третьею оцѣнка Германіи молодого государя. Но его малолѣтствіе изъ свѣта, никакъ было надеяться всеобъемлющаго взгляда на дела и отношенія имперіи; вся письма его доказывали это. Именно курфюрсту Фридриху писала она, что курфюртъ не ошибся, доверъ помощь: она въ помощь благодарнаго государя: въ окрестіахъ времени прибрѣтъ она сама, собирать сеймъ и улаживать чорякомъ дѣла по совѣту его свѣдѣтъ. «Но мнѣ говорять она: «опираемъ мы отъ совѣта и мудрости твоего управленія.»

Къ этому необходимо присоединить, какъ еще до прѣбыванія Карла разсѣрженіи дѣйствіи приняли такой оборотъ, какъ желаніе его въ Германіи получить должную помощь—для имперіи и для царствъ.

III.

СОВРЕМЕННАЯ ХРОНИКА РОССИИ.

ОБОЗРѢНІЕ СОВРЕМЕННАГО ДВНЖЕНІЯ РУССКАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И РАСПОРЯЖЕНІЙ ПО ГОСУДАРСТВЕННОМУ УПРАВЛЕНІЮ ЗА ІЮЛЬ 1844 ГОДА.

I. ГУБЕРНСКІЯ УЧРЕЖДЕНІЯ (Измѣненіе и дополненіе состава и правъ ихъ.)

— Высочайше утвержденъ новый штатъ для Московскаго Горнаго Правленія, съ тѣмъ, чтобъ 1) исчисленную по оному сумму вносить въ роспись расходовъ горныхъ съ будущаго 1845 года, а добавочный на текущій годъ расходъ, равно высшіе по новому штату оклады производятъ лишь съ особаго утвержденія главноуправляющаго, на счетъ остатковъ отъ сметныхъ сего года суммъ горныхъ; и 2) за сими прекратить съ 1 января 1845 года отпускъ всѣхъ частныхъ суммъ, доселѣ на содержаніе Московскаго Горнаго Правленія отпускавшихся, за изъятіемъ собственно суммъ на Московскую Пробирную Палатку положенныхъ, которыя продолжать производить по-прежнему (Высоч. повел. 16 іюня).

— Учреждены армарки: 1) въ г. Наровчатъ съ 14 по 26 число сентября, подъ именемъ воздвиженской; 2) въ г. Петровскъ, Саратовской-Губерніи, съ 1 по 10 декабря.

— По вопросу: кто обязанъ выдавать паспорта вдовамъ и дочерямъ умершихъ въ отставку военныхъ генераловъ, штаб-и-обер-офицеровъ и нижнихъ чиновъ, постановлено: вдовы и дочери умершихъ въ отставку нижнихъ чиновъ, если онѣ, кромѣ оставшихся у нихъ послѣ мужей или отцовъ ихъ указовъ объ отставкѣ, встрѣтятъ надобность въ особыхъ безсрочныхъ видахъ на свободное жительство, снабжаются оными: проживающія въ губернскихъ городахъ отъ губернскихъ пра-

влейшій, а въ уездныхъ городахъ — отъ городничихъ или полиціймейстеровъ; проживающіе въ уездахъ — отъ земскихъ судовъ. Виды же на временныя отлучки должны быть выдаваемы: пребывающимъ въ городахъ отъ городничихъ или полиціймейстеровъ, и проживающимъ въ уездахъ отъ земскихъ судовъ. Выдача паспортовъ, видовъ и билетовъ для временныхъ отлучекъ живущимъ въ казенныхъ селеніяхъ солдатскимъ женамъ и вдовамъ, изъ сословія государственныхъ крестьянъ и свободныхъ хлѣбопашцевъ остается на основаніи существующихъ особыхъ о томъ правилъ. 2) Снабженіе видами и паспортами вдовъ и дочерей умершихъ въ отставку военныхъ генераловъ и офицеровъ, если оны, кромѣ оставшихся у нихъ послѣ мужей или отцовъ ихъ указовъ объ отставкѣ, встрѣтятъ въ томъ надобность, производится на основаніи общихъ правилъ, для семействъ неслужащихъ дворянъ постановленныхъ (Ук. Сен. 24 іюня).

— Въ Оренбургскую-Губернію назначены, сверхъ состоящихъ тамъ по штату двухъ ветеринаровъ, еще два ветеринарные врача и четыре помощника (Выс. пов. 8 іюня).

II. Постановленія относительно службы гражданской.

— Въ должности бібліотечарей и подбібліотечарей Императорской Публичной Библіотеки и младшихъ бібліотечарей Румянцовскаго Музеума дозволено, въ случаѣ надобности, определять иностранцевъ на следующемъ основаніи: 1) во все время службы ихъ въ означенныхъ должностяхъ считать ихъ свободными отъ избранія другаго рода жизни и за-урядъ въ тѣхъ классахъ; къ коимъ должности сіи отнесены, съ правомъ на мундиръ и пенсію, имъ присвоенные; 2) предоставить на волю сихъ иностранцевъ принимать присягу на подданство или только на вѣрность службы, и 3) въ чины производить ихъ не иначе, какъ по полученіи ими ученой степени.

— Должность непрѣмного члена Совѣта Московскаго Дома Трудолюбія отнесена къ VI разряду, должность инспектора классовъ въ означенномъ Домѣ къ IX разряду и должность правителя дѣлъ Совѣта къ VIII разряду.

— Постановлено, что право на пенсію наравнѣ съ классными горными чиновниками и ихъ семействами имѣютъ тѣ только изъ служащихъ при златоустовской оружейной фабрикѣ иностранныхъ мастеровъ, которые вызваны были изъ-за границы по распоряженію правительства и служили на фабрикѣ до 20 октября 1817 года, а равно и ихъ семейства; прочимъ же иностраннымъ мастерамъ, поступившимъ на фабрику не по вызову правительства, или послѣ 20 сентября 1817 года, а равно и ихъ семействамъ, также подмастерьямъ и работникамъ изъ дѣтей иностранцевъ, назначать пенсіи на правилахъ, для русскихъ мастеровъ, подмастерьевъ и работниковъ установленныхъ.

— Должность помощника инспектора классовъ Сиротскаго Института Санктпетербургскаго Всенятельнаго Дома отнесена къ IX классу по росписанію должностей.

III. Постановленія относительно состояній.

— Высочайше утверждены правила усыновленія питомцевъ Санктпетербургскаго Воспитательнаго Дома казенными крестьянами. Предлагаемъ извлеченіе. Право это предоставляется крестьянамъ государственнымъ, государевымъ, удѣльнымъ и дворцовымъ, кромѣ принадлежащихъ къ петергофскому вѣдомству, поселеннымъ въ Губерніяхъ: Санктпетербургской, Новгородской и Псковской. Каждому изъ сихъ крестьянъ Деревенская Экспедиція Воспитательнаго Дома выдаетъ 30 р. сер. съ отдачею избраннаго имъ питомца, который долженъ имѣть отъ рожденія не менѣе восьми лѣтъ и быть снабженъ особымъ свидѣтельствомъ. Крестьянинъ, усыновившій питомца, пріобрѣтаетъ надъ нимъ власть и всѣ права родительскія; но съ тѣмъ властью обязывается пещись объ усыновленномъ, какъ о родномъ сынѣ, и если уже имѣетъ, или послѣ того приживетъ въ законномъ бракѣ дѣтей, то дать ему съ ними равное право въ наследіи послѣ смерти своей, безъ нарушенія впрочемъ существующихъ правилъ о раздѣлѣ крестьянскихъ семействъ и ихъ имущества. Усыновленный такимъ образомъ питомецъ обязанъ нести всѣ повинности крестьянина. Въ семействѣ крестьянина, усыновившаго воспитанника, по достиженіи симъ послѣднимъ узаконеннаго возраста для поступленія въ военную службу, рекрутская повинность исполняется согласно общему узаконенію въ ст. 103, т. IV Св. Зак. (изд. 1842 г.) изложенному, за исключеніемъ усвоеннаго въ ней родителямъ права отдачи рекрутъ по ихъ избранію. Если крестьянинъ принадлежитъ къ лютеранскому вѣроисповѣданію, то онъ обязывается содержать усыновленнаго имъ воспитанника въ православной вѣрѣ. По достиженіи усыновленнымъ питомцемъ полного совершеннолѣтія, т. е. двадцати лѣтъ съ годомъ, выдается усыновившему его крестьянину, или вдовѣ его, а въ случаѣ смерти обоихъ, старшему въ семействѣ, заступившему мѣсто домохозяина, въ награжденіе еще 30 р. сер., если означенныя лица окажутся заслуживающими сего награжденія какъ по родительскому попеченію объ усыновленномъ, такъ и по поведенію своему. Тѣмъ изъ усыновленныхъ питомцевъ, которые, съ согласія усыновившихъ ихъ крестьянъ и начальства своего, будутъ водворяемы на особыхъ участкахъ земли, выдается на первое обзаведеніе потребностямъ сельскаго хозяйства по 30 руб. сер. (Выс. пов. 18 мая).

— Относительно дворовыхъ людей, заложенныхъ съ имѣніями въ банковыхъ установленіяхъ, повелѣно: 1) Изъ числа дворовыхъ людей, значащихся таковыми по 8 народной переписи при имѣніяхъ, заложенныхъ въ банковыхъ установленіяхъ (Заемномъ Банкѣ, Опекунскихъ Совѣтахъ и приказахъ общественнаго призрѣнія) дозволяется помѣщикамъ отпускать на волю безъ взноса выкупныхъ денегъ и безъ испрошенія предварительнаго согласія тѣхъ установленій до 10 душъ мужскаго пола на каждыя 100 душъ, состоящихъ вообще въ залогъ одного изъ означенныхъ установленій, по выданному на сей предметъ свидѣтельству. Что касается до дворовыхъ душъ женскаго пола, за которыхъ нынѣ въ банковыя установленія выкупныхъ денегъ не взносится, то увольненіе ихъ разрѣшается на основаніи общихъ правилъ, безъ

ограниченія числа душъ. 2) Если помѣщикъ, по своимъ хозяйственнымъ расчетамъ, признаетъ за нужное отпустить дворовыхъ людей болѣе 10 душъ на сто, то обязанъ за каждую сверхъ того числа душу, вносить слѣдующія банковому установленію деньги по расчету. 3) Мѣстамъ, въ которыхъ подобныя отпускныя будутъ совершаться, или куда оныя для записки у крѣпостныхъ дѣлъ будутъ явлены, вменяется въ обязанность немедленно, по выдачѣ отпускныхъ, уведомлять о томъ банковыя установленія по принадлежности. По полученіи сихъ извѣщеній, банковыя установленія исключаютъ уволенныхъ людей изъ числа состоящихъ у нихъ въ залогъ, какъ на случай продажи имѣнія за неплатежъ долга, такъ и для перезалога имѣнія съ новаго срока. 4) При освобожденіи банковыми установленіями, на основаніи существующихъ правилъ, частей заложенныхъ имѣній, по мѣрѣ уплаты долга, отпущенные дворовые люди, безъ взноса за нихъ выкупныхъ денегъ, не считаются въ число душъ, освобожденныхъ отъ залога, если уволенные дворовые люди не превышаютъ десяти на сто всего числа душъ, остающихся въ залогъ за предполагаемымъ освобожденіемъ части имѣнія. 4) На семь же основаніи дозволяется отпускать на волю дворовыхъ людей изъ имѣній, представленныхъ въ залогъ по питейнымъ откупамъ и вообще по казеннымъ подрядамъ и поставкамъ съ тѣмъ, чтобы подлежащія казенныя палаты или другія вѣдомства, гдѣ имѣніе принято въ залогъ, немедленно по выдачѣ отпускной извѣщаемы были отъ подлежащихъ мѣстъ, для исключенія уволенныхъ людей изъ числа принятыхъ въ залогъ (Ук. Прав. Сен. 4 іюля).

— Въ именномъ Высочайшемъ указѣ, данномъ въ 12 день іюня сего года Правительствующему Сенату, изображено: «Указомъ Нашимъ 1842 года апрѣля 2 дня дозволяли Мы помѣщикамъ крѣпостныхъ людей своихъ обращать въ обязанные крестьяне, съ надѣленіемъ ихъ участками земли въ пользованіе за условенныя повинности. Считаая полезнымъ тѣмъ изъ владѣльцевъ, которые сами пожелають увольнять своихъ дворовыхъ людей безъ земли, также за условенныя повинности, доставить къ тому возможность, обезпечивъ точное исполненіе означенныхъ повинностей особенными мѣрами взысканія, признали Мы за благо, согласно съ представленіемъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, разсмотрѣннымъ въ Государственномъ Совѣтѣ, постановить слѣдующія для того правила: 1) Владѣльцамъ, желающимъ отпустить дворовыхъ своихъ людей на волю безъ земли, дозволяется заключать съ ними, по обоюдному согласію, договоры о платежѣ сими послѣдними особыхъ суммъ, въ одинъ или нѣсколько сроковъ, или же ежегоднаго оброка во смерть владѣльца, или на определенное число лѣтъ. 2) Договоры эти, какъ и самыя отпускныя, писать у крѣпостныхъ дѣлъ или домашнимъ порядкомъ, за руками свидѣтелей, не менѣе двухъ, на гербовой бумагѣ въ 90 к. сер. или хотя и на простой, но со взысканіемъ цѣны гербоваго листа, и вносить въ книги у крѣпостныхъ дѣлъ, въ которыя вносятся отпускныя, на основаніи 1063, 1064 и 1065 ст. Св. Зак. о Сост. (т. IX, изд. 1842 г.). 3) Отпущенныхъ такимъ образомъ на волю считать навсегда свободными отъ крѣпостнаго состоянія со времени дого-

вора и выдачи отпускной, наравнѣ съ другими вольноотпущенными, отъ которыхъ они ни въ чемъ не должны быть отличаемы. 4) Въ случаѣ несправности въ платежѣ такими вольноотпущенными слѣдующихъ по договору суммъ, предоставляется владѣльцу взыскивать ихъ чрезъ посредство мѣстной полиціи изъ всякаго движимаго и недвижимаго имѣнія вольноотпущеннаго, преимущественно предъ всеми казенными и частными долгами и повинностями; при несостоятельности же его къ немедленному платежу, брать его въ рекруты и выдавать за него прежде владѣльцу квитанцію, съ правомъ представить ее къ зачету за свое имѣніе, или же, буде онъ не владѣетъ имѣніемъ, за которое могъ бы представить квитанцію къ зачету, продать ее другому по желанію. 5) Если подобные люди окажутся совершенно-неспособными къ военной службѣ, то поступать съ ними, какъ несостоятельными къ платежу разныхъ пеней, по силѣ примѣчанія къ 74. статьѣ Св. Угол. Зак. (т. XV, изд. 1842 г.), а именно отдавать въ заработки частнымъ лицамъ, или отправлять въ крепостныя работы. 6) Для прелупрежденія всякаго недоразумѣнія со стороны дворовыхъ людей, принимающихъ на себя какія-либо обязанности по договорамъ съ своими владѣльцами, объявлять имъ въ присутственныхъ мѣстахъ о строгости сихъ мѣръ взысканія, каждый разъ при внесеніи тѣхъ договоровъ въ книгу у крепостныхъ дѣлъ. 7) Независимо отъ сего, въ дополненіе 1066 ст. Зак. о Сост. (т. IX, изд. 1842 г.), владѣльцамъ дозволяется писать отпускныя, со включеніемъ въ нихъ условія, чтобъ онъ воспріяли свое дѣйствіе послѣ известнаго числа лѣтъ службы двороваго человека у своего владѣльца. 8) Подобныя отпускныя должны быть совершаемы или являемы у крепостныхъ дѣлъ, на основаніи существующихъ нынѣ правилъ. 9) Отпущенные на волю люди съ условіемъ остаться еще нѣсколько времени въ услуженіи прежнихъ своихъ владѣльцевъ, во все время нахожденія у нихъ, до полученія совершенной свободы, должны числиться по прежнимъ ревизскимъ сказкамъ за тѣми же владѣльцами, которые обязаны платить за нихъ и все подати и повинности. 10) Съ окончаніемъ сроковъ ихъ службы, они поступаютъ въ совершенно-свободное состояніе, и тогда только подчиняются всемъ правиламъ, какія существуютъ или впредь будутъ постановлены вообще о припискѣ вольноотпущенныхъ въ городскіе цехи и другія сословія, и равно воспользуются и всеми льготами въ отношеніи разныхъ повинностей, наравнѣ съ другими вольноотпущенными. 11) Хотя послѣ сего они и могутъ оставаться у прежнихъ своихъ владѣльцевъ въ услуженіи, но не иначе, какъ люди свободнаго состоянія, по собственному согласію, на общихъ о наймѣ правилахъ. 12) Владѣльцы, которые впредь на какомъ бы то ни было основаніи будутъ отпускать дворовыхъ своихъ людей на волю, освобождаются отъ платежа за нихъ казенныхъ податей и земскихъ повинностей, не ожидая новой ревизіи, съ слѣдующей за отпускомъ половины года, считая впрочемъ сей срокъ для тѣхъ, которые будутъ увольняемы съ заслугою известнаго времени прежнему владѣльцу, не со дня выдачи отпускной, а, по силѣ 10 пункта настоящаго указа, со времени наступленія ихъ въ совершенно-свободное состояніе. 13) За

сивъ дворовые люди, которые будутъ впредь отпускаемы на волю, избавляются отъ рекрутской повинности, на основаніи существующихъ постановленій (т. IV, Св. Уст. Рекр., ст. 13-й, прим. 16-го) до новой ревизіи; если же ревизія послѣдуетъ прежде истеченія 10-ти лѣтъ, до дня отпуска, то на 10 лѣтъ. 14) Равнымъ образомъ освобождаются они, до новой ревизіи, и отъ платежа податей и другихъ повинностей; тѣмъ же изъ нихъ, которые припишутся къ мѣщанскимъ обществамъ, давать льготу отъ казенныхъ податей, равно личныхъ и денежныхъ городскихъ повинностей и службъ, вмѣсто двухъ (Св. Зак. о Сост., т. IX, ст. 496) на шесть лѣтъ, начиная съ слѣдующей послѣ приписки ихъ половины года. 15) Все, что въ настоящемъ указѣ постановляется о дворовыхъ людяхъ, относится только къ тѣмъ, которые записаны таковыми въ послѣднюю народную перепись, безъ распространенія на тѣхъ, которые переведены съ пашви во дворъ помѣщиками послѣ того времени.»

СОБЫТІЯ ВЪ ОТЕЧЕСТВѢ ЗА ІЮЛЬ 1844 ГОДА.

Народное Просвѣщеніе. — Разрѣшено ввести въ Хорольскомъ Уѣздномъ Училищѣ преподаваніе языковъ латинскаго, нѣмецкаго и французскаго въ такомъ объемѣ, какъ эти предметы преподаются въ трехъ высшихъ классахъ гимназій, въ видѣ опыта, на три года.

— Введено преподаваніе новогреческаго языка въ Одесскомъ Уѣздномъ Училищѣ на томъ основаніи, какъ допущено преподаваніе другихъ иностранныхъ языковъ въ семь училищъ.

— Дозволено, чтобъ ученики Аренбургскаго Дворянскаго Уѣзднаго Училища, по окончаніи курса ученія и по строгомъ испытаніи въ преподаваемыхъ имъ предметахъ, снабжаемы были увольнительными свидетельствами, и чтобъ по симъ свидетельствамъ удовлетворительно-выдержавшіе испытаніе принимаемы были безъ экзамена въ первый классъ гимназій и допускались къ поступленію прямо въ студенты Дерптскаго Университета по избраннѣмъ ими предметамъ, исключая богословія, съ выдержаніемъ однакожъ установленнаго приемнаго испытанія. Прочіе же ученики помѣнутаго училища, которые, не выдержавъ экзамена, выбываютъ изъ перваго класса, должны быть принимаемы въ университетъ не прежде двухъ, а изъ втораго класса не ранѣе трехъ лѣтъ по оставленіи ими училища, а для поступленія въ гимназію обязаны выдержать приемный экзаменъ.

— Разрѣшено опредѣлить при Виленскомъ Дворянскомъ Институтѣ сверхштатнаго учителя англійскаго языка.

— Высочайше повелѣно опредѣлить при Казанскомъ-Университетѣ и Первой тамошней Гимназій учителя восточной каллиграфіи.

Промышленность. — Разрѣшено на учрежденіе кредиторами рижскаго купца и фабриканта Ф. Гасселькуса, для содержанія его фабрики, ком-

паніи подъ названіемъ «рижской мануфактуры шерстогребенныхъ издѣлій». Представляемъ изъ сего устава извлеченіе. На основаніи того, что дѣйствительное имущество фабрики, состоящее въ строеніяхъ, машинахъ, матеріалахъ, готовыхъ издѣліяхъ и долгахъ оцѣнено въ 46,000 руб. сер., — капиталъ сей будетъ раздѣленъ на 460 акціи, каждая въ 100 руб. сер. нарицательной цѣны, которыя и распределятся между кредиторами Гасселькуса по мѣрѣ правъ каждаго. Правленіе компаніи будетъ состоять въ Ригѣ изъ предсѣдателя и одного директора. Оно откроетъ свои дѣйствія по утвержденіи сего устава, для совѣщанія по управленію фабрикою директора ея Ф. Гасселькуса, опредѣленнаго въ сію должность по особому контракту. Для совѣщаній съ правленіемъ по дѣламъ компаніи, общее собраніе акціонеровъ избираетъ изъ среды себя трехъ членовъ въ постоянный комитетъ. Въ случаѣ могущихъ возникнуть противъ компаніи претензій, и вообще по дѣламъ ея, акціонеры, на основаніи 1870 ст. X т. Св. Зак. Граж., отвѣчаютъ только нарицательною суммою акціи, ими владѣмыхъ, а свыше того не подвергаются отвѣтственности, ни личной, ни имуществомъ своимъ. Впрочемъ, директора правленія, въ случаѣ законопротивныхъ дѣйствій и распоряженій, или превышенія предѣловъ ихъ власти, если это доказано будетъ, отвѣтствуютъ передъ компаніею на общемъ основаніи законовъ. Компанія будетъ существовать до-тѣхъ-поръ, пока закрытіе ея не будетъ рѣшено въ общемъ собраніи большинствомъ голосовъ акціонеровъ. Въ случаѣ закрытія компаніи, правленіе прежде всего обязано уплатить долги ея, а потомъ уже приступить къ раздѣлу между акціонерами, по числу ихъ акцій, капитала, который выручитъ продажею всего имущества. Никто изъ акціонеровъ не можетъ получить отъ правленія компаніи платежа за свои акціи, пока не будутъ уплачены всѣ долги и удовлетворены всѣ обязательства компаніи, согласно съ 1885 ст. X т. Св. Зак. Гражд.

— Капитанъ 1-го ранга Кутыгинъ ходатайствовалъ о дозволеніи ему учредить легкое пароходство по рѣкѣ Невѣ, на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) Кругъ дѣйствія этого пароходства ограничивается предѣлами Санктпетербурга, т. е. начиная отъ верхней брандвахты, именуемой Невскою, до устья Невы, или плывучаго маяка на санктпетербургскомъ фарватерѣ, включая съ этотъ кругъ и всѣ рукава Невы, какъ-то: Малую-Неву, обѣ Невки и прочіе протоки между островами. 2) Главная цѣль пароходства состоитъ въ томъ, чтобъ доставить жителямъ Санктпетербурга удобнѣйшее сообщеніе съ отдаленными мѣстами, къ столицѣ прилегающими; перевозъ пассажировъ съ одного берега Невы на другой, исключительно содержателямъ гребныхъ судовъ предоставленный, предполагается допустить на легкихъ пароходахъ только въ экстренныхъ и особенныхъ случаяхъ, какъ то: при большомъ стеченіи народа во время праздниковъ, когда перевозныхъ судовъ для удовлетворенія публики оказалось бы недостаточно; въ случаѣ необходимости быстрого перевоза пожарныхъ инструментовъ, командъ и проч. Но во всякомъ случаѣ участіе пароходовъ не иначе допускается, какъ съ согласія и по взаимному условію съ содержателями гребныхъ перевозовъ.

3) Вторая цель пароходства: перевозить въ предѣлахъ вышеозначеннаго круга кладь, въ-особенности при переездахъ на дачи и обратно въ столицу; а также буксированіе судовъ, по желанію хозяевъ. Само собою разумѣется, что этимъ ни у кого не отнимается право перевозить кладь, а равно и пассажировъ, по-прежнему: на лодкахъ, катерахъ, баркахъ и проч. 4) На первый разъ предполагается пустить въ дѣйствіе 4 парохода отъ 16 до 24 силъ; въ-послѣдствіи же, смотря по надобности, можетъ быть увеличено и число и величина пароходовъ, при которыхъ для перевозки тяжестей предполагается содержать пароходные боты отъ 30 до 40 силъ. 5) Пароходы предполагаются желѣзнаго устройства съ механизмомъ высокаго давленія, и будутъ дѣйствовать посредствомъ архимедова винта. Для свободнаго же прохода подъ мостами, трубы на пароходахъ будутъ спускныя. 6) Цѣны за перевозку въ разныя мѣста назначаются самыя умеренныя, и во всякомъ случаѣ, за самое дальнее разстояніе, не свыше 20 и 25 коп. сер. съ человека по различію 2-го и 1-го мѣствъ; за кладь же и буксированіе судовъ плата будетъ взимаема по взаимному условію съ владельцами кладей и судовъ, и 7) Назначеніе пристаней для привала пароходовъ дѣлается съ разрѣшенія санктпетербургскаго военнаго генерал-губернатора, къ которому учредитель обязанъ будетъ обратиться съ прошеніемъ по сему предмету. Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: разрѣшить учрежденіе означеннаго пароходства на извѣстныхъ основаніяхъ, но съ тѣмъ, чтобъ машины съ высокимъ давленіемъ устроены были на пароходахъ не иначе, какъ съ примѣненіемъ къ нимъ, въ чемъ окажется нужнымъ, Высочайше утвержденныхъ и обнародованныхъ въ февралѣ 1843 года правилъ; наблюденіе же за симъ возложить непосредственно на Главное Управленіе Путей Сообщенія и Публичныхъ Зданій, такъ-какъ и самыя правила составлены были въ семъ ведомствѣ.

— Выданы привилегіи: 1) капитан-лейтенанту Глазенану на изобрѣтенныя имъ войлочные полированные и непромокаемые листы для крышъ; 2) архитектору Бейеру на усовершенствованное устройство печей подъ котлы на сахарныхъ заводахъ, и 3) австрійскому подданному Раду на способъ выварки сахара въ кусочкахъ кубической мѣры.

Благотворительность. — Для оказанія помощи жителямъ города Староконовскаго, Волынской-Губерніи, пострадавшимъ отъ пожара, Всемилостивѣйше пожаловано Государемъ Императоромъ пять тысячъ руб. серебромъ и отпущено изъ вспомогательнаго капитала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ три тысячи рублей серебромъ.

— Неизвѣстнымъ благотворителемъ пожертвовано въ Петрозаводскій Попечительный Комитетъ Призрѣнія Бѣдныхъ 1,429 руб. серебромъ.

IV.

ДОМОВОДСТВО, СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ВООБЩЕ.

ОТЧЕТЪ, ЗА ОДИННАДЦАТЬ ЛѢТЪ, О ХОДѢ И ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ БОЛХОВСКАГО ХОЗЯЙСТВА.

Статья вторая ().*

IV. ЗЕМЛЕВОЗДѢЛЫВАНІЕ.

Паханіе, боронованіе и укатываніе почвы.

1. ПАХАНІЕ.

Земли болховскаго помѣстья воздѣлываются обыкновенными орудіями, употребляемыми во всей средней полосѣ Россіи, т. е. сохою и деревянною бороною, и лошадьми крестьянъ, состоящихъ въ тягѣ.

Болховскій земледѣлецъ, прежде нежели ввелъ у себя плуги и улучшенныя бороны (къ чему онъ готовъ былъ приступить не смотря на ихъ цѣнность), испытывалъ свою почву глубокою вспашкою, и этимъ испытаніемъ убѣдился, что плуги для него бесполезны (**), а желѣзныя бороны едва-ли нужны. Нѣсколько лѣтъ

(*) Первая статья помѣщена въ XXXV-мъ томѣ «Отечественныхъ Записокъ» (іюль 1844).

(**) Если ограничиться построеніемъ нѣсколькихъ плуговъ и на господскихъ лошадяхъ пахать или *марь* или *елмѣи* недѣлю ровное все лѣто и осень, — это будетъ неудобно и вредно для посѣвовъ, потому-что погода и состояніе почвы

сряду разные участки земли были вспахиваемы вершковъ на пять и на шесть глубиною, двумя сохами, пушенными въ одну борозду, и каждый разъ эти участки приносили урожай скуднѣе прочихъ участковъ; причина очевидна: бесплодная глинистая почва (или материкъ), поднятая второю сохою, смѣшиваясь съ пахатымъ черноземнымъ слоемъ, убавляетъ его плодородіе. Допустивъ, что воздухъ, влага и удобрение туками со-временемъ превратятъ вывероченную наружу подпочву въ плодотворную землю; но и тогда—какая же польза хозяину на нѣсколько лѣтъ портить свои нивы и лишаться дохода для того только, чтобъ со-временемъ подмѣсь глины обратилъ въ почву качествомъ не лучше обыкновеннаго пахатнаго слоя,—когда и этотъ слой, по большому количеству обрабатываемой у насъ земли (здѣсь говорится вообще о средней полосѣ Россіи, которая все-таки гораздо-избыточнѣе землѣю иностранныхъ хозяйствъ) и отдаленности ея отъ усадебъ—поддержать на необходимой степени плодородія не всегда достать у насъ удобренія? Повторяемъ: здѣсь необходимость *углублять пахатный слой и увеличивать его массу* (*).

не всегда благоприятны для пашни. Завести ее на каждыя два тягла по плугу, для одного только осенняго и весенняго взмѣта, будетъ стоить дорого, и польза, принесенная плугами (если они и будутъ), не окупитъ значительной издержки, употребленной хозяйствомъ на ихъ постройку. Къ-тому жъ, наши крестьянскія лошади непривычны ходить попарно у дышла и малосильны для плуговъ, а пахаря не умѣютъ управлять ими; все это произведетъ много возни, хлопотъ, ломки самихъ орудій и порчу лошадей; для почтики же желѣзныхъ и деревянныхъ частей плуговъ, нужны цѣнные материалы и искусные мастера, — а это не бездѣлица! тогда-какъ *соху* можетъ исправить тотчасъ же каждый крестьянинъ.

У насъ, съ нѣкотораго времени, вошло въ обыкновеніе выдѣлать плуги (однакожь по сіе время введенные въ одни такъ-называемыя образцовыя хозяйства), что, конечно, и побудило нѣкоторыхъ агрономовъ къ изобрѣтенію новыхъ плуговъ, плужковъ, экстирпаторовъ и тому под. По мнѣнію многихъ, изобрѣтенія эти были просто не-всегда-удачныя переназначенія уже существующихъ орудій. Такъ, или нѣтъ, но новымъ плугамъ издавались много изобрѣтателей, вѣроятно къ томъ предположенію, что они съ помощію изобрѣтеній достигнутъ до потомства. Но что слава міра сего? Суета и всяческая суета!.. Давно ли иностранныя журналы, а съ ихъ голоса, и наши, трубили о великомъ изобрѣтеніи крестьянина *Гравжа*, — и что жъ теперь? О плугъ *Гравжа* нѣтъ и слуха!

(*) Теорія говоритъ, что глубокое воздѣлываніе пашни, само-по-себѣ, увеличиваетъ урожаи хлѣбовъ; но это проповѣдуетъ теорія — едва-рожденный младенецъ; а маститый старецъ — опытъ доказываетъ, что всякаго рода растенія растутъ весьма-хорошо на совсѣтъ-переработанной почвѣ и даже на утрамбованной землѣ, в колѣсальныхъ гонкахъ, убитахъ до-мѣла, — и всегда растутъ чѣмъ лучше, чѣмъ тучнѣе земля и благоприятнѣе погода для растительности. То же повторяется и на поляхъ нашихъ: какъ хотите пашню

Русская соха, удовлетворительно-подымающая нѣви и залежи (которые въ средней полосѣ Россіи весьма-рѣдко встрѣчаются), *невозможно двинуть и пройтъ* землю, запахиваетъ сѣмена и навозъ есть единственное орудіе, которымъ можно пахать каменистыя бугреватыя почвы. Въ подкрѣпленіе сказаннаго о сохѣ, ссылаюсь на г. Сабурова («Отеч. Записки» 1842, кн. I, стр. 15) и самаго любителя плуговъ, барона Унгерн-Штернберга, однакожь истребляющаго и сохи («Библиотека для Чтенія» 1840, кн. V, стр. 1). Эта же соха пашетъ хорошо и парь, хотъ и не отваливаетъ дръзанныаго пласта длинною лентою, но нѣсколько раздробляетъ дѣлаетъ его доступнѣе вліянію атмосферы, чѣмъ облегчаетъ и роньбу.

Нашъ однолѣтній или двухлѣтній парь не имѣетъ достаточно времени затвердѣть и переплестись корнями сорныхъ травъ, какъ о случается съ залежами степныхъ и малороссійскихъ губерній; и тамъ начинаютъ поговаривать о введеніи сохи. Разсужденіе Раковича о преимуществѣ сохи передъ малороссійскимъ плугомъ, въ статьѣ его: «Исслѣдованіе причинъ бѣдности и неустро-

въ глубоко, а все лучшій урожай будетъ при одинаковыхъ атмосферныхъ вліяніяхъ на нивѣ болѣе тучной и плодородной.

Эту же истину повторяетъ и образцовый хуторъ барона Унгерн-Штернберга, гдѣ земля пашется очень-глубоко различными плугами. Тамъ, въ 1842 году, озимая пшеница совсѣмъ пропала, а въ прошлые сухие годы, арпѣ и озимые хлѣба были такъ же дурны (или, по слухамъ, еще хуже), какъ на сосѣдственныхъ хутору земляхъ, обрабатываемыхъ сохами, что невольно тверждаетъ и самъ баронъ, сознаваясь, что хлѣбъ у него родился худой («Библиотека для Чтенія» за 1840 годъ, кн. 5, стр. 65, — и тамъ же, въ разсужденіи о масляныхъ растеніяхъ, стр. 61).

Изъ всего сказаннаго не должно, однакожь, заключать, чтобъ мы отвергали все пользу современнаго, тщательнаго и сообразнаго съ свойствомъ почвы плуживанія (которое отнюдь не заключается въ одномъ глубокомъ парѣ плугомъ: можно и имъ очень-дурно обработать пашню и наоборотъ парь-хорошо — сохою), или проповѣдывали способъ г-дъ *Пальера* и *Бернара* ийничать безъ почвы и труда и собирать жатвы, посѣянные на стеклѣ дѣ этими господами смѣются даже ихъ соотечественники), — но мы желательнѣе доказать, что нашу пашню нѣтъ еще надобности углублять на шесть футовъ верхковъ, и что соха, для колосовыхъ хлѣбовъ, достаточно-глубоко запахиваетъ почву.

Еще говоритъ теорія, что глубоко-вспаханная почва удерживаетъ въ себѣ воду долѣе земель мелко-воздѣланныхъ. Мы неоднократно, г-томъ, взрывали поверхность молотильныхъ *токовъ*, непокрытыхъ соломою, и всякій разъ находимъ, что на нѣкоторой глубинѣ они содержатъ въ себѣ влаги болѣе, чѣмъ въ глубоко-вспаханная пашня; — а *токовъ*, конечно, нельзя назвать рытвинами и глубоко-воздѣланными! Здѣсь влажность сохраняется, вѣроятно, оттого, что на *токахъ* плотно-слегшаяся земля не продувается вѣтромъ и не высушивается солнцемъ.

еннаго состояніе жителей малороссійскаго края» (въ NN° 101, 102 и 103 «Земледѣльческой Газеты» за 1839 годъ), заслуживаетъ полную довѣренность, какъ мнѣніе человѣка умнаго, хорошо-знакомаго съ своимъ краемъ и практически-занимающагося хозяйствомъ (*). Составитель этого отчета лѣтъ восемь провелъ въ разныхъ частяхъ Малороссіи, почему и имѣетъ нѣкоторое понятіе о ея земледѣліи, и можетъ подтвердить справедливость выводовъ г. Раковича.

Къ сказанному прибавимъ еще слѣдующее опытное замѣчаніе: *хорошее воздѣлываніе земли не зависитъ единственно отъ орудія, которымъ она воздѣлывается, а столько же, если не больше, отъ*

(*) Для немнѣющихся «Земледѣльческой Газеты» за 1839 годъ, выписываю нѣсколько мѣстъ изъ упомянутой статьи г-на Раковича:

• И такъ, конный крестьянинъ, въ продолженіе весны, лѣта и осени, употребитъ только почти одну седьмую часть времени, въ сравненіи съ воловьимъ, для обработки земли, а шесть седьмыхъ времени имѣетъ для прочихъ работъ. Въ эту одну седьмую часть времени полевой работы, онъ совершенно хорошо обработаетъ свои поля, тогда какъ воловой крестьянинъ, судя по продолженію работы и недостатку времени, не имѣетъ возможности передвинуть свою пашню, чрезъ что не можетъ иногда получить должнаго дохода съ земли (!) (З. Г. № 101, стр. 806).

• Соха очень удобно пашетъ вообще всякую землю и даже самую крѣпкую новъ, рано весною, лишь бы соха была прочно сдѣлана. (З. Г. № 102, стр. 810).

• При запахиваніи крупнаго навоза съ соломенною подстилкою, плугъ выворачиваетъ своимъ отрѣзомъ кучи соломистаго навоза, и выворачиваетъ его наверхъ; напротивъ двѣ сохи одноковныхъ, пущенныхъ въ одну и ту же борозду, совершенно заваливаютъ навозъ, засыпая его разрыхленною землею, и нижатый слой получаетъ глубины отъ 6 до 8 вершковъ.

• Съ десятины, обработанныхъ сохою, снималось хлѣба, по-крайней-мѣрѣ, на половину болѣе, нежели съ сосѣднихъ десятины, обработанныхъ по тамошнему, воловьимъ плугомъ (З. Г. № 102, стр. 810).

• Соха, по сдѣланному мною въ ней устройству, беретъ такъ глубоко, сколько можно, именно отъ 4 до 5 вершковъ; а въ двѣ сохи, пускаемыя въ одну борозду, пропахиваетъ отъ 6 до 8 вершковъ. Она раздробляетъ землю, отрѣзывая и взворачивая узкія полосы; опять перерѣзываетъ ихъ другимъ сошникомъ, такъ что всѣ корни постороннихъ растений совершенно разрываются и выворачиваются. Отъ-того разработка земли бороною становится очень легка, вредные для хлѣба травы и корни засыхаютъ и истребляются, и земля дѣлается рыхлою и удобною къ разведенію всякаго зерноваго хлѣба.

• Напротивъ, большимъ малороссійскимъ плугомъ отворачиваются пласты земли цѣлые, лентою, не разрываясь, шириною отъ 8 до 10 вершковъ, и влздутся одинъ на другой краемъ, такъ-что вся трава остается внизу и не будучи разрываемая, сохраняетъ свои корни, и выходитъ наружу; бороною же эти пласты ни мало не могутъ быть распущены, а только приглаживаются сверху и становятся царпанною землею. Тутъ вся мнимая глубина пашни исчезаетъ, твердость земли не уменьшается, и третья часть посѣяннаго зерна за- падая въ борозды и подъ пласты, остается праздною.»

современности обработки и отъ состоянія, въ какомъ почва находится при воздѣлываніи, т. е. отъ большей или меншей ея сухости, влажности и рыхлости (*)... Войдемъ по этому предмету въ нѣкоторыя объясненія. Когда глинистая и вообще тяжелая почва отъ продолжительной засухи огрубѣла или, какъ говорятъ, одеревенѣла, то пашите ее чѣмъ вамъ угодно, — она, не принимая въ расчетъ трудности обработки, все-таки будетъ дурно воздѣлана и сохранить это качество надолго; разрыхлить и размельчить такую отвердѣвшую почву будутъ бессильны и улучшенныя бороны съ желѣзными зубцами. Ее могутъ поправить только продолжительное отдохновеніе (ей надобно отлежаться), дѣйствіе атмосферныхъ хорошихъ, теплыхъ дождей. Къ этому же разряду дурныхъ пашень должно причислить: вспаханныя рано весною, когда земля еще не совсѣмъ просохла и обвѣтрилась, и тѣ, которыя вспаханы тотчасъ послѣ сильныхъ забойныхъ дождей. Хорошо обработать пашню, равно препятствуютъ и чрезвычайная сухость и чрезвычайная влажность почвы. Въ послѣднемъ случаѣ, она рѣжется пластинами, которыя снизу дѣйствіемъ сошниковъ сдавливаются и лоцатся (**), а если за паханіемъ послѣдуютъ вѣтры и засуха, — то обращаются въ твердыя глыбы. Для исправленія и этой пашни нужно время и тоже упомянутыя условія.

На нивахъ весьма-тучныхъ, и слѣдовательно легкихъ, дѣйствіе сырости не такъ вредно, какъ на предъидущихъ; зато ихъ весьма-предосудительно пахать въ засуху. Легкая и высохшая почва, возвращаемая наверхъ сохою, разсыпается въ порошокъ, а потомъ отъ солнца и вѣтровъ обращается въ пыль (**); бороться такую пашню — значитъ еще болѣе ее испортить, а сѣять на ней хлѣбъ — такъ же дурно, какъ и бросать его въ липкую грязь. Здѣсь опять

(*) Вотъ что объ этомъ говоритъ и самъ Тьеръ: «На паханіе весьма-великое вліяніе имѣетъ и погода, особенно на глинистыхъ земляхъ. Иногда почва пахется въ благоприятную погоду очень-удобно, а когда засохнетъ, или сдѣлается сыра, то пахется съ величайшимъ затрудненіемъ; такую почву, когда она бываетъ очень-сыра, никакъ не должно обрабатывать». («Основаніе Рациональнаго Хозяйства» часть I, стр. 135).

(**) Не умѣю лучше выразить дѣйствія желѣзнаго сошника на очень-сырую и вязкую землю, которую онъ сдавливаетъ, сглаживаетъ и обращаетъ въ плотную массу.

(***) По этимъ причинамъ опытный хозяинъ, въ сухое лѣто, пашни своей двоятъ не станеть, чтобъ совсѣмъ не лишить землю нужной ей влажности и снѣжливости. 1839 годъ служить тому подтвержденіемъ: кто, не смотря на засуху, продолжавшуюся въ этомъ году во все лѣто, передвонялъ свои пашни, тотъ сѣялъ свой хлѣбъ въ золу и получилъ урожай гораздо-худшій противъ тѣхъ, которые не двояли земли. Песчавыя почвы тѣже двоятся рѣдко, развѣ въ самые дождливые годы.

врачаютъ почву отдыхъ и всегда благотворные теплые (съ паромъ) дожди.

Всѣмъ, хоть нѣсколько-опытнымъ земледѣльцамъ, известно правило, что *одна вспашка за другую не должна слѣдовать ранѣе 5 или 6 недѣль*. Это время необходимо землѣ, во-первыхъ, для отдохновенія; во-вторыхъ, для того, чтобъ сорныя травы успѣли подрасти, а прежде-подпаханныя сгнить и разложиться, и въ-третьихъ, для *какого-то въ ней во время покоя совершающагося, по еще неизслѣдованнаго процесса*, дѣлающаго пашню способною передавать вполне свое плодородіе (*).

Частою перепашкой и бороненіемъ можно и самую лучшую почву лишить свойственныхъ и необходимыхъ ей *связи и плотности*, ибо дѣйствіе сохи и особенно бороны болѣе-и-болѣе разъединяетъ и размельчаетъ составляющія ее частицы и дѣлаетъ ее слишкомъ моздреватою и рассыпчатою, что и случается каждый разъ, когда паръ поднимаютъ очень-поздно, и потомъ, чтобъ успѣть передвѣять его до посѣва, пашутъ и боронятъ вскорѣ одно за другимъ, а слѣдовательно и сбѣютъ въ *дурно-приготовленную почву*, обращая вниманіе не на качество пашни, а только на число перепашекъ. За такое неуваженіе къ законамъ природы непрѣменно слѣдуетъ наказаніе дурнымъ урожаемъ.

Чтобъ успѣть до посѣва перекопать землю *два раза* (**), должно поднимать паръ какъ-можно-ранѣе (здесь польза четвертаго клива) и за тѣмъ, чтобъ *пашня была хорошо приготовлена*, слѣдуетъ пахать ее въ *благопріятное* на то время, а именно: когда земля не

(*) Способствуетъ ли продолжительное шести-недѣльное отдохновеніе надлежащему образованію *питательной перегнойной слизи*, или во время покоя почва *малѣе поглощаетъ кислорода*, избытокъ котораго сильно и преждевременно разлагаетъ въ ней перегной? — Это вопросъ, на который мы не удѣлимъ дать удовлетворительнаго отвѣта. Но для практическаго земледѣльца весьма-важно знать, почему взрыхленной почвѣ, чтобъ слѣзаться совершенно-плодородною, нуженъ, послѣ воздѣлыванія, покой и отдыхъ? А что необъясненный процессъ существуетъ, такъ это фактъ, на который, къ-сожалѣнію, доселѣ не обращали должнаго вниманія; о немъ ничего не говорятъ агрономическіе курсы и ученые агрономы, часто занимающіеся изслѣдованіемъ гораздо-менѣе любопытныхъ и полезныхъ предметовъ. Еслибъ этого процесса не существовало, то земля, перепашиваемая еженедѣльно, и, слѣдовательно, по теоріи, сильно-напитанная воздухомъ, утрачивая отъ такой обработки изъ хорошихъ своихъ качествъ только одну сѣпляемость (плотность), была бы самою плодотворною, ибо ей можно легко возвратитъ это качество, укатавъ за перепашками плотно каткомъ; но мы видимъ этому противное.

(**) Бываютъ случаи, что тучныя почвы нужно тронуть. Это необходимо въ очень-мощные годы, когда пашня сильно зарастаетъ высокими сорными травами, которыя попрепятствуютъ надлежащимъ образомъ заборонить хлѣбныя сѣмена.

слишкомъ-суха и не слишкомъ-сыра, — а такую она бываетъ, когда, послѣ изрядныхъ дождей или большихъ росъ, наступитъ теплая погода. Въ это время, надлежитъ оставлять другія менѣе-важныя работы, и немедленно усердно приниматься за пашню, стараясь окончить ее до перемены благопріятной погоды. Земля, увлажненная дождемъ и пригрѣтая солнцемъ, дѣлается мягкою, рыхлою и такъ-сказать, сдобною (*), пашется глубоко и легко для лошади. Конечно, отъ хорошаго устройства сохи и отъ старанія и добросовѣстности самого пахаря тоже много зависитъ доброкачественность пашни. *Огрѣхи*, т. е. мѣста неспаханныя, и мелкое паханіе лежатъ на совѣсти пашущихъ и надсматривающихъ за паханіемъ. Зѣрный помощникъ крестьянина — добрая и сильная лошадь, тутъ также необходима (**). Можно ли хорошо пахать какимъ бы то ни

(*) Прошу простить мнѣ это выраженіе. Мы такъ бѣдны словами, объясняющими хорошее или дурное состояніе вспаханной почвы, что по-невогѣ должны примѣнять выраженія, употребляемыя въ другомъ значеніи. Предки наши, знавшіе изъ опыта, дурно или хорошо приготовлена пашня, мало о ней асууждали, а писали еще менѣе, и не потрудились оставить намъ какой земледѣльской терминологіи.

(**) Нельзя вполнѣ согласиться съ мнѣніемъ нѣкоторыхъ нашихъ агрономовъ, что въ сѣверныхъ губерніяхъ коннозаводство для крестьянъ невыгодно. Пожми, что лошадь, тамъ выкормленная сравнительно-дорогими кормомъ, обойдется хозяину дороже купленной на базарѣ лошади, питомицы болѣе-хлѣбродной полосы Россіи. Но надо взять въ соображеніе, что выкормленное животное покупается крестьяниномъ незамѣтно, такъ-сказать, шеподовалью; помою, мякиною, сѣномъ, коноплянымъ смычкомъ и другими домашними, помодкими и неудобными для вывоза на продажу произведеніями. Къ этимъ шведскимъ средствамъ маленькихъ хозяйствъ выкармливать молодой скотъ всякой всячиной причислите навозъ, получаемый отъ воспитываемой дома лошади (навозъ, чего-нибудь да стоящій въ сѣверныхъ губерніяхъ), и домашняя кормка представится намъ не столь дорогою, какъ могла показаться съ перго на нее взгляда, особенно, если была рассчитана по расходамъ фуража на вскихъ заводахъ, гдѣ приплодъ по-необходимости долженъ содержаться на сѣ и сѣнѣ.

Въ другомъ случаѣ, чтобъ купить готовую рабочую лошадь, кромѣ умѣнья выбрать и избѣжать обмана барышниковъ, нужно еще имѣть готовые назныя деньги; а не каждый крестьянинъ сумѣетъ и въ-состояніи откладывать которую сумму на составленіе капитала для покупки лошадей. Эти ежегод-откладываемыя деньги весьма-соблазнительны: ихъ такъ легко израсходовать на разные непредвидимые случаи или прогулять, что у весьма-рѣдкаго крестьянина соберется во-время достаточная сумма на покупку порядочной лошади. Да много ли людей, пообразованнѣе и дальновиднѣе нашихъ крестьянъ и много ли коннозаводчиковъ, читавшихъ Са и Бентама, умѣютъ откладывать отъ ежегодныхъ своихъ доходовъ нѣкоторую часть денегъ на ремонтъ необходимыхъ въ хозяйствѣ вещей и построекъ?

По нашему мнѣнію, земледѣльцу коннозаводство выгодно вездѣ, гдѣ оно вошло въ обычай и безъ побудительныхъ мѣръ ведется охотно самими

было орудіемъ на клячѣ, едва таскающей ноги, или лошади непривычной къ пахотѣ? Отсюда потребность и несомнѣнная польза въ улучшеніи породы крестьянскихъ лошадей.

Болховскій хозяинъ намекалъ уже въ первой выноскѣ этой главы о дороговизнѣ и неудобствѣ плуговъ въ средней полосѣ Россіи и о томъ, что имѣть ихъ въ небольшомъ количествѣ не только бесполезно, даже вредно для земледѣлія. Пояснимъ это, по-видимому, смѣлое заключеніе нѣкоторыми доказательствами.

Предположимъ, что у васъ три двуконные плуга на маленькой запашкѣ сорока-пяти хозяйственныхъ десятинъ озимаго посѣва. Работая этими плугами, не изнуря господскихъ лошадей, въ благоприятную и неблагоприятную для пашни погоду, можно, въ одну сутки, вспахать одну десятину (*), а на подъѣмъ всѣхъ 45 десятинъ потребуется 45 рабочихъ дней, т. е. около двухъ мѣсяцевъ; слѣдовательно, послѣднія десятины вспашутся только тогда, когда уже давно наступитъ время двойть ихъ. Выше было сказано, что вспаханной почвѣ нужно шесть ведѣлъ отдохновенія и что весьма вредно пускать одну перепашку въ слѣдъ за другою, а потому введеніе плуговъ въ русскомъ многоземельномъ хозяйствѣ не только бесполезно, но даже вредно.

Здѣсь слѣдуетъ упомянуть, что земли болховскаго хозяйства пахутся не по одному направленію, а вдоль и поперѣгъ десятины, чтобъ *огрѣхи*, которые могутъ случиться при первой вспашкѣ, исправить второю. На скатистыхъ же поляхъ приноравливаютъ такъ, чтобъ послѣднее паханье приходилось поперѣгъ ската, что нѣсколько препятствуетъ весенней водѣ смывать пахатный слой и промы-

смысленными и домовитыми крестьянами, которые не всегда же дѣйствуютъ безразсчетно.

О мѣрахъ къ улучшенію породы крестьянскихъ лошадей у насъ много уже писано; въ свою очередь, болховскій помѣщикъ въ «Земледѣльческой Газетѣ» 1842 года намекнулъ на нѣкоторые изъ этихъ мѣръ, а здѣсь считаетъ излишнимъ распространяться объ этомъ предметѣ.

(*) Двуконный смалецъ плугъ, по словамъ г. Усова («Курсъ Земледѣлія», стр. 146), пашетъ экономическую десятину въ 3200 кв. саж. въ три дня, а пашня плугами, въ средней и сѣверной полосахъ Россіи, не можетъ начинаться ранѣе 1 мая, т. е. во время окончанія яровыхъ посѣвовъ. Пахать 45 десятинъ потребуется 45 дней, а если присовокупить къ нимъ воскресные и праздничные дни, то *весь* паръ подымется около 23 іюня. Улеживаться пашнѣ послѣ паханія нужно по-крайней-мѣрѣ 35 дней, да на двоеніе ея сохами вмѣстѣ съ боровами положимъ 2 дня. И такъ, пашня передвоится около 1 августа, а во многихъ мѣстахъ съ этого времени начинаютъ сѣять рожь; слѣдовательно, въ этомъ случаѣ, сѣять прійдется тотчасъ по вдвоеніи пашни, или и вовсе не двоя ея. Изъ этого же расчисленія видно, что поднимать плугами весь осенній землѣ у насъ не достанетъ времени, ибо рано начинающіеся морозы препятствуютъ работѣ.

ду, когда почва не слишкомъ-сыра и не весьма-суха; — слѣдовательно, катокъ не приноситъ здѣсь никакой пользы, а между-тѣмъ, на укатываніе двухъ экономическихъ десятинъ пужны: сутки времени, лошадь и работникъ, и для обоихъ эта работа тягостна.

Теперь приведемъ тѣ случаи, когда катокъ причинялъ вредъ: Первый случай: Если послѣ посѣва, сдѣланнаго въ сухую землю, будетъ продолжаться опять сухая и жаркая погода, то земля, размельченная боровами, а дѣйствіемъ катковъ обращенная въ порошокъ, подымается вѣтромъ и уносится съ пашни въ видѣ облаковъ пыли, какъ съ большихъ дорогъ; при чемъ и часть сѣменъ сдувается съ поля или обнажается и высыхаетъ. Такіе случаи бывали нѣсколько разъ, особенно на нивахъ болѣе-возвышенныхъ и доступныхъ вѣтрамъ. Натурально, послѣ такого провѣтриванія, ростъ хлѣбовъ и самый ихъ урожай на закатанныхъ полосахъ былъ гораздо-хуже, нежели на незакатанныхъ, съ которыхъ земля не сдувалась вѣтрами, задерживаемая небольшими комьями и глыбами, непревращенными каткомъ въ порошокъ. Второй случай, когда земля во время сѣва была сыра (чего, впрочемъ, надобно и желать) и въ такомъ видѣ закатана, а потомъ шли дожди, то она такъ плотно слегалась, что дѣлалась недоступною воздуху; на поверхности ея образовывалась кора (земляной черепъ), которая затрудняла всходы хлѣба и препятствовала распространенію корней. И въ этомъ случаѣ опять дурной урожай.

И такъ, изъ трехъ приведенныхъ случаевъ два совершенно не въ пользу катка, а одинъ ни то, ни другое! Слѣдовательно, закатываемая посѣвы, имѣешь въ виду двѣ неудачи, удачи же ни одной. Вотъ почему въ болховскомъ помѣсть катокъ избавленъ отъ труда закатывать яровые посѣвы, или, лучше сказать, посѣвы избавлены отъ катковъ.

На западѣ Европы, гдѣ катки въ употребленіи, климатъ не нашъ: тамъ, въ крошечныхъ хозяйствахъ, при нѣсколькихъ десятинахъ земли, пашня обрабатывается и удобряется какъ огородъ (*la petite culture*). Тамъ, часто съ одной и той же земли, въ теченіе одного года, снимается два хлѣба, чего у насъ, по краткости лѣта, дѣлать невозможно. Эти двойные посѣвы и посадка корнеплодовъ, требующія многократныхъ перепашекъ и боронованій, подергая почву провѣтриванію въ-теченіи 8 или 9 мѣсяцевъ, дѣлаетъ ее слишкомъ-разсыпчатою и рыхлою; а на такой почвѣ дѣйствіе катка — осаживать и уплотнять землю, можетъ быть полезно даже и тѣмъ, что препятствуетъ солнцу глубоко пропекать ее. Но у насъ, земля, покрываемая массою снѣга нерѣдко въ два дюйма толщины и лежащая семь мѣсяцевъ скованная морозами, въ состояніи мертвомъ и окаменѣломъ, слишкомъ уже много сдѣлан-

зается и уплотняется безъ помощи катка. По этимъ же причинамъ, закатывать у насъ озимые посѣвы невозможно; да этого, кажется, и самые ревностные хвалители катковъ дѣлать не рѣшаются. При томъ, на западѣ Европы, небольшія поля обгораживаются заборами, или обсаживаются живыми изгородями изъ кустарниковъ, чѣмъ и предохраняются отъ губительнаго вліянія сильныхъ вѣтровъ, которымъ совершенное раздолье на нашихъ прѣстранныхъ и открытыхъ поляхъ.

Упомянутыя выше и многія другія обстоятельства, рѣзко отличающія русское земледѣліе отъ земледѣлія нашихъ западныхъ сосѣдей, упускается изъ вида нашими агрономами-писателями, когда они безусловно предлагаютъ намъ ввести у себя катки и улучшенныя, цѣнныя орудія земледѣльчана. Можетъ-статься, экскапаторы, плуги, запашники и сѣяльныя машины понадобятся и намъ,—но когда?... Тогда только, когда у насъ большая часть накатныхъ земель порядочно удобрится, а сельскія хозяйства придутъ въ *меньше-затруднительное* и вообще *лучшее положеніе*. А это непременно случится, коль-скоро на произведенія земледѣльчана установятся постоянныя и достаточно-высокія цѣны, могущія окупать издержки улучшеннаго производства и,—повторимъ давно-забтую фразу,—«вознаграждать трудъ земледѣльца». А что тогда всѣ возможныя улучшения и щедрія денежныя пособія земледѣльцу придутъ къ нему сами-собою, — въ томъ намъ порукою врожденное всѣмъ и каждому желаніе себя добра, и вѣрный, прозорливый умъ русскаго человѣка...

(*) Исключая немногихъ и въ особенности г. Сабурова, возвысшаго справедливый и сильный голосъ въ защиту нашихъ сельскихъ хозяевъ, несправедливо упрекаемыхъ въ невѣжество и закоренѣлости.

V.

К Р И Т И К А.

**РУКОВОДСТВО КЪ ПОЗНАНІЮ НОВОЙ ИСТОРИИ ДЛЯ
СРЕДНИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ**, сочиненное С. Смарагдо-
вымъ, адъюнктомъ-профессоромъ Императорскаго Александровскаго Ли-
цея. Санктпетербургъ. 1844.

Трудъ г. Смарагова конченъ: пе-
редъ нами послѣдній томъ его всеоб-
щей исторіи для учебныхъ заведеній.
то даетъ намъ возможность выска-
зать свое мнѣніе о его достоинствѣ,
какъ о цѣломъ и полномъ произведе-
ніи. Читателямъ извѣстно, что мы
прѣтнли первые два тома исторіи г.
Смарагова съ тѣмъ радушнымъ вни-
маніемъ, котораго заслуживаетъ все,
что хотя нѣсколько выходитъ за черту
высшеупомянутого, въ чемъ виденъ по-
сылъ къ новому и лучшему, видно
решеніе выйдти изъ старой, избитой
колеи, по которой такъ весело и
здольно прогуливаться лѣтвиной при-
чкѣ и тупоумной посредственности.
ажемъ болѣе: трудъ г. Смарагова,
съ неожиданно явившейся на сцену
исторіи г. Кайданова, которая съ уди-
гельною назойливостію сосѣвъ-бы-
рѣшилась на роль вѣчнаго жидка въ
сей учебной литературѣ, — трудъ
Смарагова произвелъ въ насъ чув-
ство, скорѣе похожее на увлеченіе,
чѣмъ на нерасположеніе или холодное
внушеніе. Кромѣ уже упомянутого

наши обстоятельства, причиною этого
было и то, что первый томъ исторіи г.
Смарагова вышелъ прежде перваго
тома исторіи г. Лоренца, равно какъ и
средняя его исторія появилась тоже
прежде средней исторіи г. Лоренца.
Впрочемъ, не смотря на то, что исто-
рія г. Смарагова далеко уступаетъ
исторіи г. Лоренца, — она имѣетъ свое
неоспоримое достоинство и есть важ-
ное приобрѣтеніе для нашей учебно-ис-
торической литературы, столь бѣдной
хорошими сочиненіями. Хотя одиъ
ученый и справедливо упрекнулъ сре-
днюю исторію г. Смарагова въ значи-
тельныхъ недостаткахъ и даже прома-
хахъ, тѣмъ не менѣе въ нашей литера-
турѣ она имѣетъ полное право на сни-
сходительное вниманіе, особенно, если
сообразить, что средняя исторія и въ
самой Европѣ менѣе разработана и
приведена въ стройный видъ, чѣмъ
древняя и новая. По всему этому, мы
съ особеннымъ нетерпѣніемъ ожидали
выхода «Новой Исторіи» того же ав-
тора, — ожидали ее, какъ подтвержде-
нія надеждъ, которыми подалъ о себѣ

новый сподвижник на трудном и скользкомъ поприщѣ учебно-исторической литературы, или... если не какъ разрушеніе, то какъ охлажденіе этихъ надеждъ. Новая исторія по-преимуществу есть пробный камень всякаго историческаго таланта: въ ней болѣе, чѣмъ въ древней и средней, должны обнаружиться всѣ симпатіи, вѣрованія, все безпристрастіе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, весь энтузіазмъ, вся живая человѣческая сторона историка. Прежде, нежели скажемъ мы, оправдала, или не оправдала надеждъ нашихъ новая исторія г. Смарадова, считаемъ за нужное вновь изложить наше воззрѣніе на исторію, какъ на современную науку, чтобы читатель вмѣталъ, на чемъ опираются наши требованія отъ всякаго историческаго учебника, а следовательно, и отъ исторіи г. Смарадова.

Самое простое опредѣленіе исторіи состоитъ въ ограниченіи круга ея содержанія историческою вѣрностью въ изложеніи фактовъ. Въ слѣдствіе этого опредѣленія, историкъ долженъ быть свободенъ отъ всякихъ требованій со стороны критики, если онъ хорошо знаетъ и вѣрно передаетъ событія. Многие дѣйствительно такъ смотрятъ на исторію. Въ слѣдствіе этого, они упорно отрицаютъ всякое вмѣшательство въ изложеніе событій со стороны того, что называется мнѣніемъ, взглядомъ, понятіемъ, убѣжденіемъ и — больше всего — философіею, потому что, по ихъ мнѣнію, все это только затемняетъ и искажаетъ дѣйствительность фактовъ, нарушаетъ святость исторической истины. Въ подтвержденіе своего мнѣнія, они съ торжествомъ указываютъ на тѣхъ историковъ, особенно нѣмецкихъ, которые пишутъ исторію по идеѣ, вараѣе принятой ими, и, желая, во что бы ни стало, уложить факты на прокрустово ложе своего воззрѣнія, по-неволѣ искажаютъ ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, такихъ историковъ было очень много, и то, что ставятъ имъ въ недостатокъ, дѣйствительно не есть достоинство. Но вотъ вопросъ: можетъ

ли вѣрно изложить историческіе факты человѣкъ, чуждый какому бы то ни было своего воззрѣнія на нихъ? — Можетъ, если подлѣ историческою истинною фактовъ должно разумѣть только географическую и хронологическую истину. Въ такомъ случаѣ, превосходныхъ историковъ можно было бы считать чуть не тысячами; ибо что за диво, при трудолюбіи и вульгарной эмпирической учености, не только изучить, но и выучить мануscriptъ множество лѣтописей и другихъ неподдержанныхъ никакому сомнѣнію историческихъ источниковъ? Вѣдъ быль же чудаки, у которыхъ доставало терпѣнія сосчитать, сколько буквъ находится въ Библии? Мудрено ли узнать, въ какомъ государствѣ, въ какомъ вѣкѣ родился, жилъ и умеръ Александръ-Македонскій, умѣть по пальцамъ расказать что онъ дѣлалъ изъ-дня-въ-день? Развѣ невозможное дѣло — перечестъ по разу разъ cadaго изъ древнихъ и новыхъ писателей, который написалъ объ Александрѣ-Македонскомъ десять томовъ или десять строкъ, сличить и попорить между собою всѣхъ этихъ писателей; наконецъ, изучить критическую дѣствительность всѣхъ даже малѣйшихъ фактовъ изъ жизни этого колосса древняго міра? Мы не говоримъ, однакожъ, чтобы это было легко и чтобы подобная эрудиція не стояла никакой цѣны: нѣтъ, эта эрудиція непременно должна составлять одно изъ средствъ историка, но не болѣе, какъ одно изъ другихъ средствъ; кто способенъ остановиться на одномъ этомъ, тому не диво сдѣлаться чудомъ учености и превратить свою голову въ огромную библіотеку, въ которую весь свѣтъ можетъ ходить за справками. Это тѣмъ возможно, что тутъ требуется очень-много ума и очень-много терпѣнія и мелочной педантской копотливости. И вотъ, положимъ, что такой-то господинъ приобрѣлъ себѣ эту огромную фактическую ученость и безъ записки можетъ вамъ отвѣтить, въ какомъ году, какого мѣсяца и числа родился Александръ-Македонскій, на ко-

торую сторону кривилъ онъ шею, ка-кого цвѣта были его глаза, на которомъ плечѣ была у него ролипка (если толь-ко она была) и, наконецъ, что дѣлалъ онъ на двадцать-четвертомъ году отъ своего рожденія, въ февралѣ мѣсяцѣ, седьмого числа, чрезъ часъ послѣ обѣ-да. Положимъ, что этотъ господинъ терпѣть не можетъ философіи и благо-говѣтъ только передъ одною неопро-вержимою достовѣрностью фактовъ, считая за грѣхъ смѣть сохранять свою личность при изображеніи великихъ событій прошедшаго. Не-уже-ли вы думаете, что если онъ возьмется напи-сать исторію, то это непременно вый-детъ самое правдивое сказаніе о дѣ-лахъ народовъ и лицъ историческихъ? — Нѣтъ, и тысячу разъ нѣтъ: въ его исторіи вы найдете гораздо-менѣе ист-орической истины, чѣмъ въ исторіи, отличающейся даже умысленнымъ искаженіемъ фактовъ въ пользу како-го-нибудь односторонняго и пристра-стнаго воззрѣнія. Холодно-безпристра-стное упоминовеніе о неопровержимо-достоверныхъ фактахъ—единственное достоинство исторіи выставленнаго на-ми для примѣра «ученаго» — можетъ представить вамъ хорошо-составлен-ный историческій словарь. Вы скаже-те: словарь — не исторія, потому-что въ исторіи факты представляются въ исторической связи и послѣдователь-ности. Въ томъ-то и дѣло, что въ исто-ріи, о какой мы здѣсь говоримъ, фак-ты излагаются не въ исторической, а только въ хронологической связи и по-слѣдовательности и, въ-слѣдствіе это-го, они хуже, чѣмъ искажены — они лишены всякаго смысла, и кто обогачилъ бы себя познаніемъ ихъ изъ та-кой книги, тотъ ни на шагъ не подви-нулся бы впередъ въ знаніи исторіи, хотя бы до того времени онъ совер-шенно не имѣлъ никакого понятія объ-той наукѣ. Все это происходитъ отъ-того, что есть не только изложеніе со-бытій, но и судъ надъ событіями,—не потому, впрочемъ, чтобъ историкъ не-ремѣнно хотѣлъ судить о нихъ, но же по тому только, что онъ взядся

излагать ихъ. Объяснимъ это примѣ-ромъ. Если кто-нибудь начнетъ раз-сказывать въ обществѣ о какомъ-ни-будь важномъ, хотя и частномъ проис-шествіи, случившемся съ какимъ-ни-будь лицомъ: чѣмъ необыкновеннѣе это происшествіе, тѣмъ скорѣе слуша-ющіе спросятъ рассказчика, почему же лицо, о которомъ онъ рассказыва-етъ, сдѣлало то, а не это, или посту-пило такъ, а не иначе? Естественно, если рассказчикъ откажется отъ всяка-го объясненія, тогда-какъ ему стоило бы только сказать, что за человекъ, о которомъ онъ рассказываетъ, какого онъ характера, образованія, въ какія обстоятельства поставило его воспита-ніе, образъ мыслей, наклонности, при-вычки и т. д., — то слушающіе равно ничего не поймутъ въ происшествіи, какъ бы ни было оно интересно само-по-себѣ; а эта потребность *понять* — такъ врожденна людямъ и присуща ихъ натурѣ, что они всегда готовы лучше удовлетвориться какою-нибудь дога-дкою ни на чемъ неоснованною догадкою, нежели принять фактъ, какъ онъ есть, въ его бессмысленной достовѣрности. Если же рассказчикъ скажетъ хоть од-ну фразу, въ родѣ слѣдующихъ: *я ду-маю, это произошло отъ-того*, или: *это-ю не случилось бы, еслибы*, — онъ уже не просто рассказываетъ происшествіе, но и судитъ о немъ. Если же онъ умѣлъ безъ всякихъ объясненій и суж-деній рассказать такъ, что всѣ поняли естественность необыкновеннаго про-исшествия — явный знакъ, что *сужде-ніе* играло въ его рассказѣ гораздо-большую роль, нежели какъ это мо-жетъ показаться съ перваго взгляда: оно скрывалось въ самомъ рассказѣ, проникало его, давало ему смыслъ и ха-рактеръ; очевидно, рассказчикъ вникъ въ причины происшествія и уже со-ставилъ о немъ свое понятіе. Разу-мѣется, чѣмъ ближе это понятіе къ истинѣ, тѣмъ оно лучше, и наоборотъ. Но во всякомъ случаѣ, *личность* рассказчика играетъ тутъ большую роль: какъ-ско-ро рассказывающій обнаружилъ суж-деніе, онъ, вмѣстѣ съ нимъ, обнару-

жить и себя: свой взгляд на вещи, свое образование, даже свой характер. Все живое имеет множество сторонъ, и одинъ схватываетъ только одну сторону предмета, другой — двѣ стороны, третій нѣсколько, четвертый множество сторонъ. Каждый изъ нихъ правъ въ-отношеніи къ той сторонѣ предмета, которая ему доступна, хотя, можетъ-быть, черезъ это самое не правъ въ-отношеніи къ другимъ сторонамъ того же предмета. Но кто, видя предметъ, не смотритъ на него ни съ какой точки зрѣнія, тотъ немного выигралъ тѣмъ, что у него есть глаза. Если такой человѣкъ заговоритъ о предметѣ, который онъ видитъ, — онъ будетъ ни чѣмъ инымъ, какъ зеркаломъ, и притомъ еще косымъ, говорящему машиномъ, — а извѣстно, какъ называются люди, неимѣющіе другаго значенія, кромѣ машины...

Какимъ-образомъ, при всей добросовѣстности, при всемъ усердіи къ вѣрной передачѣ фактовъ, какимъ образомъ историкъ разскажетъ вѣрно, на-прим., о крестовыхъ походахъ, не входя въ сужденіе о смыслѣ и значеніи этого великаго событія? И много ли увидѣмъ мы отъ него, если онъ скажетъ, что крестовые походы начались въ XI столѣтіи, продолжались до XIV и сопровождалась такими-то и такими-то обстоятельствами? Нѣтъ, мы захотимъ еще знать, почему крестовые походы могли занимать Европу только до XIV вѣка? и почему они слѣдывались уже совершенно-невозможны въ XV и слѣдующихъ столѣтіяхъ? Если историкъ отвѣтитъ намъ, что то было религиозное время, — мы спросимъ его, почему же религиозное движеніе, которое въ XI вѣкѣ произвело крестовые походы, почему то же самое религиозное движеніе въ XVI вѣкѣ произвело реформацію? Вѣдь такія событія не могли же быть случайными, но были результатами необходимыхъ причинъ? Безграмотный матросъ, объѣхавшій на кораблѣ кругомъ свѣта, знаетъ, что есть страны, гдѣ почти не бываетъ лѣта, и есть страны, гдѣ зима похожа на теплую

осень; конечно, онъ знаетъ больше того, кто думаетъ, что весь міръ, какъ двѣ капли воды, похожъ на заклустье, въ которомъ онъ живетъ безвыходно; но можно ли назвать это знаніемъ, если оно соединяется съ совершеннымъ незнаніемъ причинъ разности климатовъ, объясняемыхъ математическою географіею? Такіе матросы есть и между людьми грамотными и даже учеными; — и вотъ они-то такъ и любятъ философію въ исторіи. Величайшая слабость ума заключается въ недовѣрчивости къ силамъ ума. Всякій человѣкъ, какъ бы ни былъ онъ великъ, есть существо ограниченное, и въ немъ самая геніальность идетъ обрѣзку съ ограниченностью, ибо часто могущій и глубоко-проницающій въ одномъ, онъ тѣмъ менѣе способенъ понимать другое. Дѣ, ограниченъ разумъ человѣка, но за то безграниченъ разумъ человѣческой, то-есть, разумъ человечества. И между-тѣмъ, все постигнутое человечествомъ — этою идеальною личностью, достигнуто ею черезъ людей, черезъ личности реальные. Дѣло въ томъ, что въ процессѣ общечеловѣческой жизни, все ложное и ограниченное каждаго человѣка улечивается, не оставляя по себѣ слѣда, а все истинное и разумное даетъ плодъ сторицею. Многимъ, современнымъ Александру-Македонскому народамъ, стоила рѣкъ крови и слезъ его героическая страсть къ славл; намъ она теперь ровно ничего не стоитъ, а между-тѣмъ, благодаря ей, мы слѣдывались наследниками всѣхъ сокровищъ древней цивилизаціи и мудрости, которая пришла догорать своимъ послѣднимъ свѣтомъ въ столицѣ Птолемеевъ. Скажемъ болѣе: въ процессѣ общечеловѣческой жизни нѣрѣдко обращается въ полезное и благое даже то, что имѣло своимъ источникомъ ложь или корыстныя расчеты: исканіе философскаго камня положило основаніе важной науки — химіи и обогатило ее открытіями великихъ таинствъ природы; своекорыстная и коварная политика Лудовика XI была источникомъ одного изъ благодѣтель-

нѣйшихъ учреждений для человѣческаго рода — постоянныхъ почтъ. Это же самое можно примѣнить и къ попыткамъ человѣческаго ума—сдѣлать науку изъ біографіи великаго лица, называемого человѣчествомъ. Не смотря на безконечную противорѣчивость во взглядахъ на одинъ и тотъ же предметъ, не смотря на всю односторонность, происходящую отъ пристрастія и отъ ограниченности, — словомъ, не смотря на то, что до сихъ еще поръ нѣтъ двухъ историческихъ сочиненій, сколько-нибудь замѣчательныхъ, которыя были бы вполне согласны между собою, въ изложеніи однихъ и тѣхъ же событій, — въ исторіи тѣмъ не менѣе уже есть свои незаблемыя основанія, есть идеи, получившія значеніе аксіомъ. Ибо все, что въ историческихъ трудахъ является ограниченностью разума *человѣка*, — все это, такъ-сказать, исправляется и пополняется разумомъ *человѣчества*. Съ этой точки зрѣнія, самая ограниченность нравственная отдѣльныхъ личностей дѣлается источникомъ и причиною безграничности разума *человѣческаго* и торжества истины. Осдѣленный, фанатическій католикъ пишетъ, напримѣръ, исторію реформации: если онъ человѣкъ съ умомъ, знаніемъ и талантомъ, его исторія, не смотря на ея явное, вопіющее пристрастіе, не можетъ не быть полезною, потому-что самый духъ парціальности, одушевляющій его, заставитъ его найдти и вывести наружу хорошія черты умиравшаго католицизма, равно какъ и неговорящія въ пользу протестантской партіи факты, съ умысломъ скрытые, или искаженные слѣпными поборниками лютеранизма. Также точно способствуетъ тому же самому торжеству истины и протестантскій писатель, одушевленный слѣпюю ненавистью къ католицизму и слѣпымъ усердіемъ къ своей партіи. Ложная сторона такихъ сочиненій, ужъ по самой своей очевидности, безсилна исказить истину; ложь скоро умираетъ: она носитъ сама въ себѣ смерть съ минуты своего рожденія, — а истина остается. Но изъ этого не слѣ-

дуетъ, чтобъ всѣ историческія сочиненія писались односторонно и пристрастно: мы хотѣли только сказать, что даже самыя одностороннія и пристрастныя сочиненія часто служатъ къ торжеству истины. Являются, хотя и не такъ часто, умы свѣтлые и возвышенные,—умы, которые умѣютъ примирить въ себѣ любовь къ своему убѣжденію не только съ безпристрастіемъ, но и съ уваженіемъ къ противникамъ, — словомъ, которые, умѣя быть поборниками извѣстной партіи, гражданами той или другой земли, умѣютъ быть, въ то же время, и людьми—членами великаго семейства рода *человѣческаго*. Если это благородное и многостороннее безпристрастіе ума, свидѣтельствующее о великомъ сердцѣ, соединяется съ высокими талантомъ, или гениальностію, тогда въ трудахъ этихъ людей исторія пріобрѣтаетъ все достоинство науки, сколько важной по своему назначенію, столько и незаблемо-твердой по своимъ непреложнымъ началамъ, независящимъ отъ произвола людскихъ страстей и ограниченности. Ничего совершеннаго не можетъ произвести умъ *человѣческій*, и часто изъ самыхъ достоинствъ его труда необходимо оказываются, какъ обратная сторона, и его недостатки; но болѣе или менѣе близкое къ совершенству есть, безъ сомнѣнія, одно изъ неотъемлемыхъ правъ ума *человѣческаго*. И для чего же на одномъ и томъ же прищѣ дѣйствуетъ много людей съ различными характерами и свойствами, если не для того, чтобъ ошибки или недостатки одного были поправлены и восполнены другимъ, и чтобъ все истинное и прекрасное каждой личности возложилось на алтарь *человѣчества*, а все ложное, или недостаточное сгорѣло въ очистительномъ огнѣ жертвенника? Безпристрастіе есть столько же свойство духа *человѣческаго*, сколько и пристрастіе; въ этомъ могутъ сомнѣваться только умы низкіе, которые все на свѣтѣ мѣряютъ своею собственною низостью. Этимъ особе-

но отличаются скептики по-заказу, которые гордятся своимъ невѣрjemъ во все истинное и великое, какъ древніе циники гордились своею живою неопытною. Въ ихъ глазахъ, всякій порывъ ума къ истинѣ есть не что иное, какъ новое усиліе дать видъ истины новой жи, изъ корыстнаго расчета, или изъ мелкаго самолюбія. Въ ихъ глазахъ, исторія есть сплетеніе лжей, выдуманныхъ страстями человѣческими для собственнаго оправданія, или для выгодной спекуляціи. Такихъ людей не переспоришь, да они и не стоить спора. Менѣ ихъ виновны, но еще-болѣе ихъ жалки тѣ слабые умы, которые для вѣры требуютъ знаменій, и только тогда пламенно признаютъ истину, когда даже вишнія обстоятельства способствуютъ ея торжеству, и право даже матеріальной силы на ея сторонѣ; но лишь-только настало время гла и жи, волишь-только современная дѣйствительность вручила жезлъ силы врагамъ истины и добра,—эти добрые энтузіасты, далекіе, впрочемъ, отъ того, чтобъ перейти на сторону тьмы, тѣмъ неменѣе отчаяваются въ достовѣрности и дѣйствительности того, что считали недавно своимъ кровнымъ убѣжденjemъ! Въ малодушіи своемъ, они готовы всякую истину признать призракомъ своей фантазія, обманомъ своего сердца, заблужденjemъ ума; не имѣя силы пристать ни къ той, ни къ другой сторонѣ, они начинаютъ заводить жалобныя іереміады о горькомъ разочарованіи, о слабости человѣческаго ума, о блаженствѣ вѣры въ какую-нибудь сладенькую фантазію собственной ихъ работы, которую они добродушно предлагаютъ всѣмъ, какъ спасительный якорь на тревожномъ морѣ жизни.

Вѣра въ идею составляетъ единственное основаніе всякаго знанія. Въ наукѣ должно искать идеи. Нѣтъ идеи, нѣтъ и науки! Знаніе фактовъ *только потому* и драгоценно, что въ фактахъ скрываются идеи; факты безъ идей — соръ для головы и памяти. Взоръ натурали-

ста, наблюдая явленія природы, открываетъ въ нихъ разнообразіи общіе и неизмѣнные законы, т. е. идеи. Руководимый идеєю, онъ въ классификаціи явленій природы видитъ уже не искусственное облегченіе для памяти, но постепенность развитія отъ низшихъ родовъ до высшихъ, следовательно, видитъ движеніе, жизнь. Неужели же явленія общности, составляющей необходимую форму жизни человѣка, менѣе-интересны, менѣе-разумны, нежели явленія природы? Были и есть скептики, которые утверждали и утверждаютъ, что природа произошла случайно, отъ какихъ-то атомовъ, которые Богъ-вѣсть откуда произошли; но уже давно перевелись скептики, основывавшіеся на обманѣ чувствъ, отрицавшіе порядокъ, гармонію и неизмѣнность законовъ, по которымъ существуетъ природа. Неужели же человѣческое общество — это высшее проявленіе разумности высшаго явленія безсознательной природы человѣка, — неужели общество возникло изъ случайности и управляется случайностью? И между-тѣмъ, есть люди, которые думаютъ такъ, можетъ-быть, сами того не зная, что они такъ думаютъ! Нбо отвергать возможность исторіи какъ науки, значить — отвергать въ развитіи общности неизмѣнные законы, и въ судьбахъ человѣка ничего не видѣть, кромѣ безсмысленнаго произвола слѣпаго случая. Пока фактическія знанія находились еще въ колыбели, простиительно было такъ думать; но когда знаніе фактовъ открыло между ними связь и последовательность, а философія открыла смыслъ и значеніе этой связи и последовательности, показавъ въ нихъ развитіе и прогрессъ, — тогда возможность исторіи, какъ науки, и ея великое значеніе могутъ быть закрыты только для одного слабоумія, или наглаго шарлатанства, которое въ парадоксахъ, болѣе безстыдныхъ, чѣмъ смѣлыхъ, ищетъ жалкой извѣстности, способной удовлетворять мелкое самолюбіе...

Исторія есть наука нашего времени, и потому наука новая. Не смотря на то, она уже успѣла сдѣлаться господствующею наукою времени, альфою и омегою вѣка. Она дала новое направление искусству, сообщила новый характеръ политикѣ, вошла въ жизнь и нравы частныхъ людей. Ея вопросы сдѣлались вопросами жизни и смерти для народовъ и для частныхъ людей. Это историческое направление есть великое доказательство великаго шага впередъ, который сдѣлало человѣчество въ последнее время на пути совершенствованія: оно свидѣтельствуется, что отдѣльныя лица начинаютъ сознавать себя живыми органами общества — живыми членами человечества, и что, слѣдовательно, само человѣчество живетъ уже не объективно только, но какъ живая, сознающая себя личность.

Есть двѣ исторіи: одна непосредственная, другая сознательная. Первая, это — сама жизнь человѣчества, изъ самой-себя развивающаяся по законамъ разумной необходимости. Вторая, это — изложеніе фактовъ жизни человѣчества, исторія писанная — сознаніе исторіи непосредственной. Все разумное имѣетъ свою точку отравленія и свою цѣль; движеніе есть проявленіе жизни, цѣль есть смыслъ жизни. Въ непосредственной жизни человѣчества мы видимъ стремленіе къ разумному сознанію, стремленіе — непосредственное сдѣлать въ то же время и сознательнымъ, ибо полное торжество разумности состоитъ въ гармоническомъ сліяніи непосредственнаго существованія съ сознательнымъ. Жизнь животнаго также подчинена неизмѣннымъ и общимъ законамъ природы; но животному не дано наслаждаться сознаніемъ своего существованія, не дано видѣть и разумѣть себя не только какъ нѣчто въ самомъ-себѣ, но и какъ внѣ себя пребывающее. Животное чувствуетъ свою *особность* отъ окружающихъ его предметовъ, чувствуетъ свою *индивидуальность*, но у него нѣтъ личности, оно

не можетъ сказать себѣ: *мыслью, слѣдовательно, существую*. Непосредственная жизнь имѣетъ свои ступени и является то низшею, то вышею, но законы ея вездѣ одинаковы: человѣкъ и въ непосредственности бытія своего выше животнаго, но вполне человѣкомъ онъ можетъ быть только какъ существо сознательное. Гегель сказалъ: «Человѣкъ есть животное, которое потому уже не есть животное, что оно знаетъ, что оно — животное». Для ума поверхностнаго это опредѣленіе можетъ показаться философскимъ каламбуромъ; дюжинные остряки, пожалуй, назовутъ его еще и туманнымъ, а гордое собою невѣжество увидитъ въ немъ худощаво-мудренное нѣмецкое слово, Спорить съ этими господами мы не имѣемъ ни времени, ни охоты. Мыслящіе люди поймутъ всю глубину этого выраженія, по-видимому весьма-простаго, но рѣзко и опредѣленно схватывающаго великую мысль. Въ-самомъ-дѣлѣ, лизарь, пожирающій тѣло убитаго врага, не потому ли именно есть звѣрь, что онъ не знаетъ, что онъ звѣрь? Еслибъ его грубое понятіе озарилось сознаніемъ, что онъ — звѣрь, тогда, еслибъ онъ и не пересталъ быть звѣремъ, для него все-таки явилась бы возможность перестать быть звѣремъ. Это можно примѣнить ко многому. Для котораго изъ двухъ злодѣевъ предстать больше возможности сдѣлаться добрымъ: для того ли, который сознаетъ, что онъ злодѣй, или для того, который въ своемъ злодѣйствѣ видитъ законную форму жизни и даже гордится имъ, какъ доблестью? Дѣло только въ томъ, что подлѣ сознаніемъ не должно разумѣть одного холоднаго логическаго процесса мысли, но страстное, переходящее въ жизнь убѣжденіе. Полнота жизни человѣка должна состоять въ равномерномъ участіи всѣхъ сторонъ его нравственнаго существованія. Въ мысли безъ чувства, и въ чувствѣ безъ мысли видѣть только порывъ къ сознанію, половинна сознанія, но еще не сознаніе: это кашпана, кое-какъ дѣйствующая половинно

своих колесъ, и потому дѣйствующая слабо и невѣрно.

Мы знаемъ, что во времена глубокой древности и даже среди грубыхъ, невѣжественныхъ народовъ являлись гениальныя личности, возвышавшіяся до значительныхъ ступеней человѣческаго сознанія. Но человѣкъ не есть самъ себѣ цѣль: онъ живётъ среди другихъ и для другихъ, такъ же, какъ и другіе живутъ для него. Народъ — тоже личность, какъ и человѣкъ, только еще высшая; человѣчество — та же личность, что и народъ, только еще высшая. Итакъ, если цѣль жизни каждаго человѣка, отдѣльно взятаго — сознаніе, то что же, если не сознаніе, должно быть цѣлью существованія и каждаго народа и всего человечества? Это гѣмъ яснѣе, что какъ бы ни великъ былъ человѣкъ, народъ всегда выше его, и соединенныя усилія многихъ людей всегда превзойдутъ въ своихъ результатахъ его усилія.

А между-тѣмъ, мы видимъ, что доселѣ успѣхи сознанія состоятъ только въ томъ, что отъ индивидуумовъ они перешли къ сословіямъ. Слѣдовательно, человечеству предстоитъ пройти на пути совершенствованія или сознанія еще болѣе длинный путь, нежели какой оно прошло уже; но этотъ путь будетъ уже болѣе прямой и широкій; а это уже много — изъ чащей и дебрей выйти наконецъ на большую дорогу. Вотъ почему мы видимъ великій успѣхъ человечества въ историческомъ направленіи нашего вѣка. Если человечество уже начало признавать себя человечествомъ, — значитъ, близко время, когда оно будетъ человечествомъ не только непосредственно, какъ было доселѣ, но и сознательно. И начало этого сознанія оно могло подчеркнуть только въ исторіи.

Исторія на Востокѣ и доселѣ есть сказка, ибо она такъ не отдѣлилась еще отъ поэзіи. Говоря собственно, на Востокѣ и не можетъ быть исторіи: исторію можетъ писать только тотъ народъ, который своею жизнью дела-

етъ исторію, то-есть, наполняетъ массу *разумныхъ*, а не *случайныхъ* событій, составляющихъ содержаніе исторіи; а Востокъ умеръ въ младенчествѣ, въ то время, когда его сознаніе могло выражаться только въ поэзіи. У древнихъ была исторія, но въ ихъ духѣ, и удовлетворительная только для нихъ. Они умѣли съ дивнымъ художественнымъ искусствомъ излагать событія; умѣли даже видѣть ихъ въ органической связи и послѣдовательности; но у нихъ не было (и не могло быть) идеи о прогрессѣ, о развитіи человечества. Грекъ и Римлянинъ видѣли человечество только въ самихъ-себѣ, а все, что не было Грекомъ и Римляниномъ, они называли варварами. Соэрипаніе, лежащее въ основаніи ихъ исторіи, было чисто-древнее, трагическое, въ которомъ преобладала мысль о борьбѣ человѣка и народовъ съ рокомъ и побѣдѣ послѣдлаго надъ первыми. Древніе носили въ душѣ своей темное предчувствіе недолговѣчности (формъ своей жизни, — и отсюда ихъ понятіе о мрачномъ царствѣ судьбы, которой трепетали даже самые боги ихъ. Такое гѣсное воззрѣніе не могло возвыситься до исторіи, какъ науки, и потому исторія у древнихъ была только искусствомъ и принадлежала къ области краснорѣчія. Истинное понятіе объ исторіи могло возникнуть только у христіанскихъ народовъ, которыхъ Богъ есть всѣхъ людей, безъ различія національностей. И однакожь, эта идея о человечествѣ, составляющая душу и жизнь исторіи и возвысившая ее до значенія науки, явилась недавно, а развилась еще позднѣе. Знаменитая рѣчь гениальнаго Боссуэта о всеобщей исторіи (появившаяся въ 1681 году), была первымъ сочиненіемъ, которое навело на мысль — подводить всѣ историческія событія подъ одну точку зрѣнія, искать въ нихъ одной идеи. Это была идея еще только въ зародышѣ, и ея развитіе началось съ прошлаго вѣка (Вико, Кантъ, Шлѣйеръ, Гердеръ) и быстро шлетъ въ настоящемъ вѣкѣ. Мы разувѣн-

здѣсь только теоретическое развитіе этой идеи, и въ этомъ отношеніи, едва ли кому она такъ много имѣла обязана, какъ Гегелю. Разумѣется, и практика не осталась безъ попытокъ уравниваться съ теоріею, и теперь исторія, чуждая идеи прогресса, вѣкъмъ не будетъ признана въ достоинствѣ исторіи. Однакожь, должно сказать, что въ этомъ отношеніи теорія далеко опередила практику, и идеалъ исторіи, ясный и опредѣленный въ сознаніи, до сихъ поръ не осуществленъ фактами. Если что-нибудь было замѣчательнаго по части историческихъ опытовъ, такъ это или исторія отдѣльныхъ народовъ, или изложеніе какой-нибудь отдѣльной эпохи изъ всеобщей исторіи. Лучшіе историки—англійскіе и французскіе; но ихъ именъ немного: Юмъ, Робертсонъ, Гиббонъ, Гизо, Тьеръ, Мишлѣ, Барантъ, Тьерри; первые три принадлежатъ прошлому столѣтію, а послѣдніе — нынѣшнему. Изъ Нѣмцевъ замѣчательны: Иоганнъ Мюллеръ, Шиллеръ, Раумеръ, Ранке и Лео. Нельзя не сказать, что это число слишкомъ невелико. Что же касается до попытокъ написать всеобщую исторію, то здѣсь нѣ на что и указать, кромѣ трудовъ Роттека и Шлоссера, особенно послѣдняго, — трудовъ болѣе замѣчательныхъ, чѣмъ удовлетворительныхъ. Причина этого очевидна: нужно удивительное соединеніе въ одномъ человѣкѣ слишкомъ-много ихъ слишкомъ-великихъ условий, чтобъ онъ могъ написать хорошую всеобщую исторію: громадная эрудиція, широкія симпатіи, многосторонность соображеній, высокое философское образованіе, соединенное съ глубокимъ знаніемъ людей и жизни, съ вѣрнымъ тактомъ дѣятельности, возвышенность и силу личнаго убѣжденія, посвящага характеръ религіозный и соединеннаго съ тою гуманною терпимостію, которая вытекаетъ изъ живаго сознанія законовъ необходимости; наконецъ, великій художественный талантъ, въ которомъ бы энциклопедическій элементъ органически сливался съ противоположнымъ

ему драматическимъ элементомъ для исторіи, въ истинномъ значеніи этого слова, еще не настало время: переходныя эпохи, когда старое или сокрушается съ грохотомъ, или подтачивается медленно, а заря новаго видна только немногимъ избраннымъ, одареннымъ ясновидѣніемъ будущаго по темнымъ для другихъ прирѣтамъ настоящего,—переходныя эпохи, какъ безплодныя и лишенные великихъ и живыхъ вѣрованій, неблагоприятны для исторіи, какъ произведенія науки и искусства вмѣстѣ.

Между людьми, наиболѣе способствовавшими развитію истиннаго взгляда на исторію, почетное мѣсто занимаетъ человѣкъ, написавшій одну прелюбую исторію и множество превосходныхъ романовъ: мы говоримъ о Вальтерѣ Скоттѣ. Невѣжды провозгласили его романы незаконнымъ плодомъ соединенія исторіи съ вымысломъ. Очевидно, что въ ихъ узкомъ понятіи никакъ не могла склестись исторія съ вымысломъ. Такъ есть люди, которые никакъ не могутъ понять смысла оперы, какъ художественнаго произведенія, потому что въ ней дѣйствующія лица не говорятъ, а поютъ, чего не бываетъ въ дѣятельности. Такъ есть люди, которые считаютъ за вздоръ стихи, справедливо замѣчая, что стихами-де никто не говоритъ. Разные бываютъ люди и равные бываютъ роды уволобія! Тѣ, которыхъ приводитъ въ соблазнъ сочетаніе исторіи съ романомъ, смотрятъ на исторію, какъ на военную и дипломатическую хроникъ, и съ этой точки зрѣнія, они, конечно, правы. Они не понимаютъ, что исторія нравовъ, измѣняющихся съ каждымъ новымъ поколѣніемъ, есть еще болѣе-интересная исторія, чѣмъ исторія войнъ и договоровъ, и что обновленіе нравовъ чрезъ обновленіе поколѣній есть одно изъ главныхъ средствъ, которыми Провидѣніе ведетъ человѣчество къ совершенству. Они не понимаютъ, что историческая и частная жизнь людей такъ перемѣшаны и слиты между со-

Бою, какъ праздники съ буднями. Вальтеръ Скоттъ угадалъ это, какъ гениальный человѣкъ—истиннѣе. Знакомый съ хрониками, онъ умѣлъ читать въ нихъ не только то, что написано въ строкахъ, но и между строками. Въ его романахъ толпятся люди, волнуются страсти, кипятъ интересы великіе и малые, высокіе и низкіе, и во всемъ этомъ проявляется пагость эпохи, съ удивительнымъ искусствомъ схваченный. Прочитавъ его романъ, значить прожить описанную имъ эпоху, сдѣлаться на время современникомъ изображенныхъ имъ лицъ, мыслить на время ихъ мыслию, чувствовать ихъ чувствомъ. Онъ умѣлъ взглянуть какъ гениальный человѣкъ и на кровавыя внутреннія волненія древней Англіи, волненія, въ новой Англіи принявшія форму консервативности и оппозитици, и открылъ ихъ смыслъ и значеніе въ борьбѣ англо-саксонскаго элемента съ норманскимъ. Вотъ почему Гиво называетъ Вальтера Скотта своимъ учителемъ въ исторіи, и онъ самъ объяснилъ источникъ французской революціи результатомъ *тринадцати-лѣтней* борьбы между франкскими и галльскими элементами.

Въ основаніи всеобщей исторіи, должна лежать идея человѣчества, какъ предмета единичнаго, индивидуальнаго и личнаго. Задача всеобщей исторіи—начертать картину развитія, черезъ которое человѣчество изъ дикаго состоянія перешло въ то, въ какомъ мы его видимъ теперь. Это необходимо предполагаетъ живую связь между современнымъ и древнимъ, теряющимся во мракѣ времени,—словомъ, предполагаетъ непрерывающуюся нить, которая проходитъ черезъ всѣ событія и связываетъ ихъ между собою, давая имъ характеръ чего-то цѣлаго и единаго. Эта нить есть идея сознанія, диалектически-развивающагося въ событіяхъ, такъ-что въ нихъ все послѣдующее необходимо выходитъ изъ предыдущаго, а все предыдущее служитъ источникомъ послѣдующему, точно такъ, какъ въ логическомъ разсужде-

ніи одно умозаключеніе выходитъ изъ другаго и рождаетъ изъ себя третье. Эта истина очевидна; она доказывается тѣмъ, что многое въ нашемъ мікѣ было бы совершенно-непонятно въ отношеніи къ своему происхожденію, еслибъ мы не знали древней исторіи. Слѣдя за судьбами человѣчества, мы въ ряду историческихъ эпохъ его видимъ строгую, непрерываемую послѣдовательность, такъ же, какъ въ событіяхъ живую, органическую связь. Мы видимъ, что каждый человѣкъ, существуя для себя-самого, въ то же время существуетъ для общества, среди котораго родился; что онъ относится къ этому обществу, какъ часть къ цѣлому, какъ членъ къ тѣлу, какъ растение къ почвѣ, которая и родитъ и питаетъ его. Отсюда происходитъ, что каждый человѣкъ живетъ въ духѣ этого общества, выражая собою его достоинства и недостатки, раздѣляя съ нимъ его истины и заблужденія. Мы видимъ, что общество, какъ собраніе множества людей, которые, не смотря на все различіе свое одинъ отъ другаго, тѣмъ неменѣе въ своемъ образѣ мыслей, чувствъ, вѣрованій, имѣютъ что-то общее, — есть нѣчто единое, органически-цѣлое, словомъ, что общество есть идеальная личность. Мы видимъ, что каждое общество (племя, народъ, государство), живя для самого-себя и своею собственною жизнью, какъ отдѣльный человѣкъ, въ то же время живетъ для человѣчества и относится къ нему, какъ часть къ цѣлому, какъ членъ къ тѣлу, какъ растение къ почвѣ, которая и родитъ и питаетъ его своими соками. Какъ изъ разнообразія характеровъ, способностей, и воли множества людей, разнообразія, впрочемъ, запечатлѣннаго чѣмъ-то общимъ, образуется органическое единство политическаго тѣла—народъ или государство, такъ изъ разнообразія характеровъ народовъ образуется единство человѣчества. Каждый человѣкъ потому чѣмъ-нибудь отличается отъ всѣхъ другихъ людей и наружно и внутренно, что только изъ разнообра-

ня способностей образуется гармонія совокупныхъ дѣйствій; и каждый народъ потому отличается болѣе или менѣе отъ всѣхъ другихъ, что долженъ въ общую сокровищницу человѣчества принести свою лепту. Въ обществѣ, одинъ — земледѣлецъ, другой — ремесленникъ, третій — воинъ, четвертый — художникъ и такъ далѣе, каждый по своей способности и своему призванію, — и каждый, по этому самому, представляетъ собою необходимое колесо для движенія общественной машины. То же и съ народами въ отношеніи къ человѣчеству: въ Египтѣ возникли математическія и естественныя знанія; Греція развила идею искусства и гражданской доблести, основанной на благородствѣ свободной любви къ отечеству; Римъ развилъ идею права и далъ древнему міру гражданское устройство; Евреи — по превосходству народъ Божій — были призваны Провидѣніемъ быть хранителями священнаго огня истинной вѣры въ Бога, той вѣры, которой основаніемъ была *снѣдающая ревность по Богу*; и изъ этого во-истину избраннаго Богомъ народа вышло спасеніе міра, явился Богочеловѣкъ, провозвѣстившій міру ту вѣру, которая не есть вѣра одного народа, но вѣра всѣхъ людей, и которая указала людямъ кланяться Богу не въ Иерусалимѣ только, но всюду и вездѣ, *духомъ и истиною*. Древній міръ окончилъ свое существованіе: не стало Греціи, погибъ жертвою варваровъ міродержавный Римъ, и разсыпались по лицу земли остатки вѣкогда любимаго и избраннаго Богомъ народа; казалось, насталъ конецъ міру, свѣтильникъ просвѣщенія угасъ навсегда, и варварство должно было поглотить человѣчество. Но на рубежѣ двухъ міровъ — умирающаго древняго и возраждающаго новаго, но въ хаосѣ среднихъ вѣковъ, этой эпохи никакаго невѣжества, кровавыхъ войнъ, безпорядка и смѣшенія, не переставала раздаваться всемогущій глаголъ жизни: *да будетъ!* И бысть!... новая вѣра укрѣпилась и распространилась

по лицу лучшей части земли, политическій безпорядокъ переродился въ монархическое единство, муниципальная система городовъ, основанная Римлянами въ Испаніи, Галліи, Британіи и Германіи удержалась и развилась; римское право смѣнилось варварскія заковоположенія и, наконецъ, для Европы воскресли и мудрость, и искусство, и гуманныя формы гражданской жизни древней Эллады! Ничто изъ прожитаго человѣчествомъ не пропало втунѣ, но все сохранилось, чтобъ ожить въ новыхъ, болѣе-сложныхъ и полныхъ формахъ, чтобъ войти, подобно питательнымъ сокамъ, въ новое общественное тѣло и, присутствовавши ему, утучнить его на новое здравіе и новыя силы! И даже теперь, въ нашъ вѣкъ, холодный и разсчетливый, положительный и мануфактурный, въ нашъ вѣкъ, въ которомъ малодушіе виднѣтъ только гніеніе и близкую смерть, и въ которомъ, дѣйствительно, маленькими самолюбиями замѣнились великія страсти, а маленькими людьми — великіе люди, — развѣ даже и въ нашъ вѣкъ развитіе человѣчества остановилось? Да, если хотите, оно остановилось, но для того только, чтобъ собраться съ силами, запастись матеріальными средствами, которыхъ столь же необходимы для него, какъ и духовныя! И эти паровыя машины, эти желѣзныя дороги, электрическіе телеграфы, все это что же такое, если не побѣда духа надъ грубою матеріею, если не предѣстникъ близкаго освобожденія челоѣка отъ матеріальныхъ работъ, унижающихъ душу и сокрушающихъ волю, отъ рабства нужды и вещественности! И, однакъ, еще нелишье было бы думать, что теперь развитіе должно остановиться, потому что дошло до самой крайней степени и дальше идти не можетъ. Нѣтъ предѣла развитію челоѣчества, и никогда челоѣчество не скажетъ себѣ: *стоп, довольно, больше идти не куда!* Тѣ, что мы называемъ челоѣчествомъ, не есть какая-нибудь реальная личность, ограниченная, въ самой личности ея, матеріальнымъ

условіями, и живущая для того, чтобъ умереть: человѣчество есть идеальная личность, для которой нѣтъ смерти, ибо умираютъ люди, но человѣчество не только отъ этого не умираетъ, даже не умалется. Человѣчество, это — духъ человѣческій, а всякій духъ безсмертенъ и вѣченъ! И въ чемъ же бы состояла вѣчная жизнь человѣчества, чѣмъ бы наполнилась она, еслибъ ея развитіе остановилось навсегда? Жизнь только въ движеніи; въ покоѣ—смерть. Въ чемъ будетъ состоять развитіе человѣчества черезъ тысячу лѣтъ? — подобный вопросъ негнѣнъ, потому что неразрѣшимъ. Но въ эпоху всеобщаго разложенія элементовъ, которые до тѣхъ составляли жизнь общества, въ эпоху отрицанія старыхъ началъ, на которыя опиралась эта жизнь, въ эпоху всеобщей тоски по обновленіи и всеобщаго стремленія къ новому идеалу, можно предчувствовать и даже предвидѣть основаніе будущей эпохи, ибо самое отрицаніе указываетъ на требованіе, и разрушеніе стараго всегда совершается чрезъ появленіе новыхъ идей. Если до-сихъ-поръ человѣчество достигло многого, это значитъ, что оно еще большаго должно достигнуть въ скорѣйшее время. Оно уже начало понимать, что оно—человѣчество: скоро захочетъ оно въ-самомъ-дѣлѣ сдѣлать себя человѣчествомъ...

Мысль гордая и великая! Нѣтъ болѣе случайности: духъ Божій ведетъ и движетъ духъ человѣческій къ его цѣли! Историческій фатализмъ—богохульство; живая вѣра въ прогрессъ и—ея слѣдствіе—сознаніе своего человѣческаго достоинства: вотъ плоды изученія исторіи, вотъ великое значеніе великой науки!..

Отсюда видно важное значеніе историческаго учебника. Въ жизни каждого человѣка бываетъ эпоха непосредственной восприимчивости идей, и бываетъ эпоха, когда принятіе новыхъ идей, или дальнѣйшее развитіе старыхъ, возможно только на основаніи трудовъ первой эпохи. Слишкомъ-немногіе способны, достигши возмужа-

лости, понять истины самыя простые и доступныя въ лѣта дѣтства и юности, посвященныя ученію. Это оттого, что дѣтство принимаетъ на вѣру, непосредственно, тѣ идеи, которыми сначала кажутся отвлеченными, а потомъ, въ болѣе-зрѣломъ возрастѣ, получаютъ характеръ осязаемой дѣятельности, повѣряются и развиваются сознаниемъ. Кто учился исторіи въ эпоху первой молодости, тотъ сперва непосредственно принимаетъ въ себя созерцаніе народа, или человѣчества, какъ идеальной личности. Для человѣка же, который начинаетъ мыслить и учиться въ эпоху возмужалости, подобныя идеи иногда даются съ большимъ напряженіемъ ума, и часто совсѣмъ не даются: ибо умъ, неразвѣтанный ученіемъ и не сдѣлавшійся оттого гибкимъ въ лѣта дѣтства и юности, дѣлается грубымъ и неспособнымъ для принятія отвлеченныхъ понятій; ему бываетъ доступно только матеріальнымъ образомъ ясное и опредѣленное. Но эта-то самая гибкость и вѣжная впечатлительность юныхъ умовъ, которая такъ способствуетъ быстрой и легкой восприимчивости идей и на которой основывается возможность усвоенія содержанія науки—истины, она же бываетъ и причиною огрубленія способностей и безсилія постигать истину. Это зависитъ отъ того, *какія* истины впервые коснутся юнаго мозга и *какимъ-образомъ* будутъ онѣ ему переданы. Отсюда выходятъ великая важность всякаго учебника, а, слѣдовательно, и историческаго.

Историческій учебникъ, вопреки обще-привычному ложному мнѣнію, отнюдь не долженъ быть чуждъ всякимъ разсужденіямъ, предложеннымъ отъ лица автора. Дѣло въ томъ, чтобъ эти разсужденія были умѣстны и заключали въ себѣ столько же мыслей, сколько и словъ. Онѣ должны быть выразительны безъ многословія, сжаты безъ темноты, краснорѣчны безъ изысканности, сильны безъ напыщенности. Ихъ цѣль должна быть—

приученіе молодого ума разсуждать безъ резонёрства, мыслить безъ сухости, и вникать не только въ смыслъ, но и въ поэзію великихъ міровыхъ событий. Но еще большее умѣніе автора историческаго учебника должно состоять въ томъ живомъ и, вѣстѣ, простомъ изложеніи событій, которое говоритъ прямо уму и фантазіи, и потому безъ труда удерживается памятью. Этого нельзя достигнуть иначе, какъ проведеніи живую мысль черезъ всю нить событій, въ-отношеніи къ цѣлому построенію учебника, и ожививъ мыслью каждое особое событіе. Лица, играющія роль въ событіяхъ, не должны быть только историческими именами, но и историческими идеями; каждое изъ нихъ должно быть показано и со стороны его собственной мысли, во имя которой оно дѣйствовало, и въ-отношеніи къ общей идеѣ народа, среди котораго оно являлось, такъ, чтобъ ученикъ понималъ, что такое лицо, какъ, на-прим., Алкивиадъ, возможно было только въ Аѳинахъ, и такое, какъ, на-прим., Марій, только въ Римѣ, хотя оба эти лица были столько же друзьями, сколько и врагами своего отечества. Хорошій историческій учебникъ не одними толкованіями (хотя и они необходимы въ немъ), но и самымъ тономъ своего изложенія долженъ прежде всего и больше всего научить ученика — въ каждомъ народѣ, отдѣльно взятомъ, и въ цѣломъ человѣчествѣ видѣть не статистическія числа, не искусственныя машины, не отвлеченныя идеи, но живые организмы, идеальныя личности, живущія вѣчнымъ, непрерывнымъ стремленіемъ къ сознанію самихъ-себя. Безъ этого созерцанія народа и человѣчества, какъ идеальныхъ личностей, невозможно исторія, какъ наука, ибо тогда она была бы наукою безъ содержания, повѣствованіемъ безъ героя, сборомъ событій безъ связи и смысла. Понятіе о *прогрессѣ*, какъ источникъ и цѣль историческаго движенія, производящаго и рождающаго событія, должно быть прямымъ и непосредственнымъ

выводомъ изъ возвращенія на народъ и человѣчество, какъ на идеальныя личности. Но это движеніе и результатъ его—*прогрессъ*, должны быть опредѣлены и охарактеризованы какъ-возможно-глубже и многостороннѣе. Есть люди, которые подъ прогрессомъ разумѣютъ только сознательное движеніе, производимое благородными дѣятелями, и какъ-скоро на сценѣ исторіи не видятъ такихъ дѣятелей, сейчасъ приходятъ въ отчаяніе, и ихъ живая вѣра въ Провидѣніе уступаетъ мѣсто признанію враждебнаго рока, слѣпой случайности, дикаго произвола. Такіе люди во всякомъ матеріальномъ движеніи видятъ упадокъ и гнѣвіе общества, униженіе человѣческаго достоинства, преклонившаго колѣно передъ тельцомъ златымъ и жертвенникомъ Ваала. Есть другіе люди, которые, напротивъ, думаютъ, что общій прогрессъ можетъ быть результатомъ только частныхъ выгодъ, корыстнаго разсчета и эгоистической дѣятельности нѣсколькихъ сословій на счетъ массы общества, и въ-слѣдствіе этого, хлопочутъ изъ всѣхъ силъ о фабрикахъ, мануфактурахъ, торговлѣ, желѣзныхъ дорогахъ, машинахъ, объ основаніи обществъ на акціяхъ и тому-подобныхъ *насушнымъ* и *полезнымъ* предметахъ. Такіе люди всякую высокую мысль, всякое великодушное чувство, всякое благородное дѣяніе считаютъ донкихотствомъ, мечтательностью, бесполезнымъ броженіемъ ума, потому-что все это не даетъ процентовъ. Очевидно, это двѣ крайности, которыхъ больше-всего долженъ опасаться составитель курса исторіи для преподаванія юношеству. Первая крайность производитъ пустыхъ идеалистовъ, высокопарныхъ мечтателей, которые умы только въ бесплодныхъ теоріяхъ, и чужды всякаго практическаго такта. Вторая крайность производитъ сциентифическихъ спекулянтовъ и торговцовъ, ограниченныхъ и пошлыхъ утилитаристовъ. Для избѣжанія этихъ крайностей, историческій учебникъ долженъ показать общество какъ пред-

метъ многосторонній, организмъ много-
сложный, который состоитъ изъ ду-
ши и тѣла, и въ которомъ, слѣдова-
тельно, нравственная сторона должна
быть тѣсно слита съ практической, и
интересы духовные — съ выгодами ма-
териальными. Общество тогда опирает-
ся на прочное основаніе, когда оно
живетъ высокими вѣрованіями—источ-
никомъ великихъ движеній и великихъ
дѣяній; въ вѣрованіяхъ скрываются
идеи; черезъ распространеніе и обоб-
щеніе идей общества двигаются впе-
редъ. Но идеи не летаютъ по воздуху;
онѣ расходятся по мѣрѣ успѣховъ ком-
муникаціи между обществами, а ком-
муникаціи требуютъ путей матеріаль-
ныхъ. Отсюда великое нравственное
значеніе, на-примѣръ, желѣзныхъ до-
рогъ, кромѣ ихъ великаго матеріальна-
го значенія, какъ средства къ усиле-
нію матеріальнаго благосостоянія об-
щества. Историкъ долженъ показать,
что исходный пунктъ нравственнаго
совершенства есть прежде-всего мате-
риальная потребность, и что матеріаль-
ная нужда есть великій рычагъ нрав-
ственной дѣятельности. Еслибъ чело-
вѣкъ не нуждался въ пищѣ, въ одѣ-
ждѣ, въ жилищѣ, въ удобствахъ жизни,
—онъ навсегда остался бы въ живот-
номъ состояніи. Этой истины можетъ
пугаться только дѣтское чувство, или
пошлый идеализмъ. Но эта истина не
поведеть ума дѣльнаго къ разочарова-
нію; дѣльный умъ увидитъ въ ней толь-
ко доказательство того, что духъ не
гнущается никакими путями и побѣ-
ждаетъ матерію ея же собственнымъ
содѣйствіемъ, ея же собственными
средствами. И потому, въ исторіи явля-
ются необходимыми не одни герои до-
бра и сердечнаго убѣжденія, но и че-
столюбивые эгоисты и даже самые
влады; не одни Солоны, Аристи-
ды и Тимолеоны, но и Пизистраты,
Алкивиалы, Филиппы и Александры-
Македонскіе; не одни Альфреды и
Карлы-Великіе, но и Лудовики XI-е
и Фердинанды - Католики; не одни
Генрихи IV-е и Петры-Великіе, но и
Наполеоны. И всѣ они равно работали

одному и тому же духу человѣческому,
только одни сознательно, дѣйствуя для
него и во имя его, а другіе—безсозна-
тельно, дѣйствуя для себя-самихъ, во
имя своего я. И нигдѣ, ни въ чемъ не
видно такъ ясно присутствія міродер-
жавныхъ судебъ Божіихъ, какъ въ
этомъ равномѣрномъ служеніи духу и
добрыхъ, и эгоистовъ, и злыхъ, въ ко-
торомъ скептики видятъ неопровержи-
мое доказательство, что человечествомъ
правитъ слѣпой случай: ибо гдѣ же
было бы обезпеченіе прогресса, пору-
ка за высокую цѣль, къ которой стре-
мится человечество, еслибъ судьба на-
рода, или человечества зависѣла толь-
ко отъ явленія честолюбивыхъ лич-
ностей, подверженныхъ и смерти и
всѣмъ случайностямъ? Напротивъ,
такъ-какъ источникъ прогресса есть
самъ же духъ человѣческой, кото-
рый непрерывно живетъ, т. е. без-
прерывно движется, то прогрессъ не
прерывается даже въ эпохи гніенія и
смерти общества, ибо это гніеніе необ-
ходимо, какъ приготовленіе почвы для
цвѣта новой жизни, и самая смерть въ
исторіи, какъ и въ природѣ, есть толь-
ко возродительница новой жизни. Раз-
вращеніе нравовъ въ Западной Римской
Имперіи, достигшее до крайнихъ пре-
дѣловъ, возвѣстило конецъ древняго мі-
ра и приуготовило торжество новой вѣ-
ры, подъ сѣнь которой склонилось все,
жаждавшее обновленія и возрожденія,
— и Римъ, столица языческаго міра,
сдѣлался столицею христіанскаго міра.
Великія историческія личности суть
только орудія въ рукахъ Духа: ихъ во-
ля при нихъ, но она, безъ вѣдома ихъ,
ограничена духомъ времени, странъ
и потребностями настоящей минуты, и
не выходитъ изъ этого магическаго
круга. Когда же она прорывается че-
резъ этотъ кругъ и расходится съ вы-
шею волею, тогда перель глазами
взмущеннаго человечества повторяется
священное сказаніе о древнемъ Цара-
нѣ, который охромѣлъ въ борьбѣ съ
Невѣдомымъ Борцомъ... Самовольно-
отторгшаяся воля челоѣка отъ во-
ли Духа сокрушается какъ листъ, на-

дающій съ дерева, дѣйствуетъ ли она во благо, или во зло. Еще и теперь жи-вы поколѣнія, свидѣтели паденія сына судьбы, который, совершивъ свою миссію, не вылезъ призыванію Духа—и палъ отъ бури, нить-самимъ воздвигнутой, палъ не въ слабости, не въ истощеніи, не въ утомленіи, но въ полнотѣ силъ своихъ, въ зенитѣ своего могущества,—и его паденіемъ міръ столько же былъ изумленъ, сколько и онъ самъ: такъ ясно видна была недоступная для тѣлесныхъ очей, но понятная разуму невидимая рука, поразившая его... Бываютъ въ исторіи эпохи, когда, кажется, готова погаснуть въ обществахъ послѣдняя искра живительной идеи, когда надъ міромъ царятъ ничтожество и эгоизмъ, когда, кажется, уже нѣтъ бо-гѣе спасенія,—но тутъ-то и близко оно, —и готовая потухнуть слабая искра жизни вдругъ вспыхиваетъ моремъ пламени, —и осіянный ею міръ дивит-ся, откуда явилось его спасеніе...

Всѣ эти идеи тѣмъ легче развить въ историческомъ учебникѣ, что онъ весь состоитъ изъ фактовъ, которые не иное что, какъ проявленіе этихъ же самыхъ идей. Следовательно, стоитъ только изложить ихъ съ настоящей точки зрѣнія, чтобы идея говорила сама за себя. Мы должны сказать съ сожалѣніемъ, что новая исторія г. Смараглова далеко не удовлетворяетъ требованіямъ хорошаго учебника, по нашему возрѣ-нію.

Прежде всего, скажемъ, что самый объемъ ея не обнаруживаетъ въ авто-рѣ современнаго взгляда на новую пе-риодію. Какъ всѣ наши авторы исто-рическихъ учебниковъ, не исключая и Кайданова, г. Смарагловъ раздѣ-ляетъ новую исторію на три періода — *религіозный, меркантильный и революціонный*. Это раздѣленіе онъ выдѣ-ляетъ полное право считать основатель-нымъ, съ своей точки зрѣнія; но мы дивимся, какъ не замѣтилъ онъ, что въ этомъ раздѣленіи новая исторія, если ее изложить сообразно съ важно-стью и многообразностью фактовъ, яв-ляется чедовѣчкомъ съ маленькими

ножками и огромнѣйшею головою, или, если послѣдній періодъ изложить крат-ко, кое-какъ, — то уродцемъ, съ хво-сткомъ вмѣсто головы? Дѣло въ томъ, что послѣдній періодъ совсѣмъ не при-надлежитъ къ новой исторіи, которая должна обнимать собою только время отъ конца XV вѣка, или отъ открытія Америки, до конца XVIII вѣка, или до французской революціи, кото-рая начинается собою *новѣйшую* пе-риодію, такъ же точно относящуюся къ новой, какъ новая къ средней. Ибо дѣленіе исторіи на періоды должно основываться не на произволѣ автора, не на привычкѣ, а на духѣ событій. Справедливость нашего мнѣнія дока-зывается тѣмъ, что слабовъ г. Смараг-ловъ событія отъ французской револю-ціи продолжалъ излагать въ тѣхъ же размѣрахъ, т. е. съ тою же подро-бностью, какъ и предшествовавшія со-бытія, то его книга, вмѣсто 611-ти стра-ницъ, непременно должна была бы выйти равнѣ въ 1200 страницъ. Но онъ событія отъ революціи изложилъ кое-какъ, сдѣлавъ изъ нихъ какой-то сухой перечень, въ которомъ для не-знающаго исторіи изъ лучшихъ исто-чниковъ, нежели исторія г. Смарагло-ва, все темно, непонятно, сбивчиво, безтолково; отъ-того вся новая исторія и уиѣстилась у него въ одной книгѣ: чтобы вписать ее въ эту книгу, онъ срѣзалъ съ нея голову, присадивъ, на ея мѣсто, бабалашки.

Исторія челоѣчества составляетъ изъ многихъ сторонъ: это есть вмѣстѣ исторія и войнъ, и договоровъ, и фи-нансовъ, и администраціи, и права, и торговли, и изобрѣтеній, и науки, и искусства, и литературы, и нравовъ; но какъ политическое значеніе соста-вляетъ главную форму жизни граждан-скихъ обществъ, и какъ борьба всѣхъ идей, составляющихъ основаніе духов-ной жизни обществъ, доселѣ обнару-живалась въ войнахъ, —то исторія че-ловѣчества по-преимуществу должна быть *политическою*. Однакожъ, исторія войнъ, договоровъ и правительствъ дол-жна быть, въ этомъ случаѣ, только ри-

вою для историческаго повѣствованія, ракою, обнимающею всё стороны жизни народовъ и всё идеи, развивавшіяся въ ихъ жизни. Но г. Смарагдовъ пошелъ, въ этомъ отношеніи, по избитой колеѣ, и, только слегка обозначая причины войнъ, все свое вниманіе обращаетъ на самыя войны, то-есть на мало-интересныя перечни сраженій. Такъ, на-примѣръ, онъ довольно-подробно рассказываетъ всё войны, породившія мечтою о политическомъ равновѣсіи Европы — и весьма-неудовлетворительно излагаетъ картину реформации. На мечту о политическомъ равновѣсіи Европы, онъ смотритъ какъ на что-то важное по своему принципу и своимъ результатамъ; а между-тѣмъ это было не болѣе, какъ мечта, державшая государство Европы въ непрерывномъ напряженіи ихъ силъ. Лучшее доказательство въ томъ, что результатомъ цѣлаго ряда кровопролитныхъ войнъ за равновѣсіе вышло совершенное неравновѣсіе, и что первостепенныя державы, каковы, на-примѣръ, Испанія и Швеція, низошли въ разрядъ второстепенныхъ, а второстепенныя, какъ Англія и Пруссія, возвысились на степень первостепенныхъ. Нарушеніе равновѣсія видѣли не въ успѣхахъ промышленности, торговли, просвѣщенія, а въ расширеніи владѣній, тогда-какъ оно-то самое и было причиною разслабленія *слабыми* образомъ усилившагося государства: ибо соединеніе подъ одною властію разнородныхъ и часто враждебныхъ другъ другу земель только умножало издержки на содержаніе войскъ въ прибрѣтенной странѣ и не давало, въ вознагражденіе, никакихъ существенныхъ выгодъ, не говоря уже о томъ, что возлеало въ кровопролитныя войны съ завистливыми чуждыми государствами. Франція сдѣлалась при Лудовикѣ XIV первенствующимъ государствомъ Европы не чрезъ завоеванія, а черезъ торжество монархизма надъ феодализмомъ, торжество, приготовленное кардиналомъ Ришельё, — и всё войны, возведенныя честолюбіемъ Лудовика XIV-го и сдѣланныя Фран-

ціи ужаснѣйшаго истощенія, не могли вывести это государство въ разрядъ второстепенныхъ державъ: ибо оно уже успѣло укрѣпиться *излутри*, и не было слабѣе другихъ государствъ ни въ позорныя времена регентства, ни въ жалкое правленіе Лудовика XV, а при Наполеонѣ снова явилось сильнѣйшею державою въ Европѣ; да и теперь, лишившись всёхъ прибрѣтеній, сдѣланныхъ Наполеономъ, Франція едва-ли слабѣе любого изъ европейскихъ государствъ. Англія возвысилась тоже не завоеваніемъ, а развитіемъ внутреннихъ своихъ силъ, упроченіемъ политическаго своего устройства и эгонстическою политикою, выходящею прямо изъ ея національнаго характера. Величіе Пруссіи основалось на принципѣ протестантизма, принятаго ею за принципъ ея политической жизни; тогда-какъ католическое начало сгубило Испанію своимъ угнетающимъ преобладаніемъ надъ всѣми другими элементами государственной жизни. Швеція своимъ мгновеннымъ величіемъ при Густавѣ-Адольфѣ, Карлѣ X и Карлѣ XII обязана была не внутреннимъ своимъ силамъ, а личному характеру этихъ трехъ государей. Только одна Австрія сложилась силою внѣшнихъ тяготѣній и утвердилась на искусственныхъ основаніяхъ, благодаря, во-первыхъ, раздробленію Германіи, во-вторыхъ, своему значенію, какъ тѣни имперіи Карла-Великаго, и, наконецъ, миссіи — быть оплотомъ противъ вторженія Турковъ. Во всякомъ случаѣ, изъ странной игры въ войны за политическое равновѣсіе только Австрія извлекла для себя выгоды. Вообще же, эти войны выходили, во-первыхъ, изъ дѣтскихъ понятій о политикѣ, во-вторыхъ, изъ честолюбія тогдашнихъ влстителей Европы. Это сначала было какою-то борьбою еще не со-всѣмъ умершаго рыцарства съ неустановившеюся новою политикою (войны Карла VIII, Лудовика XII и Франциска I съ Испаніею и Австріею за Миланъ и Неаполь), а потомъ усиліемъ выработать систему здоровой полити-

ни. Народамъ Европы нужно было переговорить въ горнилахъ кровавыхъ столкновений другъ съ другомъ, и въ этомъ случаѣ всякая причина была хороша; но для равновѣсія не вышло изъ этихъ войнъ никакихъ результатовъ, потому-что *memoria* со стороны какого бы то ни было государства была рѣшительно-невозможна. Г. Смарагдовъ въ войнахъ Франциска I съ Карломъ V видитъ характеръ величественный и благородный, видитъ борьбу за независимость Европы противъ габсбургскаго дома, а не продолжение итальянскихъ войнъ (стр. 36); но уже одного личнаго характера Франциска I достаточно для рѣшительнаго опроверженія этого мнѣнія. Францискъ I былъ рыцарь, а не политикъ; если онъ и достигъ какихъ-нибудь хорошихъ результатовъ для общей пользы Европы, то совершенно-безсознательно и стремясь совѣтъ къ другимъ цѣлямъ. Вообще, до Генриха IV, въ Европѣ не являлось ни одного истинно-государственнаго ума, ни одного политика въ настоящемъ значеніи этого слова. Но политика Генриха IV, благотворная для Франціи, не могла быть благотворною для Европы, потому-что для своего времени она была слишкомъ-высока, благородна и человечна. По обширнымъ планамъ, исполненнымъ гениальнаго соображенія и вѣрнаго такта возможности и цѣлѣсообразности, первымъ истинно-великимъ политикомъ Европы былъ кардиналъ Ришельё. Работая для своего времени, онъ работалъ для вѣковъ; онъ нанесъ ужасный и послѣдній ударъ феодализму и заставилъ его вырождаться въ бессильную аристократію, трепещавшую потомъ одного взора Людовика XIV. Войны за равновѣсіе были не больше, какъ историческою комедіею, особенно до реформациі, которая пришла имъ другой болѣе-важный характеръ. Но реформациа явилась не въ одинъ же день съ Лютеромъ; она привнесла столѣтіями, и начало ея срывается въ среднихъ вѣкахъ. За то гдѣ до появленія Лютера, былъ рожденъ Іоаннъ Гуссъ и его сподвиж-

никъ, Іеронимъ-Прагскій. Но и не тутъ еще начало ересей: въ XII вѣкѣ, за дѣйстви слышномъ гдѣ до Іоанна Гусса, съ тою же цѣлію основалъ свое ученіе Петръ Вальдо,—ученіе, произведшее альбигойскія войны. Реформа Лютера была не чѣмъ инымъ, какъ удачею наконецъ (потому-что пришло уже время) попытка дѣла, которое не удалось ни Вальдо, ни Гуссу. Но время итальянскихъ войнъ, отъ 1494 до 1517 года, было же занято не одними походами Французовъ въ Италію, интригами напѣ и противодѣйствіемъ Испаніи: подъ этими внѣшними событіями, которыя вообще мало-интересны и которыхъ вліяніе на послѣдующія событія несколько незамѣтно, скрывалась другая работа духа, менѣе-замѣтная внѣшнимъ образомъ, потому-что была менѣе-блестящею, но за то болѣе-существенною и великою по ея значенію и слѣдствіямъ. Изобрѣтеніе книгопечатанія, приготовившее успѣхъ реформациі, быстро распространялось и дало возможность избраннымъ умамъ дѣйствовать на массы. Явленіе Лютера, протестовавшаго 95-ю тезисами противъ продажи индульгенцій, 1517 г., октября 31, предшествовалось глухою, но тѣмъ не менѣе сильною и драматическою борьбою, которой реформациа была только развязкою. Притомъ, это событіе совершенно было Лютеромъ не безъ помощи другихъ замѣчательныхъ людей. Начало реформациі современно великому нравственному событію въ жизни Европы — *возрожденію наукъ*. По взятіи Турнами Константинополя (1453), множество Византійцевъ оставили свое отечество и нашли убѣжище въ Италиі; они привнесли съ собою сокровища древнихъ литературъ въ эту страну, издавна уже знакомую съ латинскою литературою. Это обстоятельство дало сильный толчокъ пресвѣщенію Европы: классическая ученость вступила въ бой съ схоластицизмомъ среднихъ вѣковъ. Германія, главное гнѣздо этого схоластицизма, въ лицѣ своихъ университетовъ, фанатически оводчмлась на духъ новаго дви-

женія. Профессоры греческаго и латинскаго языка были преслѣдуемы, какъ еретики и безбожники. Они бѣгали изъ города въ городъ, гибли отъ меча и яда. Не смотря на это, духъ совершалъ свое дѣло, — и дикое невѣжество уступало ему шагъ-за-шагомъ. Энтузіазмъ новой науки до того овладѣлъ новыиъ поколѣніемъ, что молодые люди, одни, не будучи въ-состояніи платить профессорамъ, поступали къ нимъ въ слуги; другіе, презирая надзоръ полиціи, не боясь холода, собирались по ночамъ въ какомъ-нибудь отдаленномъ волѣ, или въ лѣсу, чтобы объяснять Цицерона, переводить Гомера. Университеты ожесточаются; у папы выжигается булла, запрещающая учиться еврейскому языку и читать еврейскія книги; знаменитый и благородный ученый того времени, *Рейксингъ*, едва не попадаетъ на костеръ за свое знаніе древнихъ и еврейскаго языковъ. Тогда является остроумный памфлетъ фон-Гуттена — «*Litteræ Obscurorum Virorum*», въ которомъ дикое невѣжество и фавитизмъ съ ядовитымъ искусствомъ поражаютъ общественныиъ ихъ орудіемъ. Это упрочило торжество просвѣщенія въ Европѣ. Гердеръ сказалъ, что ни Гудибрасъ въ Англіи, ни Гаргантюа во Франціи, ни доиъ-Кихотъ въ Испаніи, не имѣли столь сильнаго вліянія на совершенствованіе человѣчества, какъ письма Гуттена, сокрушавшіи послѣднюю ограду варварства — схоластицизмъ коллегій. Мы думаемъ, что подвиги изаслуги даже такихъ людей, каковы: Конрадъ Цельтъ, Германъ Бушій, Іоганъ Регій, Эоткиампианъ, Регій, учитель Эразма-Роттердамскаго, Дригнагенбергъ, образователь Меланхтона, Агрикола и другіе, стоили бы почетнаго упоминовенія въ историческомъ учебникѣ, хотя они и не полководцы. И еще болѣе, такіе люди, какъ Рейхлинъ, Эразмъ-Роттердамскій, Гуттенъ: ихъ значеніе, ихъ борьба на жизнь и на смерть съ варварствомъ и ихъ победы надъ нимъ — стоили бы, въ историческомъ учебникѣ, изложенія болѣе-

обширнаго, нежели какое сдѣлалъ мы въ этихъ строкахъ; ибо во всемъ этомъ въ тысячу разъ болѣе интереса и важности, чѣмъ въ пустыхъ подробностяхъ пустыхъ итальянскихъ войнъ. Но обо всемъ этомъ у г. Смарагова ни слова: онъ описываетъ только то, что было уже описано г. Кайдановымъ. Мы не говоримъ, чтобы итальянскія войны должно было пройти молчаливымъ: пусть остается рамою, и *смото* излагается въ параграфахъ крупной печати; но событія, ознаменованныя внутреннимъ смысломъ, событія, безъ которыхъ непонятно движеніе человечества, пусть излагаются *подробнее* въ параграфахъ мелкой печати. Г. Смараговъ не почелъ за нужное даже прибѣгнуть къ этому необходимому въ учебной книгѣ разнообразію шрифтовъ.

Вообще, въ новой исторіи г. Смарадова мы находимъ, на-прим., исторію тридцатилѣтней войны, вестфальскаго мира, и такъ далѣе — все то же, и все такъ же, какъ и у г. Кайданова, и больше, и меньше, и лучше, и хуже; но не находимъ развитія человѣчества, причины прогресса и даже самаго прогресса. Герои исторіи, какъ, на-пр., Валленштейнъ, Густавъ Адольфъ, Ришельё и пр., очерчены слабо и безцѣпно. Намъ скажутъ: учебникъ не то, что пространная исторія; въ немъ главное — сущность и дѣло, а не поэзія. Старыя нѣси, которыя убѣдительно только для лѣности, невѣжества и безцѣпности! Для доказательства отсылаемъ подобныхъ возражателей къ книгѣ, напечатанной на русскоиъ языкѣ и русскими буквами, къ «*Исторіи Среднихъ Вѣковъ*» г. Лоренца, и просимъ прочесть въ ней, на-прим., изложеніе царствованія Карла-Великаго: это будетъ полезно, чтобы убѣдиться, что глубокая эрудиція и въ высшей степени дѣльное изложеніе фактовъ несколько не мѣшаютъ той поэзіи повѣствованія, которая выходитъ сама-собою изъ живаго созерцанія идеи событія.

Но все это было бы еще туда-сюда.

Обыкновенно говорятъ, что конецъ вѣнчаетъ дѣло, а конецъ-то никуда и не годится у Смарагова.

Исторія Наполеона у него—рѣшительный памфлетъ. Можно подумать, что г. Смараговъ рассказываетъ современные событія, для которыхъ невозможно спокойное безпристрастіе. Поступки Наполеона онъ называетъ то дерзкими, то наглыми, то отвратительными—словомъ, рѣшительно ругается... Въ египетской экспедиціи онъ приписываетъ Наполеону безчеловѣчные поступки; короче, по его мнѣнію, такого ужаснаго человѣка, какъ Наполеонъ, и сѣтъ не производилъ... Sic transit gloria mundi!.. А говоря о смерти герцога брауншвейгскаго, онъ заставляе

менное поприще славы, вѣроятно, приобрѣтенной въ знаменитомъ походѣ противъ Франціи, въ 1792 году... Et voilà comme on écrit l'histoire!..

Новая исторія г. Смарагова полнѣе всѣхъ бывшихъ до нея исторій: она доведена до 1839 года. Это было бы большою съ ея стороны заслугою, еслибы, чѣмъ ближе къ концу, тѣмъ больше не становилась она сухимъ перочиннымъ, въ которомъ ничего нельзя узнать. Надѣмся, что при второмъ изданіи своей «Новой Исторіи», г. Смараговъ значительно ее исправитъ. Мы думаемъ, что онъ еще бы лучше сдѣлалъ, еслибъ эту уничтожилъ со всѣмъ и написалъ совершенно - новую...

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ о новой статьѣ автора «Замѣчаній объ осадахъ Троицкой Лавры».

Читатели «Отечеств. Записокъ», конечно, понимаютъ еще эту замѣчательную статью, которая, подъ самымъ скромнымъ заглавіемъ, содержитъ въ себѣ подробное критическое изслѣдованіе одного изъ важнѣйшихъ вопросовъ въ исторіи снутаго времени. Въ свое время, мы извѣстили читателей объ этой статьѣ и старались указать на важнѣйшіе результаты, къ которымъ привели автора его разысканія. «Замѣчанія» очень-убѣдительно доказывали, что прежнее наше понятіе о знаменитой осадѣ, основанное на повѣствованіи одного дѣтописца, односторонно, и потому невѣрно, и вмѣстѣ съ тѣмъ открывали новый взглядъ на предметъ. Съ одной стороны, трудъ автора заслужилъ себѣ искреннюю благодарность всѣхъ тѣхъ, которымъ дорога историческая истина, а съ другой — то самое обстоятельство, что основанный на немъ взглядъ на предметъ былъ новый, должно было возбудить предвзвѣденіе и заставить его вооружиться на защиту стараго мнѣнія потому только, что оно «старое». Въ-самомъ-дѣлѣ, черезъ четыре мѣсяца послѣ-того, какъ напечатана была статья «Замѣчанія объ осадѣ Троицкой Лавры», появились на нее «Возраженія», мнѣнія цѣлюю отстоять во что бы то ни стало прежнее «убѣжденіе», утвержденное вѣками. Мы поминимъ эти «Возра-

женія»: вмѣсто того, чтобы оспосособовать къ полненію вопроса, они старались только запутать его патапутаннми и произвольными толкованіями; вмѣсто того, чтобы добросовѣстно анализировать изслѣдованія автора статьи, они усиливались — оподозрять его въ глазахъ читателей... Какое чистое и безкорыстное служеніе наукъ, исторической истинѣ! Вообще, это были жалкія усмія, которыя еще разъ доказали только одну старую истину, что есть люди, для которыхъ всякая новая мысль кажется беззаконіемъ, и что нѣтъ такой очевидной истины, противъ которой нельзя было бы спорить, принявъ однажды за правило — стоять горюю за старое, потому-что оно «старое». Слабость этихъ усмія, или «Возраженій», открывается внимательному читателю сама собою; но авторъ «Замѣчаній», крѣпко убѣжденный въ истинѣ своихъ положеній и въ то же время побуждаемый весьма-понятнымъ желаніемъ оправдаться въ взводимыхъ на него навітахъ, не хотѣлъ оставить безъ вниманія и этихъ «Возраженій», и въ отвѣтъ на нихъ написалъ новую большую статью, подъ названіемъ «Отвѣтъ на рецензію и критику «Замѣчаній объ осадѣ Троицкой Лавры»». (*)

(*) См. «Москвитинъ», 1844 г., №№ 6 и 7.

Чувствуя всю важность вопроса, не можемъ и мы въ свою очередь пропустить этого вопроса безъ того, чтобы не дать о немъ ближайшаго понятія нашимъ читателямъ, тѣмъ болѣе, что новыя изслѣдованія автора «Замѣчаній» проливаютъ на предметъ еще болѣе свѣта. Впрочемъ, предупреждая всякое недоумѣніе, мы должны напередъ признаться, что сами никогда не вникли случая подробно заниматься изслѣдованіемъ этого вопроса на основаніи историческихъ актовъ: въ этомъ дѣлѣ мы только сторонніе свидѣтели, для которыхъ истина вытекаетъ изъ повѣрки доказательствъ, приводимыхъ въ защиту того и другаго мнѣнія. И авторъ новаго взгляда и защитникъ стараго, для насъ—лица равно неизвѣстныя: мы знаемъ только ихъ мнѣнія и сравниваемъ ихъ основанія.

Сводя весь споръ къ нѣсколькимъ главнымъ мыслямъ, находимъ, что предметъ какъ прежнихъ, такъ и новыхъ изслѣдованій автора «Замѣчаній» и «Возраженій» на нихъ составляютъ два главные пункта: 1) свойство осады и 2) личный характеръ и достовѣрность лѣтописца, изобразившаго осаду въ своемъ сказаніи. Въ такомъ порядкѣ слѣдуютъ оба эти вопроса, одинъ на другій, и въ «Замѣчаніяхъ» и въ «Возраженіяхъ»:—порядокъ, впрочемъ, прерватный, несообразный съ логикою исторической критики. Намъ казалось бы естественнѣе напередъ опредѣлить личный характеръ и достовѣрность лѣтописца вообще, чтобы отсюда уже, при помощи другихъ данныхъ, заключать о мѣрѣ достовѣрности отдѣльныхъ событій, или фактовъ, которые излагаетъ онъ въ своемъ повѣствованіи. Что отъ перваго можно заключать къ послѣднему, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія; но едва ли можно всегда заключать наоборотъ. И такъ, вопреки изложенію автора статьи, мы останавливаемся напередъ на второмъ изъ двухъ предложенныхъ вопросовъ. Здѣсь, не касаясь еще ни того, ни другаго мнѣнія объ этомъ предметѣ, мы должны предположить

одно замѣчаніе. Въ дѣлѣ исторической критики вообще, повѣствователь или лѣтописецъ въ такомъ только случаѣ можетъ составить собою историческій авторитетъ, когда вѣрность его сказаній оправдана согласнымъ показаніемъ другихъ современныхъ свидѣтельствъ и актовъ; въ противномъ же случаѣ, то есть, если эта повѣрка никогда и никѣмъ еще не была сдѣлана, никто не въ правѣ требовать отъ розыскателя древностей, чтобы онъ вѣрля этому повѣствователю на-слово и не смѣлъ сомнѣваться въ истинѣ его показаній. Противъ этого, конечно, не будетъ спорить даже и антикритикъ, писавшій «Возраженія» на «Замѣчанія» объ осадѣ. Если же такъ, то нѣтъ ничего ни удивительнаго, ни страннаго, что кто-то, человекъ очевидно-ученый и умный, вздумалъ усомниться и въ достовѣрности сказаній Аврамія Палицына. Тутъ можетъ быть развѣ только та неправда со стороны сомнѣвающагося, что онъ былъ излишне-поспѣшенъ въ своихъ заключеніяхъ и не можетъ подтвердить своихъ сомнѣній никакимъ доказательствомъ: вслѣдствіи иной упрекъ, иное изобличеніе обратились бы на голову самаго обличителя. Но если сомнѣвающійся убѣдительно доказалъ правоту своихъ сомнѣній, если онъ утвердилъ свое мнѣніе на оффиціальныя акта, которыхъ подлинность не подлежитъ никакому подозрѣнію, въ такомъ случаѣ развѣ одно непонятное предубѣжденіе можетъ подозрительно взглянуть на подобное дѣло, въ сущности весьма-простое и обыкновенное. Сказаніе Палицына, касающееся столь важнаго пункта въ исторіи смутнаго времени, до-сихъ-поръ никѣмъ не было пересмотрѣно критически, хотя сомнѣнія слышались уже и въ прошломъ столѣтіи (Татищевъ, Миллеръ, Новиковъ, Елагинъ): тѣмъ болѣе должны мы быть благодарны тому, кто, не убожаясь трудностей дѣла, первый приступилъ къ опредѣленію исторической достовѣрности лѣтописца и своими превосходными розысканіями проложилъ путь и другимъ изслѣдователямъ. Тутъ

мы видимъ только прямую заслугу исторiи, которая безъ истины — сказка.

Но обратимся къ самому дѣлу. Критическій процессъ свой авторъ «Замѣчанiй» началъ анализомъ личнаго характера лѣтописателя: — приемъ вѣрный, важность котораго въ исторической критикѣ доказана уже многими опытами. Кроме актовъ оффиціальныѣхъ, современныхъ событiю (которые, впрочемъ, почти совсѣмъ не упоминаются о Палицынѣ), онъ имѣлъ для этого много данныхъ въ тѣхъ чертахъ автобиографiи, которыя находятся въ самомъ «Связанiи» Палицына и которыя ускользнули отъ вниманiя прежнихъ исследователей. Эти черты, какъ, напримеръ, отъѣздъ изъ-подъ Смоленска, очерченiе некоторыхъ замѣчательныхъ современныѣхъ событiй (смотри «Отвѣтъ» стр. 149), надобно признаться, показываютъ характеръ Аврамiя не совсѣмъ съ выгодной стороны. Со стороны автора «Замѣчанiй» естественно было, послѣ того, что довѣренность его къ этому лицу нѣсколько уменьшилась. Но онъ не остановился на одномъ анализѣ характера лѣтописца: осторожный въ своихъ заключенiяхъ, онъ хотѣлъ еще сличить его повѣствованiе съ показанiемъ другихъ современныхъ свидѣтельствъ, особенно оффиціальныѣхъ, чтобъ потомъ уже произнести окончательный приговоръ о степени его исторической достовѣрности. Эта повѣрна, дѣло первостепенной важности въ исторической критикѣ, произведена авторомъ статьи съ замѣчательнымъ тщанiемъ и рѣдкою провѣщательностью. Первое, что особенно странно поразило его вѣдѣе, было одно весьма-рѣзкое противорѣчiе: говоря о важнѣйшихъ событiяхъ того времени, лѣтописатель почти-вездѣ приписываетъ себѣ прямое и непосредственное участiе въ нихъ, — можно даже сказать главное руководительство, а между-тѣмъ «никто изъ современниковъ его объ немъ вовсе не упоминаетъ!» Если изъ этого и не слѣдуетъ еще вовсе отвергать важное участiе повѣствователя въ событiяхъ, имъ описываемыхъ, то какъ однако не

сказать, что это участiе по какому бы то ни было причинамъ имъ преувеличено (?) Исследователь такъ и поступилъ, и представивъ на лицо всѣ свои доказательства, вмѣстѣ съ словами изъ множества современныхъ актовъ, назвавъ въ заключенiе Палицына, какъ историка, «не вполне заслуживающимъ довѣрiя». Мы не знаемъ, какъ можно еще было поступить основательнѣе и выразиться скромнѣе.

Если могли быть на это дѣльными возраженiя, то возражающiй, очевидно, долженъ бы былъ различить оба эти приема критики, принять или отвергнуть каждый изъ нихъ и опровергать положенiя и доводы своего положенiя въ цѣломъ ихъ составѣ, а не по мелочи. Ибо послѣднiй способъ, т. е. не касаясь главныхъ положенiй, разбивать доводы противника по мелочи, по частичкамъ, скорѣе обличаетъ въ нападающемъ страсть къ придиркамъ, нежели искреннее желанiе защитить истину. Но авторъ «Возраженiй» (котораго мы будемъ называть *антикритикомъ*) нащелъ для себя выгоды употребить въ своихъ возраженiяхъ именно этотъ послѣднiй способъ. Общiя положенiя критикѣ для него какъ-будто не существуютъ: онъ, кажется, ихъ и не замѣчаетъ, обыкновенно выписываетъ то съ той, то съ другой страницы «Замѣчанiй» по нѣсколькимъ строкамъ, чтобъ поймать автора на какой-нибудь числовой неаккуратности, или оговоритъ его фразу, или, наконецъ, опровергнутъ его содѣланiе насчетъ Палицына — доказавши самого же Палицына. Мы можемъ привести вѣдѣе нѣсколько примѣровъ. Такъ, когда авторъ дѣлаетъ это очень-рѣзкое замѣчанiе, что «Палицынъ во время троицкой осады былъ въ Москвѣ, а во время московской — у Троицы», антикритикъ возражаетъ, что мы не знаемъ (мы не знаемъ), по слову ли вождя или по нуждамъ монастырскимъ Аврамiй имѣлъ жаль изъ обители предъ осадю, — и утверждается на словахъ Палицына.

(*) См. «Москвитинъ», 1843 г., № 6, стр. 323.

что она оставалась въ Москвѣ «но по-
вѣдѣнію самодержавнаго» (*). Хорошо
опроверженія, основанныя на «незна-
ніи!» Впрочемъ, этого способъ опро-
верженія, кажется, одинъ изъ люби-
мыхъ у антикритика: во-крайней-мѣ-
рѣ, онъ употребляетъ его и въ другомъ
мѣстѣ. Такъ, въ послѣдованіи дѣла о
пылкѣ и смерти казначея Лавры, Иоси-
фа Дьякончина, автору статьи кажется
важнымъ вопросомъ о томъ, доносили ли
о всѣмъ этомъ царю восточа князь Дол-
горукий? Безъ дальнѣйшихъ разысканій,
антикритикъ отдѣляется: «о послѣд-
ствахъ пытки Иосифа, конечно, Долго-
рукій доносилъ Государю. Но *въ чѣмъ со-
стояло сіе доносеніе, мы не знаемъ*» (**).
Еще примѣръ: авторъ «Замѣчаній» го-
воритъ, что «дѣла Аврамія, не смотря
на то, что во время осады онъ не на-
ходился въ Лаврѣ, *вероятно чѣмъ упо-
мянуто въ сказаніи, немало влиело
архимандритомъ Юсифомъ и Діонисіемъ*».
Не странно ли, въ-самомъ-дѣлѣ? По-
слушаешь однако, какъ опровергнуть
или хотя объяснить эту странность (а
онъ, очевидно, рѣшился отстоять и за-
щитить всѣ странности) антикритикъ?

«Нѣтъ (говоритъ онъ рашительно), сего
сказать нельзя. *До исторіи осады* Авра-
мій ничего не говоритъ о себѣ; въ пред-
словіи къ сей исторіи онъ только оговари-
вается, что не былъ въ Лаврѣ, и почему
взялъ на себя писать ея осаду. Въ исто-
ріи осады онъ говоритъ о себѣ отдѣльно
отъ архимандрита *только въ двухъ или
трехъ мѣстахъ (или въ четырехъ?)*, тог-
да какъ объ архимандритѣ весьма часто
отзывается съ похвалою его кротости и
щедродобію. Описывая времена междуцар-
ствія и воцаренія Михаила Федоровича,
почти вездѣ (?) говоритъ о себѣ *вмѣстѣ*
съ архимандритомъ Діонисіемъ, исключая
нѣсти случаевъ, въ которыхъ представляется
дѣйствующимъ одинъ Аврамій» (***)

Прочитавъ эту отвѣдь, вы съ удив-

вленіемъ спрашиваете, какъ же можно
было сказать въ-началѣ такъ рѣши-
тельно «нѣтъ»? — Не удивляйтесь:
«нѣтъ» сказано было прежде, нежели
антикритикъ началъ считать случаи;
это «нѣтъ» онъ долженъ былъ сказать
во всякомъ случаѣ...

Кажется, этихъ примѣровъ доволь-
но, чтобъ читатели наши могли судить,
какъ легко было автору «Замѣчаній»,
при его умѣ и знаніи дѣла, защитити-
ся противъ подобныхъ уликъ. Но, же-
лая еще болѣе прояснить дѣло, онъ не
ограничился однимъ опроверженіемъ
того, что говоритъ часто само противъ
себя, и обратился къ новымъ розыс-
каніямъ по тому же предмету. Весьма-
замѣчательны результаты, добытые
имъ изъ этихъ новыхъ розысканій:
они, кажется намъ, окончательно дол-
жны утвердить мнѣніе автора статьи о
достоверности Палицына, какъ исто-
рика. Это мнѣніе, какъ мы знаемъ
уже, состоитъ въ томъ, что «Пали-
цынъ, какъ историкъ, не вполне заслу-
живаетъ довѣрія, особенно тамъ, гдѣ
говоритъ о своихъ подвигахъ». Вотъ
два новые факта, приводимые изслѣ-
дователемъ въ «Отвѣтѣ» его антикри-
тику, — два факта, которые бросаютъ
на сказаніи Палицына тѣнь очень-не-
выгодную:

1) Рассказывая о великомъ событіи,
которымъ прекратились всѣ тревоги
смутнаго времени, Аврамій говоритъ
передъ лицомъ всѣхъ (слова антикрити-
ка, который принимаетъ это сказаніе
за несомнѣнное), что къ нему на Бо-
гоявленское-Подворье въ Кремлѣ, *впро-
ятно по распоряженію Земской Думы*
(также слова антикритика, который не
только защищаетъ Аврамія, но и до-
полняетъ по произвольной догадкѣ)
приносили свои голоса дворяне, гости
и казаки разныхъ городовъ объ избра-
ніи царя, и что сіе избраніе имъ, Авра-
міемъ, было объявлено собранію госу-
дарственныхъ чиновъ (см. «Москвитя-
нинъ», кн. 12, стр. 409). Что слѣдуетъ
изъ этого извѣстія? Тò, очевидно, что
участіе Палицына въ событіи было
велико: онъ какъ-будто стоитъ вперѣ-

(*) См. «Москвитянинъ», 1842, № 12, стр. 420.

(**) См. тамъ же, стр. 439.

(***) См. «Москвитянинъ», 1842, № 12, стр. 430.

ли всѣхъ, онъ почти главный дѣйствователь, онъ посредникъ между народомъ и его представителями. Конечно, такое важное и какъ-бы оффиціальное участіе не могло не быть замѣчено современниками и въ оффиціальному извѣстіи особенно должно было занять принадлежащее ему мѣсто. А мы, къ счастью, имѣемъ торжественный оффиціальныи актъ объ этомъ событіи: это — грамота объ избраніи царя Михаила Федоровича, подлинность которой не подлежитъ никакому сомнѣнію. Но тамъ говоритъ авторъ «Отѣта»: «не только говорится о томъ, чтобы, по распоряженію Земской Думы, или безъ онаго, избиратели приносили свои голоса на Богоявленское-Подворье, къ келарю Аврамію, который сіе избраніе было объявлено собранію государственныхъ чиновъ, но излагается дѣло слѣдующимъ образомъ: За тѣмъ онъ приводитъ изложеніе событія подлинными словами грамоты, откуда мы возьмемъ для нашихъ читателей слѣдующія строки: «И по многіе дни на соборѣ нво всѣхъ городовъ всего Россійскаго Царствія всякіе люди не обинуясь говорили, в единомышленной совѣтъ всѣхъ городовъ всякихъ людей, отъ мала и до велика объявляли, что быти на Владимирскомъ и на Московскомъ...» и проч. Трудно указать здѣсь мѣсто извѣстному участію Палицына въ дѣлѣ, предполагая даже, что оно только не записано; трудно, если не невозможно, согласить разсказъ лѣтописца, который говоритъ, что онъ объявлялъ собранію голоса, съ поѣствованіемъ оффиціального акта, который свидѣтельствуя, что «всякіе люди говорили на соборѣ по многіе дни (т. е. во многіе дни) свои мѣнія».

2) Другое важное обстоятельство есть исторія похода князя Пожарскаго изъ Ярославля въ Москву. Палицынъ представляетъ все это дѣло въ такомъ видѣ: кн. Пожарскій находился въ Ярославлѣ; къ нему, по просьбѣ кн. Трубенкаго, посланы были изъ Троицкой-Лавры два старца, но воевода презрѣлъ ихъ

убѣжденія. Не болѣе успѣха имѣли и двое другихъ старцевъ, также посланныхъ изъ Лавры: отпустилъ ихъ назадъ, князь «косно и медленно промышляя о шествіи нѣкоихъ ради немудрособыныхъ словесъ». И такъ, ни первое, ни второе посольство не имѣло никакого успѣха. Тогда «видѣвъ Троицкой келарь Авраміи дѣйство діавола и между воеводъ вражду, и яко того ради христіанству бываетъ немечная погибель, и совѣтоваше со архимандритомъ Діонисіемъ и съ соборными старцы, и пѣвше молебная, и ежемъ благословеніе отъ архимандрита и отъ братіи, пути емлется, поиде въ Ярославль июля въ 28 день, и о семъ молися Богу, да трудъ пути его не безпомяденъ будетъ. И пришедшу ему во градъ Ярославль, видя ютежниковъ и ласкателей и траисезлюбителей, а не Боголюбцевъ, и воедвижущихъ гнѣвъ великъ и сваръ между воеводъ и во всемъ воинствѣ: сіа еся раземотривъ старецъ, и князя Дмитрея, и Козму Минина и все воинство доволно поучише отъ Божественныхъ писаній, и много моливъ ихъ поснѣшати подъ царствующій градъ Москву и ктоу таковыхъ ютежники не вижали. Князь же Дмитрей Михайловичъ и Козма Мининъ, и все воинство, послышавше моленіе старца, и послаша прежде себя къ Москвѣ воеводъ... Потомъ же и самъ князь Дмитрей Михайловичъ и Козма Мининъ поидоша подъ царствующій градъ Москву... Но когда воеводы прибыли въ Лавру, между ними открылись новыя несогласія; нѣкоторые воше не хотѣли ити подъ Москву, говоря, что князя Пожарскаго хотятъ заманити туда, чтобъ убить, какъ Янунова. Келарь же прещаше ихъ, а князя Пожарскаго такъ убѣдилъ своими словами: «Яко умилншася ему, и оставше еся стол размышленія, страхъ ни во что же сманише, — поиде изъ обители Живоначальныя Троицы со всѣми людьми подъ царствующій градъ Москву. Изъ этого поѣствованія выходитъ, что весь успѣхъ похода принадлежитъ си

ному повѣствователю, который одинъ успѣлъ возстановить согласіе между воеводами, и своими уѣздными подвинулъ на походъ медлительнаго и робкаго Пожарскаго, еще незадолго передъ тѣмъ презрѣвшаго посланіе обителя. Вся причина, почему Пожарскій медлилъ въ Ярославль, въ томъ, что онъ овладѣлъ какой-то страхъ ради нѣкихъ междусобныхъ словъ, такъ-что онъ какъ-будто безъ дѣла стоялъ въ Ярославль, занимаясь только усроеніемъ войска (*); еслибъ не Палицынъ, то Богъ-знаетъ, чѣмъ бы кончилось это стояніе! Но вѣдь не отъ одного Палицына можемъ мы узнать подробности о пребываніи Пожарскаго въ Ярославль, и если, въ-самомъ-дѣдѣ, такъ велико участіе келара въ ускореніи похода, то нельзя, чтобы этого хотя слегка не замѣтили и другіе лѣтописцы. Съ этою мыслію авторъ «Отвѣта» обращается къ «Новому Лѣтописцу», составляющему VIII часть Никои. Лѣтописи. Здѣсь находится подробное извѣстіе о пребываніи Пожарскаго въ Ярославль и о походѣ его подъ Москву: но, къ удивленію, не упоминается даже и имени Палицына. Это не значитъ, безъ сомнѣнія, чтобы Палицынъ вовсе не ѣздилъ въ Ярославль, ибо не упоминается въ лѣтописи и о другихъ посольствахъ изъ Лавры; но тѣ посольства не имѣли успѣха, а Палицынъ сдѣлалъ все... Мы не можемъ привести всего повѣствованія «Новаго Лѣтописца»; вотъ, однако, нѣкоторыя черты изъ него, по которымъ можно судить, робость ли удерживала Пожарскаго въ

Ярославль, или причины богѣе-уважительныя. «И бысть въ Ярославль повѣствуетъ лѣтописецъ: «и начаша промышляти, како бы нѣмъ идти подъ Московское Государство на очищеніе; къ нимъ же начаша изъ городовъ приезжати многіе ратные люди и посадцкіе люди привозити на помощь денежную казну, и хотяху идти подъ Москву вскорѣ. *Походъ же ихъ замешкался, приде же стѣ поры многая рать Черкасы(?)*, и пришедъ сташа въ Онтовоѣ монастырѣ, а казаки *столху на Улицы, Василей Толстой* пришедъ изъ подъ Москвы съ казаками и *ста въ Пошехонь*, и многіе пакости дѣлаша уездомъ, многіихъ дворянъ побилъ, а отъ Новоюрода же *оберегахуся, что придоча Нямцы и сташа на Тихонь*. Кажется, ясно—не мало было дѣла Пожарскому! И дѣйствительно, дагѣе разсказываетъ лѣтописецъ объ отправленіи посланцевъ въ Новгородъ, о разсылкѣ отрядовъ противъ Черкесовъ (?) и казаковъ, о двухъ злодѣяхъ, молосланныхъ Заруцкимъ убить Пожарскаго, изъ которыхъ одинъ уже заносилъ ножъ на воеводу, но промахнулся, и вмѣсто его ранилъ казака, и проч. Дагѣе узнаемъ, что отъ Трубецкаго и Заруцкаго присланы были, по случаю приближенія Хоткѣвича, дворяне и казаки звать воеводу въ Москву, и что князь Дмитрій Михайловичъ и Козьма Мининъ, дагѣнъ жалованье, «сами начаша подыматися на скорѣ» и проч. Наконецъ явились депутаты отъ ратныхъ людей изъ украинскихъ городовъ, и воевода, взявъ благословеніе у митрополита Ростовскаго, «поиде изъ Ярославля на очищеніе Московскаго Государства, и отшедъ отъ Ярославля семь поприщъ и чочешаша». Если только лѣтописецъ не съ умысломъ скрываетъ имя Палицына, то до-сихъ-поръ его не было въ Ярославль. Много бы объяснилось это темное дѣло, еслибъ мы имѣли хотя нѣкоторыя вѣрныя данныя и съ той и съ другой стороны... Палицынъ говоритъ о себѣ, что онъ выѣхалъ изъ Лавры 28 июля. Автору «Отвѣта» несчастливо случилось найдти почти ту же дату (28

(*) «Войско учреждающе». Авторъ «Отвѣта» замѣчаетъ, будто здѣсь слово «учреждающе» не значитъ «привода въ порядокъ, обучая службѣ», но «угощая», по-тому-что, говоритъ онъ, на предыдущей страницѣ сказанія встрѣчаются слова: «и рашезами учреждаше ихъ.—Нашъ кажется такое толкованіе сомнительнымъ, ибо мы думаемъ, что слову «учреждающе» въ послѣднемъ случаѣ даетъ такой смыслъ слово «рашезани», котораго въ первомъ случаѣ не находимъ.

юля) и подъ одною грамматою князя Пожарскаго. Это граммата князя къ казанскому митрополиту Ефрему, писанная «на стану», т. е., когда войско доведы стояло лагеремъ, «на Шенуцкомъ Яму». (См. Собр. Госуд. Грам. т. II, стр. 599, Древ. Рос. Вивлио., изд. 2, ч. XV, стр. 177). Остается узнать съ достоверностью, гдѣ былъ этотъ Шенуцкій Ямъ. Справки самыя тщательныя, сдѣланныя въ Вотчинномъ Архивѣ, показали, что «Шенуцкаго яма» въ Ярославской-Губерніи не было, а былъ Шенуцкій или Шенецкій Ямъ — тожество очевидное. Этотъ ямъ — вышнее сельцо Шопена, станція на большой дорогѣ изъ Ярославля въ Москву, по-ую сторону Ярославля, въ 29 верстахъ отъ города. Теперь, кажется, ясно, и авторъ «Отвѣта» имѣетъ полное основаніе говорить: «Съ достоверностію должно заключить, что князь Пожарскій, сдѣлавъ съ войскомъ въ первый день переходъ въ семь верстъ до ночлега, сдѣлалъ потомъ другой переходъ въ 19 верстъ, «д стоялъ на стану (лагеремъ) 29 июля, на Шенецкомъ (или Шенуцкомъ, а не Шенуцкомъ) Яму». Такъ, кажется? потому-что прежнія во чистамъ грамматы того же князя писаны изъ Ярославля. Отправившись изъ Лавры 28 июля, Палицынъ могъ встрѣтить Пожарскаго уже на походѣ, ибо Ярославль отстоитъ отъ Лавры на 180 верстѣ. Улика на-лицо, и записать поздно... Любопытно знать, какъ бы объяснилъ эту яркую несообразность въ двухъ показаніяхъ, одного оффиціальнаго, другаго — частнаго, антикритикъ, — онъ, который берется объяснять всѣ странности летописателя? Вѣроятно тѣмъ, что мы ничего не знаемъ о томъ, вачѣмъ Пожарскій стоялъ на Шенуцкомъ-Яму лагеремъ...

Оставляемъ другія, не менѣ основательныя и прочныя доказательства, приводимыя авторомъ «Отвѣта» въ защиту своего мнѣнія о Палицынѣ, и переходимъ къ тому заключенію, которое онъ дѣлаетъ о его достоверности, какъ историка, въ новой своей статьѣ, сдѣ-

ственно, вачѣмъ уже рѣш вопроса о вѣренности ему возраженія. Вотъ это заключеніе:

«Я признаю его (Аврамія) человекомъ гениальнымъ (даже гениальнымъ?!), имѣвшимъ особенную находчивость (sic!) въ трудныхъ обстоятельствахъ, вѣрю тому, что онъ много сдѣлалъ для Лавры и для Россіи вообще, но не могу безусловно признать исторической аполитики, которой онъ удостоился во второй половинѣ прошедшаго столѣтія (не отъ себя, впрочемъ!), не могу не замѣтить нѣкоторыхъ патентовъ, помрачающихъ славу его, какъ напр. отъѣздъ изъ-подъ Смоленска, восхваленіе пытки Казначая, произведенной противъ воли архимандрита и соборныхъ старцевъ (*), искаженіе истины въ его сказаніи, пристрастное и не подтверждаемое другими очерченіе нѣкоторыхъ изъ его современниковъ, какъ напр. царя Василія Ивановича, князя Пожарскаго и проч. Не могу также не замѣтить, что участіе его въ дѣлахъ своихъ своего времени кажется преувеличеннымъ, потому-что никто изъ современниковъ его объ немъ вовсе не упоминаетъ.»

Тотъ, кто не подвинется прослѣдить всѣ доводы автора, не можетъ не согласиться съ этимъ выводомъ. Мы не знаемъ только, въ какомъ смыслѣ можетъ идти къ Палицыну, послѣ всего, что сказалъ о немъ авторъ «Замѣчаній» и «Отвѣта», эпитетъ «гениальный» — эпитетъ, которымъ обобщенно должна дорожить исторія (**)!..

(*) Въ безымянномъ доносѣ царю сказано: «И за то (за пытку казначая) на насъ, богомольцевъ твоихъ, архимандритъ и соборные старцы величественно писали, и морятъ насъ всякими муками, гладомъ и жажею.» Акты Истор. Т. II, стр. 286.

(**) Намъ кажется, авторъ здѣсь безъ всякой нужды делаетъ, даже ласкаетъ нечистое своему антикритику, дая ему слово и удерживая за собою мысль. Нѣкто подобное замѣтили мы и въ другомъ мѣстѣ. Именно, отвѣчая антикритику, который упрекаетъ автора за то, что онъ извѣщалъ солдаты, вѣрить ли за слугамъ Аврамія, когда онъ самъ о себѣ

Что же касается до «Связанія» Палицына вообще, то мнѣніе свое о немъ авторъ очень-опредѣленно высказалъ уже въ своихъ «Замѣчаніяхъ». Это мнѣніе, какъ извѣстно, состоитъ въ томъ, что повѣствованіе Палицына объ осадѣ, по намѣренію автора, по содержанию и по способу изложенія, есть «не лѣтопись, не исторія, а литературно-историческая эпопея». Антикритикъ, разумѣется, не соглашается съ этимъ опредѣленіемъ; любопытенъ способъ, изобрѣтенный имъ для опроверженія. Онъ беретъ за слова «намѣреніе автора» и рассуждаетъ такимъ образомъ: «Если эпопея различается отъ исторій въ разсужденіи достоверности, то мы не найдемъ у Авраамія, чтобъ онъ хотѣлъ писать не исторію, а эпопею» (см. Москв., 842, № 12, стр. 425). Безъ всякаго сомнѣнія, у Авраамія этого не найдемъ: не только не найдемъ, не можемъ даже представить себѣ Авраамія, дѣлающаго это различіе: «я напишу не эпопею, а исторію, или не исторію, а эпопею». Антикритикъ представляетъ и другія замѣчанія, но употребляетъ въ этомъ случаѣ такую странную и несумѣстную актику, что авторъ «Замѣчаній» принужденъ защищаться вотъ-такимъ образомъ:

«Правый мыслію и словомъ, я не считалъ нужнымъ и приличнымъ оправдываться въ томъ, чего я не говорилъ, какъ наприм., что чудесное принадлежитъ только къ области поэзіи» (видите, куда летнула антикритикъ!) «и что Авраамій прилагалъ событіямъ обыкновеннымъ видъ

засказываетъ, авторъ говоритъ: «вѣтъ, я не изъяснялъ сомнѣнія, основаннаго на какой странной причинѣ». Положимъ, вы не изъясняли сомнѣнія; но еслибъ это сдѣлалъ кто другой, не-уже-ли такая причина была бы «странною»? Не-уже-ли странно сомнѣваться въ заслугахъ человека, который самъ выхваляетъ ихъ? Но развѣ не естественная мысль, что, говоря о себѣ, человекъ любитъ преувеличить свои заслуги, равно какъ и скрыть свои недостатки?»

чудесныхъ, по произволу своей фантазіи. Скажу однакожъ, что съ помощію словъ какъ будто, можно, изъ сказаннаго безъ всякаго лукаваго подразумѣнія, вывести, если не формальное объясненіе въ пѣтеринъ и комунствѣ, то по-крайней-мѣрѣ весьма близкій къ тому намекъ.» (Сер. 137.)

Странно, очень-странно! Не-уже-ли антикритикъ не попадъ всей неприличности подобнаго способа нападенія? И не-уже-ли при ученыхъ изслѣдованіяхъ нужно еще бываетъ оправдываться въ обвиненіяхъ, которыя изводятъ на васъ небылицу?

Взвѣсивъ все это, нельзя не согласиться съ мнѣніемъ автора «Замѣчаній», что Палицынъ, какъ историкъ, не вполне заслуживаетъ довѣрія, и что похвалы его себѣ очень-похожи на панегирикъ... Остается другой вопросъ, занимающій въ изслѣдованіяхъ первое мѣсто, вопросъ о самомъ событіи, которое составляетъ главный предметъ «Сказанія», т. е. объ осадѣ Лавры. Но уже по самому обыкновенному логическому ходу мысли, слѣдовало бы заключить, что, если вообще историкъ или повѣствователь не вполне заслуживаетъ довѣрія, то нельзя же принимать на-вѣру и каждое отдѣльное его сказаніе. Это значитъ, что для составленія истиннаго, по-крайней-мѣрѣ наиболѣе-близкаго къ истинѣ понятія о знаменитой осадѣ, надобно повѣрить сказаніе одного современника, который, должно замѣтить, и не былъ очевидцемъ дѣла, другимъ современными показаніями, что и сдѣлалъ авторъ «Замѣчаній», обративъ притомъ вниманіе а) на предшествовавшую исторію Лавры, б) на пѣль и характеръ какъ главныхъ начальниковъ, такъ и самаго войска, осаждавшаго троицкую обитель, в) на составъ рати, защищавшей Лавру, и на отношенія, поддерживавшія и усугублявшія нравственную силу этой рати, и д) на біографію начальниковъ осажденныхъ и властей монастырскихъ. Нельзя было вѣять вопросъ полнѣе и шире; нельзя было лучше сообразить всѣ обстоятельства, которыя необхо-

димо входить въ составъ проблемы. Вѣдъ свои розысканія по этой обширной программѣ, авторъ пришелъ или, лучше сказать, привелъ насъ почти къ тому же результату, который отчасти вытекаетъ уже и изъ разрѣшенія перваго вопроса, то-есть, что то понятіе объ осадѣ, которое можно получить изъ «Сказанія» Палицына, не совсѣмъ вѣрно. Авторъ, правда, не выражается пидгѣ этими словами, но это все равно: ибо такова собственно мысль, вытекающая изъ всѣхъ его розысканій по четыремъ пунктамъ программы. Что же антикритикъ? Онъ, во-первыхъ, заблагоразсудилъ пропустить безъ вниманія и оставить безъ всякихъ замѣчаній первый отдѣлъ исслѣдованій, относящійся къ исторіи укрѣпленія Лавры,—отдѣлъ тѣмъ болѣе важный, что онъ ввогдо уже вмѣняетъ обыкновенный взглядъ на мѣсто дѣйствія, заставляя смотрѣть на Лавру не просто какъ на монастырь, но какъ на крѣпость, которая имѣла большія средства для обороны въ самыхъ своихъ укрѣпленіяхъ. Столько свойственная антикритику метода разбиванія доводовъ противника по частямъ, по дробямъ, вѣроятно, здѣсь не годилась, и потому онъ обратился прямо ко второму отдѣлу «Замѣчаній». Впрочемъ, принятая имъ метода плохо удалась и въ этомъ случаѣ: взмахъ его всегда такъ слабъ и неловокъ, что нѣтъ ни одного замѣчательнаго удара, а есть только легкое прикосновеніе къ доказательствамъ, которыя впрочемъ имѣютъ столько упругости, что отъ-того ни сколько не теряютъ своей силы и значенія. И здѣсь мы ограничимся немногими примѣрами, отсылая любителейныхъ къ самому подлиннику.

Важнѣйшимъ выводомъ во второмъ отдѣлѣ «Замѣчаній», основаннымъ на показаніяхъ очень замѣчательныхъ современныхъ авторитетовъ, какъ наприм. Жолкевскій, было то, что сподвижники Сапѣги не отличались большими воинскими талантами, и что вообще войско Сапѣги, по составу своему, цѣли, характеру и по тѣмъ ору-

діямъ, какія могли при немъ быть, болѣе способно было промышлять грабежами, нежели брать приступомъ крѣпкія твердыни, какою безспорно была Лавра. Антикритикъ отвергаетъ и то и другое; то-есть онъ защищаетъ противъ мнѣнія Жолкевскаго способности сподвижниковъ Сапѣги, а второму пункту, касающемуся самаго войска его, просто не хочетъ вѣрять. «Чтобъ въ числѣ 30,000» говоритъ онъ: «назначенныхъ для осады монастыря, не было вовсе способныхъ къ осаднымъ дѣламъ, это не вѣроятно; да и на дѣлѣ того не видимъ». Это называется «возраженіемъ»! Что же не вѣроятно? То ли, что доказано, или то, что придумалъ самъ возражающій? Конечно, послѣднее; а онъ въ-самодѣлѣ придумалъ мысль, которой вовсе не говорилъ авторъ «Замѣчаній», т. е. что въ войскѣ Сапѣги вовсе не было способныхъ къ осаднымъ дѣламъ. Надобно ли замѣчать антикритику, что производить осаду не значитъ брать приступомъ, и что нѣсколько человекъ въ войскѣ не означаютъ цѣлаго войска? Да и на дѣлѣ того не видимъ: это значитъ, какъ объясняетъ даго антикритикъ, что Сапѣга, по словамъ «Лѣтописи о Мятѣжахъ», «многими промыслами подъ монастырь промышляше», то-есть дѣлалъ подкопы, бросалъ ядра, водилъ войско на приступы. Безспорно; но на дѣлѣ того не видимъ, чтобъ эти промыслы удавались ему. Да и какъ было удаваться имъ, когда, какъ примѣръ, готовясь взять приступомъ твердыню, обведенную стѣнами въ шесть и семь сажень вышиною и въ три толщиною, Сапѣга обще съ другими военачальниками велитъ изготовить, взаимѣвъ большихъ шумовъ, какія-то «пеларды дубовыя, трескѣ желѣзными обручами обитыя, пятисаженныя» (свидѣтельство смоленскаго лазутчика), да чтобъ стрѣлять по окнамъ — «щиты на четверыи саженяхъ рублены», которые должны быть везены къ крѣпости на лошадахъ (показаніе московскаго плѣнника)? А между-тѣмъ, на этихъ-то во-

двѣдѣхъ и утвердился антикритикъ, оворя, будто «и на дѣлѣ того не видѣлъ!» Другой примѣръ мы возьмемъ изъ тѣхъ «возраженій», которыя направлены противъ положеній наслѣдателя о числѣ и составѣ рати, защищавшей Лавру во время осады. Своими разсказаніями объ этомъ предметѣ, авторъ статьи имѣлъ цѣлю отъскать приблизительно-вѣрное понятіе въ этой рати, которую историки нами такъ меточно и неопредѣленно представляютъ «горстью иноковъ и грѣльцовъ съ толпою крестьянъ». Онъ говоритъ на основаніи своихъ наслѣдованій: «Войско, защищавшее Лавру, могло быть очень мало потому самому, что главнымъ начальникомъ его былъ назначенъ одинъ изъ высшихъ иновниковъ царскихъ, окольныхъ изъ Долгорукихъ. Это можно заключить и по числу тѣхъ головъ, которые известны въ актахъ и въ сказаніи Паццына.» Антикритикъ такъ начинаеъ свое опроверженіе: «Мы не знаемъ» (замѣтитъ эту методу вездѣ заключаеъ отъ «незнанія!»), «какимъ образомъ поступило въ монастырь войско для защиты его отъ Поляковъ». «А, мы не знаемъ о томъ, какъ поступило въ монастырь это войско; знать, можно знать, какъ велико было войско?.. Антикритикъ этого не говоритъ, а заключаетъ почти такъ. «Не былъ ли это «брошенный случай войны отрывокъ той рати, которая была выслана царемъ противъ Сапѣги и Лисовскаго и было ими разбито между селомъ Воздвиженскимъ и Рахманами 22 сентября 608 года? Въ такомъ случаѣ понятно, проч.» (Москва, 1842, № 12, стр. 3). Если ужъ доказывать предположеніями, основанными на незнаніи, то чему же бы лучше правилось думать, что такая важная твердыня, какъ Лавра, одождена была главною частію ороны случайностямъ войны, нежели что воеводы заблаговременно припаны были царемъ для защиты Лавры? Возраженіе само же говоритъ, что войско поступило въ монастырь для

защиты его отъ Поляковъ» и только отказывается знать то, какъ оно поступило. Если же оно поступило сюда съ такою цѣлю, то не могло быть оно заброшено случайно. Болѣе склоненъ авторъ «Замѣчаній» согласиться съ другимъ предположеніемъ антикритика, который говоритъ (тамъ же), что самъ окольный могъ быть унченъ въ лицѣ Долгорукаго, потому что, *можетъ-быть*, данъ ему Іжедимитріемъ; впрочемъ это согласіе значить ни болѣе, ни менѣе, какъ что безпристрастный авторъ «Замѣчаній» приводитъ свои основанія на то, что у антикритика является какъ догадка, основанная на «можетъ-быть». Въ Отвѣтѣ своемъ, авторъ жалуется еще гдѣ-то, что антикритикъ въ выпискахъ часто подрываетъ его мысль превратнымъ изложеніемъ, или даетъ его фразѣ другое направленіе, и потомъ опровергаетъ то, чего никто не говорилъ. Жалоба справедлива! Мы имѣли уже случаи замѣтить нѣсколько подобныхъ изворотовъ съ стороны антикритика; вотъ еще одинъ примѣръ. Акты историческіе такъ представляютъ занятія монаховъ троицкихъ: «И мы, государь, богомольцы твои» пишутъ къ царю троицкія власти: «Бога молимъ безпреставно и молебны у Живоначальной Троицы и у великихъ чудотворцовъ Сергія и Никова, по вся дни, послѣ заутрени, и передъ обѣдней, и послѣ вечерни, поемъ, и по кельямъ Бога молимъ...» «А братія, государь, съ Троицына дни и по ся мѣста, на всѣхъ осадныхъ людей, и на слугъ, и на ихъ женъ, и на людей, въ хлѣбѣ работаютъ, мукѣ стѣютъ, и квашамъ мѣсятъ, и хлѣбы пекутъ, и въ поварнѣ вѣтъ варятъ; а мнѣя братья на горюду, въ ночь и въ день, безпреставно живутъ и по вся ночи стерегутъ, съ осаднымъ людьми и съ слугами равно.» (Акты Истор., т. II, стр. 283 — 284). На этомъ основаніи, пиѣя въ виду послѣдній разрядъ монаховъ, авторъ статьи выразился такъ:

«Что касается до монаховъ, которые получались съ военными людьми, бились на

и явными отпорами на вылазках и при отчаянных покрывалах, то ошибочно было бы искать в них отшельников от мира, внезапно взявшихся в минуту грозящей опасности за чуждое им дотоле брачное оружие. Напротив, чтоб составить себѣ правильное понятие о нихъ и о тогдашнемъ составѣ монашескаго чина, должно себѣ представить ихъ скорѣе дворянами и служилыми людьми въ рясахъ, нежели иноками въ бронѣ и воинскихъ доспѣхахъ.»

Мы видимъ здѣсь одинъ законный предлогъ къ возраженію: заговоривъ собственно о томъ разрядѣ иноковъ, которые онолчались вмѣстѣ съ войнами противъ враговъ, авторъ неосторожно допустилъ въ свою рѣчь вовсе-неулыбчиваго слова «о тогдашнемъ составѣ монашескаго чина», по которымъ, если не брать въ соображеніе контекста, можно бы заключить, что авторъ говоритъ вообще о всемъ монашескомъ чинѣ въ данную эпоху. Но антикритикъ просмотрѣлъ эту обмолвку: онъ нашелъ выгоду для себя урвать по произволу рѣчь автора такимъ образомъ: «*Монаховъ от Лавры скорѣе можно представлять дворянами и служилыми людьми въ рясахъ, нежели иноками въ бронѣ и воинскихъ доспѣхахъ.*» (Москвит., 1842, кн. 12, стр. 417). Разумѣется, изъ этого произвольнаго искаженія рѣчи, лишенной главнаго ея опредѣленія, вышла нелѣпость; но такъ легко возражать противнику, такъ легко показать свое превосходство надъ нимъ, выдать свою нелѣпость за его живіе, — что и дѣлаетъ антикритикъ, очень-серьёзно стараясь доказать, что нельзя такъ думать «о составѣ братіи Троицкаго монастыря» вообще. Но авторъ «Отвѣта» весьма-основательно пресѣдуетъ его и въ этихъ доказательствахъ...

Не менѣе (если не болѣе) первыхъ трехъ пунктовъ важно было, для разрѣшенія общаго вопроса объ осадѣ Лавры, рассмотреть четвертаго пункта (биографіи начальниковъ осажденныхъ и властей монастырскихъ), и —

надобно признаться, развѣсѣивъ этого «Замѣчавій» приближъ на этотъ пунктъ совершенно-новый свѣтъ. Здѣсь, по нашему убѣжденію, или вѣроятно согласиться съ авторомъ и принять его положенія, или, упорствуя въ старыхъ мнѣніяхъ, привязываться къ словамъ противника и стараться ослабить силу его доводовъ нѣкоторыми общими выраженіями, встречающимися у историковъ. Мы съ своей стороны избрали первое; антикритикъ — предпочелъ послѣднее... На то была его добрая воля! Сличимъ нѣкоторые его «возраженія» съ «Замѣчаніями». Вопросъ объ участіи Авраамія въ составленіи и отсылкѣ грамоты, которая посылалась изъ Лавры въ города. Авторъ «Замѣчавій», замѣтивъ, что въ сказаніи келаря Симона Азарыина и священника Іоанна Насѣдки нѣтъ ни слова объ этомъ участіи, приводитъ слова послѣдняго: «Въ тѣхъ грамотахъ болѣе нованія *Діонисіева* о всемъ государствѣ московскомъ безчисленно много. И буде изволите вы, государя, разума *его* (Діонисія) искати, то въ тѣхъ его посланіяхъ не токмо подъ Москвою, но и во многихъ городахъ водамъ и всякихъ чиновъ многихъ людемъ подерѣзленіе мужества отъ *его* совѣта и разума великое было.» Этому опредѣленному извѣстію антикритикъ противопоставляетъ общую фразу того же Насѣдки, который говоритъ въ одномъ мѣстѣ о себѣ, что онъ писывалъ много дѣлъ духовныхъ и грамотъ отъ властей для соединенія земли, и указываетъ искать подобнаго же общаго выраженія въ одномъ посланіи къ Пожарскому!—Иногда же антикритикъ прибѣгаетъ къ тактике особеннаго рода, которой образцы мы видѣли въ другомъ мѣстѣ, и дѣлаетъ, на-пр., слѣдующій изворотъ: «Развѣ правъ Авраамій» спрашиваетъ онъ «что усвоить обители особенное участіе въ спасеніи Москвы? Мы приведемъ отвѣтъ на это автора «Замѣчавій», по тому особенно уваженію, что въ этомъ отвѣтѣ опредѣленно высказанъ одинъ изъ важнѣйшихъ резуль-

татовъ, къ которымъ привели изслѣдователя его разысканія: «Отрицать» говорить онъ: «не только особенное, но огромное участіе Лавры въ спасеніи Москвы и Россіи, было бы непѣпнымъ и бесполезнымъ посягательствомъ на заслуженную славу св. Обителей и на славу самаго отечества. Но и не справедливо приписывать это участіе исключительно Лаврѣ и затмѣвать заслуги такихъ лицъ, какъ на-примѣръ Ермогенъ и кн. Пожарскій», и т. д. (*).

Весьма-любопытны также въ «Отвѣтъ» новыя изслѣдованія объ измѣнѣ назначенъ Дѣвочкина и участіи въ ней юеоводы Голохвастова. По этимъ изслѣдованіямъ, дѣло оказывается болѣе, нежели сомнительнымъ. Видно, что мелку властями, находившимся въ монастырѣ во время осады, была кака-то большая интрига, и что было время, когда одна партія взяла наконецъ нѣкоторый перевѣсъ надъ другою; но тобъ партія слабѣйшая была и самая виновная, это могутъ сказать только тѣ, которые во всемъ хотятъ безусловно полагаться на сказанія Палицына. Но мы не можемъ слѣдить за авторомъ во всѣхъ подробностяхъ: довольно сказать вообще, что всѣ главные положенія «Замѣчаній», какъ объ осадѣ Лавры, такъ и о характерѣ и достовѣрности ея историка, въ «Отвѣтъ» не только защищены блистательно, но и про-

яснены до очевидности. Не чувствуя никакой охоты противорѣчить, для того только, чтобъ противорѣчить, мы еще въ отчетѣ нашемъ о первой статьѣ автора сказали, что соглашаемся съ его положеніями и, слѣдуя ему, переимѣняемъ наше прежнее понятіе объ осадѣ Лавры, какъ неосновательное. Не скроемъ и теперь, что «Отвѣтъ» еще болѣе убѣдилъ насъ въ этихъ вы-скахъ. Но вотъ странность самая нечаянная: намъ приходится защищаться противъ автора «Замѣчаній» — въ чемъ вы думаете? Въ томъ, что мы согласились съ нимъ... Бываютъ иногда такіе странные случаи! Впрочемъ, прежде нежели будемъ защищаться, поблагодаримъ напередъ автора за честь, которую онъ дѣлаетъ «Отеч. Запискамъ», называя ихъ журналомъ «богатыми» статьями дѣльными, замѣчательными, важными, какъ по отечественной исторіи, такъ и по другимъ предметамъ наукъ и словесности» (стр. 8). Что же касается до обвиненій, то ихъ собственно два: во-первыхъ, автору статьи не нравится тонъ нашей рецензій, который онъ называетъ «шутливымъ и даже насмѣшливымъ», а самую рецензію — пылкою и игривою похвалою» (стр. 74); во-вторыхъ, онъ видитъ въ этой рецензій какіе-то «намекы», отъ которыхъ считаетъ нужнымъ защитить себя, такъ же, какъ и отъ кроткаго порицанія своего антикритика.

Легко понять, что послѣднее обвиненіе важнѣе и существеннѣе. Отъ него-то слѣдшимъ оборониться мы противъ этой ложной подозрительности, которая перешла къ автору «Отвѣта» (а не «Замѣчаній»), очевидно, отъ кого-то другаго. Впрочемъ, какъ прикажете защищаться, когда авторъ, обвинивъ насъ къ какимъ-то «намекамъ», во всей статьѣ своей ни разу не поименовалъ и не указалъ ни одного изъ нихъ? Или онъ хочетъ говорить съ нами «намекими»? Жалкій способъ, когда надобно разсуждать о предметахъ, принадлежащихъ наукѣ! Однако, если ужъ авторъ рѣшился быть неогро-

(*). Чтбъ вѣрнѣе судить о методѣ антикритика, читатели должны узнать еще, то, защищаясь противъ него, авторъ «Замѣчаній» долженъ иногда дѣлать подобныя замѣтки: «свидѣтельства о томъ, что враній своими убѣжденіями и обѣщаніями соединилъ войска двухъ полководцевъ Пожарскаго и Трубецкаго), не находится тамъ, гдѣ указываетъ антикритикъ, т. е. въ грамматѣ о избраніи царя Михаила содородица на стр. 616, т. I Собр. Госуд. р. и Док. Илл.: «въ возразеніяхъ есть намекъ объ этомъ явленіи на Лѣ 202 Актовъ Археогр. Эксп., т. II (о явленіи св. ертіи Миняву), гдѣ q немъ вовсе не упоминается.»

деннымъ, попробуемъ прибѣгнуть къ догадкѣ. Начиная свои отвѣты на «Возраженія», онъ говоритъ такъ въ одномъ мѣстѣ: «Какую же цѣль приписываютъ мнѣ судьи и цѣнители моего труда?— Раскрыть новый взглядъ на знаменитую осаду и на самого писателя современника, описавшаго ее. — Въ этомъ, кажется, они оба (рецензентъ и антикритикъ) согласны. Но въ чемъ же состоитъ этотъ *новый* взглядъ, которымъ я будто бы хочу замѣнить прежній, и въ чемъ состоитъ прежній?—Этого ни тотъ, ни другой откровенно не высказали». Эврика! Здѣсь, кажется, искомымъ пунктомъ.— Не знаю, продолжается онъ: «въ чемъ состоитъ прежній взглядъ рецензента О. З., столь не твердый въ своихъ основаніяхъ, что онъ по прочтеніи моей статьи говорить: «съ этого времени рѣшительно перемѣняемъ наши понятія о знаменитой осадѣ Троицкой Лавры» (стр. 75). Въ выпискѣ изъ нашей рецензій, приводимыхъ въ «Отвѣтѣ», эти же самыя слова напечатаны курсивомъ. Итакъ, не можетъ быть никакого сомнѣнія: здѣсь «намекъ», противъ котораго авторъ видитъ себя въ необходимости защищаться; здѣсь обвиненіе, отъ котораго мы должны обороняться! Намекъ въ томъ, что мы увидѣли въ статьѣ «новый взглядъ» на предметъ? Было бы очень-наивно съ нашей стороны «намякать» на такую мысль, для раскрытія которой авторъ употребилъ цѣлую статью! Кому вздумается намекать на солнце, когда всякій можетъ видѣть его своими глазами (разумеется, кромѣ слѣпыхъ)? Нѣтъ, мы очень-опредѣленно сказали, что рѣшительно перемѣняемъ прежнее свое понятіе объ осадѣ. Но здѣсь-то, кажется, и вся бѣда: не нравится автору не намекъ, котораго нѣтъ, а этотъ самій «новый взглядъ», «новое понятіе» о предметѣ,—не нравятся слова, которыми назвали мы существенный результатъ его труда. Итакъ, по мнѣнію автора, послѣдованія его нисколько не перемѣняютъ взгляда на предметъ: понятіе о немъ и послѣ чтенія «Замѣча-

ній» и «Отвѣта» должно остаться то же самое, какое даетъ Карамзинъ и другіе повѣствователи, основывающіеся исключительно на сказаніи Палицына?... Можетъ-быть, авторъ и нѣтъ причины желать этого, но мы признаемся опять—прочитавъ «Замѣчанія» и «Отвѣтъ», по необходимости перемѣняемъ наше прежнее понятіе. Такъ не любитъ авторъ этихъ словъ «прежнее понятіе», «новое понятіе», «прежній взглядъ», «новый взглядъ», что показываетъ видъ, будто не догадывается, въ чемъ можетъ быть различіе между прежнимъ и новымъ взглядомъ. Не знаю, говоритъ онъ: «въ чемъ состоитъ прежній взглядъ рецензента О. З., столь не твердый въ своихъ основаніяхъ, что онъ по прочтеніи моей статьи говорить, и пр. Какъ въ чемъ? Въ томъ же, въ чемъ и у всѣхъ, которые не занимались спеціально этимъ пунктомъ въ вашей исторіи, не изучали его сами по источникамъ. Мы, на-примѣръ, смотрѣли на Лавру болѣе какъ на монастырь, нежели какъ на «рѣпность», мы думали, что войско Сапѣги было хорошо снабжено осадными орудіями и способно «брать приступомъ»; мы полагали, что Лавра была защищаема «горстью инокъ и толпою крестьянъ»; мы были увѣрены, что не только между слугами монастырскими, но и между самими властями и воеводами, начальствовавшими въ Лаврѣ, были «измѣнники», и мало ли, что еще мы думали, благодаря безусловной вѣрѣ сказаніямъ одного повѣстателя Аврамія Палицына; но обо всемъ этомъ авторъ научилъ насъ думать иначе. виноваты ли мы? Соглашаемся, что прежній нашъ взглядъ былъ не твердъ въ основаніяхъ; но кто же открылъ намъ эту неосновательность, какъ не авторъ «Замѣчаній»? Почему же мы такъ и благодарны ему? Безъ него вопросъ и до-сихъ-поръ лежалъ бы ветронутымъ. Дѣло, кажется, ясное, и спорить намъ не о чемъ.

Другое обвиненіе легче перваго: по крайней-мѣрѣ, оно высказано съ откоро-

венности; но авторъ позволяеть намъ, конечно, сказать и адѣсь нѣсколько словъ въ свое оправданіе. Вотъ въ чемъ обвиняетъ насъ авторъ «Замѣчаній»: Рецензентъ О. З., окинувъ бѣглымъ взоромъ мою статью, представилъ бѣглый очеркъ ея, и отовзался о ней съ похвалою, но вообще въ такомъ шутивомъ, или, лучше сказать, насмѣшливомъ тонѣ, что самое сдѣланное авторское самолюбіе не смѣло бы рѣшиться — принять ли похвалу рецензента за дѣйствительныя выраженія его мнѣнія, или за иронию» (стр. 7). И еще: «Этотъ шутивый тонъ, этотъ будто бы англійскій юморъ, когда дѣло идетъ объ одномъ изъ важнѣйшихъ и прекраснѣйшихъ эпизодовъ русской исторіи, отчасти объясняются тѣмъ расстройствомъ духа, въ которомъ могъ быть рецензентъ, пересматрѣвъ «Письма на Луну», и сѣньяки и разныя новоселы и сказки, между которыми попадали и «Замѣчанія». Тѣмъ не менѣе странно и неприятно видѣть это *безкомочное* глумленіе на страницахъ журнала, столь богатаго и пр. Здѣсь, очевидно, надобно различить дѣй совершенно-различныя вещи: шутивый тонъ и насмѣшку, или глумленіе». О первыхъ не спорить: автору, настроенному чтеніемъ древнихъ актовъ и высокопарныхъ сказаній — простой, собесѣдовательный тонъ нашей рецензіи показался не довольно-солиднымъ? Онъ нашелъ его даже шутивымъ? Что удивительнаго: у всякаго свой вкусъ, своя собственная настроенность... Замѣтить только, что рецензентъ столько же думалъ объ англійскомъ юморѣ, сколько и тотъ, кто писалъ «Замѣчанія». Насмѣшка, или глумленіе — это другое дѣло. Здѣсь мы опять принуждены сдѣлать различіе между авторомъ «Замѣчаній» и авторомъ «Отвѣта»: послѣдній отличается отъ перваго именно какою-то странною подозрительностію, къ которой вовсе не расположенъ первый... Вотъ доказательство: онъ готовъ видѣть иронию въ томъ, о чемъ рецензентъ, положивъ

Т. XXVI. — Отд. V.

руку на сердце, можетъ сказать, что онъ говоритъ со всею искренностію и чистотою убѣжденія! Авторъ просто сдѣлалъ намъ сюрпризъ этимъ своимъ замѣчаніемъ, такъ-что мы сами принялись перечитывать свою рецензію, думая найти въ ней хоть что-нибудь похужее на насмѣшку или глумленіе надъ тѣмъ, чей трудъ, помнится, мы встрѣтили съ такимъ живымъ участіемъ... Но — итъ, это правда: развѣ только сдѣланное и — прибавимъ мы — подозрительное авторское самолюбіе можетъ найдти въ ней иронию. Ссылаемся на всѣхъ читателей, которые помнятъ сколько-нибудь нашу рецензію. Что же касается до «безконечнаго глумленія», то оно такъ же идетъ къ нашей статьѣ, какъ «безконечная искренность» къ инымъ замѣчаніямъ...

Намъ оставалось бы еще защитить нѣкоторыя слова въ нашей рецензіи, которые тому же автору Богъ-знаетъ почему вадумалось заклеить курсивомъ, хотя они не касаются ни его самого, ни его труда. Не нравится наприимѣръ, ему, что мы говоримъ «очки Шлёцера», или «добрый Карамзинъ», котораго въ добавокъ называемъ еще «старымъ учителемъ»; не нравится также ему, что мы уюманули и о нашей «блззрукости», которая видится не болѣе какъ на два пальца въ исторіи, и пр. и пр. И такъ, намъ осталось бы защитить эти очень-невинныя въ сущности выраженія. Но вѣдь это значило бы спорить о словахъ, а мы, право, не имѣемъ для такого безплоднаго труда ни охоты, ни времени. Чѣмъ глумиться надъ словами, лучше обратимся еще разъ къ «Отвѣту», гдѣ, сверхъ главнаго вопроса, встрѣчаются еще нѣкоторые сторонніе, впрочемъ неменѣе-важныя для нашей исторіи, которые авторъ съ обыкновенною своею отчетливостію и основательностію старается привести въ надлежащую ясность.

Изъ этихъ нслѣдованій два особенно-замѣчательны. Первое изъ нихъ направлено противъ мнѣнія г. Полеваго, который, раздѣляя причины бѣдъ

стей смутнаго времени на виѣщаніи и внутреннія, относить ко вторымъ, особенно-важнымъ, дворскую олигархію, и ея вредному вліанію приписываетъ между прочимъ то, что «гоненіе постигло всѣхъ отличившихся при спасеніи Москвы» (Рус. Бес. Т. III Прок. Ляпуи. стр. 5, 23). Видно, что первая мысль, мысль о дворской олигархіи смутнаго времени, вообще лишённая основанія, крѣпко не нравится автору, который, говоря о ея новости, не иначе выражается, какъ что подобной мысли «мы доселѣ, *благодаря Бога*, въ печати не встрѣчали». Впрочемъ, выразивъ такимъ образомъ свое предубѣжденіе противъ этого мнѣнія, онъ оставляетъ его почти безъ возраженій, но за то тѣмъ подробнѣе разбираетъ второе положеніе. Поясняя свою мысль о гоненіи всѣхъ отличившихся при спасеніи Москвы, г. Полевый продолжаетъ: «Трубецкой посланъ былъ воеводою въ Сибирь; Діонисій сужденъ по клеветамъ наѣтниковъ; Пожарскій выданъ головою роднѣ извѣнника Салтыкова; Авраамій Палицынъ умеръ въ заточеніи соловецкомъ, а Мининъ удаленъ умереть вдали отъ двора и Москвы». Въ-самомъ-дѣлѣ, какое методическое гоненіе на спасителей Москвы, если дѣло точно происходило такъ, какъ оно представлено въ этомъ изложеніи! Но часто имѣетъ видъ методической послѣдовательности то, что на-самомъ-дѣлѣ есть чистая случайность, стеченіе обстоятельствъ, безъ одной определенной мысли, и авторъ «Замѣчаній» поступилъ очень-благоразумно, подвергнувъ каждый пунктъ изложеннаго г. Полевымъ мнѣнія основательному разбору. Нельзя не пожалѣть только объ одномъ, — что авторомъ вногда руководствовало пристрастіе къ любимой идеѣ, пристрастіе, заставлявшее его просмотрѣть нѣкоторые факты, которые были у него подъ руками и которыхъ нельзя было не положить на вѣсы при рѣшеніи вопроса. Въ-особенности это относится къ вопросу о выдачѣ головою Пожарскаго Салтыко-

ву. Чтобы привести въ ясность это смѣлое обстоятельство, авторъ находитъ нужнымъ здѣсь разрѣшить слѣдующіе частные вопросы: 1) есть ли поводъ заключать, чтобы дѣйствіе *царя и бояре* противъ Пожарскаго имѣло цѣлью гоненіе или униженіе заслугъ его? 2) Зависѣло ли отъ воли *царя* при разборѣ о мѣстничествѣ принять и уваженіе заслугъ отца Пожарскаго? 3) Въ такомъ ли положеніи были тогда дѣла по мѣстничеству, чтобы *царь могъ въ чью бы то ни было пользу дѣлать исключенія*? 4) Каковы были дѣла князя Пожарскаго по мѣстничеству? 5) Выдача его головою имѣла ли вліаніе на послѣдующую службу князя и на благорасположеніе къ нему *царя*? — Остановившись на вторыхъ изъ этихъ вопросовъ, имѣющимъ очевидную связь съ третьимъ: въ дѣлѣ онъ — самый важный. Авторъ отицаетъ на него: «*можно сказать рѣшительно нѣтъ*», и ссылается, во-первыхъ, на то, что самъ Пожарскій не поставилъ ихъ на видъ *царю*, и во-вторыхъ, *въ приговорѣ бояре* по дѣлу между Волковскими и Головинскими, гдѣ между прочимъ сказано, что «за службу калуется государь нечѣстьемъ и дѣланіемъ, а не отечествомъ». Мы, съ своей стороны, на тотъ же вопросъ отвѣчаемъ рѣшительно «да», и ссылаемся, во-первыхъ, на то, что *воля царя ессда была выше приговора бояре*, отъ которыхъ, какъ людей, занятыхъ всего болѣе своею боярскою снѣскоу, разумѣется, и нельзя было ждать признанія истинныхъ заслугъ, и во-вторыхъ, утверждаемъ, что *царь могъ ессда, когда хотѣлъ, дѣлать исключенія по дѣламъ мѣстничества*, на что доказательства беремъ изъ актовъ, приводимыхъ самимъ авторомъ. Отвѣта: 1) По дѣлу князя Лыкова съ бояриномъ Иваномъ Миничичемъ Романовымъ (дядею *царя*): князь Лыковъ былъ челоуъ на боярина, что «былъ ему съ нимъ не имѣстною»; государь приговорилъ, что *быть ему мѣстнѣ мочно*; князь не послушалъ указа и *вошелъ за столъ*. «И послѣ стола го-

сударь послалъ къ князю Борису на дворъ Иванъ Чемодановъ да Левонъ Навольскаго и велѣлъ государю или князю Борису *самъ отъѣхать къ Ивану Никитичу за его безчестьемъ и сказать Ивану Никитичу государеву осолованье видать князю Борису ему оловомъ*. 2) Въ другихъ случаяхъ государь по своей воле позволялъ всѣмъ быть безъ мѣсты, и ослушниковъ подвергалъ суровой ошакѣ. Неужели же нельзя было сдѣлать исключенія въ пользу такой заслуги, на кова была заслуга Пожарскаго? Неужели же боярская свѣсь отечествомъ, положенная на вѣсы съ этою заслугою, потянула бы богѣе? Да, правда, здѣсь не было напѣреннаго гоненія или униженія заслугъ Пожарскаго, а было ихъ забвеніе или неоцѣненіе... Лучше объяснено дѣло Трубецкаго, удаленіе Минина; но вопросъ объ удаленіи Палицына не разрѣшенъ удовлетворительно, ибо остается несомнѣннымъ, что Палицынъ былъ посланъ въ Соловецкій, хотя и не въ «заоченіе», но «не по своей волѣ».

Богѣе-свѣтлою и богѣе-уважительною кажется намъ мысль автора «Отвѣта» объ одномъ изъ важнѣйшихъ дѣятелей эпохи междоусобствъ и послѣдующихъ годовъ, котораго до сихъ поръ почти и не замѣчала наша «близорукость» въ исторіи, не во глѣзѣхъ будъ сказано... Этотъ дѣятель — патриархъ Филаретъ, лицо въ высокой степени замѣчательное, какъ по своему возвышенному характеру, такъ и по тому важному и неослабному участию, которое онъ принималъ въ государственныхъ дѣлахъ своего времени. Намъ всегда казалось, что патриархъ Филаретъ, прежде гонимый Годуновымъ, заключенный въ монастырь, потомъ посолъ царства московскаго къ Сигизмунду, плѣнникъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, отецъ юнаго царя, первый его руководитель, наконецъ «великій государь», такъ сказать, соцарствующій своему сыну, всегда долженъ стоять на первомъ планѣ въ исторіи своего времени, и мы очень ра-

ды, что авторъ «Записки» обратилъ свой умный взглядъ на этого недостойно-забытаго, или мало-замѣченнаго человека. Превосходно обозначаетъ онъ изъ своихъ «Отвѣтъ» это типическое лицо нашей исторіи и проводить его во всѣхъ важнѣйшихъ эпохахъ его жизни, являвая въездъ его высочайшя лична дѣятельности, духъ неколебимо-твердый и талантъ мужа государственнаго, и показывая нѣру участія его въ правленіи... Свѣтъ окончить нашу статью, мы не можемъ слѣдить за авторомъ въ этомъ прекрасномъ его очеркѣ, но обращаемъ на него вниманіе тѣхъ, которые дорожатъ всякимъ новымъ открытіемъ, всякою новою и свѣтлою мыслию относительно нѣкоторыхъ важнѣйшихъ пунктовъ нашей исторіи. Съ своей же стороны, прибавимъ только одно замѣчаніе, которое представлялось намъ и прежде, но котораго высказать мы некогда не имѣли случая: намъ кажется, что во высокое значеніе, которое принадлежало патриарху Филарету лично, нѣло весьма-важное вліяніе и на значеніе патриаршества въ Россіи вообще; или, говоря иначе, только тогда можно будетъ достаточно объяснить, какимъ образомъ не далѣе, какъ въ послѣдующее царствованіе, Никонъ могъ стать на такую высоту государственную и вознѣмѣть такіа огромна притязанія, когда возьмемъ въ соображеніе, кто былъ патриархомъ при царѣ Михаилѣ Теодоровичѣ, и чѣмъ уже было въ лицѣ его патриаршество. Замѣтимъ одно, что какъ патриархъ Филаретъ, такъ и патриархъ Никонъ — оба равно носятъ титулъ «великаго государя»... Не развиваемъ этой мысли въ подробности, потому что это значило бы поднимать вопросъ огромный, которымъ заниматься теперь не позволяютъ намъ ни предѣлы нашей статьи, ни цѣль ея.

Мы сказали все, на что наведено насъ внимательное чтеніе «Отвѣта». Окачивая статью, не можемъ еще разъ не поблагодарить автора, не смотря на его предубѣжденіе противъ насъ, за тѣ заслуги, которыя онъ несомнѣнно ока-

валъ русской исторіи своими послѣдо-
вствіями объ одномъ изъ важнѣйшихъ
ея вѣтвевъ. Читаніе послѣдней статьи
еще болѣе удостовѣрило насъ, что во
всей нашей литературѣ за два послѣд-
ніе года не было, по отдѣлу историче-
ской критики, сочиненія болѣе-обу-
дливнаго, зрѣлаго и болѣе-богатаго ре-
зультатомъ, какъ «Замѣчанія» и «От-
вѣтъ», составляющіе, по единству
предмета и воззрѣнія, нѣчто цѣлое. Въ

связь съ открытіемъ этого мѣсяца, мы
надѣемся, что авторъ уведетъ насъ
изречь отъ вовсе-незаслужанной чест-
быть насѣдственниками, когда дѣло ка-
сается предмета очень-важнаго, и не
будетъ мекать въ нашихъ словахъ ирре-
ни, которой бѣнтся только слѣпое аи-
горское самолюбіе. Мы говоримъ отъ
убѣжденія: авторъ долженъ объяснить
наши слова такъ: ему угодно.

VI.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

АВГУСТЪ.

309) Сочинения князя В. Ф. Одоевскаго. *Санктпетербургъ. Въ тѣл. Эдуарда Праца. 1844. Три части. Въ 8-ю д. л. Въ I-й части 390, во II-й — 436, въ III-й—374 стр.*

Сочиненія князя Одоевскаго всегда были бы истиннымъ подаркомъ для публики; но теперь, при совершенномъ застоѣ русской литературы, они представляютъ собою особенно-отрадное явленіе. Будучи однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ писателей, князь Одоевскій тѣмъ не менѣе никогда не подвергался основательной критикѣ: его сочиненія были до-того разбросаны въ разныхъ альманахахъ и журналахъ, что трудно было бы не только обыкновеннымъ читателямъ, но и присяжнымъ критикамъ составить о нихъ ясное и полное понятіе. Теперь всѣ сочиненія князя Одоевскаго передъ глазами публики и критики, и ждуть оцѣнки отъ той и отъ другой стороны. Въ слѣдующей книгѣ: Отч.

Занисокъ: мы выполнимъ свой долгъ передъ ними со всею искренностью и добросовѣстностью, какихъ заслуживаютъ искренніе и добросовѣстные откровенія мыслящаго человѣка, который въ свѣтлѣхъ сочиненіяхъ отражаетъ всего-себя, какъ въ зеркалѣ, который, по прекрасному выраженію Карамзина, живетъ какъ пишетъ и пишетъ какъ живетъ. Сочиненія князя Одоевскаго принадлежатъ къ числу такихъ произведеній, которыя пробуждаютъ и вызываютъ въ читателейъ всѣ его чувства и мысли. Заранѣе объявляемъ, что мы, отдавая молную справедливость уму и блестящему таланту автора, соглашались съ нимъ во многихъ его мысляхъ, тѣмъ не менѣе совершенно расходимся съ нимъ въ нѣкоторыхъ изъ его убѣжденій. Хорошо зная князя Одоевскаго, какъ человѣка, мы убѣждены, что ничѣмъ такъ не можемъ доказать нашего высокаго уваженія къ его уму, его сердцу и его та-

ланту,—как высказавъ свое мнѣніе о его сочиненіяхъ съ равною искренностью и добросовѣстностью, и въ томъ, что считаемъ мы въ нихъ хорошимъ со стороны таланта и справедливымъ со стороны убѣжденія, и въ томъ, что, по нашему мнѣнію, найдемъ ниже его таланта и ниже идей современныхъ.

Сочиненія князя Одоевскаго изданы книгопродавцемъ г. Ивановымъ со всѣмъ возможнымъ у насъ типографскимъ изяществомъ. Четкими шрифтомъ, но убожество-напечатаннымъ, въ большомъ форматѣ, три книги заключаютъ въ себѣ тысячу-двѣсти страницъ.

310) Императорская Эрмитажная Галерея, литографированная лучшими артистами Франціи (т. е. лучшими французскими художниками): гг. Дюпрессоромъ, Эмилемъ Робильяромъ, Ипполитомъ Робильяромъ, Гюо, Викторомъ Доле и пр., печатанная Полемъ Пети. Изданіе, посвященное Ея Величеству Государынѣ Императрицѣ Всероссийской. Подъ особымъ покровительствомъ Ея Императорскаго Величества. Жидатель Гоше-Десовиери и Поль-Пети. Санктпетербургъ. 1844. Въ тит. М. Олѣила. Четыре тетради. Въ большой листъ.

Собраніе картинъ, находящееся въ Императорскомъ Эрмитажѣ въ Санктпетербургѣ и принадлежащихъ, болѣею частью, лучшимъ мастерамъ всѣхъ известныхъ школъ живописи, давно привлекало на себя вниманіе иностранцевъ, посѣщавшихъ Россію. Найдяли, что нѣкоторыя картины изъ этого собранія принадлежатъ талантамъ художниковъ, которыхъ не могли признать оны; говорили даже, что эти картины, называющіяся у насъ оригинальными, суть не иное что, какъ хорошія копіи; но всѣ единогласно утверждали, что эрмитажное собраніе есть одно изъ богатѣйшихъ и самыя цѣльнѣйшихъ въ Европѣ. Въ-самомъ-дѣлѣ, нашъ Эрмитажъ состоитъ изъ пятидесяти большахъ и малыхъ залъ, изъ которыхъ картины находятся соб-

ственно въ сорока-пяти; число всѣхъ картинъ простирается до 1,700, не включая въ то число миниатюръ и живописи, сдѣланной на эмали, на фарфорѣ, и пр.; картины эти принадлежатъ слишкомъ - пятистамъ различнымъ школамъ разнымъ различнымъ школамъ: итальянской (т. е. флорентинской, сьенской, римской, неаполитанской, венеціанской, мантуанской, пармской, миланской, болонской, феррарской, генуэзской), испанской (т. е. мадритской, севильской, вальядолидской), французской, нѣмецкой, фламандской, голландской, англійской и русской. Иностранцы путешественники нерѣдко рассказываютъ въ запискахъ своихъ объ эрмитажныхъ картинахъ и удивляются многимъ изъ нихъ; только мы одни оставались равнодушными къ этой сокровищницѣ, которая у насъ передъ глазами и которой, по-этому, отънѣтъ не умѣемъ. Поговорка: «нѣтъ пророка въ отечествѣ» всего болѣе идетъ къ намъ-Русскимъ; къ славянскимъ «авось» и «какъ-нибудь» мы присоединяемъ еще «не-уйдетъ» и откладываетъ на безсрочное время то, что можно было бы сдѣлать теперь же. Есть, на-примѣръ, много людей, давно живущихъ въ Петербургѣ, которые ни разу не видали моника Петра-Великаго, не бывали въ Монетномъ Дворѣ, въ Кунст-Кабинетѣ, въ Музеумѣ Академіи Наукъ, въ Музеумѣ Горнаго Корпуса, въ Общественной Антисептической Салѣ, а только мимоходомъ проходили по улицѣ Академіи Художествъ. И въ-дѣло-того, что это близко, «не-уйдетъ», всегда можно видѣть и рассмотреть, когда захочешь, не къ чему торопиться, — и такъ иногда проходить жизнь. Вотъ хотъ бы съ Эрмитажемъ: онъ существуетъ со времени Императрицы Екатерины II-й, дѣтъ около восьмидесяти, и для всѣхъ открытъ, — а мы до сихъ-поръ еще не знаемъ, что есть въ немъ; многіе ли изъ насъ даже бывали тамъ болѣе одного или двухъ разъ, — а въ два раза едва-ли можно осмотрѣть внимательно и одну залу! Что же до тѣхъ, которые не бывали въ Петер-

буря, — для этих Эрмитаж — это, пустое слово, с которыми не соединится никакого значения. Правда, эти тридцать-пять издава, были изданы очерки нескольких эрмитажных картин с историческими описаниями каждой из них; но, во-первых, эти очерки, сами и прекрасны-исполненные, дают слабее понятие о картинах, да и не о картинах собственно, с ея тѣнями и перспективой, а только о рисункѣ; во-вторыхъ, тутъ представляна только небольшая часть картинъ изъ всей галереи (только 75 изъ 1,700); в-третьихъ, издавие это выпечатано въ небольшомъ числѣ экземпляровъ и находится теперь у весьма-небольшаго числа даже записныхъ художниковъ, артистовъ ея офисѣ. Слѣдственно, предпріятіе это, не смотря на прекрасное его выполнение, никакъ не содѣйствовало къ ознакомленію публики съ сокровищами Эрмитажа. Была еще попытка — «описать» эрмитажные картины: кто-то издавъ книжечку безъ рисунковъ, съ простыми обозначеніемъ содержанія каждой изъ картинчатыхъ картинъ. Это предпріятіе еще менѣе могло ознакомить публику съ картинами. Двама-тремя словами, на-примѣръ, «дѣтская головка», или, при ландшафтахъ Кледа Лорена: «виданъ видна истоположеніе», тогда однимъ словомъ «портретъ» со-тавателя, естественно, не давать никакого понятія о художественномъ произведеніи. Наконецъ, для посѣ-телей Эрмитажа составлена была на французскомъ языкѣ «Livret de la Galerie Impériale de l'Ermitage», или ка-алогъ всѣхъ картинъ по нумерамъ, съ разныя положеніемъ содержанія каждой, — кособіе прекрасное для посѣ-телей Эрмитажа, но не дающее никакого понятія о картинахъ тому, кто е издавъ эти. Притомъ же, эта книж-ка назначена была только для за-рунтажа, изъ которыхъ въ каждой и аходилась она, но не поступала въ редакцію. Вотъ, кажется, все, что сдѣ-ано у насъ для описанія Эрмитажа; цѣнить сокровища Эрмитажной Га-

лерей и неопредѣлить насъ съ ними — предоставлено было иностранцамъ, ко-торыхъ всегда мы бывали обязаны въ уроки въ науки и искусства. Еще въ прошломъ году прояснись слухи, что цѣлая колегія французскихъ художни-ковъ собирается прѣхать къ намъ въ Петербургъ и выдѣлаетъ литографиро-ваніемъ копій со всѣхъ картинъ Эрмита-жа. Говорили о достоинствѣ этихъ художниковъ, изъ которыхъ нѣко дѣй-ствительно пользовались европейскою извѣстностью, — о новомъ способѣ, по-средствомъ котораго они будутъ снимать върныя копія, и пр. Но мы удержи-вались извѣщать объ этомъ читате-лей, обманутые столькими несбывши-мися надеждами: теперь же дѣло нача-лось, идетъ, по-видимому, безостанов-очно, — и мы рѣшились поручить вы-данію читателей предпріятіе, поддер-живать которое, по нашему мнѣнію, должно, если уже не изъ любви къ ис-кусству, то хоть изъ народной гордо-сти, — чтобы доказать иностранцамъ, какъ мы умѣемъ цѣнить труды, под-нимаемые намъ на пользу. Конечно, издатели, гг. Гойе-Десфонтезъ (Gouffé-Desfontaines) и Поль Петти (Paul Petit) говорятъ въ своемъ объявленіи, что они имѣютъ въ виду не столько соб-ственные выгоды, сколько пользу «Европы, которую это издавие ознак-матъ съ многочисленными содѣл-ками, заключающимися въ этомъ бо-гатомъ собраніи». Но тутъ видна болѣе извѣстность иностранцевъ, кото-рымъ не хотѣли сказать, что они озна-комитъ и насъ съ тѣмъ, что у насъ подъ руками и чего мы не знаемъ, — хотя несомнѣнно и то, что Европа съ лю-бопытствомъ узнаетъ нашу Эрмитаж-ную Галерею, зная уже почти всѣ картинныя галереи, находящіяся въ другихъ государствахъ, ибо почти всѣ онѣ или награвированы, или выдѣ-графированы.

Какъ бы то ни было, но нельзя до-вольно похвалить этого предпріятія, особенно теперь, когда оно болѣею частію такъ прекрасно исполняется. Издатели очень-обдуманно приступили

къ дѣлу, и въ этомъ-то надежное ручательство, что оно не уклонится отъ своего правильного хода. Они предпочли *литографію* гравировъ потому, что *литографія* значительно сберегаетъ время, и, сверхъ-того, удобіе можетъ передавать характеръ, оттѣнки картинъ разныхъ школъ и разныхъ художниковъ. Рафаэль, Гвидо Рени, Леонардо да-Винчи, Вероковъ, Рембрандтъ, Рубенсъ, Ван-Дейкъ, Теньеръ, Грѣвъ, Пуссенъ, Поль-Поттеръ, Клодъ Лорренъ, Мурильо и многіе другіе не могутъ быть копируемы однимъ и тѣмъ же образомъ — говорить надатели. Дѣйствительно, гравировка придаетъ мертвенное однообразіе всѣмъ копіямъ: самая лучшая англійская гравюра не можетъ быть изъята отъ этого недостатка, между-тѣмъ, какъ *литографія*, примененная ко всѣмъ родамъ, можетъ придать каждому рисунку надлежащій характеръ, по которому можно узнать художника, создавшаго картину; такимъ-образомъ, и надатели «Эрмитажной Галереи» употребляютъ тотъ или другой способъ *литографіи*—рисовку глубокую, черную, гладь, сѣню или тинту, смотря по надобности. Самый способъ копирования, употребляемый художниками, которыхъ выписалъ г. Гойе-Дефонтенъ, заслуживаетъ особое вниманіе. Картины не могутъ быть копируемы въ натуральную ихъ величину на листахъ въ тринадцать вершковъ длины и въ девять съ половиною вершковъ ширины (этотъ размѣръ принятъ для листовъ и тетрадей «Эрмитажной Галереи»); слѣдственно, при копировкѣ надобно уменьшать размѣры копируемыхъ предметовъ, и не трудно впасть въ ошибку, такъ-что копія окажется неутѣною. Для избѣжанія этого, художники, работающіе въ Эрмитажѣ по пригласенію г-на Гойе-Дефонтена, употребляютъ превосходный для этого дѣла инструментъ — *диатрафа*, посредствомъ котораго картины копируются не только въ цѣломъ, но и въ малѣйшихъ своихъ подробностяхъ: прежде, нежели художникъ принимается за ко-

пированіе картины, — эта картина уменьшается въ своихъ размѣрахъ посредствомъ *диатрафы*; слѣдственно, можно ручаться какъ за совершенно сходство копіи съ оригиналомъ, такъ и за образцовую точность въ отдѣлѣ.

Самое печатаніе *литографическихкихъ* рисунковъ требовало особой заботливости: у насъ ничего къ этому не готово — нѣтъ ни хорошихъ печатниковъ, ни даже бумаги. Г. Гойе-Дефонтенъ долженъ былъ привезти съ собою бумагу и печатниковъ. Печатаніе принялъ на себя со-надатель его, г. Поль-Пети, — и вышедшіе донынѣ 17 *литографированныхъ* рисунковъ — лучше всего, что когда-либо было увидано въ Россіи въ этомъ родѣ, хотя нѣкоторые и уступаютъ лучшимъ иностраннымъ *литографіямъ*. Извѣстіе, роскошнѣе, даже великолѣпнѣе этого малодія невозможно пока и требовать. Мы увѣрены даже, что европейскіе цѣнители, избалованные роскошью *литографированныхъ* наданій, съ величайшею похвалою отзовутся о нѣкоторыхъ *литографіяхъ* «Эрмитажной Галереи».

Не лишнимъ считаемъ сказать, что надатели передъ началомъ дѣла объявили слѣдующее: «Чтобы дать еще болѣе ручательство въ отчетливомъ и полнѣмъ предпринятомъ нами дѣлѣ, мы просили, чтобы каждый рисунокъ, до выпуска его въ свѣтъ, подвергнуть былъ суду комиссіи, состоящей изъ лицъ, которыхъ Его Императорскому Величеству угодно будетъ для сего назначить». Наданіе посвящено Августѣйшему имени Государыни Императрицы и находится подъ особымъ покровительствомъ Его Императорскаго Величества». Нужна ли прибавлять еще что-нибудь къ этому ручательству за извѣстество изданія?..

Оно выходитъ выпусками, въ болѣе шомъ форматѣ, въ-листъ, на отличной веленовой бумагѣ; всякій выпускъ состоитъ изъ *четыреехъ* рисунковъ съ пояснительнымъ текстомъ (на русскомъ и французскомъ языкахъ), содержащимъ въ себѣ краткую біогра-

юю живописца, котораго картина спонсирована, и краткое изложение содержания картины, происхождение и исторія ея.

Цѣна каждого выпуска — три рубля серебромъ на китайской бумагѣ и два рубля серебромъ на бѣлой, — цѣна слишкомъ-умѣренная, особенно если принять въ соображеніе, что мы часто платимъ за одну французскую литографію столько, сколько здѣсь заплатится за четыре. Сверхъ-того, издатели даютъ подписавшимся портреты всей Императорской Фамиліи безденежно, между тѣмъ, какъ неподписавшимся эти портреты будутъ продаваться отдѣльно по 1 р. 50 к. сер. за каждый.

Подписавшіеся вносятъ деньги за каждыя пять выпусковъ вперед и получаютъ выпуски, въ Петербургѣ, на домъ, безъ надбавки въ цѣнѣ; во всѣхъ другихъ городахъ они платятъ, сверхъ-того, за укладку и пересылку (*).

До-сихъ-поръ, въ-теченіе мѣсяца, вышло четыре выпуска, содержащіе въ себѣ совмѣщаютъ рисунковъ. Въ первомъ выпускѣ находятся: 1) поясной портретъ Государя Императора, снятый съ мѣдистаго портрета Крюгера, отличающагося разительнымъ сходствомъ; 2) «Внѣчаніе торніемъ» съ картины Караваджіо; 3) «Битва», съ картины Вуверманса; 4) «Голландскій Завтракъ», съ картины ван-Міериса; 5) Ландшафтъ «Охотникъ», съ картины Поль-Поттера; — во второмъ: 6) Портретъ Вандика (ван-Дейка), написан-

ный имъ самимъ; 7) «Вечеръ» (изъ исторіи Товія), съ картины Клода Лоррена; 8) «Большая и Докторъ», съ картины Метцю; 9) «Жена Рубенса» съ картины, написанной самимъ Рубенсомъ; — въ третьемъ: 10) «Святое Семейство», съ картины Леонардо да-Винчи; 11) «Закатъ Солнца», съ картины Альберта Квины; 12) «Семейство Снейдερса», знаменитаго фламандскаго живописца, съ картины ван-Дейка, (13) «Встрѣча», съ картины Вуверманса, — въ четвертомъ: 14) «Отдыхъ въ Египтѣ», съ картины Аннибала Караччи; 15) «Святое Семейство» съ картины Рембранта; 16) «Искушеніе Св. Антонія», съ картины Давида Тенъера, и 17) «Геркулесъ», съ картины Никола Пуссена. Такимъ образомъ, публики, незнакомае съ Эрмитажемъ, можетъ уже теперь имѣть понятіе о твореніяхъ великихъ мастеровъ: Караваджіо, Леонардо да-Винчи, ван-Дейка, Вуверманса, ван-Міериса, Поль-Поттера, Клода Лоррена, Рубенса, Ан. Караччи, Рембранта, Тенъера, Пуссена и пр. Въ слѣдующихъ тетрадяхъ она, вѣроятно, увидитъ постепенно всю эту пятисотенную семью, твореніями которой гордится нашъ Эрмитажъ.

Что касается до объясненія содержанія каждой картины, или текста, прилагаемаго къ «Эрмитажной Галереѣ», то онъ весьма-удовлетворителенъ и переводится, если не ошибаемся, изъ упомянутого выше «Livret». Вышедшія до-сихъ-поръ біографіи Караваджіо, Леонарда да-Винчи, ван-Дейка и Ан. Караччи довольно-полны, хотя и очень кратки.

Если г. Гоме-Десфонтеъ предположилъ издавать въ недѣлю по тетради, т. е. по четыре рисунка, а въ годъ издать 52 тетради, или 208 рисунковъ, то въ восемь лѣтъ онъ можетъ налитографировать все эрмитажное собраніе картинъ, — если, разумеется, это огромное, дорого-стоящее предпріятіе его найдетъ себѣ поддержку въ публикѣ.

Мы, съ своей стороны, какъ сказано, находимъ его вполне-заслуживающимъ этой поддержкой. До-сихъ-поръ

(*). Нижегородные подписчики получаютъ по пяти тетрадямъ, упакованнымъ въ жестяномъ футлярѣ, изъ предосторожности, чтобъ отъ пересылки картины не могли попортиться, — и прилагаютъ въсовыхъ за 5 р., и 40 коп. сереб. за жестяной футляръ.

Подписка принимается — въ Петербургѣ: въ книжныхъ магазинахъ Иванова, Олькина, Исакова, Белизара, и въ магазинѣ астампозъ Данирѣ, на углу Невскаго Проспекта и Адмиралтейской Площади; въ Москвѣ: въ Канцеляріи Французскаго Консула и въ картинномъ магазинѣ Данирѣ.

у насъ любители довольствовались весьма-плохими литографіями, вѣдущими съ плохими рисунками на пергамъ-плохой бумагѣ. Теперь имъ предлагается полная коллекція снимковъ съ вѣдменнѣйшихъ произведеній живописи; если отъ дома не всё сдѣлано и отпечатано; отлично, то большая часть ихъ можетъ воспорить съ лучшими европейскими литографіями; вообще же, все издательское изданіе «Эрмитажной Галереи», составитъ прекрасный альбомъ, который никогда не потеряетъ цѣны своей.

311) Творенія Святыхъ Отцовъ въ русскомъ переводѣ. Петербургское изданіе при Московскои Академіи, съ прибавленіемъ духовнаго содержания. Годъ второй. Книжки 2. Москва. Въ тип. А. Савина. 1844. Въ 8-ю д. л. 165—324, 97—221 стр.

Изъ твореній святаго Григорія Богослова напечатаны въ этой книжкѣ восемь словъ (33 — 40). Въ прибавленіяхъ помѣщены два слова московскаго митрополита Филарета: на память святаго Алексія и на вечернѣ два св. Пасхи; потомъ о троицкѣ служеніи Іисуса Христа; наконецъ замѣтки на духовной литературы времени великаго князя Ярослава I-го: «Слово Іларіона митрополита кіевскаго», напечатанъ весьма-замѣчательнымъ, и вѣроятно имъ долженъ связать нѣсколько словъ.

Іларіонъ былъ родомъ Русскій. Первое образованіе, зрѣлѣе, онъ получилъ въ томъ училищѣ, которое заведенъ въ Кіевѣ еще св. Владиміръ, и куда приказалъ брать дѣтей знатныхъ лицъ. Особенныя его дарованія или другія какия-нибудь обстоятельства доставили ему нѣкто священника въ епископъ Берестовъ (близъ нынѣшней Кіевской Печерской Лавры), гдѣ былъ дворецъ вельчикокиевскій. Ярославъ, часто бывая въ своемъ загородномъ дворцѣ, зналъ тамошнихъ священниковъ, и особенно обратилъ на себя его вниманіе своимъ вознаниемъ и благочестіемъ въ Печерѣ, который не довольствовался

обыкновеннымъ исправленіемъ своихъ обрядностей, но часто ездывалъ съ домъ и уходилъ въ соседнюю гору, пещерную афонъ, чтобъ тамъ въ уединеніи предаваться молитвѣ и богочыслию, устроивъ тамъ собѣ другое жилище — въ пещерѣ. Такіе подвиги еще болѣе расположили къ нему благочестиваго Ярослава. И когда онъ сталъ въ Кіевѣ митрополитомъ Ослоптомъ, великій князь поставилъ на его мѣсто Іларіона. Долго ли правилъ онъ церковью, Несторъ не говоритъ; но въ 1072 году упоминается уже другой митрополитъ Георгій.

Между замѣтками древности русской встрѣчается въ книжкѣ рукописныхъ слово: *О замкѣ Моисеомъ даламъ аму и о благодати и истинѣ Іисуса Христа былыми, въ историю врасоводульца похвала Казану цесарю Владиміру, имену ея Владиміру, называемому казаномъ, но прицѣру козарскихъ владѣтелей, которые прежде господствовали надъ Южною Русью.* Въ самомъ своемъ видѣ находится оно въ рукописи Синодальной Библиотеки. Въ слѣдъ за этимъ словомъ въ той же рукописи помѣщены: «Символъ Никейско-Цариградскій» и другое, болѣе-пространное наложеніе вѣры, подписанное Іларіономъ, митрополитомъ кіевскимъ, избранымъ въ 1051 году, при великомъ князѣ Ярославѣ, изъ пресвитеровъ русскихъ. Въ этой статьѣ нисколько словъ русскія и нѣка-бы составляли одну статью, безъ всякаго отдѣленія одной отъ другой, исключая того, что только надъ второю написано кинюварью: *Молитва, что впрочемъ часто встрѣчается въ рукописныхъ житіяхъ святыхъ, хотя эти молитвы принадлежатъ къ тѣмъ же житіямъ. Это-то Слово, равно какъ Исповѣданіе Вѣры, т. е. символъ и Молитва, помѣщены во 2-й книжкѣ твореній святыхъ отцевъ.*

312) Краткая Общая Анатомія Тѣла Человѣческаго. Издаеи заслуженный профессоръ анатоміи, академикъ, докторъ медицины и хирургіи, фа-

ладильскаго философическаго въ Амери-
кѣ и равняетъ другимъ ученикъ обществ
цель, *Докторъ медицины Спасскій Со-
ветникъ и Кавалера Св. Станислава пер-
сой атачери и пр. Илья Буальсий.
Санктпетербургъ. Въ тѣм. Виллсера.
1844. Въ 8-ю д. в. 300 стр.*

Русская медицинская литература
бѣдна сочиненіями по части анатоміи
и физиологии, составляющихъ основа-
ніе всей медицины. Съ 1799 года, со
временемъ елизаветы въ Россіи первого
высшаго медицинскаго учебнаго заве-
денія, до нынѣшняго времени, вышамъ
у насъ только двѣ оригинальныя ана-
томіи: «Анатомія» профессора Мухи-
на, изъ 1815 году, даже уже устарѣ-
вшая и окликивая своей книжкѣ, и «Ана-
томія» академика Загорскаго — книжка,
написанная гораздо болѣе достоинствъ,
всѣмъ первымъ, и принятая почти
всѣми нашими медицинскими заведе-
ніями за руководство. Вотъ и всѣ на-
ши руководствя къ анатоміи! Есть
правда; еще одна, или двѣ анатоміи,
переведенныя съ иностранныхъ язы-
ковъ, но весьма посредственныя по
своему содержанию и уже почти всѣми
забытыя. Не говоримъ о сочиненіи
г. Циррера, наданномъ имъ въ Дерп-
тѣ, de *Facie, etc.*, какъ о монографіи,
гдѣ, по крайней мѣрѣ, можно сказать, только
важнѣйшая частіца всей анатоміи чело-
вѣка, ни о другомъ сочиненіи того же
автора, «Прикладной Анатоміи Человѣ-
ческаго Тѣла», которое еще только на-
чалось и имѣетъ своею спеціальную цѣль
— приложенія анатоміи къ хирургіи.
«Анатомія» г. Загорскаго въ свое время,
исключая весьма достойнаго изобразленія
женуцалиса короткой книжкѣ; но, при
перевѣдѣннѣмъ ея состояніи науки, она ста-
новится и враткою и устарѣвшею.
Перхъ того, въ ней есть еще весьма-
важныя недостатки: она имѣетъ ха-
рактеръ только описательный, и посто-
лу въ ней нѣтъ другой весьма-важной,
необходимой частіи анатоміи чело-
вѣка — анатоміи общей. Учащійся, ко-
нечно, выйдетъ въ «Анатоміи» г. За-
горскаго описанія о томъ, изъ чего со-
стоитъ человѣческое тѣло, часті,

дый органъ человеческого тѣла, но
изъ этой книги онъ не узнаетъ обща-
го соотношенія частей плотныхъ и
жидкихъ и органовъ нашего тѣла; онъ
не узнаетъ ни законовъ развитія мате-
ріальныхъ элементовъ челоѣка, ни
ихъ свойствъ нормальныхъ и патоло-
гическихъ. Общей анатоміи, создан-
ной еще въ концѣ прошедшаго столѣ-
тія славыишъ Биша, у насъ на рус-
скомъ языкѣ совсѣмъ не было.

Со временемъ первое сочиненіе Биша
оъ общей анатоміи, «*Anatomie générale
appliquée à la physiologie et à la
médecine*», наданнаго въ 1800 году, на-
ука эта неумолимыми трудами послѣ-
дователей французской и англійской
анатомическихкихъ школъ двинулась впе-
редъ неизмѣрно. Открытія по этой
части естественнаго слѣдовали одно
за другимъ почти-безпрерывно. И
этими открытіями общая анатомія
обязана, съ одной стороны, новѣйшей
химіи и микроскопіи, а съ другой ана-
томіи транспондентальной, или орга-
ногеніи и эмбриоденіи; основанной во
Франціи и развитой въ Германіи.
Анатомія патологическая, до такой
значительной степени процвѣтающая
въ школѣ парижской, имѣла большое
вліяніе и на открытіе нѣкоторыхъ
важныхъ законовъ въ анатоміи об-
щей.

Но всѣ эти новѣйшія открытія,
всѣ эти матеріалы для общей ана-
томіи были разбросаны въ раз-
ныхъ сочиненіяхъ и періодическихкихъ
изданіяхъ. Со времени Векляра; уче-
ника и друга Биша, издаваемаго себѣ
общую анатомію въ Парижѣ въ 1827
году, даже во Франціи до нынѣшняго
года не было издано полного соинені-
я оъ общей анатоміи. Въ Англии
послѣдняя лучшая книга оъ этой на-
укѣ была напечатана въ 1829 году
Гренгеромъ, подъ заглавіемъ «*Elements
of General Anatomy*». Послѣ этого не
удивительно, если у насъ на русскомъ
языкѣ не было доселѣ никакой книги
по этому предмету. Академикъ Буль-
свій вспомянулъ теперь этотъ недоста-
токъ; и нынѣ изълучше враняться за

подобное предприятие у нас, как не тот, кто уже более двадцати-пяти лѣтъ занимается со славой каведру профессора анатоміи въ первоклассномъ нашемъ медицинскомъ учебномъ заведеніи, кто обладаетъ прекраснымъ анатомико-патологическимъ кабинетомъ и кто посвятилъ всю свою жизнь анатоміи и хирургіи? Неизвѣстно всякому просвѣщенному читателю, что имя г. Буальскаго стоитъ въ настоящее время наряду съ именами первыхъ европейскихъ хирурговъ. Отъ г. Буальскаго мы въ правѣ были ожидать хорошаго сочиненія.

Издавая книгу, авторъ имѣлъ въ виду представить своимъ слушателямъ и врачамъ-практикамъ науку въ теперешнемъ ея состояніи на западѣ Европы. Но такъ-какъ общая анатомія, не смотря на множество открытій, еще не можетъ назваться наукою, ибо многіе изъ фактовъ, относящихся къ ней, еще доселѣ сомнительны и темны и требуютъ дальнѣйшихъ разъясненій, то авторъ въ своей книгѣ и говоритъ только о предметахъ положительныхъ и неоспоримыхъ; о предметахъ же еще сомнительныхъ онъ только упоминаетъ вкратцѣ. И вотъ почему профессоръ Буальскій далъ скромное названіе своей книгѣ: «Краткая Общая Анатомія Тѣла Человѣческаго».

Книга г. Буальскаго начинается разсмотрѣніемъ общихъ составныхъ частей нашего тѣла; тутъ разсмотрѣны части плотныя и жидкія, ихъ свойства: физическія, химическія и микроскопическія. Здѣсь нельзя не замѣтить важнаго шага, сдѣланнаго нашимъ ученымъ анатомикомъ: онъ, при разсмотрѣніи элементарныхъ частей тѣла, принялъ въ расчетъ не одиѣ плотныя части, но и жидкія, — обстоятельство, на которое обращаютъ вниманіе еще весьма-немногіе изъ анатомиковъ. Въ этомъ всякій вполне согласится съ авторомъ, ибо неизвѣстно, что какъ плотныя, такъ и жидкія части одинаково необходимы для каждаго органа, для каждой частицы животнаго организма: одно безъ другаго не

составляетъ цѣлаго; слѣдственно, то и другое должно имѣть и одинакую важность при изученіи. Описывая плотныя части, авторъ рассматриваетъ сперва систему клетчатой ткани, потомъ систему роговую, за тѣмъ по порядку систему покрововъ, съворочныхъ и мокротныхъ оболочекъ, систему костей, хрящей, сухожильныхъ волоконъ, мышцъ, сосудовъ и наконецъ систему нервную. За описаніемъ элементарныхъ частей, слѣдуетъ у автора — изложеніе устройства всѣхъ органовъ человѣческаго тѣла, какъ частей уже сложныхъ и составленныхъ изъ простыхъ тканей. Намъ невозможно слѣдовать за авторомъ при разсмотрѣніи такихъ важныхъ вопросовъ: для этого нужно было бы упомянуть обо всѣхъ открытій и подробностяхъ, въ которыхъ нашъ ученый долженъ былъ поинтересоваться при изложеніи каждой ткани, каждаго органа, каждой жидкости. Это значило бы сдѣлать извлеченіе изъ этой книги, извлеченіе, которое, доставило бы только весьма-неполное понятіе о столь интересныхъ и важныхъ предметахъ. Замѣтить однако, что послѣ описанія каждой ткани и каждаго органа, авторъ описываетъ ихъ гистологію и органогенію, и описываетъ это очень-искусно.

Г. Буальскій особенно вошелъ въ подробности при описаніи системы костей, сосудовъ, нервовъ, покрововъ, системы серозныхъ и слизистыхъ оболочекъ, при описаніи аппаратовъ отдѣлительныхъ и органовъ вѣрвья и слюна. Нельзя изъ плотныхъ частей каждаго органа, онъ точчасъ же описываетъ части жидкія, имъ содержащіяся и отдѣляемыя, такъ-что въ этомъ сочиненіи можно найти все, что сдѣлано въ послѣднее время микроскопіи и химіи для изслѣдованія крови, височнаго жира, слюны, молока, мочи, желчи и проч.

Вообще, г. Буальскій оказалъ истинную услугу нашей медицинской литературѣ, соединивъ въ сочиненіи своемъ при помощи анатомико-физиологиче-

наго своего взгляда и долговременной опытности, все, что сабдали для науки въ последнее время знаменитые ученые Франціи и Англіи: Распайль, Дюроше, Шванъ, Генле, Валентинъ, Серръ, Бишофъ, Герберъ, Пюринижи и другіе. Словомъ, даѣсь представлена читателю полная, ясная картина всѣхъ частей живыхъ и плотныхъ нашего гѣла съ ихъ гистологіею и органогеніею.

313) *Руководство къ Медицинской Клиникѣ, или частная патологія и терапія, обработанная съ клинической точки зрѣнія. Сочиненіе доктора Карла Канштата. Перевелъ съ нѣмецкаго докторъ медицины и членъ Московскаго Физико-Медицинскаго Общества Александръ Реми. Книга первая. Клиническая Морфологія или элементарныя болѣзненные формы. Москва. Въ тип. С. Селивановскаго. 1844. Въ 8-ю д. л. 503 стр.*

Основною мыслію «Руководства къ Медицинской Клиникѣ» служить изложеніе возможно-простѣйшихъ способовъ распознаванія и леченія болѣзней, освобожденное отъ всякой теоріи, необъщающей практической пользы. Въ сочиненіяхъ, касательно этого предмета, встрѣчается—либо излишняя краткость, либо чрезвычайная обширность, запутывающая практическій взглядъ роскошью учености; но всего болѣе замѣчается или духъ строгой систематики, или неуваженіе успѣховъ, приобрѣтенныхъ естественными науками. Сочинитель «Руководства» старался по-возможности избѣгнуть этихъ недостатковъ: онъ не строго придерживался систематической послѣдовательности и ввелъ въ патологію результаты новѣйшихъ успѣховъ физиологіи. Такъ-какъ въ каждой болѣзни должно разсматривать двѣ стороны: 1) форму болѣзни, что составляетъ морфологическое ея изслѣдованіе, и 2) происхожденіе болѣзни, т. е. изслѣдованіе родословное или историческое (патогенетическое), то и «Руководство» дѣлится на двѣ

части. Теперь пока явилась первая часть — морфологія.

314) *Ручная Книга, или теоретическій и практическій трактатъ къ (?) излеченію падуцей болѣзни, отъскихъ конвульсій и истерики, съ показаніемъ сложнѣйшихъ противуэпилептическихъ и успокоительныхъ (?) средствъ, испытанныхъ съ пользою (?) авторомъ (!!) въ теченіе 30 лѣтъ и съ изложеніемъ практическихъ случаевъ. Составлено Докторомъ Марокетти, членомъ разныхъ ученыхъ Обществъ и Академіи (накой?). Санктпетербургъ. Въ тип. Министрства Внутреннихъ Дѣлъ. 1844. Въ 8-ю д. л. Двѣ части. Въ I-й — VI и III, во II-й — 136 стр.*

Какъ поучительны отдѣльныя монографіи болѣзней, извѣстно каждому врачу; но за то сколько же способностей и дарованій требуется со стороны лица, принимающагося за составленіе подобаго частнаго описанія болѣзней! Потому-то неудивительно, что многіе десяти диссертацій, сопровождаемыхъ цитатами изъ всѣхъ авторовъ, древнихъ и новыхъ, Грековъ и Латинявъ, падаютъ въ Лету, едва-едва переживъ минуты краткаго диспута: почти то же бываетъ и съ монографіями. Трудно рѣшить, что побуждаетъ въ которыхъ врачей печатно объявлять о себѣ, тогда-какъ было бы для нихъ гораздо-безопаснѣе молчать и не печатать того, въ чемъ нельзя убѣдить другихъ. Конечно, они руководствуются въ своихъ предпріятіяхъ мыслію—оказывать пользу товарищамъ и, можетъ-быть, расширить предѣлы науки; эта мысль заслуживаетъ всякой хвалы, но, къ-сожалѣнію, мало такихъ, которые бывають призваны для подобаго великаго дѣла.

Г. докторъ Марокетти, извѣстный по трактату «Особачьемъ бѣшенствѣ», нынѣ издавъ, въ назиданіе врачей-теваріищъ и въ пользу страждущаго человечества трактатъ о «падуцей болѣзни». Чего-чего нѣтъ въ его книгѣ! Впрочемъ, это и не могло быть иначе:

Въ г. Марокетти въ продолженіе 40 лѣтъ дѣятельнѣе занимался изученіемъ самыхъ трудно излечимыхъ болѣзней, о которыхъ даже лучшие врачи передавали лишь несовершенныя познанія (!), не оставивъ намъ ни одного вполне удовлетворительнаго способа леченія. (Предисл., стр. I). Вотъ что говоритъ онъ въ самомъ началѣ предисловія: «Посвящая всю жизнь моему какой либо наукѣ или искусству, занимался яни почти исключительно въ продолженіи многихъ лѣтъ, она *неблагослава*» (что за варварскій галлицизмъ!) «для насъ такъ принадлежательны, что мы чувствуемъ къ нимъ какъ-то непреодолимое пристрастіе и вслѣдствіе сего стараемся способствовать усовершенствованію и распространенію ихъ предѣловъ.» Начало предисловія, конечно, довольно-темно, но авторъ оправдывается на стр. VI того же предисловія такимъ образомъ: «Относительно способу изложенія предисловія богатство францужеской мелодичности, я не согласенъ съ мнѣніемъ многихъ другихъ врачей, желающихъ видеть чуждый слогъ въ медицинскую литературу (!); напротивъ, я убѣжденъ (!) въ томъ, что *эстетическое* является къ медицинскому слову *частью заставляющей читателя терпѣть эту одну или другую или сочиненія, которая должна различаться болѣе отъ науки, нежели отъ искусства и занимательности.*» Послѣ этого, не будемъ упрекать сочинителя въ слогъ, хотя можно желать, чтобы въ изложеніи каждого предмета было соблюдено старое положеніе: *simpliciter et sine dolo.*

Когда г. Марокетти открытвенно признаетъ, что изощреніе слога въ медицинскомъ предметѣ медицинскимъ есть, по его мнѣнію, дѣло постороннее и почти-архивное, потому-что читатель черезъ это теряетъ предметъ изъ вида, то не будемъ прививаться къ этому, но пожелаемъ дальѣе, посмотримъ въ самомъ сочиненіи. Въ первой части, въ главѣ I, описываетъ падающую болѣзнь, сочинитель говоритъ, что ни онъ, ни какой-либо другой не знаютъ этой болѣз-

ни иначе, какъ только по названію, и это подтверждаетъ онъ въ § 4, на стр. 3: «Хотя я уже почти 30 лѣтъ (я *предисловіи* было 40 лѣтъ) занимаюсь леченіемъ падающей болѣзни; и въ продолженіе этого времени пользовался всѣмъ родомъ соевъ эпилептикозъ, однако далеко не думаю, чтобы былъ (?) въ состояніи узнать начало сей болѣзни и сущность ея дѣйствія (?) въ метафизическія и животныя отщепенія челоукаческаго организма.» Послѣ этого искреннаго признанія въ нецѣлѣвѣи предмета, изложеніе котораго принялъ на себя г. Марокетти, можно ли ожидать чего-нибудь дѣльнаго отъ его книги? Но вооружимся терпѣніемъ и пойдемъ дальѣ: авось представится что-нибудь. Во II главѣ находимъ раздѣленіе эпилепсіи: 1) на нервную, 2) кровяную и 3) лимфатическую или гуморальную, и описаніе всѣхъ этихъ видовъ болѣзни. Въ патогеніи падающей болѣзни, исчисляя причины, сочинитель разглагольствуетъ, такъ-сказать, не въ-мѣру. Причины, отъ которыхъ происходитъ падающая болѣзнь у младенца, до его рожденія на свѣтъ, отрицаются при описаніи этой же болѣзни въ дѣтскомъ, юношескомъ и зрѣломъ возрастѣ. Потому опять слѣдуетъ раздѣленіе падающей болѣзни на тѣ же три класса, какіе доказаны въ главѣ II. Пространно исчисляетъ причины эпилепсіи, сочинитель говоритъ въ § 163, что «есть еще много другихъ причинъ, о которыхъ еще доселѣ ни однимъ авторомъ не упоминали, и которыхъ никакъ нельзя опустить.» Зачѣмъ бы, кажется, и хлопотать о томъ, существованіе чего никому неизвестно? Описать разныя виды эпилепсіи, г-нъ Марокетти раздѣляетъ болѣзнь по степени ея излечимости, на четыре вида: 1) легко-излечимую, 2) трудно-излечимую, 3) сомнительную и 4) неизлечимую или хроническую (?). Нельзя не сказать сочинителю, что онъ ошибочно называетъ мелкіе глисты *ghaades* и *ascarides*; также довольно-страненъ смыслъ § 202-го.

Во второй части «Теоретическаго и

практическаго трактата о падушей болѣзни: **Владѣется германія послѣдней:**

«Приступая къ леченію падушей болѣзни, должно начинать испытаніемъ (?) болѣзнь, т. е. отысканіемъ причины посредствомъ словеснаго испытанія и мѣстнаго изслѣдованія разныхъ частей тѣла; если же врачъ распознаетъ признаки болѣзни, находитъ невозможнымъ излечить падушу непосредственно убавля болѣзнь приросту, то онъ долженъ прибѣгнуть къ прямому противу-эпилептическому способу леченія.»

Далѣе, въ слѣдующемъ параграфѣ, сочинитель говоритъ:

«Этотъ способъ (?) есть плодъ моей собственной опытности, а средства мои раздѣлы на два рода, для которыхъ каждая соотвѣствуетъ одной изъ главныхъ душь (не-уже-ли только душь?) причинъ падушей болѣзни, т. е. однихъ употребляется противъ нервной, а другой противъ гуморозной эпилепсис.»

А что же употребляется противъ прямой эпилепсис? Вотъ что говоритъ сочинитель о невозможности лечить всѣ (три) вида эпилепсис одинаковыми (слабыми, или одними и тѣми же?) средствами:

«На причиняетъ, изложенныхъ въ началѣ этого сочиненія и во вышеприведенныхъ разсужденіяхъ истинникамъ (!!) падушей болѣзни, практическіе врачъ, при леченіи ея, не могутъ слѣдовать ни одному способу, ограничивающемуся исключительно однимъ какимъ либо, врачевнымъ дѣйствіемъ. Слѣдовательно ни англійскія, ни калктаройскія противу-эпилептическія капли, ни индиго, ни елеціатіанъ, изобрѣтенныя Милетіемъ врачемъ Врера, ни всѣ прочие противу-эпилептическіе составы, употребляемые въ различныхъ странахъ, не могутъ быть употреблены съ успѣхомъ во всякой эпилепсис; хотя въ извѣстныхъ случаяхъ они доставляютъ значительную пользу. Всѣ эти различныя средства, состояющія притомъ большею частью изъ извѣстныхъ (?) лекарствъ, бываютъ полезны лишь въ первой идиопатической эпилепсис, которая случается довольно рѣдко; во въ симптоматической, употребленной горька чаю, она можетъ

только уменьшить жестокость преступности, не изстрабя (?) дѣтцамъ и прочимъ болѣзнь.»

Угодно ли видѣть хоть одно заключеніе, выведенное сочинителемъ изъ «постоянныхъ» его наблюденій; вотъ оно:

«Большая часть противу-эпилептическихъ средствъ, употребляемыхъ въ видѣ розеолъ, или, лучше сказать, тинктуръ или растворовъ (?) лекарственныхъ веществъ въ алкоголь, часто въ симптоматической степени (?) ускоряютъ возвращеніе приступовъ (чего?) и увеличиваютъ силу ихъ.»

Описывая «начало и исторію противу-эпилептического способа леченія», сочинитель говоритъ:

«Въ 1810 году, во время путешествія внутри (по) Россіи, я имѣлъ случай излечить съ успѣхомъ нѣсколькихъ дѣтей отъ разныхъ судорожныхъ болѣзней. Лекарства, употребленныя мною, состояли въ смѣси изъ разныхъ растительныхъ нервныхъ (?), противу-судорожныхъ и усмиряющихъ средствъ; большыя болѣзнь были дѣти и болѣзнь состояли въ судорогахъ, речивыхъ (?) и эпилепсис. Нѣсколько позже въ 1828 году, я былъ уже въ состояніи собрать значительнѣйшее число счастливыхъ излеченій, мною произведенныхъ; при убавленіи меня, что мой способъ есть совершеннѣе, вѣтъ.»

Раздѣливъ способъ леченія на двѣ главные «основныя» степени, чего не-льзя не-мочь, г. Марокетти усматриваетъ еще нѣкоторыя особенныя препараты, и даетъ ихъ съ самаго начала въ судорогахъ дѣтей, въ легкихъ истерическихъ приступахъ и въ безсознательной, происходящей отъ раздражительнаго состоянія большого или дуплетнаго безпородства. Странно, что въ сеченіи г. Марокетти упоминается противу-рвѣщій: посмотрите, что говоритъ онъ о канкахъ въ одинокъ разъ заключеній, изведенныхъ изъ «постоянныхъ» его наблюденій, и что предлагается въ § 265-мъ! Еще страницѣ для насъ, что сочинитель совершенно отсрочаетъ употребленіе лекарствъ въ падушей болѣз-

зии дѣтей; онъ содѣлываетъ лишь при- ставленіе пиваицъ; особенно не являют- ся ему лавровишневая вода и вода горь- каго миндаля (?); эти препараты, по его увѣренію, содержатъ въ себѣ сильную (сильную?) кислоту, отъ которой про- исходитъ будетъ створаживание (ство- рожение) крови (§ 325). Подлинно *quot capita tot sensus!* Въ § 339 то же повто- ряется о вишневой (?) и лавровишневой водѣ. Кромѣ двухъ степеней леченія, сочинитель допускаетъ еще « вспомога- тельныя средства »: — вотъ это ужъ со- вершенно-непонятно! Въ-самомъ-дѣлѣ, двѣ степени леченія производятся ле- карственными средствами: къ-чему же еще « вспомогательныя средства » при леченіи паучей болѣзни? Къ этимъ по- сѣднимъ причисляетъ онъ кровопуска- ніе, о которомъ уже было говорено выше, ванны, припарки, настои (§§ 362—367). Касательно діеты для больныхъ пау- чей болѣзью можно было бы многое замѣтить автору. — Очень-важна глава XVI. О составленіи лекарствъ, употре- бляемыхъ сочинителемъ, при противо- эпиплетическомъ способѣ леченія его. (сочинителя?); выпишемъ изъ нее § 392:

« Средства, употребленныя мною при противу-эпиплетическомъ леченіи раздѣ- ляются на 2 главные степени: 1-я сте- пенъ дается подъ формю (въ формѣ, въ видѣ) шлюль, а 2-я состоитъ въ капляхъ. »

Но вотъ что въ этой главѣ самое за- нятельное, и чему приписываетъ со- чинитель очень-много успѣха въ лече- ніи: это приготовленіе препаратовъ, употребляемыхъ по его методѣ, т. е. въ 1 и 2 степеняхъ.

Въ §§ 285 и 354 находимъ, что сочи- нитель не вѣрять въ специфическіе способы леченія; но въ §§ 393 и 394 представляется нѣкоторое противорѣ- чіе этому. Къ-сожалѣнію, должно ва- жѣннѣе сочинителю, что хлопоты его о точнѣйшемъ приготовленіи специ- фическихъ средствъ, имъ предлагаемыхъ для леченія эпиплетисъ, совершенно-на- правны. Въ Россіи аптеки извѣщаются въ управленіе людямъ образованнымъ;

поэтому лишніи указанія, какъ дол- жно готовить то или другое лекарство; для врача достаточно заниматься сво- ими дѣломъ; объ исправномъ отпускѣ лекарствъ изъ аптеки онъ можетъ от- ложить вѣченіе. Такимъ-образомъ, все, отъ стр. 65 по 89, можно было бы и не печатать.

Изъ нашего обзора книги г. Маро- кетти довольно-ясно видно, что можно изъ нея занять практическому врачу; учащіеся же медицинѣ ужъ и вовсе не могутъ пользоваться этимъ сочинені- емъ. Если сочинителю хотѣлось напе- чатать свои наблюденія, то надобно было сдѣлать это сообразно съ насто- ящимъ состояніемъ наукъ; довольно было бы для этого посоветоваться съ хорошими руководствомъ къ терапіи, гдѣ эпиплетисъ излагается пространно, по правиламъ науки. Одинъ изъ глав- ныхъ недостатковъ въ сочиненіи г-на Марокетти тотъ, что онъ не сказалъ ни слова о судорожныхъ болѣзняхъ вооб- ще и о раздѣленіи судорогъ на тонич- ескія и клоническія, и не означилъ разряда, куда принадлежатъ описы- ваемая имъ болѣзнь. Увѣренность въ низкую непогрѣшимость собственныхъ опытовъ и наблюденій, показанныхъ въ концѣ книги, отыскала сочинителя отъ средствъ, которыя ископа сдѣла- тся противъ паучей болѣзни. Г. Маро- кетти какъ-будто хотѣлъ открыть намъ тайну, какъ онъ лечитъ эпиплетію. Но что нынче тайна?.. Наконецъ, слогъ, какимъ написанъ трактатъ г. Марокет- ти, такъ неопрепентъ, что отнимаетъ охоту читать его.

Словомъ, это до-того ничтожная кни- жонка, что все равно, какъ-будто бы и не было ея въ медицинской литерату- рѣ, и даже лучше бѣ было, еслибъ она вовсе не являлась въ свѣтъ.

315; Полное Изложеніе Правилъ діететическаго и врачебнаго употребленія холодной воды, для сохраненія здоровья и леченія болѣзней по методу Пристѣца въ Грабенбергъ. Съ изложениемъ исторіи водолеченія, описаніемъ всѣхъ способовъ употребленія холодной воды, и бо-

льней, в которых она оказывает спасительное действие. Составленное Иоганном Гроссом, пользовавшимся холодною водою и жившими несколько времени у Прискица в Гребенберге. В пяти отделециях, с 9 картинками, изображающими разные виды водолечения. Переводъ съ Французскаго. Въ 2-х частяхъ. Москва. Въ тип. скоронечата-тѣл. В. Кирилова. 1844. Въ 12-ю д. л. Въ I-й части 147, въ II-й — 82 стр.

Послѣ такого огромнѣйшаго титула, намъ ничего не остается болѣе, какъ пожелать книжкѣ уснѣха, а особамъ, которыя по ней будутъ лечиться, таковой же огромнѣйшей пользы.

316) Назъясненіе Знаковъ, едѣ-ныхъ въ пасчей бумагѣ, посредствомъ которыхъ можно узнавать, когда написаны или начертаны какія-либо клины, грамоты, рисунки, картинки и другія старинныя и не старинныя дѣла, на которыхъ неизлечено ядовъ. Собралъ и издалъ Корнелій Тромоиниъ. Москва. Въ тип. А. Семена. 1844. Въ 4-ю д. л. LXXXII стр. рисунковъ, 18 объясненій.

Книга, необходимая для всякаго археолога. Русская археологія, конечно, и не ждала такой доброй, усердной и важной услуги, какую оказалъ ей г. Тромоиниъ. Чтобы судить объ этомъ трудѣ, надобно представить только, что составитель долженъ былъ перебрать и пересмотрѣть несквозь сотни рукописей и книгъ, которыя относятся къ давнѣе отъ 1393 по 1698 годъ, съ самыми малыми промежутками. Мы не можемъ повѣрить всѣхъ знаковъ, наданныхъ г. Тромоининымъ, но думаемъ, что взявшійся за это дѣло, художникъ исполнилъ его по совѣсти. Честь и благодарность ему!

317) Рѣчи, произнесенныя воспитанниками Московскаго Коммерческаго Училища, въ торжественномъ собраніи онаго, іюня 22 дня 1844 года. Москва. Въ тип. С. Селивановскаго. 1844. 108 стр.

Всѣхъ рѣчей, произнесенныхъ воспитанниками Московскаго Коммерческаго Училища, шесть, и при нихъ два сти-

хотворенія. Первая рѣчь . О чаѣ, какъ товарѣ; вторая на иѣмецкомъ языкѣ . Объ отношеніяхъ книжнаго и всего болѣе подвергающагося крайней бѣдности класса людей въ иностранныхъ земляхъ, сравнительно съ отношеніями оныхъ въ нашемъ отечествѣ (какъ выражена тама въ переводѣ иѣмецкой рѣчи); третья на французскомъ языкѣ . О вселенномъ нуруѣ вообще, четвертая на англійскомъ . О вселенномъ торговлѣ; пятая на русскомъ: это рѣчь приѣзженная, — и наконецъ шестая на русскомъ же . О началѣ, значеніи и пользѣ бухгалтеріи . Рѣчи воспитанниковъ Московскаго Коммерческаго Училища служатъ убѣдительнымъ доказательствомъ, что воспитанники не безплодно пользовались средствами образованія, которыя доставляло имъ правительство; что же касается до литературнаго достоинства . Рѣчей, то онѣ, какъ пронаведенія юныхъ воспитанниковъ, безъ сомнѣнія, не могутъ еще подлежать строгому суду критики.

318) Хозяйственный Календарь, съ присовокупленіемъ общепользныхъ для городского и деревенскаго учителя примѣчаній. Сов. В. Х. Москва. Въ университетской типографіи. 1844. Въ 8-ю д. л. III и 360 стр.

Происхожденіе . Хозяйственнаго Календаря . очень-просто. Авторъ, занимающійся непосредственно хозяйствомъ въ продолженіи 20 лѣтъ, нашелъ необходиминыя на каждое время года дѣла и предисловія для иѣтній своихъ, находящихся въ разныхъ мѣстахъ, и напоминать всякій разъ: когда и какии образы должно производить каждую работу; въ противномъ же случаѣ, встрѣчалъ упущенія со стороны приставленныхъ къ хозяйству людей. Наскучивъ такими повтореніями, онъ составилъ на цѣлый годъ календарь, помѣстивъ въ каждомъ мѣсяцѣ: кваню когда работою должно заниматься, и въ какомъ порядкѣ ее производить, и роздалъ уразумѣвающимъ по своимъ иѣтніямъ для ихъ руководства. Просмотрѣвъ его потомъ,

из свободные часы, автору прибавлять из разных частей некоторыя свои сужденія о предметах, касающихся какъ до сельскаго хозяйства, такъ и до жилищнаго быта, и рѣшилъ напечатать; чтобъ передать въ издательство и дѣлать евоиже хозяйственныя правила, которыя относятся непосредственно до жилищъ, въ Смоленской Губерніи наicolaщихся, но изъ которыхъ иныя могутъ быть одинаковы и приурочены и ко всякъ вообще губерніямъ. Мы рѣдко встрѣчали такъ умно и такимъ языкомъ написанную книгу по части сельскаго хозяйства, которое, иная иныя думаетъ, можетъ обходиться безъ грамотности и даже безъ грамотности. Авторъ предпринимаетъ старанья, и не любить жилищной, которыя иждоветъ большаю частію изъ простой подражательности, безъ знанія дѣла, и доводитъ иныи до разоренія. «Хозяйственный Календарь» назначенъ не для талантъ заводителей.

319) Сильсон Читаніе, книжка журнал, составленная изъ трудовъ: А. Ф. Восткина, Н. С. Волкова, С. С. Галушкина, В. Н. Дали, Н. И. Назмова, М. Н. Загоскина, П. И. Побѣдина, К. Ф. Давыдова, классна В. Ф. Одоевскимъ и А. Н. Забожнкимъ. Изданіи третій. Санктпетербургъ, 1844. Въ 12-ю д. л. Въ тѣх. Императорск. Государственнаго Издательства. 150 стр.

«Сельское Читаніе» стало въ разрядъ тѣхъ классическихъ книгъ, въ которыхъ авторамъ чрезвычайно распространяться, и слѣдуетъ только читать ихъ по выслушанію. Ему буждено разгуливать десяти въ числѣ 15,000 экземпляровъ. Ужасъ возмущенный; но тѣмъ не менее неподобающаго сомнѣнію! Вероятно прѣдана по-судебѣ оцѣнка «Сельское Читаніе»: мы не имѣемъ прѣдана оспоривать ихъ приговоръ и но судьямъ должны подтвердить его справедливость.

320) Воскресныя Посидѣлки. Книжка для добраго народа русскаго.

Полный выпускъ. Санктпетербургъ. 1844. Въ тѣх. К. Журналомъ. Въ 16-ю д. л. 100 стр.

Если русскій народъ дѣйствительно читаетъ «Воскресныя Посидѣлки», то надо предположить, что онъ ужъ чертъ-чуръ добръ, добръ до простоты. Признаемся, мы не предполагаемъ въ немъ такой простоты, напоминающей собою его же новловину: простишь хрѣсто хорошему. Мы думаетъ, что онъ просто не знаетъ о «Воскресныхъ Посидѣлкахъ»: иды нѣсколько проститковъ, которыми эта книжонка — образецъ безграмотности, удержана вретъ въ руни, не составляютъ народа. Больше сказать ничего по случаю этого пятого выпуска «Воскресныхъ Посидѣлокъ»: онъ нима какой критикѣ, всякаго сужденія, — и продолжать говорить о нихъ подробно, хотя бы съ тѣмъ, чтобъ сказать надъ нами, значить ослѣплять ины виныи, котораго онъ не оидать.

321) Благодарный Вукавица, до шедшей московскаго купца Антона Николаевича Хадмогло, изъ града Ручей. Москва. Въ университетск. тѣх. 1844. Въ 12-ю д. л. 117 стр.

Любопытное явленіе представляетъ эта книжка, напечатанная какими-то страннѣйшъ приетомъ, сочиненная изъ трехъ азбукитовъ, и представляющая намѣреніе «обучать» въ Москвѣ (ужъ не Москвитчѣ ли?) но-български. Славянофили должны быть отъ него въ восторгѣ. Что же касается до насъ, мы, считая оидею прямою обязанностию говорить о русскыхъ книжкахъ, а не о славянофильскыхъ болгарскыхъ, предоставляемъ наслажденію судить подробный разборъ «буквара» тѣмъ, которые чувствуютъ въ себѣ особенное призваніе погружаться въ славянскую грамотность.

322) Новѣйшая и Полная Нѣмецкая Азбука. Москва. Въ тѣх. Лазаревыхъ Института Восточныхъ Языковъ. 1844. Въ 12-ю д. л. 72 стр.

Эта азбука имѣетъ два заглавія: ол-

по способу, которое мы выше указали и которое, без сомнѣнія, показываетъ, что само послѣднее относится не къ методу или методамъ — повальной болѣзни русскихъ педагоговъ, развивающихъ чужія способности за неумѣиємъ развить собственные, — но къ времени, въ 1844-му году, дѣйствительно новѣйшему изъ всѣхъ прежде бывшихъ годовъ; другое заглавие — гордое, на первой страницѣ напечатанное: «Полная Нѣмецкая Азбука, по послѣдней методѣ». Новѣйшую методу, въ этомъ случаѣ, должны составить: основныя правила выговора, произношенія и чтенія; басни, отрывки, сокращенная грамматика, составленная по руководству извѣстныхъ грамматикъ Хейзе и Хейнауиса, примѣры для переводовъ въ стихахъ и прозѣ, выбранные изъ лучшихъ писателей, съ краткимъ нѣмецко-русскимъ словаремъ къ нимъ, и съ присовокупленіемъ употребительныхъ словъ и разговоровъ, однимъ словомъ, все то, что было во всѣхъ прежнихъ азбукахъ, написанныхъ по старѣйшимъ методамъ.

323) Французскія и Русскія Разговоры, составленные и разделанные на 160 уроковъ, Г. Сомовымъ. Петербургъ. 1844. Въ тип. Императорской Академіи Наукъ. Въ 8-ю д. л. 233 стр.

Лучшее сочиненіе въ этомъ родѣ принадлежитъ трудолюбивому г. Олдекову. «Французскія и русскія разговоры». г. Сомова могутъ занять почетное мѣсто послѣ книжки г. Олдекова.

324) Азбука Французская, или легчайшій способъ научиться правильно читать и писать по французски, содержащая въ себѣ (способъ—содержаніе!) правила и отрывки словъ, разговоры, аскіи, потешки, поговорки и примѣры для переводовъ съ русской азбуки на французскій и съ французскаго на русскій, отъ С. Ушаковича. Шестое изданіе.

1844. Санктпетербургъ. Въ тип. Фришера. Въ 8-ю д. л. 111 стр.

Никакая азбука безъ учителя не научитъ правильно читать по-французски, а съ учителемъ можно выучиться хорошо читать по-французски и безъ азбуки. Это такія же аксіомы, какъ и то, что книги съ длинными заглавіями почти-всегда бываютъ дряблыми книгами, хотя бы на нихъ выставлено было не только шестое, но и шестидесятое изданіе.

325) Ученый Курсъ Рисованія, по новой и легкой методѣ, составленный съ объяснительными текстами К. Вриаромъ, профессоромъ рисованія. Съ парижскаго изданія издалъ В. Ломовъ. 18 тетрадей съ 72 чертежами. При каждомъ чертежѣ, объяснительный текстъ. Москва. Въ тип. В. Ломова. 1844.

Красиво-наглядное руководство. Рисунки индифференцированы недурно, объясненія къ нимъ написаны со смысломъ.

326) Руководство къ познанію новой исторіи для среднихъ учебныхъ заведеній, сочиненное С. Смарагдавичемъ, адъюнктомъ-профессоромъ Императорскаго Александровскаго Лицея. Санктпетербургъ. Во французской тип. Въ 8-ю д. л. 611 и XXXIII стр.

Въ отдѣлѣ Критики этой книжки «Отеч. Записокъ» мы отдали отчетъ о «Новой Исторіи» г. Смарагова. Упомянувъ здѣсь о ней для полноты библиографической хроники; считаемъ кстати сдѣлать нѣсколько мелкихъ замѣтокъ. Намъ показалось странною новая манера г. Смарагова писать нѣкоторые историческія мѣна. Такъ, напр., Франциска онаъ вездѣ называется Францомъ. Подобная переимѣна поведетъ тольکو развѣ къ путаницѣ, ибо къ головѣ ученика французскіе короли по-неболѣ будутъ мѣшаться съ нѣмецкими государями. Франць — имя нѣмецкое; по-французски оно — Франсуа (François), и если ужъ нужно было оставить старое обы-

квоненіе писать латинское *Франциски*, то нужно было бы замѣнить французскимъ *Франсуа*. Вѣдь мы пишемъ же иногда *Луи-Филиппа*, вмѣсто *Людвика-Филиппа*? Можно бы, пожалуй, также писать и *Луи XIV*, *Луи XV* и т. д. Надо называть историческое лицо такъ, какъ его называютъ его соотечественники. А Француза называть по-нѣмецки, или *Нѣмца* по-французски совсѣмъ не слѣдуетъ. Не худо бы также, пиша исторію, стараться избѣгать подъяческаго языка и не допускать въ историческое сочиненіе фразъ въ родѣ слѣдующей: «Члены союза получили право вступать въ договоры и союзы съ иностранными державами, однако не во вредъ Германскаго Союза или какаго (вѣбуди?) члена онаго» (стр. 361).

327) *АРИМЕТИКА. Въ вопросахъ и отвѣтахъ расположенная по новѣйшему методу. Въ двухъ частяхъ для легчайшаго обученія дѣтей. Составленная Меморскимъ. Москва. У книгопродавца В. Логинова. 1844. Въ тип. А. Евреинова.*

Ариметика г. Меморскаго представляетъ необыкновенное явленіе въ нашей учебной литературѣ: всѣ единогласно бранятъ ее, смѣются надъ нею, а она между-тѣмъ выходитъ чуть-чуть не двадцатымъ изданіемъ. Не-уже-ли есть люди, которые учатъ еще несчастныхъ дѣтей по этой сѣрой ариметикѣ?

328) *АДРЕСЪ - КАЛЕНДАРЬ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИХЪ ЖИТЕЛЕЙ, составленный по официальнымъ документамъ и свѣдѣніямъ, К. Нистремонъ. Томъ второй. Календарь служащихъ чиновниковъ. Санктпетербургъ. Въ тип. Третьюю Отд. Собств. Е. И. В. Канцелярій. 1844. Въ 12-ю д. л. X. и 677 стр.*

329) *АДРЕСЪ - КАЛЕНДАРЬ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИХЪ ЖИТЕЛЕЙ, составленный по официальнымъ документамъ и свѣдѣніямъ, К. Нистремонъ. Томъ третий. Календарь частныхъ лицъ.*

Санктпетербургъ. Въ тип. К. Жерякова. 1844. Въ 12-ю д. л. 131 стр.

Второй томъ этого «Адрес-Календаря» напечатанъ, для большаго удобства, на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Онъ заключаетъ въ себя адресы дипломатическаго корпуса и купечества и равно нуженъ какъ для Русскихъ, такъ и для Нѣмцевъ, которые составляютъ столь важную часть петербургскаго народонаселенія. Впрочемъ, будетъ еще томъ адресовъ частныхъ людей. Отъ всей души желаемъ г. Нистрему скораго окончанія и полнаго успѣха его полезному труду.

330) *МОСКВА И КАВКАЗЪ, повѣствовательный рассказъ. Стихотвореніе Е. Гончаровскаго. Москва. Въ тип. Н. Степанова. 1844. 19 стр.*

Г. Е. Гончаровскій, испытавъ всѣ возможныя удовольствія московской жизни и насладившись ея благами,

Разстаться долженъ былъ съ Москвою,
Послушавъ дружескаго совѣта,
Чтобъ не ударилъ грозный часъ,
Большой нутился на Кавказъ
И тамъ...

уже десять счастливыми лѣтами владела
милою рукою, о каковомъ обстоятельстве
онъ и снѣжить уведомить почтеннѣйшую
публику чрезъ нарочно-напечатанную
книжку въ стихахъ.

331) *ВЕЧЕРЪ ВЪ КЛУБѢ. Шуточный рассказъ въ стихахъ. Соч. С. С. Изданіе второе съ дополненіемъ. Москва. Въ тип. Евреинова. 1844. 56 стр.*

Авторское самолюбіе у г. С. С. выражается совершенно-иначе, нежели какъ у г. Е. Гончаровскаго. Г. С. С. просить своихъ друзей побольше раскусывать его мичожный рассказецъ:

Въ немъ нѣтъ глубокихъ размышленій—(говоритъ авторъ)
Въ немъ нѣтъ краснорѣчивыхъ словъ—
Я изощрялъ мой слабый геній
Для погашенія долговъ!

Друзья, которые захотят погасить долги г. С. С., раскупивъ его ничтожный рассказъ, въ награду за свое великодушiе узнаютъ много любопытныхъ происшествiй, случившихся съ авторомъ въ жизни. Какъ, на-прим., онъ, возвращаясь изъ клуба, погнѣвъ чрезъ заборъ своего дома и былъ зазваченъ дозоромъ, или какъ онъ, измокшiй и издрогншiй, едва не попалъ пльмый въ часть, и тому подобныя любопытныя новости.

332) Наказанный Колдунъ. Сказка въ стихахъ. Москва. Въ тип. Эрнста. 1844. 32 стр.

Трудно вообразить что-нибудь путешественнаго сочиненья, которое авторъ возвеличилъ именовъ сказки въ стихахъ. Сказки здѣсь нѣтъ, а такъ-себѣ говорится, что колдуну Мухомору не удалось похитить красной дѣвицы изъ обширнаго Русскаго Царства, въ которомъ— городовъ, что песку въ морѣ;

А народу въ нихъ ай, ай!

Стишки есть всякаго размѣра; часто попадаются и такого:

• Станька ты передо мной,
• Станька, какъ листь перелъ травой, и
т. п.

333) Мужичокъ съ Ноготокъ, Борода съ Локотокъ, русская сказка въ двухъ частяхъ, (въ стихахъ). Сочиненiе Василiа Потапова. Москва. Въ тип. Н. Степанова. 1844. Въ 18-ю д. 1. Въ I-ой части—74, во II-ой—64 стр.

Г. Потаповъ рѣшительно хочетъ понасть въ Славинъ, хотя и не знаетъ, можетъ ли онъ сдѣлаться Славинымъ. Посудите сами: по пяти эпиграфовъ на каждой страницѣ; посвящено Александръ Ивнви Вугрди и два или три предисловія... Славинъ, рѣшительно Славинъ, или кто-нибудь изъ полюбныхъ славостей! Хотя одинъ изъ многочисленныхъ и безъ числа невучныхъ эпиграфовъ и говорить, что слова изъ сказки не выкинешь, но
Т. XXXVI. — Отд. VI.

намъ кажется, что изъ сказки г. Потапова, желающаго быть Славинымъ, можно выкинуть половину словъ, т. е. черезъ стихъ по строкѣ: тогда въ ней будетъ вдвое-меньше недостатковъ. Самъ авторъ, въ посвященiи труда своего Александръ Ивнви Вугрди, признается, что онъ слишкомъ распространился. Это значить вотъ-что: г. Потаповъ поступилъ такъ, какъ недавно поступилъ какой-то г. М., то-есть: сей какъ-то ошибкою перевелъ «Парижскiя Тайны» съ перевода г. Строева, а тотъ ошибкою сочинилъ сказку съ сказки г. Ершова «Ковѣкъ-Горбунокъ». Какіе легкіе и прiятные источники вдохновенiя и доходовъ!

334) Бернардъ Мопратъ (.) или Перевоспитанный Дикарь. Сочиненiе Жоржъ-Зандъ (Г-жи Дюдеванъ). Переводъ съ французскаго. Четыре части. Санктпетербургъ. Въ тип. Министерства Государственныхъ Имуществъ. 1844. Въ 8-ю д. л.

Прекрасный романъ Жоржа Занда «Мопратъ» былъ уже переведенъ по-русски въ «Московскомъ Наблюдателѣ» 1836 года, и переведенъ очень-хорошо. Но кто-то въ Петербургѣ, какъ видно, былъ недоволенъ этимъ переводомъ и издалъ переводъ своей работы,—переводъ варварскiй, съ искаженными названiемъ романа. Въ подлинникѣ, этотъ романъ называется просто «Mauprat», безъ всякихъ принанокъ для рыночныхъ попугаевъ книгъ: переводчикъ изъ Мопратъ сочинилъ Мопратаи сдѣлалъ площадную прибавку: или перевоспитанный дикарь... Для большаго эффекта, онъ напечаталъ свой чудовищный переводъ на оберточной бумагѣ. Вотъ образецъ перевода:

• Въ продолженiе двухъ первыхъ часовъ, Едмел, сидя на прекрасной маленькой, бѣлой кобылкѣ, очень горячей, которую она забавлялась поукать и удерживать съ трогательнымъ кокетствомъ для ея стараго отца, мало удаляясь отъ коляски, изъ которой онъ улыбался ей, одушевленный и растроганный отеческою любовью. Подобно какъ мы, восхищенные обраче-

нѣмъ шара ночью, прѣдѣствуемъ лучезарную звѣзду, которая течетъ царствовать надъ другимъ нашимъ полугиаріемъ, старый кавалеръ утѣшался при концѣ своей жизни; видя молодость, силу и красоту своей дочери, наслаждающейся ему въ другомъ поколѣніи.»

Эта ужасная проза, достойная памяти Тредьяковскаго, выдается за прозу Жоржа Занда, — писателя, которому между современными романистами Франціи теперь нѣтъ равнаго по изяществу слога!..

335) Въ день сѣрдявечной свадьбы Д. С. и Ж. О. Шлаггартъ — іюля 1844 года. *Санктпетербургъ. Въ тип. А. Сычева. Въ 8-ю д. л. 2 стр.*

Безграмотныя вирши по случаю весьма-радостнаго событія, до котораго, впрочемъ, публикѣ рѣшительно нѣтъ никакого дѣла; они означиваются такъ:

Бокалы называть чера,
Воскликнемъ громко мы ура!
Да здравствуетъ чета!
Ура!.. ура!.. ура!..

336) Отрывки. *Санктпетербургъ. Въ тип. Плюшара. 1844. Въ 24-ю д. л. 47 стр.*

Удивительная книжка! Во-первыхъ, она называется отрывками Богъ-вѣсть изъ чего; во-вторыхъ, снабжена прекурёзнымъ предисловіемъ; въ-третьихъ... но обратимъ сперва вниманіе на предисловіе. Вотъ оно отъ-слова-до-слова:

Отъ издательницы.

«Желая сдѣлать (оказать?) услугу и удовольствіе читателямъ, издаю я (кто же?) сочиненіе одной російской (а не русской?) писательницы, которая, держась скромности, нашему полу-свойственной (жаль, что издательница не последовала въ этомъ случаѣ примѣру писательницы!). Долго противилась моему желанію и хотѣла скрыть отъ публики плоды своего дарованія; но убѣждена будучи усиленною просьбой друзей своихъ, рѣшилась наконецъ принести имъ *ex æртеу*, а мнѣ позволила быть издательницею.

Кто изъ васъ, почтенные читатели, не

найдетъ въ семъ сочиненіи *декаго* и *цѣлующаго* слога? Кто не замѣтитъ сильнаго и живаго выраженія чувства? Кто не трепетомъ вѣжнемъ и горчичною любовью дочери, воздавшей честь праху своего родителя! Печальнейшій даматическій подвѣщникъ трагическаго! Они *достойны* быть обнаружены, и сочиненіе достойно быть *напечатано*.»

Предисловіе говоритъ, или, лучше сказать, кричитъ само за себя. Теперь посмотримъ на самыя «чувствованія, достойныя быть обнаруженныя», и на самое сочиненіе, «достойное быть напечатаннымъ». Кромѣ названія «Отрывки», книжка носитъ еще названіе: «Приношеніе праху отца моего». За тѣмъ слѣдуютъ двѣ пьесы въ прозѣ — «Камни» и «Ручеекъ». Обѣ онѣ состоятъ изъ самыхъ избитыхъ общихъ мѣстъ и легко могутъ быть приняты за классныя упражненія въ реторикѣ. Сочинительница, видите, не наша въ мірѣ ни любви, ни чувствительности, ни дружбы; съ гора, сидя у камина, переносится она воображеніемъ сперва въ Кіевъ, потомъ въ Финляндію, а оттуда въ Шотландію, гдѣ отецъ обоимъ заключаетъ ее въ свои объятія. Вотъ образчикъ *декаго* и *цѣлующаго* слога одной російской писательницы:

«Иногда переселяюсь въ даматическую Финляндію; смотрю умно на обширныя поля, одними камнями засѣянныя. Тамъ брожу печально по бесплодной землѣ; спрашиваю, за что *отказываютъ* она яхцу. (аи-да *грамота русская*!) Бѣдному земледѣльцу, ее одну въ *свѣтъ* утѣшительницею имѣющему! Спрашиваю — но имъ мочить вокругъ *могилы*, и *однажды* крышныя птицы ночью, дикимъ крикомъ волдырь разскаютъ.»

И такъ далѣе, все въ такомъ духѣ и такимъ же складомъ. Забѣйте, что «одна російская писательница» имѣетъ обыкновеніе глаголы ставить въ концѣ предложенія, по латинской или нѣмецкой конструкціи. Мы-было очень удивились этой совсѣмъ не-россійской замашкѣ, но вдругъ замѣтили, что передъ большимъ заглавнымъ *дисткомъ*

есть **матерьяльнѣйшій**, съ такими титуломъ: «Отрывки. Санктпетербургъ, 1796 года. За «Приношеніемъ праху отца моего» слѣдуетъ заглавный листокъ съ титуломъ: «Каминъ. 1795 года, марта мѣсяца. Москва». Статейка «Ручеекъ» означена 1796 годомъ. Итакъ, эти чувствованія, «достойныя быть обнаруженными», обнаружались еще въ 1795 году, назадъ тому больше сорока-семи лѣтъ, почти за пол-столѣтія до настоящей минуты! Теперь понятно, почему книжка наполнена такими пустыми общими мѣстами и изложена по ломоносовской конструкціи. Непонятно только одно, что кто-то нашелъ эти «Отрывки» достойными печати... Вотъ что-называется *спустя лѣто, въ лѣсъ по малину*...

337) **Новый Оракулъ, или невинное Сивиллино гаданіе по сдѣланнымъ на удачу точкамъ. Къ пріятному препровожденію времени. Съ нѣмецкаго перевелъ Э... А... Москва. Въ тип. скоропечатанія В. Кирилова. 1844. 24 стр.**

Безграмотность заглавія показывать, что невинная Сивилла слишкомъ невинна, и только поэтому можно противить ей нѣкоторыя неучтивыя пророчанія, какъ, на-прим., «Кража совершена твоею родственницею; получивъ обратно, только не спасешь виновную отъ строгаго наказанія.» Едва ли можно пріятно препровождать время, получая такіе отвѣты отъ неосторожной Сивиллы. Переводъ съ нѣмецкаго, должно быть, — тоже невинный изсчетець на карманы людей простодушныхъ.

338) **Годъ въ Чужихъ Краяхъ. (1839). Дорожный дневникъ М. Погодина. 4 части. Москва. Въ университетской типографіи. 1844. Въ 8-ю д. л. Въ I-й части—230, въ II-й—210, въ III-й—225, въ IV-й—228 стр.**

Есть люди особенно-счастливые. Имъ гонятъ только пожелать, чтобъ желаніе ихъ исполнилось. Нелазно кто-то въ азетѣ замѣтилъ: «Что за прелестъ душевыя записки Михаила Петровича По-

година! Скоро ли издастѣ оныя ихъ вполнѣ, для утѣшенія публики? И вотъ, г. Погодинъ, отвѣтствуя этому желанію, напечаталъ ихъ всѣ, въ четырехъ томахъ. Мы не можемъ похвалиться такимъ счастьемъ: желанія наши исполняются плохо, или и вовсе не исполняются; мы ждемъ не дождемся продолженія записокъ Вѣдрина, которыя интересомъ своимъ совершенно равняются любопытнымъ запискамъ г-на Погодина, какъ извѣстно читателямъ нашего журнала (см. «Отеч. Записки. 1843; т. XXXI, Сибѣрь, стр. 58)... Но оставимъ зависть — и обратимся къ *утѣшенію публики*—русскому путешественнику 1839 года.

Кто первый сказалъ: «ничто не ново подъ луною», тотъ, вѣрно, разумѣлъ подъ этимъ описаніемъ путешествій. Благодаря судоходству и пароходству, желѣзнымъ дорогамъ и просвѣщенію, явилось столько же охотниковъ странствовать по бѣлу-свѣту, сколько охотниковъ издавать описанія своихъ странствованій. Гдѣ человекъ не былъ и чего онъ не видалъ? Взгляните на географическую карту: нѣтъ почти мѣста для новыхъ земель; развѣ какой-нибудь островишка поднимется со дна морскаго, въ чемъ, конечно, путешественникъ невиновать нисколько. Десятки плаваній совершены къ сѣверному полюсу, десятки путешествій во внутренность Африки; любопытство и отважность всходили на высоту высочайшихъ горъ, сходили въ глубину глубочайшихъ пещеръ; все размѣрено и измѣрено, списано и описано. Названіе *Новая-Земля* сдѣлалось архаизмомъ. *Finis terra!* можетъ сѣбно воскликнуть будущій путешественникъ, которому останется одно: повѣрять извѣстія своихъ предшественниковъ, если они, къ счастью его, окажутся невѣрными.

Счастливы первые странствователи по сушѣ и по морю! Они видѣли невиданное и описывали до нихъ неописанное! Имъ не было возможности черпать матеріалы и вдохновеніе изъ прежде бывшихъ путешествій, потому-что таковыхъ не имѣлось. Разсказъ ихъ инте-

ресоваль каждого, будучи плодомъ личнаго знакомства съ предметами, знакомства чрезъ самые предметы, а не чрезъ книги. Если кому изъ нихъ случалось совершить путешествіе вокругъ свѣта—ниа его почтительно принимала на свои листы географія. Такой-то и тогда-то, говорила она, объѣхалъ земной шаръ. Теперь другія времена: теперь такой поѣздкой не удивить не только кругосвѣтнаго бродягу, но и того, кто тридцать или сорокъ лѣтъ сидѣлъ сиднемъ, какъ Илья Муромецъ, въ своей комнатѣ. Географія отказалась отъ хранения именъ отважныхъ мореходцевъ и пѣшеходцевъ по недостатку мѣста для огромнаго списка и за неимѣніемъ времени заниматься такой бездѣлицей.

Что же дѣлать теперь путешественникамъ новыхъ временъ? Зачѣмъ ѣздить имъ въ чужіе края въ 1839 году?.. Пусть они ѣздятъ куда угодно, и дѣлаютъ тамъ, что имъ хочется; но и для нихъ еще осталась надежда спасенія. Видите ли? Есть предметы, такъ сказать, неподвижные или бездушные, которые разнымъ людямъ и въ разные времена представляются подъ однимъ и тѣмъ же угломъ зрѣнія, въ одномъ и томъ же цвѣтѣ, вѣрные самимъ-себѣ, необманывающіе поспѣтителя. Но есть другой міръ, болѣе-интересный для человѣка: міръ человѣка — исторія, жизнь народная, которая непрерывно замѣняется; слѣдственно, никогда не бываетъ старою. Картина общества въ извѣстное время, характеристика лицъ, имъ управляющихъ, движеніе людей, управляемыхъ ими, взаимное соотношеніе тѣхъ и другихъ — вотъ задача путешественника. Ее-то разумѣлъ и нашъ путешественникъ, когда такъ глубокомысленно замѣтилъ: «Время идетъ, и на всякой станціи имѣетъ особенный духъ. Счастіе законодателя, который узнаетъ его и даетъ ему направление.» Скажемъ и мы: счастіе путешественника, который чувствуетъ этотъ, по выраженію г. Погодина, станціонный духъ. Онъ можетъ быть страдательнымъ расказчикомъ видѣннаго, не принимая на себя отвѣтственности

судить и рѣшать: или—что гораздо выше — можетъ подавать собственный голосъ въ дѣлѣ, близкомъ каждому человѣку, можетъ жить и чувствовать чужою жизнью. Личный взглядъ на предметы будетъ второю новостью, на которую такъ скупо наше время. Описаніе утратить холодность, отличающую человѣка, который зарылся съ своею индивидуальную жизнь и умудрился какъ-то обходиться безъ раздѣленія, не прачащаяся общему бытію человечества, не чувствуя бѣіа однокровныхъ сердецъ. Притомъ же, путешествіе, проникнутое личнымъ характеромъ, познакомитъ читателя и съ натурою путешественника, болѣе или менѣе замѣтительною: эта натура скажется въ его воззрѣніи, въ его любви къ одному и отвращеніи отъ другаго.

Г. Погодина помѣщаль отрывки изъ «Дорожнаго Дневника» своего въ разныхъ періодическихъ издавіяхъ: теперь весь дневникъ передъ нами.—Что сказать о немъ? Представляетъ ли онъ что-нибудь новое, неподмѣченное прежними путешественниками, неизвѣстное намъ изъ книгъ? Позаботился ли путешественникъ изобразить общественное состояніе поспѣтительныхъ имъ странъ? по-крайней-мѣрѣ, хоть одну какую-нибудь сторону общества? Положена ли, наконецъ, печать его взгляда на описаніе предметовъ старыхъ? Одушевлено ли это описаніе мыслию, чувствомъ, слогомъ?.. Стыдно и жалко признаться, а мы должны же сказать откровенно, что въ книгѣ г. Погодина есть 450 страницъ бумаги—и больше ничего вѣтъ въ ней. Въ предисловіи читаемъ: «я долженъ былъ оставить, въ поживу репензентамъ, разныя (е) лочи и частности, лично до нея относящіяся»; воцѣмъ же заполнить четыре части его путешествія, какъ не мелочами и частностями, изъ которыхъ одинъ относится, а другія не относятся къ нему лично? Въ нихъ болѣе говорится о томъ, чего авторъ не видалъ, нежели о томъ, что онъ видѣлъ. Больше замѣтокъ о томъ, что бы надоб-

но было сдѣлать, нежели указаній того, что сдѣлано.

Ничего новаго, интереснаго, ничего возбуждающаго сочувствіе, что бы заставило печально задуматься или радостно встрепенуться, что бы сорвало улыбку, или отозвалось страхомъ! Нѣтъ мѣста, которое захотѣлось бы перечестъ снова. Вездѣ равнодушіе, пустота, мелочность... Правда, мы пересчитывали по нѣскольку разъ тѣ страницы, гдѣ видны манера, слогъ и возрѣніе автора; но какая это манера, какой слогъ, какое возрѣніе!.. Чтобы приговоръ вашъ не казался произвольнымъ, отправимся въ путь за г. Погодинымъ.

Г. Погодинъ сѣлъ въ дилижансъ съ Н. Ф. Павловымъ. Прекрасный былъ случай поговорить о повѣстяхъ послѣдняго, похвалить его или критически пожурить, высказавъ тѣмъ британскій талантъ свой. Напрасно! Г. Погодинъ, сказавъ два или три общія мѣста, прибавляетъ, что о читанныхъ *говорить нечего*, точно такъ же какъ и о дорогѣ, развѣ пожелать, въ память Шишкова, чтобъ шоссе переведено было насыпкою, дистанція—отдѣленіемъ, казарма—сторожкой (I, 2). Приѣзжаетъ г. Погодинъ въ Петербургъ и смотритъ картину Брюлова. Вы ждете или безотчетнаго восторга, или отчетнаго мнѣнія...

Не тутъ-то было: путешественникъ позволилъ сказать себѣ *два* слова объ этомъ знаменитомъ произведеніи и отдѣлался замѣчаніемъ, которое вѣрно принялъ за остроумное, что *последній* день Помпеи есть *первый* день славы Брюлова. На петербургскомъ театрѣ танцовала тогда Тальони... Какъ она танцуетъ? спрашиваете вы у путешественника. *Стихами* (I, 16), отвѣчаетъ онъ, что очень нужно для отличія ея отъ Фанни, которая танцуетъ прозой (III, 61). О мадамъ Аланъ сказано столько же, сколько о Тальони и Фанни: «посмотрѣлъ на мадамъ Аланъ въ гадкой и пустой Лувизѣ Ливьероль. Что можетъ быть отвратительнѣе этой дичи, которую смотрять однакожъ съ удовольствіемъ — наши дѣвушки и дамы, разсуждаю-

щія о нравственности. Но Михайловскій театръ—преlestь. Все видно и слышно, и *отослуду*, а не изъ одного бельэтажа» (I, 22). Забудьте: *отослуду*. Г. Погодинъ, какъ путешественникъ, не гнушался ничѣмъ: безъ сомнѣнія, онъ былъ и въ райкѣ. Что было особеннымъ предметомъ Дорожнаго Дневника—никто этого не знаетъ и не узнаетъ; только не излщпыя искусства. Въ Бельведерской-Галереѣ, что въ Вѣнѣ, путешественникъ ограничился извѣстіемъ, болѣе къ его особѣ относящимся, нежели къ картинамъ и статуямъ: «*прошелъ* съ новымъ удовольствіемъ по всѣмъ заламъ.» Мудрено ли, что и говорится о галереѣ мимоходомъ? Иногда онъ не проходитъ, а *обходитъ*, разнообразя стороны своихъ возрѣній: «тихо приблизился къ Вандомской колоннѣ, и обошелъ кругомъ» (III, 26). Случается и такъ, что г. Погодинъ, отъ восторга ли или отъ другихъ причинъ, только и именуетъ любопытнѣйшія произведенія искусства, ставя на концѣ знакъ восклицанія: «мы пошли дальше къ другому углуротонды, которая называется Belvedere... *Лаокоонъ!*» (II, 67). Чаше же объявляетъ о своемъ молчаніи: «*О страшномъ судѣ* говорить не буду. Кто его не знаетъ?» (II, 70).

За ужипомъ у одного профессора въ Петербургѣ навелся разговоръ на Державина, съ цѣлію выпросить у Крылова, тутъ же бывшаго, что онъ знаетъ объ авторѣ Фелицы. Мы думали: вотъ посыплются анекдоты о Державинѣ, любопытныя извѣстія, біографія. Ихъ нѣтъ, а есть важное замѣчаніе, что Крыловъ унесетъ съ собою множество подробностей русской литературы, коей онъ почти ровесникъ, и что никто не думаетъ имъ воспользоваться. Отъ-чего жъ не пользуются? Не кому *толкнуть* его. Вотъ еслибъ нашелся такой толкало, который самъ ничего не дѣлаетъ, а на другихъ серьезно сердится за недѣланіе, онъ толкнулъ бы Крылова написать свои извѣстія, надавалъ бы ихъ кой-какъ и взялъ бы себѣ собранныя деньги!—

Не развязала нашему путешественнику языка и Венеція, когда онъ и другіе пассажиры *выполнили* изъ своихъ норъ, съ *засыпанными* глазами (I, 185). Правда, онъ два раза произноситъ ея имя, называетъ ее *«любовницею морей»*, говоритъ, что она *«встаетъ, какъ Венера, изъ морской пѣны»*; но тутъ же оговаривается, что *«это сравненіе сдѣлано уже сто разъ, что душа его была заперта и не шевелилась»*. Генуя тоже прекрасна, но туманъ мѣшалъ видѣть, какъ она принимала г. Погодина въ свои объятія (II, 188). Любопытна и огромная парижская библіотека, но *«заниматься въ ней какую-нибудь недѣлю не стоило труда: только-что разлакомишься»* (III, 24). И все такимъ образомъ: или некогда, или негдѣ, или нечего.

По не говоря ничего, развѣ нельзя думать ничего стараго? Утѣшимся. Г. Погодинъ, въ Петербургѣ, *думалъ* о Ломоносовѣ, Карамзинѣ, Пушкинѣ (I, 20), во 2-й части—*думалъ* о Лютерѣ (стр. 19) и о построеніи такой русской церкви, гдѣ соборны были бы изображенія всѣхъ русскихъ святыхъ, начиная съ равноапостольнаго Владимира и Ольги и Бориса и Глѣба. Тутъ бы увидѣлъ я и Александра Невского, и Московскихъ чудотворцевъ Петра, Алексія, Иону и Филиппа, и Печерскихъ Антонія и Θεодосія, и Соловецкихъ Зосиму и Савватія, и преподобнаго Нестора, и Св. Сергія, и Дмитрія Ростовскаго, и Митрофанія (II, 56). Въ Вѣнѣ, путешественникъ нашъ не думалъ, а *задумался* объ Австріи; въ Бреславлѣ остальное время дня *продумалъ* о Славянахъ (I, 90), спрягая такимъ образомъ одинъ и тотъ же глаголъ въ разныхъ видахъ.

Отъ думанья перейдемъ къ разговорамъ. Въ Бреславлѣ, путешественникъ провелъ вечеръ съ Шуркыней въ *сладкихъ разговорахъ* на прежнюю тѣму (I, 97),—какую, это тайна. На стр. 112, въ I-й части, «вечеръ былъ прекрасный и теплый; городъ красовался вдали передъ нашими глазами, но на пути не встрѣчалось съ нами ни одного че-

ловѣка. Мы (Шафарикъ и г. Погодинъ) были одни, и говорили о Славянахъ... разумѣется, не для меня и не для васъ, а для себя и про себя. Отъ разговоровъ этихъ происходитъ иногда нѣчто странное, таинственное. Когда Шафарикъ посвятилъ г. Погодина въ исторію Славянъ, о которой онъ имѣлъ поверхностное понятіе, тогда г. Погодинъ *перенесся совершенно въ другой міръ, прозрѣлъ и плавалъ въ удовольствіи* (I, 116). Трудно рѣшить, отъ-чего такъ способны нѣкоторые люди дѣлаться визионерами. Главная, по моему мнѣнію, причина, содѣйствующая блаженному состоянію ясновидѣнія, кроется въ частомъ вращеніи около и внутри славянскаго міра. Недаромъ какой-то журналъ называлъ *славянскія* стихотворенія г. Хомякова *прозрѣніями*. Г. Погодинъ многократно испытывалъ силу подобныхъ припадковъ. Въ Вѣнѣ, напримѣръ, онъ *обошелъ* Стефана, у котораго голова на самой высокой башнѣ треснула. Кто-то сказалъ ему, что это зловѣщее предзнаменованіе для австрійскаго дома, котораго царствованіе современно Стефановой башнѣ. Г. Погодинъ не засмѣлся, не назвалъ вралемъ жепророка, а только набожно замѣтилъ: *«Богъ милостивъ!»* (I, 148). А вѣдь замѣчательно въ-самомъ-дѣлѣ, что церковь Стефана не достроена, какъ и всѣ прочія. Какато судьба останавливала строителей въ Вѣнѣ, точно такъ же, какъ въ Фрейбургѣ, или въ Кельнѣ, когда они достигали почти цѣли своей. Странно! Припомните, кстати, пожары; три главные народа лишились въ одно время тѣхъ предметовъ, которые были для нихъ всего на свѣтѣ дорожее: жилище нарское для Русскаго, биржа для Англичанина, театръ для Француза. Слабое человѣчество! тебѣ подаются знаки, но нѣтъ къ нимъ ключа у тебя, нѣтъ азбуки разобрать ихъ (I, 11). А ключъ былъ бы очень-нуженъ: безъ него нельзя разобрать таинственнаго значенія г. Погодина на 171 стр. 2-й части.—Въ Пуцуоли что-то въ народныхъ женскихъ ярко бросается въ глаза—но слишкомъ нечетко въ дневникѣ. Чтѣ-

по... а что именно, неизвестно. Можете догадываться, а не прогадывать: вы не обращались въ славянскомъ мѣрѣ!

Много думая и мало говоря о Славянахъ, путешественникъ 1839 года особеннымъ образомъ выразилъ свою любовь къ нимъ. Это было въ Вѣнѣ. Только-что онъ успѣлъ отобѣдать, какъ начали находить къ нему славянскіе студенты, человекъ десять, такъ-что не доставало мѣста сѣсть въ его большой комнатѣ. Г. Погдину стало не по себѣ; онъ сконфузился, можетъ-быть отъ того, что *десяти* человекамъ не нашлось мѣста въ *большой* комнатѣ, можетъ-быть и отъ-того, что любезные гости опоздали уже къ обѣду и лишились хозяйна случая выказать русское гостепримство; поговоривъ немного, онъ попрощалъ гостей прочесть «Отче нашъ» и всѣхъ вѣрчичихъ, и когда они кончили, г. е. произнеси: «и избави насъ отъ лукаваго», путешественникъ распростился съ ними, сказавъ, что у него нѣтъ времени, которое онъ долженъ развѣшивать на уши (I, 165 и 166).

Однажды только расчувствовался путешественникъ нашъ, и то, кажется, физическимъ образомъ, когда кондукторъ, *хвативъ его за руку*, указалъ на купецъ в. Петра, черѣвшій владим. г. Погдину *здоровица*, всталъ и поклонился (II, 2). — Иногда фигура повторенія замѣняетъ у г. Погдина всякое извѣстіе, и въ этомъ случаѣ остается еще неразгаданнымъ, что вырвало фигуру: восторгъ и души, или утомленіе тѣла. «Г. *востану* щилъ меня въ храмъ св. Петра. Вотъ мость св. Ангела, вотъ Тибръ (Тибръ)» (II, 3). Много должно быть любознѣтства и чувства извѣднаго въ человекѣ, короче надобно *тащить* въ храмъ св. Петра! Въ слѣдствіе сего-то *тащимаю* любознѣтства, путешественникъ 1839 года состоялъ въ особеномъ расподѣленіи духа. Онъ самъ говорить: «Вхожу въ церковь, и хожу какъ *сумасшедшій*» (II, 4). За откровеннымъ признаніемъ слѣдуетъ описаніе храма. «Гдѣ я? гдѣ я? Г. поставилъ меня у одного простѣнка, и спросилъ: — видишь ли, напротивъ, этихъ *раморныхъ* ангельчикоу

надъ чашею? — Вижу. — Ну, что же? Велики они? — Что за велики-маленькіе. — Обернись-ка. — Я обернулся, и увидѣлъ передъ собою, подъ пару къ тѣмъ, маленькимъ, двухъ почти колоссальныхъ. Вотъ кова почтись! — Да-съ, великонька! — Въ Капитоліи продолжалось то же состояніе духа, только въ меньшей степени, въ слѣдствіе относительной величины двухъ заданій. «Капитоліи! можно *ощеломиться* отъ такого громаго слова» (II, 7). За сими слѣдуетъ описаніе: «Капитоліи! повторяю, и смотря во всѣ глаза. Ну, полно, сказалъ Г., пойдемъ дальше... И такъ дальше, въ томъ жеродѣ. Тагостное для каждаго человека состояніе достигло своего максимумъ, когда путешественникъ пошелъ дальше: «Развалины баандики Константиновой, — а тамъ владим, владим Колизей. Я совершенно *обезумѣлъ*» (II, 8). Слѣдственно было бы, послѣ такихъ свидѣтельствъ самаго очевидца, требовать отъ него *однаго* и аккуратнаго надложія того, что онъ видѣлъ или слышалъ. Впрочемъ, въ минуточку передънаго максимумъ, г. Погдину совершалъ свои прогулки по Толодо: «Я часто *хожу* по Толодо, безъ всякой ивѣи: «Презабавное впечатлѣніе! идешь, идешь, понесенщя, не ниѣ времени остановиться, и вдругъ очутишься на самомъ краю» (II, 163) — не прѣстани или бедны, будьте *комойны*, а на краю улицы, которая, какъ и все въ мѣрѣ, имѣетъ же конецъ.

Поѣздка въ Римъ принесла, впрочемъ, большую пользу путешественнику: тамъ онъ узналъ, во-первыхъ, то, чего прежде не зналъ, а во-вторыхъ бросилъ новое возрѣніе на паденіе Рима, возрѣніе во всѣ глаза. «Люди, люди, приходите сюда (въ Римъ) *уловитесь* съ брѣвности вашего естества, тцетѣ *всѣхъ* вашихъ предпріятій и замысловъ» (II, 9). Если вы возразите, что даякоmodo *хвать* за такой истинкой, то я дамъ замѣчу, что *всѣ* великія и новыя истины отъ насъ не блыво: или на днѣ *когда*, или въ Римѣ. «Увидѣть, *предоставляю* путеше-

ственникъ, удостоившійся въ бренности своего естества:— этого мало, утонулъ въ тинѣ, въ грязи. Мысль оригинальная и смѣлая! Мы знали, что Римъ палъ или упадъ, какъ вамъ угодно; но чтобъ онъ утонулъ въ тинѣ, да еще въ грязи... мы этого не слыхивали. Тѣмъ болѣе чести г. Погодину и тѣмъ болѣе радуется мое русское сердце, что ни одинъ изъ иностранцевъ незамѣтилъ такого событія. Утонулъ въ тинѣ, въ грязи!.. Что, кажется, этого легче? между-тѣмъ, подите-ка, откройте Америку. Для болѣе выразительности, мы прибавили бы къ слову Римъ: «окаленный!» это къ нему очень идетъ. —Новое открытіе, подъ-пару паденію Рима, совершилось во Франціи. Знаете ли, отъ-чего во Франціи не мудрено быть первыми? «Отъ-того, что охотниковъ мною...» право такъ: зрите часть III, стр. 26: Одно только приходитъ здѣсь возраженіе: вѣдь первыхъ всего на-все *одина*, а не много, какъ и вездѣ; отъ-чего же во Франціи не мудрено быть одному первымъ, а въ другихъ мѣстахъ мудрено быть первымъ тоже одному?.. Мысль о коловратности свѣта наполнила душу г. Погодина въ Парижѣ. Когда онъ вошелъ на *Notre Dame*, и, взглянувъ сверху, увидѣлъ, что народъ такъ кишитъ и кишитъ, то воскликнулъ: «Горе тебѣ, Вавилонъ!..» Жаль, что позабылъ онъ при этомъ восклицаніи плюнуть, что, безъ сомнѣнія, исполнитъ онъ въ будущую нѣбѣду овою за границу.

Еще двѣ важныя новости отъискали мы въ «Дорожномъ Дневникѣ»: новое, чрезвычайно-странное желаніе и новое возвращеніе на отечество наше, Россію.

Вы удивитесь, когда скажу вамъ, что г. Погодину страхъ-какъ хотѣлось видѣть... *революцію!* «Еслибъ удалось увидѣть мнѣ еще революцію, хоть какую нибудь, я былъ бы доволенъ «июль.» (III, 25). За то и перетрунулъ же онъ (наказаніе Божіе!), когда Парижъ зашевелился. «Скорѣе изъ театра съ женою домой. Ай! ай! ай!— «и легли спать» (III, 61).

Новое возвращеніе на Россію г. Погодина совершенно противорѣчатъ дав-

нишнимъ убѣжденіямъ нашимъ; мы никогда не согласимся съ нимъ. Послушайте, что проповѣдуетъ онъ на 142 стр. 2-й части: «То ли дѣло, думалъ я, въ любезномъ отечествѣ никогда не опоздаешь, никогда не провинишься; нѣтъ ни на что низкихъ сроковъ, а въ особенностяхъ на платежъ по заемнымъ письмамъ. На все есть отговорка, на все есть оправданіе, вездѣ позабѣланы лазерки... Воля ваша, а мы умываемъ руки и затыкаемъ уши...»

Но какъ бы путешествіе ни было лишено всѣхъ возможныхъ интересовъ, какъ бы оно ни было холодно, простиранно повозвращенію и языку, — натура путешественника скажется невольно въ его дорожныхъ запискахъ. Такъ ужъ человѣкъ созданъ: у самого безстрастнаго есть страсть или страстишка. Чѣмъ же нибудь да отличается онъ съ одной стороны отъ рыбъ равнодушныхъ, съ другой отъ своихъ ближнихъ, съ нимъ или не съ нимъ живущихъ. Это—печать, полагаемая Богомъ на человѣка при его рожденіи; это—характеръ, укрѣпленный воспитаніемъ, образомъ жизни, вліяніемъ разныхъ обстоятельствъ, потому развитый самими человѣкомъ, доведенный имъ до болѣе или менѣе степени. Такъ и у г. Погодина, при всемъ его безстрастіи къ тому, что приводитъ въ восторгъ путешественника, есть своего рода *passos*, никогда его не покидающій. При всей спѣшности прѣзда, онъ находитъ время заняться любимымъ предметомъ, потолковать, то-есть «покалкать» о немъ. Passosъ этотъ—*товари* и *цѣла ихъ*. Слово «товари» должно разумѣть здѣсь въ обширномъ смыслѣ, отъ англійскаго сукна на брюки до мыла, отъ шефирублеваго обѣда въ ресторани до закуски или «перехватки» въ харчевнѣ, отъ театра до бани. Не думайте, чтобъ путешественникъ 1839 года когда-нибудь поддался прекрасному виду природы или прекрасному созданію рукъ человѣческихъ и при этомъ забылъ преобладающее въ себѣ чувство. Никогда! Еще на 3-й стра-

ницѣ, можетъ-быть, въ 40 верстахъ отъ заставы, не находя сказать ничего новаго объ отличномъ-устроенномъ шоссе, г. Погодинъ сдѣлалъ такую замѣтку: «Трактирщики берутъ дорого, потому что продаютъ мало, а проѣзжіе покупаютъ мало потому что должны платить дорого.» Два раза: «дорого!» Когда подмѣчена страсть, обуевающая человѣка, тогда сами-собою открываются его постоянныя и неизбѣжныя стремленія, открываются, въ чемъ его счастье и что долженъ полагать онъ несчастіемъ. «Совѣтовался долго съ разными лицами», говоритъ г. Погодинъ, «какъ ѣхать до Варшавы. Дилижансовъ еще нѣтъ; на перекладныхъ холодно и слишкомъ-безпокойно; экипажъ покупать дорого... Но счастье собирается, кажется, служить намъ: пріѣхалъ изъ Константинополя мой старый товарищъ, сотрудникъ Московскаго Вѣстника, В. П. Т., и предложилъ мнѣ свои сани, купленные имъ въ Одессѣ, просторныя, покойныя, и дешевыя... что за удовольствіе встрѣтиться вдругъ съ такимъ человѣкомъ доброжелательнымъ, предупредительнымъ, любезнымъ, и получить *одолженія безъ всякаго права на оныя*» (Ч. I, стр. 33). Все это очень-натурально: счастье и удовольствіе человѣка, такимъ образомъ настроеннаго, дѣйствительно состоятъ въ томъ, чтобы получить сани безъ всякаго на нихъ права.

Удалось г. Погодину побывать въ варшавскомъ публичномъ маскарадѣ. Весело, да не совсѣмъ! Одно изъ главныхъ препятствій, почему у насъ не могутъ завести подобныхъ увеселеній и отъ-чего путешественникъ не могъ вполне веселиться—*дороговизна*, которой никакъ не могутъ умѣрить: недостаточные люди, стало-быть, и остаются (I, 67). На пути своего годичнаго странствія, на томъ пути, гдѣ всѣй путешественникъ встрѣчаетъ много бѣдныхъ братьевъ, голодныхъ и темныхъ, которыхъ надобно накормить, или просвѣтить, которыхъ сострада-

дѣлалъ нашъ путешественникъ? Считалъ расходы трактирщика и приходы трактирныхъ служителей, находясь такимъ образомъ подъ вліаніемъ двойнаго ощущенія, возбужденнаго результатомъ: сколько тратилъ одинъ и сколько получали другіе? «Привасы всѣ по-лучаетъ онъ (трактирщикъ) съ рыжка, гдѣ устанавливается цѣна. Всякій день свѣжее, безъ заботы, безъ порчи, безъ излишка. *Выгодно* и покупать телю и продавать. Разсчитъ по разу въ недѣлю. Сколько людей нужно для содержанія 65 номеровъ въ исправности и для прислуги такому же числу путешественниковъ? По нашему разиѣру надобно человѣкъ пятьдесятъ, а у него меньше двадцати: 4 кельнера, которые подаютъ кушанье, служатъ за столомъ, ведутъ счета, по 100 тал., два дворника, по той же цѣнѣ, которые чистятъ платье и сапоги, и исправляютъ работу почернѣе, 4 горничныя дѣвушки, кои переставляютъ постели и прибираютъ комнаты, по 60 тал., поваръ и пять помощницъ 250 тал. Впрочемъ, всѣ эти прислужники получаютъ на водку отъ путешественниковъ. *Задобривъ своего хозяина похвалами и обличеніемъ прославить его въ будущемъ описаніи моего путешествія*, я спросилъ его по совѣсти, сколько надо давать вообще прислужникамъ на водку, чтобы было ни слишкомъ мало, ни слишкомъ много? по полульдену дворнику, горничной и кельнеру, т. е. по 30 коп., или круглымъ счетомъ по рублю на всѣхъ» (I, 89 и 90). Вы удивляетесь, читатель? Вы говорите: такіе ли нитересы вызвали изъ родины Карамзина, человѣка благородной природы, не всегда умѣншаго стать вровень съ вѣкомъ, но всегда стремившагося къ пониманію вѣка? Не удивляйтесь: каждому свое. Природа безконечно разнообразна: нашлось въ ней почетное мѣсто «Письмамъ Русскаго Путешественника», найдется заслуженное мѣсто и Дорожному Дневнику «М. Погодина!». Поэтъ несприятный случай съ г. Погодинымъ: «18-го Февраля (памят-

«милый день!» обѣдали мы въ богатой гостинницѣ. Спросили, что стоятъ съ челоѣка. Два гульдена. Мы думали, что ассигнаціями, и велики подавать. Блюды множество и превкусныя. Очень были довольны и хвалили дешевазну, а какъ дошло до разсчета, пришлось заплатить серебромъ (по 4—50), и мы много смѣялись надъ своимъ невольнымъ паромъ» (I, 148). Хорошо еще, что кончилось все смѣхомъ. За то ужъ на другой день, прочувенный путешественникъ обѣдалъ по картѣ. Жаль, впрочемъ, одного: трудно соединить путешественнику выгоды кармана съ удовольствіемъ видѣть повсемѣстно-распространяющееся просвѣщеніе. Радость друзей челоѣчества обходится имъ довольно-дорого! Такъ, въ Европѣ, завелся теперь преисприличивый обычай ничего даромъ не показывать и не рассказывать: за все про все плати, каждому давай за труды. Какъ прикажете поступить въ подобномъ случаѣ? Не дать ничего — скверно; дать мало — совѣстно, а главное — жалко (I, 163); дать много — сохрани Богъ! И вотъ, г. Погодинъ, въ политехническомъ училищѣ, что въ Вѣнѣ, собрался съ духомъ, всучилъ ученому сторожу, который прочелъ ему лекцію о физическомъ кабинетѣ, цванцигеръ, и въ удивленію получилъ благодарность почти-жаркую. Послѣ, г. Погодинъ рѣшился въ нѣкоторыхъ отдѣленіяхъ откланиваться цеяерами, смотря по одеждѣ проводниковъ. — Трудно плыть противъ воды, трудно прать противу рожна, трудно идти противъ природы: гони ее въ дверь, она влетитъ въ окно. Въ Венеціи, путешественникъ остановился въ гостинницѣ Давіели, на берегу моря. Забудьте: *въ Венеціи, на берегу моря!* Что бы сдѣлали вы, бывъ на его мѣстѣ? Разумѣется, выбросили бы чемоданъ свой, забыли бъ и кофе, и супъ, и кинулись бы любоваться красавицею морей, какъ называютъ Венецію. Но г. Погодинъ не то: его поразило не море, а темная комната, въ которую ввели его; еще больше поразили 5 фран. за комнату;

потомъ гондола на день—7 фран., лонлаей—5. «Да это просто ужасъ!» отчаянно восклицаетъ путешественникъ, «насъ грабятъ, да и только» (I, 187). Но какъ нѣтъ дѣйствія безъ причины, то на другой день дороговизна объяснилась: за жидкій кофе заплатили накаунтъ 3 франка потому, что въ гостинницахъ не держатъ кофе, а посылаютъ за нимъ въ кофейныя, кон отпускаютъ съ своими мальчиками: цѣна берется больше за провозъ, чѣмъ за товаръ» (I, 196). Дарчикъ, какъ изволите видѣть, открывался просто. — Заботливость русскаго путешественника 1839 года, относительно цѣнъ и товаровъ, до того простирается, что въ Венеціи взялъ онъ изъ гостинницы на память столовую карту, за которую, вы знаете, ничего не платится (I, 202). «Буду брать и вездѣ», прибавляетъ авторъ, «чтобъ представить каталогъ всѣхъ европейскихъ кушаньевъ и сравненіе цѣнъ» (id). Предпріятіе полезное: статистика давно нуждалась въ свѣдѣніяхъ оцѣнъ кухонныхъ произведеній; кому же объ этомъ и стараться, какъ не ученымъ, обогащающимъ науку? Столовая карта есть общая принадлежность всѣхъ посѣщающимъ трактиры и гостинницы, — тѣмъ болѣе чести тому, кто успѣлъ соединить пріятность съ пользою: удовлетвореніе голода съ завоеваніемъ для статистики. На сравненіи цѣнъ со-временемъ ослуется, можетъ-быть, водвореніе обще-европейской таксы. Теперь же, въ ожиданіи таксы, учителемъ нашимъ будетъ нужда: она научила г. Погодина «калаци Ёсть» дешево и вкусно, безъ помощи вожатаго, который однакожъ, «обѣдалъ съ нами» (I, 207).

Вы знаете, что на Площади-св.-Марка, въ два часа, кормятъ голубей; но вамъ, конечно, не извѣстно, что на ней можно купить мыло. Путешественникъ не посѣлъ къ голубямъ, во мыла купилъ. «Счетъ, кажется, съ грѣшкомъ, хоть и не съ большимъ». «Пребываніе въ Венеціи обошлось рублей по семи въ день на челоѣка. А можно бѣ дешевле еще, ес-

любь ходить и осматривать цѣлымъ обществомъ» (I, 211). Такъ заключается пребываніе въ Венеціи! Заключение совершенно соответствующее направленію путешественника: въ немъ виднѣя его паеосъ, видна выдержанность характера. У кого экономія на умѣ и дороговизна въ сердцѣ, тотъ, само-собою разувѣтается, падокъ на одолженія и подозрительнъ на искренность услугъ. Въ Феррарѣ, г. Погодинъ увидѣлъ, что у него не достаетъ денегъ на мѣсто въ дилижансѣ. Скверный анекдотъ! по выраженію Плюшкина; но судьба вынудила изъ бѣды: любезный Итальянецъ вынужденъ заплатить за путешественника всю сумму. Путешественникъ согласился, но сомнѣніе закралось въ его сердце: онъ долго думалъ, не согладаятъ ли это какою (I, 215). Такое примѣрное безкорыстіе... въ наше время... не понятно! Непонятна также и дешевизна уроковъ: въ Римѣ, учитель итальянскаго языка, занимаясь въ г. Погодиннымъ два часа каждый день, бралъ—сорокъ рублей въ мѣсяцъ! У насъ, напротивъ, учителю средней руки платятъ по пяти рублей за урокъ... Но высшее проявленіе паеоса нашего путешественника совершилось во время путешествія на Везувій. Онъ забываетъ огонь и лаву и хочетъ только дать понятіе одешевизнѣ: вся побѣда съ ослами, проводниками, завтраками на вершинѣ, коляскою, обошлась г-ну Погодину — двѣнадцать рублей. Онъ пропуская мимо глазъ неапольскую природу, но считаетъ обязанностью записать, что обѣдъ на открытомъ воздухѣ обошелся въ полтину серебромъ съ человѣка. Боже мой! видъ на море, Везувій и Неаполь—и полтина серебромъ! Гдѣ же чувство повгическое? Развѣ Эмпедоклъ, спускаясь во внутренность горы, спрашивалъ: почему за входъ?..

Впрочемъ, Везувій вѣдь страшенъ. III. звалъ г. Погодина поближе къ кратеру; г. Погодинъ послѣдовалъ, какъ вдругъ въ двухъ мѣстахъ вспыхнулъ огонекъ, съ шумомъ поднялся

дымъ, обсыпались камни, и путешественникъ нашъ назадъ, не ощущая въ себѣ нисколько желанія искать туфлей эмпедокловыхъ (II, 183). А не мѣшало бы поискать ихъ: чего-нибудь онъ да стоить! Самъ путешественникъ говоритъ, что цѣна вещей всего важнѣе, въ отношеніи къ лицамъ, для чего вещь назначается (III, 45).

Слогъ г. Погодина, отрывистый, грубый, лишанный малѣйшаго изящества, есть въ своемъ родѣ тоже *умилеліе*. Это — расхедная книга пераграфованная; слогъ этотъ былъ бы несравненъ и вполнѣ оригиналенъ, еслибы не напоминали намъ его: одно изъ лучшихъ произведеній Гоголя, и «Путевыя Записки» Вѣдрина, помѣщенные въ Слѣси нашего журнала въ прошломъ году. Представляемъ вѣсколько отрывковъ для глеченія.

«Путевыя Записки» Вѣдрина:

«28. Клоны не дали спать всю ночь. Скверное наѣикоме! Говорятъ, на Дербеновкѣ Грузинъ продаетъ кавказскій перешокъ, уничтожающій клоновъ; да странно-дорого, рубль серебромъ суитъ, — а тамъ выдохнется, перестанетъ дѣйствовать... Не все къ лучшему. Вскочилъ въ 6, умылся и въ Рогожскую аскать товарища. Долго толкался. Что за дикой народъ извошники! Борода, кушакъ... Разметался и исполнилъ Кешена брошюру о курганахъ. Товарищъ пошелъ, мундъ изъ Нижлага, съ брющкомъ, говоритъ на д. Цотоловади—сладили—черезъ часъ эдемъ. Домой за чемоданомъ, даль страшная — хотѣлъ взять извошника, очень стали дороги, 25 серебромъ, меньше ни одинъ взять не хотѣлъ... Илучи, проголодался и перехватилъ. Нельзя не отдать справедливости цивилизаціи, когда дѣло идетъ о удобствѣхъ—кабы не вредъ нравомъ» (Отеч. Зап., 1843, № 11, Смиръ, стр. 59).

«Дорожный Дневникъ» М. Погодина:

«На силу отыскали сторожа. Огромная великолѣпная церковь. Какъ все стройно, соразвѣрно!..

Посмотрѣлъ на мадамъ Аланъ въ гадкой и пустой Луизѣ Линвероль. Что можетъ быть отвратительнѣе этой дичи, которую смотрять однакожъ съ удовольствіемъ наши дѣвушки и дамы, разсуждающія о нравственности! Но Михайловскій театръ — прелесть. Все видно и слышно, и отовсюду, а не изъ одного бельэтажа.

Совѣтовался долго съ разными лицами, какъ ѣхать до Варшавы. Дилжансовъ еще нѣтъ; на перекладныхъ холодно и слѣшкомъ безпокойно; экипажъ покушать дорого. Думалъ поѣхать на Ригу, чтобъ оттуда искать удобнаго случая до Мемеля или до Варшавы.

Нѣтъ ли здѣсь русскихъ бань? спросилъ я поутру служителя. «Есть.» Поѣхалъ. Погода ужасная: снѣгъ такъ и валитъ хлопьями. По улицамъ грязь почти по колѣно. Приѣхалъ: чернѣе, грязь, безобразнѣе, отвратительнѣе этой бани ничего вообразить нельзя. Не радъ жизни.

Любовались видомъ на Прагу съ Градчица. Какой живописной городъ, въ родѣ нашей Москвы. Славяне умѣли выбирать себѣ мѣста. Говорили о свѣтислахъ Чешскаго народа. Также даровитость, что и у Русскихъ, но утомятъ въ мѣлкости. Нѣтъ заботы о нравственности усовершенствованіи, умственномъ развитіи. Далъ (Часть 1).

Удивительное сходство! Не знаешь, кто кому подражалъ: г. Вѣдринъ г-ну Погодину, или г. Погодинъ г-ну Вѣдрину. Такъ-какъ путешествіе послѣдняго не издаю вполнѣ, то нѣтъ сомнѣній, что г. Погодинъ читалъ невздумавши его «Записки», увлекся ихъ слогомъ и многія мѣста просто скопировалъ, считая преступленіемъ измѣнять оригинальность драгоцѣннаго разсказа. Вотъ еще образчикъ этого оригинальнаго слога:

«Я перепугался, и не зная какъ добраться до станціи. Нѣсколько минутъ

мучительныхъ. Наконецъ доѣхали. Бросился за совѣтомъ къ старику...

Обѣдъ отличный въ гостиницѣ, рубля по два съ полтиной.

Прогулка по городу, коротко нѣтъ знакомому.

Вечеръ у Шае., продолженіе утренняго разговора, которое выше вставлено.

Время идетъ, и на всякой станціи нѣбось особенный духъ. Счастіе законодателя, который узнаеть его, и даетъ ему направление.

Съ веселою толпою домой.

Промель съ новыиъ удовольствіемъ во всѣхъ залахъ.

Вечеръ съ удовольствіемъ въ театрѣ из der Wien, гдѣ Шольцъ и Нестрой смѣшати до слезъ Вѣнецъ. Шольцъ разнообразіе Нестроя, который нынче сверзъ того и много размахивалъ руками.

Замѣтилъ много новыхъ жестовъ и отличій въ разговорѣ.

Въ кофейную на площади Св. Марка. Кофей получше вчерашняго, не все еще далеко отъ хорошаго. Очень жидокъ, какъ своего молока. А сухари и крекеры лучше мемеля гдѣ либо. Мы заплатили бездѣланцу.

Зашелъ помолиться въ греческую церковь. Подвехонька. Солдаты стоятъ въ нѣсколько рядовъ. Кто же это? Славяне, Сербы Греческаго исповѣданія, которые служатъ въ Австрійскомъ войскѣ. Ну такъ бы и расцѣловалъ ихъ всѣхъ. Швейцарское впечатлѣніе!

Купила мыла, которыми славились Венеціи. Стеть кажется съ грѣшкомъ, хотъ и не съ большимъ...

Сходилъ въ такъ называемую русскую баню, въ которой легче замараться, чѣмъ вымыться. Съ баней нѣтъ ничего похорожаго.

Выѣздъ въ 4 часа утра. За минувшій съ виномъ взяли два рубля въ гостиницѣ. Комиссіонеръ пришелъ проводить насъ. Отправляются два экипажа, одинъ получше, а другой похуже, и горзело вехуже.

Отобѣдавъ, послонявшись около магазиновъ, въ Палероляльскій театръ.

23) DIE BEWAUFUNG DER SCHWEDISCHEN RÖDSEN DURCH DIE FINNEN UND SLAWEN. Eine Vorarbeit zur Entstehungsgeschichte des russischen Staates, von Ernst Kunik. Erste Abtheilung. (Привзваніе Шведскихъ Родовъ Финна ми и Славянами. Введеніе въ исторію образованія Русскаго Государства, сочиненіе Эрнста Куника. Отдѣленіе первое.) Санктпетербургъ. Въ тип. Императорской Академіи Наукъ. 1844. Въ 8-ю д. л. 182 стр.

Книга г. Куника — трудъ человека умнаго и добросовѣтнаго: Авторъ поставилъ себѣ цѣлю доказать, что Варяги, о которыхъ было столько шума и толковъ между нашими досужими историками, — Норманны. Извѣстно, что у насъ всякій, кому удалось прочесть исторію Карамзина, двѣ-три лѣтописи и нѣсколько грамотъ, уже думаетъ, что онъ исследователь и знатокъ отечественной старины, историкъ, археологъ, и — прежде всего считаетъ необходимымъ для своей ученой славы — составить себѣ мнѣніе о томъ, кто были властители, призванные въ девятый столѣтіи Финнами и Славянами — изъ-за моря, правити и владычтими. Безъ этого мнѣнія, какъ бы негѣпо оно ни было, нѣтъ спасенія въ омутѣ русской исторіи. Попробуйте сказать, что безполезно и ненужно отъискивать происхожденіе нѣсколькихъ пришлепцовъ, отъ которыхъ не осталось ровнолуварскихъ вабѣгахъ и полудинныхъ схваткахъ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ лѣтописи, о подлинности которой еще до-сихъ-поръ существуютъ различныя мнѣнія! Осмѣйтесь объявить вслухъ, что дѣло не въ томъ, сколько пришло Варяговъ къ Славянамъ гдѣ они поселились и когда грабли сосѣдей, ко-

гда были биты сами, но въ томъ, какъ обраровалась изъ отдѣльныхъ племенъ великая держава, которой принадлежать мы съ вами считаемъ за честь и, на которую обращено нѣмнѣе вниманіе всей Европы!.. Повторяемъ: вопросъ въ томъ, были ли первобытные обитатели обширныхъ земель, вошедшихъ въ составъ нынѣшней Россіи, покорены другими народами, который, утвердившись между ними, положилъ начало различію между собственно такъ-называемою аристократіею и имашимъ классомъ, произвелъ между ними постоянное соревнованіе и бореніе, изъ которыхъ въ-послѣдствіи возникли новыя учрежденія, обезпечивающія личную свободу всѣхъ и каждаго, эти

Пружинны силы гражданственности новой, —

какъ то было въ Европѣ? Или, подобно растенію, племя славянское тихо и самобытно развивалось изъ собственнаго корня, долго ничѣмъ не заставляя миру о своемъ существованіи, чуждое бурной жизни и тревоженіи Запада, но также чуждое выгодъ европейской цивилизаціи, пока представительница славянскихъ племенъ, Россія, не была оживлена новою духовною жизнью и не двинута могучей творческой волею Петра на широкую дорогу европейскаго развитія? Кропотливый исследователь нашей допотопной жизни нѣтъ дѣла до живыхъ вопросовъ, съ которыми связано наше настоящее и будущее. Имъ гораздо-пріятнѣе спорить въ теченіе цѣлаго столѣтія о томъ: Славяне, Хозары, Финны или Китайцы были Варяги-Руссы, откуда заимствованы или могъ заимствовать Несторъ свою лѣтописъ, и кого разумѣетъ онъ подъ именемъ Волоховъ, Колбековъ и пр. и

пр. Вопросы, какъ видите, самые невинные, а потому и самые бесполезные. Избравъ одинъ изъ нихъ предметомъ своего сочиненія, г. Куникъ старается придать ему большую важность, нежели какой онъ, по нашему мнѣнью, заслуживаетъ.

«Можетъ-быть» говоритъ онъ (Введение, стр. XVII) «многіе сочтутъ бесполезнымъ придавать такое важное значеніе протиположному направлению (отвергающему авторитетъ Шлёдера и стремящемуся во что бы ни стадо доказать славянское происхождение Варяговъ) и посвятятъ лучше предоставить времени разрѣшеніе подобнаго вопроса, нежели снова раздувать искры ученаго спора о Варягахъ. Многіе въ Россіи и внѣ Россіи, между прочимъ Шафарикъ, жаловались на то, что намикъ историковъ беспрерывно заманиваетъ сперь въ Варягахъ, отнимаютъ у нихъ драгоценное время и отпаляютъ свѣтлыя силы отъ обработанія позднѣйшей славянской исторіи. Упрекъ этотъ идетъ нѣкоторое основаніе. На будущее время, вѣроятно, будетъ менѣе говорить о происхожденіи Варяго-Руссовъ. Но Шафарикъ и вмѣстѣ съ нимъ русскіе историки ошибаются, полагаютъ, что для исторіи Славянъ достаточно, если ясно будетъ доказано происхожденіе и истовребываніе Варяго-Руссовъ. Напротивъ, только отъ правильного понятія о первой эпохѣ образованія Россіи, какъ государства, зависитъ истинный взглядъ на позднѣйшую исторію ея, такъ же какъ на исторію прочихъ славянскихъ племенъ. Это многимъ покажется непонятнымъ, потому что до-сихъ-поръ вопросъ о призваніи Варяго-Руссовъ и о происхожденіи ихъ рассматривали совершенно со внѣшней точки. Спорили только о томъ, изъ-за Балтійскаго или изъ-за Чернаго-Моря пришли Варяги, были ли они славянскіе Норманды или германскіе Норманны. Есдидь этотъ вопросъ точно касался только одной формы, имени, то, конечно, не стоило бы труда много ломать себѣ голову. Но пора отвѣчать на высшее требованіе науки и обратить вниманіе на вопросъ о происхожденіи Варяго-Руссовъ не какъ на вопросъ, служащій самъ себѣ цѣлью, но какъ на средство къ достиженію другой цѣли. Въ такомъ случаѣ, не столько будетъ заслуживать вниманіе то, кто были Варяги: Финны, Германцы, или Азіатцы, но то, какой духъ въ нихъ дѣйствовалъ, какія

начала положены были въ основу русскому государству, вообще какъ оно было основано. Съ такой точки зрѣнія, этотъ спорный вопросъ получаетъ значеніе величайшаго всемірно-историческаго. Со времени Петра-Великаго, многочисленнѣйшее изъ славянскихъ племенъ самымъ тѣснымъ образомъ соединилось съ европейской образованностью и благодѣтельно дѣйствуетъ на множество азіатскихъ племенъ, которыя только подъ русскимъ скипетромъ начали жить истинно-государственной жизнью. Непременную потребность такой государственной жизни, по сказанію Нестора, почувствовали въ IX вѣкѣ обитатели восточныхъ странъ Европы. Дѣти природы, изъ среды которыхъ, по степени ихъ образованія, еще не могло возникнуть ни одной великой личности, они видѣли, что только Норманны могутъ утврдитъ между ними внѣшнюю безопасность и внутренній порядокъ. Изъ того же, что искій народъ, находившійся въ естественномъ состояніи, имѣетъ особенныя, свойственныя ему качества, какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи, необходимо слѣдуетъ, что между основаніемъ государства въ девятый столѣтіи Славянами или Азіатцами, Финнами, Германцами или Кельтами, находится огромная разниа, которую слѣдуетъ обозначить какъ можно опредѣлительнѣе.»

А потому, г. Куникъ полагаетъ, что всю древнюю русскую исторію слѣдуетъ прослѣдить съ совершенно-другой точки зрѣнія, именно: рассмотреть азіатіе и развитіе началъ, внесенныхъ въ русскую жизнь Норманнами. Не думаемъ, чтобы г. Кунику удалось отыскать значеніе во всемъ до-петровскомъ періодѣ русской исторіи, по-крайней-мѣрѣ то значеніе, которое онъ отыскиваетъ съ такимъ истинно-ученымъ самоотверженіемъ. Не говоря уже о томъ, что Норманновъ (пусть Варяги будутъ Норманны!) было такъ мало, что они не могли внести новый элементъ въ жизнь племенъ, призванныхъ ихъ въ качествѣ влаетителей.—вся русская исторія, еще болѣе настоящая жизнь Россіи явно свидѣтельствуютъ, что до Петра-Великаго начала европейской жизни были совершенно-незнакомы русскому народу. Въ

концѣ книги, г. Куникъ точнѣе характеризуетъ вліяніе на Россію норманскаго элемента (стр. 182). По его мнѣнію, Славяне не могли управлять самими собою, и потому призвали норманскихъ влaстителей, которые, по личному характеру своему, могли пробудить въ своихъ подданныхъ только монархическія мнѣнія (monarchische Gesinnung). Какъ въ остроумно кажется подобное предположеніе, но мы думаемъ, что г. Куникъ ошибается. Вся жизнь славянскихъ народовъ и, въ-особенности, русскаго, эта безпримѣрная любовь къ своимъ повелителямъ, это высокое чувство повинности, которое дѣлаетъ изъ нихъ покорныя орудія, руководимыя мудростію государей къ высокимъ судьбамъ, доказываетъ противное. Мы не принадлежимъ къ числу тѣхъ мудрыхъ ученыхъ и слѣпыхъ мыслителей, которые ищутъ спасенія въ обращеніи къ первобытнымъ временамъ, и при магіишней слухѣ о чемъ-нибудь европейскомъ, готовы кричать: «разбой! покаръ!» вопія о развратѣ и безнравственности, о гніющемъ Западѣ и о гибельныхъ слѣдствіяхъ цивилизациі; но считаемъ долгомъ защитить родичей своихъ, Славянъ и Финновъ, отъ упрека, который дѣлаетъ имъ г. Куникъ, будто монархическое начало, которымъ сильна представительница славянскихъ народовъ, заимствовано ими отъ Германцевъ. Еще разъ повторяемъ, что честь самаго полного и совершеннаго подчиненія этому началу принадлежитъ славянскому племени, какъ это доказываетъ его исторія, неопровержимыми фактами свидѣтельствующая, что всякое другое состояніе было бы для него пустымъ и несбыточнымъ предположеніемъ...

Обратимся къ Варягамъ. Мы скажемъ, что г. Куникъ придалъ этому вопросу болѣшую важность, нежели какой онъ, по нашему мнѣнію, заслуживалъ. Но, ваявшись доказывать, что Варяги были Норманны, авторъ исполнилъ свое дѣло какъ-нельзя-лучше, и, вѣроятно, книга его приведетъ въ здравденіе всѣхъ противниковъ норман-

скаго происхожденія Варяговъ, которые, какъ замѣчаетъ г. Куникъ (стр. XX), въ то же время отвергаютъ пользу реформы, произведенной Петромъ-Великимъ, и, стадо-быть, и тѣ начала европейской цивилизациі, которыми онъ открылъ дорогу въ наше отечество. Г. Куникъ доказываетъ норманское происхожденіе Варяговъ филологически, потому-что, какъ онъ самъ говоритъ, «русскій языкъ есть первый и чистѣйшій источникъ для исторіи русскаго народа» (стр. XVI). Онъ находитъ, что окончаніе *ль* есть чужое и несвойственное русскому языку, и заимствовано изъ языковъ германскихъ, ибо въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ, на-прим., въ болгарскомъ и сербскомъ, оно вовсе не встрѣчается. Изъ русскихъ же словъ, одни, какъ-то *натль* и *стль*, въ которыхъ *ль* принадлежитъ къ корню, могутъ похвастаться словами русскаго образованія, хотя имѣющими первымъ корнемъ германское *sting*, другія же, какъ-то *Варль*, *Колбль*, *Фрль*, *Ятль*, и пр., также *шелль*, *стерль* очевидно прямо заимствованы изъ языковъ германскихъ. Г. Куникъ слѣдитъ за всѣми измѣненіями этого слова и на основаніи неопровержимыхъ филологическихъ доказательствъ и остроумныхъ сближеній утверждаетъ, что окончаніе *ль* есть только измѣненное *ing*. Потомъ переходитъ къ изслѣдованію слова *Варль*, подтверждаетъ новыми ссылками и свидѣтельствами старинное мнѣніе, что Варягъ (союзникъ, товарищъ *reiderates*) есть нарицательное имя, которымъ называли себя Норманны, управляясь въ Византію и которому Греки, а потомъ и Славяне придали значеніе имени собственнаго. Переходя потомъ къ слову *Русь*, авторъ охѣло и увѣренно отвѣчаетъ на всѣ мнѣнія, имѣющія цѣлю доказать славянское происхожденіе этого слова и находитъ, что именемъ Руссовъ, Россовъ или Родзовъ Финны называли и отчасти донныя называютъ Шведовъ. Въ слѣдующихъ главахъ находятся указанія на шведскія имена и названія и на ча-

стыя сношенія со Швеціей въ первые два вѣка русской исторіи, на руническихъ надгробныхъ надписи, находимыя въ Швеціи на гробахъ норманскихъ воителей, сражавшихся въ Греціи, и на шведскія поселенія по островамъ и берегамъ Финляндіи, Эстляндіи и Лифляндіи. Всюду авторъ находитъ многочисленные указанія, которыя, будучи взяты въ совокупности, составляютъ, по его мнѣнію, неопровержимое доказательство, что Славяне могли, должны были призвать къ себѣ Норманновъ, а не какой-нибудь другой народъ, и, дѣйствительно, призвали ихъ, какъ обыкновенно говорятъ, для основанія русскаго государства. Г. Куникъ опредѣляетъ даже ту часть Швеціи, изъ которой пришли Варяги. Это Родслагевъ, на который указывалъ и Карамзинъ. —Послѣдняя глава содержитъ въ себѣ объясненіе имени, которое принимаетъ часть венгерскихъ Славянъ, называющихъ себя Руссинами. Г. Куникъ думаетъ, что это названіе произошло въ позднѣйшее время, въ слѣдствіе религіознаго единства нѣкоторой части западныхъ Славянъ съ греко-восточною церковью, которая начинала уже именоваться русскою и митрополиты ея принимали названіе митрополитовъ всел Руси...

Не соглашаясь съ г. Куникомъ въ тѣхъ началахъ, которыя вызвали его на трудъ, мы однако сочли долгомъ, высказавъ предварительно наше мнѣніе, изложить содержаніе его изслѣдованія. Если выборъ предмета для труда былъ неудаченъ, за то исполненіе сдѣлало бы честь всякому ученому. Сочиненіе г. Куника будетъ продолжаться, и потому мы еще будемъ имѣть случаи говорить о немъ.

24) Die Reichelsche Münzsammlung in St. Petersburg. VIII und IX Th. (Собраніе монетъ Рейхеля въ Санктпетербургѣ. Части VIII и IX). 1845. Санктпетербургъ. Въ тип. Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ Бумагъ. Въ 8-ю д. л. Въ VIII-й части 104, въ IX-й—495 стр.

Собраніе монетъ г. Рейхеля — одно изъ богатѣйшихъ частныхъ собраній не только въ Россіи, но и за границей. Для занимающихся нумизматикой, его каталогъ—дорогой подарокъ. Передъ нами лежатъ двѣ послѣднія части этого каталога. Въ восьмой части описываются кратко, но обстоятельно монеты Пиренейскаго-Полуострова. Эта часть скуднѣе другихъ. Затруднительное сообщеніе съ Испаніей и Португаліей, равно-какъ недостатокъ въ этихъ странахъ любителей нумизматическихъ рѣдкостей, которые собирали бы ихъ,—вотъ причины, по которымъ испанскія и португальскія монеты, особенно тѣ, которыя относятся къ среднимъ вѣкамъ, рѣдко доходятъ до насъ. Не смотря на то, въ каталогѣ г. Рейхеля мы находимъ 498 монетъ испанскихъ и 128 португальскихъ. Древнѣйшія монеты испанскія относятся ко временамъ, предшествовавшимъ владычеству Готовъ. Португальскія монеты начинаются съ Самчеса I (1185—1211).

Въ девятомъ томѣ заключаются монеты Вандаловъ, Остготовъ, Лонгобардовъ, Норманновъ, Итальянцевъ вообще, іоаннитскихъ рыцарей, крестоносцевъ, монеты ново-греческія, молдавско-валахскія, сербскія, болгарскія. Вандальскихъ монетъ—12. Тутъ находятся монеты Гензерика и другихъ королей вандальскихъ до Гелимера включительно. Герульскія монеты—одна. Ост-готскихъ двадцать-пять. Вообще, всѣхъ монетъ, относящихся къ Италиі, описано въ девятой части—3,223. Монетъ іоаннитскихъ рыцарей, крестоносцевъ, новогреческихъ, молдавскихъ и славянскихъ—163. Въ концѣ книги приложена таблица съ монограммами.

25) Wegweiser zum Stufenweisen, praktischen Unterricht in der deutschen Sprache (Руководство къ постепенному Практическому Изученію Нѣмецкаго Языка) соч. г. Ренгартена. Изданіе второе. Москва. Въ университетской тип. 1844. Въ 8-ю д. л. 88 и 54 стр.

Не приписывая такой важности этому руководству, какую видить въ немъ самъ авторъ, избравшій для него даже многозначительный латинскій эпиграфъ: «non multa, sed multum», мы скажемъ, что это руководство можетъ быть полезно—и только. Чего жъ больше? Въ рекомендаціи нашей нѣтъ multa, но есть multum.

26) DER BALKENBLADEN, ODER: DER DEUTSCH-RUSSE, Vaudeville in 1 Akt, nach dem Russischen von P. Karatygin, bearbeitet von Karl Mohr (Булочная, или Русскій Нѣмецъ, водевилъ въ одномъ дѣйствіи, г. Каратыгина, переложенный съ русскаго Карломъ Моромъ). 1844. Санктпетербург. Въ тип. Крап. Въ 16-ю д. л. 56 стр.

Кто не знаетъ водевиля «Булочная», отъ котораго петербургская публика такъ много хохотала въ прошломъ году, и который и въ нынѣшнемъ, по временамъ, потѣшаетъ ее и будетъ потѣшать, вѣроятно, долго, какъ и всякое комическое произведеніе, гдѣ хоть одна характеръ сквачень ловко и живо перенесенъ на сцену! Иванъ Ивановичъ Клейстеръ, съ своимъ русско-нѣмецкимъ языкомъ, и подмастерье его, Карлуша, приведенны въ Александринскій Театръ, кажется, прямо изъ булочной. Успѣхъ, какой имѣла «Булочная» на русской сценѣ, повторился и на нѣмецкой. Г. Моръ перевелъ или передѣлалъ ее для нѣмецкаго народонаселенія столицы. Гг. Голландъ, Видеманъ, Моръ поддерживали ее своими талантами, и всѣ булочники имѣли утѣшеніе видѣть тѣхъ свой, въ лицѣ г. Видемана, на сценѣ. Переводъ вышелъ теперь отдѣльной книжкой, напечатанной на сѣренистой бумажѣ, и какъ-будто именно назначенный для булочной. Г. Моръ очень-удачно перевелъ съ русскаго на нѣмецкій; жаль только, что русскій репертуаръ такъ мало даетъ ему материала.

• Nu—Carluschel nicht verzagt!
Besser wird es künftig.»

Т. XXXVI. — Отд. VI.

27) WEGWEISER DURCH DEN GARTEN UND DIE STADT RAWLONSK, von Platon Storch (Путеводитель по Саду и по Городу Павловску, Платона Шторха, съ двѣнадцатью рисунками В. Жуковскаго и планомъ юрода Павловска съ окрестностями и садами). Санктпетербург. 1844. Въ тип. Штаба Военно-Учебныхъ Заведеній и въ литографіи Селезнева. Въ 16-ю д. л. 62 стр.

Объ этой книгѣ, когда она вышла на русскомъ языкѣ, мы говорили, въ прошломъ году, въ XXX томѣ «Отеч. Записокъ». О нѣмецкомъ переводѣ ея говорить нечего. Рисунки тѣ же самыя, все обстоитъ благополучно, и Нѣмцы, желающіе познакомиться съ Павловскомъ, должны быть благодарны г. Шторху за это краткое и во всѣхъ отношеніяхъ вѣрное описаніе замѣчательнѣйшихъ мѣстъ.—Павловску выпалъ жребій завиднѣе всѣхъ другихъ окрестностей Петербурга. Паровозъ ежедневно доставляетъ въ его новый, великолѣпный вокзалъ тысячи народа. Его описываютъ, его срисовываютъ; а другія окрестности петербургскія—скоро ли и онѣ дождутся такой же чести?

28) ROBINSONS ABENTEUER. NACH D. FOË, für die russische Jugend bearbeitet, mit einem Wörterverzeichnis (Приключенія Робинсона, переложенныя для русскаго юношества съ спискомъ словъ). Санктпетербург. 1844. Въ тип. Штаба Военно-Учебныхъ Заведеній. 267 стр.

Неизвѣстный составитель назначаетъ «Приключенія Робинсона» для такой же цѣли, для какой употреблялись, да и нынѣ еще кой-гдѣ употребляются «Приключенія Телемака». Именно, онъ назначаетъ ихъ для перевода съ нѣмецкаго на русскій. Робинзонъ, по всей справедливости, долженъ быть верхъ надъ Телемакомъ: онъ гораздо-завлекательнѣе для дѣтскаго любопытства. Милліоны дѣтскихъ Робинзоновъ, расходящіеся на всѣхъ европейскіихъ языкахъ, свидѣтельствуютъ о томъ, какъ онъ нравится дѣтямъ.

Назначая свою книгу для украше-
нія въ переводахъ съ нѣмецкаго на
русскій, составитель приложилъ, въ
концѣ, списокъ всѣхъ словъ, встрѣчаю-
щихся на каждой страницѣ. Не худо

бы сдѣлать оныя, еслибъ прибавилъ
еще таблицы сложеній и спряженій.
Книжка напечатана очень-опре-
тно; есть кой-какіе типографскіе промахи,
— да гдѣ ихъ нѣтъ у насъ?

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Если въ прошломъ мѣсяцѣ новыхъ
книгъ вышло мало, да и большая часть
ихъ, за исключеніемъ немногихъ, толь-
ко по злоупотребленію слова можетъ
называться «книгами», — не уди-
вайтесь: это былъ послѣдній мѣсяцъ
лѣта, послѣдній мѣсяцъ востоя и недѣ-
тельности книгопродавческой; съ ны-
нѣшняго дня началась осень, и равныя
литературныя предпріятія, задуман-
ныя лѣтомъ, начнутъ выступать на
свѣтъ Божій. Прежде всѣхъ является
съ своимъ объявленіемъ извѣстный
намъ книгопродавецъ А. И. Ивановъ,
который, какъ-бы въ укоръ всей со-
братн своей, не смотря на «глухую
пору», не побоялся выпустить лѣ-
томъ три тома *Сочиненій князя В. Ѡ.
Одоевскаго*, прекрасно изданныя. Къ
нимъ приготовить оныя еще три изда-
нія: 1) *Тарантасъ*, соч. графа В. А. Сол-
логуба — чрезвычайно-оригинальное и
глубоко-задуманное произведеніе, изъ
котораго отрывки («Семь Главъ изъ Та-
рантаса») извѣстны уже читателямъ
«Отечественныхъ Записокъ» 1840 го-
да. Теперь это сочиненіе кончено и
будетъ издано великолѣпнѣйшимъ об-
разомъ, на щегольской бумагѣ, въ ли-
тографированной оберткѣ съ 25-ю
большими политиважками, рисован-
ными извѣстнымъ художникомъ-люби-
телемъ, княземъ Гагаринымъ, и рѣзан-
ными на деревѣ лучшими здѣшними
гравёрами: гг. барономъ Клотомъ, Нет-
тельгорстомъ и Бернадскимъ; — 2)
Очерки Южной-Франціи, сочиненіе М.
С. Жуковой, изъ котораго двѣ статьи

читатели прочли въ этой книжкѣ «Оте-
чествъ. Записокъ». Эта книга будетъ
состоять изъ двухъ частей, украшен-
ныхъ 12-ю вышукло-литографирован-
ными картинками, дѣлаемыми въ Па-
рижѣ по нововобрѣтенному способу:
первая часть уже отпечатана, вторая
печатается;—3) *Петербургъ, физиологія*,
составляемая изъ трудовъ русскихъ
литераторовъ, о которой мы еще ниче-
го сказать не можемъ, потому-что ни-
чего изъ нея не читали; но обѣщанные
къ ней политиважки, которыхъ испол-
неніе вѣриво будетъ отъ издателя, ка-
жется, тѣмъ же искуснымъ художни-
камъ, заставляютъ надѣяться, что и
это изданіе не ударитъ себя лицомъ въ
грязь.—Сверхъ-того, г. Ивановъ пред-
принялъ второе изданіе обоихъ томовъ
собранія повѣстей графа Соллогуба,
извѣстнаго подъ названіемъ *Изъ Семъ
Градущихъ*, и надѣется выпустить въ
свѣтъ оба эти тома нынѣшнее же за-
мою.— Нельзя не отдать должнаго по-
ложной дѣятельности этого заботливаго
о своемъ ремеслѣ книгопродавца. Въ
короткое время, — въ теченіе какихъ-
нибудь трехъ лѣтъ, — г. Ивановъ, своею
добросовѣстностью и точностью въ
исполненіи порученій, умѣлъ приобрѣ-
сти всеобщее довѣріе и расположеніе.
Его книжный магазинъ и комиссіонер-
ное отдѣленіе едва успѣваютъ выпол-
нять многочисленныя требованія, по-
ступающія къ нимъ со всѣхъ концовъ
Россіи; и не только частныя лица, но
и казенныя вѣдомства, одно за дру-
гимъ, оказываютъ ему свою довѣрен-

ность, такъ хорошо нѣтъ оправдывающую. Будучи уже комиссіонеромъ Гинзбурга въ Второмъ Отдѣленіи Собственной К. Н. В. Канцеляріи, корреспондентомъ и комиссіонеромъ Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества, онъ удостоился чести сдѣлаться комиссіонеромъ и военно-учебныхъ заведеній. Вотъ что на-дняхъ прочли мы въ «Русскомъ Нивалдѣ» (26-го августа, № 191): «Господина военный министръ, генералъ-адъютантъ князь Чернышевъ, увидѣвши Его Императорское Высочество, Главнаго Начальника Военно-Учебныхъ Заведеній, что Государь Императоръ, согласно положенію Собѣта о сихъ Заведеніяхъ, одобренному Его Высочествомъ, Высочайше повелѣть соизволилъ: 1) Здѣшняго книгопродавца Иванова утвердить въ званіи Комиссіонера по продажѣ всѣхъ учебныхъ руководствъ, принятыхъ въ Военно-Учебныхъ Заведеніяхъ, — и 2) дозволить ему выписку съ надписью Комиссіонера Военно-Учебныхъ Заведеній. — Пріятно видѣть, что честность и дѣятельность вознаграждаются у насъ такими достойными образомъ!

При этой книгѣ «Отечественныхъ Записокъ» иногородные читатели получаютъ на-дняхъ г-нъ Иванова *Ресстръ книгъ, продающихся въ его магазинѣ*. Этотъ красно-напечатанный ресстръ содержитъ въ себѣ до тысячи названій книгъ, вышедшихъ въ недавнее время. Кромѣ означенныхъ въ немъ книгъ, въ магазинѣ г. Иванова можно написать всѣ и прежде-изданныя, которыя со-временемъ войдутъ въ полный каталогъ, приготовленный нѣтъ къ на-дняху.

Душевно желаетъ, чтобъ г. Ивановъ, ободренный возбужденнымъ къ нему довѣріемъ въ русской публикѣ, болѣе и болѣе старался поддерживать доброе о себѣ мнѣніе дѣятельнымъ и добросовѣстнымъ исполненіемъ принимаемыхъ имъ обязанностей. Начало надательскаго его поприща подаетъ хорошія надежды: онъ предлагаетъ русской публикѣ — не книжный хланъ, который

никому неужмалъ и котораго нѣтъ уже читать не ставеть, а дѣять дѣйствительные книги, подлежащія войдти въ капиталъ русской литературы. Мы увѣрены, что онъ не претендуетъ на титулъ «двигателя» или «поощрителя» русской литературы, очень-хорошо понимая, что литературу могутъ двигать только сильные таланты, а не деньги книгопродавческія; поощрять же литературу также не дѣло книгопродавца, и тѣ, которые убѣждены, что деньги есть поощреніе для литературы, скорѣе похожи на книжныхъ промышленниковъ, наносящихъ вредъ литературѣ и безчестящихъ ее своимъ прикосновеніемъ, чѣмъ на добросовѣстныхъ литераторовъ. Дѣло книгопродавца, какъ лица коммерческаго, — быть только посредникомъ между производителемъ и потребителемъ, между литераторомъ и публикою, — и тотъ книгопродавецъ исполнѣе достигаетъ своего назначенія, кто исполняетъ эту обязанность честно, добросовѣстно. Вотъ почему мы всегда съ похвалою отзывались о г-нѣ Ивановѣ, который постоянно оправдывалъ и оправдываетъ нашу къ нему довѣренность. Повторяемъ желаніе, чтобъ онъ неослабно продолжалъ такъ же дѣйствовать, какъ дѣйствовалъ досихъ-поръ.

Насъ просили извѣстить, что въ скоромъ времени выйдетъ въ свѣтъ *Араканскій Историческо-Литературный Сборникъ, издаваемый Флонтисомъ Валлосимъ*. — Въ немъ будутъ заключаться слѣдующія статьи: 1) Монополія. Анекдотъ времени Екатерины Великой, — *Флонтиса Валлоса*. 2) Грамота двухъ Посадяиновъ. 3) Сан-Доминго де-ла-Каллада. Испанская легенда, Тромлиця. Пер. *фон-дер-Лаунца*. 4) Судъ Тиуновъ. Древній юридическій актъ. 5) Волонтеръ. Прилученіе Польскаго, — *Вечеславлева*. 6) Сцена изъ драмы Шиллера: Вильгельмъ Тель. Пер. въ стихахъ, — *Никифора Борисова*.

- 7) Грамота гостя Грузина Арх. Архивскому Асвасію въ 1688 году, — о чал. 8) Набѣгъ Поляковъ на Днѣпу, — Флехта *Валыка*. 9) Грамота Царя Федора Іоанновича. 10) Грамота Царя Петра Алексѣевича о постройкѣ Ново-данской крѣпости. 11) Гунгилда, королева норвежская. Пер. *Карла Зейде*. 12) Суммы. Повѣсть *А. Неашица*. 13) Грамота посадника Тервтія. 14) Указъ Царя Алексѣя Михайловича о ассигнованіи армянокавказскихъ курчумскихъ табакъ, 1650 г. 15) Бессорская Вдова. Пер. *Флехта Валыка*. 16) Грамота патриарха Филарета Никитича Романова. 17) О неприязельскихъ дѣйствіяхъ шведской эскадры въ Балтійскомъ Морѣ въ 1704 г. — Сверхъ-того, въ оборонѣ замечательны будутъ 23 стихотворенія разныхъ авторовъ.

VII.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ФРАНЦУЗСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Викторъ Ланградъ.—Элиза Меркель.—Луиза Коле.—Де-Латъ.—Жоржъ Зандъ и Бальзакъ.—Сен-Маркъ-Жираденъ.—Греческіи трагикки, Пестова.—Датскій театръ.—Испанскій театръ.—Ультрамонтанизмъ, Эдгара Калле.—Григорій VII, Дельклюза.—Паденіи иезуитовъ, графа Сем-При.—Прогнозъ Мирми.—Бюффонъ, Флурана.—Романы.

Быстро, какъ машины, работаютъ перья во Франціи; книжныя лавки завалены горами книгъ и брошюръ; кипитъ литературная дѣятельность,—но что за дѣятельность! Знаменитые писатели, лѣтъ десять съ небольшимъ назадъ, ставшіе на челѣ литературы и хотѣвшіе двинуть ее далеко впередъ, положили верья и кинулись искать почестей и славы на другомъ поприщѣ. Гдѣ Ламартинъ? Гдѣ Викторъ Гюго? Одинъ сдѣлался депутатомъ, другой скоро будетъ паромъ Франціи. Остальные все еще пишутъ, но пишутъ—изъ любви къ деньгамъ. Цѣна книгъ возвысилась въ обратномъ содержаніи ихъ внутреннему достоинству. Фельетонъ снисходительно принимаетъ въ свои столбцы всякую фантазію, съ подписью извѣстнаго имени, какъ бы ни была

она нелѣпа, и фельетонисту-писателю платятъ дороже, чѣмъ знаменитому пѣвцу,—съ условіемъ, чтобъ онъ поставилъ столько-то томовъ. Теперь литературный работникъ нанимается на сроки въ тотъ или въ другой журналъ. За работу платится по аршинамъ.

Но эта ли продажность составляетъ главную причину безплодія въ идеяхъ, недостатка въ повѣи, замѣчаемаго въ современной французской литературѣ? И прежде работали также по заказу, однакожь заработная плата не мѣшала создавать произведенія безсмертныя. Но въ то время требовались произведенія образцовыя, а теперь, напротивъ, читаются и награждаются только посредственные. Современные писатели, укажиная за публичкой, какъ хитрый слуга за слабоумнымъ господиномъ,

лстять ея грубому вкусу, чтобъ обогатиться на счетъ ея. Они страхиваютъ съ пера пошлыя интриги мелодрамъ, разведенныя въ скучной, безцвѣтной прозаѣ, и кидаютъ эти литературныя подонки публикѣ, какъ-бы приговаривая: «смѣйся, партеръ!» Одинъ ежегодно десять разъ повторяетъ въчно одинъ и тотъ же романъ подъ разными заглавіями. Другой подкрашиваетъ хроники, мемуары и называетъ ихъ историческими романами. Подписчикъ читаетъ, платитъ и—доволенъ.

Нельзя строго винить писателей: художникъ, поэтъ не могутъ жить одни; гений ихъ нуждается въ вліяніяхъ міра внѣшняго; если общество, окружающее ихъ, доставляетъ имъ только пошлое вдохновеніе и требуетъ у нихъ только пошлыхъ вдохновеній, они или не будутъ вовсе писать, или будутъ давать только пошлыя произведенія. Чего же можетъ требовать отъ поэта bourgeoisie—сословіе господствующее теперь во Франціи, и смѣло могущее сказать про себя, какъ некогда Людовикъ XIV: «l'état — c'est moi»? И какое вдохновеніе можетъ найти художникъ въ этомъ обществѣ, для котораго все святое и великое сдѣлалось средствомъ для удовлетворенія единственной любви, для достиженія единственной блага — денегъ? У одного французскаго поэта есть превосходный стихъ, который какъ-нельзя-лучше выражаетъ современное отношеніе французской поэзіи къ французскому обществу:

«Quand l'eau pure des lacs se mêle avec
le sable,
«Le cygne remonte et s'enfuit.»

Рѣдко, очень рѣдко при этомъ обществѣ забвеніи поэзіи, когда всѣ ее покидаютъ или продаютъ, встрѣчаются души вѣрно-преданныя ей, и тѣмъ отраднѣе останавливать на нихъ свое вниманіе, чѣмъ бесплоднѣе поле, на которомъ онѣ являютъся. Одно изъ такихъ отрадныхъ явленій есть г. Викторъ Лапрадъ, о которомъ мы слегка упомянули въ послѣднемъ обзорѣ

французской литературы, желая въ другой разъ поговорить о немъ побольше.

Подъ названіемъ Окея въ Роймиз, г. Лапрадъ издалъ сборникъ поэтическихъ созданій, который долженъ доставить наслажденіе всякому истинному другу поэзіи. Всѣ эти созданія впечатлѣны глубокимъ характеромъ оригинальности; и сущность и форма ихъ принадлежатъ вполне г. Лапраду. Въ нихъ самымъ живымъ, самымъ полнымъ и краснорѣчивымъ образомъ провъявляется энергическое чувство природы. Ещѣ въ первомъ произведеніи г. Лапрада, въ поэмѣ «Psyché», обнаружилось это сочувствіе къ красотамъ природы; но теперь поэтъ сознаетъ, что нашелъ истинный источникъ вдохновенія; онъ изобильно черпаетъ изъ него, проникаетъ въ него глубже всѣхъ своихъ предшественниковъ, ибо мы вовсе не хотимъ утверждать, будто Лапрадъ первый позналъ природу. Разница въ томъ, что другіе воспѣвали ее, а онъ ее чувствуетъ. Онъ любитъ ее, какъ цѣлующаго любовницу; она говоритъ ему, какъ любовнику, говоритъ таинственными словами, которыя онъ повторяетъ съ тѣмъ же чувствомъ, съ какими слушалъ ихъ. Поэзію его можно назвать голосомъ природы, исходящимъ изъ устъ человѣка. Конечно, Лапрадъ, прежде Лапрада, изображалъ великолѣпіе міра; конечно, его «L'Éternel», его «Hymnes du soir et du matin» суть картины вдохновенныя; но это драмы: поэтъ рисуетъ предметы, входящіяся въ его; тутъ говорятъ истинное удивленіе; тутъ предвѣщаетъ описание. У Лапрада созданы не то. Предъ лицомъ природы, онъ чувствуетъ не столько удивленіе; не столько восторгъ, сколько таинственную симпатію, такую-то тихую и глубокую интимность, о которой нельзя дать понятія тому, кто не читалъ его созданій. Великая душа пустыни, въ которую улетѣла поэтъ съ своею душой, превращаетъ душу Лапрада; она исполняетъ ее.

и какъ изъ сосуда, наполненнаго чепрезъ край; повѣя изливается струями спокойными и гармоническими, тихій ропотъ которыхъ можно слышать еще развѣ въ нѣкоторыхъ хорахъ древней трагедіи. Не въ правѣ ли мы послѣ этого говорить, что авторъ «Odes et Poëmes» оригиналенъ, что онъ не идетъ рабски по слѣдамъ другихъ?

Лапрадъ истинный поэтъ, потому что глубокое чувство облекается въ его стихахъ въ такую форму, простое величіе которой доступно немногимъ писателямъ. Стиль — камень преткновенія для пишущихъ стихами. Не легкое дѣло, даже съ удачною мыслию, избѣгнуть пошлыхъ выраженій среди тѣхъ затрудненій, въ какия ставятъ рима и правила просодіи: кто родился поэтомъ, тотъ родился также версификаторомъ, и тотъ, чья мысль должна корчиться и терзаться, какъ на прокутовомъ ложѣ, едва-ли когда напишетъ хорошіе стихи. Хотите ознакомиться съ стихами Лапрада? Вотъ образчикъ, взятый на-удачу:

J'irai boire l'eau vièrge aux sources des
grands fleuves.

Mes pieds se poseront sur l'asur du glacier.
Je veux baigner mon corps aux flots des
brises neuves,

L'éther le trempera comme l'onde l'acier.

J'emprunterai ma force aux forces mater-
nelles.

Nature, ouvre tes bras à ton fils épuisé;
Laisse ma bouche attendre à tes fortes
mamelles;

Jamais l'homme à ton sein n'a vainement
puisé.

Montons; le vent se meurt au pied du roc
immense.

Le doute ne saurait flotter sur ce haut lieu.
Montons; enveloppé de calme et de silence,
Sur ces larges trépieds j'entendrai parler
Dieu.

L'air aspiré là-haut vivra dans ma poitrine.
Dans l'ombre de la plaine un rayon me
suivra.

Ceux qui m'ont vu gravir pesamment la
colline,

Ne reconnaîtront plus l'homme qui descen-
dra.

Какое высокое вдохновеніе! Кажется, слышишь одию изъ тѣхъ *adagio* симфоній Бетховена, которыя грустно-страстною мелодіею, подобною жалобѣ души въ пустынѣ, раскрываютъ предъ вами необъятные горизонты.

Замѣтимъ, что поэтическія созданія Лапрада проникнуты характеромъ религіознымъ. На днѣ его любви къ природѣ лежитъ нѣчто высшее природы; не эти выси, не эти потоки, не эти цвѣты, не эти благовоныя вѣтерки любятъ онъ, а что-то высшее, — это *anima mundi*, существо все оживляющее, живущее во вселенной, какъ и въ насъ-самыхъ. Лапрадъ, по собственному его выраженію, положивъ руку на грудь древней Сивиллы, чувствовалъ біеніе жизни всеобщей, чувствовалъ то вліяніе, ту магнетическую силу природы, которая влечетъ насъ въ лоно этого существа. Еще Байронъ говорилъ:

I live not in myself, but ibecome
Portion of that around me...
Are not the mountains, waves and skies a
part

Of me and of my soul as J'of them?
(Не самъ-собой живу я, а становлюсь частію того, что меня окружа-
етъ... Горы, волны, небеса не состав-
ляютъ ли части меня и души моей,
какъ я составляю часть ихъ?)

Кромѣ одъ, въ собраніи стихотвореній Лапрада есть двѣ небольшія поэмы. Сюжеты поэмъ г. Лапрада — обыкновенно мифы. Одна изъ новыхъ поэмъ носить названіе «Hermia». — Hermia — есть созданіе въ родѣ «Psyché». Въ одномъ изъ этихъ созданий поэтъ олицетворяетъ природу, въ другомъ человѣчество, вѣчно-идущее впередъ.

Кто беретъ сюжетомъ мифъ, тотъ долженъ имѣть понятіе или чувство идей общихъ, и воображеніе, чтобы дать имъ форму. И какою силою должно обладать воображеніе, чтобы выразить идею общую въ мифѣ, чтобы совершить это воплощеніе безконечнаго въ конечное? Поэту грозятъ двѣ крайности: такъ-какъ форма слишкомъ-тѣсна для идеи, то можно опасаться,

как бы она совершенно не исчезла въ формѣ; или такъ-какъ идея слишкомъ велика для міа, то можно опасаться, что она не успѣетъ воплотиться въ него и явится одна. Другими словами, онъ можетъ или создать пошрое олицетвореніе, въ которомъ уніантся величіе философской идеи, или не сообщить жизни этой идеи и представить намъ ее отвлеченною. Древнѣе, въ своихъ міахъ, сдѣлавшихся народными, впадали въ первый недостатокъ: идея уменьшалась въ ростъ живаго существа, въ которое воплощалась,—она исчезала; зато сказка, анекдотъ были интересны. Мы не столько любимъ форму, сколько желаемъ мыслей; мы болѣе заботимся о самой истинѣ, чѣмъ объ украшеніяхъ, которыми она закрывается: за то мы въ міахъ сдѣлались скучными.

•Эрмія• привлекательна своими подробностями; но въ ней нѣтъ дѣйствія, нѣтъ интереса, потому-что Эрмія не живое существо. Закрывъ книгу, вы не вспомните лица ея, не вспомните усть, произносившихъ такіа сладкіа рѣчи,—глазъ, бросавшихъ такіа упительныя взгляды. Отвлеченная идея сковывала воображеніе поэта.

Г. Лапрадъ, вѣроятно, не остановится на этихъ первыхъ своихъ произведеніяхъ. Всякій источникъ поэзіи, изъ котораго черпаютъ слишкомъ-часто, какъ бы ни былъ онъ обиленъ, наконецъ наскучаетъ, по недостатку разнообразія. Надо жить, надо дѣйствовать; надо изъ пустыни идти къ людямъ, послушать рѣчей ихъ, отвѣчать имъ.

Послѣ Лапрада, бѣдною покажется большая часть сборниковъ стихотвореній, изданныхъ въ послѣднее время; но наше обозрѣніе все-таки обязано дать отчетъ хотя о главнѣйшихъ изъ нихъ.

Œuvres complètes d'Elisa Mercœur, précédées de Mémoires et Notices sur la vie de l'auteur, écrites par sa mère (Полное собраніе сочиненій Эльзы Меркёръ).

Дѣвица Эльза Меркёръ принадлежитъ къ семьѣ тѣхъ бѣдныхъ поэтовъ, которые, за пѣсни свои, награждаются забвеніемъ и страданіемъ. Она умерла въ цвѣтъ лѣтъ, не успѣвъ осуществитъ тѣхъ надеждъ, которыя возбудила первыми своими опытами. Оставшіяся отъ нея стихотворенія, хотя и далеки отъ совершенства, но оправдываютъ сожалѣніе друзей литературы о преждевременной кончинѣ ея. Дѣйствительно, въ нихъ встрѣчаются качества замѣчательныя: грація, свѣжестъ, гармонія, и не ее надо винить въ недостаткахъ, а судьбу, которая не дала ея таланту достигнуть зрѣлости.

Судьба, дѣйствительно, жестока была къ этой дѣвушкѣ: въ ту минуту, когда она уже приближалась къ концу своихъ тяжкихъ испытаній и видѣла, какъ прояснилось надъ нею небо, она пала и—слава, которую она такъ любила, слава, которой принесла въ жертву свое счастье и покой, убѣжала отъ нея вмѣстѣ съ жизнью.

Смерть Эльзы Меркёръ, въ свое время, подала поводъ ко многимъ толканъ; вообще приписывали ее крайней бѣдности, вопіали противъ равнодушія нашего вѣка, вспоминали мучениковъ воэіи,—но такое предположеніе не имѣло никакого основанія. Эльза Меркёръ имѣла сильныхъ покровителей и у нея не было недостатка въ дѣйствительныхъ пособіяхъ, а сколько великихъ людей умерло на госпитальной кровати, не встрѣтивъ въ послѣдній часъ ни одного взгляда состраданія! Мать ея, г-жа Меркёръ, въ своихъ запискахъ, приложенныхъ къ собранію сочиненій дочери, приписываетъ смерть Эльзы совѣсти иной причинѣ, именно горечию по поводу непринятія въ Французскій-Театръ трагедіи, на которой она основывала надежды на славу и богатство. Отказъ директора Тайлора нанесъ ей смертельный ударъ.

•Съ-тѣхъ-поръ• говорить г-жа Меркёръ: «Эльза непрестанно твердила о своей трагедіи и о Тайлорѣ. Разъ, проговоривъ со мной цѣлые два часа,

такъ-что, не смотря на всѣ усилія, я никакъ не могла отвести ея вниманія отъ этого предмета хоть на минуту, — она заключила свой разговоръ словами:

• Если Богъ отзоветъ меня къ себѣ, бѣдная маленька, то на-счетъ моей смерти сочинять тысячу сказокъ: одни будутъ говорить, что я умерла отъ бѣдности, другіе — отъ любви. Говорите всѣмъ, что ваша бѣдная дочь умерла единственно отъ отказа Тэйлора принять на сцену ея трагедію. •

• Она говорила это за сутки до своей смерти. •

Нѣтъ повода сомнѣваться въ словахъ г-жи Меркёръ, и не трудно понять, какое отчаяніе подобный отказъ долженъ былъ возбудить въ дѣвущикѣ, которая такъ жаждала славы, извѣстности, что разъ попробовала-было задушить себя угаромъ, чтобы только заставить публику поговорить о себѣ. Элиза, въ предмѣчаніяхъ къ своей трагедіи, подробно описываетъ разговоръ свой съ г. Тэйлоромъ и все, что было между ею и директоромъ Французскаго-Театра; изъ этихъ предмѣчаній можно видѣть, какъ эти театральные пашни, закулисные тираны поступаютъ съ бѣдными авторами, еще непріобрѣтшими извѣстности и немогущими предписывать имъ условій.

Да, судьба, дѣйствительно, жестока была къ этой дѣвущикѣ: ния ея, которое она въ мечтахъ представляла окруженнымъ славою, почти уже забыто, и скоро, подобно стихамъ ея, оно совсѣмъ изгладится изъ памяти людей!

POÉSIES COMPLÈTES DE MADAME LOUISE COLLET (Полное собраніе стихотвореній г-жи Луизы Колё).

Критика обыкновенно становится въ затруднительное положеніе передъ женщиною; но стихотворенія г-жи Колё, которая за одно изъ своихъ произведеній получила премію отъ Академіи, избавляютъ критику отъ всякаго затрудненія. Она можетъ свободно гулять по правильнымъ аллеямъ ея поэти-

ческаго поимѣстья, не рискуя встрѣтятся въ нихъ нечаянно ни женщины полу-прикрытой, ни того благоуханія грацій и нѣжности, которое всегда остается въ воздухѣ послѣ нея. Не слишкомъ-роскошная растительность даетъ возможность проникать всюду на гладкую почву свѣту всегда-ровному, немигущему ни слишкомъ-большого блеска, ни слишкомъ-большой теплоты. Напрасно станете вы прятаться въ за-саду въ глуши какой-нибудь думы, въ углу какой-нибудь алеіи, — не увидите вы бѣгущей Галатеи. Это не значитъ, что г-жа Колё не беретъ своихъ поэтическихъ тѣмъ у природы женской; но, или по расчету, или по инстинкту своей организаціи, она показываетъ изъ этой природы только то, что мы всѣ знаемъ. Каждый изъ насъ можетъ напередъ начертить программу тѣхъ разочарованій, тѣхъ радостей, тѣхъ горестей, которыя она представляетъ намъ, ибо все это давно уже вписано въ литературный каталогъ. Когда женщина-поэтъ или романистка не открываетъ намъ новой фибры въ женскомъ сердцѣ, въ которое всегда будетъ стремиться нашъ анализъ, когда она вмѣсто того, чтобы въ глубинѣ излучистаго оврага сорвать какой-нибудь прекрасный и неизвѣстный цвѣтокъ, подносить намъ одинъ изъ тѣхъ букетовъ, которые каждый можетъ нарвать на краю дороги, то можно смѣло сказать, что эта женщина ошиблась въ дорогѣ. Читая *«Poésies complètes»*, трудно отгадать полъ автора. Прибавьте къ тому, что г-жа Колё ловко владѣетъ языкомъ твердымъ, чистымъ, точнымъ, какимъ не пишутъ даже мужчины до двадцати-пяти или тридцати лѣтъ, и который показываетъ совершенное господство разсудка.

Богѣе сказать о г-жѣ Колё нечего.

ЛѢВУХ, *poésies par M. de Latouche.*
(Прости, стихотворенія :- на де-Латуша).

Вотъ поэтъ, котораго намъ слѣдовало бы поставить поближе къ Лапруду.

«Adieux», говорить Жоржъ Зандъ въ разборѣ его стихотвореній, принадлежать человѣку славному въ литературѣ своими оригинальными произведениями, а въ мѣрѣ художественномъ — своимъ умомъ тонкимъ и блестящимъ. Съ трепетомъ называю его славнымъ, ибо всю заботу, какую другіе употребляютъ на приобретение извѣстности, г. де-Латушъ употребилъ на то, чтобъ остаться какъ-можно-болѣе неизвѣстнымъ, изъ ненависти къ *canaraderie*, изъ отвращенія къ шарлатанству, этимъ болѣзнями нашего времени, которыя онъ такъ жестоко бичевалъ въ своихъ сочиненіяхъ. Но, не смотря на всѣ усилія, авторъ *Fragoletta*, *Grangeneuve*, *Clement XIV* и *Carlo Bertinazzi*, человѣкъ мужественный, непобоявшійся, въ самые темные дни реставраціи, издать ненапечатанныя стихотворенія Андрѣ Шеньѣ, не могъ избѣжать ощущеній, которыя ставитъ рокъ на пути таланта сильнаго. Стихи его — выраженія тѣхъ внутреннихъ страданій, которыя онъ долженъ былъ встрѣчать на каждомъ шагу, имѣя душу гордую, воображеніе воспримчивое ко всѣмъ впечатлѣніямъ, настоящую поэтическую организацію, то-есть силу, соединенную съ слабостію. Такъ глубоки, такъ пламенны его жалобы на людей, что, кажется, поэтъ несправедливъ былъ иногда къ любви и дружбѣ. Какъ горько слѣдующее четверостишіе:

«Frères! il faut mourir», répète le trapiste.
Un mot, que chaque jour dit le monde,
est plus triste:
«Il faut vivre!» Il le dit; et ce monde
inclément
N'ajoute pas «mon frère» au dur com-
mandement!

«Педостойная (продолжаетъ Жоржъ Зандъ), но всегда признательная и почтительная ученица г. де-Латуша, поощрявшаго первые опыты мои, я не смѣю произнести своего сужденія о литературномъ достоинствѣ его произведенія; не достанетъ у меня холодности, необходимой, чтобъ

судить талантъ того, кто былъ моимъ руководителемъ и моею первой подпорой. Но я твердо вѣрю, что сочувствіе къ нему не обманываетъ меня, и не я одна буду удивляться прелести его стиховъ, изяществу его вкуса, поэтическому чувству въ его описательной поэзіи. Въ послѣднемъ отношеніи, я имѣю полное право уважать кисть, съ такою прелестію и вѣрностію изобразившую любимые пейзажи моего дѣтства. Долина, гдѣ пасла я козъ, примыкаетъ къ тому холму, гдѣ поэтъ «Adieux» мечталъ въ

Nos indigens sillons de seigle et de
blé noir,

. ces brandes sans rivages,
Océans de verdure et des parfums sau-
vages.

Là, quand la perdrix rouge, à ses douces
clameurs,

Aura su rallier tous ses enfans dormeurs,
Sur vos fronts, dans la nue, encore

au-dessus d'elle,
Il passera, le soir, un frémissement
d'aile:

Ce sont les bataillons des oiseaux pelt-
rins,

Voyageurs, comme nous, dans des airs
plus serens.

Quand les ombres déjà pèsent sur la
chaumière,

Eux, du soleil encore poursuivant la
lumière,

Enfant, je les croyais l'essaim d'anges
heureux,

Qui de la terre au ciel allaient porter
les vœux!

«Очаровываютъ меня эти звуки, и когда буду я гулять вдоль береговъ Эндры или въ ущельяхъ Крѣвы, стану перечитывать стихи де-Латуша, посвященные моему родному краю. Что касается до благородныхъ чувствъ патриотизма, до нравственныхъ краснорѣчивыхъ жалобъ и грустныхъ мечтаній, они найдутъ отголосокъ во всѣхъ душахъ избранныхъ, и Берри справедливо будетъ гордиться поэтомъ, который не забылъ и не презрѣлъ своей деревенской колыбели.»

Мы не можемъ ничего прибавить къ этимъ словамъ писательницы, которая,

хотя не пишет стиховъ, но должна быть признана однимъ изъ гениальныхъ поэтовъ нашего времени.

Г. de-Бальзакъ, который напечаталъ теперь въ «Journal des Débats» свой новый, чрезвычайно-плохой романъ *Modeste Mignon*, неудача и въ Англии и во Франціи. Английскій критикъ въ «Foreign Quarterly Review» задумалъ сравнивать его съ Жоржемъ Зандомъ въ ущербъ его знаменитости, а г. Сен-Маркъ Жирарденъ задумалъ сравнить его «Старика Горіо» съ «Дидиономъ въ Колонѣ» и съ «Королемъ Ларомъ». — и это сравненіе кончилось, разумеется, не къ чести вресловутаго романиста. Странно, что г. Сен-Маркъ Жирарденъ задумалъ пустить г-на de-Бальзака къ составленію съ такими гигантами, какъ Софоклъ и Шекспиръ. Но въ книгѣ Жирардена много странностей. Объ этой книгѣ мы уже говорили — (*Cours de la littérature dramatique, ou de l'usage des passions dans les drames*). Мы говорили объ этой книгѣ со словъ французскихъ критиковъ. Недавно мы имѣли случай сами прочесть ее и считаемъ нелишнимъ еще разъ поговорить о ней.

«Курсъ Драматической Литературы» г. Сен-Марка Жирардена, читавшій имъ въ Сорбоннѣ, состоитъ изъ сравненія произведеній поэтовъ новѣйшихъ съ произведеніями поэтовъ древнихъ и въ выводу относительнаго достоинства сравненныхъ писателей. Такимъ образомъ, г. Жирарденъ разбираетъ, какъ древній театръ выражалъ разные страсти и разные драматическіе характеры и какъ выражаетъ ихъ театръ новый. Вообще, эта отълика показываетъ вѣрный вкусъ и высокую мораль; но тщетно станете вы искать причины различій, которые показываетъ профессоръ; напрасно станете спрашивать у его книги, почему такая-то эпоха въ поэтическомъ отношеніи стоитъ гораздо-выше современной, и какия средства улучшить современную поэзію. Профессоръ ограничивается тѣмъ, что строго отрицаетъ самыя знаменитыя современныя со-

звиринидова «Июгенія» гораздо-выше «Angelo, tyran de Padoue», и софокловъ Филотетъ выше Сашетты въ «Notre-Dame de Paris», но этимъ рѣшается ли вопросъ объ относительномъ достоинствѣ новѣйшей поэзіи и поэзіи Грековъ? Викторъ Гюго, въ которомъ г. Жирарденъ хочетъ олицетворить современное поэтическое направление, хотя и имѣетъ толпу подражателей, обладаетъ самою исключительною индивидуальностію, какую только мы встрѣчаемъ во французской литературѣ. Авторъ «Orientales» преимущественно поэтъ формы и стили, художникъ; назначеніе его собственно возаритъ поэтическому языку цвѣтъ, который отняли у него писатели семнадцатаго вѣка. Онъ простеръ свою способность обобразовать мысль до крайности, такъ-что другіе не могутъ уже за нимъ слѣдовать. Викторъ Гюго сказалъ великолѣпные доспѣхи, чтобъ облечь въ нихъ новѣйшую драму; но сердце человѣческое не бьется еще подъ этими доспѣхами. Г. Жирарденъ, утверждая, что современная французская литература стремится къ оматеріализованію чувствъ, дѣлаетъ индивидуальное качество Виктора Гюго качествомъ общимъ. Такъ-какъ онъ часто выходитъ изъ сферы драматической и ищетъ своихъ припрѣтовъ даже въ романѣ, то можно спросить у него: не-уже-ли чувство оматеріализовано въ «René», въ «Joselyn», въ «Oberman», въ «André», въ «Consuelo», во всѣхъ произведеніяхъ, гдѣ дѣйствительно живетъ новѣйшій духъ? Поэтическая форма Виктора Гюго есть болѣе первобытный языкъ народа, находящагося въ дѣтствѣ, нежели языкъ цивилизаціи, далеко ушедшей впередъ, — и поэзія его тѣмъ менше можетъ характеризовать современную французскую поэзію, что именно она приближается болѣе къ пластической поэзіи древности. Выбирая предметы для сравненій, г. Жирарденъ не столько заботится о томъ, чтобъ проникнуть въ существенную разницу между поэзіями древней и новой, сколько о томъ,

Можно согласиться съ нимъ, что

чтобъ убить современную литературу въ честь и славу старинныхъ знаменитостей.

Такимъ образомъ; выведя заключеніе, что современная французская литература ниже литературы древней и литературы вѣка Лудовика XIV, онъ приходитъ къ странной мысли, что литература теперь не есть выраженіе общества. Но почему же въ другія эпохи она была выраженіемъ общества, а въ теперешнюю нѣтъ? Г. Жирарденъ ограничивается тѣмъ, что безъ дальнихъ околичностей утверждаетъ, будто современное общество гораздо-правдивѣе литературы. Но если фактъ существуетъ, то надо отыскать тайну этого страннаго разногласія между дѣйствіями и языкомъ одной и той же эпохи.

Отъ-чего поэзія временъ Софокла и Корнеля выше современной французской поэзіи? Отъ-того, что въ эпохи Корнеля и Софокла общество шло своей настоящей дорогой, и общественный успѣхъ не былъ затрудняемъ ни людьми, ни сословіями, управлѣнными ходоми дѣла. Въ этихъ нормальныхъ обществахъ, поэзія находилась въ нормальномъ своемъ состояніи, которое заключается не въ томъ только, чтобъ выражать общество, но особенно выражать въ обществѣ то, что есть въ немъ самаго возвышеннаго, самаго нравственнаго, самаго прогрессивнаго. Что прикажете представлять теперь французской поэзіи? Со-времени достигненія власти, *bourgeoisie* въ духѣ самосохраненія старалась только затруднять естественный ходъ учрежденій и идей; возвышая плутократію противится движенію впередъ сильнѣе всякой аристократіи, и потому самому, что этотъ классъ многочисленнѣе старинныхъ аристократій, съ нимъ, кажется, и все общество уклонилось отъ прямого пути. Какаа же литература можетъ возникнуть въ подобномъ обществѣ? Но кого же винить — литературу или тѣхъ людей, политическихъ друзей г. Сен-Марка Жирардена, которые составили обще-

ство въ такое положеніе? Если на мягчее растеніе наложатъ глыба скалы, дерево не пойдетъ вверхъ и разбѣжнтся кривыми побѣгами.

Прочитавъ курсъ г. Жирардена, можно вывести слѣдующее логическое заключеніе: поэзія теперь невозможна; надо удивляться прошедшему; настоящее и будущее осуждены на посредственность, которая гораздо-хуже безплодія. Не-уже-ли, научивъ всѣ образованнѣе произведенія древности, нельзя было извлечь изъ этого изученія другаго закона, кромѣ чистаго и простаго подражанія? Странно, что профессоръ французской литературы, вмѣсто того, чтобъ постараться дать литературное направленіе юности, старается уничтожить въ немъ всякое поэтическое стремленіе. Призракъ Чаттертона часто является въ курсѣ г. Сен-Марка Жирардена; онъ вѣсколько разъ представляетъ его, какъ прижизнь печальнаго конца, въ которому ведетъ литературное честолюбіе; онъ полными горстями бросаетъ насѣлки на это честолюбіе, дошедшее до самоубійства, и не думаетъ о томъ, что поэты чаще умирали съ голода, чѣмъ отъ тщеславія. Впрочемъ, напрасно, кажется, профессоръ такъ заботливо предохраняетъ французское юношество: Чаттертономъ никакъ рѣдкѣ въ нашемъ юношествѣ, выходящемъ изъ университетскаго и іезуитскаго расадниковъ французскаго просвѣщенія. Нынѣе гораздо-болѣе жерты губитъ жажда, обогащенія, стремленіе попасть въ финансовую аристократію, чѣмъ стремленіе прославиться умомъ,—изъ нововъ новолѣтій, которое Жирарденъ хочетъ предохранить отъ опасностей поэзіи, гораздо-болѣе нотаріусовъ и мажоратовъ, которые протрѣмываютъ себѣ черепъ, чтобъ набѣгать справедливо-заслуженной каторги, чѣмъ Чаттертоновъ.

Продъ нами другая критическая книга, посвященная также литературѣ драматической: *Etudes sur les talens de Gœthe, par M. Patis, de*

L'Académie Française (Критическое изучение греческих трагиковъ, г. Патена, члена Французской Академии).

Сочинение г. Патена есть болѣе трудъ эрудиціи, чѣмъ эстетики. Обширность и разнообразіе знаменій филологическихъ и критическихъ составляетъ главное достоинство книги, въ этомъ отношеніи самой полной, самой обильной цитатами и сближеніями, каковую только можно найти во французской литературѣ. Она можетъ служить руководствомъ всякому, кто можетъ заняться драматическими произведеніями Греціи. Кстати упоминаются въ ней новѣйшія произведенія, почерпнутыя Италією, Францією и Германією изъ истинности древнихъ, и ясно, вѣрно показана разница фнзіоніи тѣхъ и другихъ. По всему этому, сочиненію г. Патена надо дать почетное мѣсто въ числѣ новѣйшихъ ученыхъ произведеній, и справедливо Академія Написемъ увѣчала его преміей. Можно заимѣть только слѣдующее:

Въ *Études* есть остроумныя сближенія между поэзіей древнихъ и поэзіей новой; разность поверхностная показана отчетливо; но отысканы ли начала этой разности? Довольно ли глубоко въ книгѣ г. Патена чувство великихъ законовъ поэзіи? Литературная анатомія—дѣло полезное и трудное; но что такое изученіе органовъ безъ изученія жизни? Г. Патенъ написалъ хорошую книгу сравнительной анатоміи театровъ греческаго и новѣйшихъ, но фнзіологій нѣтъ. Чувство того, что есть жизнь,—того, что производитъ въ одно и то же время единство и разнообразіе въ произведеніяхъ художественныхъ, можетъ быть достигнуто только умомъ глубоко-философскимъ. *Études* не представляютъ слѣдовъ этого знанія существенныхъ законовъ поэзіи; нѣтъ въ нихъ надлежащаго анализа различія генія древняго и генія новаго.

Между-тѣмъ, какъ ученая критика оцѣняетъ таковыя образомъ драматиче-

скія произведенія древности, другіе ученые представляютъ эти произведенія въ новыхъ переводахъ. Известный французскій авторъ Низаръ предпринялъ издать въ переводѣ полное собраніе латинскихъ писателей (*Collection des auteurs latins*). Онъ нашелъ дѣльныхъ сотрудниковъ, и обширное предпріятіе идетъ дѣятельно и успѣшно; такъ-какъ мы теперь попали въ сферу театральную, то и можемъ указать нашимъ читателямъ на послѣдновышедшій отдѣлъ этого собранія: *Théâtre complet des Latins, traduit par M. M. Alphonse François, Alfred Magin, Desforges, Savalette*. (Полнымъ Латинскій Театръ, перевод. гг. Альфонсомъ Франсуа, Альфредомъ Мажемомъ, Дефоржомъ, Савалеттомъ).

Латинскій Театръ вышелъ въ самое благоприятное время. Известно, что теперь въ модѣ театръ древній. Прихоть ли это, слѣдствіе ли пресыщенія новѣйшей драматургіей, или признакъ возвращенія вкуса къ простотѣ въ области искусства, рѣшать мы не беремъ. Читатели наши знаютъ, что въ Парижѣ, по примѣру Берлина, съ успѣхомъ дана была софоклова «Автигона», и слышно, будто къ земѣ готовятся аристофановы «Облака». Студенты Берлинскаго-Университета не такъ давно играли на латинскомъ языкѣ пьесу Плавта «Плѣнники», а въ интермедіяхъ пѣты были оды Горация, положенныя на музыку знаменитыхъ Мейерберонъ. По всему этому, повторяемъ, кстати явился «Латинскій Театръ», который вѣренъ своему заглавію: это, дѣйствительно, полное собраніе театральныхъ латинскихъ пьесъ. Исключены только отрывки, оставшіеся намъ отъ драматическихъ писателей, предшествовавшихъ Плавту, и за это нельзя претендовать на издателей: согласно съ ними, мы думаемъ, что отрывки искаженные и неимѣющіе никакой связи, не могутъ представить публикѣ ни малѣйшаго интереса, тѣмъ болѣе, что текстъ ихъ чуждъ красотъ, кото-

рыя вознаграждаютъ иногда за недостатки связи и полноты.

Всѣ переводы—новые. Плавтъ переводъ г. Франсуа, Теренцій г. Маженомъ, Сенева г. Дефоржемъ и Савалетомъ, который перевелъ также «Metamorphoses» Апулея и которому «Собрание» Низара обязаво вѣрнымъ переводомъ половины «Писемъ Цицерона». Къ сочиненіямъ каждаго писателя присоединена биографія. Въ превосходной статьѣ о Плавтѣ, которую г. Франсуа помѣстилъ въ началѣ своего перевода, онъ справедливо замѣчаетъ, что чтение этого поэта не только драгоцѣнно въ-отношеніи искусства драматическаго, но и представляетъ глубокій интересъ наблюдателю и философу. Вотъ, что говорить онъ между-прочимъ:

• Нелюбопытно ли встрѣтить въ пьесахъ Плавта обычай, интриги, пороки новѣйшей цивилизаціи, плутни ростовщиковъ, продѣлки мошенниковъ, которые ловятъ новопрїѣзжихъ, какъ законно-принадлежащую имъ добычу; старинныхъ нашихъ шутовъ, угольниковъ, нашихъ bourgeois съ усами и шпорами, подъ смѣшнымъ видомъ римскихъ фанфароновъ?

• Не забавно ли, не прїятно ли также встрѣтить всѣ шарлатанства нашего новѣйшаго театра: видѣть *кларковъ* въ римскомъ партерѣ и театральныя интриги; слышать въ началѣ или въ концѣ каждой пьесы формулы вѣжливости, куплеты къ публикѣ, въ стилѣ темерешскихъ водевилей или въ стилѣ нашихъ старыхъ комическихъ писателей, Данкура, Дюфрена и даже Бомарше,—видѣть роскошь декораций и костюмовъ, служащую какъ-бы дополненіемъ достоинства пьесы,—слышать сатирическія выходки противъ писателей-соперниковъ, противъ актеровъ другихъ труппъ,—видѣть директоровъ, покупающихъ въ-три-дорога пьесы, часто очень-плохія,—аристократическій обычай, чтобъ невольникъ до прихода знатнаго господина не позволялъ никому садиться на его мѣсто;—*мистификаціи* (piacens), развлекающихъ зрителей по мѣстамъ,—

• наконецъ полицейскихъ чиновниковъ, наблюдающихъ за порядкомъ и тишиною? •

Обширное развитіе образованности нужно для того, чтобъ наденія, подобныя «Собранію Латинскихъ Авторевъ» Низара ниѣли успѣхъ. Скоро ли мы доживемъ до того, что и у насъ помянутыя подобныя труды и не будутъ въ накладе труженникамъ, которые за нихъ прїимутся? Всѣ обширныя и полезныя предпріятія у насъ какъ-то не принимаются. Отъ авторовъ отвѣзависитъ или отъ публики? Думаемъ, отъ послѣдней. Въ прошломъ году положено было начало труду прекрасному: мы говоримъ объ «Испанскомъ Театрѣ». Продолженія, къ-сожалѣнію, не виднѣтъ; отъ-чего же?.. А между-тѣмъ, то же предпріятіе идетъ у Французовъ съ блестящимъ успѣхомъ:

СНЕГЪ - D'OUVRE DU THEATRE ESPAGNOL, par M. Damas-Hinard (Образцовыя Произведенія Испанскаго Театра, переводъ г. Дамъ-Инара).

Исторія и философія подвигаются впередъ медленнѣе всѣхъ другихъ знавій? Въ ту эпоху, о которой говоримъ мы, метафизическія мечты и историческія теоріи не вели ни къ богатству, ни къ власти, какъ въ наше время въ нѣкоторыхъ странахъ. Ученые, философы жили на скромныхъ чердакахъ, и не отворались передъ ними двери дворцовъ, а нѣрѣдко отворались тюрьмы и крѣпости. Вотъ почему испанская литература такъ бѣдна произведеніями историческими и философскими. Самая блестящая и самая богатая сторона ея, бесспорно, театр; театромъ преимущественно отличается она въ ряду другихъ литературъ европейскихъ.

Испанія можетъ гордиться тѣмъ, что открыла дорогу другимъ европейскимъ націямъ и шла во главѣ ихъ на поприщѣ драматическомъ. Шекспиру, творцу англійской драмы, предшествовали Гильенъ де-Кастро и Сервантесъ. Испанскій театръ долгое время былъ

обильнымъ источникѣмъ, изъ котораго черпали другія націи: извѣстно, сколько обязаны ему французскіе драматическіе писатели семнадцатаго вѣка, начиная съ Пьера Корнеля, который заимствовалъ у Гильена де-Кастро не только сюжетъ «Сиды», но и большую часть красотъ, находимыхъ въ этой трагедіи. Самъ Мольеръ не совѣстился обирать Морею, у котораго онъ взялъ цѣлыя сцены, не измѣнивъ въ нихъ почти ни слова.

Испанская комедія имѣетъ свой отличительный характеръ; она дочь романа и представляетъ, такъ-сказать, живописную сторону жизни человѣческой; событія чередуются въ ней, какъ и въ жизни дѣйствительной, съ ихъ физиономіей мрачной или веселой; комическое и трагическое сочетаются, какъ въ жизни, гдѣ смѣхъ часто бываетъ подлѣ слезъ. Правда, не найдете въ испанской комедіи того званія сердца человѣческаго, того глубокаго изученія нравовъ, которыми отличаются французскій и англійскій театры; наблюденіе, обрисовка характеровъ приносятся въ ней на жертву интригѣ и взумленію зрителя. Чувства въ ней почти — всегда преувеличены; сама любовь теряетъ въ ней то простодушное и естественное выраженіе, которое даетъ такую прелесть рѣчамъ ея; она выражается въ словахъ звучныхъ и часто-напыщенныхъ, и языкъ ея рѣдко бываетъ являкъ сердца. Достоинство комедіи испанской заключается въ искусствѣ завязывать и развязывать дѣйствіе; недостатокъ вѣрности характеровъ и вѣрности съ жизнью дѣйствительною замѣняетъ она эффектомъ, и въ этомъ отношеніи имѣетъ мало соперниковъ.—Таковы или почти-таковы отличительныя черты испанской комедіи, комедіи, какъ видите, лишенной наблюдательности и глубокаго знанія сердца человѣческаго, за то жгвой, блестящей, живописной, полной движенія и одушевленія.

Испанія считаетъ у себя множество драматическихъ писателей, изъ которыхъ самые знаменитые Лопе-де-Вэга

и Кальдеронъ. Эти два писателя—представители самой блестящей эпохи испанскаго театра; въ нихъ сосредоточивается слава его. Лопе-де-Вэга долго пользовался знаменитостію почти-безпримѣрною; долго раздѣлялъ онъ съ Кальдерономъ удивленіе Испаніи; но, по смерти его, репутація его начала мало-по-малу падать, не только на родинѣ, но и у иностранцевъ, и нельзя ничѣмъ ни объяснить, ни оправдать этого поворота общественнаго мнѣнія. Даже теперь, когда критика сдѣлалась разсудительнѣе и справедливѣе, когда голосъ истины слышится яснѣе и болѣе обращаетъ на себя вниманіе, даже и теперь запрошеніе, тяготѣющее на славѣ поэта, еще не снято, и гений его ждетъ еще, когда отладутъ ему должную справедливость въ странѣ, которую онъ прославилъ.

Лопе-де-Вэга обладаетъ плодovitостію, какой нѣтъ у Кальдерона; онъ глубже, вѣрнѣе своего соперника; онъ лучше знаетъ сердце человѣческое и встрѣчаются у него черты, обличающія умъ проницательный и наблюдательный, котораго, кажется, не было у Кальдерона. Если Кальдеронъ искуснѣе его умѣетъ завязывать и развязывать дѣйствіе, за то Лопе-де-Вэга, безспорно, выше въ обрисовкѣ нравовъ и характеровъ. Кальдеронъ, можетъ-быть, остроумнѣе, блестящѣе; Лопе-де-Вэга естественнѣе, вѣрнѣе дѣйствительности. У перваго болѣе искусства; онъ умѣетъ возбудить интересъ неожиданными случаями; второй какъ-бы пренебрегаетъ этими искусственными эффектами и, не прибѣгая къ нимъ, находитъ средство привлечь вниманіе зрителя. Сверхъ-того, Лопе-де-Вэгу можно по-справедливости считать настоящимъ основателемъ испанской комедіи. • Правда • говорить г. Дамъ-Пиаръ въ біографіи его: «не онъ первый началъ писать по системѣ, протнвоположной системѣ Аристотеля, но до него были опыты частныя и неважныя; лучшіе умы, въ головахъ которыхъ надо поставить Сервантеса, колебались, не зная, какую

• принять форму—форму древних или форму новую. Явился Лопе и, освятивъ своимъ примѣромъ, своими правилами новую теорію, увлекъ за собою и поэтовъ и націю. Лопе, относительно комедіи испанской, то же, что Шекспиръ, современникъ его, относительно драмы англійской: онъ основалъ ее, онъ положилъ ей въ основу то же начало, то-есть, смѣшеніе родовъ, и освободилъ ее отъ ига единства.

Во Франціи, можетъ-быть, нѣтъ ни одного писателя, которому испанскій языкъ, испанская литература были бы такъ извѣстны, какъ г. Дамъ-Инару. Потому, испанскіе драматурги не могли во Франціи найти себѣ переводчика искуснѣе. Переводъ его включаетъ въ себѣ не только образцовыя произведенія Лопе-де-Ваги и Кальдерона, но и лучшія произведенія другихъ писателей, прославившихъ испанскій театръ: Гильена де-Кастро, Сервантеса, Морето и др. Перевода вышло пять томовъ.

Переходимъ къ исторіи. Передъ нами гора книгъ и брошюръ, которая ставитъ насъ въ нерѣшимость, говорить ли о нихъ. Это книги, порожденныя идущей теперь борьбою между университетомъ и духовенствомъ. Таково направленіе нашей эпохи: всѣ великіе вопросы заставляютъ писателей для рѣшенія ихъ опускаться въ глубь исторіи. На чьей сторонѣ будетъ побѣда, рѣшитъ время; но нельзя не согласиться, что сильны и краснорѣчивы историческіе доводы, противопоставляемые іезуитамъ и духовенству представителями университета. Самый тяжкій ударъ противникамъ нанесенъ былъ гг. Мишлѣ и Кинѣ въ книгѣ *Les Jésuites*. Эдгаръ Кинѣ не остановился на этомъ ударѣ. Вотъ новая его книга, направленная противъ западнаго духовенства:

L'ULTRAMONTANISME ON L'EGLISE ROMAINE ET LA SOCIÉTÉ MODERNE,

par M. Edgard Quinet (Римская Церковь и Новѣйшее Общество).

Подъ этимъ заглавіемъ, г. Кинѣ издалъ лекціи, читанныя имъ въ нынѣшнемъ году въ Collège de France. Лекціи краснорѣчиваго профессора имѣли огромный успѣхъ. Многочисленная толпа стекалась къ дверямъ аудиторіи задолго до того, какъ онъ открывался; профессора встрѣчали и провожали съ рукоплесканіями; собиралась подписка, чтобъ выдать въ честь его медаль. Такой же успѣхъ должны имѣть лекціи Кинѣ и въ книгѣ. Испанія, какъ государство католическое по превосходству, политическіе результаты католицизма въ Испаніи, отношенія римской церкви къ государству, наукѣ, исторіи, праву, философіи, народамъ и церкви вообще—вотъ темы девяти лекцій Кинѣ. Мы не хотимъ входить въ подробное разсмотрѣніе этихъ лекцій: тогда пришлось бы намъ пошевелить весь вопросъ...

О другихъ книгѣхъ, вызванныхъ этими преріями, говорить не станемъ. Еще до того времени, какъ началась эта шумная борьба, скромный ученый, единственно съ ученою цѣлью, занялся за изслѣдованіе одиннадцатаго вѣка, окружилъ себя всѣми документами, чтобъ безпристрастно объяснить и оцѣнить этотъ вѣкъ, и не увлекся шумомъ прерій, скоро подыавшихся вокругъ его. Теперь онъ издалъ часть своего обширнаго труда и издалъ какъ-нельзя-болѣе кстати:

GREGOIRE VII, SAINT-FRANÇOIS D'ASSISE, SAINT THOMAS D'AQUIN, par E. I. Delecluse (Григорій VII, св. Францискъ-Ассизскій, св. Фома-Аквинейскій, соч. Дельклюза).

Ясно видно, что г. Дельклюза не столько историкъ-философъ, сколько добрый католикъ; но онъ излагаетъ факты безпристрастно, не скрывая злоупотребленій католической церкви. Онъ избралъ трехъ знаменитыхъ чело-

вѣтъ, какъ представителей трехъ различныхъ направлений, обнаружившихся въ стремленіи католицизма покорить и цивилизовать свѣтъ: Григорія VII, какъ представителя силы, Франциска-Ассизскаго, какъ представителя любви, Ому-Аквинейскаго, какъ представителя ума.

Довольно любопытно, что, изъ этихъ трехъ человекъ, тотъ, который наиболѣе содѣйствовалъ величію церкви, обязанъ былъ успѣхомъ средствъ, наименѣе гармонизирующему съ духомъ христіанства, обязанъ былъ силѣ, принимаемой въ самомъ матеріальномъ значеніи слова. Постоянною цѣлью дѣятельности Григорія VII, даже когда онъ былъ еще монахомъ Гильдебрандомъ, было подчиненіе власти свѣтской власти папы. Онъ мечталъ о всеобщей монархіи, главою которой былъ бы первосвященникъ римскій. Быть-можетъ, сначала онъ думалъ объ этомъ только въ видахъ церковнаго преобразования, желая найти силу, способную уничтожить развращеніе, пришедшее къ которому подавало духовенство. Но вступивши въ борьбу, увлекаемый или обстоятельствами или честолюбіемъ, онъ уже думалъ только о томъ, чтобъ сдѣлать Римъ всемогущимъ и унижить передъ нимъ императоровъ и королей. Гильдебрандъ очень хорошо позналъ свое время. Онъ чувствовалъ, что только желѣзная рука можетъ сдвинуть варварскіе элементы, развитіе которыхъ поддерживалось феодализмомъ. Онъ началъ нападеніемъ на симонію и другія злоупотребленія духовенства, потомъ смѣло вступилъ въ борьбу съ властями свѣтскими. Борьба съ императоромъ показываетъ и великость его замысловъ и непоколебимость его характера. Онъ осмѣливается употребить оружіе отлученія отъ церкви противъ самаго страшнаго въ западномъ христіанствѣ государя; онъ выводитъ церковь на поле битвы, выдерживаетъ осаду въ своемъ ватиканскомъ дворцѣ и не боится призвать на помощь Роберта

Гискара, солдаты котораго три дня грабятъ Римъ.

Надо согласиться, страшны эти средства поддержать дѣло христіанства и цивилизаціи. Можно сказать, религія совершенно принесена была въ жертву политикѣ, которая одна управляла Григоріемъ въ дѣлахъ его съ Генрихомъ IV. Безъ сомнѣнія, много величія въ характерѣ Григорія VII. Нуженъ былъ гений, чтобъ задумать подобный планъ, нужна была непоколебимая настойчивость, чтобъ осуществить его. Но онъ привелъ такимъ-образомъ католицизмъ на дорогу, исполненную опасностей, и связалъ участь религіи съ участью власти папской, которая могла поддерживаться только новыми интригами, новыми средствами. Она нашла себѣ главную подпору въ монашескихъ орденахъ, милиціи, вообще хорошо-обученной, которая воспитаніемъ юношества, проповѣдями, или просто вліяніемъ примѣра, всюду силалась склонить на сторону папства мнѣніе общественное. Такимъ-то образомъ, любовь и умъ явились на помощь силѣ, чтобъ довершить и поддержать ея созданіе. Францискъ-Ассизскій основалъ Орденъ-Меньшихъ-Братій, которые отдавали свое имущество бѣднымъ, жили подаяніемъ, и представляли такимъ-образомъ примѣръ самоотверженія и смиренія. Онъ имѣлъ большой успѣхъ, какой всегда имѣютъ идеи, стремящіяся уничтожить неравенство общественнаго положенія. Намѣренія его были чисты: онъ думалъ облегчить исполненіе добродѣтелей христіанскихъ, поставить оплотъ противъ соблазновъ богатства, и также противъ соблазновъ науки, отъ которыхъ хотѣлъ уберечь своихъ учениковъ. Но онъ не достигъ своей цѣли, и усилія его имѣли только тотъ результатъ, что доставили церкви усердныхъ воиновъ, которые старались у всѣхъ умоу отнять желаніе независимости. За нищенствующими монахами выступаютъ на сцену доминиканцы, которые не только не отвергали науки, но старались, напротивъ, употребить ее въ

пользу католицизма. Среди их-то образовался Тома-Аквинейскій, бывшій славою ордена и всю жизнь посвятившій учительству и сочиненію богословскихъ трактатовъ. Жизнь его не представляетъ занимательныхъ событій: онъ былъ человѣкъ кабинетный. Г. Дельклюзъ представляетъ очень-интересный анализъ его трудовъ, и въ то же время изображаетъ любопытную картину борьбы между нищенствующими братьями и братьями-проповѣдниками.

Мы представили очеркъ сочиненія г. Дельклюза, и изъ этого очерка читатели могутъ видѣть важность его. Среди теперешнихъ преній, когда имя Григорія VII упоминается такъ часто, книга г. Дельклюза можетъ служить поучительнымъ примѣромъ умѣренности, которому не худо бы послѣдовать инымъ защитникамъ той или другой стороны.

Тотъ же духъ умѣренности и безпристрастія видѣнъ въ сочиненіи графа Сен-При: *Histoire de la chute des Jésuites au dix-huitième siècle, par M. le comte Alexis de Saint-Priest* (Паденіе іезуитовъ въ восемнадцатомъ вѣкѣ). При составленіи своей книги, графъ Сен-При пользовался документами драгоценными и до-сихъ-поръ неизвѣстными.

Въ прошломъ вѣкѣ, іезуиты, достигнувъ апогея своего могущества, вдругъ пали какъ-бы подъ тяжестью самаго этого могущества, — и, что всего удивительнѣе, внезапное паденіе ихъ началось именно въ тѣхъ странахъ, гдѣ власть ихъ, казалось, утверждена была самымъ прочнымъ образомъ. Португалія первая стряхнула съ себя иго ихъ. Министръ, планамъ котораго іезуиты мѣшали, маркизъ Помбаль, осмѣлился напасть на это страшное общество и успѣлъ изгнать его изъ королевства. Скоро этому примѣру послѣдовала Франція. Затѣмъ, настала очередь Испаніи, и наконецъ папа, не видя себѣ покоя отъ посланниковъ этихъ

королевствъ, буллою уничтожилъ орденъ и лишилъ его всѣхъ привилегій и имѣній. Эта рѣшительная мѣра стѣсла жизни Гангавелли, который, четырнадцать мѣсяцевъ спустя, умеръ отъ отравы.

Іезуиты, сначала оцѣнивъ отъ этихъ неожиданныхъ ударовъ, скоро ободрились. Съ удивительною ловкостью, составлявшею всегда отличительный ихъ характеръ, они сумѣли найдти себѣ покровителей въ тѣхъ лицахъ, которыхъ, по своимъ философскимъ началамъ, казалось, долженствовали быть въ наибольшей противоположности съ ними. Они ловко воспользовались терпимостью Іосифа II и Фридриха-Великаго. Австрія и Пруссія сдѣлались для нихъ пріютомъ, куда они укрылись, чтобъ переждать бурю и приготовить средства возстановить орденъ, или, вѣрнѣе сказать, возстановить его могущество, ибо ударъ, нанесенный Клементомъ XIV, какъ ни былъ онъ силенъ, не убилъ ордена. Тогда открылось, что начало жизни іезуитовъ не боялось громовъ ватиканскихъ. Орудіе, созданное для защиты власти церкви отъ нападеній ереси, стало выше самой этой власти. Вотъ заключеніе, которое можно извлечь изъ исторіи паденія іезуитовъ въ восемнадцатомъ столѣтіи, равно какъ изъ послѣдовавшихъ событій. Церковь не можетъ уже отдѣлить своего дѣла отъ дѣла іезуитовъ, и въ настоящей борьбѣ она принуждена терпѣть этихъ опасныхъ помощниковъ, которые, оставаясь всегда вѣрными своей хитрой системѣ, стараются теперь опереться на духъ революціонный и пользуются современнымъ демократическимъ направленіемъ, какъ пользовались философіею прошлаго вѣка.

Графъ Сен-При не старается очернить іезуитовъ, ограничивается изложеніемъ фактовъ и не скрываетъ ни слабостей, ни ошибокъ ихъ противниковъ. Такъ же, какъ книга г. Дельклюза, сочиненіе его вышло весьма-кстати среди теперешнихъ книжныхъ, парламентскихъ и общественныхъ преній.

Наконецъ, приходимъ мы къ историческимъ произведеніямъ, которыя никакимъ образомъ не относятся къ современной борьбѣ. Г. Просперъ Меримэ извѣстенъ во французской литературѣ съ двухъ сторонъ—какъ публицистъ и какъ историкъ. Въ своихъ археологическихъ, посвященныхъ древностямъ Франціи трудахъ, г. Меримэ показальуже, что способности рассказчика не живутъ на его воображеніе исключительнаго вліянія. Четыре тома этихъ трудовъ доказали, что онъ справедливо носить званіе зрителя историческихъ памятниковъ во Франціи. Теперь историческая дѣятельность его обратилась въ другую сторону — на Римъ, источникъ неисчерпаемый для историковъ: онъ издалъ *Études sur l'histoire romaine, par Prosper Mérimée*. Въ этихъ «*Études*» заключается исторія союзнической-войны и исторія заговора Катилины. Прекрасный языкъ, умѣнье придать интересъ фактамъ, всѣмъ извѣстнымъ, живая обрисовка нравовъ описываемыхъ эпохъ, усилія прояснить мѣста темныя, обширная эрудиція—ставятъ книгу г. Меримэ въ число лучшихъ историческихъ произведеній, вышедшихъ въ послѣднее время.

Buffon, histoire de ses idées et travaux, par M. Flourens, secrétaire perpétuel de l'Académie des sciences, membre de l'Académie Française (Бюффонъ, исторія его идей и его трудовъ, соч. Флурана).

Въ предисловіи своемъ, г. Флуранъ говоритъ: «Въ 1841 году я издалъ *Analyse raisonnée des travaux de George Cuvier*. Исторія трудовъ Бюффона вездѣ сходится съ исторією трудовъ Кювье: Бюффонъ угадываетъ, Кювье доказываетъ; предвидѣнія одного дѣлаются открытіями другого. И какія открытія! Показавы эпохи міра, доказано преемство существъ, возстановлены времена древнія, исчезнувшіе обитатели земнаго шара возвращены нашему изумленному воображенію. Для

ума человеческого, труды Бюффона и Кювье — эра новаго величія.

«Я видѣлъ эти великіе труды и рѣшился написать исторію ихъ.»

И такъ, «Исторія идей и трудовъ Бюффона» и «Анализъ трудовъ Кювье» суть двѣ части одного и того же предмета, обдѣланныя преемникомъ этихъ гениальныхъ людей. Бюффонъ, въ исторіи естественной,—лицо такое замѣчательное, что мы надѣемся когда-нибудь возвратиться къ книгѣ Флурана.

Довольно о книгахъ содержанія болѣе или менѣе серьезнаго. Пропускаемъ спеціальныя книги по другимъ отраслямъ знанія, — спѣшимъ закончить статью и въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о такихъ произведеніяхъ, которыя наиболѣе читаются нашей публикой, — о романахъ.

Эжень Сю безостановочно печатаетъ своего «Вѣчнаго Жида» въ «*Constitutionnel*»; часть русской публики прочтала уже первый томъ романа, если только достало у нея терпѣнія прочтати его въ такомъ плохомъ переводѣ. Впрочемъ, подлинникъ, кажется, совершенно достоинъ такого перевода. Нѣмцы такъ увлечены были славой автора «Парижскихъ Тайнъ» и шумными объявленіями о «Вѣчномъ Жидѣ», что переводятъ его въ нѣсколько рукъ, рѣжутъ гравюры, изображающія разныя сцены романа; но серьезная нѣмецкая критика недовольна ни этими книгопродавческими спекуляціями, ни романомъ Сю. Недовольна имъ и большая часть французскихъ критиковъ. Не думаемъ, чтобъ довольна была и русская публика. Но по первой части еще нельзя произносить окончательнаго суда пѣлому роману. Подождемъ конца и такъ же откровенно выскажемъ свое мнѣніе, какъ высказали

его о «Парижских Тайнах». Подождемъ.

Александръ Дюма не беретъ по тысячу франковъ за романъ, но старается заверстать количествомъ словъ романовъ. Въ послѣднее время, онъ печаталъ разомъ въ трехъ журналахъ три разные романа; въ одномъ «Les trois Mousquetaires», въ другомъ «Fille du Régent», въ третьемъ «la Famille Corse». Спрашивается: когда успѣваетъ онъ написать всю эту громадную массу словъ, разговоровъ, картинъ? Дюма — такой писатель, у котораго проси чего хочешь. Директору театра нужна драма: онъ получаетъ ее черезъ день. Журналисту нуженъ романъ: выбирай любой. Книгопродавцу-издателю нужна исторія: вотъ ему и исторія, — Louis

XIV et son siècle», исторія, которая похожа и на исторію и на романъ, — такъ, нѣчто среднее. Бываютъ же люди съ такой баснословной изобретательностью! Подумаешь, что у Дюма цѣлая фабрика литературныхъ произведеній.

Г-жа Софія Гё напечатала въ «la Presse» романъ «Comte de la Guiche». Г. Роже де-Бовуаръ издалъ собраніе нѣсколькихъ испанскихъ повѣстей и далъ ему названіе «l'Île des Cygnes».

Выше всѣхъ этихъ писателей, по нашему мнѣнію, стоитъ г. Мері, котораго повѣсть «Флорида» напечатана была въ нашемъ журналѣ. Недавно вышелъ новый романъ его: «la Comtesse Hortensia». Газета «la Presse» печатаетъ его «la Guerre de Nizam».

VIII.

С И С М О Н Д.

БИОГРАФИИ ЗНАМЕНИТЫХЪ СОВРЕМЕННИКОВЪ.

Симонъ де-Сисмонди.

« Не тамъ мое отечество, гдѣ я родился, но тамъ, гдѣ воспитывался: *Non ubi nascor, sed ubi nascor.* Эта древняя пословица не всегда удобопринимима. Какъ, на-примѣръ, отвести его изъ Сисмонди? Онъ происходилъ отъ благородной фамилии Сисмонди, изгнанной изъ Пизы, въ четырнадцатомъ столѣтїи. Изгнанники поселились въ Кофине; потомки ихъ приняли реформатскую вѣру и жили во Франціи до уничтоженія нантскаго эдикта. Тогда они удалились въ Женеву, нашли тамъ прїютъ и увеличила собой кругъ тамошней аристократїи. Въ этомъ городѣ, въ 1773 году, 9 мая, родился Жанъ-Парль-Леонардъ де-Сисмонди; во лучшіе годы молодости, тотъ періодъ жизни, когда развиваются, образуются и сердце, промель онъ въ Италиі

и Англіи. Въ послѣдствїи, когда онъ воротился въ родимый свой городъ, неожиданнымъ переворотъ сдѣлалъ его подданнымъ Французской-Республики. Наконецъ, онъ умеръ гражданиномъ независимаго государства, города и кантона Женевы. Какое же отечество дастъ потомство Сисмонди? Итальянецъ онъ, Французъ, Англичанинъ или Женевецъ?

Первые годы Сисмонди протекли въ Шатленѣ, очаровательномъ сельскомъ домѣ, построенномъ при сліянїи Арвы и Роны. Въ дѣтствѣ, узналъ онъ всѣ наслажденїя, какія могутъ доставить челоуѣку природа и искусство, ибо семейство его обладало тогда большимъ состояніемъ и шатленскіе сады, наполненные цвѣтами, представляли очаровательныя виды на обѣ рѣки, сливающїяся въ этомъ мѣстѣ, по несбывающїи разноцвѣтныхъ водъ своихъ, на городъ Женеву, его окрестности и озеро, и наконецъ на цѣпи Юры и Альпоу.

Эта счастливая жизнь, рано ли, поздно ли, должна была имѣть конецъ. Сис-

смонди надо было разстаться съ Шатленомъ и ѣхать въ женевскую коллегію. Запертый въ четырехъ стѣнахъ, голыхъ и скучныхъ, въ душной атмосферѣ, съ глупыми или злыми мальчиками, принуждаемый педантами не сводить глазъ съ книги, которой ему вовсе не хотѣлось читать и смыслъ которой онъ тщетно силится понять, сколько разъ бѣдный ребенокъ долженъ былъ жалѣть о воздухѣ, небѣ, цвѣтахъ, пейзажахъ, свободѣ и удивленіи Шатлена! Къ-счастью, въ немъ было столько же энергіи, какъ и чувствительности. «Моя обязанность» говорилъ онъ самъ себѣ: «повиноваться родителямъ и профессорамъ», и эту обязанность исполнялъ онъ со всевозможною ревностію. Притомъ, соученики не вдушали ему ни малѣйшаго къ себѣ сочувствія; они не обнаруживали никакого участія къ нему и только досаждали ему. Одинокій въ этой тюрьмѣ, населенной существами злыми или глупыми, онъ совѣстливо выучивалъ всѣ уроки и скоро выучился по-латинѣ и по-гречески.

Изъ *collège* его перевели въ *auditoire*, гдѣ онъ продолжалъ ученье; но пробылъ тутъ недолго. Сыновнее послушаніе подвергло его жестокому испытанію. Французская революція разорила его семейство; необходимость и сыновняя любовь заставили его вступить на такое поприще, которое внушило ему глубокое отвращеніе. Его послали учиться коммерціи въ банкирскомъ домѣ гг. Эвара и комп., въ Ліонѣ. Онъ поѣхалъ безъ ропота. Какъ ни тяжело казалось ему это положеніе, но онъ терпѣливо переносилъ его, потому что родители того желали. По теоріи и относительно другихъ людей, Сисмонди былъ всегда защитникомъ идей свободы и независимости; на практикѣ и относительно самого себя, никогда онъ не требовалъ привилегіи, которую иногда присвоиваютъ себѣ гевіальные люди, — привилегіи стоять выше всѣхъ общественныхъ причинъ и не исполнять обязанностей человѣка или гражданина. Онъ съ такимъ жаромъ принялся за

новый родъ своихъ занятій, что въ короткое время сдѣлался искуснымъ приваичникомъ; для него не было тайнъ въ бухгалтеріи. Это неблагодарное ремесло не могло образовать хорошаго историка, но въ послѣдствіи Сисмонди говорилъ, что извлекъ изъ него выгоды неоспоримыя. Дѣйствительно, онъ былъ обязанъ этому ремеслу привычкою къ порядку и методѣ, терпѣливостію при изслѣдованіи предмета въ разныхъ его видахъ, искусствомъ дѣлать быстро вычисления, особенно же направленіемъ примѣнять къ предметамъ политической экономіи уроки исторіи.

Въ 1792 году, революція, вспыхнувшая въ Ліонѣ, принудила Сисмонди возвратиться въ Женеву. Ураганъ, отъ котораго бѣжалъ онъ, послѣдовалъ за нимъ. Отецъ его никогда не занимался общественными дѣлами, но такъ-какъ онъ принадлежалъ къ старинной аристократіи, то и подвергся гоненіямъ враговъ дворянства. Обширъ лишилъ его домъ всѣхъ дорогихъ предметовъ. Наложена была контрибуція, развалившаяся конфискаціи имѣнія. Отецъ и сынъ посажены даже были въ тюрьму; но такъ-какъ нельзя было извести на нихъ никакого важнаго обвиненія, то скоро они получили свободу.

Въ слѣдствіе такихъ гоненій, которые флорентійскихъ джибеллиновъ покинули третье свое отечество. Италія, Франція и Швейцарія нагнали ихъ; они отправились искать болѣе надежнаго убѣжища въ Англію. Сначала жили они у сельскаго священника, далѣе поселились въ Темтерденѣ; потомъ Леонардъ жилъ въ Лондонѣ. Во всѣхъ отношеніяхъ воспользовался онъ пребываніемъ своимъ въ Англію. Онъ выучился говорить и писать по-англійски. Конституцію, законы, администрацію, литературу, промышленность, земледѣліе, торговлю, нравы, — все изучалъ онъ, безъ пристрастія и безъ предубѣжденій. Все это современемъ было для него весьма полезно.

Прошло десять мѣсяцевъ. Леонардъ, отецъ его и сестра готовы были остаться въ Англію; но мать страдала тоской

по роднѣ: елики мѣстности ея мужеству, здорově ея разстроилось; надо было переправиться чрезъ проливъ и воротиться какъ-можно-скорѣе въ Женеву. Они прибыли туда въ самый несчастный періодъ революціи.

Древняя республика находилась въ непонятномъ броженіи. Можно сказать, что хотя народонаселеніе ея раздѣлялось на нѣсколько сословій, однакожь составляло какъ-бы одну семью. Всѣ Женевцы, если не любили, по-крайней-мѣрѣ знали другъ друга. Бѣдные классы не могли ни въ чемъ упрекнуть классы высшіе, развѣ только въ ихъ привилегіяхъ и богатствѣ. Религія, тихо подрываема философіей, сохранила еще, по-крайней-мѣрѣ по-наружности, общирную власть надъ всѣми умами. Странное дѣло: нигдѣ, можетъ-быть, революція не была такъ жестока, какъ въ Женевѣ; сдѣлавшись свободными, женевскіе подданные съ крайней жестокостью мстили прежнимъ своимъ *господамъ*. Люди, отъ природы холодные, тихіе, спокойные, почтенные отцы семействъ, находили дикое удовольствіе въ разстрѣливаніи, въ собственноручномъ истребленіи цѣлыхъ фамилій, которые не сдѣлали имъ никакого зла. Въ самомъ пылу этой рѣзни, четыре синдика были обвинены въ оскорбленіи націи и осуждены на смерть. Эти чиновники не только не знали за собою никакого преступленія, но всегда отличались ревностію и правдоушіемъ въ отправленіи своихъ обязанностей. Сильно-испуганная, фамилія Сисмонди удалась въ Шатленъ. Одинъ изъ осужденныхъ, г. Келѣ, задушевный другъ Сисмонди, искалъ убѣжища въ его домѣ. Его спрятали въ саду, въ сараѣ, смежномъ съ французскою границею. При малѣйшей тревогѣ, онъ тотчасъ могъ быть за пограничною чертою. Настала ночь; г-жа Сисмонди поставила сына на-часахъ, чтобъ онъ охранялъ жизнь несчастнаго. Въ два часа утра, Леонардъ, державшій ухо на-сторожѣ, слышитъ въ отдаленіи голоса и конскій топотъ. Это скачутъ въ галопъ конные жандармы. Онъ стучитъ въ

дверь сараю; Келѣ не отвѣчаетъ; Леонардъ снова стучитъ—опять нѣтъ отвѣта; дверь заперта изнутри, и старый, глухой бѣглець спитъ такимъ глубокимъ сномъ, что не слышитъ шумныхъ усилій разбудить его. Еще нѣсколько минутъ, и онъ погибъ; ужъ жандармы, уведомленные обо всемъ шпиономъ, проникли въ садъ и приближаются къ сараю; послѣдняя попытка также безуспѣшна. Леонардъ вооружается пайкой, чтобъ защищать дверь, которой не могъ выломать; онъ еще надѣется, что шумъ борьбы разбудитъ несчастнаго старика; тщетная надежда: ударъ прикладомъ карабина повергаетъ его на землю; дверь выломана, и Келѣ, раскрывъ глаза, видитъ предъ собою палачей своихъ. Онъ не думалъ уже о бѣгствѣ. Г-жа Сисмонди кинула ему прощальный взглядъ, когда повели его на казнь, потомъ бросилась на колѣни молиться Богу и встала уже утромъ, услышавъ ружейные выстрѣлы, возвѣщавшіе ей горестную смерть несчастнаго ея друга.

Въ-слѣдствіе этого печальнаго событія, до такой степени опротивѣло фамиліи Сисмонди пребываніе въ Шатленѣ, что она рѣшилась снова перебраться за-границу. Шатленъ былъ проданъ. Разорвавъ эту послѣднюю связь съ Женевею, Сисмонди пустились въ дорогу, направляясь къ Италіи. Имъ хотѣлось поселиться въ Тосканѣ, откуда вышли предки ихъ. Въ октябрѣ, 1793 года, прибыли они во Флоренцію. Тамъ, на семейномъ совѣтѣ, — они не рѣшались ни на одну важную мѣру безъ общаго совѣта, — положили купить на деньги, вырученныя за продажу Шатлена, помѣстье, гдѣ бы они имѣли вѣрныя средства къ жизни и пріятное жилище. Леонардъ отправился пѣшкомъ искать приличной фермы и случайно пошелъ по дорогѣ пистойской. Въ Долинѣ-Невольской, красота природы и дешевина земель заставили его остановиться. Въ Валькьюзѣ, близъ Пешии, продавалась ферма, къ которой принадлежалъ жилой домикъ. Сисмонди купили эту ферму и передъ Рождествомъ жили уже

въ новомъ своемъ имѣніи. Назъ банкирскаго приказчика, Леонардъ сдѣлался земледѣльцемъ; онъ обязанъ былъ лично надзирать надъ всѣми полевыми работами на фермѣ, долженствовавшей удовлетворять всѣ нужды семейства. Живя среди земледѣльцевъ, самъ воздѣлывая свои земли, онъ приобрѣлъ практическія свѣдѣнія, которыми рѣдко обладаютъ писатели. Сестра его вышла замужъ и поселилась въ Пешин, откуда и не выѣзжала. Имѣніе въ долинѣ ньевольской навсегда осталось за Сисмонди.

Такъ проходила жизнь его. Удалась въ пустыню съ своей семьей, онъ никому не дѣлалъ визитовъ и ни кого не принималъ. Иногда только, чтобъ чему-нибудь научиться, толковалъ съ своими деревенскими сосѣдами. Такая уединенная жизнь не защитила его отъ гоненія партій, на которыя раздѣлена была тогда несчастная Италия. Сначала Французы арестовали его, какъ аристократа; потомъ, когда Тосканцы востали противъ своихъ притѣснителей, онъ былъ арестованъ, какъ Французъ, потому-что родина его, Женева, присоединена была къ Франціи. Четыре раза сажали его въ тюрьму. Не смотря на всѣ эти насильственные перерывы, онъ продолжалъ свои ученые занятія и началъ *Récherches sur les constitutions des peuples libres*, сочиненіе, которое онъ не кончилъ, но которое сдѣлалось какъ-бы фундаментомъ всѣхъ его историческихъ произведеній. Въ то же время, частыя сношенія его съ поселянами Ньевольской-Долины болѣе-и-болѣе утверждали его въ мысли замѣнить исторію лицъ исторіею народа. «*Récherches*» должны были содержать въ себѣ девять трактатовъ: первый и второй—общее изложеніе; третій—англійская конституція; четвертый—конституція женева; пятый—древняя конституція испанская; шестой—республики итальянскія; седьмой—Швеція; восьмой—ганзейскіе города; девятый—Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты. Какъ видите, для молодого

человѣка, которому едва исполнилось двадцать-три года, это былъ трудъ колоссальный; но какъ ни великъ, ни обширенъ былъ онъ, первоначальный планъ снѣдѣлствовалъ о неопытности автора; онъ былъ неполютъ, плохо-обдуманъ, и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ неудобосполнимъ. Хотя эти первые труды не имѣли никакого положительнаго результата, но они не были для него безплодны; въ-послѣдствіи, онъ извлекъ изъ нихъ большую пользу. Равно или повдно, умъ человѣческій познаваетъ то, что посылаетъ.

Въ 1798 году, Сисмонди занимался уже собираніемъ матеріаловъ для своей Исторіи Итальянскихъ Республикъ. Впрочемъ, въ этомъ году онъ не началъ еще приводить ихъ въ порядокъ, потому-что печаталъ первую свою книгу: *Tableau de l'agriculture toscane*. Эта совершенно-практическая книга содержала въ себѣ любопытныя свѣдѣнія, результаты личныхъ наблюденій надъ разными способами воздѣлыванія земли, употребляемыми въ Ньевольской-Долинѣ. Агрономическія познанія доставили молодому писателю званіе члена флорентійской *Academia reale dei Georgiofili*. Хотя «*Tableau*» не имѣетъ никакихъ литературныхъ притязаній, но книга читается съ удовольствіемъ, какъ всѣ спеціальныя книги, выходящія изъ рукъ писателей, которые любить и хорошо понимаютъ свой предметъ. Если смотрѣть на книгу съ исторической точки, то она приобрѣтаетъ особенную цѣну. Дѣйствительно, она заключаетъ въ себѣ такую вѣрную картину страны и обитателей ея, что становится превосходнымъ комментариемъ на лѣтописи Тосканы.

Пробывъ пять лѣтъ въ Италиі, въ 1800 году, Сисмонди и его родные возвратились въ Женеву, гдѣ нашли кой-какіе остатки прежняго своего достоянія. Они поселились у городскихъ воротъ. У нихъ оставалось не болѣе 4,000 франковъ годоваго дохода, и Сисмонди уступилъ половину этой суммы сестрѣ своей Серенѣ, оставшейся въ Пешинѣ.

Что касается до него, онъ балагалъ на себя тяжелыя лишенія, чтобъ ни въ чемъ не нуждались его родные.

Вторымъ сочиненіемъ Сисмонди былъ политико-экономическій трактатъ: *Richesse commerciale*, вышедшій въ 1803 году. Въ этомъ трактатѣ, молодой экономистъ громко объявилъ себя ученикомъ Адама Смита; онъ ограничивался только анализомъ и развитіемъ его ученія. При появленіи своемъ, *Richesse commerciale* имѣлъ большой успѣхъ; потомъ палъ въ глубокое забвеніе. Самъ Сисмонди, казалось, забылъ про него; онъ не сберегъ ни одного экземпляра этого сочиненія въ своей библиотекѣ, никогда не объявлялъ о немъ вмѣстѣ съ другими своими книгами, наконецъ, не помѣстилъ его въ списки своихъ произведеній, который составилъ самъ, какъ очеркъ своей литературной исторіи. Это объясняется тѣмъ, что въ послѣдствіи онъ отказался почти отъ всѣхъ мнѣній своего учителя, котораго сначала былъ ревностнымъ приверженцемъ и защитникомъ.

Въ это время, Адамъ Смитъ пользовался большою славою. Даже тѣ, которые не знали его сочиненій, отзывались о нихъ съ преувеличенными похвалами. Ученику обратилась въ пользу слава учителя. Сочиненіе его привлекло на него общественное вниманіе. Вся Европа скоро узнала его имя. Упразднилась кафедра политической экономіи въ Виленскомъ Университетѣ: она предложена была автору *Richesse commerciale*. По этому поводу началась переписка. Сисмонди отказался отъ этого выгоднаго предложенія и почти забылъ о немъ, какъ однажды въ кабинетъ его вошелъ иностранецъ. То былъ графъ Платеръ: онъ нарочно пріѣхалъ въ Женеву, чтобъ убѣдить молодаго философа принять предложеніе университета; ему назначалось жалованья по шести тысячъ франковъ въ годъ и, послѣ десятилѣтней службы, пенсія. Еслибъ эти условія показались Сисмонди невыгодными, университетъ согласенъ былъ на все, что онъ ни потребуетъ. Родные и друзья тѣсно

убѣждали Сисмонди дать графу благоприятный отвѣтъ. Три главныя причины приводили его въ раздумье: онъ имѣлъ инстинктивное отвращеніе отъ профессорскаго званія; не зная, позволено ли ему будетъ свободно писать и говорить; наконецъ думалъ, что ему назначено оказать большіи услуги обществу въ гораздо-высшемъ положеніи. Онъ долго боролся съ самимъ собой, и отказъ тѣмъ дороже стоилъ ему, что, принявъ мѣсто, онъ могъ бы помогать роднымъ и жениться на женщинѣ, которую любилъ и которая умерла спустя нѣсколько лѣтъ. Тогда порицали его за этотъ отказъ; но послѣдствія доказали, что онъ поступилъ хорошо.

Сисмонди имѣлъ намѣреніе и желаніе посвятить себя исключительно политикѣ. Мать знала его лучше, чѣмъ зналъ онъ самъ себя: она отклонила его отъ этого намѣренія и уговорила слѣзаться историкомъ. Эта превосходная женщина была, если можно такъ выразиться, путеводною звѣздою его жизни. Онъ имѣлъ къ ней безпредѣльную довѣренность и не дѣлалъ ничего безъ ея совѣта. Такимъ образомъ, она открыла ему то поприще, по которому онъ скоро пошелъ съ такимъ блескомъ.

Сисмонди не издалъ еще ни одного историческаго творенія; не смотря на то, издатели *Biographie Universelle*, во главѣ которыхъ находился Мишодъ, обратились къ нему съ просьбою написать для ихъ изданія рядъ біографій знаменитыхъ Итальянцевъ. И теперь еще нельзя не отдать справедливости этому важному изданію, не смотря на многочисленные недостатки его. Біографіи, писанныя Сисмонди, особенно отличаются краткостію слога и безпристрастіемъ. За пять лѣтъ до выпуска въ продажу перваго тома, онъ вручилъ издателямъ всѣ статьи, какія были ему заказаны. Не корысть заставила его предпринять подобный трудъ: за каждую біографію онъ долженъ былъ получить не болѣе шести франковъ. Онъ удовольствовался такою недостаточною суммою, потому-что, съ

одной стороны, эта работа не только не отвлекала его отъ любимыхъ его трудовъ, но и заставляла отчасти дополнять ихъ; съ другой же стороны, доставила ему предлогъ отказаться отъ выгоднаго мѣста, которое было ему предлагаемо, но которое ему не нравилось. Всѣми силами старались склонить его къ принятію должности профессора въ Женевской коллегіи. Семейство его было такъ бѣдно, что сама мать уговаривала его принять такое мѣсто. Жалованье его простиралось бы тогда до 3,000 франковъ въ годъ. Сисмонди, какъ мы уже замѣтили, читалъ глубокое отвращеніе къ учительскому званію. Онъ отказался отъ этого мѣста точно такъ же, какъ за нѣсколько лѣтъ до того отказался отъ катедры политической экономіи въ Виенскомъ Университетѣ.

Въ теченіе этихъ переговоровъ, которые всегда были для него тягостны, онъ познакомился съ Миндеромъ. Знаменитый швейцарскій историкъ далъ ему нѣкоторые благоразумные совѣты, поощрительно сталъ бы читатель искать видныхъ слѣдовъ этой славы въ сочиненіяхъ Сисмонди. Напротивъ, г. Неккеръ и г-жа Сталь ниѣди большое вниманіе на умъ ихъ молодого друга. Дружба между Сисмонди и Неккеромъ никогда ничѣмъ не возмущалась. Разногласіе ихъ характеровъ и мнѣній только скупидала умы, соединявшія ихъ. Сисмонди часто читалъ Неккеру и дочери его отрывки изъ своей «Исторіи Итальянскихъ Республикъ»; не похвалялъ, а критики требовалъ онъ у нихъ и, въ этомъ отношеніи, друзья его всегда удовлетворяли его желаніямъ. Особенно г-жа Сталь часто выражала свои противоположныя мнѣнія въ словахъ неумѣренныхъ. Терпѣливо и съ покорностью выслушивалъ онъ эти критики, иногда слишкомъ жесткія, и возвратясь домой, передѣлывалъ, переписывалъ окритикованныя мѣста. Отъ-того, чѣмъ далѣе подвигалась его работа, тѣмъ менѣе считалъ онъ себя способнымъ исполнить обязанность, которую на себя принялъ. Сомнѣвался

въ самомъ-себѣ и въ своемъ талантѣ, онъ впалъ въ глубокое уныніе. Разъ пришелъ онъ въ такое отчаяніе, что просилъ Бога отнять у него жизнь. Наконецъ, побѣдителемъ вышелъ онъ изъ этой борьбы съ самимъ-собою. Мужество воротилось къ нему вмѣстѣ съ увѣренностью въ силахъ, и скоро семь томовъ приготовлены были къ печати; но тогда возникъ другой вопросъ: отыщетъ ли онъ издателя и дастъ ли ему книгопродавецъ-издатель порядочныя деньги—ибо онъ принималъ твердое намѣреніе совершенно предаться литературѣ и жить литературными доходами.

Въ 1807 году, поиски его имѣли счастливый результатъ. Геснеръ, цюрихскій книгопродавецъ, взялся издать два тома, которые и вышли въ одно и то же время на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Геснеръ пускался въ предпріятіе невѣрное и потому часть условленной суммы заплатилъ книгами. Сисмонди былъ доволенъ; сочиненіе его имѣло большой успѣхъ. Чего могъ онъ болѣе желать тогда? И авторъ и издатель перестали опасаться за будущее. Геснеръ уступилъ свои права гг. Трейтелю и Вюрцу, которые издали слѣдующіе томы въ разные годы, такъ-что послѣдній томъ явился уже въ 1818 году, одиннадцатъ лѣтъ спустя послѣ перваго.

Сисмонди всегда обнаруживалъ непреодолимое отвращеніе къ учительству. Но ему не нравилось только быть учителемъ лѣтей; читать публичный курсъ для молодыхъ людей и для взрослыхъ—иное дѣло, и онъ безъ труда рѣшился на это. Онъ избралъ для своихъ лекцій литературу Южной-Европы. Въ 1811 году, въ первый разъ вступилъ онъ на профессорскую кафедру. Спустя два года, кончивъ свой курсъ, истощивъ предметъ, онъ покинулъ Женеву и поѣхалъ въ Парижъ. Онъ предполагалъ напечатать тамъ свои лекціи, собранныя, пересмотрѣнныя, исправленныя и передѣланныя. Никогда не видалъ онъ столыши Франціи. Предпринимая это путеше-

стиле, онъ преимущественно жилъ въ виду дополнить свою книгу по матеріаламъ, хранящимся въ парижскихъ публичныхъ библіотекахъ, ибо въ Женевѣ не могъ достать ни одной изъ рѣдкихъ книгъ, особливо испанскихъ, въ которыхъ имѣлъ надобность. Сверхъ того, онъ хотѣлъ найти издателя. Обстоятельства были плохи. Несчастный русскій походъ, такъ важный Французамъ, что имъ некогда было читать новыхъ книгъ. Но если Сисмонди не скоро нашелъ издателя, зато нашелъ много другаго. Онъ принятъ былъ въ самыхъ лучшихъ гостевыхъ и свель тамъ многочисленныя знакомства, столь же полезныя, какъ и пріятныя. Удовольствія свѣта ни мало, однакожъ, не вредятъ ученымъ его занятіямъ. По восьми часамъ въ день работаетъ онъ въ библіотекахъ. Каждый вечеръ писалъ онъ длинное письмо къ матери. Г-жа Сисмонди просила его поскорѣе возвратиться къ ней; но онъ уступилъ ей просьбамъ тогда только, какъ заключилъ контрактъ съ прежними своими издателями, Трейтелемъ и Вурцомъ. Въ томъ же году вышла его книга *De la littérature du midi de l'Europe*; она стояла ему большихъ хлопотъ, потому что цензоры были къ ней необыкновенно строги.

Италія должна занимать большую часть въ подобной книгѣ; но критическая исторія литературы провинцальской, естественно, должна предшествовать итальянской литературѣ. Дѣйствительно, трубадуры передали Итальянцамъ, кромя своей просодіи, прелесть и недостатки своихъ стихотвореній. Все, что относится до трубадуровъ, въ книгѣ Сисмонди заслуживаетъ величайшей похвалы. Его исторія литературы итальянской должна быть представлена выше исторіи его соперника, Кенгене. У Женеве болѣе орудиинъ, но онъ критикаторъ; много подробностей, мелочей, но недостатковъ въ общихъ взглядахъ. Напротивъ, Сисмонди не ограничивается анализомъ твореній, имъ изучаемыхъ; онъ судитъ

ихъ, старается понять настоящій ихъ смыслъ; слогъ его всегда живъ, правдивъ, даже изященъ; въ общихъ взглядахъ онъ беретъ верхъ надъ другими писателями, трактовавшими о томъ же предметѣ. Не найдете въ ихъ твореніяхъ картины, которую можно было бы сравнить съ набросанною Сисмонди картиною современной литературы и предшествующаго періода, когда такъ ярко блистали Метастазіо, Гольдони и Альфьери. Слабая часть его книги та, гдѣ онъ говоритъ о литературѣ испанской и португальской, — и это понятно, потому что онъ не имѣлъ хорошаго знанія этихъ литературъ.

Въ 1819 году, Сисмонди началъ самое обширное и лучшее проведеніе свое, заключившее его до самой кончины, *Histoire des Français*. Чѣмъ болѣе старѣлъ онъ, тѣмъ болѣе умъ его приобрѣталъ силы, ясности и живости. Внимательно читая этотъ прекрасный трудъ, видишь, что талантъ его увеличивался съ годами. Двадцать-четыре томовъ Исторіи Французовъ; написана много лѣтъ. Первые томы вышли въ 1821 году; послѣдній томъ только изданъ въ 1824 году семелъ съ типографскимъ станкомъ.

Во время писанія, Сисмонди не жилъ къ Наполеону ни ненавидя, ни любя. Онъ удивился его генію, но не писалъ къ нему никакого сочувствія. Когда Наполеонъ возвратился съ острова Эльбы, чувства его вдругъ изменились; императоръ показался ему такъ великъ, нація выказывала такой энтузіазмъ къ нему, правительство европейскія съ таинкимъ смесоченіемъ домогались его гибели, что онъ почувствовалъ къ нему уваженіе и сдѣлалъ его защитникомъ. Сисмонди презиралъ государственныхъ идаевъ аббата Сійеса; но его мнѣнію, образъ правленія, чтобы представлять народу надлежащее ручательство, долженъ быть болѣе дѣломъ времени, чѣмъ людей. Не смотря на то, новая конституція имперіи оказалась ему лучше всѣхъ, накія

Были до-тѣхъ-поръ импровизованы во Франціи. Доказательствомъ служить рядъ его *Писемъ о новой французской конституціи*, напечатанныхъ въ „Монитёрѣ“. Эти статьи произвели въ публикѣ глубокое ошущеніе; Наполеонъ изъявилъ желаніе видѣть автора ихъ и долго бесѣдовалъ съ нимъ. По выходѣ изъ Тюльери, Сисмонди описалъ матери все, что происходило между нимъ и императоромъ. Изъ этой рукописи, послѣдующія до-сихъ-поръ, заимствованы слѣдующія любопытныя сѣдѣнія.

Наполеонъ и Сисмонди обмѣнялись сначала обыкновенными complimentами, потомъ разговоръ перешелъ на положеніе дѣлъ.

— Очень-малъ, сказалъ Сисмонди:— что ваша конституція, столь либеральная, возбужда противъ себя такіе неутихшіе протесты.

— Надѣюсь, отвѣчалъ императоръ:— что оппозиція ослабѣетъ. Декретъ мой относительно муниципалитетовъ и избирательныхъ коллегій будетъ имѣть хорошее дѣйствіе. Французы не созрѣли еще для этихъ идей; они оспариваютъ у меня право распускать палаты; но еслибъ я прогналъ всѣхъ депутатовъ штыками, они одобрили бы справедливость этой государственной мѣры.

— Жаль, воскликнулъ Сисмонди:— что они не знаютъ переимѣтъ, какія произошли въ вашемъ величествіи!

— Я никогда не уклонялся, отвѣчалъ императоръ:— отъ незыблечнаго начала, отъ безпристрастной судебной администраціи и совершеннаго уничтоженія всѣхъ старыхъ привилегій. Но Французы кидаются во всѣ крайности. Какъ-скоро начѣла нужда въ ходѣ, они судятъ о нихъ съ *furie française*; они недоумѣливы, подозрительны; Англичане гораздо-равсудительнѣе: у нихъ болѣе-зрѣлыя понятія о подобныхъ предметахъ, они почти всѣ имѣютъ здравый смыслъ. Я видѣлъ много Англичанъ на островѣ Эльбѣ; вообще они были тяжелы, неловки, не умѣли представляться, но какъ-скоро преодолѣвали свое замѣшательство, то

я находилъ подъ этой грубой корою идеи справедливыя, умѣренныя и глубокія.

Наполеонъ началъ затѣмъ расширять Сисмонди про Англію и Англичанъ. Сисмонди изобразилъ ему настоящее состояніе страны. Потомъ Франція опять сдѣлалась главнѣйшій предметъ бесѣды, и скоро оба собесѣдника сообщили другъ другу свои наблюденія надъ французскимъ характеромъ.

— Впрочемъ, французская нація — прекрасная нація, сказалъ Наполеонъ:— благородная, чувствительная, великодушная, всегда готовая на все великое и прекрасное. Что можетъ быть прекраснѣе, наприимѣръ, моего твоего возвращенія? Съ моей стороны, тутъ одна заслуга—я отгадалъ націю. Не столько арміи облазанъ я возстановленіемъ моего престола, сколько сельскіе обыватели. Послѣ выселки, я сдѣлалъ пятьдесятъ миль, не встрѣтивъ ни одного солдата, но поселки стекались на встрѣчу мнѣ, и, распѣвая пѣсни, слѣдовали за мной съ женами и дѣтьми своими; они сочиняли политическія пѣсни и сѣялись въ нихъ надъ сенатомъ, который обвиняли въ измѣнѣ. Когда я приближался къ Динью (Digne), жители принудили членовъ муниципальнаго совѣта выйти мнѣ на встрѣчу; я могъ бы дѣйствовать, какъ государь неограниченный и вѣшать ихъ сотнями. Они упрашивали меня остановиться въ ихъ городѣ, но я хотѣлъ идти впередъ, потому-что нельзя было терять времени. Визъ Динья есть холмъ, на который вошелъ я, сопровождаемый всѣмъ народонаселеніемъ. На бивуакѣ, я принималъ посѣщеніе многихъ лицъ, принадлежавшихъ ко всѣмъ классамъ общества; но все еще не было ни одного солдата...

Наполеонъ вложилъ затѣмъ мысли, заставившія его образоватъ избирательныя коллегіи согласно съ новой конституціей.

— Я думаю, сказалъ онъ:— что избирательныя коллегіи, содержащія въ себѣ членовъ, избранныхъ на все

жизнь, ввести въ государство весьма-полезный аристократическій элементъ.

— Но ивѣнно можно, отвѣчалъ Сисмонди:— аристократія необходима, и всѣ востоянные элементы должны непременно имѣть представителей въ законодательномъ собраніи.

— Управлять, продолжалъ Наполеонъ:— отчасти то же, что предпринять морское путешествіе; двѣ стихіи необходимы для надежнаго плаванія. Точно такъ же, въ чистой демократіи невозможно давать кораблю одно направленіе; но если къ демократіи присоединить аристократію, то можно противопоставить ихъ одну другой и направлять корабль по противоположнымъ страстямъ.

— Я допускаю, согласно съ вашимъ величествомъ, отвѣчалъ Сисмонди:— необходимость аристократическаго элемента; наследственное дворянство я считаю совершенно-сообразнымъ съ естественными чувствами человечества. Дворянство есть собственность, которая становится тѣмъ дороже, чѣмъ тѣснѣе слава благородныхъ фамилій связана съ славою націи, но въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ какія поставлены ваше величество, я считаю весьма-труднымъ созданіе подобнаго элемента. Признаюсь, не понимаю, какъ ваша палата паровъ можетъ приобрести уваженіе, въ которомъ она имѣетъ нужду. Ваше величество, вѣсколько лѣтъ назадъ, пробовали слить въ одно тѣло два дворянства, старое и новое. Эта система, которая тогда удалась вамъ, теперь становится неудобисполнимою. Старинные дворяне — ваши отъявленные враги; я не думаю, чтобъ ваше величество могли и должны были требовать отъ нихъ хоть малѣйшихъ услугъ, и не понимаю также, какъ новое дворянство успѣетъ удержаться въ оппозиціи съ стариннымъ.

— Согласенъ, сказалъ Наполеонъ:— что теперь нѣтъ возможности слить оба эти элемента.

— Въ такомъ случаѣ, отвѣчалъ Си-

смонди:— я желалъ бы, чтобъ ваше величество замѣнили аристократію наследственную аристократіей избирательной.

— А какъ бы вы это сдѣлали, г. Сисмонди? спросилъ императоръ.

— Я предоставилъ бы вашему величеству право дѣлать новыхъ паровъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ предоставилъ бы палатѣ набирать преемниковъ умершимъ членамъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, такой проектъ неудобисполнимъ. Сначала пары будутъ въ трудномъ положеніи; имъ надо будетъ бороться съ сильной оппозиціей, но мало-по-малу привыкнуть къ нимъ. Старинное дворянство войдетъ въ палату, и наконецъ соединеніе стараго и новаго дворянства покажется самымъ естественнымъ событіемъ.

Они говорили потомъ объ Италіи. Наполеонъ объявилъ, что Итальянцы — *un brave peuple*. — Изъ нихъ, сказалъ онъ: — можетъ образоваться нація. Я много для нихъ сдѣлалъ; я далъ имъ воинскій духъ, котораго у нихъ не было, и чувство національности. Тогда все шло хорошо для нихъ, но теперь они очень-несчастливы.

Въ этомъ отношеніи, Сисмонди не раздѣлялъ мнѣнія Наполеона. Соединеніе всѣхъ итальянскихъ владѣній въ одно государство казалось ему невозможнымъ; еслибъ оно осуществилось, то, по его мнѣнію, было бы пагубно для ихъ учреждений, нравовъ и генія. Истинные друзья итальянскихъ народовъ не должны желать этого соединенія. Видя, что нельзя согласить мнѣній, императоръ заговорилъ о литературѣ. Онъ объявилъ, что не любитъ Ж. Ж. Руссо.

— Я нахожу его, прибавилъ онъ: — слишкомъ-жеманнымъ; слогъ у него постоянно-натянутый.

— Такой же упрекъ, замѣтилъ Сисмонди:— можно бы сдѣлать и Шатобриану; слогъ его прероскодный, но въ немъ не достаетъ истины. — Да, сказалъ Наполеонъ:— онъ всегда метитъ на совершенъ; читатель ясно видитъ, что онъ

заявить только своими фразами, въ которыхъ тщетно ищешь какой-нибудь глубокой мысли.

Разговоръ продолжался въ томъ же тонѣ и кончился другой похвалою Французской націи. Говоря такимъ образомъ, Наполеонъ обращалъ свои слова не къ одному Сисмонди; государь, разсуждающій такъ откровенно съ литераторомъ, непремѣнно ищетъ въ виду, что рано или поздно слова его будутъ переданы всему свѣту.

Послѣ реставраціи, Сисмонди сблизился съ многими знатными Англичанами, посѣщавшими материкъ. Онъ написалъ даже на англійскомъ языкѣ статью *Politique economique* для единбургской энциклопедіи Брюстера, — опыты, развитіемъ котораго были *Nouveaux principes d'économie politique*. Замѣтивъ многокомомъ, что, занимаясь исторіей Французовъ, онъ постоянно занимался политическою экономіей, какъ комментаріемъ на исторію.

Послѣдующіе годы были для Сисмонди годами спокойствія и счастья. Онъ счастливо женился на Англичанкѣ; доходы отъ литературныхъ трудовъ, вмѣстѣ съ доходами отъ иллібія, достаточно было для удовлетворенія его ограниченныхъ нуждъ. Онъ продолжалъ жить въ Женевѣ, но время-отъ-времени бѣгалъ на словъ-ферму въ Пешаро, или къ друзьямъ своимъ въ Аквино, чтобъ освѣжить умъ, утомленный олицомъ-напряженнымъ трудомъ.

Въ 1838 году Сисмонди представился замѣчательный случай примѣнить къ дѣлу иллібія, которыя онъ всегда проповѣдывалъ, какъ писатель. Франція прислала швейцарскому сейму дипломатическую ноту, по поводу принца Лудовика - Наполеона; ова требовала признанія этого деспота приключеній, своими безразсудными предпріятіями грозившаго границамъ ея. Въ Женевѣ, большинство жителей грозно загово-

рило противъ такого упрямства французскаго правительства. Не смотря на то, что противорѣчіемъ можно было лишиться популярности, Сисмонди не побоялся высказать иллібіе протинное. Прежде, чѣмъ началось публичное разсужденіе объ этомъ въ совѣтѣ, Сисмонди разослалъ ко всѣмъ членамъ совѣта записки, въ которыхъ старался доказать имъ историческими примѣрами и правомъ общественнымъ и народнымъ, что кантонъ Женевскій долженъ исполнить требованіе Франціи. Народъ пришелъ въ раздраженіе; подъ окнами Сисмонди даже былъ шумный шаривари: стрѣляли изъ ружей, грозили сжечь его домъ, обидѣли даже въ трусости, въ низости... но тѣмъ не менѣе онъ упорно отстаивалъ свое иллібіе, которое казалось ему согласнымъ съ здравымъ рассудкомъ, и бодрѣ-смѣлымъ, чѣмъ трусливымъ, потому-что подвергало его личнымъ опасностямъ.

Сисмонди старѣлъ и хотя способности его не старѣли, ибо въ теченіи времени отъ 1833 до 1842, онъ издавалъ нѣсколько томовъ «Исторіи Французовъ» и свои *Etudes sur l'économie politique*; но лѣта уже подрывали его здоровье. Конецъ его приближался; вѣрные признаки не позволяли въ томъ сомнѣваться. Къ страданіямъ физическимъ присоединились страданія душевные, огорченія, какия возбуждало въ немъ состояніе Женевы; они - то ускорили и кончину его. Старость его, какъ и юность, отравлена была политическими переворотами. Чобъ избежать огорченія, ускорившаго его кончину, необходимо знать современную исторію Швейцарскаго-Союза вообще и города и кантона Женевы въ особенности.

До французской революціи, Швейцарскій-Союзъ состоялъ изъ тринадцати независимыхъ государствъ, отлчавшихся какъ идеями и принципами, такъ и учрежденіями; на-примѣръ, въ Бернѣ господствовала конституціонная

аристократія. Нѣкоторые кантоны имѣли правленіе смѣшанное; другіе, какъ три *Waldstätter*, имѣли организацію республиканскую. Но эти республики по имени призывали на дѣлѣ начала совершенно - противоположныя тѣмъ, какія провозглашали французскіе революціонеры. Столь же деспотическія въ дѣлахъ политическихъ, какъ не терпѣлія разногласія въ дѣлахъ религіозныхъ, онѣ выказывали свою верховную власть съ строгостью, едва-ли не безпримѣрно въ исторіи. Никогда такъ жестоко не притѣсняли Миланцевъ Висконти и Сфорцы, какъ вольные пастухи Граубюндена, Швица и Ури притѣсняли свои итальянскіе округа. Не будемъ рассказывать послѣдовавшихъ событій: они всѣмъ извѣстны; достаточно припомнить, что послѣ многихъ переворотовъ, Швейцарскій - Союзъ, раздѣленный тогда на двадцать-два кантона, принялъ, 7 августа 1814 г., по такъ-называемому союзному договору (*pacte federal*), конституцію, которая и до-сихъ-поръ держится въ немъ, и что 20 ноября, въ день подписанія парижскаго трактата, Англія, Австрія, Франція, Португалія, Пруссія и Россія формально признали всегдашній нейтралитетъ Швейцаріи и поручились за дѣлность и неприкосновенность ея владѣній въ новыхъ ея предѣлахъ.

15 лѣтъ Швейцарія была спокойна; но это спокойствіе не могло быть продолжительно. Какъ всѣ эти разнородные элементы, спаянные въ нѣсколько цѣпей, могли образовать изъ себя совершенное цѣлое? Къ политическимъ раздорамъ примѣшивались раздоры религіозные. Борьба готовилась долго, и наконецъ революція 1830 года дала ей новый толчокъ. Съ этого времени, т. е. съ-теченію четырнадцати лѣтъ, двѣ главныя партіи, раздѣляющія Швейцарію, не разъ вступали въ рукопашный бой. Въ Базелѣ, Швицѣ, Цюрихѣ, Ааргау и Валлисѣ кровавыя стычки происходили между аристократіей и демократіей, между іезуитами и протестан-

тами. Побѣдители до излишества простирали свое торжество, особенно аристократы и духовенство. Тогда только миръ будетъ имѣть прочныя основанія, когда конфедерація передѣляетъ союзный договоръ, коренные недостатки котораго составляютъ первую причину всѣхъ этихъ смуть.

Въ-теченіе пятидесяти послѣднихъ лѣтъ, Женева такъ же лишена была спокойствія, какъ и прочіе швейцарскіе кантоны. Безполезно было бы представлять здѣсь предыдущую ея исторію. До французской революціи, Женева была республикой, которой управляла могущественная аристократія. Нѣсколько благородныхъ фамилій, захвативъ въ свои руки власть, пользовались ею для своей выгоды и тщательно сохраняли за собой драгоценную ея монополію. Сверхъ-того, Римъ-католическій, какъ называли Женеву, казался еще невѣротерпимѣй Римъ-католическаго. Ни одинъ диссидентъ, даже лютеранинъ, не могъ пріобрѣсти въ немъ правъ гражданства и публично отправлять свое богослуженіе. Наконецъ, въ 1795 году, страсти стихли, и женевская демократія составила себѣ новую конституцію.

Эта конституція едва прожила три года. 5-го апрѣля 1798 г., Женева пала въ руки Французовъ и восемнадцать лѣтъ была главнымъ городомъ Леманскаго Департамента. Только въ 1813 году возвратила она свою независимость. При приближеніи австрійскихъ войскъ, прежняя аристократическая партія, которая вездѣ опирается на иностранцевъ, успѣшила захватить снова власть и возстановить старинную конституцію, уничтоженную революціей 1792 года. Нѣкоторые изъ главныхъ членовъ этой партіи, между прочими Сисмонди и Дюмонъ, тщетно протестовали противъ подобной торопливости и потому соединились съ этимъ правительствомъ, которое составило родъ аристократической партіи, принятой тогда 2,444 голосами изъ 2,778

человѣкъ, подававшихъ голоса. Сисмонди былъ членомъ новаго совѣта, но противился почти-всѣмъ важнымъ мѣрамъ, какія принимало большинство его товарищей. Такъ онъ протестовалъ противъ соединенія свободной и независимой Женевской-Республики съ двадцатью однимъ кантономъ Швейцарскаго-Союза.

Слишкомъ-медленныя и слишкомъ-умѣренныя реформы женевского правительства съ самаго начала возбуждали противъ него многочисленныя и сильныя жалобы. Съ каждымъ годомъ, особенно послѣ июльской революціи, демократическая партія становилась сильнѣе и взыскательнѣе. Въ 1841 году, она составила общество, которое приняло названіе Общества 3-го Марта, потому-что въ этотъ день было первое его собраніе. Въ этой борьбѣ, Сисмонди всегда поддерживалъ аристократію. Начатое памфлетами, междоусобіе продолжалось мятежомъ. 18-го октября, радикалы имѣли большое собраніе; они такъ рѣзко порицали поведеніе правительства и такъ повелительно требовали уничтоженія злоупотребленій, на которыя жаловались, что испуганное правительство сочло своимъ долгомъ дать имъ разныя обѣщанія. Было поздно; вмѣсто утишенія народнаго гнѣва, эта уступка воспламенила его. 22-го ноября, вспыхнула сильная инсуррекция. Мятежники съ оружіемъ въ рукахъ двинулись на городскую ратушу, гдѣ засѣдалъ совѣтъ. Покинутая войсками и желая избѣгнуть безполезнаго кровопролитія, женевская аристократія покорилась необходимости. Всѣ граждане были созваны для назначенія постановительнаго собранія, которое должно было пересмотрѣть конституцію. Избранный членомъ этого собранія, Сисмонди отличался въ немъ сильными выходками противъ народной партіи; сначала, онъ рѣшительно отрицалъ необходимость преобразованій, которыхъ требовали радикалы, и на которыя соглашалось правительство; но скоро здорověе не

позволило ему присутствовать въ собраніяхъ товарищѣмъ. Нравственныя и физическія страданія постоянно дѣйствовали другъ на друга, и не позволяли ему въ собраніяхъ противодействовать успѣхамъ демократіи. Не имѣя возможности выходить изъ комнаты, онъ вдалъ рѣчь, которую можно считать какъ-бы политическимъ завѣщаніемъ его. Осыпавъ сильными упреками нововодителей и оплакивъ заблужденія роковаго духа, грозившаго полнымъ разрушеніемъ *старой Женевы* — *отечеству, къ которому отныя привязаны столькими воспоминаніями*, онъ продолжалъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «новая республика, при первой передѣлкѣ (rifacimento) Европы, слѣдуетъ добычею одного изъ своихъ сосѣдей. Нѣтъ будущаго для народа, который не имѣетъ прошедшаго. Уничтожая всѣ старыя учрежденія, которыя дѣлали Женеву столь дорогою для дѣтей ея, вы убиваете всѣ наши надежды. Чтò можетъ быть проще обычая звонить вечеромъ въ колоколъ, чтобъ жители шли на покой? Но когда, послѣ владычества французскаго, этотъ обычай былъ восстановленъ, звуки этого колокола исторгли слезы униженія у старыхъ Женевцевъ. Эти слезы не доказывали ли, что любовь къ отечеству пережила утрату народнои независимости? Ваше новое правительство разрушило всѣ ваши старыя учрежденія. Подъ владычествомъ Французовъ, мы сохраняли по-крайней-мѣрѣ надежду, потому-что наше старое отечество жило еще въ сердцахъ нашихъ, но теперь погашено самое пламя. .

Это сопротивленіе было бесполезно. Друзья Сисмонди, тайно раздѣлявшіе его мнѣнія, не смѣли поддерживать ихъ публично; враги его не возмущали ихъ. Никто его не поддерживалъ. При томъ, онъ самъ опасался возбудить возстаніе, въ которомъ погибло бы нѣсколько жертвъ. Глубоко пораженный униженіемъ, онъ чувствовалъ, что его силы истощаются: страданія физическія ежедневно усиливались и вѣстѣ

съ его огорченіями, но ничто не могло заставить его покинуть труды историческіе. «Слава Богу» писалъ онъ къ одному изъ друзей своихъ: «я еще нахожу утѣшеніе въ занятіяхъ историческихъ. Полгода достаточно будетъ для окончанія труда всей моей жизни, но мнѣ надо кончить его теперь; позже—не буду въ силахъ, ибо если я оставлю перо на одинъ день, то уже не въ состояніи буду взять его.» И онъ составлялъ проекты на слѣдующій годъ. «Кончивъ свою книгу» говорилъ онъ, «поѣду взглянуть на Пешію и Невольскую-Долину; проведу зиму и лѣто въ Ковильяно, и въ маѣ 1844 года, достигнувъ семьдесятъ-одного года, возвращусь въ Женеву оканчивать жизнь.» Не сбылись его планы. Болѣзнь усилилась; желудокъ пересталъ принимать пищу, и 25 іюня 1842 года, Сисмонди скончался. Ему было шестьдесятъ-девять лѣтъ.

Во многихъ отрасляхъ литературы, напримѣръ въ исторіи, для человѣка, одареннаго даже и непервостепенными умственными способностями, возможно почти все, что онъ ни захочетъ. Успѣхъ часто бываетъ наградою упрямаго, настойчиваго труда. Менѣе можетъ сдѣлать человѣкъ легко все понимающій, легко все дѣлающій. Встрѣтится ли вдругъ малѣйшее препятствіе, привыкнувъ мыслить, повиноваться и писать безъ труда, онъ досадуетъ, теряетъ духъ и покидаетъ навсегда дорогу, по которой началъ идти съ успѣхомъ, равнымъ его таланту. Напротивъ, человѣкъ, у котораго идеи не такъ ясны, умъ медлительнѣе и слова труднѣе укладываются подъ перомъ, не пугается трудностей, привыкаетъ бороться и торжествовать надъ ними. Какъ бы ни продолжительна была его принужденная остановка, онъ никогда не уклоняется отъ пути, по которому рѣшился идти и, рано ли, поздно ли, доходитъ до цѣли. Извѣстна притча о томъ, какъ черепаха опередила зайца. Къ числу такихъ труженниковъ принадлежалъ Сисмонди.

Какихъ трудовъ, какой борьбы съ самимъ-собою стоило ему первое его историческое произведеніе «Исторія Итальянскихъ Республикъ!» Сколько разъ передѣлывалъ онъ отдѣльныя части ея! Дѣйствительно, трудъ, принятый имъ на себя, былъ очень-тяжелъ. Какъ слить въ одно гармоническое цѣлое лѣтописи такого множества владѣній, независимыхъ одно отъ другаго и между-тѣмъ связанныхъ разными узамъ? Сисмонди долженъ былъ выбрать одну изъ двухъ системъ. Въ-теченіе среднихъ вѣковъ, всѣ христіанскіе народы Западной-Европы считались составными частями одной республики подъ двойною верховною властію папы и императора. Сисмонди могъ привязать къ исторіи имперіи и папства исторію всѣхъ итальянскихъ владѣній, но онъ предпочелъ заняться исключительно ихъ происхожденіемъ, ихъ успѣхами и паденіемъ. Конечно, въ этой принятой имъ системѣ, Флоренція занимаетъ въ Италіи такое же преобладающее положеніе, какое имѣли Аѣны въ древней Греціи; но если оставить въ сторонѣ это основное сходство, исторіи обоихъ полуострововъ не можетъ быть сравниваема. Въ Италіи событія многочисленнѣе и запутаннѣе. Сисмонди умѣлъ найдти аріаднину нить, чтобы самому пройти и читателей провести по этому лабиринту, который съ перваго взгляда кажется неисходнымъ. Разскажъ его въ одно и тоже время представляеть и единство и сложность. Онъ идетъ изъ Генуи въ Неаполь, изъ Венеціи въ Миланъ, но никогда не выпускаетъ изъ вида исходнаго пункта и, въ случаѣ надобности, возвращается къ нему. Не съ болѣющимъ искусствомъ самъ Аріостъ спутываетъ и распутываетъ приключенія своихъ паладиновъ и дамъ ихъ. Уничтоженіе свободы — вотъ роковая развязка исторіи каждаго итальянскаго государства. По прочтеніи книги, читателю нѣчего болѣе узнавать: за исключеніемъ исторіи папства, онъ знаетъ всю исторію Италіи со времени паденія Римской-

Империю до эпохи, на которой авторъ долженъ былъ остановиться.

Это превосходное твореніе написано просто. Критики, обвиняющіе Сисмонди въ бесполезной плодovitости, забываютъ, что исторія Италіи одна представляетъ, можетъ-быть, болѣе запутанности и мелочей, чѣмъ исторія всѣхъ другихъ соединенныхъ государствъ европейскіхъ. Страшно подумывать, какую массу документовъ всякаго рода долженъ былъ перелистывать, прочесть, сравнить и обсудить Сисмонди. Вотъ отрывокъ изъ его неизданныхъ «Записокъ»: «Я обработываю теперь главу объ Амальфи; она займетъ не болѣе восемнадцати страницъ; но чтобъ написать ее, мнѣ надо было прочесть двѣсти-пятьдесятъ страницъ, in 4°, творенія Джіанвоне, перелистывать шесть-сотъ-пятьдесятъ страницъ in-folio «Собранія Итальянскихъ Писателей», прочесть разсужденіе объ амальфійской хроникѣ, около пятидесяти страницъ in-folio въ два столбца и наконецъ одинъ томъ лѣтописей Муратори. Прибавлю ко всему этому разсужденія Бренкмана объ Амальфійской-Республикѣ».

Сисмонди судитъ людей и вещи съ безпристрастіемъ неподкупнаго судьи. Никогда не умалчиваетъ онъ о фактѣ, который могъ бы свидѣтельствовать противъ него; ни въ какомъ случаѣ не уменьшаетъ, не оправдываетъ онъ злоупотребленій демократическаго правительства, не скрываетъ пороковъ, вѣроломства и упрямства своихъ любящихъ республикъ.

Современные французскіе историки раздѣляются на двѣ школы: *описательную*, которая занимается только собственно такъ-называемыми фактами, и *философскую*, которой все вниманіе сосредоточивается на идеяхъ. Сисмонди самъ говорить въ своихъ незавершенныхъ «Запискахъ», что всегда старался держаться срединны между этими школами. И хорошо дѣлалъ, ибо не бы-

ло у него качествъ, необходимыхъ для того, чтобъ идти въ первомъ рядѣ по той или другой дорогѣ. Съ одной стороны, какъ поэтъ или описательный историкъ, онъ не могъ бы изобразить въ довольно-яркихъ краскахъ и съ достаточнымъ тщаніемъ — дѣла, нравы и обычаи минувшаго; съ другой, какъ философъ, слишкомъ занялся бы грудою подробностей, которыхъ ему надлежало бы только уразумѣть настоящей смыслъ и представить слѣдствія.

Прежде окончанія двадцати-девятитомной «Исторіи Французовъ», Сисмонди издалъ, въ 1839 году, сокращеніе ея (Résumé) въ двухъ томахъ, содержащее въ себѣ краткій обзоръ событій до царствованія Генриха IV включительно. Это сокращеніе — не копія въ маломъ видѣ съ хорошей картины, грубо-сѣланная дешевыми гравѣрами для корыстолюбиваго издателя, но оригинальный эскизъ въ маломъ размѣрѣ, совершенно-новая композиція. Потому два эти тома имѣютъ свое внутреннее достоинство, котораго обыкновенно лишены бывають сочиненія подобнаго рода. Читатели, которыхъ испугають двадцать-девять толстыхъ томовъ «Исторіи», прочтутъ «Сокращеніе» съ удовольствіемъ и пользою.

Последнее историческое произведеніе Сисмонди «*Histoire de la chute de l'Empire Romain et du declin de la civilisation*» отличается качествами, свойственными другимъ его произведеніямъ; но такъ-какъ оно написано было нарочно для энциклопедіи Жарднера, то и имѣетъ обыкновенные недостатки таковаго рода заказныхъ книгъ.

Но Сисмонди не только историкъ, онъ и экономистъ. Политико-экономическихъ сочиненій его много. Изъ нихъ главныя: 1) *Nouveaux principes d'économie politique* (1819—1824); 2) *Études sur les constitutions des peuples libres* (1836); 3) *Études sur l'économie politique* (1837—1838).

Мы уже говорили, что Сисмонди первоначально явился приверженцемъ и защитникомъ Адама Смита, чему доказательствомъ служить забытая публикой, забытая и авторомъ книга: *La Richesse Commerciale*. Въ послѣдствіи, онъ сдѣлался противникомъ Смита и разошелся съ нимъ въ самыхъ главныхъ основаніяхъ политической экономіи. Вотъ въ которыхъ противорѣчія между этими экономистами.

Смитъ говорилъ, что правительство не должно вмешиваться въ дѣла промышленности и торговли: Сисмонди полагаетъ началомъ вмешательство правительства. «Правительство» говорить онъ должно быть покровителемъ «слабаго противъ сильнаго, защитникомъ того, кто не можетъ защищать себя самъ собой». Смитъ принималъ основнымъ догматомъ свободную и всеобщую конкуренцію; Сисмонди не хотѣлъ этой конкуренціи и чувствуетъ необходимость власти покровительствующей, которая не допускала бы, чтобъ люди приносили были въ жертву усѣхамъ богатства, которыми они не будутъ пользоваться. Но важнѣе всего слѣдующее:

Смитъ, приписывая труду способность производить богатства, и провозглашая свободу для всякаго трудящагося, признавалъ, хотя и неговорилъ этого, только одного человѣка — работающаго; у Сисмонди — два человѣка — бѣдный и богатый, и онъ считаетъ необходимымъ существованіе въ обществѣ бѣдныхъ и богатыхъ, — бѣдныхъ, «потому-что трудъ, требуемый производствомъ богатствъ, противится умственному развитію, безъ котораго человѣкъ остается созданиемъ неполнымъ». Не очевидно ли изъ этихъ словъ, что Сисмонди возобновилъ въ девятнадцатомъ столѣтіи мнѣніе Аристотеля о господствѣ и рабѣ? Невольникъ, по мнѣнію Аристотеля, былъ созданиемъ неполнымъ, частью, отрывкомъ господина. Такъ какъ бѣднякъ, работникъ есть созданіе неподное, то онъ имѣетъ потребность въ умѣ, который былъ бы вы-

ше его, и Сисмонди спешитъ отдать его на руки мануфактуристу, который занимаетъ его работой. Это умъ, которому онъ вѣряетъ бѣдняка! Хозяинъ завода обязанъ заботиться о своихъ рабочихъ въ теченіе всей ихъ жизни. Но за эту заботу пользуется надъ ними всѣми правами господина надъ невольникомъ. Какъ предсказывается въ этой теоріи аристократическое происхожденіе Сисмонди!

Прежде, чѣмъ мы разстанемся съ историкомъ и экономистомъ, проникнемъ въ кабинетъ его и взглянемъ на него за работой. Въ литературѣ, какъ и въ художествахъ, равно интересно и полезно знать, какъ работали знаменитые люди. Не пріятно ли намъ видѣть Микель-Анджело, вставшаго въ полночь, вставшаго съвѣчу въ бумажную свою шляпу и начинающаго обтесывать глыбу мрамора, — или Рембрандта, пишущаго въ темной комнатѣ, освѣщенной однимъ лучомъ солнца, который падаетъ на гудки и колчанъ, дамаскскія сабли и миланскіе доспѣхи? У Сисмонди была плохая память. Огромныхъ трудовъ стоило ему собирать матеріалы, которыми завалены были столы кабинета. Затѣмъ, тяжкихъ трудовъ стоило ему привести ихъ въ порядокъ и составить изъ нихъ дѣло. Каждая строчка его «Исторіи Итальянскихъ Республикъ» переписана была три раза. Къ концу жизни, онъ работалъ съ большою легкостью и только два раза переписалъ послѣдніе томы своей «Исторіи Французовъ». Корректуръ была для него равно тягостна: каждую страницу онъ перечитывалъ четыре-пять разъ и два раза вслухъ. Наконецъ, подобно Гиббону, прежде чѣмъ окончательно садился за работу, собиралъ всѣ книги, въ которыхъ имѣла вужду, ибо не могъ работать въ публичной библиотекѣ. Во время перваго пребыванія своего въ Парижѣ, онъ, какъ мы упоминали, часто посѣщалъ королевскую бібліотеку, но ограничивался только отыскиваніемъ рѣдкихъ книгъ и выписками и заѣтками. Дѣл

обдумыванія и сочиненія ему необходимо было удивленіе.

✱

ОБЩЕСТВО ДЛЯ СОДЕРЖАНІЯ ПАРХОДСТВА ПО ВОЛГѢ, КАМѢ И ВПАДАЮЩИМЪ ВЪ НИХЪ РѢКАМЪ (*).

По положенію Комитета гг. Министровъ, согласно представленія г. министра финансовъ послѣдовавшему, Государь Императоръ Высочайше соизволилъ на учрежденіе Акціонернаго Общества для содержанія парходства по Волгѣ, Камѣ и другимъ впадающимъ въ нихъ рѣкамъ, и для застрахованія перевозимыхъ по нимъ товаровъ, на основаніи составленнаго Учредителями Общества Устава, удостоеннаго Его Величествомъ разсмотрѣнія въ 22-й день января сего года. Уставъ общества припечатанъ въ Сенатскихъ Вѣдомостяхъ 29 февраля № 17, а о дозволеніи парходства въ

Санктпетербургскихъ 2 марта № 49 Московскихъ 7 марта № 29, Коммерческой Газетѣ 2 марта № 27 и Сѣверной Пчелѣ 4 марта № 51.

Общество (§ 1 Высочайше утвержденнаго устава) составляется для учрежденія и содержанія парходства и буксированія нитъ судовъ по Камѣ, Волгѣ и впадающимъ въ нихъ другимъ рѣкамъ, чтобъ таковою перевозкою изъ Пермской-Губерніи сибирскихъ товаровъ, всякаго рода тяжестей и пассажировъ, а равно обратнымъ изъ нижегородской армарки доставленіемъ разныхъ грузовъ въ сибирскій край, облегчить торговля его сношенія съ внутренними российскими губерніями; — въ этихъ видахъ общество, во-первыхъ, удешевитъ до возможной степени плату за перевозку владѣй; во-вторыхъ, ускоритъ доставку ихъ, сократя ее, по крайней мѣрѣ, въ половину существующихъ сроковъ и чрезъ то дастъ возможность къ провозу товаровъ въ сибирскія губерніи еще лѣтнимъ путемъ, наконецъ, въ-третьихъ, будетъ принимать отъ желающихъ перевозимыхъ владѣй на свой страхъ, въ обезпеченіе хозяевъ ихъ отъ убытковъ, происходящихъ при несчастныхъ случаяхъ во время

(*) Редакторъ «Отечественныхъ Записокъ» получилъ эту статью при слѣдующемъ письмѣ отъ гг. учредителей общества:

«Въ 4 № за апрѣль мѣсяцъ сего года издаваемыхъ вами, милостивый государь, «Отечественныхъ Записокъ», напечатана статья о дозволеніи намъ учредить акціонерное общество, для содержанія парходства по рѣкамъ Волгѣ и Камѣ; въ ней между прочимъ упоминается, что общество обязывается снабжать себя соотвѣственно складочному капиталу торговымъ свидѣтельствомъ; а какъ въ Высочайше утвержденномъ на сіе въ 22 день января сего года Уставѣ Общества, § 3, объяснено, что такое предпріятіе «не есть собственно торговое, или относящееся къ фабричной и заводской промышленности, то общество не обязывается снабжать себя соотвѣственно складочному капиталу торговымъ свидѣтельствомъ», — то наличные

учредители Общества, составляющіе временное правленіе сочли необходимыми адресоваться къ вамъ, милостивый государь, со всепокорнѣйшею просьбою объ исправленіи, вѣроятно неумышленно-происшедшей ошибки въ статьѣ «Отечественныхъ Записокъ», подлежащей оговоркою въ слѣдующихъ за сими нумерахъ, дабы вывести желающихъ участвовать въ предпріятіи семъ изъ сомнѣнія о содержаніи 3 параграфа упомянутаго устава; а вмѣстѣ съ симъ не благоугодно ли будетъ вамъ, милостивый государь, напечатать въ «Отечественныхъ Запискахъ» прилагаемое при семъ свидѣніе, для желающихъ имѣть участіе въ обществѣ; пріобрѣтеніемъ акцій (*).»

(*) Все это съ удовольствіемъ исполняемъ, желая полного успѣха полезному предпріятію.

Ред.

сдѣлованія тѣми рѣками, съ платою за нее (§§ 50, 51 Высочайше утвержденнаго устава) особо денегъ, по имѣющей утвердиться общимъ собраніемъ акціонеровъ таксѣ.

Капиталъ Общества (§ 2 Высочайше утвержденнаго устава) предполагается составить въ 150,000 руб. серебромъ, посредствомъ выпуска 500 акцій, каждая въ 300 руб. сереб., или купоновъ на нихъ въ половинной цѣнѣ, т. е. по 150 р. сер. каждый; двѣ трети этого капитала предназначаются собственно на устройство и содержаніе пароходства и одна треть на страхованіе перевозимыхъ товаровъ.

На одно имя (§ 5 Высочайше утвержденнаго устава) допускается требованій не болѣе 30 акцій.

При подпискѣ на акціи (§ 7 Высочайше утвержденнаго устава) должна быть взноσιма за каждую акцію и купонъ половинна означенной за нихъ платы; взносъ остальныхъ денегъ будетъ произведенъ по требованію имѣющаго учредиться постояннаго Правленія Общества, по мѣрѣ надобности.

Кто послѣ перваго платежа за акціи (§ 10 Высочайше утвержденнаго устава) не внесетъ въ назначенные правленіемъ сроки денегъ, слѣдующихъ въ число платежа за акціи, тому дается для сего 30-ти дневная льгота, со взысканіемъ притомъ съ требовавшейся суммы 10 проц. въ неустойку. Если, по истеченіи и сего срока, деньги не будутъ уплачены, тогда подписавшійся на акціи лишается права на приобретеніе ихъ и внесенныя за нихъ деньги обращаются въ безвозвратную собственность компаніи.

Акціи могутъ быть (§ 11 Высочайше утвержденнаго устава) передаваемы отъ одного лица къ другому чрезъ передаточную надпись, каждый разъ отмѣчаемую въ правленіи общества на самой акціи; въ случаѣ потери ея, должно дать знать о томъ правленію, которое объявитъ въ вѣдомостяхъ начетъ хозяевъ, и если въ шесть мѣсяцевъ никто съ акціею не явится, то потерявшему ее выдается новая подѣ

тѣмъ же номеромъ, съ означеніемъ, что выдава въ-замѣнъ утраченной.

Капиталъ общества (§ 9 Высочайше утвержденнаго устава), который составитъ отъ взноса денегъ за акціи или купоны, по минованіи срока для подписки, немедленно отсылается въ ближайшее кредитное установленіе, для храненія до учрежденія постояннаго правленія, или же, при возможности, переводится для пользы общества на серіи, облигации и билеты кредитныхъ учреждений, равномѣрно и самое правленіе общества свободный капиталъ, (§ 25 Высочайше утвержденнаго устава) должно хранить въ кредитныхъ установленіяхъ, для приращенія процентами.

Правленіе общества (§ 22 Высочайше утвержденнаго устава) о распоряженіяхъ своихъ, какія будутъ сдѣланы съ открытіемъ его, сообщаетъ для свѣдѣнія всѣмъ акціонерамъ чрезъ вѣдомости, а по окончаніи каждого года представляетъ положенные по уставу отчеты общему собранію акціонеровъ, отъ котораго будетъ зависѣть и назначеніе дивиденда на акціи отъ полученныхъ прибылей (§ 33 Высочайше утвержденнаго устава).

Срокъ существованія компаніи (§ 61 Высочайше утвержденнаго устава) назначается 15 лѣтнѣмъ, по истеченіи котораго о дальнѣйшемъ продолженіи, а равно о прекращеніи дѣйствій общества прежде, или послѣ срока, правленіе, по обсужденіи общаго собранія акціонеровъ, приступаетъ къ ликвидаціи, и о послѣдствіяхъ ея извѣщаетъ чрезъ вѣдомости акціонеровъ и всѣ лица, къ дѣламъ общества прикосновенныя.

Нижеподписавшіеся учредители общества, доводя о всемъ вышензложенномъ до всеобщаго свѣдѣнія и открывая, на основаніи 4 § Высочайше утвержденнаго устава, для желающихъ изъ всѣхъ званій, подписку на акціи на шести-мѣсячный срокъ со дня припечатанія о томъ объявленія въ вѣдомостяхъ обѣихъ столицъ и губерnskихъ, покорнѣе просятъ желающихъ съ

требованіями на акціи и купоны обращаться лично, или чрезъ почту, во временное управление общества, состоящее изъ наличныхъ учредителей въ губерскомъ городѣ Перми, съ представлениемъ перваго взноса денегъ по 150 руб. за акцію и по 75 руб. сер. за купонъ, которое, по запискѣ денегъ въ шнуровой приходной книгѣ, выдаться въ полученіи ихъ наличнымъ подписчикамъ того же дня квитанцію, а отсутствующимъ высылаеть оныя съ первою почтою за общемою подписью учредителей общества. Почтовая корреспонденція общества съ акціонерами производится на ихъ счетъ и потому подписчики, слѣдуя расчету почтовому, при каждой посылкѣ или письмѣ благоволятъ прилагать денегъ за два лота и 30 коп. сереб. за печатный экземпляръ устава, имѣющаго доставиться вмѣстѣ съ квитанцією.

Учредители общества честь имѣютъ присвокупить, что какъ по сравнимымъ уже данымъ и по соображенію сего важнаго для здѣшняго края предпріятія съ общемою пользою, не представляется никакого сомнѣнія ни въ вѣрность успѣхъ дѣла, ни въ пріобрѣтеніи достаточнаго числа акціонеровъ, то, на основаніи § 12 Высочайше утвержденаго устава, учредители озабочиваются непрелѣннымъ открытіемъ пароходства въ навигацію будущаго 1845 года; вмѣстѣ съ симъ приступили къ распоряженіямъ: а) объ устройствѣ на первый разъ парохода въ 60 силъ и судна къ нему для буксированія 10,000 пудовъ груза; б) объ избраніи мѣстъ, въ которыхъ пароходы должны находиться для выловки, для принятія владей и складки грузовъ, а также для заготовки угля, или дровъ, съ устройствомъ пристаней и в) о принисканіи и законтрактваніи необходимыхъ по управленію благонадежныхъ лицъ и квартиры для помѣщенія правленія и управляющаго, съ принятіемъ на свой счетъ всѣхъ выиѣ требующихся расходовъ, предоставляя себѣ по открытіи правленія получить по счетамъ своимъ изъ суммъ об-

щества только расходы по содѣрженію контрактовъ, по пріобрѣтенію паровой машины, корпуса парохода, судовъ, найму служащихъ и помѣщенія на основаніи помянутаго § 12 Высочайше утвержденаго устава.

*

ИГРЫ ДРЕВНИХЪ. (Изъ романовъ Александра Дюма «Атлс»).

I.

Циркъ въ Римѣ.

Изъ всѣхъ зрѣлищъ, даваемыхъ эдилами и цезарями, народу всего болѣе нравились травли зѣбрей и боя гладиаторовъ. Нѣкогда эти два зрѣлища давались отдѣльно; но Помпейю пришла мысль соединить ихъ, и въ первый разъ, во время своего втораго консульства, по случаю сооруженія храма Венерѣ-побѣдительницѣ, онъ заставилъ Гетуловъ, вооруженныхъ дротиками, сражаться съ двадцатью дикими слонами. Правда, еще горѣздо-прежде, если вѣрить Титу Ливію, въ циркѣ въ одинъ день убили сто-ѣврокъ два слона; но эти слоны, взятые во время битвы съ Картагенянами, были пораженны зрителями съ усугубъ цирка. Восемьдесятъ лѣтъ спустя, въ 523 году отъ основанія Рима, Сципіонъ Назика и П. Лентуръ выпустили въ циркѣ 63 барса, и можно было подумать, что Римляне уже утомлены этими зрѣлищами, какъ вдругъ Сегуръ наполнилъ амфитеатръ водою и пустилъ въ это искусственное море 13 гиппопотамовъ и 23 крокодила. Сулла, преторъ, затравилъ 100 львовъ; великій Помпей—315, а Юлій-Цезарь—400. Наконецъ, Августъ, на различныхъ празднествахъ, убилъ около 3500

львовъ, тигровъ и барсовъ. Даже и то П. Сервилій, о жизни котораго осталось только это воспоминаніе, далъ празднество, на которомъ убито 300 медвѣдей и столько же барсовъ и львовъ, привезенныхъ изъ степей африканскихъ. Въ послѣдствіи, эта роскошь не имѣла границъ, и Титъ, въ одной травлѣ, истребилъ до 5000 динихъ звѣрей.

Но изъ всѣхъ императоровъ самыя богатые и разнообразныя зрѣлища дѣлалъ Неронъ. Онъ обложилъ данью Італію и степи, и вода и песокъ доставляли ему львовъ, тигровъ и крокодиловъ. Гладіаторовъ онъ замѣнилъ военнопленными и христіанами: если ихъ не было довкости гладіаторовъ, по-крайней-мѣрѣ были мужество и пылкость, придававшія предметнымъ мукамъ еще болѣе позоръ и новый видъ, — а этого только и нужно было для возбужденія любопытства...

...Весь Римъ устремился въ циркъ. Въ этотъ разъ, полною горстью почеркнули въ стѣнахъ итемищахъ: дикихъ звѣрей и жертвъ было столько, что раздѣльщикъ могъ продѣлать цѣлый день всю ночь. Притомъ, императоръ обѣщалъ осѣнить циркъ особеннымъ образомъ, и его встрѣтили единодушными рукоплесканіями. Въ этотъ разъ, Неронъ былъ одѣтъ Аполлономъ и, какъ пнейскій богъ, держалъ лукъ и трѣлы, потому-что въ промежуткахъ раженій долженъ былъ показывать опыты своей довкости. Нѣсколько деревьевъ вырвано было съ корнемъ изъ альбанскаго лѣса, перенесено въ Римъ и посажено въ циркъ. На вѣтвяхъ этихъ деревьевъ красовались золотыя и лазурныя перьями ручные фаны и павины и служили цѣлю для трѣлъ императора. Случалось, что Цезарь сжигался надъ однимъ изъ вѣтвистыхъ невольниковъ или сердился на какого-нибудь звѣря, худо исполнявшаго обязанность палача: тогда онъ бралъ лукъ, или дротикъ, и съ своего мѣста, съ своего престола, подобный Оптеру - громовержцу, посылалъ смерть на другой конецъ цирка.

Едва успѣли усѣсться императоръ, какъ пріѣхали гладіаторы на колесницахъ. Они были куплены, по обыкновенію; но такъ-какъ торжество было велико, то въ число гладіаторовъ, въ угодность императору, вмѣшалось нѣсколько молодыхъ патриціевъ. Говорили даже, что двое изъ нихъ, разорившись отъ развратной жизни, нанялись, одинъ за двѣсти-пятьдесятъ, другой за триста тысячъ сестерцій.

Когда Неронъ вошелъ, гладіаторы уже были въ аренѣ, ожидая знака и упражаясь между собою, какъ-будто ожидавшій ихъ бой былъ простою игрою; но едва словъ императоръ, императоръ! — раздалось въ циркѣ и цезарь Аполлоновъ сѣлъ на своемъ престолѣ напротивъ весталокъ, — какъ въ циркѣ вошли распорядители игръ, съ отпущенными оружіями, и обмѣнили на нихъ притупленные мечи, которыми упражнялись гладіаторы. Потомъ гладіаторы, одинъ за другимъ, прошли мимо Нерова, подымая къ нему свои мечи, чтобъ онъ могъ видѣть — какъ были они заострены и отточены. Онъ могъ это видѣть, немного нагнувшись, потому-что ложа его возвышалась надъ ареною не болѣе, какъ на девять или на десять футовъ.

Цезарю поднесли списокъ атлетовъ, чтобъ онъ самъ назначилъ порядокъ, въ которомъ они должны сражаться: онъ рѣшилъ, что начнутъ ретиарій (1) и ширмилонъ (2); потомъ должны были выйти на арену двое андабатовъ (3), а послѣ двое андабатовъ (4).

Для заключенія перваго зрѣлища, долженствовавшаго окончиться въ полдень, положено было бросить звѣрѣмъ двухъ христіанъ, мужчину и женщину. — Народъ, казалось, былъ дово-

(1) Гладіаторъ, сражавшійся съ сѣтью и трезубцомъ.

(2) Гладіаторъ въ галлѣскомъ вооруженіи.

(3) Гладіаторы, сражавшіеся двумя мечами.

(4) Атлеты, выходившіе на бой съ завязанными глазами.

ленъ этою программой и посреди криковъ: «да здравствуетъ Неронъ! слава цезарю! благополучіе императору!» въ циркъ вошли, изъ двухъ противоположныхъ дверей, первые два гладіатора.

Это были, какъ назначилъ цезарь, мирмиллонъ и ретиарій. Первый одѣтъ былъ въ свѣтлозеленую тунику съ продолговатыми серебряными полосами, стянутую мѣдвнымъ граненымъ поясомъ, обдѣланную кораллами. Правая нога его была защищена бронзовымъ наожникомъ; его лицо закрывалъ шлемъ съ забраломъ, подобный шлему рыцарей XIV вѣка, съ верхушкою, на которой изображенъ былъ буйволъ съ длинными рогами; въ лѣвой рукѣ у него былъ большой круглый щитъ; въ правой дротикъ и свицовая палица. Это были одежда и вооруженіе Галловъ.

Ретиарій въ правой рукѣ держалъ сѣть, отъ которой получилъ названіе, а въ лѣвой, защищенной маленькимъ щитомъ, называемомъ «вагша», длинный трезубецъ съ клееною рукояткою и стальными остріями; туника его была изъ синяго сукна, котораго изъ сивей кожи, наожникъ изъ позолоченой бронзы. Его лицо было открыто; на головѣ шапочка изъ сивей шерсти съ золотою сѣточкой.

Двое соперниковъ приблизились другъ къ другу не по прямой линіи, но косвенно; ретиарій держалъ наготовѣ сѣть, мирмиллонъ размахивалъ дротикомъ. Подошедъ на близкое разстояніе, ретиарій сдѣлалъ быстрый прыжокъ впередъ и раскинулъ сѣть, но ни одно его движеніе не укрылось отъ взоровъ мирмиллона: онъ сдѣлалъ такой же прыжокъ назадъ и сѣть упала къ его ногамъ. Въ то же мгновеніе и прежде, нежели ретиарій успѣлъ закрыться щитомъ, изъ руки мирмиллона вылетѣлъ дротикъ, но ретиарій нагнулся и дротикъ, нацѣленный ему въ грудь, сорвалъ его изящный головной уборъ.

Тогда ретиарій, хотя вооруженный трезубцемъ, пустился бѣжать, таща

за собою сѣть, потому-что онъ могъ употребить свое оружіе только тогда, когда непріятель попадался въ сѣти. Мирмиллонъ тотчасъ же устремился за нимъ, но бѣгъ его заедлался тяжелой палицей и забраломъ, и ретиарій успѣлъ снова собрать сѣть и приготовиться къ оборонѣ. Тогда онъ сталъ наступать, мирмиллонъ обороняться.

Во время бѣга, мирмиллонъ поднулъ свой дротикъ и повѣсилъ на носѣ, какъ трофей, шапочку своего противника.

Итакъ, оба атлета очутились каждый съ своимъ оружіемъ. Въ этотъ разъ, началъ мирмиллонъ: дротикъ его, пущенный изъ всей силы, ударился прямо въ щитъ ретиарія, прошел сквозь бронзовую бляху, сквозь семь кожъ, сложенныхъ одна на одну, и коснулся груди. Народъ думалъ, что ретиарій раненъ на смерть, и со всѣхъ сторонъ раздались крики; но ретиарій тотчасъ же отгналъ отъ груди щитъ, въ который вонзился дротикъ и показалъ, что слегка раненъ. Загремѣли радостные крики, потому-что зрители болись короткихъ сраженій; по-этому, они съ презрѣніемъ смотрѣли на гладіаторовъ, пораженныхъ въ голову, хотя это и не было запрещено.

Мирмиллонъ побѣждалъ въ свою очередь, потому-что его палица, страшное оружіе во время преслѣдованія ретиарія, дѣлалась почти-неуязвимою съ той минуты, какъ ретиарій забрасывалъ себя сѣть на плечо: подходя въ близкое разстояніе къ своему противнику, чтобъ ударить его, мирмиллонъ давалъ ему время завернуть себя гибельными петлями. Тогда увидалъ бѣгство по всѣмъ правиламъ,—потому-что бѣгство было тоже искусствомъ. Но и теперь мирмиллону мѣшала шлемъ; ретиарій былъ уже такъ близко отъ него, что зрители, остерегающіе мирмиллона, кричали; мирмиллонъ повялъ, что погибъ, если не сниметъ шлема, сдѣлавшагося уже бесполезнымъ. Разстегнувъ на бѣгу желѣзную пряжку шлема, онъ сорвалъ его съ головы и бросилъ далеко отъ себя. Тогда

въ мирмиллонѣ съ удивленіемъ узнали молодого патриція, по имени Феста. Онъ надѣлъ шлемъ съ забраломъ богѣе для того, чтобъ не быть узваннымъ, нежели для защиты. Это открытіе удвоило участіе, принимаемое зрителями въ сраженіи.

Съ этого мгновенія, молодой патрицій сталъ опережать своего противника, который, въ свою очередь, былъ замедляемъ на бѣгу щитомъ, пронаезымъ дротикомъ. Побуждаемый криками зрителей и бѣгствомъ противника, онъ далеко бросилъ щитъ и дротикъ. Видѣлъ ли мирмиллонъ въ этомъ поступкѣ неблагоурауміе, снова уравновѣшивающее сраженіе, усталъ ли онъ бѣжать, но только онъ вдругъ остановился, кружа надъ головой свою палицу. Ретіарій тоже изготовилъ свое оружіе, но прежде, нежели приблизился онъ на достаточное разстояніе къ своему врагу, палица ударила его посреди груди. Онъ зашатался и упалъ, покрытый собственной сѣтью. Фестъ бросился къ щиту, выдернулъ изъ него дротикъ, однимъ прыжкомъ очутился подлѣ своего врага, приставилъ ему дротикъ къ горлу и обернулся въ народу, чтобъ узвать — убить или помиловать долженъ онъ своего противника. Всѣ руки поднялись — одиѣ сжатыя, другія разъединенныя, съ опущеннымъ внизъ большимъ пальцемъ. Въ этой толпѣ нельзя было опредѣлить большинства; поэтому раздался крикъ: «къ весталкамъ! къ весталкамъ!» Такъ обыкновенно поступали въ сомнительныхъ случаяхъ. Фестъ обернулся къ «*rodium*» (*). Дѣдннадцать весталокъ встали; у восьми большой палецъ былъ опущенъ внизъ: большинство приговорило къ смерти, и ретіарій самъ приставилъ себѣ остріе къ горлу, закричавъ въ послѣдній разъ: «цезарь—богъ!» и, не произнеся ни одной жалобы, умеръ подлѣ дротикомъ

Феста, прошедшемъ ему сквозь шею до самой груди.

Народъ рукоплескалъ побѣдителю и побѣжденному, потому-что одинъ ловко убилъ, другой мужественно умеръ. Фестъ при рукоплесканіяхъ обошелъ амфитеатръ и вышелъ въ одну дверь, между-тѣмъ, какъ въ другую выносили трупъ его врага.

Тотчасъ же вошелъ невольникъ съ граблини и изгладилъ съ песка слѣды крови. Въ арену вошли двое новыхъ атлетовъ: это были димахеры.

Димахеры были искуснѣйшіе бойцы нероновскаго вѣка. Они были безъ шлема, безъ щита, безъ «*остеа*», съ мечомъ въ каждой рукѣ, какъ рыцари фронды въ поединкахъ на кивжалахъ и шпагахъ; по-этому, наѣти бои народъ смотрѣлъ, какъ на торжество искусства, и поединщиками иногда были сами учителя фехтованья. Теперь это были учитель и ученикъ. Ученикъ такъ хорошо воспользовался уроками, что вызвалъ на бой учителя. Давно въ глубинѣ его сердца зрѣла ненависть къ учителю за худое обращеніе, но онъ скрывалъ ее отъ всѣхъ, и въ намѣреніи отмстить когда-нибудь, продолжалъ ежедневныя упражненія; наконецъ онъ овладѣлъ всѣми тайнами искусства. Поэтому, еще любопытнѣе было зрителямъ видѣть этихъ двухъ людей, въ первый разъ замѣнявшихъ простое упражненіе настоящимъ боемъ. Тройное «*salve*» рукоплесканій привѣтствовало появленіе поединщиковъ; наконецъ, по знаку императора, шумъ смѣнился глубокаимъ молчаніемъ.

Соперники приблизились другъ къ другу, одушевленные глубокою ненавистью, обыкновенно порождаемою всякимъ соперничествомъ; но эта ненависть придавала еще болѣе осторожности нападенію и защитѣ: они рисковали не только жизнью, но и славой.

Наконецъ, мечи ихъ встрѣтились: легче было бы слѣдить быстроту двухъ играющихъ змѣй, двухъ скрестившихся молній, чѣмъ движеніе этихъ мечей. Перехода постепенно и съ величайшею правильностью отъ обороны къ

(*) Мѣсто въ циркѣ, гдѣ сидѣли весталки. Оно находилось обыкновенно противъ ложи императора.

нападению, сначала ученикъ заставил учителя отступить къ подножию престола императора, потомъ учитель подвинулъ ученика къ *rodium*, гдѣ сидѣли весталки, потомъ они снова очутились на серединѣ цирка, оба невредимые, хотя двадцать разъ клинокъ каждаго меча былъ такъ близко отъ груди, что раздиралъ тунику, подъ которой искалъ сердца. Наконецъ, ученикъ сдѣлалъ прыжокъ назадъ. Зрители закричали; но онъ снова возвратился къ бою, хотя кровь текла по его ногѣ изъ-подъ туники, и, черезъ два пасса, учитель, въ свою очередь, показалъ неудовичнымъ для мѣнѣ-опытныхъ глазъ движеніемъ, что онъ почувствовалъ холодное прикосновеніе желѣза. Въ этотъ разъ, не посыпалось ни одного крика: истинное любопытство было. Только при искусно-нанесенныхъ или ловко-отбитыхъ ударахъ слышался глухой ропотъ, показывающій актѣру, что публика не потому не рукоплещетъ ему, что не отрицаетъ его достоинства, но потому-что не хочетъ прерывать его. Соперники удвоили рвеніе; мечи летѣли съ прежнею скоростью, и казалось, этотъ страдальчій бой кончится однимъ истощеніемъ силъ, какъ вдругъ учитель, отступая, коснулся въ сѣнѣхъ крови и упалъ. Ученикъ, пользуясь случайнымъ преимуществомъ, бросился на своего соперника, но къ величайшему удивленію зрителей ни тотъ, ни другой не поднялся. Весь народъ всталъ, сложивъ руки и крича: «помилованіа! свободы!» Никто не отозвался. Тогда распорядитель игръ пошелъ въ циркъ съ побѣдными пальмами отъ имени императора, — но было поздно. Атлеты, если не были побѣдителями, были по-вѣрней-шрѣ свободны: они закололи другъ друга.

За димакерами, какъ мы сказали, должны были слѣдовать андабаты. Безъ сомнѣнія, они вписаны были послѣ димакеровъ для развлеченія народа противоположностью, потому-что для нихъ искусство и ловкость были совершенно-безполезны. Вся голова

ихъ была закрыта шлемомъ, въ которомъ были сдѣланы отверстія—только для ушей и рта: они сражались слѣпые. Впрочемъ, народъ очень веселили эти страшныя жмурки, гдѣ каждый ударъ поражаетъ, потому-что андабаты не имѣли никакого оборонительнаго оружія.

Двое бойцовъ стали сходиться, проходя циркъ во всю его длину. Приближаясь другъ къ другу, они пытались измѣнить зрѣніе слухомъ и вслушаться въ невидимую опасность,—но легко понять, какъ это было обаятельно. Поэтому, они были еще далеко другъ отъ друга, а ужъ падали мечами, поражающими одинъ воздухъ. Наконецъ, побуждаемые криками: «впередъ! впередъ! на право! назадъ!» они пошли съ большою смѣлостью, но разошлись и обернулись другъ къ другу спиной, все еще продолжая угрожать. Грохотъ хохога и смѣхъ зрителей показалъ гладиаторамъ ихъ ошибку; они разомъ обернулись и очутились лицомъ къ лицу. Мечи ихъ свистнулись, и они ударили другъ въ одно и то же время, но различными образомъ, такъ, что одинъ изъ гладиаторовъ получилъ ударъ клинкомъ въ лѣвую руку, а другой — ударъ лезвиемъ по лѣвой рукѣ. Каждый изъ раненыхъ сдѣлалъ движеніе, и они снова разошлись, но зналъ, какъ сойтись. Тогда одинъ изъ нихъ легъ на землю, прислушиваясь къ шуму шаговъ своего противника, и когда тотъ приблизился, рванулъ его во второй разъ. Послѣдній, чувствуя себя опаснораненнымъ, сдѣлалъ быстрый шагъ впередъ, споткнулся на тѣло своего неприятеля и упалъ въ двухъ или трехъ шагахъ отъ него, но тотчасъ же всталъ и описалъ своимъ мечомъ таковой сильный и быстрый кругъ, что оружіе, встрѣтивъ шею перваго гладиатора въ томъ мѣстѣ, гдѣ ее не защищала плечъ, снесло голову съ плечъ. Туловище простояло живое, потому, сдѣлавъ нѣсколько неровныхъ шаговъ, будто ища своей головы, упало на песокъ и облило его кровью. По крикамъ народа — гладиаторъ, оставшійся въ

живыхъ, угадавъ, что навесѣ смер-
тельный ударъ, но все еще стоялъ въ
оборонительномъ положеніи. Тогда къ
нему подошелъ одинъ изъ распоряди-
телей игръ, снявъ съ него шлемъ и
скальдъ: «ты свободенъ и побѣдитель!»
Гладиаторъ вышелъ изъ двери, называе-
мая «*porta vivaria*», потому-что въ
нихъ выходили изъ цирка избѣжавшіе
смерти бойцы, а трупъ вынесли въ
«*prolaniam*», родъ пещеры, находив-
шейся подъ уступами адътеатра. Въ
этой пещерѣ, лекаря дожидались ра-
ненныя и расхаживали два человѣка,
одинъ — одѣтый Меркуріемъ, другой
Плутономъ. Меркурій дотрогивался
раскаленнымъ ладонемъ до безчув-
ственныхъ, по-видимому, труповъ,
чтобъ узнать, не осталось ли въ нихъ
искры жизни, а Плутонъ умерщвлялъ
бойцовъ, по мнѣнію лекарей неспособ-
ныхъ къ излеченію...

....Гладиаторовъ должны были смѣ-
нить бестіаріи (*), а бестіаріями были
христиане, такъ-что вся ненависть была
къ людямъ и все сочувствіе къ живот-
нымъ. Какъ ни велико было нетерпѣ-
ніе толпы, надо было дожидаться —
шека невольники выметутъ циркъ. Но
вотъ и невольники удалились; арена на
мгновеніе опустѣла; толпа ожидала...
Наконецъ—растворилась дверь, и во-
зры всѣхъ устремились на новыя жер-
твы.

Сначала введена была женщина, въ
бѣлой туникѣ, въ бѣломъ покрывалѣ.
Ее подвели къ одному изъ деревьевъ и
привязали къ нему конерегъ тѣла. То-
гда одинъ изъ невольниковъ сорвалъ съ
нея покрывало, и зрители увидѣли
прекрасное лицо, блѣдное, но рѣши-
тельное: послышался продолжитель-
ный шопотъ. Молодая дѣвушка, хотя
и христианка, съ перваго взгляда рас-
положила къ себѣ толпу. Между-тѣмъ,
какъ взоры всѣхъ устремились были на
дѣвушку, растворилась дверь, и вошелъ

молодой человѣкъ. Обыкновенно бро-
сали взѣрмъ христианна и христиан-
ку, давъ мужчине всѣ средства къ за-
щитѣ, чтобъ желаніе замедлить свою
смерть и смерть своей подруги, обы-
кновенно сестры, любовницы или ма-
тери, продлило бой, отъ котораго хри-
стиане всегда отказывались, хотя и зна-
ли, что спасены, если побѣдятъ пер-
выхъ трехъ взѣрмъ.

Въ-самомъ-дѣлѣ, хотя за этимъ чело-
вѣкомъ, въ которомъ съ перваго взгля-
да легко было узнать силу и ловкость,
шли два невольника, одинъ съ мечомъ
и двумя дротиками, другой съ нуми-
дійскимъ конемъ, но онъ, казалось, не
былъ расположенъ къ ожидаемому на-
родомъ бою. Медленно приближался
онъ на середину цирка, спокойно и
увѣренно посмотрѣвъ вокругъ себя, и,
сдѣлавъ рукою знакъ, что конь и ору-
жія ненужны, взглянулъ на небо, узнавъ
на колѣни и сталъ молиться. Народъ,
обманутый въ своемъ ожиданіи, сталъ
угрожать и роптать: ему былъ нуженъ
бой, не мука. Раздались крики: «на
крестъ! на крестъ!» «Казнь за казнь: по-
крайней-мѣрѣ та, въ которой было бо-
льше мученій. Лучъ божественной ра-
дости засверкалъ въ глазахъ молодаго
человѣка; онъ протянулъ къ народу ру-
ки въ знакъ благодарности: онъ почи-
талъ за счастье умереть одинаковой
смертью съ Спасителемъ! Въ это мгно-
веніе, онъ услышалъ позади себя такой
глубокій вздохъ, что обернулся.

— Актъ! вскричалъ молодой чело-
вѣкъ, вставъ и бросающъ къ ней.

— Силла! смеялся надъ мною... сказа-
ла Актъ:—когда я тебя узнала, сердце
мое вновь оживилось надеждою... Ты
храбръ, ты силенъ, Силла! ты привыкъ
сражаться съ обитателями лѣсовъ и
степей... можетъ-быть, ты спасешь
себя и меня...

— А мученичество? прервалъ Силла,
показывая на небо.

— А страданіе... сказала Актъ, опу-
стивъ на грудь голову.—Увы! я не ро-
дилась, какъ ты, въ святомъ городѣ: я
не слышала слова жизни изъ устъ То-
го, за Котораго мы готовились умереть.

(*) Бестіаріями (отъ латинскаго слова
«*bestia*» — звѣрь) назывались гладиаторы и
узники, страдавшіе съ звѣрями.

Я—молодая Коринейка, воспитанная въ религіи своихъ предковъ; слово •мученикъ• известно мнѣ только со вчерашняго дня. Можетъ-быть, у меня достанетъ мужества для самой-себя; у меня и достанетъ его; но... Силла, если я увижу, какъ ты умираешь передо мною этой медленной и ужасной смертью...

— Хорошо; буду сражаться, отвѣчала Силла:—я увѣренъ, что всегда могу возвратить похищаемую тобою у меня радость. Потомъ, сдѣлавъ повелительный знакъ невольникамъ: — коня, дротики и мечъ! сказалъ онъ громкимъ голосомъ, съ величіемъ императора.

И толпа рукоплескала, появивъ по этому голосу и движенію, что увидитъ одинъ изъ геркулесовыхъ боевъ, возбуждавшихъ ея чувстваванія, утомленныхъ обыкновенными сраженіями.

Сначала Силла подошелъ къ коню, который, подобно ему, былъ сынъ Аравіи; земляки не узнали другъ друга: человекъ сказалъ коню нѣсколько словъ на чуждомъ языкѣ, и благородное животное, будто понявъ ихъ, отвѣчало ржаніемъ. Силла сорвалъ съ коня узда и сѣдло, и дитя степи запрыгаю вокругъ того, кто возвратилъ ему свободу.

Въ это время Силла, въ свою очередь, сбрасывалъ съ себя лишніе одежды, и, обернувъ свой красный плащъ вокругъ лѣвой руки, остался въ одной туникѣ и чалмѣ. Потомъ онъ опоясался мечомъ, взялъ дротики и кликнувъ коня, послушного и мирнаго, какъ газель, вскочилъ на него и, припадъ къ гривѣ, три раза окружилъ дерево, къ которому была привязана Актэ.

Въ это мгновеніе подъ •rodium• разтворилась дверь, и кордуанскій быкъ, подгоняемый невольниками, мыча, вошелъ въ циркъ. Но едва сдѣлавъ онъ десять шаговъ, какъ, устранный двумя, видомъ зрителей и криками толпы, припадъ на переднія ноги, нагнувъ голову до самой земли, и, устремивъ на Силлу мутный и свирѣпый взглядъ, началъ разрывать песокъ и бороздить землю рогами; носдри его дымилися. Тогда одинъ изъ невольниковъ бросилъ

ему набитую соломою чучелу; быкъ инулся на нее и смылъ ее подъ ноги; но въ то мгновеніе, какъ онъ былъ болѣе всего раздраженъ, изъ руки Силлы со свистомъ вылетѣлъ дротикъ и вошелъ въ плечо. Быкъ испустилъ болѣзненное мычаніе; потомъ, оставивъ ишимаго врага для дѣйствительнаго соперника, быстро устремился на Сиріица, опустивъ голову и проводя за собою кровавую борозду. Силла спокойно допустилъ его приблизиться; потомъ, когда животное было только въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, голосомъ и движеніемъ заставилъ легнаго бѣгуна отскочить въ сторону, и въ то время, какъ увлеченный бѣгомъ быкъ пронесся мимо, второй дротикъ вошелъ ему между ребръ свое шестивершковое желѣзо. Животное остановилось и задрожало; потомъ, тотчасъ же обернувшись, бросилось на коня и всадинца, но и конь и всадинца стали убѣгать предъ нимъ, будто уносимые вихремъ.

Три раза окружили они арену; быкъ ослабѣвалъ съ каждымъ разомъ и отставалъ болѣе-и-болѣе. Наконецъ, при третьемъ кругѣ, онъ упалъ на колѣни, но тотчасъ же всталъ, и, будто потерявъ надежду догнать Силлу, несотрѣлъ вокругъ себя, ища новой жертвы: тогда-то онъ привѣтилъ Актэ. Съ минутой, казалось, онъ сомнѣвался, что это было живое существо: такъ походила блѣдная и неподвижная Актэ на статую; но тотчасъ же, потянувъ въ себя носдриемъ нослухъ, онъ собралъ всѣ силы и устремился прямо на Актэ. Молодая дѣвушка увидѣла его и въ ужасѣ закричала. Но Силла не дремалъ: въ свою очередь устремился онъ на быка, но быкъ, казалось, убѣгалъ отъ него. Въ нѣсколько сначковъ вѣрнаго бѣгуна, Силла догналъ быка, перескочилъ къ нему на спину, и, схвативъ лѣвой рукой за одинъ рогъ, правой вошелъ быку въ горло мечъ по самую рукоятку. Зарѣзанный быкъ упалъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Актэ, но Актэ закрыла глаза, ожидая смерти, и только рукоплесканіямъ, раздававшимся въ циркѣ, возвѣстиямъ ей первую побѣду Силлы.

Тогда въ циркъ вошелъ трое невольниковъ. Двое изъ нихъ вели лошадей, на которыхъ надо было свезти съ арены быка; третій держалъ кубокъ и амфору. Онъ наполнилъ кубокъ и поднесъ его молодому Сирійцу. Силла едва коснулся губами кубка и спросилъ друга оружія: ему принесли лукъ, стрѣлы и рогатину. Потомъ всѣ посѣщали выйти, потому что подъ ложею императора подымалась рѣшетка, и атласскій левъ величественно входилъ въ арену. Это былъ точно царь творенія, потому что отъ рыканія, которымъ онъ прिवѣтствовалъ день, вздрогнули всѣ зрители, и самый конь, въ первый разъ усомнясь въ легкости своихъ ногъ, отвѣчалъ боязливымъ ржаніемъ. Одинъ Силла, привыкшій къ этому мощному голосу, столько разъ слышавъ его въ степяхъ, равстиающихся отъ Мертваго-Моря до источниковъ Моисея, спокойно приготовился къ нападенію или къ оборотѣ, и зайдя за ближайшее къ Актѣ дерево, накладывалъ на тетиву самую острую изъ стрѣлъ своихъ. Въ это время, его благородный и могучій врагъ приближался медленно и увѣренно, не зная, чего хотятъ отъ него, морща широкій лобъ и разметывая песокъ хвостомъ. Чтобы разсердить его, въ него пустили нѣсколько притупленныхъ стрѣлъ; но онъ, спокойный и величавый, продолжалъ идти, не заботясь объ этихъ мелочахъ, какъ вдругъ, среди безвредныхъ хлыстиковъ, какъ молнія, промелькнула острая стрѣла и вонзилась ему въ плечо. Левъ остановился, болѣе отъ удивленія, нежели отъ боли, будто недоумѣвая, чтобы кто-нибудь осмѣлился вызвать его на бой; но вскорѣ глаза его наполнились кровью; продолжительный ревъ какъ грохотъ грома вырвался изъ его груди; онъ выдернулъ изъ раны стрѣлу и сломалъ ее зубами. Потомъ, бросивъ вокругъ себя взглядъ, который заставилъ зрителей, не смотря на защищавшую ихъ рѣшетку, отступить назадъ, онъ сталъ искать жертвы своему царственному гнѣву. Тогда прихватилъ онъ покрытаго потомъ и гнѣвою, но дремлющаго коня и

однимъ прыжкомъ перенесся на двадцать шаговъ ближе къ первой выбранной имъ жертвѣ. Начался второй бѣгъ, еще необыкновеннѣе перваго. Теперь даже наука человѣка не портила инстинкта животныхъ, и сила съ быстротою вступили въ споръ во всей ихъ дикой энергіи. Взоры двухъ-сотъ тысячъ зрителей перенеслись отъ христіанъ на эту фантастическую травлю, тѣмъ болѣе ихъ занимавшую, что она была неожиданна. Второй прыжокъ еще болѣе приблизилъ льва къ коню. Конь, прижавшись къ углу цирка, не смѣя бѣжать ни вправо, ни влево, перескочилъ черезъ голову своего неприятеля, и левъ пустился за нимъ неровными прыжками, щетина граву, изрѣдка испуская пронзительные крики, на которые бѣглецъ отвѣчалъ боязливымъ ржаніемъ. Три раза, какъ тѣнь, какъ призракъ, какъ адскій конь, вырвавшійся изъ колесницы Плутона, промелькнуло быстрое дитя Нумидіи, и каждый разъ левъ, по-видимому не дѣлая никакихъ усилій, приближался болѣе-и-болѣе, такъ-что наконецъ, постепенно сокращая кругъ, побѣждалъ параллельно съ конемъ. Видя, что не можетъ избѣжать врага, конь всталъ у рѣшетки на дыбы и судорожно забилъ по воздуху передними ногами. Левъ приближался медленно, какъ побѣдитель, увѣренный въ своемъ торжествѣ, по-временамъ останавливаясь, чтобы рыкать, потрясать гривой и рвать когтями песокъ. А бѣдный конь, очарованный, какъ бывають очарованы лани и газели видомъ змѣи, упалъ и въ смертномъ страхѣ покатился по песку. Въ это мгновеніе, съ лука Силлы сорвалась вторая стрѣла и глубоко вонзилась между ребрами льва: человѣкъ шелъ на помощь коню и призывалъ на себя отклоненный имъ гнѣвъ. Левъ обернулся: онъ началъ понимать, что въ циркѣ тавтса другой врагъ, страшнѣе того, котораго онъ убилъ однимъ взглядомъ. Тогда-то онъ захитилъ Силлу, который накладывалъ третью стрѣлу на тетиву своего лука. На мгновеніе левъ остановился передъ человѣ-

копъ, стигъ другимъ царемъ троненіа. Игновеніа было довольно Сирійцу, чтобъ послать третью вѣстницу боли; стрѣла воцѣпилась льву въ шею. Что произошло потомъ—было быстро, какъ молнія. Левъ бросился на человѣка, человѣкъ принялъ льва на рогатину; подлетѣли клочки мяса и самые близкіе изъ зрителей были орошены кровавыми дождемъ. Изъ груди Акта вырвался прощальный крикъ: у нея не было болѣе защитника... но не было и врага. Левъ пережилъ человѣка только одною минутою: смертныя муки палача начались въ то мгновеніе, какъ окончивались мученія жертвы. Что касается до доня, онъ уже былъ мертвъ, хета левъ и не дотронулся до него.

Восхи ненюльники и унесли, среди криковъ и бѣшеныхъ рукоплесканій толпы, трупы человѣка и животныхъ.

Тогда взоры всѣхъ устремились на Акте. Смерть Силлы оставила Акте беззащитною. До тѣхъ-поръ, пока братъ ея былъ живъ, Акте могла надѣяться; теперь она поняла, что все кончено и начала шептать за него и за себя молитвы; но молитвы замирали на блѣдныхъ губахъ ея. Впрочемъ, къ Акте было сочувствіе въ зрителяхъ; привязъ ее сначала за Еврейку, они теперь увидѣли въ ней, по чертамъ лица, Гречанку. Женщины, и особенно молодые люди, начинали роптать. Нѣсколько зрителей встали, чтобъ испросить помилованіа Акте, какъ вдругъ съ верхнихъ ступеней амфитеатра раздались крики: «садись! садись!» Поднялась рѣшетка, и въ арену прыгнула тигрица.

Едва успѣвъ выйдти изъ своей клеткн, тигрица легла на землю и посмотрѣла вокругъ себя свирѣпо, но безъ удивленія, спокойно; потомъ втапула въ себѣ позарянн воздухъ и поползла, какъ ащія, къ тому мѣсту, гдѣ упала кровь. Такъ же, какъ онъ, подвиглась она на рѣшетку, обнюхивая и кусая желѣзные полосы; потомъ потихоньку заворчала, допрашивая желѣзо, песокъ и воздухъ объ отсутствующей добычѣ. Тогда услышала она запахъ свѣжей

кровои и мяса, и ширше полезла къ тому дереву, подъ которымъ происходила бой Силлы со львомъ. Обертываясь направо и налѣво и подбирая куски мяса, разбросанные вокругъ благороднымъ животнымъ, она подошла къ кровавой лужѣ и стала пить кровь, рыча и постепенно олушевляясь. Кончивъ пить, она посмотрѣла вокругъ себя блестящими взорами и только тогда приѣхтила Акте, призванную къ дереву и закрывшую глаза, чтобъ не видать смерти. Тигрица припала къ землѣ и косвенно пощомыла къ своей жертвѣ, не выпуская ее изъ вида. Въ десяти шагахъ, она приподнялась, однимъ прыжкомъ подскочила къ ногамъ молодой христіанки, но къ то время, какъ по всему амфитеатру раздался крикъ ужаса, крикъ, въ которомъ выразилось все участіе, принимаемое зрителями въ молодой дѣвушкѣ, тигрица снова легла на землю, тихая и мирная какъ газель, и съ радостнымъ рычаніемъ начала лизать ноги своей прежней госпожи. При этихъ неожиданныхъ ласкахъ, Акте открыла глаза и узнала Фѣбе, любимицу Нерона.

Со всѣхъ сторонъ раздались крики: «помилованіе! помилованіе!» Толпа приняла знакомство съ тигрицею за чудо. Притомъ же, замеченныя испытанія кончились, и такъ-какъ Акте была жива — то была свободна. Жестокость смѣнилась милосердіемъ. Молодые всадники кидали Акте золотыя шбли, женщины вѣнны, и всѣ встали, призывая невольничествъ, чтобъ развязать Акте. На крики вышелъ въ циркъ Либиусъ, черный сторожъ Фѣбе, и кидаясь разрѣзалъ узмы молодой дѣвушки. Акте отъ изнеможенія упала на колѣни, но Либиусъ ее поднялъ и, поддерживая, довезъ до двери, называемой «ана vivaга», потому-что въ эту дверь, какъ мы уже сказали, выходили изъ цирка гладиаторы, бестіарин и осужденные, избѣжавшіе смерти. На порогѣ, Акте дожидалась вся шумная толпа, потому-что вѣстники объявили приказаніе цезаря остановить игры и возобновить ихъ только въ пять часовъ вечера.

Вечеромъ, въ назначенный часъ, амфитеатръ растворился снова; императоръ занялъ свое мѣсто на престолѣ, и игры начались. Потомъ, когда стемнѣло, Неронъ вспомнилъ о своемъ общашии народу освѣтить травлю: къ двѣнадцати желѣзнымъ столбамъ привязали двѣнадцать христіанъ, облитыхъ сѣрою и смолою, и зажгли. Потомъ въ циркъ спустили новыхъ львовъ, ввели новыхъ гладиаторовъ...

II.

БОРЬБА ВЪ КОРИНОВЪ.

.....Циркъ походилъ на улей: все пространство его было занято; на уступахъ зрители жались одинъ къ другому; выходы были заперты стѣною головъ. Цѣлый рядъ зрителей увѣнчивалъ зданіе: они, стоя, поддерживали другъ друга, икѣ единственными точками опоры позолоченныя балки, на которыхъ натягивался *velarium* (*). Женщины видѣлись вдали, у воротъ и на стѣнахъ города; онѣ дожидались, когда провозгласятъ имя побѣдителя. (По старинному закону, всякая женщина, присутствующая при упражненіяхъ въ бѣгѣ и борьбѣ, гдѣ атлеты сражались нагиши, осуждалась на низверженіе со скалы).

Проконсулъ всталъ и возвѣстилъ именовъ Нерона, императора Рима и властителя свѣта, что игры открылись. Громкіе крики и рукоплесканія привѣтствовали его слова, и взоры всѣхъ устремились на пѣртки, гдѣ дожидались борцы. Изъ портика вышли семеро молодыхъ людей и приблизились къ судейскому мѣсту проконсула. Только двое борцовъ были изъ Коринновъ; пятеро остальныхъ были: Фивлянинъ, Сиракузянинъ, сибаритъ и двое Римлянъ.

Кориннолане были близнецы. Они

шли, обнявшись, одѣтые въ одинаковыя тунники, и такъ сходные ростомъ, хватками и лицомъ, что весь циркъ рукоплескалъ при видѣ этихъ двухъ менахмовъ. Фивлянинъ былъ молодой пастухъ. Однажды, нася стада свои на горѣ Кноеронѣ, онъ увидалъ медвѣдя, бросился къ нему, безъ всякаго оружія схватился съ этимъ страшнымъ непріателемъ и задушилъ его въ борьбѣ. Въ память этой побѣды, онъ покрылъ плечи кожею убитаго звѣря, котораго голова служила ему вмѣсто шлема и бѣлыми своими зубами обрамляла его загорѣлое лицо. Сиракузянинъ показывалъ не менѣе-удивительный опытъ силы. Однажды, во время приношенія жертвы Юпитеру, слабо-пораженный жрецомъ былъ бросился въ толпу, весь увѣнчанный цвѣтами, весь украшенный лентами, и смая уже многихъ, какъ вдругъ Сиракузянинъ схватилъ его за рога, и подымая одинъ рогъ, наклоняя другой, свалилъ на бокъ и держалъ быка, какъ побѣжденнаго атлета, до-тѣхъ-поръ, пока одинъ воинъ не вознесъ животному меча въ горло. Молодой сибаритъ долго самъ не зналъ своей силы и увѣрился въ ней совершенно-нечаянно. Волежя на пурпуровомъ ложѣ съ своими друзьями вокругъ роскошнаго стола, онъ вдругъ услышалъ крики: нара бѣшеныхъ коней несли колесницу, грозя разбить ее о первый уголъ улицы; въ этой колесницѣ была любовница сибарита. Онъ выскочилъ въ окно и схватилъ колесницу за колесо: лошади качнулись, одна изъ нихъ упала, и молодой человекъ принялъ въ объятія свою любовницу, безчувственную, но невредимую. Что касается до Римлянъ, одинъ изъ нихъ былъ атлетъ, извѣстный своими побѣдами, другой—Люцій (*).

Судьи положили въ урну семь билетовъ: два изъ билетовъ отиѣчены были буквою *a*, два—*b*, два—*c*, и на-

(*). Наметь, замишавшій циркъ отъ жара.

(*). Неронъ, прѣхавшій въ Коринвъ *incognito*, подъ именемъ Люція.

конецъ послѣдній буквою—*d*. Итакъ, жребій долженъ былъ составить три пары и оставить седьмага атлета для борьбы съ побѣдителями. Проконсулъ самъ сѣмшалъ билетки. Борцы приблизились, взяли каждый по одному билетку и вручили ихъ предсѣдателю игоръ, который соединилъ ихъ попарно. Случилось, что Коринвяне выбрали каждый *a*, Фивянинъ и Сиракузянинъ—*b*, сибаритъ и атлетъ—*c*, и Люцій—*d*.

Атлеты, еще не зная—въ какомъ порядкѣ размѣстилъ ихъ жребій, раздѣлились, исключая Люція, который долженъ былъ послѣднимъ выйти на арену и поэтому остался завернутымъ въ плащъ. Проконсулъ вызвалъ двухъ *a*. Братья устремились изъ портика и очутились лицомъ къ лицу. Нечаянность вырвала у нихъ изъ груди крикъ, на который собраніе отвѣчало шопотомъ удивленія. Потомъ на мигъ остановились они, неподвижные, въ раздумьи; но это былъ одинъ мигъ, и они бросились другъ къ другу въ объятія. Весь амфитеатръ разразился единодушными рукоплесканіями, и при шумѣ этой награды братской любви, молодые люди, улыбаясь, обнявшись, какъ Касторъ и Поллуксъ, удалились, оставивъ поле битвы своимъ соперникамъ. Изъ актѣровъ, они сдѣлались зрителями.

Вторые сѣмшали первыхъ, и Фивянинъ съ Сиракузяниномъ вышли въ свою очередь; побѣдитель медаля и усмиритель быка переглянулись и бросились другъ на друга. На минуту, переплетенныя и слѣзшіяся тѣла ихъ приняли видъ узловатаго древеснаго ствола, причудливо образованнаго природою, и вдругъ этотъ стволъ свалился, будто вырванный съ корнемъ ударомъ грома. Нѣсколько мгновеній ничего нельзя было различить въ пыли: такъ былъ равенъ бой и такъ быстро повалились борцы то наверху, то внизу. Наконецъ Фивянину удалось стать колѣнкомъ на грудь Сиракузянива, и, обвивъ ему горло руками, какъ желѣзнымъ кольцомъ, онъ такъ сильно

славилъ его, что Сиракузянинъ принужденъ былъ поднять рубу, въ знакъ того, что признаетъ себя побѣжденнымъ. Единодушныя рукоплесканія, показывавшія, съ какимъ восторгомъ присутствовали Греки при этомъ арълищѣ, прерывались развязку этого перваго боя: три раза возобновлялись они, и, при громѣ ихъ, побѣдитель помѣстился подъ ложею проконсула, а его униженный противникъ вошелъ въ портикъ, откуда тотчасъ же вышла послѣдняя пара борцовъ—сибаритъ и атлетъ.

Любопытно было глядѣть на этихъ людей, когда они сняли съ себя одежды, между-тѣмъ, какъ невольники натирали ихъ масломъ. Они представляли собою два лучшіе типа древности—Геркулеса и Антиноя: волосы атлета были коротки, члены смуглы, мышцы крѣпки; волосы сибарита вились длинными кольцами, тѣло бѣло и округло. Греки, эти великіе поклонники красоты тѣлесной, эти набожные чтители формы и всего изящнаго, изъявили свое удивленіе шопотомъ, и оба соперника подняли головы въ одно и то же время: гордые взгляды ихъ перекрестились, какъ молніи, и ве дождавшись предварительнаго приготовленія къ борьбѣ, они вырвались изъ рукъ невольниковъ и начали сходиться.

Сближаясь на расстояние трехъ или четырехъ шаговъ, они внимательно всматривали другъ на друга, и каждый, безъ сомнѣнія, узналъ въ своемъ противникѣ достойнаго себя соперника, потому-что взоры одного выражали увѣренность, взоры другаго хитрость. Наконецъ, разомъ схватились они за руки, уперлись лбами, и, какъ два бьющіеся быка, пытали попятить другъ друга. Но оба оставались на своихъ мѣстахъ, неподвижные, какъ статуи. Жизнь обозначалась въ нихъ только все болѣе и болѣе увеличивающимся напряженіемъ мускуловъ, готовыхъ, казалось, лопнуть. Послѣ минутной неподвижности, оба отброси-

лись назадъ, отряхая облитыя потомъ головы, какъ вынырнувшіе пловцы.

Этотъ промежутокъ былъ непродолжителенъ. Два врага схватились бороться; но Сибаритъ, по незнанію или по убѣжденію въ своей силѣ, далъ преимущество своему противнику, позволявъ ему взять себя подмышку. Атлетъ тотчасъ же поднялъ его отъ земли, но, согнувшись отъ тяжести, сдѣлалъ, шатаясь, три шага назадъ. Сибаритъ, при этомъ движеніи, успѣвъ коснуться земли ногой, вновь получилъ всю силу, и уже покачивушійся атлетъ упалъ подъ него, но едва успѣвъ онъ дотронуться до земли, какъ, вскочивъ съ неестественною силою и быстротою, снова былъ на ногахъ, такъ — что сибаритъ поднялся уже вторымъ.

Не было ни побѣдителя, ни побѣжденнаго; и такъ противники снова возобновили борьбу посреди глубокой тишины. Можно было подумать, что тридцать тысячъ зрителей были изъ камня, какъ ступени, на которыхъ они сидѣли. Лишь изрѣдка, когда счастье благопріятствовало одному изъ борцовъ, слышался шопотъ, и легкое движеніе волновало всю эту толпу, какъ ниву, по которой пропорхнеть вѣтерокъ. Наконецъ, въ другой разъ поскользнулись борцы и упали на арену; но въ этотъ разъ атлетъ былъ наверху, и между-тѣмъ это было бы слабымъ преимуществомъ, еслибъ онъ не воспользовался всѣми правилами своего искусства. Благодаря имъ, онъ удержалъ сибарита въ положеніи, изъ котораго самъ такъ скоро высвободился. Какъ змѣя, которая душитъ и ломаетъ свою добычу, собираясь проглотить ее, онъ съ такою ловкостью обвилъ руками и ногами руки и ноги своего противника, что тотъ не могъ пошевеливаться, и потомъ, упершись лбомъ въ лобъ, принудилъ его коснуться затылкомъ земли: это равнялось признанію въ пораженіи. Раздались громкіе крики и рукоплесканія, и, конечно — сибаритъ, хотя и побѣжденный, могъ причестъ и себѣ изъ нихъ

долю: пораженіе его было такъ близко къ побѣдѣ, что никто и не подумалъ устыдить его. Медленно, безъ замѣшательства и не краснѣя, удалился онъ въ портикъ; онъ не получилъ вѣнка — вотъ и все.

Итакъ, оставались двое побѣдителей, и Люцій, который еще не боролся, долженъ былъ бороться съ обоими. Вооры всѣхъ устремился на молодаго Римлянина, который спокойно и хладнокровно слѣдилъ борьбу своихъ предшественниковъ, прислонившись къ колоннѣ и завернувшись въ плащъ. Только теперь замѣтили его и жеманное лицо, его длинные, бѣлокурые волосы и маленькую, будто позолоченную бородку. Каждый улыбнулся, увидѣвъ этого слабого противника могучему Фивянину и ловкому атлету. Люцій примѣтилъ это общее чувство по шопоту, пробѣжавшему въ собраніи, и, не безпокоясь объ этомъ, не удостоивая этого шопота отвѣтомъ, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ и сбросилъ плащъ. Тогда увидѣлъ, что эту аполлонову голову поддерживаютъ крѣпкая шея и мощныя плечи, и, что еще страннѣе, все бѣлое тѣло Люція усыяно было темными пятнами, подобными тѣмъ, которыя пестрятъ желтую шкуру барса. Фивянинъ безпечно посмотрѣлъ на новаго противника, но видимо-смущенный атлетъ отступилъ на нѣсколько шаговъ. Въ это мгновеніе подошелъ невольникъ, обвилъ плечи Люція благовоннымъ масломъ и растеръ его по всему тѣлу кускомъ пурпуровой ткани.

Первымъ долженъ былъ бороться Фивянинъ. Онъ сдѣлалъ одинъ шагъ къ Люцію, выражая нетерпѣніе свое на долговременныя его приготовленія; но Люцій повелительно протянулъ руку, показывая, что еще не готовъ, и голосъ проконсула въ то же время произнесъ: «подожди!» Между-тѣмъ, молодой Римлянинъ былъ вымазанъ масломъ; ему оставалось вывалиться въ песокъ цирка, какъ это обыкновенно дѣлалось; но вмѣсто того онъ сталъ на одно колено и невольникъ посыпалъ

ему плечи человека, собравших на берегах Хризорра и перешитых съ золотыми блестками. По окончаніи этого послѣдняго приготовленія, Люцій всталъ и сдѣлалъ рукою знакъ, что готовъ къ борьбѣ.

Овианнъ приближался самоуверенно; Люцій ожидалъ его спокойно. Но едва грубые руки противника коснулись плеча Люція, молнія блеснула въ глазахъ его, а изъ груди вырвался крикъ, подобный рычанію. Мигомъ упалъ онъ на одно колено и мощными руками обвилъ ребра пастуха; потомъ, словно увелъ, завлававъ руки за спиной своего противника, онъ грудью славилъ ему животъ, и вдругъ поднялся, держа колосса въ рукахъ. Это движеніе было такъ быстро и ловко, что Овианнъ не имѣлъ ни силы, ни времени предупредить его, и вдругъ очутился поднятымъ отъ земли, напрасно махая по воздуху руками, которыя ничего не встрѣчали. Тогда Греки вновь увидѣли борьбу Геркулеса съ Антеемъ; Овианнъ уперся руками въ плечи Люція, и, изъ всей силы напрягая мышцы, пыталъ разорвать удрушающую его цѣпь; но всѣ его усилія были тщетны. Напрасно, въ свою очередь, обвилъ онъ своего противника обѣими ногами, какъ двойною виѣею: въ этотъ разъ Лаоконъ восторжествовалъ надъ пресмыкающимся. Чѣмъ болѣе дѣлалъ усилій Овианнъ, тѣмъ болѣе скрѣплялъ Люцій узы, которыми его опуталъ. Нѣсколько минутъ оставался онъ неподвижнымъ на одномъ мѣстѣ, положивъ голову на грудь своего врага, будто прислушиваясь къ прерывистому его дыханію, сжимая все болѣе и болѣе, будто сила его должна была возрасти до сверхъ-естественной степени, и въ продолженіе этого времени начались предсмертныя муки Овианна. Сначала, смертный потъ покатился съ головы его по всему тѣлу, смывая песокъ и пыль; потомъ лицо его поблѣвѣло; въ груди захрипѣло, ноги похлябли; руки и голова переѣхались назадъ, и наконецъ ручей крови хлынулъ у него изъ носа и рта. Тогда Лю-

цій раскрылъ руки; и безчувственный Овианнъ безжизненною громадою упалъ къ ногамъ его.

Ни одинъ радостный крикъ, ни одне рукоплесканіе не привѣтствовали этой побѣды: толпа молчала. Между-тѣмъ, ничего нельзя было сказать; все произошло по правиламъ борьбы; ни одного удара не было нанесено, и Люцій законно побѣдилъ своего противника. Но участіе зрителей, хотя невыраженное восхищаніями, было велико. Поэтому, когда невольники унесли все еще безчувственного Овианна, взоры всѣхъ перенеслись отъ него на атлета, который, по своей силѣ и ловкости, показаннымъ въ предшествовавшей борьбѣ, казался страшнымъ противникомъ Люцію. Но общее ожиданіе было странно обмануто; потому-что въ то время, какъ Люцій приготовился ко второй борьбѣ, атлетъ почти-тельно приблизился къ нему, и, ставъ на колено, поднялъ вверхъ руку, показывая, что признаетъ себя побѣжденнымъ. Люцій, казалось, принялъ этотъ поступокъ безъ удивленія, и не протягивая атлету руки, не подымая его, обвелъ взоромъ удивленную толпу, будто спрашивая: есть ли въ ней человекъ, осмѣливающийся оспаривать у него побѣду? Но въ толпѣ не замѣтно было ни одного движенія, не слышно было ни одного слова, и Люцій посреди глубокаго молчанія приблизился къ судейскому мѣсту проконсула, который подаль ему вѣнокъ.

Между-тѣмъ, чувство, овладѣвшее этою толпою, не было неблагоприятно молодому Римлянину: по всему собранію распространился какой-то сверхъ-натуральный страхъ. Эта сверхъ-естественная сила при такой молодости напоминала чудеса героическія. Имена Тезея, Паритоя были у всѣхъ на устахъ, и каждый былъ увѣренъ въ присутствіи полубога. Поэтому, когда побѣдитель вышелъ изъ цирка, окирчалъ на плечо невольника, вся толпа сдвинулась за нимъ до дверей дома его хозяина, съ любопытствомъ тѣснясь, — но въ то же время такъ тихо и боязливо,

что торжество можно было принять за похороны.

У воротъ города молодые дѣвушки и женщины ожидали победителя съ лавровыми вѣнками...

✱

НОВОСТИ ДРАМАТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

ФРАНЦУЗСКИЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПАРИЖѢ.

65) *Paris Volcan* (Парижъ-Гравитация). *Comédie en sixième acte.*

Первый актъ — роль пролога, изъ котораго видно, въ чемъ будетъ заключаться вся пьеса. Г. Альберъ выходитъ изъ дорожнаго дилижанса. — Онъ покинулъ отчизну горчицы и приѣхалъ на житье въ Парижъ. Въ карманѣ у него 60,000 франковъ, полученныхъ въ наслѣдство отъ матери. Только-что Альберъ выпрыгнулъ изъ кареты, къ нему подходитъ человекъ въ блузѣ съ порядочно-толстою дубиною. Это значить, что нужно отдать ему эти 60,000 франковъ. Альберъ былъ вооруженъ, и заставилъ этого встречнаго заѣзжика отступить, отдавъ однако ему изъ жалости свой кошелекъ и посоветовавъ ему постараться быть повѣщеннымъ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. За такую услугу человекъ въ блузѣ советуетъ Дижонцу поскорѣй обратиться изъ Парижа, потому-что если онъ дольше останется въ этомъ стоикѣ нечистоты, то отнимутъ у него не только деньги, но и пощадятъ ни ума, ни сердца, и даже украдутъ жену, если къ-несчастью, онъ женатъ. Потомъ исчисляются разныя воровства-мошенничества, которыхъ жертвою такъ

часто бываютъ Парижане: здѣсь жилецъ выбирается изъ квартиры тайкомъ, черезъ окно; тамъ винный продавецъ колетъ свое вино; дальше молочница очищаетъ молоко посредствомъ воды; вотъ подходитъ человекъ, который продастъ найденную имъ мѣдную бездѣлушку за настоящую золотую; это все мошенники, которымъ готово наказаніе по уголовному кодексу; но есть еще и другіе, съ которыми стоить познакомиться.

Пойдемъ къ г. Флорестану. Этотъ толстый бородачъ въ полномъ восторгѣ: онъ только-что поставилъ на сцену пьесу, которая заслужила огромный успѣхъ. Альберъ видѣлъ эту пьесу и узналъ въ ней свое произведеніе: его рукопись была переслана изъ Дижона къ г. Флорестану. Онъ жалуется на похищеніе. Его выпроваживаютъ въ ту самую минуту, какъ приказываютъ принять генерала, графа Мариньяка. Старый солдатъ имперіи былъ оскорбленъ: новая пьеса метила на одно тайное происшествіе, случившееся въ его семействѣ; онъ грозитъ подать за такое безчестіе жалобу, и требуетъ дуэли. Оба эти предложенія очень не по вкусу г. Флорестану: онъ отступаетъ и признаетъ Альбера за автора опаснаго творенія. Генералъ говоритъ, что будетъ дожидаться обидчика въ гостинницѣ, подъ номеромъ двадцать-восьмымъ, въ улицѣ Тиботодѣ.

Но вотъ мы теперь у г. Бурдалу, друга и земляка Альбера. Любовная записочка прислана была къ женѣ какого-то обойщика; эта записочка попала въ руки старому профессору пѣнія, который пришелъ давать урокъ прекрасной г-жѣ Бурдалу. Дѣло въ томъ, что нужно пѣть. — *Пѣть*, на *argot* (*argot*), мошенническомъ языкѣ, значить — отгрызать свой кошелекъ. Чтобъ снова получить письмо, нужно заплатаить непременно 60 франковъ; профессоръ живеть въ улицѣ Тиботодѣ, номеръ двадцать-восьмой.

Теперь, если уже дѣло пошло на разныя продѣлки, мы должны перенестись въ ресторацию. Альберъ и Бур-

далу волочатся за двумя молоденькими гризетками и дорогонько платятся за это трактирщику, который пишетъ въ счетъ даже улыбки двѣухекъ. Между тѣмъ, какой-то старый бродяга находитъ средство похитить у одного изъ молодыхъ людей часы и платитъ за нихъ пирожками. Это старая исторія, о которой, нѣсколько лѣтъ назадъ, рассказывали въ журналахъ. Бродяга оставилъ свой адресъ: онъ живетъ также въ номерѣ двадцать-восьмомъ, въ улицѣ Тиботодѣ.

У гризетокъ особенныя продѣлки. Мамзель Розина много проказила и, чтобъ покончить всѣ шалости, была бы счастлива, еслибъ нашла себѣ мужа. Кора, ея пріятельница и сосѣдка, даетъ ей на время свою комнату, не много по-лучше, чѣмъ комнатка Розины. Привратникъ и привратница превращаются также на время въ дядю и тетку, и нашъ бѣдный Альберъ близокъ къ счастью, какъ говорится въ водевиляхъ. Но тутъ вмѣшивается въ дѣло какой-то шутъ; онъ приноситъ съ собою морскаго рака, жирный пирогъ и бутылку шампанскаго; потомъ рассказываетъ каждому его жизнь и уничтожаетъ разговоръ гризетокъ. Въ случаѣ надобности, его можно также отгласать въ улицѣ Тиботодѣ подлѣ номеромъ двадцать-восьмымъ.

Наконецъ, вотъ и этотъ знаменитый двадцать-восьмой номеръ въ улицѣ Тиботодѣ. Тамъ каждый находитъ потерянное: одинъ часы, другой 60,000 франковъ, тотъ рукопись пьесы, та свои любовныя записочки, и притомъ всѣ узнаютъ, что человекъ, котораго встрѣчали вездѣ то въ видѣ бродяги, то учителемъ пѣвца, то продавцомъ быковъ, то графомъ имперіи, то шуткомъ, — не кто другой, какъ отецъ Обри, которому поручено было присматривать за молодымъ Дижонцемъ въ столицѣ міра, столь мало цивилизованнаго. Занавѣсъ опускается, и очень въ-время, потому-что хотя пьеса и позволена островами и комическими сценами, но все-таки очень-длинна. Этотъ родъ пьесъ, въ эпизодическомъ

вкусѣ, принадлежитъ къ самому легкому роду въ сценическомъ искусствѣ, и самая легкость вѣста подобныя сюжеты приводитъ къ величайшей сценической ошибкѣ, — не умѣть кончить. Не понимаемъ, говоритъ одинъ парижскій ефъльтонистъ, какъ директоръ пале-руальской сцены не понималъ, что еслибъ сократилъ пьесу на половину, она ишла бы большой успѣхъ.

66) Diegarlas (Діэгаріасъ), драма въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, соч. Виктора Сажура.

Эта драма — произведеніе молодого человека, только-что кинувшагося въ водоворотъ драматической литературы. Въ ней видна еще большая неопытность, встрѣчается множество мыслей неясныхъ; иногда, между ними мелькаетъ мысль высокая и прекрасная, подаются счастливо-придуманныя положенія, ловкіи, перфидно блестящія стихи; во всемъ первомъ актѣ ея, много хорошаго, много жизни; за то пятый актъ похожъ на какой-то школьный опытъ; каждому изъ героевъ драмы то здѣсь, то тамъ авторъ придаетъ по немногу интереса, и отъ этого зритель никѣмъ не интересуется исключительно; много увлеченія, жара, движенія, страсти, непредвидимыхъ случаевъ, много другихъ достоинствъ и недостатковъ, столько же замѣтныхъ на сценѣ, сколько выдающихся въ глаза при чтеніи пьесы.

Дѣйствіе происходитъ въ Севильѣ, въ царствованіе нѣкоего дона Генриха кастильскаго, подлѣ имени Генриха IV, одного изъ тѣхъ историческихъ характеровъ, которыхъ всего больше любятъ молодые драматурги. Такія лица обыкновенно не отличаются ничѣмъ особеннымъ; они вмѣстѣ и добры и злы, лѣнны и дѣятельны, справедливы и жестоки, такъ-что каждый можетъ смѣло надѣлать ихъ какими угодно добродѣтелями или пороками, ни мало не опасаясь быть уличеннымъ во лжи. Въ этомъ отношеніи, трудно было найти героя лучше Генриха IV кастильскаго. О немъ раз-

справляють много дѣлъ благородныхъ и благородныхъ и много поступковъ, показывающихъ жестокосердіе и безумство. Прибавьте къ этому, что онъ родился въ 1423 и умеръ въ 1474 году, царствовалъ двадцать лѣтъ, посреди пожаровъ, смутеній, триумфовъ, проклятій и радостныхъ криковъ народа; во всему видно, что съ героизмъ легко было справиться, и въ его выборѣ авторъ показалъ особенную ловкость. Всякій дѣлаетъ чтò можетъ и дѣлаетъ свое дѣло. У г. Сажура достало силы, таланта только на Генриха IV кастильскаго; мы и тѣмъ довольны.

Диэгаріасъ, первый министръ Кастиліи, выростаетъ по образцу Рюм-Блаза, перваго министра королевы испанской. И тотъ и другой обязаны возвышеніемъ своимъ собственному умѣнию обдѣлывать дѣла; на жизни того и другаго лежатъ роковая тайна; Диэгаріасъ, правитель Португалліи—презрѣнный Жидъ; Рюм-Блазъ, самовластный повелитель Испаніи и любовникъ королевы—презрѣнный лжецъ; оба великіе министра, и рассказы ихъ о дѣлахъ своихъ невольно напоминаютъ одинъ другой. Но самое большое несчастье перваго министра Кастиліи не то, что онъ Жидъ, а то, что онъ отецъ молодой и прекрасной дѣвушки—христіанки, Инесы, которая составляетъ его славу, надежду, счастье. Инеса безъ позволенія отца вышла замужъ за одного севильскаго повѣсу, который, къ великому соблазну, носить, сверхъ того, имя дона-Хуана. Этотъ донъ-Хуанъ, хотя и сынъ благородныхъ родителей, но во сто разъ хуже того донъ-Хуана, къ которому падается каменный юсть. Кромѣ пороковъ своего тѣзки, кромѣ его гордости, онъ еще игрокъ и измѣнникъ: онъ составляетъ заговоръ противъ дона-Генриха и въ то же время проводитъ ночь у доньи-Инесы. При наступленіи утра, любовники какъ голубки поютъ другъ другу: —Le jour grandit!—Adieu!—Tu pars?—Jusqu'à ce soir!—Je t'aime!—Pense à moi! Que le ciel vous conduise!

Т. XXXVI. — Отд. VIII.

Слѣдуетъ встрѣча и объясненіе Диэгаріаса съ дочерью. Непытливый авторъ, вмѣсто того, чтобъ положить до нѣтаго анта, свелъ ихъ въ первомъ. При первыхъ словахъ отца о извѣстїи донъ-Хуану, Инеса признается, что она жена его. Коротко и ясно! Это признаніе тѣмъ ужаснѣе для бѣднаго родителя, что Диэгаріасъ знаетъ всю мѣру нравостей дона-Хуана. Онъ вырвался какъ воръ въ домъ его, онъ обезчестилъ его дочь подъ предлогомъ женитьбы. Самъ донъ-Хуанъ рассказываетъ объ этомъ неожиданномъ приключеніи въ письмѣ къ пріятелю и товарищу своимъ шалостей, донъ-Рюм. Онъ держалъ съ нимъ пари о тысячѣ дукатовъ, кто надѣлаетъ въ мѣсяцъ больше долговъ и глупостей, и — проигралъ. Теперь уже нѣтъ никакого сомнѣнія: Инеса погибла, она жертва недостойной измѣны; даже ли она съ такою радостью говорила: «я графиня!» Увы! она только любовница дона-Хуана!

Во второмъ актѣ, явлется новое лицо, которое уже фигурировало не въ одной современной трагедіи. Это головорѣзъ, наемный бравъ, занимающій въ новѣйшей драмѣ то же мѣсто, какое занимали въ комедіи Маскаррелли и Фронтены. Прежде, когда молодые люди заботились только о кошеляхъ, да о воспитанникахъ стариковъ, имъ достаточно было одного Скавна, вѣчно услужливаго, на все готоваго, который доставалъ деньги, похищалъ красавицу и ловко отдѣлывался отъ старика; въ нынѣшнее время, когда за бездѣлцу всякій готовъ проколоть насквозь встрѣчнаго и поперечнаго, матадоръ заступилъ мѣсто Скавна. Его дѣло грабить и убивать и, сверхъ того, забавлять публику. Каметса, Шиллеръ, въ *Заговоръ Фіэски*, первый вывелъ на сцену этого кроваваго Маскаррелли. Впрочемъ, Мавръ Фіэски созданіе почти оригинальное. Этотъ Мавръ умнѣе; въ глубинѣ души онъ ужасный бездѣльникъ, но сваружа — презаннимательный бандитъ; онъ зажметъ со всѣхъ четырехъ концовъ го-

радъ и будетъ при этомъ кокотать во все горло. Этотъ характеромъ хотѣлъ сазадать, во что бы то ни стало, авторъ новой драмы. Вышло, что Мавръ Фискии и Мавръ Жюда Дюгаріаса—одно и то же лицо. Только Шиллеръ проводить своего Мавра до конца драматическаго дѣйствія и убиваетъ его, когда уже изъ него нельзя ничего больше сдѣлать, а молодой авторъ, какъ-будто ему совѣстно долго распорядиться чужими созданиємъ, отправляетъ своего бравъ на тотъ свѣтъ при первомъ удобномъ случаѣ. Во второмъ актѣ, Мавръ готовъ служить орудіемъ ищюма перваго министра; ночь, безмолвіе, запертыя двери, за стѣною рѣка, въ стѣнахъ убійца. Дюгаріасъ объявляетъ донъ-Хуану, что онъ долженъ умереть. Но донъ-Хуанъ гордъ: взоръ его не умиляетъ погнупаться, голосъ не знаетъ, что значить треметь! Передъ нимъ убійца съ обнаженной шингой; но донъ-Хуанъ и тутъ сохраняетъ обиду иронію дворянина въ своихъ выраженіяхъ; его можно убить на мѣстѣ, но вѣстать просить прощенья—никогда! Положено это опасно... для драмы; подобно изъ него выйдти, иначе она кончилась бы на второмъ актѣ.

Донъ-Хуанъ говоритъ: *клян!* Дюгаріасъ говоритъ: *клян!* Но когда онъ узнаеть, что вся севильская молодежь знаетъ о любви донъ-Хуана, его беретъ раздумье. Что ему въ смерти этого молодого человѣка! Правда, мечь его не удовлетворена: Дюгаріасъ помянуть это! Но стыдъ его всѣмъ извѣстенъ; надобно, чтобъ и наказаніе было всѣмъ извѣстно. Слѣдовательно, донъ-Хуана надобно взять въ тюрьму за государственную вѣщину. Второю актъ кончается нововведеніемъ, принадлежащимъ самому г. Семуру. Въ числѣ разныхъ другихъ ловушекъ, расставленныхъ Дюгаріасомъ донъ-Хуану, онъ между прочимъ велѣлъ поставить подъ окнами Инесы часоваго, которому приказано убить того, кто погнѣетъ изъ этого окна. Когда донъ-Хуанъ взять подъ стражу, этотъ опасный мучитель отправляется Мавръ,

Мавръ, который только-что былъ изъ такихъ дружескихъ отношеній съ первымъ министромъ; теперь онъ ищется въ вѣчной враждѣ и мщюмъ еку. Часовой, поставленный подъ окномъ для донъ-Хуана, заикается Мавра, къ великому удовольствію Дюгаріаса. Нѣсколько-успокоенный, полагалъ себя освобожденнымъ отъ человѣка, которому извѣстна тайна его происхожденія, министръ отправляется къ королю. Но Мавръ не убитъ; ударъ кинжаломъ для записнаго бравъ ничего незначить: это не больше, какъ маленькое неудобство, неразлучное съ его ремесломъ. Все послѣдующее дѣйствіе вертится на доносѣ Мавра. И тутъ нельзя не замѣтить, какъ авторъ не умѣлъ поддержать записнаго бравъ икъ характера. Мавръ Шиллера не ссорится съ Фискою тотчасъ, самъ не вѣдая за что! Напротивъ, бравъ Дюгаріаса едва оказалъ своему господину первую услугу, какъ приставляется ему ищюма къ торію, требуетъ отъ него невозможнаго и грозитъ ему до-нѣлься. Мавръ Фиско сердится на своего господина, когда уже оказалъ ему множество услугъ, вытерпѣвъ за него ищюма и справедливо можетъ сказать: *Теперь знатный господинъ и разбойникъ кентны!*—тогда-какъ у Мавра г. Семура нѣтъ никакой причины доносить на Жюда Дюгаріаса.

Донъ-Хуанъ заключенъ по приказанію короля; разговоръ доказанъ, и онъ долженъ умереть, если не согласится жениться на донь-Инесѣ. Такова воля короля. Донъ-Хуанъ знаетъ, что король не шутитъ, и спрашиваетъ самого-себя, не лучше ли наконецъ сдѣлаться мужемъ донь-Инесы, нежели въ двадцать лѣтъ сложить голову на эшафотѣ. Нерѣшительность донъ-Хуана естественна, благоразумна; но что бы автору вложить хоть одно доброе чувство въ его сердце. Въ донъ-Хуанѣ нѣтъ ни малѣйшаго раскаянія, ни малѣйшаго сожалѣнія о несчастной обманутой имъ дѣвушкѣ. Онъ въ отчаяніи отъ того, что привужденъ дать свое имя женщинѣ, которую столько

обойти из сердца: злое. За то, когда из нему приходится браво министра Кастилии и возмущающийся колосомъ, съ приличными остановками, рассказываетъ ему, что Диэгаріасъ Жидъ, что онъ былъ выказанъ рогами въ домъ отца дон-Хуана, но его приказанію, — дон-Хуанъ счастливъ и гордится особенно же, какъ чesлбмъ завоевалъ Греноду. Сцена эта занимательна, выдержана и принадлежитъ къ лучшимъ сценамъ пьесы. — Теперь дон-Хуанъ еще рѣшительнѣе обмываетъ медливаетъ брачный контрактъ, который долженъ послужить безвѣстіемъ для его рода и погубить душу его, соединивъ его съ Жидомъ. — Последнее слово разрушаетъ все. Въ ту же минуту, Диэгаріасъ изверженъ съ высоты своего баснословаго величія, армішенкомъ отлучаетъ его отъ церкви; король его прогоняетъ, придворные отступаютъ отъ него въ ужасъ. Если читателю поминать, точно также совершилось паденіе и другаго всемогущаго министра, героя драмы г. Виктора Гюго, Рюа Влара. Казалось бы, дѣло кончено; драма получила развязку; дальше продолжать ея невозможно. Но автору нужны еще два акта: есть ли что-нибудь невозможное для молодого поэта!

Четвертый актъ. — Заговоръ противъ Генриха IV, начатый въ первомъ актѣ, ни мало не потерялъ отъ изверженія перваго министра. Теперь заговорщики болѣе нежели когда-нибудь рѣшаются низвергнуть дон-Генриха съ престола и одинъ изъ нихъ тотчасъ же обращаетъ вниманіе на Диэгаріаса. Эксминистръ не отбивается отъ предложенія: теперь онъ хочетъ отступить и графу Хуану и королю Генриху; ему нужна голова Хуана за честь Инесы; ему нужна смерть дон-Генриха за то, что король прогналъ его отъ себя. Тутъ уже не Гюго, не Шиллеръ, а Шекспиръ приходитъ на помощь г. Сожуру. Воспоминаніе — дѣло такое невыдающееся, а искушеніе такъ сильно, особенно для молодого драматурга.

У него и задуманное поставленіе «драматическихъ представленій», убить на-мозель стараго друга передѣлкой на балаганный манеръ, не сохотѣли съ похвѣе обирать его, чтобы спихать изъ гениальныхъ локутасъ какую-нибудь безобразную драму. Периодическѣ-мѣрѣ, г. Сожура не переподилъ и не передѣлывалъ Шекспира на французскіе нравы. У него Диэгаріасъ, жившій уже лѣтъ двадцать какъ прилично дворянину и христіанину, въ обществѣ христіанъ, воспитаній дочь свою въ христіанской религіи, вдругъ дѣлается самымъ изкоренѣлымъ Жидомъ, вторымъ Шейлокъ. Но гдѣ же кастильскаго Жиданъ жиданъ новоселъ, венская олухость венеціанцаго Жиданъ не одно и то же! Шейлокъ любитъ дочь и любить дукаты: «О, дочь моя! о мои дукаты! о мои христіане-дукаты!» Жидъ португальскій — надежде отдать ему эту биржевалость — любить только свою дочь, не и о немъ можно сказать то же, что можетъ говорить о Шейлокѣ: «Я никогда не видалъ творенія съ человѣческими лицомъ, которое бы было такъ жестоко, съ такою жадностью искало смерти человѣка!» Диэгаріасу нужны двѣ головы, и въ этомъ отношеніи онъ столько же непоколебимъ, какъ и Шейлокъ. «Не говори мнѣ больше; изъ меня нельзя сдѣлать дурака съ живымъ сердцемъ и мощными слезъ глазами». — Эта прекрасная сцена между Инесой и Диэгаріасомъ кончается очень-драматически; напрасно умоляетъ его Инеса, напрасно расточаетъ обильное, въсколькы вышедшее уже изъ моды краснорѣчіе. Отецъ отвѣчаетъ ей на это: — Что жь! однимъ несчастіемъ больше! — и идетъ купить у короля голову дон-Хуана.

До вѣтаго акта, новая драма шла довольно-хорошо; въ патомъ же актѣ, была самой кѣли, авторъ, кажется, отчаялся ея достигнуть. Онъ выкинуть и рѣшительно выбивается изъ силъ. Еще въ четвертомъ актѣ онъ приводитъ нѣрѣла Кастилія въ домъ прогнаннаго изъ Жиданъ. Правда, чтобы было меньше невѣроятности, онъ скрываетъ не-

роля подъ маслом. Но эта масна не
пѣшаетъ видѣть всей неволности, все-
го неприличія подобнаго вѣстуха со
стороны короля. Донъ-Хуанъ долженъ
быть казненъ уже три дня тому на-
задъ; но король отиѣняетъ наказание
потому только, что Жидъ хочетъ ву-
шить его голову. Непонятно, для чего
надумалось автору до такой степени
унизить Генриха IV, котораго прежде
онъ представлялъ справедливымъ и
благороднымъ? Для чего этотъ низ-
кій торгъ, немало несправедливымъ
примѣру живому короля Кастиліи. Въ
одинъ день, честный человекъ не дѣ-
лается бандитомъ, человеколюбивый
коверкъ, нехотѣвшій и слышать о
смертной казни, жестокосердымъ на-
лачкомъ; что возможно въ дѣйстви-
тельной жизни, то возможно и въ искус-
ствѣ. Берегитесь клеветать на героевъ
вашей драмы; клевета, какъ свинецъ,
задавятъ весь интересъ произведенія.
Будьте вѣрны портретамъ нашихъ ге-
роевъ, которыхъ вскмы мы заранѣе
набросали; берегитесь разбивать инте-
ресъ произведенія, который обыкно-
венно сосредоточивается на одномъ
или двухъ герояхъ, на всѣ дѣйстви-
ющія лица драмы. Въ началѣ, всѣ лица
этой трагедіи возбуждаютъ интересъ.
Жидъ — великій министръ, строгъ къ
самому-себѣ, справедливъ въ отноше-
ніи къ другимъ; Мавръ преданъ своему
господину; любовникъ влюбленъ кан-
целяль-Больше; король предается оло-
тѣ и забавамъ; Инеса вся дышетъ сво-
ей счастливой страстью; отъ-чего же
всѣ пятеро, начиная дѣйствовать такъ
прекрасно, кончаютъ такъ худо? Діа-
гаріасъ дѣлается невозможнымъ, требу-
еть головы донъ-Хуана, а донъ-Ху-
анъ доводитъ свою гордость до без-
умія, находитъ наслажденіе въ томъ,
чтобъ разорвать на части сердце Ине-
сы, безъ нужды оскорбляетъ старина,
который лежалъ у его ногъ, предлагая
ему свою дочь и все свое состояніе; а
что дѣлаетъ король? Онъ безжалостно
прогоняетъ отъ себя несчастнаго, ко-
торый уже однажды спасъ престолъ и
можетъ спасти его еще разъ; потому-

онъ протягиваетъ ему руку, чтобъ по-
лучить отъ него деньги; и на вѣсь зо-
лота прокладъ ему голову государ-
ственного преступника! Мавръ безъ
всякой нужды доноситъ на господина,
который двадцать разъ могъ устроить
судьбу его; даже самые заговорщики,
которые возстали для восстановления
своихъ дворянскихъ привилегій и
возбуждаютъ въ началѣ интересъ, кон-
чаютъ тѣмъ, что бунтуютъ вмѣстѣ съ
чернью. Одна донна-Инеса иѣсколько-
лѣтній своей правдой страсти; она все
еще любитъ донъ-Хуана, приходитъ
ему, врѣхотитъ къ нему въ комнату съ
близкодемъ, который далъ ей король
Генрихъ, потому-что

Le comte rent un jour fatigué ma dé-
mance,
Vous aurez dans les malins, Inés, sa dé-
viance!

Но это освобожденіе бесполезно, для
донъ-Хуана: король приказываетъ по-
строить эшафотъ. Инеса приходитъ къ
тюрьму къ донъ-Хуану; тутъ только въ
сердцѣ его пробуждаются благород-
нѣйшія чувства и что-то похожее на
рассказаніе. — При помощи Инесы, онъ
выходитъ изъ темницы; но въ то же
время, зрители узнаютъ, что, неизвѣст-
но почему и какъ, графъ донъ-Хуанъ
задержанъ у городской заставы. Это
случается довольно-кстати, потому-
что Діагаріасъ начиналъ уже подосѣ-
рять короля Кастиліи въ обманѣ. Ине-
са плачетъ и жалуется, Діагаріасъ въ
перѣшительности: принести ли въ
жертву дочери мщаніе свое, или по-
обороть; въ это время, голова донъ-
Хуана падаетъ на эшафотъ.

Разумѣется, надобно умереть также
Инесѣ; она умираетъ, довольная, что
успѣла наговорить королю Кастиліи
множество прегорькихъ истинъ. Она
за дѣло; только можно бы спросить
автора: для чего приходитъ король къ
тюрьму, что влечетъ его къ вранью?
эшафоту? Уахъ! видно, король при-
ходить туда нарочно за тѣмъ, чтобъ до-
нна-Инеса осыпала его апохри-васу-

женщины упрямки. На крикъ раздраженной женщины поднимается вся Сенья; бьют въ набатъ; на сценѣ цѣлая революція, и престолъ короля Кастиліи падаетъ и разлетается среди общаго шума и грома.

На Французскомъ-Театрѣ эта пьеса имѣла большой успѣхъ. Парижскій партеръ, обыкновенно столь чуткій на малѣйшіе недостатки, промолчалъ въ молчаніи даже всѣ несообразности пятаго акта. Неваднобы этому удивляться, потому что, при вышшемъ недостаткѣ въ замѣчательныхъ драматическихъ талантахъ, всякое новое дарованіе есть уже явленіе удивительное и публика можетъ простить молодому драматургу, въ первый разъ являющемуся на сцену ея, недостатки сдѣланнаго, въ надеждѣ на то, что онъ можетъ еще для нея сдѣлать.

67) SATAN, ou le Diable à Paris (САТАНА или ЧЕРТЪ въ Парижѣ), комедіа-бодескъ въ шести дѣйствіяхъ, соч. 11. Клервиль и Дамаренъ.

За роскошно-убитыми столами сидятъ десятеро молодыхъ людей, первыхъ «ошѣнболов» парижскихъ. Всѣ превозносятъ качества амэтриона, молодого графа Фернанда де-Молебнъ. Одинъ предлагаетъ ему свой кошелекъ, другой руку, третій свой кредитъ. Имъ одинъ еще человѣкъ не имѣлъ вокругъ себя такой фаланги преданныхъ друзей. Графъ хотѣлъ, чтобъ люди, которыхъ онъ любитъ, узнали на ширу, за бутылкой шампанскаго, о намѣреніи его переимѣнить образъ жизни. Черезъ нѣсколько дней, Фернандъ женится на одной изъ прелестнѣйшихъ женщинъ въ Парижѣ, госпожѣ Настель. Имѣть-только намѣреніе графа сдѣлалось навѣстно ирующимъ, кто-то, сильно настаивавшій, чтобъ его впустили, вошелъ въ комнату. Впрочемъ, есть ли какая возможность запереть двери отъ сатаны? Подъ этимъ именемъ является молодой человѣкъ, одѣтый щегольски, съ наружностью, которая располагаетъ къ себѣ съ перваго раза. Съ такимъ именемъ приступаютъ

скоро къ дѣлу, а потому и нашъ гость не затруднился. «Десять лѣтъ назадъ, милостивый государь» сказалъ онъ графу: «вы отдали одному человѣку, котораго банкротство было неизбежно, все, что ни имѣли. Ваше великодушіе не могло однако спасти его: онъ разорился нѣсколькими днями прежде васъ. Помните ли, что вы тогда сдѣлали? Вы дали письменное обязательство, по которому уступили душу свою сатанѣ, съ условіемъ, чтобъ десять еще лѣтъ могли утопать въ роскоши и по-прежнему наслаждаться. Условіе дано было 12 января 1834 года; ваше желаніе исполнено,—нынче 12 января 1844, и я пришелъ за расплатой». Фернандъ хотя и узналъ свое обязательство, однако смѣется надъ пришедшимъ молодымъ требователемъ. «Вы не хотите вѣрить въ меня?» сказалъ щеголоватый дьяволъ: «хорошо! прежде, чѣмъ пройдетъ сорокъ-восемь часовъ, я отниму у васъ все, что далъ вамъ. Вы потеряете невѣсту, любовницу, богатство, друзей, все до послѣдней монеты.»

У банкира Дестиннъ въ тотъ вечеръ балъ. Тысячи свѣчей блестятъ въ одной изъ богатѣйшихъ залъ Парижа; толпа вышнихъ и парядныхъ гостей наполняетъ залы. Вездѣ цвѣты, всюду веселье: женщины ослѣнительны красотой. Это одинъ изъ самыхъ молодыхъ и самыхъ чудныхъ раутовъ, которые когда-либо удастся видѣть. Банкиръ Дестиннъ, позѣренный графа Фернанда де-Молебна, празднуетъ, по-сидему, обрученіе своего друга. Госпожа де-Настель была бы парцней этого бала, еслибъ не было тамъ госпожи де-Вердьеръ. Толпа окружаетъ эту женщину, полную обязательной силы; графъ также платитъ дань невольному влеченію; но какво его удивленіе, когда, подъ личиною обворожительной женщины, онъ видитъ черты, станъ, почти всѣ наперы того господина, который за нѣсколько часовъ предсказывалъ ему несчастную будущность! Вдругъ онъ слышитъ шумъ, и ужасная вѣсть долетаетъ до его слуха: Дестиннъ уѣхалъ въ ночь.

вой парочкѣ и увезъ съ собою шата миллионовъ. Графъ разоренъ. Я вѣснѣйшала объ этомъ: шепчешь прелестная госпожа де-Вердьеръ.

Изъ золоченыхъ палатъ вы спускаетесь въ душный могребъ: тамъ обществуетъ Фабустьеровъ и цыганъ составляетъ заговоры противъ префектуры полиціи, и готовится для тѣхъ, кого постигли торговля или другія несчастія, фальшивые паспорта. Дестивый потерялъ свой паспортъ, и по этому случаю, бывъ принужденъ остановиться на пути въ Брюссель, обратился къ этимъ промышленникамъ. Сатана, который на этотъ разъ превратился въ маленькаго восточнаго сираманджа гнѣзда, предупредила точность свою шайку о прибытіи человека, съ которымъ она будетъ вѣсть дѣло, и егда Дестивый заключилъ съ нею сдѣлку, какъ въ этотъ вечеръ входитъ Молеонъ, сопровождаемый своимъ другомъ. Другъ этотъ беглецъ дабы идти и убѣгаетъ, осиливъ своего товарища на жертву ярости ужасныхъ бандитовъ, отъ рукъ которыхъ Молеонъ избавился живъ и невредимъ при помощи сатаны, — а сатана хотѣла тогдаже объявить этому, что Молеонъ не долженъ уже вѣрить преданности своихъ друзей.

Фернандъ де-Молеонъ разоренъ; у него нѣтъ болѣе друзей; но ему остается еще вѣрною невеста, которой, по обещанію сатаны, долженъ онъ также явиться въ одинъ день со своимъ, что только привязываетъ его къ землѣ. Чтобы достигъ этого, сатана превращается опять въ господю де-Вердьеръ, которая теперь живетъ въ виллѣ, въ окрестностяхъ Парижа; она созвала раздушевными занесочками всѣхъ львовъ высшего круга, которымъ блестятъ, испрессъ алмазаны, въ ложѣ оперы, и которыхъ видишь на другой день просищихъ милостьню въ Церкви Лоретской Воспоманери или снятаго Юдовина-Антемскаго, а также и многихъ изъ тѣхъ, которыхъ имя я мѣсто жительства выставляются иногда въ журналахъ, подъ краснорѣчивою догадкою милебердіи.

Разумѣется, туда была приглашена и госпожа де-Нантѣль. Г-жа де-Вердьеръ принимала гостей со очаровательною граціею. Она хотѣла, чтобы ни одинъ мужчина не пропустилъ въ этотъ совершеннораспорядкомъ собраніи; но, къ несчастію, приехали прекрасной госпожи не въ точности были исполнены, потому-что вдругъ денжливачу е пріѣздъ графа Фернандъ де-Молеонъ. Нельзя же сказать графу де-Молеонъ, а притомъ онъ будетъ участвовать въ лоттерей, разыгрываемой въ пользу бѣдныхъ. Фернандъ возмъ два билета. — Сатана не разнырываетъ лотерей, какъ другіе: каждый выигрываетъ у него заключаетъ въ себя злой наемъ на попомѣніе той изъ благотворительныхъ дамъ, которой онъ доставался. Одна изъ нихъ выиграла картину, изображающую Актава, превратившагося въ оленя... извѣстно, когда это съ нимъ случилось! Г-нъ де-Саваннъ, у которой мать была школьница, — досталась разрядная книга дворянскихъ родовъ Франціи; г-нъ Сенваль — маленькія рисунки *Stigmatis* лоретской сери, рисованной Гаварни. Наконецъ, Очерке должна де выиграла де-Молеонъ; ему достался портретъ г-жи де-Нантѣль и ея лица писемъ, написанныхъ ею въ одному изъ друзей Фернандъ.

Удара, направленный сатаной, но была единае силею, потому-что игралъ г-жа де-Нантѣль снова возмѣтила власть надъ графомъ; она уверала его, что и портретъ и все писема не шло что, какъ пенсионное робичество, и что въ добавокъ ей надобно вѣрить, потому-что она продолжаетъ желать вступить въ бракъ съ человѣкомъ совершенно-разореннымъ Фернандъ обѣщаны. — Она съ прорѣченіемъ истрѣчаетъ сатану, который на этотъ разъ лгнулъ къ нему въ виллѣ камитана главнога штаба. Дьяволъ проситъ только на пять минутъ тайнаго свиданія съ молодою невестой графа, чтобы уничтожить послѣднюю надежду своей несчастной жертвы. Сиротанный на заглавѣ, де-Молеонъ не можетъ

болше. Сопитываясь въ изобретении той, которую любить. Обманутая желаниемъ извѣстности, она снова обратила вниманіе на грѣха потому только, что думала, ему несправедливо попрятину все состояніе. Теперь она идетъ въ Неаполь, не протаявъ ни съ кѣмъ, и услужливый критикъ главнаго пѣтаба можетъ сопровождать ее. Вѣбшескій Молодѣзъ хвалится за вистолоны, и стрѣлится въ сатану. Обѣ вулаи выйдутъ изъ покаянъ его, а его преслѣдуютъ дождити, осклаблять.

Разсудокъ бѣднаго смертнаго не можетъ выдержать столько протрасеній. Молодѣзъ соснетъ съ ума; но за нимъ ухаживаетъ молодая прелестная дѣвушка, и онъ неминуемо выдвора-вляется. Эмелина де-Сарсе, прелестная, которой отецъ богатѣйшій мажорскій плантаторъ, завѣщалъ, умирая, чтобы она отыскала человѣка, который въ-когда спасъ его отъ нищеты и бѣдствія; Эмелина выполнила приказаніе своею оидо. Она прѣбывала въ Парижѣ, потомъ нашла того, котораго ей назначилъ отецъ ея, въ женскихъ, окруженныхъ интриганками, кокетками и мошенниками. Тогда она прѣдприняла труднѣйшій и опаснѣйшій подвигъ — спасти его. Онъ попалъ въ руки томъ священнѣй Гѣте, извѣстной книгѣ было-нѣвольнаго слѣдъ, замислившись однажды въ королевскомъ арсеналѣ часовщика, до котораго она шлоа дѣла. При помощи этиа отрока; съ рѣшительностью, снѣ-дѣлительствомъ, Эмелина радигра-ла ужасную роль дѣвочки — и человѣкъ, спасенный ею, былъ де-Молодѣзъ. Наде предположая, что сатана съ-тѣхъ-поръ будетъ называться графиней Эмелиной де-Молодѣзъ.

Эта длинная пьеса заключаетъ въ себя подурную комедию, которая и выколочена весьма-удачно; сцены, картины и превращенія не оставляютъ желать ничего думнаго. За то и успѣхъ былъ блестящій. Критика въ наше время, какъ извѣстно, не покидаетъ оору-ды: прощавая любовь съ публиковъ и апплодируя во время представленія,

эта критика, когда наконецъ оцѣнитъ-ся, хочетъ дать себѣ отчетъ въ томъ, что она видѣла. И потому она из-пра-вѣ упрекнуть авторовъ, что они болше заботились о наружномъ положеніи лица, нежели о смыслѣ ихъ рѣчей, болше искали эффекта сценическаго, нежели эффекта комическаго, что въ-особенности замѣтно въ первой подю-вишѣ пьесы. Не трудно угадать, что эту пьесу составляли два человѣка совершенно-различныхъ талантовъ. Каждый актъ имѣетъ свои особенныя достоинства; но третій, четвертый и пятый актъ написаны совершенно въ-разладъ со всею пьесою, которая, однакожъ, не имѣла того очень несправедливаго приписки гнѣбнаго.

68) Дѣя Сѣзан въ Вазан (Донъ Цезарь Вазанскій), драма въ пяти дѣйствіяхъ, соч. гг. Дюмавуара и Денъ-перри.

Донъ-Цезарь Вазанскій, графъ Гаррофы — вулана докъ нуда. Любимое прѣпровожденіе времени для него — иже и развѣять. Праздочие подгу-лять, онъ прохаживается по площадямъ Мадрида; омидая случаи для волкнрства. Изъ него подлѣдита молодой наизъ и рассказываетъ о снѣ-снѣ нещастіи: онъ замѣкнулся у своей красавицы, не носилъ на службу; и капитанъ хочетъ откопчить его за это замѣкну. Донъ-Цезарь засту-пается за наизъ, кланяется ему своей пшазей, что онъ пообавитъ его отъ на-зель. Прѣходитъ взять наизъ. Капитанъ Рафазель принимаетъ дѣла-Цезаря за нищаго и хочетъ прогнать его. Они идутъ разсчитаться въ осѣданномъ уи-ду, и донъ-Цезарь убиваетъ капитана. Его арестуютъ империкъ короля Испаніи, Карла II. Цезарь драгоа на дуэли, не смѣтра на королевскій адитъ, котораго въ-вѣно разстрѣлываютъ дуэли-ствою; онъ драгоа во время страстной недѣли, а за это положена висѣлица. Бѣдняжка! но его бѣззаконствъ не то, что онъ долженъ отправиться въ-слѣдъ за капитаномъ, а те, какой роль смер-ти наберутъ для него. Въ торжѣ его

приходить доми-Иосия, первый министр обѣихъ Испаній. Онъ объявляетъ Цезарю, что ему остается жить не больше двухъ часовъ. Но онъ дастъ ему все, кромѣ жизни, если доми-Цезарь согласится оказать ему услугу. Доми-Цезарь хотѣлъ бы умереть какъ прилично дворянину, быть разстрѣляннымъ, а не повѣшеннымъ; онъ хотѣлъ бы умереть не на-тощакъ, а хорошо пообедавъ, прилично одѣтый, не въ лохмотьяхъ. Онъ надеваетъ на себя новую мантию; вмѣсто своихъ старыхъ башмаковъ обувается въ новые, великолѣпные ботинки, обшитые кружевами; спрашиваетъ себя хороній обѣдъ, пить. За всѣ эти благодѣшныя доми-Иосия требуетъ бездѣлку: доми-Цезарь долженъ обѣдичаться съ величайшей женщиной, закрытой покрываломъ. Ихъ обѣдичаютъ въ капеллѣ; потомъ его разстрѣляютъ. Риска невеликъ!

Министръ Иосия выдетъ свои виды. Онъ знаетъ, что король любитъ прекрасную цыганку, Мариталу. Маритала—уличная пѣвица; Карлъ II сбѣгаетъ за ней, какъ робкій любовникъ, и счастливъ, если можетъ посмотреть на нее издали, бросить ей букетъ въ корзинку. Но для министра этого мало. Онъ самъ любитъ королеву и, сверхъ-того, любитъ власть. Желанія короля будутъ исполнены. Договоръ съ доми-Цезаремъ заключенъ; онъ обѣдичалъ; его выводятъ на площадь. Но какъ, которому Цезарь оказалъ услугу, вынимаютъ пули изъ ружей солдатъ, и доми-Цезарь скрывается при помощи потаенной двери. Является графиня, въ сопровожденіи доми-Иосіа. Графиня эта—Маритала. Она не выдала лица своего мужа, и ей представляютъ, вмѣсто его, Карла II, короля Испаній и Индіа. Маритала смерла нѣсколько пугается; потомъ, какъ всякая благоразумная женщина, покоряется своей участи. Но является доми-Цезарь и портитъ все дѣло.

По дорогѣ изъ Мадрита въ Аранхуезъ, ѣхала колеска съ гербомъ графини Гаросезъ; въ ней были двѣ же-

нщины. Доми-Цезарь узнавъ свои гербы, видитъ мошенка, слѣдуетъ за ними и переодѣтый мошенникъ является почти въ то же время, какъ и онъ, въ замокъ Монтеиоро. Доми-Иосия хотѣлъ утѣрить Цезаря, что онъ обѣдичалъ съ старухой Монтеиоро. Графиня уходитъ въ другія комнаты. Ею уезжаетъ. Она отирается въ одинъ изъ королевскихъ замковъ; но страха не можетъ удержать доми-Цезаря: онъ прокладываетъ себѣ дорогу шпагой и бросается въ слѣдъ за женою.

Вообще, съ четвертаго акта, доми-Цезарь изъ разбитого вѣнча и авантюриста дѣлается насвоянщій дворянинъ. Въ немъ внезапно возгарается чистѣйшая и самая искренняя любовь къ женѣ, доми-Мариталѣ. Это умъ на тотъ доми-Цезарь, который еще въ третьемъ актѣ говорилъ:

J'aimerais mieux encore, et je le dis à vous,

Etre pauvre qu'avoir, et ceci que jamais.

Между-тѣмъ, по приказанію короля, Мариталу возмутъ въ замокъ, построенный посреди леса. Но смелые на выстрѣлы часовыхъ, доми-Цезарь пробирается туда и свидѣлся лично съ королевою. Карлъ II утверждаетъ, что его возмутъ Цезарь Баварскій, и что онъ заключилъ у жены словъ. Во время довольно-интереснаго разговора съ королевою, Цезарь узнавъ, что ему, по всеглагольному обаяванію, было даровано прощаніе спустя часъ послѣ исполненія надъ нимъ приговора. Теперь ему нечего болѣе. Король удаляется, приказавъ, чтобъ наблюдали за человекомъ, такъ доразъ пронаблюдуемъ въ замокъ. Но это приказаніе отдано молодому шажу, смелому живцу доми-Цезаря. Сузруги складся. Маритала узнаетъ истину, а доми-Цезарь узнаетъ, что она осталась вѣрна ему. Есть одно средство спасти ихъ обоихъ: — увидѣться съ королевою. Рискуя жизнью, доми-Цезарь летитъ въ Аранхуезъ.

Маритана на погѣннѣхъ волигъ Бога сохранивъ мужа ея въ опасномъ предпріятіи. Въ это время, входитъ король. Графиня теперь знаетъ, съ кѣмъ имѣеть дѣло; но она тверда по-прежнему. Она даже рѣшается заколоться въ глазахъ короля. Но выламываютъ дверь: это донъ-Цезарь, и захъ-нелзя-больше истати. Онъ является истителемъ, но преситъ только, чтобъ король его выслушалъ. Онъ проникъ въ сады Эскуриала; у ногъ королевы онъ нашель человека, который твердилъ ей о любви и рассказывалъ объ измѣнахъ ея супруга. Этотъ человекъ—Юсіа. Король хочеть идти; донъ-Цезарь останавливаетъ его. Онъ идается въ ноги королю, признается, что въ порывѣ негодованія убилъ Юсію и проситъ прошенія. Входитъ королевская синта, и король, при всѣхъ, прощаетъ донъ-Цезаря и назначаетъ его губернаторомъ Гренады, куда тотъ и уѣзжаетъ съ женою, довольный, что сто миль будутъ раздѣлять его отъ Мадрита.

Не смотря на отсутствіе литературнаго достоинства, драма эта имѣла полный успѣхъ, которому не помѣшало даже нѣкое, много вредное ходу и эффекту нѣкое. Этотъ успѣхъ она въ-особенности обязана, говорить, игръ актѣра Фредерика Деметра.

69) *Le Miracle des Roses* (Чудесныя Розы), драма въ пяти дѣйствіяхъ и шестнадцати картинахъ, гг. Гостейна и Автонія Веро.

Сюжетъ этой пьесы заимствованъ изъ одной хроникъ двѣнадцатаго столѣтія. Однажды Елизавету - Венгерскую застали несшею хлѣбъ одному изъ прокаженныхъ, съ которыми въ то время было строго запрещено всякое сообщеніе. Когда шпіоны подошамъ къ ней, чтобъ поймать ее на дѣлѣ, хлѣбъ обратился въ розы. Вотъ случай, послужившій основою этой пьесѣ.

Дѣтъ двадцати, Елизавета выходитъ замужъ за владѣтельнаго герцога лотарингскаго, Лудовика, который не волилъ раздѣлять благочестіе своей супруги. Однако, онъ устунаеть ей просъ-

банъ и соглашается отправиться во второй крестовый походъ; онъ уѣзжаетъ, оставивъ правителемъ государства своего двоюроднаго брата, Ульриха. Этотъ Ульрихъ измѣнникъ: онъ тайнѣ желаетъ овладѣть престоломъ и любить герцогиню; правда, онъ горбатъ и безобразенъ; но это не мѣшаетъ ему имѣть свои планы. Онъ овладѣваетъ государствомъ, между-тѣмъ, какъ настояшій герцогъ лотарингскій воюетъ съ Сарацинами. Разбитый и преслѣдуемый ими, онъ бросается въ рѣку. Распространяется ложный слухъ о его смерти; роковую новость эту подтверждаеть вѣстникъ, прибывшій изъ Палестины. Теперь никто больше не мѣшаетъ торжеству Ульриха. Желанія его были бы исполнены, еслибъ только Елизавета не упорствовала въ своемъ отказѣ выйти за него замужъ. Есть еще препятствіе, которое беспокоитъ совѣстливаго брата. Лудовикъ-Лотарингскій оставилъ наслѣдника. Противъ его-то и его матери направлены всѣ усилія Ульриха. Ее съ сыномъ выгоняютъ изъ дворца; она осуждена погибнуть голодной смертью на улицахъ своей столицы; ни одна дверь для нея не отворяется; никто не подаетъ ей руки помощи. Но является таинственный покровитель. Это бѣдный прокаженный, который приводитъ ее въ монастырь святой Гудулы. Этотъ прокаженный — самъ герцогъ. Онъ не утонулъ, какъ прежде полагали; но ему не лучше. Одно прикосовеніе его можетъ причинить смерть женѣ и сыну. Онъ исключенъ изъ общества; ему велѣно жить въ уединенномъ мѣстѣ; всѣ сношенія съ нимъ запрещены подъ страхомъ смертной казни. Въ довершеніе несчастія, въ жену его влюбленъ молодой рыцарь, другъ его Арнольдъ Вольфранъ, и нѣкоторые ложные признанія заставляютъ герцога думать, что любовь эта взаимна. Прокаженный ревнуетъ; но это не мѣшаетъ ему чувствозавать голодъ. Тогда Елизавета ночью приноситъ ему чудесный хлѣбъ. Ульрихъ стоитъ за стѣною; онъ прибѣгаетъ, слыааетъ народъ; пустынина,

прокаженного. — Елизавета преступница восклицаетъ оны: она несетъ паццу прокаженному. Тогда Елизавета открываетъ передникъ: изъ него падеютъ — розы. Но такъ-какъ Лудовикъ-Лотарингскій, въ качествѣ прокаженного осужденный умереть съ года, благодаря этому чуду, можетъ еще прожить очень-долго, то Ульрихъ придумываетъ средство гораздо-проще и скорѣе для его истребленія. Человѣкъ, возмущенный гонимомъ, прокрадывается въ убійнице прокаженного во время сна; слышны продолжительныя стоны, которые наконецъ замолкаютъ. На этотъ разъ, торжество Ульриха несомнѣнно; онъ уже поетъ побѣдную пѣсню; но является Лудовикъ-Лотарингскій и убиваетъ измѣнника. Елизавета безъ труда оправдывается передъ мужемъ отъ подозрѣнія въ любви къ молодому рыцарю, тѣмъ скорѣе, что Ариозель Вольфранъ неосторожно для нея живитъ. Наконецъ, восклицаетъ герцогу лотарингскому, что проща его вылеченъ, а добродѣтель Елизаветы, ему прощены всѣ грѣхи ея.

Этотъ мистическій сюжетъ обработанъ довольно-искусно. Пьеса имѣла успѣхъ. Особенно хвалятъ въ ней постановку на сцену: танцы, сраженія, величольщныя костюмы, прекрасныя декорации, стихи, — всё это должно производить удивительный эффектъ.

70) Les Surprises (Сюрпризы), содѣланъ ея однополь дѣйствию, Сирба.

Сорокъ лѣтъ, волосы съ проедаю, утомленное лицо, приличная возрасту толщина, доброе сердце, добрый мелодокъ, съ вѣчной маніей дѣлать всегда сюрпризы и съ безумной страстью въ одной молодой дѣвушкѣ — вотъ вамъ г. Гурнѣ, холостякъ, отставной чиновникъ почтового вѣдомства. Но Матильда Сальбенъ, молодая, прекрасная, хочетъ имѣть себя мужа молодого, красиваго, образованнаго. Гурнѣ безпрестанно дѣлаетъ ей сюрпризы. Пожелаетъ ли она имѣть букетъ, она находитъ его у себя на каминѣ; ей нуженъ дѣвонъ, и лишь-только она услыла ска-

зать о своемъ желаніи, а букетъ падаетъ у ней на сорочашное. Наконецъ, ей вздумалось имѣть кого-нибудь, кто бы ей аккомпанировалъ, — падаетъ Гартонъ, музыкантъ и живописецъ, который уже давно ее любитъ. Матильдѣ очень хочется сдѣлать его женою, — Гурнѣ не вымѣляетъ своей страсти дѣлать сюрпризы: съ самоотверженіемъ, достойнымъ лучшей участи, онъ соединяетъ руки молодыхъ людей.

Эта пьеса, какъ и большая часть произведеній даровитаго и вѣчно-молодаго Сирба, блестятъ наподѣльничьимъ остроуміемъ, веселостью и талантомъ. Нужно ли говорить, что она имѣла полный успѣхъ, повторамъ такъ неблагодарно знаменитымъ водевилетъ-академикъ?

71) Trois Femmes pour un mari (Три Женщины на мужа), содѣланъ ея однополь дѣйствию, соч. гг. Шюбара и Лабурѣ.

Фредерикъ нанбрень жѣнитса; нареченная его — прекрасная молодая дѣвушка, очень-скромная и любезная; у ней нѣтъ никакой родни, кромѣ дяди, который былъ ея воспитателемъ. Фредерикъ — человекъ modestный, и украшаетъ себя титуломъ графовъ и маркизовъ, а это въ особенности нравится гризеткамъ парижскимъ. Известно, однако, что съ парижскою гризеткою плохая знакомія, и потому соствленіе Фредерика весьма неострадало. Къ нему стали являться красавицы. Не это самое плохое ало еще ничего бы не значило, еслибъ дѣвъ такъ многочисленныя жертвы Фредерика не агдовали на каждыя его шагоны съ постоиствомъ, производимымъ въ отчаяніе. Каждая изъ нихъ воображаетъ, что находится въ милости у своего возлюбленнаго, и молодой человекъ, чтобъ дѣбъгнута срама, поддерииваетъ обнижъ въ такомъ заблужденіи. Гризетки угрожаютъ Фредерика, что останутся жить у него... Вдругъ, какъ на грѣхъ, въ это время прѣбываетъ дядя съ племянницей, которая и застаётъ женина своего въ-этой-жѣ-пещере

подозрительной компаніи. Входитъ полицейскій и подаетъ Фредерикъ цѣлую кипу счетовъ. Тутъ подоспѣваетъ на выручку невеста и неприлично вручаетъ жениху своему неряшливо набитый бумажникъ. Послѣ всего этого, благодаря особому счастливому случаю, обѣ гриветки наши: одна прежняго вздыхателя по ея прелестямъ, въ особѣ distinguishedного полицейскаго; другая въ лицѣ прикащика, кандидата на тотъ же постъ. Что же касается до невесты, то она была снисходительна, и послѣ дружескаго объясненія, которое ее успокоило, Фредерикъ остался съ одной женой на шеѣ.

Вотъ еще двѣ новыя пьесы, играныя на театрахъ Folies-Dramatiques и Délassements-Comiques.

72) L'École des Fauteuses (Пѣвческая Школа), *ведется въ двухъ дѣйствіяхъ.*

Г. дю-Ренаръ, богатый парижскій банкиръ, составилъ компанію съ г-жею Арсенъ, экс-кантатрисою, вѣселою очень славишеюся въ чужихъ краяхъ, откуда она привезла множество вѣжныхъ воспоминаній. Эта компанія имѣетъ цѣлю обработывать хорошенькіе женскіе голоса, оставшіеся долѣ въ неизвѣстность. И уже многіи молодыя виртуозки подають самыя прекрасныя надежды.

Впрочемъ, строжайшая нравственность—первая основа, на которой зиждется это предприятие; но такъ-какъ законы нравственности не исключаютъ вовсе началъ человѣколюбія, то г-жа Арсенъ по-христіански приняла въ себѣ въ домъ раненнаго молодого человѣка. Щебетаніе одной пѣвучи чувствительно тронуло сердце г. Шарля, который, между-тѣмъ, отправляется на Гваделупу, чтобъ получить богатое наслѣдство. Молодой человѣкъ увозитъ съ собою воспоминаніе о Женни и проклятія своихъ заводцевъ, которыхъ, кажется, таки-довольно. Чтобъ дать своему возлюбленному средство совершить путешествіе, Жен-

ни продала свою свободу, согласившись подписать обязательство, отъ котораго до-сихъ-поръ отказывалась.

Проходитъ болѣе года. Женни остается вѣрна своей любви, не смотря на обольщенія дю-Ренара, который наконецъ достигаетъ того, что возмущаетъ подозрѣніями чистый источникъ взаимной привязанности двухъ любящихся. Но, благодаря пронамавъ другой пѣвучи, инстинкція возвращается по адресу, и банкиръ осмѣянъ.

73) Lady Henriette, ou le Marché aux Servantes (Лэди Генриетта, или наёмъ служанок). *Водется въ пяти дѣйствіяхъ.*

Героиня этой пьесы—молодая, благородная дѣвушка, невеста какого-то лорда; ей наскучили уже вѣчныя глупости ея жениха, она ищетъ какихъ-нибудь развлеченій, и вмѣстѣ съ своею служанкою опредѣляется въ услуженіе къ молодому поселянину. Молодой поселанинъ Лионель влюбился въ нее и заставилъ полюбить себя. Молодая лэди, испуганная послѣдствіями этой любви, убѣгаетъ отъ своего хозяина, съ которымъ встрѣчается въ Виндзорѣ. Молодой поселанинъ едѣлся пажомъ королевы, и зовется, безъ вѣдома Генриетты, графомъ Герфордъ. При первой встрѣчѣ, Лионель возобновляетъ свои объясненія, которыя лэди Генриетта отталкиваетъ съ негодованіемъ; молодой пажъ влюбляется до безумія. Въ это время, Генриетта узнаетъ его титулъ и имя. Въ отчаяніи отъ послѣдствій своей жестокости, она рѣшается на средство, которое должно возратить рассудокъ Лионелю. Одѣтая въ платье поселанки, въ которомъ она впервые явилась молодому человѣку, она идетъ въ жилище, куда недавно приходила въ образѣ служанки, и предстаетъ предъ Лионелемъ, который снова обрѣлъ и рассудокъ и любовь страстно-любимой имъ дѣвушки.

Эта пьеса поставлена на сцену вѣроятно, и ей пророчать продолжительный успѣхъ.

★

УЧЕНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Физиономія змѣй. — Подъ замысловатымъ заглавіемъ: *Physiognomie der Schlangen*., которое мы нарочно перевели здѣсь буквально, недавно издавъ докторъ Шлегель, консерваторъ Нидерландскаго-Музеума, необыкновенно-интересное сочиненіе о змѣяхъ.

Ученый докторъ имѣлъ главною цѣлю, во-первыхъ, оправдать змѣиную породу, которую, говорить онъ, такъ несправедливо оклеветали предразсудки людскіе, и потомъ очистить самую исторію этого замѣчательнаго отдѣла позвоночныхъ живогныхъ отъ всѣхъ басенъ, сказокъ, которыя внесли въ нее господа же ученые.

Во всѣхъ зоологическихъ системахъ обыкновенно классъ пресмыкающихся (*reptiles, gamprants, reptilia*) раздѣляется на четыре отряда, представители которыхъ — черепаха, ящерица, лягушка и гадюка или випера (*vipera, vipère*). Всѣ эти животныя извѣстны подъ общимъ именемъ «пресмыкающихся», хотя три первыхъ имѣютъ ноги совершенно-развитыя и ходятъ ими, какъ млекопитающія. Змѣи одніе только не имѣютъ органовъ движенія, или, лучше, хожденія.

Увное, длинное, червеобразное тѣло, покрытое твердою чешуею, которое ползаетъ по землѣ безъ ногъ или лапъ, свивалась и развивалась какъ упругая веревка, — вотъ въ короткихъ словахъ наружность змѣй. Изъ нихъ одніе живутъ на сушѣ, другіе въ водѣ, иѣкоторыя же проводятъ всю жизнь на деревьяхъ, въ щеляхъ, въ расщелинахъ скалъ.

Шлегель дѣлитъ весь змѣинный отрядъ на два под-отдѣленія: неядовитыя или *неядовитыя* и *ядовитыя*; обѣ эти группы могутъ подраздѣляться еще на семейства, роды и виды. Неядовитыхъ въ наше время извѣстно, какъ говорить Шлегель, двѣсти-семьдесятъ видовъ, а ядовитыхъ только пятьдесятъ; это числовое показаніе, кажется, до-

вольно-важный аргументъ противъ общаго предубѣжденія къ змѣиной породѣ.

Змѣи, какъ и всѣ созданія Божіи, устроены превосходно, совершенно-согласно съ образомъ ихъ жизни. Змѣи — животныя въ полномъ смыслѣ позвоночныя: весь внутренній ихъ каркасъ — скелетъ составляетъ одинъ непрерывный, однообразный хребетный столбъ; въ немъ вы не отличите ни шеи, ни спины, ни талии, ни крестца; позвонки всѣ совершенно похожи другъ на друга и развиты только величиною своею, которая къ хвосту постепенно уменьшается; конечностей, лапъ, точно такъ же, какъ частей, посредствомъ которыхъ эти конечности прирѣпляются къ туловищу — таза, ключицы, грудной кости не достаетъ у змѣй, и ребра совершенно-свободны; по-этому, все тѣло ихъ имѣетъ гораздо-большую подвижность, нежели у прочихъ животныхъ. Каждый позвонокъ несетъ по парѣ реберъ, которыя снаружи обозначаются складками кожи на брюшной полости, гдѣ соединяются, сочленяются между собою рѣды чешуей; посредствомъ этихъ-то складокъ и ползаетъ животное; именно ихъ приводятъ въ движеніе сильныя мускулы, прирѣпляющіеся къ ребрамъ, которыя здѣсь, въ этомъ случаѣ, играютъ роль рычаговъ. Скорость движенія змѣй зависитъ вообще отъ свойства, характера почвы; по гладкой поверхности, онѣ ползаютъ медленно, гораздо-быстрѣ скользятъ по песку или по землѣ, поросшей сушеники приземистыми растеніями. Впрочемъ, быстроту змѣй черезъ-чуръ преувеличили, утверждая, что человекъ никогда не можетъ убить отъ нихъ.

Кромѣ главнаго червеобразнаго или волнообразнаго хожденія, ползанія, — змѣи могутъ также совершать другія движенія. Въ спокойномъ положеніи, онѣ обыкновенно свертываются спирально витуюшкою, и голову выставляютъ по срединѣ. Очень-часто такъ же говоритъ докторъ Шлегель: змѣи становятся на хвостъ, или на конецъ

бросая, совершенно-вертикально, и только голову наклоняютъ нѣсколько впередъ; боа-констрикторъ, удавъ, вѣшается на хвостъ на деревьяхъ, на скалахъ, и тогда онъ неподвиженъ; въ немъ не открыто ни признака жизни; но вотъ добыча, и онъ выходитъ изъ этого полумертваго оцѣпенія, падаетъ на землю и отпрыгиваетъ отъ нея, какъ упругое тѣло.

У водныхъ змѣй органъ движенія — хвостъ, обыкновенно сплюснутый по вертикальному направленію, и онъ дѣйствуетъ имъ совершенно какъ весломъ; другія назначенія имѣетъ этотъ органъ у сухопутныхъ змѣй: тѣ въ нихъ, которыя живутъ на деревьяхъ, цѣпляются хвостомъ за вѣтви и вѣшаются на немъ. Змѣи, живущія въ круглыхъ земляныхъ норахъ, имѣютъ короткій коническій хвостъ, и онъ, вѣроятно, употребляютъ также его какъ сверло, чтобъ рыть свои жилища.

Змѣи бросаютъ на свою добычу или прыжками, и въ такомъ случаѣ схватываютъ ее пастью, или обвиваютъ ее, какъ, на-примѣръ, удавы, рѣшъ туловищемъ или однимъ только хвостомъ.

Общія покровы, то-есть наружная кожа змѣй, все состоитъ, какъ мы выше сказали, изъ параллельныхъ кольцеобразныхъ рядовъ чешуй, соответствующихъ различнымъ парамъ реберъ; эти ряды соединены между собою голою кожей, которая можетъ растягиваться и сокращаться. Вотъ почему змѣи глотаютъ цѣлкомъ животныхъ толще самихъ себя. Природа устроила на этотъ конецъ и голову ихъ такъ, что всѣ ея части, за исключеніемъ, разумеется, черепа — хранилища мозга, имѣютъ свободное движеніе и могутъ расширяться по различнымъ направленіямъ.

Змѣи, обыкновенно, самую наружную роговую оболочку своей кожи сбрасываютъ въ определенное время, то-есть, говоря другими словами, онѣ линяютъ. Кожа начинаетъ обыкновенно трескаться, шелушиться у головы; змѣя нарочно тогда ползаетъ между травой и трениемъ о посторонніе пред-

меты помогаетъ отдѣленію засохшей кожи, которая замѣщается новою, свѣжею.

Такъ-называемыхъ прибавочныхъ органовъ (appendices), змѣи вообще имѣютъ мало; но эти органы очень-замѣчательны. Такъ, у нѣкихъ хвостъ оканчивается простою коническою чешуею, болѣе или менѣе заостренною, у другихъ на немъ находится трещотка или гремушка—рядъ чешуйчатыхъ побрякушекъ, тѣсно связанныхъ между собою; трещотка эта падаетъ особымъ звукомъ, когда животное движется. Нѣкоторыя удавы имѣютъ на концѣ брюшной части пару крючковъ, которая также помогаетъ имъ во время движенія. У зретиона находятся на рылѣ два щупальца, у амодилла гребень на головѣ, у пераста или роконосца налѣ глазами сидятъ подвижные рога. Вотъ и всѣ прибавки; крылья, плавники, которыми украсило воображеніе древнихъ змѣиную породу, не существуютъ въ природѣ.

Змѣи не имѣютъ наружнаго уха, и органъ слуха у нихъ очень-просто устроенъ; по-этому, и самый слухъ ихъ не слишкомъ-тонокъ; обоняніе ихъ, чутьё — тоже не слишкомъ-замѣчательно. Глазъ змѣинный представляеть ту особенность, что онъ покрывается одною большою неподвижною вѣкою, которая укрѣплена кругомъ орбиты въ полукольцѣ изъ семи или восьми чешуй. Эта вѣка есть продолженіе наружной роговой оболочки, которая покрываетъ все животное и ежегодно линяеть; она такъ же прозрачна и влажна, какъ и вся кожа. Шлегель, основываясь на этой организаціи глаза, опровергаетъ всѣ рассказы о пресловутомъ очарованіи змѣй. Жало змѣинное, которое всѣ старинные натуралисты воображали въ видѣ стрѣлы, на концѣ развиленной или оканчивающейся тремя остріями, — также вещь несуществующая въ природѣ. Языкъ, правда, у змѣй на концѣ раздѣляется на двѣ тонкія нити, но это особые щупальцы, а не вредоносный уязвляющій

время, и слизь употребляют эти жидки для ослзания.

Цвѣтъ змѣй необыкновенно-равнообразенъ, и, что замѣчательно, онъ всегда представляетъ аналогію съ мѣстностью, гдѣ живетъ животное. Такъ змѣя лазящія — большую частью зеленныя, цвѣта листьей; иѣкоторые же между ними представляютъ совершенное подобіе голой вѣтки древесной или стараго пня, покрытаго мохомъ и ягелами. Прѣсноводныя змѣи вообще цвѣта темнаго, однообразнаго; живущія же въ морѣ — голубоватыя, зеленныя, какъ волны морскія; степныя гадюки (vipera) песочнаго цвѣта: болотныя — бурныя; но тропическія змѣи вообще отличаются роскошью и разнообразіемъ цвѣтовъ.

Зубы представляютъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ характеровъ змѣиной породы. Всѣ змѣи глотаютъ животныхъ цѣликомъ; по-этому, и зубы ихъ не устроены собственно для жеванія: главное и единственное назначеніе этихъ органовъ — язвить добычу, удерживать ее и помогать глотанію. Зубы эти двухъ сортовъ: одни — твердые, костяные, находятся у всѣхъ змѣй; другіе — такъ-называемые крючки, встрѣчаются только у ядовитыхъ змѣй. Твердые зубы всѣ обыкновенно бываютъ одинаковой равной длины; у немногихъ развѣ, и то одинъ или два, самыя сильныя выставляются впередъ прочими. Крючки заострены нѣсколько на концѣ и внутри представляютъ каналъ, оканчивающійся внизу также отверстіемъ возлѣ желѣзокъ, въ которыхъ готовится ядъ.

Когда животное коснется крючкомъ до какого-нибудь предмета, язвить его, — ядовитыя желѣзки сжимаются, выпускаютъ изъ себя ядъ, и вливаютъ его въ язву. Крючки сидятъ напередѣ челюсти и подвержены, слѣдственно, порчѣ отъ вліанія различныхъ, наружныхъ, постороннихъ дѣтелей болѣе прочихъ зубовъ; но на этотъ конецъ, вѣроятно, окружены они особенною дѣсною, особеннымъ влагалитцемъ, куда причтется обыкновенно, и выхѣ-

дать только; когда-нибудь захочетъ жалить. Но слизь шибко почти-всегда въ резервѣ до мѣсты крючковъ, которые разширяются и замѣняютъ старыя вытѣсненныя совершенныя явочки.

Змѣи подолбаны во мнѣго и въ крючковъ, въ ядовитыхъ желѣзкахъ; но слюнными желѣзками у нихъ развиты болѣе, чѣмъ у змѣй ядовитыхъ. Слюна помогаетъ, какъ извѣстно, пищеваренію, и эта жидкость необходима глѣ болѣе для нихъ, что онѣ глотаютъ цѣликомъ предметы значительной величины. При протлѣтываніи добычи, змѣя обливается ее слюною, отъ-чего она легче околѣбитъ по нацѣпрѣнному назагу.

Дѣйствія змѣиного яда слюннымъ-язвисты, и потому имъ не отнесены здѣсь о немъ распространяться. Слѣжкій ядъ прямо изъ крючка — прозрачная жидкость желтовато-зеленоватаго цвѣта, нѣсколько вязкая; на воздухѣ онъ высыхаетъ и дѣлается необыкновенно-липкимъ; хитрѣ не отырала въ шель и кислоты, ни щелочи; онъ совершенно безъ запаха, безъ вкуса и убиваетъ только будучи смѣшанъ съ кровью. Понятно, что величина, глубина и вообще характеръ раны мнѣго болѣе вліаніе на степень ея вредности; послѣдніе укусы змѣи язвисты дѣйствуютъ слабѣе; они не вызываютъ вообще смертельныя, потому что желѣзки уже тогда потрѣчиваютъ запасъ готоваго яда; на животныхъ малыхъ и теплокровныхъ ядъ дѣйствуетъ сильнѣе, чѣмъ на большихъ и съ холодною кровью; наконецъ, подъ тропикомъ, ядъ этотъ убиваетъ нѣжели въ странахъ умѣренныхъ.

Вотъ какъ описываетъ докторъ Шлегель дѣйствіе этого яда на человека:

«Укусъ, который обыкновенно состоитъ изъ двухъ едва-замѣтныхъ ранокъ, сопровождается сильною воспалительною болью во всемъ язвленномъ членѣ; онъ распухаетъ, и изъ немъ открывается индолманція. Поглощеніе и разлѣтіе яда обозначается слабостію въ цѣломъ организмѣ: не-гдѣ не ходитъ, дышать становится

трудно; жажда наливъ; возмезъ глотка; потомъ начинаются тошнота, срвота, давленіе груди и наконецъ обморокъ; большой сходитъ съ ума. Кругомъ раны показываются темныя патна—върныя предвѣстники автономна-огня, который быстро распространяется по всему организму и окончательно умерщвляетъ его.

Рациональное леченіе умрущевыхъ змѣекъ, по мнѣнію Шлегеля, заключается въ слѣдующемъ: рану хорошенько обмыть, прижечь или накинуть въ этомъ мѣстѣ горшокъ; забинтовать часть уязвленную, если только возможно, кругомъ по обимъ концамъ раны такъ, чтобы она была по срединѣ между двумя бинтами; это дѣлается, чтобы остановить разлитіе яда въ цѣлой системѣ кровообращенія; внутри принимать лекарства потогонныя, какъ можно въ большемъ количествѣ, также кларистый метасейм; снаружи втирать деревянное масло.

Всѣ другія средства, народныя, обыкновенно предлагаемыя индійскими сомусиками-заключателями, Шлегель считаетъ шарлатанствомъ.

Змѣи—животныя яйцеродныя, и нѣкоторыя изъ нихъ высиживаютъ дѣтенышей иногда въ нѣсколько недѣль; у другихъ же дѣтеныши вылупляются изъ яйца почти-тотчасъ послѣ того, какъ оно было сънесено. Змѣи растутъ очень-медленно и живутъ очень-долго; какъ и всѣ пресмыкающіяся. Мы находимъ у многихъ ученыхъ путешественниковъ расказы о чудовищныхъ змѣяхъ, величиною слышномъ въ сорокъ футовъ; но докторъ Шлегель полагаетъ, что эти господа немного преувеличили, можетъ-быть со страха, ростъ змѣи, и, по его мнѣнію, самымъ огромныя змѣи въ странахъ тропическихъ не болѣе двадцати-пяти футовъ; наши же европейскія едва достигаютъ я восьми.

По образу жизни, змѣи можно раздѣлить на дневныхъ и ночныхъ, хотя и тѣ и другія въ жаркое время выходятъ днемъ на свѣтъ. Всѣ они животныя плотоядныя; водяныя змѣи пита-

ются рыбою; тѣ, которыя живутъ въ деревьяхъ, ѣдятъ птицъ; а собственно-земныя, то-есть сухопутныя, кормятся насѣкомыми, червями, слизнями, кроликами, крысами и другими малыми четвероногими. Морскія и прѣсноводныя змѣи живутъ обществами; но сухопутныя, говоря вообще, ведутъ жизнь одинокую, уединенную. Змѣи, не смотря на то, что онѣ лишены мудрости,—глухы и слѣпы; однако удавы легко дѣлаются ручными; одѣ только ядовитыя змѣи постоянно сохраняютъ дикій суровый характеръ. Змѣя въ неволѣ не принимаетъ пищи и умираетъ такимъ образомъ часто добровольно съ голода. Змѣи сухопутныя проводятъ всю зиму во снѣ; въ нашихъ климатахъ, онѣ обыкновенно засыпаютъ въ октябрѣ и спятъ до начала апрѣля; въ это время, жиръ, находящійся внутри ихъ, служитъ имъ главною пищею; вѣсныя сосуды поглощаютъ его, и изъ него вырабатывается кровь; вотъ-почему обыкновенно весной выходятъ онѣ изъ своихъ зимнихъ опочивальень тощія, худыя, слабыя, и входятъ въ силу и въ прежнюю точность только по прошествіи нѣкотораго времени. Змѣи имѣютъ одно только легкое, какъ всѣ животныя съ слабымъ дыханіемъ; ѣдятъ онѣ вообще очень-мало и могутъ даже быть совершенно безъ пищи въ-продолженіи очень-долгого времени. Докторъ Траубъ, извѣстный профессоръ Эдинбургскаго Университета, приводитъ въ примѣръ двухъ гремучихъ змѣи, которыя рѣшительно ничего не ѣли восемнадцатіи мѣсяцевъ.

Змѣиная порода распространена въ большомъ количествѣ по всему земному шару. Всего болѣе водятся онѣ въ жаркомъ полсѣ, рѣже встрѣчаются въ холодныхъ климатахъ; болота; саваны, степи и другія пустынные мѣстности—обыкновенныя жилища змѣи; но и здѣсь человекъ, заодно съ различными мелкими животными, постоянно преслѣдуетъ ихъ. Самые злые враги, бичи змѣиной породы—барсукъ, ѣжъ, ласточка, нивера, яхв-

поль, журавль, аистъ, коршунъ, соловей, сарычъ; вообще всѣ хищныя животныя также преслѣдуютъ ее.

Вотъ въ короткихъ словахъ содержаніе новаго творенія доктора Шлегеля; въ слѣдующей статьѣ мы приведемъ цѣлую главу изъ этого замѣчательнаго сочиненія: *басни и различные поэмы о змѣиной породѣ*. Этотъ небольшой интересный отрывокъ еще ближе познакомитъ читателей съ цѣлымъ важнымъ твореніемъ нидерландскаго ученаго.

НАСНОСЛОВИИИИ ИСТОРИИ ЗМѢИ.

—Въ древности, змѣя играла важную роль; даже и теперь, въ наше время, народы дикіе и полуобразованные очень уважаютъ это животное.

Богонимическія преданія самыхъ древнѣйшихъ народовъ ясно свидѣтельствуютъ, что змѣя олицетворяла въ первобытную эпоху человечества начало злоса. Ариманъ, духъ злой, принимаетъ на себя форму змѣи, въ борьбѣ съ своимъ противникомъ, Оромаздемъ, который олицетворялъ доброе начало въ идеалахъ древнихъ Персовъ.

У Грековъ, змѣя, умерщвленная стрѣлами Аполлона, аллегорически изображала, какъ теперь вообще думаютъ, заразные вредныя пары, живыя, отдѣлявшіеся изъ тлистой болотистой почвы послѣ потопа, и которое разсыпало солнце своими лучами. Потопъ, эта же самая змѣя именовъ сдѣлалась атрибутомъ Аполлона и дельійскихъ жрицъ, и ее стали обожать, какъ эмблему. Въпротивно, подобныя же обстоятельства послужили основаніемъ басни о гадѣ зернейской, уничтоженной Геркулесомъ и Юломъ. Болота зернейскія и теперь даже, въ наше время, отдѣляютъ изъ себя нездоровыя испаренія. Шатобрианъ рассказываетъ въ своемъ путешествіи въ Иерусалимъ (*Itinéraire de Paris à Jérusalem*), что онъ заблудился въ этихъ болотахъ, отыскивая развалины Спарты, и скватъ тамъ сильную яхорадку.

У древнихъ Египтянъ, змѣя была символомъ плодородія; змѣя, обитая кругомъ шара, глобуса, изображала въ египетской космогоніи Клеоа, Анмона, Агатодемона — духъ, думу всего творенія, — начало жизни, которое призвать всѣмъ міромъ. Жрецы такъ даже держали при храненіи живыхъ змѣй.

Змѣя, какъ эмблема благоразумія и осторожности, была постояннымъ атрибутомъ Эскулана, и Греки обожали ее паразитъ съ отцомъ и богомъ медицины и магии.

Во второмъ вѣкѣ послѣ Рождества Христова, одна извѣстная секта — оаниты, также обожала живую змѣю; оаниты почитали ее эмблемою мудрости и чувственныхъ побужденій (?). Памятники нехристианствіе, японскіе и другихъ народовъ, къ которымъ цивилизація перешла отъ древнихъ обитателей Азіи, свидѣтельствуютъ также, что змѣя играла важную роль и въ ихъ религіозныхъ таинствахъ; но время и сношенія съ Европою постепенно вытѣснили отсюда это религіозное преданіе паразитъ съ другими, и теперь, въ настоящее время, только у негровъ — обитателей западнаго берега Африки, змѣя еще занимаетъ первое мѣсто между божествами.

Здѣсь не мѣсто объяснить и даже перечислить всѣ аллегоріи древнихъ, въ которыхъ участвуетъ змѣя. Вѣдь вѣдѣно, что змѣи были близки оурій; онѣ же вооружали руку раздора и обвивали голову Эмменидъ. Кадуцей Меркурія, перенятый двумя змѣями, былъ символомъ самаго убѣдительнаго краснорѣчія. Змѣя, свернутая кольцомъ, съ хвостомъ въ зубахъ — кругъ безъ начала и конца, изображала вѣчность. Наконецъ, сказанія объ Ахелой и Юлитерѣ, которые, въ своихъ любовныхъ похожденияхъ, также превращались въ змѣй и многія другія доказываютъ, что древніе приписывали змѣѣ самыя различные и часто противоположныя качества; она соединяла въ нихъ кровожадность и силу, и кротость, и прелесть, и безобразіе до чудовищности, и пакость, и хитрость.

Это суеверіе нерасширено ниуро- довало естественную исторію змѣй, и даже въ наше время обезображиваютъ ее самыя вздорныя повѣрья, самыя нелѣпыя предрасудки. Большую часть ихъ придумало человѣчество еще въ первобытную эпоху своей жизни, во время своего дѣтства, если такъ можно выразиться; классическіе писатели передали потомству эти повѣрья и распространили ихъ въ современномъ обществѣ, даже въ народѣ, гдѣ они утвердились, благодаря естественной склонности человѣка ко всему чудесному. Писатели новѣйшіе въ своихъ твореніяхъ повторяли рассказы Аристотеля и Плинія, что свиньи убиваютъ и ѣдятъ змѣй, что молоко — самая деликатная и любимая пища змѣй, что ихъ вѣтромъ покрывается грязью, чтобъ защитить себя отъ укушенія змѣй, и вѣсть, нарочно для этого, особенную праву, которой не терпятъ оти пресмыкающіяся. Игоспода-путешественники рекомендуютъ, вѣроятно, на этомъ же основаніи, людямъ противъ змѣй множество различныхъ и совершенно-разнородныхъ растений, какъ, на-примѣръ, змѣиный корень (orhioghiza), корникъ (aristolochia), истолаъ (polygala), лактуикъ (prepanthos). Растенія эти, утверждаютъ они, запахомъ своимъ даютъ змѣй и могутъ служить антиотомъ или противодіемъ въ случаѣ жаленія. Древніе полагали еще, что въ самыхъ змѣяхъ должны непременно включаться эти антидоты и старались злечь ихъ. Антовій, докторъ Авгу- га, употреблялъ виперъ, какъ лекарство отъ многихъ болѣзней, и во времена Нерона, это лекарство было въ ольшомъ ходу: тогда Андромахъ-Критикій изобрѣлъ знаменитый теріакъ, то совершенно-произвольная смѣсь самыхъ разнородныхъ веществъ; но главный элементъ составляютъ въ немъ змѣи- виперы. Въ средніе вѣка, теріакъ риготовляли во всѣхъ городахъ Европы; особенно онъ былъ въ употребленіи на югѣ. Въ наше время, въ фарацин оставлено только названіе теріа- а; но составъ и приготовленіе его со- Т. XXXVI. — Отд. VIII.

вершено виперны; и его дѣлаютъ те- перь безъ змѣй; только въ Италіи еще, въ Венеціи, въ Палермо, въ Неаполѣ приготавливаютъ теріакъ со змѣями и уничтожаютъ на этотъ конецъ цѣлые миліоны виперъ. Сиболадъ, докторъ, утверждаетъ, что Китайцы и Японцы также употребляютъ въ своей медици- нѣ особаго рода змѣиный теріакъ; Ки- тайцы еще почитаютъ желчь пифона спасительнымъ средствомъ во многихъ болѣзняхъ.

Вѣроятно, всѣ слышали о такъ-на- зываемомъ магическомъ, чарующемъ взглядѣ змѣй, которымъ привлекаютъ онѣ къ себѣ добычу: во всѣхъ есте- ственно- историческихъ сочиненіяхъ говорится объ этомъ необыкновенномъ явленіи, и одни натуралисты за него, другіе противъ него, такъ-что здѣсь рѣшительно невозможно вывести удо- влетворительнаго заключенія. Не бу- демъ повторять здѣсь всѣхъ сказокъ, которыя распускаютъ по этому случаю господа-путешественники и которыя, надобно сказать, очень-интересны; лю- бопытствующимъ отсылаемъ къ пре- словутому путешествію Вальяна; ска- жемъ только, что всѣ эти сказки кор- немъ своимъ имѣютъ творенія класси- ческихъ же писателей Эліана, Помпо- нія-Мелу и другихъ; замѣчательно, что онѣ наиболее распространены въ Сѣ- верной-Америкѣ; въ Восточной же Ин- діи и Европѣ, гдѣ такъ много змѣй, онѣ совершенно-неизвѣстны.

Различно можно объяснить происхо- жденіе повѣрья о чарующей силѣ взгляда змѣй. Во-первыхъ, большая часть маленькихъ животныхъ совер- шенно, кажется, не понимаютъ, какъ опасна ядовитая змѣя. «Я видалъ» го- ворить Шлегель: «какъ кролики ходи- ли по удаву, лизали его голову, даже кусали, не показывая при этомъ ни- какого признака болзни.» Потомъ, другихъ, болѣе-смѣшленныхъ живот- ныхъ, обвиняетъ паническій страхъ при видѣ змѣй, который одуряетъ ихъ, лишаятъ всѣхъ способностей, и тогда оставляетъ даже ихъ чувство самохра- ненія, обыкновенное у всѣхъ живот-

мыгъ. Наконецъ, очень можетъ быть, что мыгъ ужалитъ прежде животное, которое вертится передъ ней въ конвульсиахъ и въ заключеніе падаетъ ей въ ротъ.

Вотъ три догадки, объясняющія, по видимому, очень вѣроятно и довольно-удовлетворительно, предполагаемую чарующую силу взгляда мыги.

КАМЕННАЯ ВОЛЪЗНЬ У ИИГРИКЪ ЧЕРЕПАХЪ. — Вотъ замѣчательный фактъ изъ сравнительной патологии, который, сколько намъ извѣстно, нигдѣ еще до-сихъ-поръ съ точностью не описанъ. Лессюэръ, извѣстный путешественникъ, объѣхавшій всѣ пять частей свѣта съ цѣлью собственно естественно-исторической, первый, кажется, открылъ каменныя скопленія въ мочевомъ пузырьѣ у одного вида трехпалой черепахи (*trionyx spinifetus*), который живетъ въ Сѣверной-Америкѣ, въ Соединенныхъ-Штатахъ, въ рѣкѣ Уабампъ.

Всѣ виды трехпалой черепахи — плотоядныя и прожорливыя животныя; Жоферуа Севт-Илеръ, первый описавшій и установившій, такъ-сказать, этотъ естественный родъ по видамъ, живущимъ въ Нилѣ, рассказываетъ, что они питаются дѣтенышами крокодиловъ.

Лессюэръ анатомировалъ двухъ американскихъ трехпалыхъ черепахъ и нашелъ у каждой по мочевому камню.

Камни эти невелики (самый большой изъ нихъ вѣсомъ около семнадцати гранмовъ), круглые, нѣсколько сплюснутые, съ шероховатою поверхностью; дѣла снаружи желтовато-бѣлаго, внутри бѣлаго; состоятъ они, какъ поназываетъ продольный разрѣзъ, изъ слоевъ концентрическихъ, на которые они раздѣляются, и заключаютъ въ себѣ различныя постороннія тѣла, какъ-то: обломки раковинъ, прозрачныя песчинки кварца, и тому подобное.

Лессюэръ разлагалъ химически эти камни и нашелъ въ нихъ фосфо-кислую и азотную, углекислую и азотную

углекислую магнезію, соли и вещества органическія растворимыя и вещества органическія нерастворимыя, и воду.

Здѣсь особенно-замѣчательны два обстоятельства и въ физическомъ и въ химическомъ отношеніи.

Во-первыхъ, странно, что эти камни не содержатъ въ себѣ мочевиной кислоты, которая находится однако же въ мочѣ черепахъ, какъ показываютъ анализы Вокелена, Ласеня, Буаселя, Дэви и Штольце.

Во-вторыхъ, какъ, какимъ путемъ могли попасть въ мочевой пузырь тѣла постороннія — обломки раковинъ, песчинки кварца, которыя входятъ въ составъ этихъ камней?

Многіе зоологи полагали и полагаютъ, что черепахи своимъ заднепроходнымъ отверстиемъ поглощаютъ воду, которая проходитъ въ мочевой пузырь и приноситъ съ собою туда эти постороннія тѣла.

Это мнѣніе самое возможное и самое вѣроятное, какъ мы сейчасъ увидимъ; но, чтобъ понять совершенно весь полный механизмъ прохожденія этихъ постороннихъ тѣлъ, намъ надобно обратиться къ анатомическому строенію мочевого органа черепахъ.

Всѣ каналы испражнительные — мочеочникъ, прямая кишка, сѣменной каналъ — у черепахъ открываются въ одинъ резервуаръ, клоакъ; это пилларическая кишка съ мускулистыми, упругими стѣнками; отверстию выводящихъ каналовъ вторыхъ блановъ, которые, какъ мы сказали, открываются въ него нѣсколько къзади прямой кишки, окраены слизистой и двойною ячеистой оболочками, которыя, сжимаясь, не пропускаютъ въ нихъ никакихъ постороннихъ веществъ; така же оторочка окружаетъ и отверстие прямой кишки. Одна шейка мочевого пузыря совершенно-свободна на своемъ отверстіи. Это устройство удовлетворительно объяснить, какъ обломки раковинъ и песчинки кварца могли попасть черезъ свободную шейку мочевого пузыря, вмѣстѣ съ водою, и него-самого.

ДѢЙСТІЕ РАЗЛИЧНЫХЪ ЛЕКАРСТВЪ НА ЖИВОТНУЮ ЭКОНОМИЮ.— Вотъ вопросъ самый важный въ медицину въ наше время. Всѣ физиологи и медики теперь согласились, что организмъ человѣческій — химическая реторта; остается только прослѣдить всѣ измѣненія, которые происходятъ въ этой ретортѣ отъ дѣйствія на нее различныхъ дѣятелей и химическихъ и механическихъ, и вся медицинская мудрость объяснится окончательно.

Милонъ и Лаверанъ недавно обратились къ изслѣдованію этого замѣчательнаго вопроса. Вотъ результаты ихъ наблюденій, которые представили они въ послѣднее засѣданіе Парижской Академіи Наукъ.

Милонъ и Лаверанъ преимущественно производили свои опыты надъ кремортартаромъ, глауберовою солью, сѣрою и салициномъ; они сами приготовили эти лекарства, сами наблюдали со всей точностью за приемами, за ходомъ болѣзни и разлагали, въ заключеніе, мочу больныхъ, чтобъ видѣть окончательное превращеніе этихъ лекарствъ.

Вѣдлеръ, а за нимъ всѣ химики вообще предполагаютъ, что основныя соли органическія — уксуснокислыя, лимоннокислыя, виннокислыя въ мочу переходятъ уже разложившись, превратившись въ кислыя соли, углекислыя. Лаверанъ и Милонъ нашли, что это превращеніе не всегда имѣетъ мѣсто: въ 268 опытахъ урина была 175 щелочная, 87 кислая и 6 разъ средняя.

Вообще, утверждаютъ они, это превращеніе зависитъ отъ количества приема лекарства, отъ состоянія болѣзненныхъ органовъ и субъекта. Такъ, если давать виннокислую соль малыми дозами, на-примѣръ, тридцать, сорокъ граммовъ въ продолженіи восьми, десяти часовъ, урина всегда будетъ щелочная; здѣсь, въ этомъ случаѣ, соль эта дѣйствуетъ скорѣе, какъ вещество питательное, а не какъ лекарство, потому что она даже не достигаетъ своего терапевтическаго назначенія, не

очищаетъ пищеварительной системы организма.

У людей здороваго, крѣпкаго тѣлосложенія, также у страждущихъ разстройствомъ въ нервной системѣ, особенно въ ея центральныхъ частяхъ, виннокислая соль совершенно измѣняется, превращается въ щелочную углекислую; напротивъ, у людей слабаго тѣлосложенія, у которыхъ сверхъ того, расстроены органы пищеваренія, лекарство это не такъ дѣятельно переваривается, и урина всегда бываетъ кислаго свойства.

Подобныя опыты произведены были и глауберовою солью — сѣрою, слышь натромъ. Эта соль, какъ оказалось, не измѣняется, по-видимому, ни сколько въ организмѣ; по-крайней мѣрѣ, они нашли ее въ мочѣ въ первоу бытномъ видѣ.

Съ сѣрою всѣ опыты Милона и Лаверана рѣшительно не удалось: они не открыли ни малѣйшаго слѣда ее въ уринѣ.

Наконецъ, салицилъ давали они десяти больнымъ перемежающеюся лихорадкою; въ уринѣ ихъ открыли они соединеніе салицила съ водородомъ (hydrure de salicyle) и салициловую кислоту, но въ какой пропорціи — они не опредѣлили. Такимъ образомъ, экономія животная здѣсь дѣйствовала совершенно также на это углеродистое тѣло и, слѣдственно, въ высшей степени горючее, какъ кали, смѣсь сѣрной и хромовой кислотъ и другіе окисляющіе агенты.

ОБЫКНОВЕННЫЙ ВОДАСТВОНОВЪ СТОДЪ СЪ ПОСТОЯННЫМИ ТОКОМЪ. — Изъ всѣхъ гальваническихъ приборовъ, вѣроятно, самый дешевый и самый простой — стодъ Водластова; онъ, какъ извѣстно, состоитъ изъ мѣдныхъ и цинковыхъ пластинокъ. Эти два металла, въ видѣ пластинокъ, покрываютъ другъ друга (мѣдь — цинкъ) и погружаются въ ящикъ съ солянымъ растворомъ — возбуждающей жидкостью, раздѣленнымъ на столько отдѣловъ, сколько именно этихъ металличе-

скихъ нарѣ. Обыкновенно, какъ жидкость возбуждающая, въ немъ употребляется растворъ поваренной соли или кислота сѣрная, азотная; и это главное его неудобство, главная невыгода волластонова столба, потому что жидкости эти окисляютъ металлическіе элементы и не даютъ никогда постояннаго тона; вотъ—почему волластоновъ приборъ и не употребляется въ гальванопластическихъ операцияхъ.

Дебордъ, французскій физикъ, представилъ Парижской Академіи Наукъ новое улучшение, устраняющее главную невыгоду въ этомъ старинномъ приборѣ, но который, по дешевизнѣ и простотѣ, стоитъ рѣшительно выше всѣхъ гальваническихъ столбовъ съ послѣдними животрепещущими усовершенствованіями. Дебордъ предлагаетъ, вмѣсто поваренной соли, кислоту азотной и сѣрной, употреблять, какъ жидкость возбуждающую, смѣсь бѣлаго купороса (сѣрно-кислый цинкъ) съ синимъ (сѣрно-кислая мѣдь). Приборъ, такимъ образомъ неизменный, утверждаетъ Дебордъ, дѣйствуетъ постоянно съ одинаковою силою въ продолженіи нѣсколькихъ дней. Чистить его совершенно ненадобно; напротивъ, чѣмъ долѣе онъ служитъ, тѣмъ болѣе токъ становится правильнымъ; когда же онъ замѣтно начнетъ слабѣть, то стоитъ къ нему прибавить небольшое количество синяго купороса и сѣрной кислоты, и токъ опять входитъ въ прежнюю силу.

НОВОЕ УЛУЧШЕНИЕ ВЪ СВѢТОПИСИ.—ДВОЙНОЕ ІОДИРОВАНИЕ.—Самые искусные фотографы-свѣтописцы рѣдко успѣваютъ получать хорошіе, точные рисунки, именно, когда хотятъ придать своимъ дощечкамъ (серебрянымъ пластинкамъ) наибольшую степень чувствительности. Трудно попасть на эту точку: малѣйшій излишекъ брома, хлора или какого другаго вещества, болѣе-воспримчиваго къ дѣйствію свѣтовыхъ лучей, смягчаетъ, затеняетъ, дѣлаетъ неяснымъ рисунокъ, и поэтому-то онъ такъ рѣдко дается въ совершенствѣ

Лабордъ, профессоръ физики, представилъ, въ прошедшемъ мѣсяцѣ, Парижской Академіи Наукъ новое улучшение въ свѣтописномъ искусствѣ, очень-важное въ этомъ отношеніи. Онъ предлагаетъ два раза покрывать, окуривать іодомъ серебряную пластинку, такъ-чтобы слой вещества болѣе-воспримчиваго, ускоряющаго операцію, находился на этой пластинкѣ, между двумя іодовыми слоями.

Лабордъ основалъ свое улучшение на слѣдующихъ двухъ опытахъ:

Если свѣтописную серебряную пластинку, приготовленную по обыкновенному способу съ бромомъ и съ іодомъ, покрыть еще разъ іодомъ, но не всю, а только одну ея половину (другую прикрывъ хоть листомъ бумаги) и выставить потомъ въ камера-обскуру; по прошествіи извѣстнаго времени, на обѣихъ половинкахъ ея получится рисунокъ и совершенно-одинаковымъ относительно ясности и точности подробностей. Слѣдственно, іодовый слой, какъ показываетъ этотъ опытъ, насколько не уменьшаетъ воспримчивости вещества, ускоряющаго операцію.

Второй опытъ рѣшительно подтверждаетъ, что вторичное окуриваніе іодомъ помогаетъ воспримчивому веществу, именно оно дѣлаетъ рисунокъ всегда яснымъ, точнымъ, если даже свѣтописецъ употребитъ слишкомъ-большое количество брома, и когда, слѣдственно, въ обыкновенномъ случаѣ рисунокъ совершенно не дается.

Возьмите, покройте сначала іодомъ серебряную пластинку, потомъ бромомъ и въ *чрезвычайномъ* количествѣ; потомъ окурите еще разъ іодомъ секундъ двадцать или двадцать-пять, также одну ея половину, прикрывъ бумагою другую, какъ и въ первомъ опытѣ, и выставьте ее въ камера-обскуру. Въ очень-короткое время, вы получите рисунокъ совершенно-ясный, точный на половинѣ, окуренной вторично іодомъ, и темный, слѣдѣн на другой, которая была прикрита бумагою.

Лабордъ предписываетъ, чтобы оба

іодовые слоя, нижній и верхній, были совершенно - одинаковой толщины: первый, нижній слой, долженъ быть желтаго сѣтлаго цвѣта; второй, верхній, розоваго; по этимъ двумъ точнымъ признакамъ, легко уже распорядиться, сколько времени продолжать окуриваніе.

Лабордъ говоритъ, что эту операцію, впрочемъ, далеко-несложную, можно еще сократить. Можно ограничиться однимъ только іодовымъ окуриваніемъ, именно, чистую серебряную пластинку покрыть прямо бромомъ и потомъ уже прокоптить ее до-розова.

Улучшеніе Лабордъ даетъ возможность употреблять для ускоренія свѣтописной операціи вещества болѣе-воспріимчивыя, чѣмъ самый бромъ, напр., чистый хлоръ, сѣщенный съ воздухомъ. Кто пробовалъ работать съ этимъ послѣднимъ веществомъ, вѣроятно знаетъ, какъ трудно предупредить образование этой влажной паволоки, уничтожающей именно ясность рисунка, потому-что хлористый іодъ сильнѣе притягиваетъ къ себѣ влагу, нежели бромистый; второй слой іода совершенно уничтожаетъ эту водянистую паволоку; іодъ не имѣетъ такого сильнаго средства съ водяными парами.

НОВАЯ ПАРОВАЯ МАШИНА. — Уменьшить количество топлива, следовательно, сдѣлать паровую машину экономически-выгодною, не уничтожая при этомъ нисколько силы ея дѣятельности—вотъ главный пунктъ, на который въ наше время обращено вниманіе всѣхъ механиковъ; многіе изъ нихъ, не видя возможности улучшить паровую машину, гонятъ даже этого виновника современнаго совершенства фабричной и мануфактурной промышленности, и стараются замѣнить его другими приборами. Мы уже имѣли случай познакомить читателей въ предъидущихъ книжкахъ нашего журнала съ различными болѣе или менѣе удачными попытками французскихъ прожектёровъ-механиковъ.

Въ прошедшемъ мѣсяцѣ, извѣстный французскій инженеръ Адоръ представилъ Парижскому Обществу Поощренія Народной Промышленности (Société d'encouragement de l'industrie nationale) новый приборъ, очень-замѣчательный въ экономическомъ отношеніи, въ которомъ главный дѣятель представляется паромъ.

Вода въ этомъ приборѣ испаряется горѣніемъ газовъ — продуктовъ сухой перегонки топлива, и паръ, вмѣстѣ съ этими же газами и горячимъ воздухомъ, служитъ въ немъ главною двигающею силою. Вотъ какое устройство этой новой паровой машины. Главный элементъ ея—жѣлзныи цилиндрическій котелъ, вмѣщенный въ кирпичную печь; на верхушкѣ печи находится чугунная реторта, сообщающаяся съ внутренностью котла; она служитъ для сухой перегонки угля и нагревается коксомъ, то-есть, каменнымъ углемъ обожженнымъ, который кладется внизу подъ вею на рѣшетки. Въ этой же печи, по бокамъ ея, идутъ двѣ трубы съ горячимъ воздухомъ, который проходитъ сюда изъ двухъ воздушныхъ насосовъ и здѣсь нагревается; трубы эти также сообщаются съ внутренностью котла. Вотъ измѣненія, придуманныя г. Адоромъ въ главной части, производящей паръ; остальное устройство этого прибора почти-такое же, какъ и въ обыкновенной паровой машинѣ; по-этому, мы болѣе и не будемъ распространяться о немъ, и обратимся къ его механическому дѣйствию, которое объяснитъ намъ совершенно его выгоды и невыгоды.

Когда чугунная реторта достаточно нагреется и начнется перегонка топлива, газы, по мѣрѣ своего отдѣленія, будутъ переходить въ такъ-называемый очагъ, находящійся, какъ мы видѣли, въ котлѣ среди воды, куда также стремятся и столбы нагрѣтаго воздуха; машинисту остается зажечь свѣсъ. Это новое воздушное топливо закипятитъ воду, обратитъ ее въ пары, которые будутъ отдѣляться черезъ особую трубу, вмѣстѣ съ новыми газа-

ми, продуктами разложенія воздушнаго топлива и неразложившимся воздухомъ, и дѣйствовать двигать всѣмъ механизмомъ машины.

Вотъ опытъ, который былъ произведенъ въ присутствіи особой ученой комиссіи, и который доказываетъ все преимущество этого новаго способа испаренія воды, въ паровыхъ машинахъ, передъ старымъ.

Въ реторту положили три пуда съ половиною (шестьдесятъ килограммовъ) каменнаго угля, въ котелъ налили восемьдесятъ ведеръ (тысячу литровъ) воды, которая при нагреваніи воздушнымъ топливомъ, дала три тысячи ведеръ (двѣсти-сорокъ-шесть тысячъ пятьсотъ литровъ) паровъ, двѣ тысячи триста-шестьдесятъ-два ведра (сто-восемьдесятъ-девять тысячъ литровъ) горячаго воздуха, да сто-восемьдесятъ-семь ведеръ (пятнадцать тысячъ литровъ) горючихъ газовъ; все это вмѣстѣ составляетъ двигатель изъ шести тысячъ четырехсотъ-восемьнацати ведеръ (пятьсотъ тринадцать тысячъ пятьсотъ литровъ) воздухообразныхъ веществъ, и силою, какъ показали члены комиссіи, въ четыре паровыя лошади.

Въ обыкновенной паровой машинѣ, то же количество водяныхъ паровъ, три тысячи ведеръ (двѣсти-сорокъ-шесть литровъ) составляютъ двигатель силою только въ двѣ паровыя лошади; слѣдственно, она вдвое слабѣе машины, улучшенной г. Адоромъ.

Кромѣ экономической выгоды, улучшеннѣйшій приборъ г. Адора представляетъ то удобство, что въ немъ совершенно не нужно дымовой трубы, а это тоже важная статья; труба въ пароходахъ, въ паровозахъ, въ локомотивныхъ машинахъ большое затрудненіе; она загромождастъ экипажъ и даже причиняетъ въ некоторыхъ случаяхъ взрывы паровыхъ котловъ.

Г. Адоръ занимается теперь дѣлѣйшимъ усовершенствованіемъ своего прибора. Такъ онъ намѣренъ устроить двѣ и три реторты чугунныя для пегонки топлива, чтобъ сообщать же-

ханству правильнѣй и по возможности непрерывный ходъ. Онъ взялъ привилегію на пятнадцать лѣтъ.

АТМОСФЕРИЧЕСКАЯ ПОЧТА. —

Вотъ еще изобрѣтеніе того же самогo г. Адора, котораго новую машину мы сейчасъ разсмотрѣли. Изобрѣтеніе это собственно относится къ 1836 году: въ то время г. Адоръ объявилъ, что съ помощью особеннаго прибора, имъ придуманнаго, въ которомъ главный двигатель—атмосферный воздухъ, можно будетъ пересылать депеши изъ Парижа въ Лионъ въ семьдесятъ минутъ. Особая ученая комиссія была назначена нарочно для разсмотрѣнія проекта г. Адора, и объявила тогда же, что этотъ проектъ совершенно возможенъ и удобоисполнимъ. Незавѣстно только, по какимъ причинамъ до сихъ поръ, въ продолженіи цѣлыхъ семи лѣтъ, онъ не былъ приведенъ въ исполненіе; теперь, наконецъ, приступлено къ устройству атмосферической почты между Парижемъ и Лиономъ.

Атмосферическая почта, основанная на тѣхъ же самыхъ началахъ, какъ и атмосферическая или воздухогонная желѣзная дорога, съ большою пользою и безъ особенныхъ издержекъ можетъ быть устроена при искусственной пути сообщенія этого рода.

Главный двигатель составляетъ здѣсь, какъ мы сказали, воздухъ, который проводится изъ насоса въ свинцовый каналъ, цилиндрическую трубку, длиною равную всему расстоянію между двумя крайними конечными пунктами сообщенія; въ этой трубкѣ, въ этомъ каналѣ движется силою воздуха, накачиваемаго изъ насоса, мѣдный цилиндръ, къ которому прикрѣпляются депеши. Насосъ воздушный приводится въ движеніе, какъ и на атмосферической дорогѣ, паровою машиною.

Понятно, что двѣ свинцовыя трубки должны проходить между двумя пунктами: одна для отправокъ, другая для возврата депешей.

СРЕДСТВО ПРОТИВЪ ВЕРЫОНЪ ПАРОВЫХЪ КОТЛОВЪ. Верыонъ — главная невыгода паровыхъ машинъ; много придумано было различныхъ противодействий, болѣе или менѣе successfulныхъ противъ этого губительнаго феномена; но все-таки этотъ недостатокъ еще несовершеннѣе отвращенъ, и сколько гибнетъ народа на заводахъ, на фабрикахъ, на locomotiveныхъ машинахъ отъ верыонъ паровыхъ котловъ! Голландская-механика-инженеры не научили, кажется, въ подробности этого многосторонняго явления, не объяснили его разнообразныхъ причинъ, и вотъ почему до сихъ поръ еще предохранительныя средства ихъ не достигаютъ цѣли своей цѣли.

Надня, извѣстный французскій химикъ, недавно представилъ Обществу Поощренія Народной Промышленности одно придуманное средство, которое въ известнѣйшихъ обстоятельствахъ совершенно предотвращаетъ верыонъ; это средство не есть, какъ видно, всеобщее лекарство отъ губительнаго недуга паровыхъ машинъ, но оно дѣйствительно и совершенно-удовлетворительно въ известнѣйшихъ случаяхъ.

Одна изъ немаловажныхъ причинъ верыонъ паровыхъ котловъ — различныя земляныя соли, которыя находятся въ растворѣ въ водѣ и осаждаются на стѣнкахъ котла при испареніи въ стѣнкахъ котла въ видѣ плотной крѣпкой коры. Эта твердая кора мѣшаетъ равному нагреванію котла и следовательно также равному отдѣленію пара, который въ этомъ случаѣ иногда вкочлается самъ въ большую крѣпость и можетъ разорвать своею укрутою стѣнки котла.

Надня предлагаетъ, чтобъ уничтожить образование этой соляной коры въ паровыхъ котлахъ, бросить въ воду нѣсколько картофеля.

Картофель растворяется въ водѣ, сообщая ей клейкость и вязкость — свойства, которыя останавливаютъ осажденіе соляныхъ и земляныхъ частей воды на стѣнкахъ котла.

Древесные опилки, утверждаетъ

одинъ французскій фабрикантъ, Роаръ, могутъ также и еще съ большою пользою быть употреблены въ этотъ случай.

*

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Лондонская таможенн. конфисковала нѣсколько мѣстъ зеленого чая, привезеннаго изъ Кантона. Химикъ Робертъ Уаррингтонъ подвергъ микроскопическому анализу зеленый чай и нашелъ, что нѣтъ его происходить отъ особаго вещества, который чай былъ носивъ. Эту примѣсь составляли мѣла берлинской синей краски, а также брашневая мѣла какого-то расплава; но большая часть примѣси состояла изъ кремнистаго и глинистаго порошка, известнаго, магнезита и алебастра. Уаррингтонъ рассматривалъ также и другія пробы зеленого чая и нашелъ, что подобнаго состава мѣла въ разныхъ веществахъ, которыя придаютъ чаю блестящій зеленый цвѣтъ, что наиболѣе происходило отъ берлинской синей краски. Но химическомъ отдѣленіи всякой посторонней примѣси; зеленый чай превращался въ обыкновенный черный. Уаррингтонъ говоритъ, что, вѣроятно, все огромное количество чая, привозимое въ Англію, имѣетъ постороннюю примѣсь въ большемъ или меньшемъ количествѣ.

— Англійскій капитанъ Темпль изобрѣлъ духовой инструментъ для подачи помощи на морѣ во время тумана, называемый телефонъ (telephon). Этотъ инструментъ сдѣланъ наподобіе камернѣйшей трубы съ клапаномъ, и звукъ его слышенъ на разстояніи шести англійскихъ миль. На Темпль дѣлалъ недавно опытъ съ малыми переноснымъ телефономъ; сигналы котораго слышны были за четыре мили.

— Въ Кельнѣ, слѣсарный мастеръ Эрнстъ изобрѣлъ новую машину

тѣсную машину, которая можетъ всакиій крѣпкій камень, на-примѣръ, въ 4 фута толщиной, обтесать въ одну минуту на 1 футъ. Машина сдѣлана изъ чугуна и вѣситъ 70,000 фунтовъ. Теперь употребляютъ ее при обтесываніи камней и плитъ для возобновленія великолѣпнаго кельнскаго собора.

— Парижскіе журналы много говорятъ о новомъ изобрѣтеніи по части книгопечатанія. Г-нъ Аблильперъ изобрѣлъ машину для дѣланія стальныхъ буквъ—вмѣсто обыкновенныхъ, выливаемыхъ изъ свинца. Машина очень проста, немногосложна, и можетъ въ день приготовить до 80,000 буквъ.

— Книгопродавецъ Меннъ, въ Гамбургѣ, изобрѣлъ новую методу книгопечатнаго набора буквъ, которая для хорошо-обученныхъ наборщиковъ сократитъ на одну треть время работы, ибо, по способу Менна, наборщикъ не долженъ набирать каждую букву особу, но цѣлыя слова вдруть.

— Профессоръ химіи Дельценъ открылъ способъ передѣлывать старыя шелковые лоскуты и обрывки въ шелкъ-сырецъ и выработывать изъ него новыя шелковыя матеріи. Онъ превращаетъ сперва старыя шелковые лоскуты въ клейкую массу, подобную каучуку, и потомъ изъ этой массы прядетъ самыя тонкія нити, которыя крѣпнутъ на воздухъ и образуютъ новый блестящій шелкъ. Для образованія изъ стараго шелка клейкой массы, Дельценъ дистиллируетъ его посредствомъ кислоты, добываемой изъ шелковичныхъ червей. Некрашенный шелкъ очень-скоро распускается въ этомъ составѣ, но цвѣтной, на-примѣръ, черныи, представляетъ изъ тому много труда.

— Въ Парижѣ выдумали еще новый способъ освѣщенія газомъ, который несравненно дешевле обыкновеннаго, доселѣ употребляемаго, и безъ всякихъ дорогахъ аппаратовъ можно новымъ газомъ освѣтить что угодно, не употребляя проводныхъ трубъ. Изъ нашеннаго угла дистиллируется масло, которое вливается въ особый сосудецъ,

придѣланный надъ пламенемъ горящей лампы; жаръ, дѣйствуя на масло, производитъ газъ, который въ свою очередь питаетъ пламя подобно тому, какъ въ починкахъ устроивается кильче постоянно-горящій фидбусъ для закуриванія сигаръ. Сверхъ-того, наменный дистиллированный уголь можно употребить какъ коксъ на топлыво въ паровыхъ машинахъ.

— Въ Лондонѣ какой-то изобрѣтатель сдѣлалъ новаго рода спокойный экипажъ для перевоза трудныхъ больныхъ. Эта перевозка снаружи похожа на обыкновенное ландо; внутри ее вьдвигается постель на резиновыхъ пружинахъ, такъ-что больному неужно дѣлать никакого движенія, чтобы помѣститься въ экипажѣ. Всѣ лондонскіе врачи свидѣтельствуютъ, что новозобрѣтенная карета для больныхъ не производитъ въ тѣлѣ страдающихъ никакого сотрасенія.

— На вѣкоторыхъ желѣзныхъ дорогахъ Германіи заведены механическіе экипажи, которые ходятъ безъ пара или лошадей, но просто помощью самихъ пассажировъ. Такия возки устроены единственно на случай для сообщенія скорыхъ извѣстій со станціи на станцію. Недавно для этого выдумали во Франціи особаго устройства экипажъ, въ которомъ употребляется сила лошадей. Онъ состоитъ изъ большого барабана, востановленнаго на колесный ставокъ; внутри барабана находится колесо со ступеями, по которымъ ходятъ одна или двѣ лошади, какъ бѣлятъ въ клѣткѣ. Большое колесо, придѣланное спереди барабана, дѣйствуетъ на другія малыя колеса, которыя въ свою очередь вертятъ оси экипажа. Говорятъ, этотъ механизмъ двигаетъ экипажъ гораздо-быстрѣе, чѣмъ лошади, запряженныя въ него обыкновеннымъ образомъ. Для перевоза на желѣзныхъ дорогахъ всякой скотины и особенно быковъ, это будетъ весьма-полезно, потому-что быки сами будутъ ходить поочередно въ барабанѣ и тѣмъ приводить въ движеніе вагонъ.

— Лѣтъ за двадцать кто бы могъ думать, что резина (каучукъ), которая тогда употреблялась только для вытиранія карандаша съ бумаги, сдѣлается въ наше время весьма-полезнымъ веществомъ для многихъ предметовъ. Нынѣче каучукъ употребляютъ не только на моченіе половъ въ конюшняхъ, для садовыхъ дорожекъ, но даже въ Англіи начали выкладывать стѣны военныхъ кораблей резиною, и дѣлать изъ нея катеры и боты. Каучуковые полы въ конюшняхъ не только берегаютъ здоровье лошадей, предохраняя ихъ отъ вреднаго дѣйствія аммоніаковыхъ испареній, но лошади, лежа спать на такомъ помостѣ, никакъ не могутъ повредить себѣ копыти, что весьма-часто случается въ конюшняхъ съ каменнымъ поломъ. Сверхъ-того, каучуковый мягкій полъ почти не требуетъ соломённой подстилки для лошадей. Недавно вымостили весь главный подъездъ въ Вилдзорскомъ-Дворцѣ каучукомъ, и, говорятъ, нельзя себѣ вообразить, какъ спокойно и пріятно ѣхать по такой эластической мостовой.

— Типографія извѣстнаго лейпцигскаго книгопродавца Брокгауза имѣетъ 9 паровыхъ печатныхъ станковъ и 30 ручныхъ; въ ней занимаются работою до 250 наборщиковъ и печатниковъ. На пріютъ выходитъ ежегодно 1800 центнеровъ гарта. Нынѣче въ этой огромной типографіи, кромѣ множества книгъ, печатается стереотипомъ «Conversations Lexicon» въ числѣ 30,000 экз. и нѣмецкая «Illustrirte Zeitung» въ числѣ 10,000 экз.

— Въ «L'Echo du Monde Savant» упоминается о спасительномъ тюфакѣ, который дѣлается изъ непромокаемой парусины, набитой пробочнымъ порохомъ, вѣсомъ въ 10 килограммовъ. Матрацъ долженъ быть длиною въ 6 футовъ, шириною въ 5, а толщиною въ 4 вершка. На немъ безъ опасности можетъ плавать лежа одинъ человекъ, употребляя руки вмѣсто веселъ. Въ случаѣ опасности на морѣ, когда тонетъ корабль, нѣсколько такихъ тюфакъ, связанныхъ ремнями, могутъ

служить спасительнымъ плотомъ для погибающаго экипажа.

— Простое конопляное сѣмя, которое Аравитяне разводятъ на своихъ поляхъ подъ палашимъ зноемъ солнца, получаетъ совсѣмъ-другое свойство, чѣмъ у насъ на сѣверѣ. Арабы приготавливаютъ изъ конопля роль чаю (хашихъ), который производитъ въ человекѣ такое же дѣйствіе, какъ опиумъ. Конопляный чай, охмѣляя, погружаетъ въ самое пріятное самозабвеніе, въ настоящій разгулъ фантазій, гдѣ человекъ видитъ дивные образы, порождаемые разгоряченнымъ воображеніемъ. Арабы очень любятъ этотъ напитокъ, замѣняющій имъ нашъ ромъ и водку. Странно, что Европейцы до-сихъ-поръ и не подозрѣвали, какое магическое дѣйствіе можетъ производить надъ человекомъ простое конопляное сѣмя!

— Если приготовленное лѣтомъ на время зимы сладкое варенье изъ ягодъ, плодовъ и пр., начнетъ киснуть и приходитъ въ броженіе, въ такомъ случаѣ совѣтуютъ опытные люди положить въ каждую банку по щепоткѣ очищеннаго поташа. Еще же лучше такое варенье снова переваривать съ пріятною малѣйшей части поташа.

— Викторъ Панкѣ представилъ на послѣднюю выставку Общества Любителей Садоводства, въ Парижѣ, прекрасно-сохранившіеся плоды и удостоены были за то полученія серебряной медали. Панкѣ сохраняетъ свои плоды на долгое время совершеннѣйшими слѣдующимъ образомъ: онъ кладетъ ихъ въ длинные ящики, герметически-закупоренные, гдѣ насыпаны древесныя опилки, смѣшанныя съ золою буковаго дерева. Изобрѣтатель берегаетъ всякаго рода садовые плоды въ совершенной свѣжести отъ осени до слѣдующей весны.

— Баварскія при-рейскія земли (Rheinfalz) производятъ ежегодно 65 милліоновъ бутылокъ вина, на сумму 6,672,750 гульденовъ. Рейскія прусскія провинціи 48 милліоновъ бутылокъ, на сумму 5,561,000 гульденовъ. Баденъ 96 мнд. бутылокъ, на сумму

6,283,000 гульд. Велікое-Герцогство-Гессенское 34 мил. бутыл., цѣною на 3,800,000 гульд. Виртембергъ 50 мил. бут., Пассау 13 мил. бутылокъ. Сколько изъ этого рейнвейна приготавливается нѣмецкаго шампанскаго, читатель самъ можетъ разсчитать на досугѣ, потому что во всѣхъ городахъ Сѣверной-Европы народъ пьетъ большею частію шампанское, сдѣланное изъ нѣмецкаго винограда.

— Многіе торговые домы въ Бостонѣ занимаются оутовою продажей льда и получаютъ отъ этой прибыльной торговли до 100 проц. барыша. Въ 1843 г. они отправили изъ Америки 102 корабля, нагруженные единственно льдомъ, въ Бомбей, Кантонъ, Мадрасъ, Калькутту, на Островъ-Маврикія и въ другія гавани южныхъ климатовъ. Въ Остиндіи, Американцы промѣняли своей ледяной товаръ фунтъ за фунтъ на хлопчатую бумагу, которую потомъ отправляли въ Ливерпуль и нажили себѣ огромные барыши.

Англійская газета Novine horgwatsko-slavonsko-dalmatinske говоритъ, что въ Римѣ недавно учреждена катедра славянскаго языка. Папа, по настоянію французскаго правительства, рѣшился учредить катедру славянскаго языка для Славянъ католическаго исповѣданія, по примѣру такой же катедръ въ Парижѣ. Бартоломео Коштырь, смотритель (кустосъ) придворной вѣнской бібліотеки, по призыву папы, отправился въ Римъ для основанія означенной катедръ. Сколько намъ извѣстно, въ Европѣ учреждены доселѣ 8 катедръ славянскаго языка и литературы, а именно: въ Берлинѣ (профессоръ Цибульскій), въ Парижѣ (Мицкевичъ), въ Бреславлѣ (Целковскій), въ Лейпцигѣ (Горданъ), въ Москвѣ (Бодлянскій), въ Петербургѣ (Прейсъ), въ Харьковѣ (Срезневскій); римская катедра будетъ девятая.

— Герцогъ омальскій въ послѣдній свой проѣздъ черезъ Римъ полу-

чилъ отъ папы въ подарокъ драгоценный мозаикъ, сдѣланный съ картины Доминикино, представляющей Сисилу. Драгоценность этой мозаики состоитъ въ томъ, что она составлена не просто изъ венеціанскихъ стекольныхъ камешковъ, но по древнему способу мозаичныхъ картинъ, которыя дѣлались изъ композицій или слагаки разныхъ каменныхъ породъ и рудъ. Флорентинцы для своихъ мозаическихъ работъ употребляютъ известное вещество pietra dura, недорогіе дѣтныя камни и окаменѣлости.

— Извѣстная французская путешественница, графиня д'Ольнуа, жившая въ 1680 году, разсказываетъ про нравы и обычаи испанскаго двора въ царствованіе Карла II слѣдующее: Придворный этикетъ требуетъ, чтобы испанская королева ложилась почивать лѣтомъ въ десять часовъ вечера, а зимою въ девять. Молодая королева, пріѣзжая въ Мадридъ, думала, что она можетъ по своему произволу ложиться спать, когда ей будетъ угодно, но дежурныя фрейлины, согласно этикету, при концѣ ужина насильно распустили ей косу, надели туфли, спальное платье и уложили въ постель. Король и королева почиваютъ розно, каждый въ особой комнатѣ. Когда же король вздумаетъ сдѣлать ночной визитъ своей супругѣ, то по этикету онъ долженъ явиться къ ней въ башмакахъ, въ короткой черной мантии съ маленькимъ щитомъ (broquel) въ правой рукѣ и съ пустою бутылкою, висающею на шнуркѣ на лѣвой рукѣ; кромѣ того, онъ долженъ быть со шпагою и съ потаеннымъ фонаремъ.

— Въ прусской арміи состоятъ нынѣ два почетныя фельдмаршала, герцогъ Веллингтонъ и графъ Цитенъ, двѣнадцать генераловъ отъ инфантерій и четыре отъ кавалеріи, между которыми считается курфюрстъ гессенскій, одинъ нѣмецкій и одинъ иностранннй принцъ и четыре принца прусскіе, 54 генерал-лейтенанта, 85 генерал-майоровъ, 122 полковника, 98 подполковниковъ, 555 майоровъ, 1064

капитана и ротмистра, 921 поручикъ и 3300 подпоручиковъ. Въ земскомъ рѣзаченіи (Landwehr) находится шесть подковниковъ, одинъ изъ нихъ министр фон-Бодельшвингъ, восемнадцать подполковниковъ, 43 майора, изъ которыхъ одинъ министр внутреннихъ дѣлъ, графъ фон-Арнимъ, — 285 капитановъ и ротмистровъ. Въ первомъ и второмъ гвардейскомъ пѣхотномъ полку, равно какъ въ гвардіи тѣлохранителей (garde-du-corps) и гвардейскомъ кирасирскомъ пѣту ни одного офицера не-дворянскаго происхожденія; напротивъ того, въ гвардейской артиллерійской бригадѣ между 94 офицерами считается 42, которые происходятъ изъ гражданъ. Прусскихъ арестовъ, со включеніемъ союзныхъ Майнца и Луксэмбурга, считается 26, въ 240 городахъ находятся прусскіе гарнизоны.

— Въ одной венеціанской синагогѣ Евреи для своихъ богослуженій разстилаютъ на мраморномъ престолѣ драгоцѣнный коверъ, который по общему мнѣнію шелками въскользко лѣтъ воздвигался грѣшница, богатая Бяложа. Въ тѣ дни, когда работала швецъ, она досталась и ничего не знала. На этомъ замѣчательномъ коврѣ, кромѣ богатыхъ домотканъ и жемчужныхъ арабскихъ, вышитыхъ по сіюлетнему атаку—изображенъ Иерусалимъ; позадъ города видно море и гора Синая, надъ которою лѣтъ облаковъ свѣтять лучи божественной славы. Хотя коверъ былъ вышитъ вавилъ-тому 215 лѣтъ, но радные цвѣта блестящаго шелка ни мало отъ времени не поизменили.

— Лондонъ въ 1208 году получилъ первую королевскую привилегію—забрать изъ среды своихъ гражданъ жерра и членовъ городского совѣта. Въ 1234 году, англійскіе короли и королевны спали просто на хостинныхъ мѣшкахъ, набитыхъ соломою. Въ 1246 году, всѣ дома Лондона мѣли соломенныя крыши. Въ 1300 году, Англичане не знали употребленія печей и каминовъ; въ каждомъ домѣ поередкѣ

большой комнаты складывалась куча кирпичей, на которой разводился огонь, и дымъ, вмѣсто трубы, выходилъ просто въ отверстие, обѣдненное въ потолкѣ. Видно продавалось тогда только въ аптекахъ, для употребленія труднобольныхъ. Королевская фамилія и сельможы ѣздили на простыхъ двухколесныхъ тележкахъ, а о наретахъ не мѣлъ тогда нитѣ понятія. Въ 1351 году, самое крупное новостое въ Лондонѣ считалась серебряные деньги. Парламентъ отнуждалъ на содержаніе королевской фамиліи не деньги, но разные привасы и товары натурою. Въ 1509 году, въ Лондонѣ не было ни рѣкы, ни канусты, ни сабата; всѣ такія рѣзности для стола богатей принадлежались изъ Голландіи. Въ 1561 году, королева Елизавета нашла первые шелковые чулки. Въ 1577 году, появились въ Лондонѣ первые карманные часы. Въ 1590 году, были въ Лондонѣ только четыре богатые лунки, изъ которыхъ каждая мѣлъ капиталъ не болѣе 400 фунт. стерлин. Какъ по-сравнѣть прѣдшешее съ настоящимъ, —скаже прѣдловіе, а вѣрнее съ трудомъ. Что же въ будущемъ?..

— Известный французскій врачъ Дюренуа предлагаетъ, какъ вѣрное средство для излеченія отъ чахотки, грибы, известные подъ названіемъ: *agaricus piperatus* (груди) и *agaricus deliciosus* (желтые рыжики), которые не только составляютъ здоровое и вкусное блюдо, но и вѣруютъ спасительное врачевное свойство. Дюренуа рассказываетъ о нѣсколькихъ случаяхъ, въ которыхъ означенный родъ грибовъ производилъ чудеса въ самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ болѣзни, нелечивая совершенно чахотку. Желательно было бы, чтобъ врачи наше наследовали наопытъ, точно ли полезного новое средство отъ чахотки, какъ увѣрляетъ докторъ Дюренуа, ибо груди и рыжики въ Россіи не рѣдкость.

— Знаменитый французскій врачъ Андразъ совѣтуетъ богатымъ больнымъ, страдающимъ чахоткою, ѣдать

въ октябрѣ въ Римъ, провести тамъ всю зиму, а въ слѣдующемъ году, въ май ѣхавъ въ Сѣверную-Италію и прожить нѣсколько времени на берегахъ Лаго-Маджоре. Потомъ путешествовать по Швейцаріи чрезъ Альпы, посѣтить Монбланъ и осень прожить въ Луккѣ или въ Сьеннѣ.

— Одинъ богатый парижскій книгопродавецъ выдумалъ проектъ, для котораго теперь собирается уже кнѣзатва на анціяхъ. Онъ намеренъ печатать флѣттоны исполненнаго разбора на саженой бумагѣ, который даромъ будетъ читать публикѣ. — Даромъ! да это такой талисманъ, который возмужаетъ любовителство нѣсколькихъ тысячъ читателей. Спекуляторъ уже подговорилъ всѣхъ литературныхъ знаменитостей, каковы напр. Сю, Дюма, Сульзъ, Поль-де-Кокъ, Карръ, Суверсъ, чтобы они доставили ему за условленную плату нѣсколько новыхъ романовъ, для помѣщенія въ исполненномъ флѣттонѣ, который, видѣтъ съ парижскими афеншампн, будутъ разношники брошюръ приклеивать на стѣнахъ домовъ и въ другихъ публичныхъ мѣстахъ: трактирахъ, театрахъ, садахъ и пр. Это даромъ чтеніе книгопродавецъ предлагаетъ публикѣ только во воскресенья. Вокругъ неоплатнаго флѣттона, въ видѣ рамки, будутъ печататься разныя объявленія. Публика, читая романъ, разумѣется; но-неводъ прочтеть книгопродавецкія и прочія объявленія парижскихъ промышленниковъ. Спекулянтъ надѣется получать большіе барыши отъ послѣднихъ; ибо извѣстно, что газета «Le Siècle» отдаетъ въ насѣ послѣднюю страницу своихъ листовъ, для печатанія разныхъ объявленій — за 100,000 франковъ въ годъ.

— Въ Китаѣ толщина тѣла составляетъ почти-необходимую принадлежность каждаго мандарина; худощавые китайскіе чиновники менѣе уважаются. Въ Англіи также кучера лордовъ и другихъ знатныхъ людей непременно должны быть толстыми: ужъ такова мода! Придворный лейб-кучеръ королевы Викторіи вѣситъ 450 фун-

товъ. — Менѣе 300 фунтовъ вѣсомъ и вѣлья найдти ни одного кучера у богатой англійской аристократіи. Кучерамъ въ 400 ф. вѣсомъ платятъ богатые люди въ шесть разъ болѣе жалованья, чѣмъ обыкновенному нетолстому. Такой тучный кучеръ пьетъ цѣлый день портеръ и ѣстъ бифштексы; ему нѣтъ никакого дѣла и заботы о лошадахъ и экипажахъ. Онъ обязанъ только катать своихъ господъ, а все прочее исправляютъ его помощники-ковюлы.

— Въ январѣ бываетъ ежегодно въ Мадридѣ праздникъ въ честь св. Антонія, покровителя погонщиковъ муловъ, кучеровъ, возощиковъ и прочихъ таковаго званія людей. Въ церкви св. Антонія въ тотъ день бываетъ торжественная обѣдня, въ слушанію которой собираются въ праздничномъ нарядѣ всѣ возощики, погонщики муловъ и пр. Гривы и хвосты лошадей и муловъ украшаются также шелковыми нистами и лентами. Послѣ обѣдни, весь этотъ народъ обѣзжаетъ верхомъ вокругъ церкви, гдѣ изъ заднихъ дверей ризницы священникъ раздаетъ имъ освященный овесъ, который предохраняетъ животныхъ отъ разныхъ болѣзней и прочихъ несчастій въ-теченіе цѣлаго года. — Въ этотъ день, шаританты пекутъ и продаютъ тысячи особыхъ хлѣбовъ, называемыхъ «panesinos di san Antonio», которыми запасаются на годъ всѣ возощики, кучера и погонщики, потому что такіе хлѣбы служатъ для нихъ также предохранительнымъ средствомъ отъ всякихъ болѣзней.

— Праздникъ св. Розаліи, покровительницы Сициліи, торжествуемъ былъ въ нынѣшнемъ году съ необыкновеннымъ блескомъ; ибо, кромѣ принца испанолитанскаго королевскаго дома, присутствовалъ на немъ базарскій король. Великолѣпный саркофагъ, въ которомъ похоронены останки святой, носитъ духовенство съ большими торжественостію по улицамъ Палермо въ-предожженіе пяти ночей. Саркофагъ вынутъ изъ чистаго серебра съ разными рельефными украшеніями и вѣситъ 1750 фунтовъ. Каждый годъ праздни-

са. Ровалднъ стоитъ городу 36,000 гульденовъ.

— Берлинскіе носильщики (Eckensteher) извѣстны во всей Германіи какъ страстные любители водки и какъ народные остряки и краснобай. У нихъ есть своя собственная географія и политика. Нѣмецъ вдоволь насмѣется, слушая, какъ они разсуждаютъ о политическихъ дѣлахъ Европы на своей манеръ, съ собственными своими взглядами на вещи. Одинъ носильщикъ спросилъ другаго: «Скажи, пожалуйста, да гдѣ этотъ Египетъ, о которомъ толкуютъ нынче во всѣхъ газетахъ?» Экенштегеръ Нанте отвѣчалъ: «Эта земля лежитъ въ жаркомъ поясѣ вѣвно отъ экватора. Она граничитъ къ сѣверу съ карантинными, къ югу съ турецкою арміею, къ западу съ іудейскою исторіею къ востоку съ англійскимъ посланникомъ. Въ ней такъ жарко, что Египтяне круглый годъ купаются въ своемъ поту; вотъ у нихъ какой климатъ. Въ Египтѣ растутъ всякія растенія и даже готовый жареный картофель. Тамъ въ-ро-чемъ-нибудь, виаютъ, голландскій сыръ, сардельный салатъ, кофій, копченая ветчина и другіе южные плоды; но главный изъ продуктовъ рисъ, безъ котораго Египтяне не могутъ жить. Въ египетской землѣ множество всякаго рода звѣрей, которые обитаютъ тамъ для своего удовольствія, на-примѣръ, гіена, бродящая по клдбицамъ, какъ похоронный комиссаръ и неподходящая отъ правительства никакого жалованья; крокодилъ, у котораго такая огромная пасть, что онъ можетъ глотать самую мелкую рыбку; ихневмонъ, служащій при компаніи освѣщенія газомъ; наконецъ акулы, журавли, строусы и множество всякихъ дикихъ звѣрей, включая въ то число и Англичанъ. Но всѣхъ полезнѣе тамъ верблюды, которыхъ употребляютъ Египтяне на мѣсто каравановъ; эти животныя никогда не чувствуютъ жажды, слѣдовательно имъ не нужно давать на водку. Ученые люди полагаютъ, что верблюды во время отдыха высмѣиваютъ яйца. Египетъ еще за-

мѣчательнѣе тѣмъ, что тамъ выдуманы пирамиды, въ которыхъ однакоже никогда не было свѣтло. Если Египтянинъ умретъ, то это называютъ муміею и продаютъ въ музеумъ для показу. Въ просвѣщеніи этотъ народъ далеко отсталъ отъ Пруссаковъ, ибо еще и доселѣ вѣруеть въ быка какъ въ бога.

— Новая мода французскихъ щеголей отращивать себѣ бороды, произошла (какъ увѣруетъ одна французская газета) отъ опернаго пѣвца Сенюа, который былъ долженъ одному Жида известную сумму денегъ, и не хотѣлъ отдать долга. Однажды, Жидъ пришелъ въ должнику и настоятельно требовалъ уплаты. Сенюа брлся въ это время и учтиво просилъ Жида подождать денегъ, пока кончится эта операція. Жидъ, разумѣется, согласился на такой короткій срокъ и преспокойно сѣлъ въ кресла. «Ну, теперь ты будь моимъ свидѣтелемъ» сказалъ пѣвецъ брившему его цирюльнику: «этотъ господинъ согласился подождать уплаты до-тѣхъ-поръ, покуда меня совсѣмъ выбрѣютъ; но я не хочу теперь бритъ-ся и отпускаю себѣ бороду. Съ этимъ словомъ, пѣвецъ отбѣръ намыленный подбородокъ, а Жидъ увидѣлъ, что онъ обманутъ. Борода такъ пристала къ красивому лицу Сенюа, что послѣ всѣхъ парижскіе франты переняли у него эту моду.

— Англійскіе морскіе офицеры, бывшіе въ послѣднемъ китайскомъ походѣ, очень подружились въ Нингпо и Чжеусанѣ съ нѣкоторыми китайскими молодыми франтами, и переняли отъ нихъ искусство ухаживать за своими длинными ногтями. Возвратясь въ отечество, эти офицеры ввели въ моду въ Лондонѣ отращивать, сберегать и украшать ногти по всѣмъ правиламъ китайской ониксологіи (onyxologie). Эта наука учитъ: 1) какъ отращивать самые длинные и красивые ногти; 2) какъ обрѣзывать ногти, чтобы они имѣли красивую форму; 3) въ какую жидкость обмакивать ногти для размягченія, чтобы придать имъ болѣе гибкости и эластичности; 4) какъ имъ-

образомъ ихъ загибать на ночь, чтобы въ время сна не сломать ихъ, и пр. Такихъ-образомъ, область наукъ и уче-

нам терминологія обогатилась новыми приобретеними!

М О Д Ы.

Фасонъ платьевъ большею частію все тотъ же, какой описывали мы въ предыдущей книжкѣ нашего журнала. Уборка на платьяхъ также мало мѣняется: тѣ же большіе воланы, тѣ же фалбары и бізъ, съ тою только разницею, что эти воланы, фалбары и бізъ въ нѣсколько рядовъ обшиваются узенькими бархатомъ, что чрезвычайно-красиво. Мы видѣли платья изъ шелковой матеріи съ двумя огромными бізъ, которые были обшиты такимъ бархатомъ въ пять рядовъ на небольшое другъ отъ друга расстояние, и это произвело большой эффектъ; но главное—надобно замѣтить, что бізъ были вырѣзаны большими воланами, и потому уже обшиты бархатомъ: это просто египетская работа! Прибавьте къ этому рукава длинные, но недоходящіе до кисти, и узкіе, съ прорѣзью до самаго локтя; следовательно, прорѣзь тоже обшита бархатомъ и еще заснурована шелковымъ шнуркомъ, который прирѣпленъ съ обѣихъ сторонъ къ рукаву пуговидами, и на концѣ шнурокъ завязывался въ двѣ петли и спускался съ маленькими кистами;

изъ — подъ этихъ рукавовъ спускались еще другіе рукава тугіе, собранные у кисти на узенькую прорѣзку и обшитые довольно-широкими кружевами. Изъ былъ закрытый, съ отворотами. Бархатъ для обшивки платья употребляется изъ разныхъ цвѣтовъ, на-примѣръ: черный, сивый, вишневыи — смотря по тому, какой цвѣтъ лучше подойдетъ къ матеріи.

Бурнусы, пальто и вообще всѣ верхніе костюмы дѣлаются съ широкими рукавами, которые бываютъ и съ отворотами и безъ отворота, и прямые, и косые, кому какъ нравится; въ Парижѣ даже самыя легкія мантильи дѣлаются съ рукавами.

Начали уже показываться шелковыхъ осеннихъ шляпъ. Фасонъ ихъ описывать нечего: всякій можетъ видѣть его на картинкѣ, только-что полученной изъ Парижа и прилагаемой къ этой книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ».

Сборчатые мантильи подъ платье теперь въ большой употребленіи. Изъ дѣлаются точно такъ, какъ показано на прилагаемой картинкѣ.

Н О В Ы Я МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ,

у М. БЕРНАРДА,

на Невскомъ Проспектѣ, съ дѣлѣ Чаплина № 10,

(Цѣны на серебро.)

К. К.

Для всего оркестра.

ADAM, A. Overture de l'opéra: le Roi d'Yvetot.	5 15
AUBER, D. F. E. Overture de la Part du Diable.	4 29
GABE, N. W. Sinfonie N° 1. op. 5.	11 15
— — Sinfonie N° 2. op. 10.	10 29
LACHNER, F. Overture de l'opéra: Catherina Cornaro.	3 43
LINDPAINTNER, P. Overture guerrière. op. 109.	8 58
MOZART, W. A. Sinfonies (nouvelle Edition) N° 1 à 4.	17 15
WEBER, B. M. de. Overture du: Freischütz (Partition).	2 29
— — — de l'opéra: Oberon (Partition).	3
— — — — — Preciosa (Partition).	5

Для малю оркестра (8 инструментовъ).

BONN, H. Cassino. Potpourris et Pièces favorites d'Opéras nouveaux.	
N° 1. Les Hagenots de Meyerbeer.	2 58
N° 2. La Norma de Bellini.	2 58
N° 3. Das Nachtlager in Granada, Kreutzer.	2 58
N° 4. Les Puritains de Bellini.	3 43
N° 5. La Sonnambula de Bellini.	4
N° 6. Le Postillon de Longjumeau d'Adam.	3 43
N° 7. Die Nacht von Paluzzi (Pentensrieder).	2 85
N° 8. Catherina Cornaro, von Lachner.	2 58

Танцы для всего оркестра.

CONRADI, A. Zigeuner-Polka. op. 5. N° 1.	1 43
GUNGL, J. Eisenbahn-Dampf-Galop. (Царовозъ-Галопъ) op. 5.	1 29
— — Ton-Märchen. Walzer. op. 17.	2 58
— — Herbst-Blumen. Walzer. op. 16.	2 58
— — Die Magyaren. Walzer. op. 18.	2 58
— — Sirenen-Galop. op. 20.	2
KUENNER, W. Picknick und Mathilden-Galop. op. 69 liv. 1.	2 29
— — — Freudenfest und Sylvesternacht-Galop. op. 69 liv. 2.	2 29
— — — Die Rheinlaender. Walzer. op. 71	3 43
LABITSKY, J. Romanoff-Quadrille. op. 93.	1 43
— — — Charlotten-Walzer. op. 96.	2 85
— — — Neuer Immergrün-Galop. op. 99	2 29
LANNER, J. Die Schönbrunner. Walzer. op. 200.	4
— — — Hexen-Tanz. Walzer. op. 203.	4 58
— — — Die Rosensteiner. Walzer. op. 204.	4 58
— — — Almacks-Tänze. Walzer. op. 205.	4 58
STRAUSS, J. Anna-Quadrille. op. 153	2 85
— — — Loreley-Rhein-Klänge. Walzer. op. 159.	4
— — — Brüder-Lustig. Walzer. op. 155.	2 85
— — — Astraa-Tänze. Walzer. op. 156	3 43
WITTMANN, R. Wandertöne. Walzer.	2 85

Для фортепьяно со четырьмя руками.

ABT, Fr. Album musical des jeunes Pianistes. 6 Rondinos sur des motifs de Donizetti. op. 43 N° 1 à 6 à 60 non.	3 60
CZERNY, Ch. Fantaisie brillante sur le Duc d'Olonne. op. 703.	2
— 2 Divertissements sur la Part du Diable. op. 746 N° 1, 2 à 1, 29	2 58
DUVERNOY, J. B. Une pensée de Bellini, Variations. op. 129.	1 15
— — Fantaisie sur la Peri de Burgmüller. op. 130.	1 15
HENSELT, A. Variations de Concert sur un air de Robert le Diable. op. 11 arr.	2 58
— — Wiegenlied, arr.	58
HERZ, H. Air montagnard varié. op. 129.	1 43
— — Fantaisie et Variations brillantes sur: la Parisina, op. 133.	2
HUERTEN, F. Les Bords du Rhin. Valse brillante. op. 120.	1 15
— — Fantaisie brillante sur 2 motifs du Roi d'Yvetot. op. 125.	1 72
LOUIS, N. 3 Fantaisies brillantes sur des thèmes de Masini. op. 108 N° 1 à 3 à 115.	3 43
MARCS, G. W. Mosaïques d'après des thèmes favoris d'Opéras. 21 Numeros à 1, 15.	24
MAURER, L. Ouverture d'après la hymne nationale: Боже Царя храни, arr. p. Ch. Mayer.	1 43
MENDELSSOHN-BARTHOLDY, F. Sinfonie N° 3. arr. op. 56.	5 15
OSBORNE, G. A. Duo brillant sur des thèmes d'Auber. op. 41.	1 72
POTPOURIS sur des motifs favoris d'Opéras modernes.	
N° 27. La Part du Diable d'Auber.	2 29
N° 28. Don Pasquale de Donizetti.	2 29
N° 29. Maria di Rohan de Donizetti.	2 29
RAVINA, H. Grand Duo sur Eurianthe de Weber. op. 9.	2 15
ROSELLEN, H. Fantaisie brillante sur Don Pasquale. op. 53.	1 72
THALBERG, S. Grande fantaisie sur la Semiramida. op. 51	2 58
WOLFF, E. Divertissement sur Maria di Rohan. op. 92.	1 29

Для одного фортепьяно.

BERTHOVEN, L. de, Christus am Oelberge. Oratorium arr. p. C. Czerny.	3 43
BERNARD, M. Collection d'Airs favoris de l'Opéra italien à St.-Petersbourg.	
N° 1. Bellini. Quintetto de la Sonnambula	50
N° 2. Rossini. Canzonetta du Barbier de Seville	30
N° 3. Donizetti. Air final de la Lucia.	75
N° 4. — Sextetto de la Lucia.	50
N° 5. Bellini, Air final de la Sonnambula	60
N° 6. Cavatine de la Sonnambula, chantée par Tamburini.	30
N° 7. Duo de la Sonnambula chanté par M-me Viardot et Rubini.	40

Въ этомъ же магазинъ вышла 1-го сентября 9-я тетрадь музыкальнаго журнала: НУВЕЛИСТЪ, которая содержитъ въ себѣ слѣдующія пьесы: Dütsch, O. Pensée funèbre sur la mort de S. A. J. Madame la Grande Duchesse Alexandra Nicolaïewna. Beyer, F. Fantaisie brillante sur des thèmes de la Sonnambula. Heller, St. Impromptu. Dütsch, O. Chanson de Berceau. Гурилевъ, А. Сердце-игрушка. Пасия. Kücken, F. Sérénade mozarsque.

Годовая подписка 10 руб. сер., съ пересылкою 11 руб. 50 коп. сер.

НОВЫЯ ФРАНЦУЗСКІЯ КНИГИ,

ПОЛУЧЕННЫЯ ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ КОММИССИОНЕРА БИБЛИОТЕКЪ
ГВАРДЕЙСКАГО КОРПУСА

Я. А. Исакѡва.

Въ Санктпетербургѣ, въ Гостиномъ Дворѣ, № 22.

(Цѣны на серебро.)

НАУКИ.

	P. K.		P. K.
NOUVEAU DICTIONNAIRE de la Conversation et de la lecture, ou repertoire universel de toutes les connaissances necessaires, sur le plan du Conversations Lexicon, 50 vol. in 8, à 2 colon. Bruxelles. 1842—44.	57	RECHERCHES HISTORIQUES sur le procès et la condamnation du Duc d'Enghien, par A. Nougarede de Fayet, 2 vol. in 8. Paris. 1844.	4
(24 vol. ont paru).		TRAITÉ DE LA POLICE municipale, ou de l'autorité des maires, de l'administration et du Gouvernement, etc. Par N. de Champagny, 2 vol. in 8. Paris. 1844.	4 50
LETRES SUR LE CLERGE et sur la liberté d'enseignement. Par Libri. Un vol. in 8. Paris. 1844.	1 15	ATLAS DES PREDICATEURS, ou plans de sermons, mis en tableaux synoptiques à l'usage des ecclesiastiques, qui veulent se livrer a l'Improvisation ou à la pratique de la meditation. Par l'abbé Tharien, in 4 oblong. Paris 1844.	3 43
ANGLÈTÈRE par Alf. De Michels. Un vol. in 8. Paris. 1844.	2	ATLAS DE BOTANIQUE ou histoire naturelle des végéteaux, composé de 120 planches color. in 18. Paris. 1844.	10
MÉMOIRES DE FLECHIER sur les grands jours tenus à Clermont en 1663 — 1666, publiés par Gonad. Un vol. gd. in 8. Paris. 1844.	2 25	NOUVEAU MANUEL complet des instrumens d'agriculture et de jardinage, par Boitard. Un vol. gr. in 8, orné de 121 planche et de figures intercalées dans le texte. Paris. 1844.	3 40
HISTOIRE des peuples du Nord, ou des Danois et des Normands, depuis les temps les plus reculés, jusqu'à la conquete de l'Angleterre. Par Wheaton; trad. de l'anglais par Guillot. Un vol. gd. in 8. Paris. 1844.	3 15	LA SUEDE sous Charles XIV Jean, par F. Schmidt, trad. de l'allemand. Un vol. in 8. Paris. 1843.	1 72
LE GLACIER ROYAL ou l'art de donner des Bals et Soirées. Par Bernardi, in 12. Paris. 1844.	1	CONSTITUTION DE L'ANGLETER-	
JOURNAL D'UN VOYAGE EN ORIENT, par le comte Joseph d'Estourmel, 2 gros vol. grand in 8 ornés de 160 planches lithographiées à deux teintes. Paris. 1844.	10		

P. K.	P. K.
RE, par Jouffroy. Un vol. in 8. Paris. 1844.	2 40
ŒUVRES COMPLÈTES DE BERNARD PALISSY, édition conforme aux textes originaux, in 12. Paris. 1844.	1
LE MEDECIN de l'âge de retour et de la vieillesse, ou conseils aux personnes de deux sexes, qui ont passé l'âge de 45 ans. Par le Dr. Guyétant, 3 édition. Un vol. in 12. Paris. 1844	1 15
LE MEDICIN DE SOI-MÊME, moyen sûr et peu couteux, etc. d'après Raspail. Par Dubois. 4-e édition, in 18. Paris. 1844	30
HYGIÈNE VÉTÉRINAIRE militaire. Par Rochas. Un vol. in 8. Paris. 1844	2 30
QUATRIÈME RAPPORT annuel sur les progrès de la chimie. Par Berzelius, in 8. Paris. 1844.	1 40
TRAITÉ DES PLANTES fourragères ou flore des prairies naturelles et artificielles. Par Lecoq. Un vol. in 8. Paris. 1844.	2
METHODE éprouvée avec laquelle on parvient facilement et sans maître à connaître les plantes. Par Dubois et Boitard. Un vol. in 8, avec planches. Paris.	2 30
TRAITÉ DE CHIMIE générale et expérimentale, avec les explications aux arts, à la médecine et à la pharmacie. Par Beaudrimont, 2 gros vol. in 8, avec planches. Paris. 1844	5 15
DICIONNAIRE DE L'ARMÉE de terre, ou recherches historiques sur l'art et les usages militaires des anciens et des modernes. Par le generale Baron Bardin. Parties 1 à 8, gr. in 8, à deux colôn. Paris. 1844. Prix de la partie	2
(l'ouvrage aura 12 parties).	
MÉMOIRES sur la construction des batiments en fer par M.	
Dupuy Delôme. Un vol. in 4 et atlas folio. Paris. 1844	8
CHOIX de modèles, appliqués à l'enseignement du dessin des machines avec un texte descriptif par Leblan. 2-e édition, in 4, avec atlas petit folio. Paris. 1844.	6 30
FERMES-MODÈLES, ou architecture civile, rurale et communale, par Roux, in-folio de 60 planches avec le texte. Paris. 1844	10 30
NOUVEAU MANUEL d'Anatomie générale, histologie et organogénie de l'homme, par Marchessaux. Un vol. in 12. Paris. 1844	1
ESSAI DE PSYCHOLOGIE physiologique par Chardel. 3-e édition augmentée, in 8. Paris. 1844	1 70
EXPOSITION ANATOMIQUE de l'organisation du centre nerveux dans les quatre classes d'animaux vertebres. Par N. Guillot. Un vol. in 4, avec 18 planches. Paris. 1844	3 40
COURS DE DROIT administratif, professé à la faculté de droit de Paris, par M. Macarel. 2 vol. in 8. Paris. 1844.	4 25
VOYAGE ATOUR DU CAUCASE chez les Tcherkesses et les Abkhases, en Georgie, en Arménie et en Crimée. Par Dubois de Montpereux, tome 6-e et dernier, in 8. Paris. 1843	2 30
HISTOIRE UNIVERSELLE de l'Eglise Catholique, par l'abbé Rohrbacher. Tomes 1 à 14, in 8. Paris. 1843-44. Prix du volume à	1 57
(l'ouvrage aura 20 volumes).	
HISTOIRE PITTORESQUE des voyages dans les cinq parties du Monde, recueil des descriptions pittoresques, des récits curieux, des decouvertes scientifiques, des scènes variées, des mœurs et coutumes qui of-	

	P. K.		P. K.
rent un interet universel. Par L. E. Hatin. 5 vol. gd. in 8, ornés de fig. color. Paris. 1844	8 57	LES FRANÇAIS SOUS LA RÉVOLUTION, par Challamel et Tennint. Un vol. in 8 avec 40 scènes et types coloriés. Paris. 1844	5 70
TRAITÉ DU MOUVEMENT de translation des locomotives, et recherches sur le frottement. Par M. Fevre. Un vol. in 8 et atlas in 4. Paris. 1844	2 30	ESSAI HISTORIQUE sur l'origine des Hongrois, par De Gerando, in 8. Paris. 1844	85
MANUEL RORET. Culture du Chasselas de Fontainebleau. Un vol. in 18, orné de fig. Paris. 1844	50	ETUDES SUR L'HISTOIRE ROMAINE. Guerre Sociale et conjuration de Catilina. Par Prosper Merimée. 2 vol. in 8. Paris. 1844	4
COURS DE GEOMETRIE descriptive. Du point de la droite et du plan. Des courbes et des surfaces courbes et en particulier des sections coniques et des surfaces du second ordre. Par Th. Olivier. 2 vol. in 4 du texte et 2 atlas in 4. Paris. 1844	5 70	LA GRÈCE CONTINENTALE et la Morée. Voyage, séjour et études historiques en 1840 et 1841. Par Buchon. Un vol. in 12. Paris, 1844.	85
DE LA FONDERIE, telle qu'elle existe aujourd'hui en France et de ses nombreuses applications à l'industrie. Par Guettier. Un vol. in 4, avec planches. Paris. 1844	4 30	L'ART DE FUMER, ou la pipe et cigare, poème en 3 chants, suivi de notes. 1 vol. in 32. Brux. 1844	30
TRAITÉ ÉLÉMENTAIRE de Geometrie descriptive. Par De Lafremière. Un vol. in 8 et atlas. Paris. 1844	1 43	DOCTRINES MORALES et politiques, cas de conscience et aphorismes des jésuites. Un vol. in 8. Paris. 1844	2
ŒUVRES POÉTIQUES de V. Campenon. Un vol. in 12. Paris. 1844. (Charp.)	85	MANUEL DE L'ALLAITEMENT, ou conseils aux jeunes mères etc. Par Reis. in 8. Paris. 1843.	57
BUFFON. Histoire de ses travaux et de ses idées par Flourens, in 12. Paris. 1844.	85	DE LA FORTIFICATION à l'usage des gens du monde. Par M. Duparq. Un vol. in 8. Paris. 1844	72
AFFINITÉS ELECTIVES par Goethe; traduction nouvelle, par M-me Carlowitz. Uu vol. in 12. Paris. 1844. (Charpentier)	85		
PRODRONUS SYSTEMATIS naturalis regni vegetabilis. Par De Candolle. Paris. 1824 — 1844. Tome 1 à 8, in 8	27	POMAHY.	
HISTOIRE CIVILE, morale et monumentale de Paris depuis les temps les plus reculés jusqu'à nos jours, par Belin et Pujol. Un vol. in 12. Paris. 1843	85	FRANCISCUS COLUMNA, dernière nouvelle de Ch. Nodier. Un vol. in 12. Paris. 1844.	70
		LA FAMILLE GOSO, par P. de Kock. 4 vol.	2 30
		ROSETTE, par Marie d'Epinau. 2 vol.	1 40
		MICHEL ANGE, par A. Damas. 1 vol.	70

	P. K.		P. K.
VOYAGE ATOUR DE MON JARDIN, par Karr	70	LA FERME DE L'OSERAIE, par Berthet. 2 vol.	1 40
LE JUIF ERRANT, par E. Sue. Tome 1-r	70	LEONARD LE COCHER, par Saintine. 1 vol.	70
SHAKESPEARE, par Clemence Robert. 1 vol.	70	LA PLUS HEUREUSE FEMME DU MONDE, par Ch. de Sor. 2 vol.	1 40
GABRIEL LAMBERT, par Dumas. 1 vol.	70	HISTOIRE ET AVENTURES DU BARON DE MUNCHHAUSEN. Un vol. in 12. illustré. Paris. 1844.	85
LES MYSTÈRES DE LONDRES, par Trollope. 6 vol.	4 20		
JÉRÔME PATUROT, par Reybeaud. 1 vol.	1		

Печатать позволяется, 23 августа 1844. Старшій ценсоръ Рочевскій.

1544 - 9.

